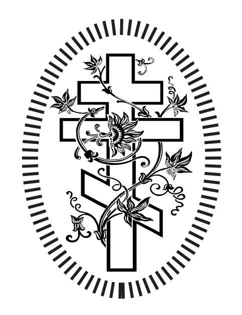
РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ



РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый
Нестор Летописец
Владимир Мономах
Русская Правда
Нил Сорский
Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
Стоглав
Домострой
Соборное Уложение
Азадовский М. К.
Аничков Е. В.
Антоновский М. И.
Анучин Д. Н.
Афанасьев А. Н.
Барсов Е. В.
Батюшков П. Н.
Безсонов П. А.
Богданович А. Е.
Бодянский О. М.
Болотов А. Т.
Будилович А. С.
Бурцев А. Е.
Буслаев Ф. И.
Веселовский А. Н.
Гальковский Н. М.
Гильфердинг А. Ф.
Глинка Г.
Громыко М. М.
Даль В. И.
Державин Н. С.
Драгоманов М. П.
Ермолов А. С.
Ефименко А. Я.
Ефименко П. С.
Забелин И. Е.
Забылин М.
Зеленин Д. К.
Кайсаров А. С.
Калачов Н. В.
Калинский И. П.
Киреевский П. В.
Коринфский А. А.
Костомаров Н. И.
Кулиш П. А.
Ламанский В. И.
Максимов С. В.
Максимович М. А.
Мельников П. И.
Метлинский А. Л.
Миллер В. Ф.
Миллер О. Ф.
Надеждин Н. И.
Орлов А. С.
Пассек В. В.
Потебня А. А.
Пропп В. Я.
Прыжов И. Г.
Риттих А. Ф.
Ровинский Д. А.
Рыбников П. Н.
Садовников Д. Н.
Сахаров И. П.
Снегирев И. М.
Срезневский И. И.
Сумцов Н. Ф.
Терещенко А. В.
Токарев С. А.
Толстой Н. И.
Фаминцын А. С.
Флоринский Т. Д.
Худяков И. А.
Чулков М. Д.
Шангина И. И.
Шейн П. В.
Шергин Б. В.
Якушкин Е. И.
Якушкин П. И.

НАРОДНЫЙ БЫТ ВЕЛИКОГО СЕВЕРА

Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания

Составил А. Е. Бурцев

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2015

УДК (398)=4
ББК 82.3(0)
Б 91

Бурцев А. Е.

Б 91 **Народный быт великого севера**. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания / сост. А. Е. Бурцев / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 624 с.

В книгу включены два тома, составленные русским книголюбом и собирателем XIX века А. Е. Бурцевым (1863 – 1938). В них вошли прежде всего малоизвестные сказки, поверья, приметы и другие сокровища народной мудрости, собранные на Русском Севере. Первое издание книги вышло тиражом 100 экземпляров в 1898 году и с тех пор не переиздавалось.

Печатается по изданию 1898 г.

В оформлении обложки использован
экслибрис А. Е. Бурцева художника И. А. Бодянского

ISBN 978-5-4261-0113-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская в свет настоящую книгу, и таким образом — выступая на суд пред русской читающей публикой, — я считаю уместным и даже отчасти необходимым объяснить моим читателям о тех целях и задачах, каковые имел я в виду, предпринимая издание этой книги, озаглавленной мною: «Быт народа великого севера».

Не желая утруждать читателя моими пространными пояснениями о всех деталях составления настоящей книги, я постараюсь по возможности кратко, но толково объяснить — почему и зачем я остановился на мысли об выпуске в свет предлагаемого издания.

«Быт народа великого севера», как видно уже из самого оглавления, есть нечто собирательное и потому состоящее из многих разновидностей, объединенных в одно целое. Удалась ли мне моя задача вполне или хотя бы отчасти — об этом, конечно, судить не мне — это дело моих любезных читателей, — но, что я употребил все зависящие от меня меры и средства для достижения более или менее удачного результата, не останавливаясь ни пред какими препятствиями, — об этом я считаю себя имеющим право сказать открыто, никого и нисколько не стесняясь. Впрочем, полагаю, что и для самих читателей, при более близком ознакомлении их с моим настоящим трудом, будет вполне понятным, насколько прав я, говоря об этом.

Среди русской описательной литературы как ныне, так и за многие годы и даже десятки лет до наших дней, от времени до времени, появлялись и появляются различные сочинения и отдельные сведения, обнимающие собою ту или другую область быта нашего народа, рассеянного на огромном пространстве нашего обширного отечества. В большинстве из этих произведений отдается преимущество предпочтительно одному какому-либо из явлений народной жизни, и в то же время затрагивается лишь поверхностно народный быт купно со всеми присущими ему особенностями. Между тем, современный быт простого русского народа, — во многом уже не похожего на своего отда-

ленного предшественника — имеет немало интересных сторон, могущих служить источниками для пополнения и освежения тех устаревших сведений, которые в свое время были ярким и точным отражением теперь уже не существующего.

Современный русский народ, подчиняясь общему прогрессу государственной жизни на различных поприщах, незаметно, шаг за шагом, забывает старое и вносит новое в склад своей, во многом теперь уже изменившейся, жизни, а потому, современный народный быт требует к себе должное внимание и ждет своего современного исследователя.

Вот эти-то соображения и некоторые особые благоприятствовавшие условия и натолкнули меня на мысль о составлении и издании предлагаемой здесь книги. Конечно, я не беру на себя слишком много и не считаю себя тем, о ком сказал выше, т. е. современным исследователем народной жизни, — но, тем не менее, я, по мере сил и возможности, старался оказать, как умел — свое прямое и косвенное содействие и участие делу названного исследования. Ради достижения более удачных и скорейших результатов, и вместе с тем, — чтобы задуманное мною было выполнено в более широких размерах — я не останавливался, — как сказал выше, — ни пред какими препятствиями и не жалел ни материальных средств, ни нравственных и физических сил. Я поставил себе целью: на сколько возможно для меня — послужить на пользу общества и хотя отчасти заполнить тот пробел, который, но моему убеждению, существует в области исследования народного быта вообще и современного нам — в частности. Не обладая теми данными, которые дают возможность исследователю держаться на строго-научной почве и применять к труду своему научный метод, и вообще все исследование вести согласно выработанной научной практикою системе, — я ограничился простой и несложной ролью наблюдателя и собирателя всего, что так или иначе имеет отношение к жизни народа, и тем или другим, может быть интересным для просвещенного общества, знакомя последнее со всеми особенностями простонародного русского быта, указывая в то же время этому обществу на умственный и нравственный уровень современного нам простого народа. Правда, здесь, как узнают читатели из нижеобъясняе-

мого, — не одно только современное, но есть несколько заимствованного из разных источников и происходящего от разных времен, о чем ниже подробно изложено и все те источники, из коих заимствованы мною какие-либо сведения — подробно поименованы. Но главным образом большая часть помещенного здесь материала, принадлежит или всецело мне, или же отчасти. К первой, из помянутых двух категорий, я отношу те материалы, которые лично и непосредственно собраны и записаны мною на месте; ко второй же — все те сведения и записи, которые были доставлены мне из любезности различными лицами, поименованными в конце этого предисловия. Есть еще и такие материалы, которые собирались, хотя не лично мною, но по моему поручению лицами, специально ездившими для собирания нужных сведений в различные пункты названных ниже северных губерний, где также на месте записывали все, что могло иметь хотя какое-либо отношение к быту народа и хоть немного представляло собой интересного и нового.

Что же касается относительно выбора мною для означенной цели северного района, то для пояснения такого предпочтения должен сказать следующее: во-первых, сам я уроженец одной из северных губерний — Вологодской, а потому север для меня является как бы родственным; во вторых — и само дорогое отечество наше, ныне раскинувшееся на необъятном пространстве, также ведет начало свое от одной из северных местностей, ныне именуемой Новгородской губернией, и, следовательно, север есть как бы колыбель России и всего русского; наконец, в-третьих: север имеет столько исторического прошлого, столько своеобразного и самобытного, что невольно заставляет отдать свое предпочтение именно ему. Даже и в наше время на севере народ имеет еще многое в своей жизни, в своем обиходе, что представляет собой массу материала для наблюдателя. Вот те причины, которые заставили меня север предпочесть всем прочим местностям нашей родины.

Как лично сам, так и через посредство других лиц, собирал и записывал я нужные мне сведения, главным образом в Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Ярославской губерниях, куда ездил специально для этой цели летом 1892 и 1893 гг.

Часть материалов доставлена была, мне приятелем моим П. Л. (из г. Кадникова Волог. губ.), а часть — другими лицами, которых хотя и не поименовываю здесь, но которым также приношу мою искреннюю благодарность за оказанное мне содействие при составлении настоящего сборника.

Что же касается тех источников, о которых я говорил выше, то здесь привожу полностью все их подробные наименования:

Н. А. Иваницкий. (См. сборник сведений для изучения быта крестьянского населения в России — Материалы по этнографии Вологодской губ.).

Л. Шустиков. (Сборник Живой Старины за 1895 г.).

Н. Харузин. (См. книгу «Русские лопари в Архангельской губ.)

П. Н. Рыбников. (См. Сборник).

Сочинения П. И. Якушкина. Летописи русской литературы и древности.

Н. Барсов. (См. «Прич. Север. Края»).

Сахаров. Сказания русского народа.

Даль. Пословицы русского народа.

Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу.

Д. Садовников. Загадки русского народа.

Забылин. Русский народ. Народные сказки. Песни и загадки. 1874.

Снегирев. Русские народные пословицы и притчи.

Губернские ведомости:

Вологодские, Олонецкие, Архангельские, Ярославские, Костромские, Вятские и Пермские.

Кроме того:

Этнографический сборник, вып. 1—4.

Памятная книжка Архангельск. Труды Архангельского статистического комитета.

Вологодский сборник.

Новгородский сборник.

Степановский. Вологодская Старина.

Вот все перечисленные материалы, которые послужили мне для составления моего настоящего сборника, вмещающего сведения о давнопрошедшем и близком нам времени. Вся книга разделена мною на 19 нижепоименованных отделов:

1. Сказки, повести и рассказы.
2. Загадки русского народа.
3. Пословицы русского народа.
4. Прибаутки, перегудки, припевы, присказки, скороговорки, счет и задачи.
5. Народные присловья.
6. Народные поверья, приметы, предсказания, предрассудки и обычаи.
7. Народные хозяйственные приметы.
8. Заклинания и заговоры русского народа.
9. Легенды и стихи.
10. Святочные гадания.
11. Припевоцьки и набирушки деревенские.
12. Песни беседные и парные.
13. Песни хороводные, игровые, хоровые и плясовые
14. Песни свадебные и обрядовые.
15. Песни старинные и лирические
16. Песни исторические, солдатские, разгульные и удалые.
17. Народная медицина.
18. Детские игры и забавы.
19. Характеристика, или узнавание человека по темпераменту.

Итак, объяснив цель и указав на то, что находил необходимым при составлении настоящей книги, мне ничего более не остается сказать, как просить читателя лично убедиться в достоинствах или недостатках моего настоящего сборника.

А. Е. Бурцев

Оглавление сказок

А.

1. Ангел Божий и прохожий
2. Анфий да Марья

Б.

3. Баба и волк
4. Барин и лакей
5. Беззаботная жена
6. Беспамятный зять
7. Бова королевич

В.

8. Ванька-дурак
9. Волшебница
10. Василиса прекрасная

Г.

11. Глупая баба
12. Глупый народ
13. Горыня, коромысло и Иван богатырь

Д.

14. Два брата
15. Два брата и сестра
16. Два брата или судья
17. Дивий муж
18. Дурень—бабий сын
19. Диво-дивное, чудо-чудное

Е.

20. Елена прекрасная
21. Емельян—дурак
22. Еруслан Лазаревич

Ж.

23. Жар-птица

З.

24. Забавная повесть о купцевой жене и о прикащике
25. Змея

И.

26. Иван-богатырь
27. Иван глиняный
28. Иванов цвет
29. Иванушка-дурачок
30. Иван купеческой сын
31. Иванко-Медведко
32. Ивашко Медвежье ушко
33. Иван премудрый
34. Игрун-Смельчак сын
35. Илья Муромец

К.

36. Как мужик ходил к солнцу
37. Как пономарь отдал свою пономарицу замуж
38. Калекин сын
39. Колдун
40. Колдун и его ученик
41. Колдунья
42. Коток золотой лобок

43. Кот в сапогах
44. Кощей бессмертный
45. Кузьма скоробогатый
46. Кум разбойник

Л.

47. Легенда о пьянице
48. Лисица и дурак

М.

49. Маленькой детинушка зелененькой
50. Мальчик с пальчик

Н.

51. Набитой дурак
52. Настасья прекрасная
53. Неверная жена
54. Немые дочки

О.

55. О Иване Царевиче, Жар-птице и сером волке
56. О мужике-воине
57. О жене-дуре
58. О Михайло Трунщикове
59. О Нестерке
60. О объявлении петуха
61. О Петрушке
62. О том, как топили брата дурака
63. О царском сыне

П.

64. Перушко Финиста-ясна сокола

65. Проклятая царевна
66. Про Волдянку Биляночку
67. Про солдата
68. Про трех сыновей
69. Про черта и пастуха

Р.

70. Рассказ о блуждании души
71. Работник и черт
72. Работник
73. Ротозей Ванька

С.

74. Сказка о том, как старик богатый взбесился, на молодой Дарье женился, как Дарья им мудрила, себе обнов накупила, бороду ему ощипала, старые кости потрепала и как его похоронила, молодого мужа нажила
75. Сказка об Иване-Богатыре крестьянском сыне
76. Сказка об Олеше Голопузом
77. Сказка о барине покойнике и кучере Иване
78. Сказка о Булате молодце
79. Сказка о дурне
80. Сказка о сильном, храбром и непобедимом богатыре Иване Царевиче и о прекрасной супруге его Царь-девице
81. Сказка о Иване богатыре и его прекрасной супруге Светлане
82. Сказка о золотом, серебряном и медном государстве
83. Сказка о некоем башмачнике и слуге его Притычкине
84. Сказка о Петре и Иване
85. Сказка о петухе и курах
86. Сказка о семи Семионах родных братьях
87. Сказка о семи мудрецах и о юноше
88. Сказка о том, как прикащики хозяевам угождают, рубли в сапог опускают, а гривны в ящике оставляют: на хозяйские деньги лавки открывают и сами уж прикащиков нанимают

89. Сказка о трех королевичах
90. Сказка об утке с золотыми яичками
91. Смирный мужик и дурачливая жена
92. Снежный ребенок
93. Солдат и смерть
94. Старик и старуха
95. Степан богатый
96. Страшный змей Горыныч
97. Страшный ребенок
98. Ступай туда, неведомо куда, принеси то, неведомо что
99. Судья Божья

Т.

100. Три копеечки
101. Три покупки

Х.

102. Хитрость ленивой бабы
103. Хозяин и работник

Ф.

104. Фома Беренников

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Сказка от начала начинается, до конца читается, в середке не перебивается.

«Чур, мою сказку не перебивать, а кто ее перебьет, тот трех дней не переживет»

Всего здесь помещено 104 сказки, из которых бо́льшая часть — были собраны мною лично в. губерниях: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Тверской, Новгородской и Ярославской. А также здесь есть и несколько заимствованных мною из разных источников, как то из 1) русских сказок, собранных П. А. Иваницким из устных преданий жителей Вологодской губ.; 2) А. Шустикова; 3) П. Харузина; 4) II. Н. Рыбникова и 5) Н. Барсова.

Присказки

Это пока не сказка, а присказка; ведь присказка перед сказкой, что верста торчит в дороге полосатая; без нее не узнаешь далеко ли прошел и длинен ли еще путь остается.

Засказывается сказка, разливается по печи кашка; сквозь печь капнуло, в горшок ляпнуло; течи, потечи, идет добрый молодец из-за печи на свинье в седле, топором подпоясался, ноги за поясом: квашня старуху месит. Я ей сказал: спорынья в старуху! — она как схватит из-за лопаты печь, меня печью хлесь; я побежал, через портки приступок и изорвал.

Чур, мою сказку не перебивать; а кто ее перебьет, тот трех дней не проживет (тому змея в горло заползет).

Я сам там был, мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало, на душе пьяно и сыто стало.

Сказка от начала начинается, до конца читается, в середке не перебивается.

Не сизый орел, не ясный сокол подымается... не лебедь белая (серая) выплывала... не белы снеги в чистом поле забелелись... не черны леса дремучие чернеются... что не пыль в поле подымается... не туман сизый с раздолу подымается...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Полетела птица синица за тридевять земель, за синее море-окиян, в тридесятое царство, в тридевятое государство.

На море, на окияне, на острове на Буяне, стоит Бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого — макай да ешь.

Доселе русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух воочию является.

Мертвой водой окропить — плоть и мясо срастаются; живой водой окропить — мертвый оживает.

Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка.

СКАЗКА

о том: как старик богатый взбесился, на молодой Дарье женился, как Дарья им мудрила, себе обнов накупила, бороду ему ощипала, старые кости потрепала и как его похоронила, молодого мужа нажила.

Жил был старичок,
Богатый мужичок;
От роду женат не был,
За монаха в деревне слыл.
Вдруг беда приключилась,
Дарья девка полюбилася.
Собой красива,
И толста на диво.
Старик взбесился,
На Дарье женился,
Приданого не просил,
Его на свои деньги нашил.
Вот как закутил,
Всю деревню удивил.
Сам едва бродит,
А жену молодую нажил.
Дарья его целует,
Словно молодого милует.
Старик так и тает,
Старость забывает.
С месяц Дарья его целовала.
Во всем мужу угождала.
Потом стала беситься.
Захотела рядиться.
На мужа стала кричать.
Его всячески ругать.
Им повелевает,
А муж обновы покупает,
Жене хочет угодить,
Обновами ее прельстить.

Как обнову получает,
Жена мужа целует.
А неделя пройдет,
То опять заорет,
Давай, кричит, другую,
Шубейку шелковую.
Старик раз отказал,
За то и пострадал.
Дарья на него напала,
Всю бороду исщипала,
Кости старые потрепала,
И все ж на своем настояла.
Обнову себе купила,
Да и дружка нажила.
Старик видит, нет ласки,
Не в свои сел салазки.
Стал горевать,
Сильно тосковать,
На постель свалился,
И с светом простился.
Жена, перекрестилася,
Бежать к сундуку пустилася.
Деньги обобрала,
Дружку отдала.
Мужа похоронила,
От любви повыла.
Деревня вся удивилась.
Как она выть ухитрилась.
Шесть недель проплясала,
И собираться замуж стала.
С дружком повенчалася,
С деньгами наслаждалася.
Старого мужа поминала,
Дураком его называла.
Над ним смеялася,
Молодым мужем любовалася.

Старики смотрите,
Себя берегите,
С ума не сходите,
Старость не смешите.
Прежде не женились;
На невест не льстились;
А теперь уж поздно,
Вам молиться должно.

СКАЗКА

о том: как прикащики хозяевам угождают, рубли за сапог опускают, а гривны в ящике оставляют, сатану утешают; на хозяйские деньги лавки открывают и сами уж прикащиков нанимают.

Вот полюбуйтесь.
Прикащикам подивуйтесь,
Он ведь мальчишка;
За прилавком как мышка;
Рукой виляет.
В ящике копает.
Хозяину хочет угодить.
Себе карман понабить.
Черти ему помогают,
Украсть больше заставляют.
Деньгами соблазняют,
Его душу утешают.
Хотят добычу получить
Его в ад притащить.
Вот уж он им угождает,
Гривны в ящике оставляет,
А девять за сапог опускает.
Видно, что малый смирный,
Не довольствуется гривной.
Хозяину ее предоставляет,
А себе только девять оставляет.

Расчет верный ведет,
Хоть какой баланс сведет.
Да и нельзя не свесть,
Черт над рукой есть.
А хозяин не догадается,
Что он так старается:
Видно, что добрый попался,
Другим делом, занялся,
А то бы награду дал,
В шею прогнал.
Теперь, пожалуй, гони,
Уж полны сапоги.
По миру не пойдет,
А сам лавку заведет.
Да так и случилось,
На площади открылась.
Сам уж хозяин стал.
И нос задирал.
Хочет богачом быть,
Не знает, как товар сбыть;
Дешевле всех продает
Да долго ль так проживет;
Вот этого не знаю,
А в уме помышляю, —
Чай скоро в трубу укатит,
Кредиторов удивит.
Картина уже есть,
Чуть ли не его тесть,
Так отличился, —
На картинке явился,
Кредиторам кланяется,
Улететь старается.
Будет это с ним, аль нет,
Утверждать мне не след,
Я только помышляю,
А будущего не знаю.
Только деньги так нажитые,

Уж больно удалые,
Как в руку легко попадают,
Так легко и улетают.
Другим, впрочем, удаются:
До старости ведутся,
Может, и с ним это случится.
Коль скоро свалится,
А как долго проживет.
То добра не наживет. —
Пойдет топиться,
Иль на чердак давиться.

На эту картину смотрите. —
Себя берегите.
Деньги не воруйте
Нет их — не горюйте.
Сами добывайте.
Честно промышляйте.
Копейка трудовая,
Честно добытая,
Всегда будет прочней.
Чужих тысяч верней.
С нею честь не страдает,
И совесть не упрекает.
При ней жить приятно
И умереть отрадно.

СКАЗКА
о Булате-Молодце

Жил-был царь по имени Ходор, и у того царя был только один сын Иван-Царевич. Когда пришли отроческие лета его, то Ходор отдал Ивана-Царевича разным учителям для обучения всяким рыцарским наукам. Как стал Иван-Царевич на возрасте, то на-

чал у батюшки своего царя Ходора проситься в иные государства погулять, людей посмотреть и себя показать. Царь Ходор его отпустил и ему наказал, чтобы он показывал свои науки в иных государствах и тем бы прославил себя и его, царя Ходора. Тогда Иван-Царевич пошел по конюшням выбирать себе доброго коня, на которого руку наложит — падет на колени, — тот для него не годится. Ходил он по всем стойлам и не мог выбрать коня. Пошел он с великою кручиною; взял свой тугой лук и калены стрелы и пошел в чистое ноле — грусть-тоску размыкать.

Как скоро пришел в чистое поле, то увидел на воздухе лебедя; натянул свой тугой лук и выстрелил по тому лебедю; не попал в него, и стрела его улетела из глаз. Тогда Иван-Царевич весьма закручинился, что потерял любимую свою стрелу; искал ее но всему полю со слезами и пришел к одной маленькой горе, где услышал человеческий голос, кричавший ему: «поди сюда Иван-Царевич!» Иван-Царевич очень удивился, что слышит голос, а никого не видит. Голос тот опять закричал то же. Пошел Иван-Царевич в ту сторону, откуда слышался крик, и увидел в горе окно с железною решеткою, а в том окне увидал человека, который манил его к себе рукою. Иван-Царевич подошел к нему, и тот человек сказал ему: «О чем ты Иван-Царевич кручинишься? — Как мне не кручиниться, отвечал ему Иван-Царевич, я потерял свою любимую стрелу и не знаю, где найти ее, да еще есть кручина моя великая: не найду себе по мысли доброго коня богатырского. — О, эта беда не велика, сказал ему тот человек. Я тебе добуду доброго коня и отдам каленую стрелу, потому что она залетела ко мне; что мне за то дашь?» — «Я тебе все, отдам, что ты не попросишь, отвечал ему Иван-Царевич, ежели ты достанешь доброго коня и отдашь каленую стрелу». «Я ничего от тебя не хочу, сказал тот человек, только выпусти меня отсюда».— «Да как и кем ты сюда засажен?» спросил его Иван-Царевич.

— «Засадил меня твой батюшка. Я был, славный разбойник и зовут меня Булат-Молодец. Он на меня прогневался и велел меня поймать и засадить в эту темницу. И сижу тут ровно 33 года».

— Слушай, Булат-Молодец, сказал ему Иван-Царевич, я без батюшкина приказа не смею тебя выпустить; он и на меня прогневается.

— Того ты не бойся, отвечал ему Булат-Молодец.— Твой батюшка, о том не проведает; и как скоро ты меня отсюда выпустишь, я уйду в иные государства и жить здесь не буду.

Тогда Иван-Царевич сказал ему: Я тебя выпущу, только ты отдай мне мою стрелу каленую и скажи — где достать мне коня богатырского?

— Поди ты в чистое поле, говорить ему Булат-Молодец, увидишь три дуба, а возле них железную дверь с кольцом, а под той дверью конюшня: в ней стоит добрый конь богатырский, запертый 12-ю дверьми и 12-ю замками стальными. Ты подними ту железную дверь и отбей 12 замков, отвори 12 дверей и получишь себе, коня доброго. После, на том коне приезжай ко мне, я отдам тебе твою стрелу каленую, и тогда ты меня отсюда выпусти.

Иван-Царевич, выслушав такие слова, пошел в чистое поле и увидел три дуба зеленые. Нашел дверь железную с кольцом медным, и взял он за то кольцо и поднял эту дверь. Затем сбил 12 замков и отворил 12 дверей, и вошел в конюшню, где увидел доброго коня и всю сбрую богатырскую. Положил Иван-Царевич свою руку коню на спину и конь тот на колени не пал, а только погнулся. Услышал конь по себе седока, начал ржать и на колени пред Иваном-Царевичем падать. Оседлал Иван-Царевич доброго коня и взял палицу боевую и меч кладенец. Сел в седло черкасское, и взял в руки шелковы поводья. Захотелось ему испытать коня доброго: он ударил его но крутым бедрам — конь осердился, от земли отделился и понес Ивана-Царевича выше лесу стоячего, ниже облака ходячего; горы и долы меж ног пускает, мелкие реки хвостом устилает, глубокие реки перепрыгивает. Приехал Иван-Царевич к Булату-Молодцу и сказал ему громким голосом: Отдай же мне, Булат-Молодец, мою каленую стрелу, и тогда я тебя, доброго молодца, из темницы выпущу. Булат-Молодец тотчас отдал ему каленую стрелу, а Иван-Царевич его из темницы выпустил.

— Спасибо тебе, Иван-Царевич, сказал ему Булат-Молодец, что ты меня из темницы выпустил, и за это я тебе сослужу еще три службы, в те поры, когда тебе будет нужда. Когда я тебе буду надобен, то молви только: ах, где мой Булат-Молодец? и тогда я к тебе явлюсь и в твоей нужде буду тебе слугою.

Вымолвив эти слова, крикнул громким голосом: Сивка-Бурка, стань передо мной, как лист перед травой. Откуда не взялся добрый конь, сталь перед Булатом-Молодцем. Булат-Молодец влез в ушко, напился, наелся, в другое вылез — и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Затем сел Булат-Молодец на своего коня и сказал Ивану-Царевичу: ну теперь прощай, Иван-Царевич, — и поехал от него прочь.

Иван-Царевич сел на своего коня и поехал к своему батюшке, и, приехавши к нему, начал прощаться с ним со слезами и просил отпустить с ним дядьку. Поехал с ним воин, и ехали они несколько времени и приехали в лес. День быль жаркий и Ивану-Царевичу захотелось пить. Ездя по лесу, они искали воды и нашли глубокий колодезь; вода в нем была ключевая. Иван-Царевич говорит своему дядьке: полезай ты в колодезь и достань мне воды. Я тебя привяжу и буду держать, чтобы ты не утонул.

— Нет, Иван-Царевич, отвечает ему дядька, я тяжелее тебя, поэтому ты меня не удержишь, а лучше спускайся ты, а я тебя буду держать.

Иван-Царевич послушался дядьки и опустился в колодезь. Когда Иван-Царевич напился воды, то сказал своему дядьке, чтобы он его вытащил из колодца. Но дядька ему отвечает, нет, теперь я тебя до тех пор не вытащу, покуда не дашь ты мне своей руки письмо, чтобы ты быль моим слугою, а я твоим господином, и чтобы называл ты меня Иваном-Царевичем. А ежели ты на это не согласишься, так я тебя в колодце утоплю.

— Любезный дядька! вскричал Иван-Царевич, не топи ты меня, а вытащи, я тебе дам письмо своей руки, чтобы ты был моим царем, а я твоим слугою.

— Я этому не верю, сказал ему дядька. Дай присягу.

— Я тебе клянусь Богом! сказал Иван-Царевич, что я точно дам тебе письмо.

Тогда дядька вытащил его, а Иван-Царевич взял бумагу и написал письмо и отдал его своему дядьке. Потом снял с себя свое платье и тоже отдал ему, а его на себя надел, и поехали они в путь.

Чрез несколько дней приехали они в Пантуево государство. Царь Пантуй, услышав о приезде Ивана-Царевича, вышел к нему навстречу. Принял дядьку вместо Ивана-Царевича, водил его в палаты белокаменные и сажал за столы дубовые. Пили, или и веселились они. Начал царь Пантуй спрашивать у подложного царя: зачем ты в мое государство пожаловал? — На это, мнимый Иван-Царевич отвечал ему: Милостивый Государь! я приехал к тебе свататься на дочери твоей, прекрасной царевне Церии.

— С великою радостию отдам дочь мою тебе в супружницы, молвил царь Пантуй. Потом между разговорами, ложный Иван-Царевич сказал Пантую: прикажи моего слугу отдать на кухню на черную работу, за то, что он мне дорогою много досадил. Царь тотчас велел Иван-Царевич определить на кухню в черную работу, а дядька его веселился с царем. После того, подступило войско под Пантуево государство и хотело его разорить, а царя Пантуя взять в плен. Тогда царь Пантуй призвал к себе ложного Царевича и сказал ему: любезный мой нареченный зять! подступило войско неприятеля, ежели ты прогонишь его от государства моего, я отдам за тебя дочь мою, а без того — не могу отдать.

— Хорошо, отвечал тот, не то сделаю, только ночью, а не днем, потому что мне днем воевать нет счастья.

Наступила ночь. Ложный царевич вышел на широкий двор, кликнул настоящего Ивана-Царевича и сказал ему: Иван-Царевич! не прогневайся на меня, что я заступил твое место! позабудь все, и сослужи мне: отгони отсюда прочь войско неприятеля. Иван-Царевич ответил ему: ложись спать! все будет готово. — Дядька пошел, лег спать. А Иван-Царевич крикнул богатырским голосом: Ах, где Булат-Молодец. В ту же минуту Булат-Молодец к нему явился. — Какая нужда, сказывай. Иван-Царевич наскоро рассказал ему о своей нужде. Булат-Молодец велел ему оседлать своего коня и надеть на себя латы, а сам крикнул громким голосом: сивка-Бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! — Конь прибежал, остановился и Булат-Молодец сел на него, а Иван-Царевич сел на своего коня. И поехали они с широкого двора. В то время

царевна Цирия не спала и сидела под окном, и слышала все, что Иван-Царевич с дядькою и с Булатом-Молодцом говорил. Как скоро они приехали к неприятельскому войску, то Булат-Молодец сказал Ивану-Царевичу: ты начинай рубить войско с правого крыла, а я с левого. И напали они на ту рать силу неприятельскую; начали рубить мечами и топтать конями. Побили они в один час сто тысяч человек неприятеля. Король насилу ушел с малым числом войска. Иван-Царевич возвратился с Булатом-Молодцом прямо во дворец царя Пантуя. Там Иван-Царевич расседлал своего коня и поставил в стойло, и дал ему белой ярой пшеницы, потом простился с Булатом-Молодцом и пошел на кухню, лег спать. Поутру рано царь Пантуй вышел на терем и посмотрел в ту сторону, где было неприятельское войско и увидел, что оно было побито; приказал он призвать к себе ложного Ивана-Царевича, и когда он к нему пришел, то царь Пантуй благодарил его за сохранение государства, а потом подарил его дорогим подарком и сказал ему: скоро отдам дочь мою за тебя.

По прошествии двух недель, опять, тот же король подступил с другим войском. Царь Пантуй испугался и опять призвал к себе мнимого Ивана-Царевича и сказал ему: «Друг мой, Иван-Царевич, избавь меня от неприятеля и отгони прочь его войско от моего государства. Ежели ты исполнишь это, то я немедленно выдам за тебя дочь мою». На это он отвечал ему: все это я сделаю, но только ночью, а не днем, потому что днем мне нет счастья воевать.

Как только наступила ночь, дядька вышел на широкий двор и кликнул к себе Ивана-Царевича и сказал ему: Иван-Царевич! не попомни зла, которое я сделал тебе, заступив твое место. Сослужи мне еще службу и отгони войско неприятельское от сего государства. Иван-Царевич ответил ему: поди и спи, утро вечера мудренее; все, будет готово. Дядька пошел и лег спать, а Иван-Царевич крикнул своим богатырским голосом: Ах, где-то мой Булат-Молодец! — Явился к нему Булат-Молодец и говорит: Сказывай мне скоро, какая нужда тебе во мне? Иван-Царевич наскоро рассказал ему о своей нужде. Булат-Молодец велел Ивану— Царевичу оседлать своего коня и надеть на себя

латы, а сам крикнул богатырским голосом: Гей ты Сивка-Бурка, вещая каурка, стань передо мной как лист перед травой! — Конь летит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал к Булату-Молодцу и остановился. Булат-Молодец на своего коня, а Иван-Царевич на своего — сели и поехали они с широкого двора. В то самое время царевна Цирия не спала и слышала все, что Иван-Царевич с дядькою и Булатом-Молодцом говорил.

Как только приехали Булат-Молодец с Иваном-Царевичем к неприятелю, то Булат-Молодец сказал Ивану-Царевичу: ты начинай рубить неприятельское войско с правого крыла, а я начну — с левого. И напали они на ту рать — силу неприятельскую и начали мечами рубить и конями топтать! Побили они в два часа двести тысяч, человек, а сам король неприятельский насилу ушел с малым числом войска.

Иван-Царевич с Булатом-Молодцем возвратились назад. Расседлав своего коня доброго и поставив его на конюшню, Иван-Царевич простился с Булатом-Молодцом и пошел на кухню спать. Рано утром царь Пантуй вышел опять на терем и посмотрел в ту сторону, где было неприятельское войско и увидев, что оно побито, удивился такой храбрости Ивана-Царевича и велел его призвать к себе. Когда тот пришел, то царь Пантуй благодарил его за сохранение государства и одарил его драгоценными подарками.

По прошествии трех недель опять подступил неприятельский король под город царя Пантуя. Царь очень испугался и призвав к себе своего нареченного зятя, начал говорить ему: Друг мой возлюбленный, Иван-Царевич! Избавь меня от неприятеля и отгони его войско прочь от моего государства. И ежели ты сделаешь это, то я, в ту же минуту, отдам за тебя дочь мою. Мнимый Иван-Царевич ответил ему на это, что он все сделает.

Наступила ночь и все полегли спать. Тогда дядька вышел на двор и кликнул к себе Ивана-Царевича и сказал ему: не помни зла, которое я сделал тебе и сослужи мне еще службу: отгони прочь отсюда войско неприятельское! — На это Иван-Царевич ответил ему: поди и ложись спать.

Потом Иван-Царевич крикнул своим богатырским голосом: ах, где мой Булат-Молодец! Тот тотчас явился к нему и сказал: какая нужда тебе, сказывай скорее! — Иван-Царевич рассказал ему о своей нужде. Булат-Молодец опять велел ему оседлать своего коня и сам сделал то же. Потом поехали они к неприятельскому войску и начали рубить его, топтать конями. И нобили они войска, что и сметы нет, а короля самого убили тоже до смерти.

Затем поехали обратно в Пантуево государство, расседлали своих коней, и Булат-Молодец распростился с Иваном-Царевичем, сказав ему: теперь ты меня более никогда не увидишь; — и тотчас сел на своего коня и уехал, а Иван-Царевич пошел на кухню и лег спать. Поутру рано царь Пантуй вышел опять на терем и посмотрел на неприятельское войско и увидел, что оно все побито. Тогда послал оп за своим нареченным зятем и сказал ему: Ну, любезный зять, теперь отдаю тебе в супружницы дочь свою.

Через несколько дней начали делать приготовления к свадьбе, и дядька обвенчался с прекрасной царевной Цирией. Когда после венца они сидели за столом, Иван-Царевич отпросился у повара посмотреть на новобрачных. Повар отпустил его и даль ему свое платье.

Иван-Царевич пришел в царские палаты и стал за другими людьми, смотрел на своего дядьку и на прекрасную царевну. Царевна Цирия, узнав Ивана-Царевича, выскочила из-за стола и взяв его за руку, сказала: вот этот мой жених, а не тот, который венчался со мною. Тогда Царь Пантуй вскочил с своего места и спросил свою дочь об этом происшествии и просил ее, чтобы она рассказала ему все подробно. Когда царевна. Цирия рассказала ему обо всем подробно, то Ивана-Царевича посадили за стол с царевной Цирией, а дядьку за такой лживый поступок расстреляли на воротах.

Иван-Царевич, женясь на прекрасной царевне Цирии, отправился в свое государство, к отцу своему, где царь Ходор возложил на его главу венец свой, и Иван-Царевич взошел на престол и начал управлять государством.

СКАЗКА
о золотом, серебряном и медном государствах

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с супругою своею, и имели у себя трех прекрасных сыновей, из которых большего называли Василий-Царевич, среднего — Федор-Царевич, а меньшего — Иван-Царевич.

В один день царь с своею супругою прогуливались в саду. Вдруг поднялся вихорь и унес царицу из глаз его. Царь долгое время был очень печален и соболезновал о своей супруге. Два старших его сына, испрося у своего печального отца благословение, отправились в путь искать свою мать. Едучи долгое время с своими людьми и изъездив великую степь, они раскинули палатки и ожидали, не увидят ли кого, кто б указал им дорогу. Однако, в продолжение трех лет никого не видали.

Между тем подрос меньшой брать Иван-Царевич. Тот также, испрося у отца своего благословения, отправился в путь. По долговременном путешествии увидел вдали палатки и поехал к ним. И как стал подъезжать ближе, то узнал, что это были его братья. Приехавши, он сказал им: что вы, братцы, в такой дикой степи остановились? Отпустите своих людей обратно в наше государство, и мы поедем одни искать свою мать. Братья поступили согласно его совета, и поехали в путь одни.

Ехали они долго ли — коротко ли, близко ль — далеко ль — скоро сказка сказывается, а дело-то не скоро делается, — и усмотрели вдали дворец хрустальный, обнесенный такою же стеною вокруг. Приехали они к этому дворцу и Иван-Царевич, найдя ворота, въехал во двор. Подъезжая к крыльцу, он увидел столб, в котором было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продевши повод в оба кольца, он привязал своего коня богатырского и пошел на крыльцо, где встретился с самим государем. Из продолжительного между ними разговора царь узнал, что Иван-Царевич был ему племянник, и поэтому он повел его в свои покои, куда пригласил и остальных братьев. Погостя у этого царя недолгое время, они получили от него в подарок волшебный шар, который покатя перед собою, доехали до

превысокой горы, где они и остановились. Крутизна этой горы столь была высокая, что на нее взлезть им никак нельзя было. Поэтому Иван-Царевич нашел скважину, где попались ему железные когти, с помощью которых он взошел на самый верх горы, и так как был уставши, то сел под дуб отдохнуть. Лишь только он снял с себя когти, как те вдруг исчезли. Вставши, он увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого батиста, на коем изображалось медное государство, а на верху этой палатки был поставлен шар медный; при входе лежали два огромных льва, которые не допускали войти в палатку. Иван-Царевич, увидя стоявшие перед ними пустые тазы, налил в них воды и тем утолил жажду львов, которые дали ему свободный ход в палатку. Войдя туда, он увидел сидящую на софе прекрасную царевну, а в ногах у ней спал трехглавый змей, которому он одним махом отсек все три головы; за что царевна его благодарила и подарила ему медное яйцо, скрывающее в себе медное государство. Иван-Царевич, простись с нею, отправился в путь, и шедши долгое время, увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого флеру и привязанную серебряными снурками к кедровым деревьям; у снурков кисти были изумрудные, а на этой палатке лежали два тигра, которым, утолив жажду от солнечного зноя водою, сделал себе свободный вход в палатку. Когда он вошел туда, то увидел на софе очень богато убранную царевну, красотой превосходнее первой, а в ногах ее лежал шестиглавый змей, которому он в один раз отрубил все головы. За такую неустрашимость царевна подарила ему яйцо, скрывающее в себе серебряное государство. Простясь и с этой царевной, Иван-Царевич пошел далее. Наконец он достиг и третьей палатки, которая была сделана из самого чистого камортку, и на коей было вышито золотое государство, а на палатке поставлен был из самого чистого золота шар. Самая палатка была прикреплена золотыми снурками с алмазными кистями к лавровым деревьям. При входе в палатку лежали два преогромных крокодила, которые от сильного жару испускали огненное пламя. Видя их жажду, Иван-Царевич наполнил их пустые тазы водою и тем сделал себе свободным вход в палатку. Когда он вошел туда, то увидел сидящую на софе царевну, которая красотою своею

превосходила обеих прежних. У ног ее лежал двенадцатиглавый змей, которому Иван-Царевич с двух раз обрубил все головы. За это царевна ему подарила золотое яйцо, содержащее в себе золотое государство, и вместе с яйцом вручила ему и свое сердце и после продолжительного разговора указала ему, где живет его мать, и пожелала ему счастливо окончить предприятие.

После довольно долгого путешествия Иван-Царевич достиг великолепного дворца. Прошел в нем многие покои и ничего не нашел. Напоследок пришел в пребогато убранное зало и там увидел сидящею в креслах мать свою. После нежных и учтивых между ними разговоров, Иван-Царевич объявил ей, что он с братьями многие лета искал ее, и ради ее, любезной им, родительницы, они долго и много странствовали.

Вдруг мать почувствовала какой-то дух и сказала Иван-Царевич: — «Спрячься под мою одежду, и как Вихорь прилетит и станет искать, то ты старайся ухватиться руками за его волшебную палицу — и он подымет тебя на воздух, но ты не страшись. Наконец он опустится на землю и рассыплется на мелкие части. Ты все собери и сожги, а пепел развей по полю».

Только лишь мать успела сказать и спрятать его под свою одежду, как вдруг прилетел Вихорь и начал ласкаться к царевне. Тогда Иван-Царевич по совету матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихорь рассердился на царевича, поднял его на высоту, потом опустился на землю и рассыпался на мелкие части. Иван-Царевич, подобравши все части — сжег их и пепел развеял по полю, и затем овладел волшебною палицею, взял мать свою и трех царевен, и они пришли к дубу, откуда Иван-Царевич всех их спустил по полотну вниз. Братья видя, что он один остался на горе, — обрезали полотно и уехали с матерью и царевнами в свое государство, и велели им клясться, дабы они сказали их отцу, что они найдены ими.

Иван-Царевич, оставшись один на горе, не смел спуститься, видя, что полотна обрезаны, и ходя по горе, он перекидывал палицу с руки на руку. Как вдруг предстал пред ним человек, который снес его с горы и поставил на самой площади его государства. Здесь Царевич встретился с одним сапожником, к которому поступил в работники. Хозяин, накупив довольно кож,

сам напился пьян и лег спать. Иван-Царевич, видя, что в его хозяине проку мало — призвал того духа, который снес его с горы, и приказал, ему к утру наделать товару. Дух по его приказу все исполнил и поутру разбудил хозяина, послав его с товаром в город. Купцы, увидя отличную работу тотчас все раскупили и его представили знатным господам. Наконец увидел и сам царь его работу и приказал ему всегда носить ее во дворец.

Между тем, находившаяся тут царевна из золотого государства, примечая, что эта работа духа золотого государства, приказала позвать к себе башмачника, и когда тот пришел, то приказала, чтобы завтра поутру пред сим дворцом поставил дворец и золотое государство и от него золотой мост до самого их царского дворца покрытый зеленым бархатом, сказав все это, царевна ушла прочь.

Хозяин пришел домой весьма печальный и все это рассказал работнику, а сам с горя так напился пьяным, что и сам себя уже не помнит, и говорит: — «теперь хоть голову руби, так нужды нет!» — Царевич, услышав это, приказал духу, чтобы к завтрашнему дню непременно поставил он дворец и золотое государство, скрывающееся в золотом шаре.

Дух приказание исполнил и рано утром перенес туда Ивана-Царевича, который, изготовясь для встречи отца своего и матери, послал для них великолепные колесницы, а для братьев самые срамные телеги, прося притом всех откушать, у него.

Царь, услыша, что его меньшой сын Иван-Царевич, жив и здравствует, очень обрадовался, и сев с царицею и тремя царевнами в присланные для них богато убранные колесницы, а детей своих приказал насильно посадить в срамные телеги, говоря при этом, что вы по вине своей, и этого не заслуживаете. Итак, Иван-Царевич встретил их великолепно; притом простил братьям своим вину их. Потом назначил Василию-Царевичу в супруги царевну серебряного государства — царевну Елену, а Федору-Царевичу — царевну Земиру, а себе золотого государства — царевну Плениру, и отдал им серебряное, и медное яйца, скрывающие государства. На другой день был совершен брак всех братьев к великой радости всех подданных их.

СКАЗКА
о сильном, храбром и непобедимом богатыре Иване-Царевиче и о прекрасной супруге его Царь-девице

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь по имени Архидей. Царь этот жил с супругою своею Дариею много лет, а детей у них не было. Они приходили уже к старости, и начали молить Бога, чтобы Он, даровал им детище. Вскоре после того, царица забеременела и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которою назвали Луною. Через год царица родила еще дочь, которая красотою своею превосходила свою старшую сестру, почему ее назвали Звездою. Эти две прекрасные царевны были воспитаны и обучены с большим старанием.

Когда старшей сестре был 15-й, а младшей 14-й год, то они с своими мамушками и нянюшками отравились гулять в зеленые сады. Гуляли они там довольно долго; как вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен из глаз сопровождавших их мамушек. Нянюшки и мамушки, перепуганные случившимся, побежали к царице Дарии и сообщили ей об этом печальном происшествии. Царица Дария, услыхав такое печальное известие, чуть было и сама не умерла. Потом царица передала об этой печальной вести и царю Архидею, который не менее ее был поражен и опечален постигшим их нежданным и негаданным горем.

Царь решил кликнуть клич: кто отыщет пропавших без вести его дочерей, за того он отдаст замуж одну них, которую пожелает сам отыскавший. Но на этот призыв никто не откликнулся. Тогда царь Архидей собрал волхвов и стал у них спрашивать о своих дочерях. Но и те отказались от этого дела, потому что и сами не знали, где находились пропавшие царевны.

Царь затужил о своих дочерях, и в конце концов стал опять очень усердно молить и просить Бога, чтобы он сжалился над ним и при старости даровал бы ему снова детище, которое бы осталось после него наследником государства. В знак своего усердия Архидей роздал великие и щедрые милостыни всем

бедным своего царства. Бог услышал его молитву и даровал ему прекрасного сына, которого назвали Иваном-Царевичем.

Когда царевич вырос и стал совершеннолетним, то его обучили разным наукам и рыцарству. Узнал Иван-Царевич о том, что у него есть две сестры, которые пропали неизвестно куда и задумал Иван-Царевич разыскать своих любезных сестер. Стал просить отца своего, чтобы тот отпустил его на поиски сестер, в дальние государства. — «Государь батюшка, — говорил Иван-Царевич, — я пришел к вам, просить вашего благословения на далекий путь в дальние государства. Я хочу отыскать моих пропавших без вести любезных сестер. — «Молодой юноша, Иван-Царевич? — ответил ему отец, — Куда тебя Бог понесет, в какую страну пойдешь ты? Ведь ты еще очень молод, и к дорожным трудам непривычен». Однако царевич неотступно и со слезами начал просить отца, своего, чтобы тот отпустил его. Царь Архидей, видя в царевиче великое желание отправиться в путь — благословил его и представил ему полную свободу и власть поступать во всем но своему усмотрению. Получив отцовское дозволение и благословение на дальний путь, Иван-Царевич распростился со своими родителями, и один как перст, не взяв даже с собой провожатого, отравился в дальнюю дорогу.

Шел Иван-Царевич путем-дорогою несколько месяцев. Случилось ему однажды идти большим густым лесом, и услышал он в стороне от него шум, на который он и пошел. Когда пришел он к тому месту, откуда ранее слышен был шум, то увидел, что два леших дерутся между собою. Он, ничуть не испугавшись, подошел прямо к ним, и спросил: — «послушайте, из-за чего вы деретесь, скажите мне, я помирю вас?» Один из них сказал ему: — «добрый человек, рассуди, пожалуйста, нашу ссору: мы вдвоем шли дорогою, и нашли вот эти вещи, которые лежат здесь на земле: шляпу-невидимку, сапоги-самоходы да еще такую скатерть, что ежели ты ее развернешь, то из нее выпрыгнут 12 молодцов и 12 девиц, понаставят сразу на эту скатерть разных кушаний, напитков и проч. и станут потчевать того, кто развернул скатерть; они потчуют также и других, ежели им это приказано будет. Так вот из этой находки я беру себе сапоги да шляпу, а товарищу моему отдаю скатерть, но ему этого кажется мало: он хочет завла-

деть всем, и ради этого завел со мною драку». Выслушав лешего, Иван-Царевич сказал ему: — «хорошо, я дело ваше разберу, только вы и мне дайте долю из вашей находки». — «Пожалуй, возьми, сказал ему другой леший, только рассуди хорошенько наше дело. Иван-Царевич сказал им, чтобы они побежали вперегонку по дороге, и кто кого опередит на три версты, тому и достанется вся находка. Оба лешие с радостью согласились на это предложение и взапуски побежали по показанной им дороге.

Когда оба лешие, пустившиеся вперегонки, убежали настолько далеко, что их стало не видно — царевич надел на себя шляпу-невидимку и сделался невидим; потом он надел сапоги-скороходы и, взяв под мышку скатерть, пошел себе далее своим путем.

Лешие, перегнав один другого, прибежали опять на то место, где лежала их находка. Но не найдя ни Ивана-Царевича, ни своей находки, — побежали по лесу разыскивать царевича, и хотя они несколько раз находили прямо на него, но не могли увидать его, потому что на нем была надета шляпа-невидимка. Пробегав и поискав напрасно долгое время свою находку, и все-таки ничего не найдя, оба лешие напоследок решили прекратить свои поиски и разойтись но своим местам.

Пробыв несколько дней в пути, Иван-Царевич увидал вдруг по дороге маленькую избушку. Он подошел к ней, и затем взошел в самую избушку, где увидал бабу-ягу, которая сидела на полу, упершись ногами в потолок, и пряла шерсть. Увидав царевича, яга промолвила: — «фу, фу, фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано было, а ныне и воочию русский дух является. Зачем ты, добрый молодец Иван-Царевич зашел сюда? волей аль неволей?» — «Ах ты глупая старая баба, сказал ей в ответ Иван-Царевич. Ты прежде меня, доброго молодца, напои да накорми, а потом спрашивай. Баба-яга тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила Ивана-Царевича и стала опять его расспрашивать: «как и зачем ты сюда зашел». На это в ответ сказал ей Иван-Царевич:— «Зашел я сюда сколько волею, то вдвое неволею. Иду искать моих сестричек родных, Луну и Звезду. А вот где мне их сыскать и сам не ведаю». — «Добро, Иван-Царевич, молвила баба-яга. Молись Богу и ложись спать, утро вечера мудренее.

Иван-Царевич послушался бабу-ягу и улегся спать, и тотчас же заснул крепко. Рано утром баба-яга начала будить Ивана-Царевича: — «Добрый молодец, пора тебе и в путь отправляться!» Царевич встал, умылся, оделся, помолился Богу и стал с Ягою прощаться, а Яга и говорит ему: — «Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда идти тебе надобно. Слушай, вот что я тебе скажу: ступай прямо по этой дороге; выйдешь в поле и увидишь палаты белокаменные, в этих палатах живет твоя старшая сестра Луна. Только трудно будет ее тебе взять, потому что с нею живет нечистый дух, который приходит к ней медведем, а после оборачивается в человека.

Выслушав рассказ Яги, царевич простился с нею, надел на себя сапоги-самоходы и отправился в путь.

Шел он путем-дорогою три дня и, наконец, увидел в поле те самые палаты белокаменные, про которые сообщила ему баба Яга. Он подошел к ним и потом вошел прямо на широкий двор. На всем дворе не видать было ни одного человека. Тут Иван-Царевич надел на себя шляпу-невидимку и вошел в палаты. Прошел но всем комнатам, наконец вошел в спальню прекрасной царевны. В это время Луна лежала и почивала. Царевич, скинув невидимку, подошел к кровати и стал будить царевну. Прекрасная Луна, пробудясь от сна и увидав около себя молодого юношу, спросила его: кто ты таков и зачем пришел сюда? так как до сего времени она не знала еще своего брата. Царевич на это ответил ей: — «Любезная моя сестрица Луна, не злодея и не иного кого видишь пред собой, а твоего любезного брата Ивана-Царевича. Я принес тебе челобитье от батюшки нашего царя Архидея и матушки пашей царицы Дарии. Они о тебе и о сестре Звезде очень сокрушаются.

Услышав сказанное царевичем, царевна Луна вскочила со своего ложа и начала обнимать царевича, и они целовались и миловались. После радостного свидания Луна сказала ему: — «любезный мой брат! я сердечно рада, что увидала тебя, но опасаюсь, чтобы не пришел медведь, который содержит меня в этих палатах, и я боюсь, чтобы от, не съел бы тебя!» — «Не кручинься о том, — молвил ей Иван-Царевич, — я не боюсь этого!»

Скоро после того поднялся сильнейший вихрь. Царевна Луна, в великом страхе стала говорить царевичу: — «Любезный братец! поскорее спрячься куда-нибудь, а то сейчас придет сюда медведь и съест тебя непременно». — Не бойся, ответил брат, и тотчас же, надев на себя шляпу-невидимку, сел на стул.

В ту же минуту вошел в комнату ожидаемый медведь и, не превращаясь в человека, закричал человеческим голосом: — «Фу, фу, фу! ранее и слыхом здесь не слыхано было русского духа, а теперь что-то пахнуть им стало! Уж наверное, Луна, у тебя есть здесь кто-нибудь?» — «И как тебе не стыдно говорить об этом! Ну, откуда быть здесь русскому духу? Ты сам-то, летая по Руси, набрался наверное русского духа, — вот он тебе и чудится здесь!» — «Не пришел ли твой брат, Иван-Царевич? он ведь родился давно уже». — «Я от роду не видала и не знаю никакого брата, и не знаю даже есть ли он у меня! — Ну, а если бы и был у меня брат и пришел бы сюда, то ты, наверное, съел бы его?» — «Нет! ответил медведь, я никогда бы не сделал этого». — «Не верю!» сказала царевна. — «Я клянусь тебе, чем хочешь, в этом!» отвечал ей медведь. — «Когда так, — промолвила Луна, — то знай, что брат мой сидит возле тебя!» «Что ты!» удивился медведь. «Как же я не вижу его?» — «Право же, говорю тебе, он здесь и сидит около тебя», — еще раз повторила ему царевна.

После этих слов, медведь встал и ударившись об землю — сделался таким молодцем, что не вздумать, не взгадать; превратившись в человека, он проговорил: — «Иван-Царевич! не прячься от меня, я не злодей для тебя, и буду даже очень рад увидать тебя!»

Услышав это, Иван-Царевич снял с себя свою невидимку и предстал пред бывшим медведем, с которым тотчас же он начал разговаривать и тот стал всячески забавлять его разными увеселениями и очень ласково обходился с ним все время, а также угощал и потчевал царевича очень радушно.

Иван-Царевич прожил у старшей сестры три месяца и потом стал собираться в дорогу. Пред уходом он начал расспрашивать Луну об их младшей сестре Звезде: — где и как найти ее? — «Она живет не очень далеко, — сказала Луна, — только,

братец, не думаю, чтобы ты увидал ее, потому, что живет она в медном замке, вокруг которого всегда стоят караульные, все водяные черти, и они, конечно, тебя в замок не пустят, а еще, пожалуй, убьют до смерти.» — «Хоть сам умру, а все-таки увижу мою сестру. И чтобы там ни было, какие бы опасности мне не встретились, а все-таки я пойду туда зачем пошел!»

Распростившись с Луною и Медведем, царевич отправился в свой путь. На другой день пути он увидал тот самый замок, про который ему говорила Луна. У ворот замка стояли два черта, которые на плечах держали пушки, и не пропускали в ворота замка ни одной души. Когда Иван-Царевич хотел было, несмотря на караульных, войти в замок, то они просто готовы были убить его. Но Иван-Царевич, обратясь к ним, начал говорить им: — «Почему вы не хотите впустить меня в замок? Ведь я пришел сюда затем, чтобы сменить вас всех с караула: — «Врешь, ты обмануть нас хочешь. Мы никого не смеем пропускать в замок, под страхом большого наказания. А если ты хочешь непременно пробраться туда, то лезь через стену; хотя, говоря правду, надо сказать тебе, что по ту сторону стены подведены струны, и как только кто-либо хоть чуть дотронется до струны, то сию же минуту, по всему замку, пойдет сильнейший гром, услыхав который, сейчас же из моря выйдет чудовище и не оставит тебя живым.

Царевич не устрашился этих слов, а надел свои сапоги-самоходы и полез себе через стену. Зацепив слегка своим платьем за струны, Иван-Царевич наделал сильнейший гром на весь замок. Пойдя в самый замок, Иван-Царевич, торопясь, пошел по комнатам отыскивать свою сестру. Найдя ее спящей, он тотчас разбудил ее от сна, и та, проснувшись и увидав его, громко закричала: — «Кто ты и зачем пришел сюда?» — Иван-Царевич отвечал ей: — «Любезная сестрица, прекрасная королевна, Звезда! не злодея ты видишь пред собою, а твоего любезного брата Ивана-Царевича, который принес тебе челобитье от твоего родного батюшки и родной матушки. Родители наши много и сильно сокрушаются о тебе».

Услыхав эти слова от Ивана-Царевича, Звезда вскочила и начала горячо целовать и радостно приветствовать своего

младшего брата. Потом, услыша все еще продолжавшийся гром от струн, царевна очень испугалась и стала говорить Ивану-Царевичу. — «Любезный братец мой, Иван-Царевич! спрячься поскорей куда-нибудь из этой комнаты, а то придет сюда чудовище и, как только увидит тебя, то тут же и съест. — Не заботься и не беспокойся обо мне», сказал царевич и сейчас же надел на себя свою шляпу-невидимку, сел преспокойно здесь же, в спальне, на стул.

Только что успел царевич надеть невидимку, как в ту же минуту вошло в комнату чудовище, которое закричало: — «Фу, фу, фу! До сих пор не слыхано было нигде здесь в замке, русского духа, а теперь вдруг пахнуть стало! Уж, наверное, у тебя, Звезда, здесь есть кто-нибудь?» — «Ах, мой свет! ответила Звезда, — ну, кому же быть у меня? Да, к тому же, на карауле у тебя стоят такие строгие стражи, что никого и ни за что не пропустят. А вот ты, сам-то, бегаешь по Руси, ну и набрался там этого духу». — «Полно, Звезда! Не пришел ли к тебе брат твой, Иван-Царевич? — спросило чудовище, — я знаю, ведь он давно уже родился». «Я и знать-то не знаю никакого брата — сказала царевна, — ну, а если бы брат пришел, то ты наверное съел бы его», — добавила она. Нет, — отвечало чудовище, — я никогда бы не сделал этого! — «Ох, не верю я словам твоим!» промолвила Звезда. — «Я клянусь тебе чем хочешь, что не трону его!» — «Когда так, — сказала Звезда, то знай, что брат сидит возле тебя!» — «Ты лжешь, — сказало чудовище, как же он сидит здесь, когда я не вижу его!» — А я говорю тебе, право же, он здесь же и возле тебя сидит», повторила царевна.

Тогда чудовище, ударившись о землю, превратилось в такого молодца, что любо глянуть, и промолвил этот молодец: — «Иван-Царевич! не прячься от меня, я не злодей тебе и худого ничего не сделаю, и буду очень рад увидаться с тобою!»

После этого Иван-Царевич снял свою невидимку и показался чудовищу, превратившемуся в доброго молодца. Этот молодец разговаривал с царевичем очень ласково, всем потчевал и угощал его, и, кроме того, забавлял его разными увеселениями.

Царевич прожил у сестры около года. Когда чудовища не бывало дома, то он говорил сестре, чтобы она ушла с ним в свое

родное отечество, но Звезда всегда отвечала на это, что она боится своего чудовища, которое непременно погонится за ними, и догнав убьет обоих насмерть.

Как же мне тебя и другую сестру нашу выручить? спросил Иван-Царевич у Звезды, в один из их разговоров.

Если ты хочешь во что бы то ни стало выручить меня с моей несчастной сестрою Луной, от этих ненавистных нам духов, то ты вот что сделай. Сходи ты за тридевять земель, в тридесятое государство, а государством тем владеет царь-девица. Но только дело в том, что тебе будет очень трудно пройти к тому государству, так как к нему есть калиновый мост, а через мост тот ни конного, ни пешего не пропускаешь змей о двенадцати головах, который всегда находится под мостом, и всех, кто бы ему ни попался на мосту, сожрет непременно. Кому же змея того удастся убить, то за того царь-девица выдет замуж. А она-то и может только меня и старшую сестру нашу Луну выручить из этой беды.

Выслушав все это, Иван-Царевич распростился со своей горемычной сестрой Звездою, и пошел он за тридевять земель в тридесятое государство. На дорогу он обулся в свои сапоги-самоходы, почему и поспел в три дня к калиновому мосту.

Не доходя еще до самого моста, Иван-Царевич зашел в первую попавшуюся кузницу и наказал, чтобы ему сейчас же сделали меч-кладенец и боевую палицу. Ему тотчас же выковали меч и боевую палицу в сорок пудов. Заплатив за работу деньги, Иван-Царевич взял свои богатырские доспехи и отправился прямо к мосту, чтобы убить змея. Едва только он подошел туда, как из-под моста выскочил вдруг змей многоголовый и, кинувшись к нему, хотел прогнать его. Но царевич, увернувшись от змея, в то же время сам успел нанести удар ему мечом, и сразу отсек ему три головы. Змей вторично бросился на него, но тот и на этот раз, оставшись сам невредим, успел змею нанести удар и отсек ему еще шесть голов. Змей выпустил из себя огненное пламя, и хотел этим огнем сжечь царевича, но тот опять ловко увернулся и ударил еще раз змея мечом и рассек его надвое.

Убив змея, царевич сложил из дров костер, положил на него убитого змея и все его головы, и зажегши, оставил все это го-

реть, а сам пошел через калиновый мост и вскоре же пришел на другую сторону, где увидел вышедших из городских ворот 12 голубиц, которые, придя на берег той реки, чрез которую быль перекинуть мост, ударились о землю и прекратились в девиц. После этого они разделись и начали купаться.

Царевич, надев свою шляпу—невидимку, стал смотреть па них, в ожидании, что будет дальше. Тем временем девицы выкупались и оделись. Царевич, сняв с себя свою шляпу-невидимку, подошел к ним поближе.

— «Честные девицы, скажите мне, кто владеет сим местом?» — так говорил им царевич, желая от них узнать обо всем подробнее.

— «Добрый кавалер, — в свою очередь спросили его удивленный девицы, — как ты попал сюда, а главное — перешел чрез калиновый мост?»

— «А я, идя сюда, убил на той стороне реки, возле самого моста, двенадцатиглавого змея», — ответил им Иван-Царевич

Только что он успел выговорить эти слова, как девицы подхватили его под руки и сказали ему: — «Если ты убил стража нашего государства, то должен быть сам нашим государем», и, проговорив это, повели царевича к Царь-девице.

Когда они вошли в царские палаты, то Царь-девица вышла навстречу царевичу и приняла его, взяв за белые руки. В тот же день царевич женился на Царь-девице.

Но прошествии нескольких дней после брака, царевич стал просить свою молодую жену, чтобы она освободила из рук духов его обеих сестер Луну и Звезду.

Выслушав просьбу царевича, его супруга, бывшая Царь-девица, ответила ему, что просьбу его она готова исполнить, затем, обратясь к своим девицам, молодая царевна приказала им: — «Приведите сюда духа, который содержится в погребе!»

Девицы пошли и скоро привели того духа к Царь-девице. — «Что требуешь от слуги своего?» — спросил дух молодую царевну. — «Слушай, Страмец!» — сказала ему Царь-девица — если ты сослужишь мне ту службу, которую я прикажу тебе, сейчас, то ты будешь выпущен на волю. Дело вот и чем. Есть Морское Чудовище да еще Медведь; у этих двух духов на-

ходятся в заточении див царевны, родные сестры. Одну звать Луна, а другую — Звезда. Первая из них находится у Медведя, а вторая — у Морского Чудовища».

Выслушав приказ своей повелительницы, дух Страмец, выйдя из царских палат, превратился вихрем и помчался сперва туда, где обреталась старшая сестра Луна. Прилетев к Медведю, он призвал его к себе и сказал ему, чтобы он по-хорошему отдал бы царевну Луну. Медведю, хотя и не хотелось расставаться с красавицей, однако, делать было нечего и он был принужден отдать посланному духу, жившую у него Луну.

Дух Страмец, получив старшую царевну, взял ее и с ней вместе помчался к младшей сестре Звезде. Прибыв туда, он потребовал к себе Морское Чудовище и ему, так же как Медведю, объявил, чтобы он без всяких хлопот возвратил проживавшую в его замке царевну Звезду. Морское Чудовище, не могши ослушаться приказания примчавшегося духа, вынужден был подчиниться его приказу и потому без упирательства отдал ему царевну Звезду.

Достав обеих сестер, Страмец подхватил их и помчался обратно к Царь-девице. Прибыв в свое государство, он сдал обеих царевен на руки своей повелительнице.

Увидав освобожденными своих сестер, Иван-Царевич благодарил супругу и духа Страмца, благодаря которому его сестры избавились от заточения у ненавистных им духов.

Вскоре после этого Иван-Царевич стал проситься у своей супруги, чтобы она отпустила бы его хоть на малое время в свое государство к родителям его, а также и для того, чтобы мог доставить туда сестер своих Луну и Звезду. Но Царь-девица на это не согласилась, так как без него не могла пробыть и одной минуты. А она сказала ему, что велит своему духу, чтобы тот отнес обеих царевен в их государство и чтобы он, царевич, написал бы к своим родителям письмо и отдал им его сестрам. Когда Иван-Царевич изъявил на это свое согласие, то Царь-девица призвала опять духа Страмца и поручила ему, чтобы он немедленно же доставил сестер-царевен в их отечество, а оттуда принес бы известие о здоровии родителей ее супруга: — царя Архидея и Царицы Дарии.

Дух подхватил обеих царевен и в один миг доставил их в родное государство.

Царь Архидей и царица Дария, увидев вновь своих дочерей Луну и Звезду, совершенно невредимыми, — столь сердечно обрадовались, что их великой радости не было конца. Потом они оба, царь и царица, написали к сыну своему, Ивану-Царевичу — письмо о своем благополучном здравии, и отдали его духу Страмцу, который живо примчал его в государство Царь-девицы, и та за всю верную службу духа, отпустила Страмца на волю.

После этого Иван-Царевич с супругою своею, бывшей Царь-девицею, жили в полной любви и согласии много, много лет.

СКАЗКА
об Иване-Царевиче и Жар-птице и Сером волке

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь по имени Выслав Андронович. У него было три сына Царевича: первый — Дмитрий-Царевич, второй — Василий-Царевич и третий, самый меньшой — Иван-Царевич.

У этого царя Выслава Андроновича был сад, такой великолепный, что ни в каком другом государстве лучше этого сада не было. В саду этом росли разные драгоценные деревья, с плодами и без плодов. Одна из яблонь была любимая царя Выслава, и на этой яблоне росли золотые яблочки.

Повадилась в сад к царю Выславу летать птица, называемая Жар. На ней были перья золотые, а глаза — подобны восточному хрусталю. Летала птица та в сад каждую ночь и всегда садилась на редкостную яблоню и, сорвав золотых яблочек, улетала прочь.

Царь Выслав был крайне опечален этим обстоятельством и очень горевал, что Жар-птица много срывала с нее золотых яблочков. Почему он призвал к себе всех трех своих сыновей и сказал им: — «Любезные мои дети! Кто может из вас поймать

в моем саду Жар-птицу? Если кто поймает, тому еще при жизни отдам половину моего царства, а после смерти — и все.

Услыхав это, все, сыновья отвечали в один голос: — «Милостивый государь батюшка, ваше царское величество! мы все с величайшею радостию готовы услужить тебе и постараемся поймать ату Жар-птицу живою».

После этого, братья решили между собою, по очереди, ходить каждую ночь в отцовский сад и подкарауливать воровавшую золотые яблочки, Жар-птицу. На первую ночь пошел в сад караулить ее старший сын Дмитрий-Царевич. Придя в сад, он сел под ту яблоню, с которой пропадали яблочки, и заснул, так что не слыхал и не видал ни того, как прилетала Жар-птица, ни того, как она ощипывала драгоценную яблоню.

На другой день утром царь Выслав Андронович призвал к себе Царевича Дмитрия и спросил его: — «Ну, что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу или нет? — «Нет, милостивый государь-батюшка, — отвечал Дмитрий-Царевич, — она в эту ночь не прилетала.

Вслед за старшим братом, пришла очередь среднего — Василия-Царевича, и на вторую ночь он так же, как и первый — отправился на ночь в сад своего отца подкараулить похитительницу драгоценных плодов — Жар-птицу. Придя в сад и сев под ту же яблоню, где, пред этим провел ночь его старший брат, он долго поджидая свою добычу, — заснул и не видел, как прилетала в сад Жар-птица и, сидя над ним, срывала золотые яблочки, и, нарвав таковых, улетела себе преспокойно из сада.

Утром после этой ночи царь Выслав призвал к себе Царевича Василия и стал спрашивать его: — «Что, сын мой любезный, видел ли ты Жар-птицу, или нет?» «Нет, милостивый государь-батюшка, — отвечал ему Василий-Царевич, — она в эту ночь не прилетала.

Наконец на третью ночь пришла очередь идти в сад Ивану-Царевичу. Он, придя туда, сел под ту же яблоню, где две ночи к ряду спали его старшие братья. Сидя под яблоней, Царевич не спал, а внимательно прислушивался ко всему, в ожидании прилета птицы-похитительницы. Сидел он там час, сидел другой, — но все еще никого не было. Между тем Царевич бодр-

ствовал и твердо решился не спать, а дождаться того момента, когда воровка прилетит за золотыми яблочками. В исходе третьего часа его там сиденья, вдруг весь сад осветило; да как еще! как будто многочисленными огнями все было освещено.

Иван-Царевич сообразил, что то прилетала в сад Жар-птица. И вдруг видит он, что она села на ту яблонь, под которой он караулил ее. Сев на яблоню, она начала было ощипывать золотые яблочки. Но в это время Иван-Царевич тихонько и искусно подкравшись к ней, — схватил ее за хвост, но все таки удержать ее не мог, и Жар-птица вырвавшись из рук его улетела, оставив только в руке Царевича одно перо из хвоста своего, за который тот сильно ухватил Жар-птицу.

Рано утром, после этой ночи, когда царь Выслав только пробудился от сна, Царевич пришел к нему и принес то самое перо, которое ночью удалось ему выдернуть из хвоста Жар-птицы. Царь Выслав был очень этим обрадован, что хоть меньшому сыну удалось наконец-то подкараулить похитительницу его драгоценных плодов. И хотя птицы самой поймать не удалось, но и перышко одно ее имело большой интерес, и было очень дивное, так что ежели бы его внести в совершенно темную комнату, то от него исходил такой сильный свет, как бы было зажжено великое множество свечей.

Царь Выслав., взяв от сына чудное перышко, снес его в свой кабинет, и положил там, как, редкостную вещь, которая должна была всегда сохраняться.

После той ночи, когда Царевичу Ивану удалось вырвать у прилетевшей в сад Жар-птицы — перо, то эта чудная похитительница царских плодов перестала летать в сад царя Выслава. Но царь Выслав, тем не менее, не успокоился и теперь, — увидя только единое перышко, захотел во чтобы то ни стало приобрести и самую Жар-птицу. А поэтому, он вновь призвал к себе детей своих, и опять сказал им: — «Любезные мои дети! я дам, вам мое родительское благословение: поезжайте и отыщите мне ту Жар-птицу, которая летала прежде в мой сад, и, отыскав, привезите ее ко мне живою. Кто это поручение мое исполнит и привезет мне живую Жар-птицу, тот получит, конечно, то, что обещал я ранее за нее в награду.

Оба старших Царевича — Дмитрий и Василий, с этого времени начали иметь тайную злобу на своего меньшого брата Ивана-Царевича, за то, что тому удалось выдернуть из хвоста у Жар-птицы чудное перышко, которое так заинтересовало их отца.

Получив от отца своего благословение, Царевичи Дмитрий и Василий — поехали на поиски за Жар-птицей. В свою очередь и меньшей Царевич, узнав, об отъезде братьев, стал, также просить у родителя своего благословения на дорогу, для отправления в поиски за Жар-птицей.

Услышав просьбу своего младшего сына, царь Выслав сказал ему: — «Любезный сын мой, чадо мое милое! ты еще очень молод и для тебя такой трудный и дальний путь непривычен. И зачем тебе от меня отлучаться, когда братья твои за этим же делом поехали. Неужели и ты хочешь уйти от меня?! Ведь тогда вы все трое будете далеко от меня и можете долго не возвратиться, а я уже нахожусь в престарелых годах и хожу под Богом. И ежели во время вашей отлучки Бог отнимет от меня жизнь, то кто же останется вместо меня и будет управлять моим царством? Ведь тогда может произойди бунт и выйти несогласие между нашими подданными, и унять их некому будет!.. А также может подступить под наши области неприятель, так управлять нашим войском будет некому». — Однако, как ни старался царь Выслав уговорить и удержать при себе, — но ничего не мог с ним поделать, и, снисходя на неотступные просьбы Царевича — вынужден быль согласиться на отпуск своего последнего сына и на дорогу дал ему свое родительское благословение.

Иван-царевич, получив родительское благословение, выбрал себе коня и поехал в путь.

Ехал он — ехал, сам не зная куда, и приехал он в чистое поле, на зеленые луга, и увидел там в чистом поле столб, на котором написаны были следующие слова: — «ежели кто поедет от столба прямо, так тот будет голоден и холоден, а кто поедет в правую сторону, — то тот сам будет жив, здрав и невредим, а конь его будет мертв. Кто же поедет в левую сторону — тот будет убит, а конь его жив останется».

Иван-Царевич, прочитав эту надпись, поехал в правую сторону, рассудив, что ежели конь его и будет убит, то все-таки сам он останется жив, а коня можно будет после добыть другого.

Едет Иван-Царевич по избранной им дороге, день, другой и третий, и никого по дороге не видать было. Как вдруг, откуда ни возьмись, выходит ему навстречу огромнейший серый волк и говорит Царевичу: — «Ох ты, гой еси, молодой юноша, Иван-Царевич! Ведь ты читал на столбе, что конь твой будет мертв, так зачем же ты сюда едешь?» Сказав эти слова, волк разорвал коню шею и пошел прочь в сторону.

Иван-Царевич очень горевал о коне своем и, горько заплакав, пошел пешком. Пройдя весь день тот, он очень устал и хотел было отдохнуть, но лишь только он собрался присесть, как его нагнал серый волк и сказал ему: — «Жаль мне тебя Иван-Царевич, что ты пешком изнуряешься; жаль мне тебя и потому еще, что я заел твоего коня доброго. Ну, ладно! садись на меня серого волка и скажи, куда везти тебя и зачем? Иван-царевич сказал, куда ему ехать надобно, и серый волк помчался с ним быстрее коня его. Чрез некоторое время привез он Ивана-Царевича к каменной стене, не очень высокой. Остановившись здесь, волк сказал своему седоку: — «Ну, Иван-царевич, слезай с меня серого волка и полезай через эту каменную стену. Здесь за стеною есть сад, а в этом саду, в золотой клетке и сидит та самая Жар-птица, которая нужна тебе. Ты Жар-птицу возьми, а золотой клетки не трогай, а ежели ты и ее возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя непременно поймают.

Иван-Царевич перелез каменную стену и очутился в саду. Увидев Жар-птицу в золотой клетке, он подошел к ней и, вынув ее из клетки, пошел обратно. Но по дороге одумался и решил, что без клетки ему некуда посадить Жар-птицу и не в чем будет ее доставить до своего государства. Поэтому он вернулся и взял клетку. Но лишь только он снял с дерева клетку, как по всему саду раздался стук и гром, потому что к этой клетке были проведены струны, который давали знать караульным, что клетку с Жар-птицей тронули с места.

Услыхав тревогу, караульные проснулись, и прибежав в сад, поймали Ивана-Царевича с Жар-птицею, и тотчас повели его к своему царю, которого звали Долматом.

Царь Долмат очень разгневался па Ивана-Царевича и закричал на него своим громким сердитым голосом: — «Как не стыдно тебе, юный рыцарь, воровать! Кто ты таков, какой земли, и какого отца сын, и как зовут тебя по имени?» — «Зовут меня Иван-Царевич, — отвечал пойманный с поличным, — а из царства я Выслава, и отец мой есть царь Выслав Андронович. Твоя Жар-птица повадилась к нам в сад летать и срывала каждую ночь с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила. Поэтому родитель мой послал меня, чтобы я разыскал Жар-птицу и доставил бы ее к нему». — «О, молодой, Иван-царевич! — проговорил царь Долмат, — ну пригоже ли тебе делать так, как сделал? Ты пришел бы ко мне, — продолжала царь Долмат, — и я честно бы отдал тебе эту Жар-птицу. А теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства объявить о тебе, как ты в моем государстве нечестно поступил. Однако, слушай, Иван-Царевич: если сослужишь мне службу, и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебе всю вину прощу и Жар-птицу отдам тебе с великою честью. Ежели же не сослужишь мне этой службы, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный рыцарь».

Иван-царевич ушел от царя Долмата крайне опечаленный, обещая тому все-таки добыть коня златогривого. Пришел Царевич опять к серому волку и подробно рассказал ему обо всем. Выслушав его признание, волк отвечал ему: — «Ох, ты, гой еси, младой юноша, Иван-Царевич! Ведь предупреждал же я тебя об этой беде, и отчего ты сразу не послушался меня?! Ну, что делать! быть так! Садись на меня, я свезу тебя — куда тебе нужно.

Иван-Царевич уселся серому волку на спину и тот помчал его с такой быстротой, что стрела, пущенная из туго натянутого лука. Долго ли, коротко ли, — но примчал его серый волк в то самое царство царя Афрона, где находился чудный конь с золотою гривою. Прибыли они туда ночью, и волк подвез его к самым каменным конюшням. Ссадив своего седока, серый сказал

ему: — «Ступай Иван-Царевич прямо в эти конюшни и бери того самого коня золотогривого, но тут рядом на стене висит золотая узда, то ты не тронь ее, а то тебе опять худо будет.

Пошел Иван-Царевич в указанную конюшню и, пользуясь тем, что все караульные в это время спали, он взял себе преспокойно драгоценного царского коня золотогривого и повел его из стойла. Но по дороге увидел па стене золотую узду и так ей прельстился, что не мог утерпеть, и, забыв предупреждение волка, взял и снял уздечку с гвоздя и хотел было вместе с конем унести и эту драгоценность. Но едва только успел он снять эту узду, как по всем конюшням пошел такой гром и шум, что все караульные сразу проснулись, так как к гвоздю, на котором висела золотая узда, были проведены многие струны для сигнала караульным конюхам, на случай кто будет трогать ту узду.

Проснувшись, конюхи поймали Царевича и повели его прямо к самому царю Афрону. Царь начал допрашивать пойманного с конем и уздечкой Царевича: — «Скажи мне младой юноша, из которого ты государства и кто твой отец и как зовут тебя самого?» — «Я, — отвечал ему пойманный, — родом из царства царя Выслава, и царь Выслав Андронович родной мой отец. Зовут же меня по имени — Иван-царевич!» Ох, ты молодой Иван-царевич! Ну честное ли рыцарское дело сделал ты? Ты пришел бы ко мне прямо, и я бы отдал тебе коня золотогривого с честью. А теперь хорошо ли будет тебе, когда разошлю я во все царства известие о том, что сделал ты в моем государстве бесчестный поступок?.. — Однако, вот что, слушай: ежели ты, Иван-Царевич, сослужишь мне службу, и съездишь за тридевять земель и в тридесятое государство, и достанешь мне оттуда королевну — Прекрасную Елену, в которую душой и сердцем влюбился я — то тогда за твою услугу отдам я тебе честно и коня золотогривого и золотую уздечку, а ежели ты не выполнишь этого поручения, то я об тебе дам знать во все государства и подробно пропишу, как ты бесчестно и не по-рыцарски поступил в моем государстве.

Нечего было делать — обещался Иван-Царевич царю Афрону достать ту королевну, но выйдя из царских палат горько-прегорько заплакал.

Вернувшись к поджидавшему его серому волку, Царевич рассказал ему обо всем случившемся со всеми подробностями. «Ох ты, гой еси, младой юноша! — проговорил серый друг его, — ведь и тут предупреждал я тебя о том, что может случиться, почему же ты не послушался слов моих и взял ту золотую уздечку, которая принесла тебе только печаль одну?!» — «Виноват я перед тобою», отвечал Царевич. — Ну, делать нечего! Садись опять на меня серого волка, свезу тебя, куда тебе надобно!

Иван-Царевич сел па спину своего серого волка и тот, что стрела помчал его. Мчались они быстро и через недолгое время уже были в том самом государстве, где находилась королевна Прекрасная Елена. Серый волк подвез Царевича к золотой решетке, которая окружала великолепный сад, и сказал ему: — «Ну, теперь слезай и ступай обратно по этой же дороге, где мы все время ехали с тобой. Когда выйдешь в чистое поле, то увидишь зеленый дуб. Садись под этим дубом и ожидай меня».

Иван-Царевич слез с серого друга и пошел по указанному пути, как велено ему было, а серый волк сел у решетки, поджидая, когда в сад на прогулку выйдет королевна Прекрасная Елена.

К вечеру, когда солнышко стало клониться к западу и дневной жар стал понемногу спадать, королевна Прекрасная Елена пошла прогуливаться в свой роскошный сад. Вышла же королевна из дворца своего в сопровождении многочисленных нянюшек, мамушек и придворных боярышень.

Выйдя в сад, Прекрасная Елена подошла к тому месту решетки, где сидел и подкарауливал ее прихода серый хищник. Только что Елена приблизилась к своему нежданному похитителю — серому волку, как последний вдруг перескочил чрез решетку и схватив растерявшуюся и перепуганную королевну, мигом перескочил опять обратно вон из сада, и стремглав помчался с красавицей Еленой к поджидавшему его в назначенном месте Ивану-Царевичу. Прибежав под зеленый дуб, он проговорил Царевичу: — «Иван-царевич! садись как можно скорее на меня и бежим, что есть духу, подальше отсюда!» Иван-царевич не заставил ждать себя и быстро вскочил по привычке на спину серого волка и тот, что молния, помчался с двумя седоками обратно в государство царя Афрона.

Когда серый друг Царевича так неожиданно похитил Прекрасную Елену, на глазах у всех бывших с нею нянюшек, мамушек и придворных боярышень, то все сопровождавшие королевну до смерти перепугавшись неожиданного никем происшествия, бросились сейчас сообщить о случившемся несчастии во дворец и оттуда немедленно же была снаряжена и послана вслед похитителю многочисленная стража в погоню, чтобы отбить у серого злодея красавицу-королевну. Но как ни шибко скакала погоня, однако догнать серого волка не сумела, и последний, далеко опередив погоню, скрылся из виду, и посланным ничего не оставалось другого, как только вернуться обратно, что они и сделали.

Иван же Царевич, пока мчался к царю Афрону и сидел вместе с прекрасной королевной у серого похитителя на спине, так страстно и горячо полюбил Елену, а та в свою очередь его, что Царевич не на шутку запечалился, когда стали они подъезжать к государству царя Афрона. И чем ближе становилась минута, когда надо было отдать другому красавицу-королевну, тем грустнее делался Иван-Царевич, и под конец не выдержал и горько заплакал.

— «О чем это ты плачешь, Иван-Царевич, — спросил его серый волк? — «Как же мне не плакать, доброму молодцу, серый ты друг мой, — отвечал ему Иван-Царевич. — как не кручиниться мне сердцем и душою, коли я полюбил больше жизни эту красавицу, королевну Елену, и должен теперь отдать ее другому, этому царю Афрону за его коня золотогривого; а если я не отдам ему нашей добычи, дорогой красавицы Елены, то царь Афрон за такой поступок не простит мне первой вины моей и обесчестит меня самым скверным образом во всех государствах».

— «Много служб сослужил я тебе, Иван-Царевич, — сказал ему серый волк, — сослужу тебе еще и эту службу и спасу тебя от беды. — Слушай, — продолжал серый друг Царевича, — я сделаюсь прекрасною королевною Еленою, а ты меня отведи к царю Афрону и возьми за то коня золотогривого и золотую уздечку. Царь, ничего не ведая, почтет меня за настоящую королевну Елену, и когда ты, севши на того коня золотогривого,

уйдешь далеко, то я попрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять, и как только он меня отпустит с нянюшками, мамушками и со своими придворными дамами и все, мы вместе будем в чистом поле, то меня вспомни, и я опять буду у тебя, готовый к твоим услугам».

Проговорив все это, серый волк ударился о сырую землю и вдруг превратился в красавицу-королевну Елену, да так ловко вышло это превращение у него, что никто и ни за что не мог бы узнать, что это не настоящая Прекрасная Елена.

Иван-Царевич, взяв с собою серого волка, превратившегося в Прекрасную Елену, повел его во дворец к царю Афрону, а настоящей красавице королевне Елене велел дожидаться его за городом.

Когда Иван-Царевич пришел к царю Афрону с мнимой Еленой, то царь от всего сердца обрадовался, что ему удалось заполучить такое сокровище, которое он давным-давно только и желал. Приняв с радостью поддельную Елену, и отдав за нее Царевичу коня золотогривого и золотую уздечку, он оставил в своих покоях эту дивную красавицу. А Иван-Царевич сел на коня, поехал за город, где его дожидалась настоящая королевна, и взяв Елену вместе с собою, стал держать путь к государству царя Долмата.

Серый же волк, оставшись жить у царя Афрона, прожил у него вместо Прекрасной Елены день, другой и третий, а на четвертый явился к царю Афрону и стал проситься позволить ему погулять в чистом поле, дескать уж очень тоска одолела, так пойти хоть развеять ее в чистом поле.

Услышав эту просьбу красавицы Елены, царь Афрон с радостью согласился отпустить мнимую королевну гулять в поле, только лишь бы она была весела и не тосковала. «Я готов вес сделать для тебя, что только пожелаешь», отвечал царь Афрон серому волку в образе чудном красавицы, и сейчас же приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярышням идти и сопровождать красавицу Елену-волка в прогулке по чистому полю.

Иван-Царевич, поехав себе вдвоем с красавицею королевною Еленою, совсем было забыл про своего серого друга, но

потом вдруг вспомнил о нем: — «Ах! где-то теперь мой серый волк?» — Вдруг откуда не возьмись — стоит перед ним его серый приятель и говорит: — «Садись, Иван-Царевич на меня на серого, а Прекрасная королевна Елена пусть едет на золотогривом!». Иван-Царевич послушался серого друга и пересел на его спину, а красавица королевна осталась на коне золотогривом, и они отправились далее в путь, в государство царя Долмата.

Когда они стали подъезжать к тому государству, то, не доезжая верст трех до самого царства, Иван-Царевич обратился к серому волку и стал просить его: — «Слушай, друг ты мой любезный, серый волк! Ты много сослужил мне служб, сослужи еще одну и последнюю службу: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого, вместо того, который мною получен от царя Афрона; так как с этим мне не хотелось бы расставаться.

Услышав эту просьбу, серый волк, не говоря ни слова, ударился о землю и сразу стал конем златогривым, так что никто бы и различить не мог его с настоящим конем. Иван-Царевич, оставя за городом прекрасную королевну Елену вместе с конем златогривым, сел на превращенного серого волка, как будто бы на действительного коня и поехал во дворец к царю Долмату. И как только царь Долмат увидел Ивана-царевича едущим на коне златогривом, то радости его не было конца.

Царь, выйдя тотчас же из своих палат, сам встретил его на широком дворе своем и, поцеловав Царевича прямо в уста сахарные, взял его за руку и повел в свои палаты белокаменные. Кроме того, царь на радостях, велел своим приближенным, чтобы был устроен великий пир, и все, сидя за столами дубовыми, покрытыми скатертями бранными и установленными всякими кушаньями и винами, — ели, пили, веселились и всячески забавлялись.

После пира того, царь Долмат велел принеси Жар-птицу и собственноручно передал ее вместе с золотою клеткою, при очень пышной церемонии, в руки Ивана-царевича.

Пробыв день и другой в государстве царя Долмата и наконец получив столь трудно доставшуюся ему Жар-птицу, Иван-Царевич на третий день, простись с царем, отправился за город, где его дожидалась Елена с конем златогривым. Придя к тому месту, Царевич сел также на златогривого, и они вдвоем с ко-

ролевною отправились теперь в свое отечество, то есть в государство отца Ивана-Царевича — царя Выслава Андроновича.

На другой день после отъезда Царевича, царь Долмат вздумал объездить своего коня златогривого и приказал своим конюхам оседлать его. Когда конь быль ему подан, то он, сев на него, поехал в чистое поле. Там царь только что разгорячил коня, как тот вдруг сбросил его с себя и ударившись об землю, превратился опять в серого волка и после того побежал вдоль по полю что есть силы, а царь Долмат, удивленный всем случившимся и оставшейся без коня среди чистого поля, принужден был пешком возвратиться в, свои палаты.

Серый волк, превратившись из коня златогривого в свой настоящий вид, побежал по следам уехавшего Ивана-Царевича, и, наконец нагнав его, сказал ему: — «Слушай, Иван-Царевич! Садись ты опять на меня на серого а Прекрасная Елена пусть едет на коне златогривом». Иван-Царевич послушался своего серого приятеля и пересел на него, и они опять поехали все вместе в дальнейший путь.

Наконец, после некоторого времени, доехали они до того места, где, при первой встрече Ивана Царевича с серым волком, последний разорвал коня его. Здесь остановившись, серый волк обратился к Ивану-царевичу, и сказал ему: «Ну, Иван-Царевич, послужил я тебе верою и правдою довольно, теперь слезай с меня серого волка и садись на своего коня златогривого и поезжай куда тебе надобно». Проговорив все это, серый волк побежал прочь в сторону, а Иван-Царевич горько-прегорько заплакал по нем, и потом, сев на своего коня златогривого поехал дальше вместе с королевною Прекрасной Еленою.

Не доехав до своего государства верст за двадцать, Царевич с Еленою остановились и сошли с коня, чтобы хотя немного отдохнуть и явиться домой более бодрыми. Они оба расположились па траве под деревом, которое укрывало их от жара солнечных лучей; коня Царевич привязал к дереву, а клетку с Жар-птицею поставил возле себя.

Отдыхая так под деревом, молодые люди вели между собою любовные разговоры, и так как оба от дальней дороги порядком утомились, то скоро поддались сну и крепко заснули.

В это самое время братья Ивана-Царевича — старший Дмитрий и средний Василий, — ездившие по разным государствам для отыскания Жар-птицы, и не нашедши последней, возвращавшиеся домой, в свое отечество с пустыми руками, — вдруг совершенно случайно наехали как раз к тому месту, где уставшие Иван-Царевич с Прекрасною Еленою, — расположившиеся на отдых, уснули крепким сном. Увидев возле спавшего брата то самое сокровище, ради которого они положили столько труда и потеряли так много времени, да кроме того тут же был еще конь златогривый и красавица-девица, они всем этим очень прельстились, и желая воспользоваться чужим добром, вероломные братья решились на преступление и задумали убить своего родного брата до смерти. Дмитрий-Царевич вынул из ножен меч свой и заколол Ивана-Царевича, а потом тело его изрубил на мелкие кусочки.

Совершив это гнусное дело, братья разбудили все еще спавшую королевну Елену и начали ее допрашивать: — «Скажи, прекрасная девица, из которого ты государства и кто отец твой, а также, скажи нам, как зовут тебя по имени?» — «Зовут меня, — отвечала красавица, — Прекрасная королевна Елена, а достал меня Иван-Царевич, которого вы, злодеи, предали злой смерти», сказала она и горько заплакала, увидев все случившееся. — «Вы тогда бы были добрые рыцари, — продолжала королевна, — если бы убили его живого и не сонного, так как сонный — что мертвый, а в открытом бою и в чистом поле, а теперь какую похвалу вы получите себе?»

Услыхав столь смелые речи от молодой королевны, Василий-Царевич схватил свой меч и приставил его прямо к сердцу красавицы, сказав ей в ответ на ее слова: — «Слушай, Прекрасная Елена! ты теперь в наших руках: мы повезем тебя к нашему батюшке царю Выславу Андроновичу, и ты должна сказать ему, что как тебя, так и Жар-птицу и коня златогривого, все это достали мы с братом Дмитрием. А ежели ты сказать это откажешься, то и сейчас же предам тебя тут же на месте смерти!»

Прекрасная Елена, видя свою беспомощность, крайне перепугалась и, боясь исполнения этой жестокой угрозы, обещалась этим злодеям сделать и сказать все так, как они прикажут

и в подтверждение своих слов поклялась им всем святым для нее.

Успокоившись за сохранение их преступной тайны, братья начали кидать между собою жребий: кому должна достаться красавица. Елена, и кому конь златогривый. По жребию — Прекрасная Елена досталась Василию-Царевичу, а конь златогривый — Дмитрию-Царевичу. Согласно этому Царевичи разделили свою добычу. Василий взял красавицу королевну и посадил ее с собою на своего доброго коня, а Дмитрий — коня златогривого и Жар-птицу, для того, чтобы вручить ее своему родителю царю Выславу Андроновичу.

Поделив и захватив с собою, каждый свою часть добычи, они тронулись с места и поехали в дальний путь, оставив после себя неубранными даже следы своего преступления: — изрубленное на мелкие куски тело своего родного брата Ивана-Царевича.

После совершившегося убийства прошло ровно тридцать дней, и все это время, разрубленный на куски своими злодеями-братьями, Иван-царевич оставался лежать на том же месте, где произошло убийство. Случайно прибежал к тому месту старый приятель Царевича, серый волк. Увидев разрубленное тело, он по духу узнал, что это убит Иван-Царевич. Жаль ему было своего друга и очень хотелось помочь ему, да не знал он, что бы такое сделать, чтобы вновь оживить его. И вдруг видит серый волк, что один большой и два маленьких ворона высоко летают над трупом и хотят спуститься и начать клевать мертвое мясо. Волк взял и спрятался за бывший тут же куст. В это самое время маленькие воронята спустились и начали было клевать мясо Ивана-Царевича. Только что они принялись было за еду, как серый волк мгновенно выскочил из-за куста и, схватив одного вороненка, хотел было разорвать его на двое.

Увидев в беде свое детище, старый ворон быстро спустился на землю и сев поодаль серого волка, стал просить его: — «Ох ты гой еси, серый волк! не трогай ты моею детища». Услышав это, серый волк решил воспользоваться случаем и сказал тут ворону: — «Хорошо, я не трону его, если ты за это сослужишь мне службу и слетаешь за тридевять земель в тридесятое государство, и принесешь мне оттуда мертвой и живой воды».

Услышав от волка про его просьбу, ворон очень обрадовался, что может, услужив серому, спасти своего детеныша и с готовностью отвечал ему: — «Изволь, я тебе эту службу сослужу, только ты не трогай пожалуйста моего сына», и сказав это, ворон поднялся, полетел и скоро совсем скрылся из виду.

Только на третий день прилетал обратно ворон и принес с собою два пузырька: один с мертвой, а другой с живою водою и оба их отдал серому волку. Серый, взяв от ворона пузырьки, тотчас же разорвал вороненка на двое — и спрыснул его мертвою водою, вороненок сразу сросся; потом он спрыснул его живою водою — и вороненок, встрепенулся и как ни в чем не бывало, полетел себе преспокойно прочь от того места.

Произведя над вороненком этом опыт и убедившись в действительной чудодейственной силе принесенных вороном вод, серый решился теперь употребить эти воды и для оживления своего друга. Взяв пузырек с мертвой водой и спрыснув ей разрубленное на мелкие куски тело, он увидел как вдруг тело срослось и стало все снова целым. Тут он взял пузырек с живой водой и из него спрыснул мертвое тело своего друга — и Иван-Царевич встал живым, как ни в чем не бывало и проговорил:— «Ах, как я долго спал!» — А серый волк в ответ ему и говорит: — «Да, Иван-Царевич, спать бы тебе еще дольше, вечно не пробудиться бы тебе от сна, если бы не я случился здесь на твое счастие. Ведь тебя братья твои изрубили на мелкие куски, а Прекрасную Елену, коня златогривого и Жар-птицу увезли с собою. Теперь ты, Иван-Царевич, поспеши в отечество твое, как можно скорее, а то сегодня брат твой Василий женится на своей невесте, прекрасной королевне Елене. А чтобы скорее ты мог добриться туда, то садись-ка ты лучше на меня и я живо доставлю тебя в твое государство».

Иван-Царевич сел на спину своего серого друга, и тот быстро помчался с ним в царство Выслава Андроновича. Прибежав туда, он остановился около города и Царевич, сойдя с серого волка, дружески распростился с ним и вошел пешком в город.

Придя во дворец отца своего, Иван-Царевич застал там пир, там женился его старший брат Василий на королевне Прекрас-

ной Елене, и молодые были уже приехавши от венца и сидели за столом.

Как только Иван-Царевич взошел в палаты и прошел в ту комнату, где сидели новобрачные, то прекрасная королевна Елена, едва только увидела своего дорогого нареченного, выскочила из-за стола и кинувшись к нему, начала его целовать и миловать и закричала во всеуслышание: — «Вот мой настоящий жених, он, Иван-Царевич, а не тот злодей, который за столом сидит.

Услышав такое неожиданное открытие, изумленный царь Выслав Андронович встал со своего места и в сильном негодовании стал спрашивать Елену, что такое говорит она и что все это означает. Тогда Прекрасная королевна рассказала царю всю истину, со всеми мельчайшими подробностями, которые только были самой ей известны.

Рассказала о том, как достал Иван-Царевич коня златогривого, как Жар-птицу и наконец ее самою, и потом как ехали они сюда, а по дороге наехали братья и воспользовавшись тем, что они от долгого пути крепко уснули, убили сонного Ивана-Царевича насмерть и, забрав себе Жар-птицу и коня златогривого, принудили ее клятвенно обещаться им не выдавать их, а сказать что все это, что везут они со собою в отечество, добыто ими самими, и что она королевна, испугавшись их угрозы и боясь быть убитой, со страху на всю их подлость согласилась.

Услышав рассказ этот из уст Прекрасной Елены царь Выслав так сильно рассердился, что тут же отдал приказ, посадить сию же минуту обоих старших сыновей его — Царевичей Дмитрия и Василия в темницу, а Ивану-Царевичу приказал жениться на своей возлюбленной невесте красавице королевне Елене.

Иван-Царевич, женясь на горячо им любимой Прекрасной Елене, стал со нею жить в полном мире и согласии, и они так искренно любили друг друга, что во всю жизнь не могли быть один без другого ни одной минуты и жили так они счастливо и дружески долгое время и всегда были хорошим примером для других супругов.

СКАЗКА
об Иване-богатыре крестьянском сыне

В одной деревне жиль крестьянин, и он был не очень богат. Жил он со своей женой три года, а детей у них не было. Наконец, на четвертое лето жена его забеременела и по прошествии надлежащего времени родила сына, которого назвали Иваном.

Когда этому Ивану было уже пять лет, то он все еще не мог ходить, потому что имел слабые ноги, он быль сидень. Это обстоятельство сильно заставляло горевать мать и отца Ивана, и они день и ночь горячо молили Бога, чтобы он дал здоровья их сыну. Но как они ни молились, а сын их Иван все продолжал быть со слабыми ногами и по прежнему сидел все на месте сиднем. И таким образом несчастный Иван просидел тридцать три года.

В одно прекрасное время отец и мать Ивана пошли в церковь к обедне. В их отсутствие подошел к окну избы их нищий и стал просить у безногого Ивана милостыню. Иван ответил ему, что — «и рад бы подать я тебе, да не могу встать с места». На это нищий сказал ему: — «Встань и сотвори мне милостыню, ноги твои здоровы и исцелены».

Услыша эти слова, крестьянский сын Иван тотчас же встал с места и несказанно обрадовавшись, что его ноги совсем стали здоровы и невредимы, кликнул того нищего в избу и чем было, накормил его досыта, Поев, нищий попросил Ивана дать ему напиться пива. Иван тотчас же принес пива и подал его нищему. Но нищий сам пива не пил, и велел всю принесенную кружку выпить Ивану, который не возражая, сейчас же все выпил. Тогда нищий спросил его: — «Ну, что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?» — «Очень много», отвечал ему Иван. — «Ну, теперь прощай же!» проговорил нищий и, сказав это, стал невидим, а Иван остался в великом удивлении.

Вскоре вернулись от обедни мать и отец Ивана, и увидев своего сына на ногах и совершенно здорового и невредимого, были крайне изумлены совершившимся в их отсутствие чудом. Они стали расспрашивать обо всем случившимся и сын пере-

дал им по порядку все то, что было и как он вдруг из безногого сделался совершенно здоровым. Услышав рассказ Ивана о приходившем в их избу нищем, они решили, что то был не нищий, а какой-нибудь святой, и после столь радостного события начали весело пировать, а сын их Иван пошел в огород пробовать свою силу. Войдя в огород, взял он в руки громадный кол и воткнул его посредине самого огорода, а потом он взял и повернул этот кол, да так сильно, — что вместе с колом повернулась и вся деревня.

Увидя в себе такую богатырскую силу, Иван пошел к своим старикам и стал с ними прощаться, прося их, чтобы они благословили его на дорогу. Услышав от сына про его намерение уйти из дому и оставить их стариков одних, они крайне опечалились и, горько заплакав, начали просить сына, чтобы он хотя бы еще малое время пожил с ними и не бросал бы их так скоро одних. Но Иван и слушать не хотел об этом и сказал им: — «ежели вы не отпустите меня по добру и не дадите родительского благословения, то и не надо, я и так уйду». Видя, что им не совладать со своим сыном и что он не обращает ни малейшего внимания ни на слезы их, ни на их просьбы, старики решились отпустить его по хорошему и дали на дорогу ему свое благословение.

Получив родительское благословение, Иван, крестьянский сын помолился Богу на все четыре стороны и, распростившись со своим отцом и с матерью, пошел прочь со двора и выйдя из дому, повернул на правую сторону и затем пошел далее, куда глаза глядят.

Шел Иван ровно десять дней и десять ночей и пришел он в одно государство, и лишь только вступил он на ту землю, как поднялся вдруг крик и шум величайший, так что царь той земли был очень смущен и придя в большой ужас велел клич кликать, и обещался тому, кто уймет этот крик и шум, отдать в жены свою дочь, а за ней в приданое половину своего государства.

Услышав этот кличь, Иванушка пошел прямо на царский двор и велел там доложить царю, что он берется унять тот крик и шум, что поднялся но всему царству. Едва только привратник услыхал те слова от Ивана, как немедленно же отправился к царю и доложил ему обо всем слышанном.

Царь тотчас же приказал позвать к себе Ивана, крестьянского сына и когда тот пришел к нему, то царь спросил его: — «Друг мой, правда ли то, чем ты хвалился привратнику? — Да, я, Иван, крестьянский сын, действительно хвалился ему тем, и за то ничего больше от тебя не требую, как только, отдай ты мне тот шум и гам», — сказал Иван. Услыхав столь странную просьбу, царь был крайне изумлен ею, и потом, рассмеявшись, ответил Ивану: — «Пожалуй, возьми, когда тебе надобно».

Получив согласие царя на предложенные им условия, Иван, поклонившись царю, вышел из его покоев и отправился прямо к привратнику и потребовал от него, чтобы он сейчас же дал ему сто человек рабочих людей. Привратник исполнил требование Ивана и нарядил в его распоряжение указанное число рабочих, которых Иван привел к царским покоям и заставил тотчас же рыть землю против этих покоев.

Когда рабочие, согласно приказа Ивана, вырыли уже достаточное количество земли, то увидели под той землею железную дверь с медным кольцом. Эту самую дверь Иван, крестьянский сын отломал одною рукою и выбросив ее вон, увидел там доброго коня богатырского со всею сбруею и богатырскими доспехами, и едва только конь рассмотрел Ивана, и узнал в нем седока по себе, как тотчас же пал пред ним па колени и проговорил человеческим голосом: — «Ох ты, гой еси, добрый молодец, Иван, сын крестьянский! слушай, что скажу я тебе: я засажен сюда был сильным и храбрым богатырем Лукопером и сижу я здесь несметные годы и все ждал тебя я ровно тридцать лет и три года и только теперь, наконец-то дождался. Садись ты на меня и поезжай, куда тебе надобно, я буду служить тебе верой и правдою, как ранее служил сильному и храброму богатырю Лукоперу».

Тогда Иван начал седлать коня и надев на него черкасское седло и тисменную уздечку, подтянул двенадцать подпруг из чистого шелка шемаханского и затем сев на коня ударил его по крутым бедрам. Конь рассердился и, поднявшись от земли, понес Ивана, крестьянского сына, выше леса стоячего, пониже облака ходячего. Долы и горы меж ног пускает, великие реки хвостом устилает; из ушей своих пускал дым густой, а из ноздрей великое пламя.

И ехал так Иван, крестьянский сын, ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал он в незнакомую сторонушку, в китайское государство. Приехав туда, он слез со своего коня доброго и пустил его гулять в чистое поле, на простор, а сам пошел в город и купил там пузырь, надел его себе на голову и в таком виде стал ходить около царского дворца.

Когда Ивана увидали в столь странном виде другие, то стали расспрашивать — откуда пришел он и какого рода человек и кто его отец с матерью? А Иван только и отвечал им на все расспросы — «не знаю».

Видя его в таком смешном украшении и слыша от него одно только малообъясняющее слово — «не знаю», все сочли Ивана за дурака и доложили о нем самому китайскому царю. Царь велел своим приближенным привести к нему лично появившегося в его государстве неизвестного дурака, и когда последний доставлен был во дворец пред лицо самого китайского повелителя, то сей, как и другие, начал тоже выспрашивать у крестьянского сына о его происхождении, как зовут его и откуда и зачем пришел он сюда? Но и царю был тот же ответ, что и другим: Иван на все вопросы отвечал одно и то же — «не знаю».

Выведенный из терпения таким бессмысленным ответом, китайский повелитель приказал дурака согнать прочь со двора. Но на ту пору, как-то случайно, пришлось быть здесь поблизости царскому садовнику, который, услыша о распоряжении своего повелителя насчет дурака, обратился к царю и стал просить его, чтобы он, вместо того чтобы прогнать чужеземного дурака прочь со двора, отдал бы лучше его для садовых работ в распоряжение ему, садовнику, на что повелитель изъявил согласие, и таким образом крестьянский сын неожиданно попал в придворные садовники.

Садовник, взяв с собою дурака-Ивана, повел его в царский сад и приказал ему, чтобы он чистил этот сад. Отдав таковой приказ, садовник ушел прочь иль сада, а крестьянский сын Иван, вместо того, чтобы заняться исполнением приказанного, лег себе преспокойно под одно дерево и уснул сном богатырским.

Проспав так до глубокой ночи, Иван, наконец, проснулся. Встав, он принялся не за чистку порученного ему сада, а стал

ломать одно за другим деревья в этом саду, и ломал их до тех пор, пока не сокрушил все до единого.

Рано утром пришел в сад старый садовник, и увидя такой погром всего сада, стал всячески бранить и журить своего дурака-помощника. Потом начал садовник допрашивать Ивана о том, кто переломал все деревья, а Иван только и твердит одно свое слово — «не знаю». Садовник пришел просто в отчаяние, не зная чем и пособить горю, а докладывать о случившемся своему царю боялся, как бы тот не прогневался на него и через то не вышло бы еще худшей беды.

Однако, как ни старался садовник скрыть об этом происшествии, все-таки дочь царя усмотрела из своего окна все случившееся, и, призвав к себе садовника, стала спрашивать его, — кто переломал деревья? — Садовник ответил ей, что беду эту натворил Незнайко, — но только он просил царевну, чтобы она ничего не говорила бы отцу своему, и обещался царевне в самом скором времени развести и вырастить еще лучше этого сад.

На другую ночь Незнайко не спал ни минуты, а все время носил из колодца воду и поливал те ломанные деревья, что попортил он в предыдущую ночь. К утру все эти деревья стали расти, и как только взошло солнышко — они распустились окончательно и разрослись еще пуще прежнего, так что новый сад стал красивее старого. Когда пришел садовник и увидал это диво, то он крайне изумился такому нежданному чуду, но тем не менее, у Незнайки не стал ничего спрашивать, так как решил, что все равно от него не добиться никакого толку.

Проснулась и царевна, и встав со ложа, подошла к своему окну, и увидя вместо прежнего — новый сад. да еще в более лучшем виде, чем был старый, царская дочь просто изумилась и тотчас же приказала опять призвать к себе садовника. Когда тот явился к ней, то она стала спрашивать его, как так скоро мог вырасти новый сад, да еще лучше, чем был прежде? Но садовник ответил ей, что он и сам не знает: отчего и как произошло такое необъяснимое диво.

С этой минуты, царевна увидала в Незнайке великую мудрость и полюбила его больше самой себя, и каждый день она посылала незнайке обед со своего царского стола.

У китайского царя, где поселился крестьянский сын Иван, было три дочери. Старшую из них звали Дуазою, среднюю — Спаою, а младшую, которая полюбила Ивана. — Лотаою. В один прекрасный день царь велел призвать к себе всех трех своих дочерей, и когда они явились на зов отца, то последний, обратясь к ним, стал говорить им: — «Вселюбезнейшие мои дочери! пришло уже то время, когда пора подумать вам о своем будущем, и каждая из вас, выбрав себе соответствующую партию — сочетаться брачным союзом. А потому я предоставляю вам, каждой по своему собственному желанию, выбрать кого-либо из царевичей или королевичей женихом, и со своим избранником повенчаться законным браком. Вот та цель, ради которой призвал я вас к себе». Две старшие сестры выбрали себе по царевичу, которые только известны им были, а младшая Лотаоя со слезами на глазах стала просить родителя своего, чтобы он позволил ей выйти ни за кого другого — как за Незнайку. Услышав от своей дочери о ее странном желании, царь был просто изумлен, и обратясь к ней сказал: — «Да ты, дочь моя, никак с ума сошла!? Просишь, чтобы я, царь, и вдруг позволил тебе, моей родной царской дочери выйти замуж за какого-то неизвестного и простого рода чужеземного пришельца, набитого — к тому же — дурака, который и говорить-то не умеет ни одного слова, кроме своего дурацкого — «не знаю». — Да что ты говоришь, опомнись!» — Но напрасно царь старался отговорить свою дочь от ее несоответствующего и постыдного для ее царского происхождения выбора. Лотаоя стояла на своем и ни о каком другом женихе и слышать не хотела, и не смотря ни на какие доводы своего царственного отца, повторяла ему только одно: — «Государь, мой батюшка! я прошу вас выдать меня за того, кого избрала я и кто люб моему сердцу». Тогда царь, видя всю бесполезность, ни к чему не ведущих его увещаний и доводов, махнул на нее рукою и сказал ей с великим прискорбием: «Если так, то как хочешь! ступай, пожалуй, за твоего дурака замуж!»

В скором времени от китайского царя были посланы тем двум женихам-царевичам, что выбрали себе старшие сестры Лотаои — царские указы, в которых сказано было, чтобы по

получении таковых, царевичи те немедленно же прибыли бы в китайское царство, для сочетания союзом с дочерями китайского повелителя. Когда указы получены были избранниками царских дочек молодыми царевичами-женихами, то последние тотчас же собравшись в путь, немедленно же отправились в китайское царство для венчания со своими невестами царевнами китайского повелителя, считая таковой союз за величайшую для себя честь.

Когда женихи прибыли в китайское царство, то в самом скором времени были назначены свадьбы всех трех царевен: двух — с царевичами, и третей младшей Лотаои с избранником ее сердца — дураком Незнайкою, чему очень смеялись все приближенные, а в особенности злорадствовали над этим выбором младшей царевны — ее старшие сестры, выходившие также по собственному желанию и выбору за молодых и знатных царевичей.

После свадеб молодых царевен прошло некоторое время. Как вдруг нежданно-негаданно подступил под самое китайское царство могучий и сильный богатырь Полкан, и привел с собою богатырь этот несметное количество войска. Полкан-богатырь послал к китайскому царю своих послов, чрез которых требовал, от царя, чтобы тот отдал бы ему в жены, — уже вышедшую за Ивана крестьянского сына замуж — младшую царевну Лотаою. Угрожая, в противном случае, если китайский повелитель не согласится добровольно исполнить этого требования, — сжечь до основания все китайское государство, а войско его изрубить мечом, царя же с царицею засадить в темницу, и дочь их, красавицу-царевну — все равно взять от них силою.

Китайский повелитель, услыхав от Полкана-Богатыря о таких страшных угрозах, перепугался до крайности, но, тем не менее, исполнить его требования царь не мог, да и не хотел, а потому приказал своим приближенным немедленно же созвать войско, и тотчас же вести его против рати Полкана-Богатыря, а начальство над этим войском поручил двум молодым зятьям своим, мужьям старших дочерей, которые незадолго перед этим поженились на царевнах.

Когда войско было собрано, то молодые царевичи повели его на бой против рати Полкана. И два войска, что две грозные

тучи, наступили одно на другое. Но как ни храбро было войско китайское, однако Полкан-Богатырь побивал его с необычайной быстротою и с каждой минутою ряды китайской рати становились все малочисленнее и малочисленнее, так, что чрез малое время надо было ожидать, что скоро и совсем погибнет все войско китайское и победитель-богатырь приведет в исполнение свои страшные и дикие угрозы.

Тогда младшая дочь китайского царя — прекрасная Лотаоя, — видя всю затруднительность и почти безвыходность из того положения, в какое попало китайское войско со своими главнокомандующими — молодыми царевичами, мужьями ее старших сестер, — и, предчувствуя, что скоро уже придет тот момент, когда войска неприятеля окончательно добьют китайскую рать и все государство погибнет от пламени вражеского огня, а сама она очутится в руках ненавистного ей врага ее отечества, она, Лотаоя, решилась прибегнуть к мудрости своего любимого мужа и просить его о спасении от гибели всей их родной страны; а потому, младшая царевна, не теряя ни минуты, явилась к мужу своему, по-прежнему почитавшемуся за дурака-Незнайку, и горячо и убедительнейше стала просить его о желанном спасении, говоря ему следующие слова: — «Дорогой и вселюбезнейший друг мой Незнаюшка! Ведь меня хотят отнять у тебя! Под самое наше государство подступил с несметным числом войска злой богатырь-Полкан и требовал моей ему выдачи, а когда в том ему, само собою разумеется, было отказано, то он начал войну против моего батюшки и теперь побивает с несказанною быстротою все наше войско, и если сейчас же не остановить его, то от его грозного меча и рати несметной — погибнет вся наша рать и могучий богатырь Полкан приведет в исполнение все свои ужасные угрозы и меня силою отобьет и отнимет от тебя моего дорогого и милого муженька!»

Услышав от жены своей про такую страшную напасть, Иван — крестьянский сын сказал жене, чтобы она не тревожилась и напрасно не волновалась бы, а оставалась бы в полном покое за свою участь и за дальнейшую судьбу ее отечества, и пока шла бы себе в свои покои, а его оставила здесь одного.

Едва царевна Лотаоя ушла из комнаты мужа, как тот в один миг выскочил из окна и быстро направился в чистое поле, где пасся на воле его дивный, как и сам он, богатырский конь. Придя в чистое поле, Иван крикнул своим зычным богатырским голосом: — «Гей, ты, сивка, бурка, вешняя каурка! стань передо мной, как лист перед травой!»...

На призыв Ивана вдруг мчится его конь богатырский: от топота его копыт вся земля дрожит, и из ушей коня дым столбом валит, а из ноздрей пламя пышет.

Примчался конь к богатырю крестьянскому сыну и стал пред ним, как вкопанный. В одно мгновенье, Иван влез в ушко своего коня: — напился там, наелся, в дорогой наряд нарядился и вылез из другого ушка — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать и ни в сказке сказать.

Приняв такой чудный вид, Иван быстро вскочил на своего коня богатырского, и быстрее молнии полетел в стан вражеский. И едва только он прискакал в рать Полкана и стал рубить и колоть направо и налево врагов своих, как те, видя непосильную борьбу свою с ним, стали отступать назад, и в самом непродолжительном времени все Полканово войско было обращено в бегство и прогнано прочь от китайского царства.

Когда битва окончилась и полная победа была на стороне китайского царя, то последний, увидав и узнав, кто был его спасителем, подъехал сам к крестьянскому сыну Ивану и, не признав в том, конечно, своего зятя, но, тем не менее, будучи ему благодарен за спасение от угрожавшей беды, стал убедительно просить Ивана к себе во дворец. Но Иван, ответив ему: — «я не твой слуга и не тебе служу» — отъехал от царя прочь и уехал совсем из рати китайской. Приехав опять в чистое поле и отпустив на свободу своего коня богатырского, Иван пошел к себе домой и придя в царский дом, где проживал он с женою своей царевной Лотаою, влез так же, как и вылез — в окно и, надев на голову пузырь, лег себе преспокойно в постель и заснул крепким сном богатырским. — А китайский повелитель тем временем, будучи в великой радости, приказал своим приближенным устроить большой пир и всех угощать на славу, и пир тот продолжался несколько дней кряду, так, что все подданные китай-

ского царя после избавления их Иваном от неприятеля долго ликовали и веселились от всей души.

Но прошло недолгое время, как вдруг опять надвинулась гроза на китайское царство: богатырь Полкан, снова подступил к китайскому государству и с прежними же угрозами стал требовать, чтобы китайский повелитель выдал бы за него в супружество свою младшую дочь. Но этого, конечно, царь, не сделал, а приказал скорее, как можно, собрать все его войско, и когда таковое было собрано, то послал его сражаться против рати Полкана. Но и на этот раз повторилось опять то же, что было и раньше: войска богатыря Полкана немилосердно стали побивать рать царя китайского, и видя прежнюю неудачу и ожидая поэтому, в случае победы врага, ужасных последствий, царевна Лотаоя опять пошла к своему мужу Незнайке и стала его, как и ранее, просить о защите и спасении их государства, напомнив при этом мужу, что главная цель Полкана заключается в том, чтобы отбить ее от него и взять бы себе в жены.

Крестьянский сын Иван, успокоив жену насчет безопасности, сказал ей, чтобы она ни о чем не думала и напрасно не тревожилась, а шла бы преспокойно в себе в покои и оставила бы его одного. И когда царевна Лотаоя вышла из комнаты мужа, то Иван в мгновение ока выскочив из окна, быстро пошел в чистое поле, и там по-прежнему призвав своего коня богатырского, и, изменив свою внешность, сел на своего верного коня и тот вихрем помчался в стан неприятельский. Прискакав туда, богатырь Иван начал направо и налево рубить и колоть рать Полканову, и чрез самое малое время истребил многое множество врагов своих, и те, видя опять неудачу, стали отступать назад, а затем — и совсем обратились в постыдное бегство, чувствуя себя бессильными к дальнейшей борьбе, с могучим богатырем, крестьянским сыном.

Когда неприятельское войско все поголовно было прогнано от царства китайского, то повелитель этого государства, будучи преисполнен чувством искренней благодарности к своему избавителю, вторично спасшего его и все царство китайское от неминуемой гибели и ужасного позора, сам лично подъехал к богатырю Ивану и, не узнав в изменившемся Незнайке свое-

го зятя, жившего в его же дворце, стал убедительнейше просить мужа царевны Лотаои поехать с ним к нему во дворец и там принять участие в торжественном пире по случаю избавления от опасности и полной победы над страшным врагом. Но Иван, сын крестьянский, поступил так же, как и в первый раз, т. е. наотрез отказался от приглашения китайского царя, и, ударив по крутым бедрам своего коня богатырского, быстро поскакал прочь от повелителя китайского и направился прямо в чистое поле, где слез с коня, отпустил последнего гулять по воле, а сам пошел опять во дворец своего тестя и, придя домой, залег себе, как ни в чем ни бывало, преспокойно спать и скоро же заснул крепким сном богатырским.

Китайский же повелитель, вернувшись с поля брани, приказал своим приближенным устроить по случаю победы пышный пир и собрав всех своих лучших воинов и полководцев, начал с ними на радостях пировать и веселиться вместе. И как ни старался китайский царь узнать о том, кто был его избавителем, и что за храбрый рыцарь тот, который так славно и скоро уничтожил наполовину рать Полканову — но никак не мог, ни от кого ничего разузнать о том ни полностию, ни частию хотя бы, так как никому не могло придти в голову, что был это ни кто иной, как царский зять — дурак Незнайка.

Наконец, по прошествии некоторого времени, и в третий раз подступил богатырь Полкан со своим многочисленным войском под царство китайское, и так же, как и в предыдущее оба раза, опять стал требовать от царя выдачи в жены ему младшей царевны Лотаои, угрожая в противном случае, если царь не сделает того добровольно, то отомстить ему за это еще большими бедами и невзгодами, чем грозил он, Полкан в прежние два раза. Но китайский повелитель не убоялся угроз Полкана-богатыря а приказал своим полководцам тотчас же собрать все войско китайское и идти в бой с многочисленной ратью Полкановой.

В самом непродолжительном времени со всего царства китайского были собраны все воины государя и снаряжены в битву с сильной ратью неприятельской. Когда начался бой — да такой, что не происходил ни в первый, ни во второй разы, — то войско Полканово стало немилосердно побивать рать китай-

скую, которая не будучи такой многочисленной, как неприятельская, стала было уже уступать врагу, и еще бы немного — и на стороне Полкана-богатыря была бы полная победа.

Видя такой печальный оборот для китайского войска, и боясь в случае победы врага неминуемой погибели для себя и всего своего отечества, младшая царская дочь Лотаоя опять пошла к мужу своему Незнайке., и как ранее — стала снова просить его сделать что-либо для спасения их государства от злого врага богатыря Полкана и его несметной рати богатырской. Услышав от жены про новое нашествие неприятельской силы, Иван, по-прежнему успокоил жену и велел ей ни о чем не беспокоясь идти себе в свои покои и оставить его одного.

Едва только царевна вышла из комнаты мужа, как крестьянский сын Иван с величайшей поспешностию, наподобие того, как и ранее он делал, — мигом выскочил из окна и быстро пошел в чистое поле, к своему коню верному. Придя в поле и позвав коня своего богатырского, крестьянский сын по-прежнему изменил свой настоянии вид и, сев на коня, быстрее молнии полетел в рать неприятельскую.

Но только что Иван тронулся в путь, как его дивный конь богатырский вдруг заговорил со ним человеческим голосом и сказал ему следующее:— «Ох, ты, гой еси, крестьянский сын Иван! служил я тебе и раньше, но теперь пришла мне служба великая, а тебе битва крепкая: — обороняйся от богатыря Полкана и стой всей своей богатырской силою, а не то — все воинство китайское и ты с ним вместе — погибнете непременно!»

Едва только проговорил слова эти конь, как Иван крестьянский сын, приободрившись и разгорячив своего коня доброго, еще пуще поскакал в стан неприятельский, и влетел во вражескую рать, что стрела каленая. Как только он врезался в силу неприятельскую, так тотчас же начал направо и налево рубить и колоть пуще прежнего врагов своих, и в самое короткое время уничтожил более половины войска вражеского. Тогда богатырь Полкан, видя, что дело приняло плохой для него оборот, и что войска его побито великое уже множество, рассердился, и что вихрь понесся на Ивана — крестьянского сына и, налетев на него, напал, словно лютый лев. Но и крестьянский сын не под-

дался тут же ему, а, собравшись с духом и с силою богатырскою, так же молодецки наскочил на Полкана-богатыря.

И сразилися тут две силы велики, два богатыря могучие и славные, и стали биться они не на живот, а на смерть, так что все войско ихнее — только дивилось им. И бились так эти два богатыря непобедимые очень долгое время, и удалось как-то Полкану-богатырю ранить в руку Ивана-богатыря. Но Иван, раненный в левую руку, рассердился и рассвирепел еще больше того, и правой здоровою рукою со всей силы направил, и ударил что есть мочи своего могучего противника прямо в сердце, и ударом этим прободал сердце Полкана-богатыря, и затем — тут же срубил и голову ему, и этим кончился славный поединок между двумя могучими и сильными богатырями. Видя погибель знаменитого вождя своего, все войско его Полкана-Богатыря тотчас же обратилось в постыдное бегство и оставило навсегда китайское царство.

После этой славной битвы Иван крестьянский сын сам подъехал к повелителю китайскому и сообщил ему, что государство его теперь навсегда избавлено будет от нашествий столь грозного врага, каким был для царства китайского Полкан-богатырь. Бывшая здесь же при отце своем царевна Лотаоя, увидев на руке незнакомого рыцаря текшую кровь, и не узнав в рыцаре этом своего мужа, а только по чувству долга человеколюбия и благодарности поспешила в свою очередь придти на помощь к своему избавителю, и тотчас же, взяв платок свой, перевязала им раненную руку этого храброго воина, так великодушно вступившегося за ее отечество и благодаря своей силе, и храбрости отвратившего великий позор ее родины и немилую неволю ее самой.

Пока царская дочка Лотаоя перевязывала рану храброго богатыря, ее отец убедительнейше просил его не отказаться и поехать с ними в их царский дворец!.. Китайский повелитель, не смотря на свой высокий сан, начал кланяться до лица земли Ивану, уговаривая его исполнить просьбу и поехать вместе с ними. Царевна Лотаоя, благодарная этому неизвестному ей богатырю, неузнанному своему мужу, тоже присоединилась к просьбам отца и со своей стороны также упрашивала незнакомого рыцаря ехать с ними вместе во дворец для принятия поче-

стей и на пир по случаю одержанной над таким страшным врагом победы. Но, несмотря на все упрашивания и уговоры отца и дочери, крестьянский сын Иван наотрез отказался поехать в гости к китайскому царю и тотчас же ускакал от них прочь.

Уехав с поля брани, Иван направился опять туда, где и ранее гулял его добрый конь на вольной волюшке, и, приехав в чистое поле, отпустил своего слугу верного — коня богатырского гулять себе на поле в широком просторе и пользоваться полной свободой. Отпустив коня, богатырь Иван пошел обратно в царский дом, в свои покои, и придя домой залег себе, по своему обыкновению, преспокойнейшим образом спать и уснул скоро крепким сном богатырским.

Тем временем китайский повелитель, на радостях, приказал устроить для всех своих подданных такой пир, какого никогда не бывало еще в том государстве, и повелел на пир тот звать всех, кто был на поле брани. И так долго веселились и пировали царские воины и другие из подданных и приближенных государи, и с ними тут же были и все члены царского семейства, и недоставало только одного зятя, мужа младшей царевны Лотаои — дурака Незнайки.

Тогда царевна, видя, что отсутствие ее мужа не совсем удобно в то время, когда другие зятья царские присутствуют здесь же, на пире, она пошла в комнату мужа своего, звать его быть на пире вместе с другими. Но, придя к нему, она увидела его спящим, и как ни старалась она, но никак добудиться не могла его. Во время бужения царевна вдруг заметила на голове мужа золотые волосы, что привело ее в немалое изумление. Потом., когда она снова принялась было будить Ивана, то вдруг увидела на руке его свой платок, тот самый, которым она пред этим завязала неизвестному ей рыцарю, после брани, раненную руку и который, несмотря на все их упрашивания, отказался ехать на пир во дворец. Тут только царевна поняла, что это он, муж ее Незнайка, был избавителем ее отечества и три раза подряд побивал вражеское войско, и, наконец, в третий раз убил и самого вождя неприятельского Полкана-богатыря.

Сделав такое неожиданное открытие, и узнав теперь — кто истинный избавитель ее отечества, и кому она обязана своим

личным, спасением, царевна тотчас же побежала к отцу своему и сказала, чтобы он шел с нею в комнату ее мужа.

Китайский повелитель сию же минуту отравился вместе с младшею дочерью в. покои ее мужа, где в это время крестьянский сын Иван по-прежнему продолжал почивать своим крепким сном богатырским и ничего не подозревал о том, что над ним производилось наблюдение: сперва его женою, и потом и самим царем, разглядывавшим его, Ивана, с самым тщательным вниманием. При этом младшая царевна Лотаоя, обратясь к своему царственному отцу, с гордостью и сознанием собственного достоинства, сказала ему:

— «Ну, вот, государь-батюшка, вы говорили мне, когда я просила вашего согласия на брак с моим теперешним мужем, что он дурак, и не умеет даже говорить как следует, и то же продолжали говорить и после свадьбы нашей, что я вышла за дурака, но посмотрите, попристальнее и повнимательнее на моего спящего здесь пред вами мужа, осмотрите его волосы и ту рану, полученную им в славной схватке богатырской от врага отечества нашего — Полкана, и собственноручно перевязанную мною моим же платком, — и вы тогда поймете и узнаете подлинно — кто лежит здесь перед вами!»

Тут только китайский повелитель узнал в спящем зяте того могучего и сильного богатыря, который так великодушно жертвовал собою ради спасения ею трона и всего отечества, и три раза выезжал на жаркий бой с превосходящим численностью войском неприятельским, и все разы, благодаря своей непостижимой ловкости, силе и храбрости, оставался победителем рати вражеской, закончив напоследок славным поединком с самим предводителем той рати, грозным Полканом-богатырем, которого убив, навсегда устранил опасность нового нашествия на китайское государство того войска. Только теперь понял царь, какого редкостного и дивного приобрел он зятя в лице спящего перед ним человека, которого выбрала в мужья себе его мудрая дочь Лотаоя, и который для него стал теперь мил, так же, как для царевны мил был ее муж и во все предыдущее время. И после такого неожиданного открытия радости и веселию царя не было пределов.

Когда проснулся от долгого и крепкого сна крестьянский сын Иван, то царь тотчас же подхватил своего богатыря-зятя под белые руки и повел его торжественно в свои роскошные и полные великолепия и блеска парадные чертоги, где публично перед всеми собравшимися там членами своего семейства и знатными приближенными искренно благодарил Ивана за его храброе заступничество за честь войска и государства китайского и за полное поражение вражеской рати, и тем оказанное навсегда избавление от нового нашествия этого погибшего ныне, грозного богатыря-Полкана, — на царство китайское.

После описанного выше события китайский повелитель так сильно полюбил и привязался к своему младшему зятю Ивану, что стал подумывать о том, чтобы по смерти своей сделать Ивана наследником всего государства. А так как царь был уже в довольно преклонных летах, то и решил, во избежание всяких недоразумений, передать управление царством еще при жизни своей, и вскоре после этого решения возложил венец царский на главу своего зятя, мужа дочери Лотаои, коего почитал он за своего сына, и передал ему все управление государством, как бы после смерти своей, и таким образом сделал он Ивана крестьянского сына полным властелином всего государства и законным повелителем Китая.

Приняв от тестя своего китайский престол, Иван начал разумно и мудро управлять вверенным ему государством, и был одним из лучших повелителей Китая.

С супругою своею, царевною Лотаою, которой он обязан был троном, он жил весьма любовно и в полном во всем согласии, и прожили они так долгую жизнь. Процарствовав многие годы и счастливо прожив с женою, они с честию кончили век свой, оставив по себе, в среде своих подданных и приближенных, добрую память.

СКАЗКА
о хозяине и работнике

В одной деревне, отстоящей в верстах четырех от города, жил-был один человек, имевший очень вспыльчивый нрав, благодаря которому он часто оскорблял крестьян, приводя тем последних в сильное негодование.

В один прекрасный день, человек этот, дал своему работнику несколько денег, приказав купить на данные деньги десяток яиц для него, и купив, сварить их так, чтобы они были не очень густы и не очень жидки. Получив этот приказ, работник живо собрался и съездил в город, где купил назначенное ему количество яиц и поехал с ними обратно, варить яйца эти всмятку.

Приступив к варке и стараясь точно выполнить желание хозяина, он стал внимательно следить за их готовностию, зная, что в случае неудачи, его хозяин, будучи крайне вспыльчивого характера, может очень прогневаться на него. А потому работник ежеминутно наблюдал с особенным вниманием за варившимися в кастрюле яйцами. Но как ни старался он о том, чтобы яйца не переварились или не доварились, — все-таки никак не мог узнать определенно о внутреннем состоянии их, и поэтому решился на единственное, по его мнению, средство, приготовить яйца, как желал его хозяин: он взял одно яйцо и, разбив его, — вылил себе в рот. Потом, желая справиться о другом яйце, — он поступил по примеру первого, а затем стал удостоверяться о готовности варившихся яиц, продолжая над ними одинаковый с первым способ.

В скором времени от десятка осталось всего три штуки яиц, которые работник не решился уже пробовать, а, вынув из кастрюли, и положив на тарелку, — подал их своему хозяину.

Увидев вместо десяти только три яйца, хозяин, вспыхнув, громогласно закричал на своего работника: «Как, разве я приказывал тебе купить столько, сколько лежит здесь, предо мною?!» Испугавшись хозяйского гнева, работник со страхом отвечал своему сердитому хозяину: — «Милостивый государь! я в тонности исполнил ваше приказание и купил ровно столько, сколько вы при-

казать изволили; но, желая угодить вашей милости и приготовить яйца такими, как вы того хотели, я, боясь, как бы они не переварились, и вместо всмятку, чтобы не сделались бы вкрутую, я их пробовал и семь штук из них употребил на пробу».

— «Ах ты, плут этакой! — вскричал хозяин, — как, ты их съел?!» — последний вопрос рассерженный хозяин повторил три раза. При таком обороте дела бедный работник растерялся окончательно и не знал, что сказать и что ему делать и, предположив, что хозяин повторением вопроса желает узнать, как именно ел он варившиеся яйца, купленные для хозяйского стола, работник решился показать хозяину над последними оставшимися тремя наглядный пример того, как пробовал он первые семь штук, и, взяв эти три яйца с тарелки, последовательно разбил и выпил одно за другим все три штуки, проговорив при этом: — «Вот, сударь, как я их ел».

Как ни был раздражен и разгневан в этот момент хозяин, но, видя такую своеобразную находчивость и сообразительность в своем виноватом работнике, не мог удержаться от смеха и на сей раз простил его за сделанный им проступок.

По прошествии некоторого времени после описанного выше случая, хозяин, собираясь ехать в гости к своей сестре, сказал своему работнику, чтобы он приготовился сам, а также подготовил бы и все необходимое для дороги к утру другого дня. Выслушав приказание хозяина, работник спросил его: — «Не прикажете ли захватить с собою заодно и хорошего завтрака или ужина?»

Но хозяин восстал против намерения своего работника, строго запретив ему обременять какими бы то ни было лишними припасами ехавшую лошадь, добавив при этом, что надеется приехать к месту назначения еще задолго до захождения солнца.

Но работник, зная быстроту бега хозяйской лошади, рассудил иначе, и запасся на дорогу изрядным количеством разных съестных припасов на ужин, припрятав весь запас как можно подалее от глаз хозяина.

На другой день, едва только утренняя заря успела прогнать ночную тьму, как хозяин приказал своему работнику подавать лошадь и, сев в экипаж, они тронулись в назначенный путь.

Ехали они долго, а проехали только половину пути, и хозяин, видя, что ошибся в своем предположении, стал говорить своему работнику, что, как ни торопись, а до ночи им, пожалуй, все равно не успеть добраться до конечной цели их пути; да к тому же начинало уже и смеркаться, и, понимая теперь ясно, что далее, в ночной темноте, ехать будет не особенно-то хорошо да и не совсем безопасно, — хозяин тотчас же приказал своему работнику остановиться и не ехать дальше, пока не станет рассветать, решив при этом остаться ночевать здесь, на поле, в своей повозке.

Подъехав к стоящему в стороне сенному стогу, работник распряг лошадь и, вынув из повозки мешок и захваченный им в дорогу запас провизии, забрал с собою все эти предметы и полез себе преспокойно на сенной стог. Забравшись туда, запасливый работник влез в взятый с собою мешок и, расположившись таким образом, как только можно было поудобнее, принялся за свой ужин.

Тем временем хозяин, расположившийся было на ночлег, почувствовал сильнейший голод, и, услыхав, что работник его на стоге что-то ел, спросил его: — «работник, чем ты утоляешь свой голод?» А работник, смекнув, в чем дело, отвечал ему: — «Сеном, сударь». — «Так поделись и со мною», — сказал хозяин. Работник тотчас же выскочил из своего мешка, и выдернув из стога клочок сена, подал последнее своему недогадливому хозяину. Взяв поданное сено, и отделив из него несколько травинок, хозяин положил их в рот и стал нехотя жевать это необычайное для человеческого вкуса блюдо. Но едва от только начал пережевывать сухое сено, как в ту же минуту почувствовал к этому странному блюду полное отвращение и с величайшим омерзением выплюнул его вон, дивясь в то же время, как это мог есть его работник такую отвратительную гадость, да к тому же еще твердую настолько, что все зубы переломаешь.

Итак, не став продолжать предложенного его работником ужина, наш хозяин остался на всю ночь голодным, и потому, желая как-нибудь поскорее скоротать предстоявшую впереди только что начавшуюся ночь, хозяин решил лучше опять лечь спать и таким образом незаметно дождаться следующего утра.

Но видно судьба преследовала нашего хозяина в эту злополучную для него ночь. Едва только улегся он спать на дно своей повозки, как вдруг неожиданно задул сильнейший северный ветер, и наш хозяин так здорово продрог от стужи, что не зная, чем и как спастись от нее, так как сам он был одет по-летнему, а с собою на случай холода ничего не захватил. И вот опять обратился хозяин к своему работнику, мысленно надеясь, узнав, как тот спасается от холода, перенять от него пример и самому поступить так же. На вопрос хозяина: «на чем ты лежишь?» работник отвечал ему: «на мешке». — «А что у тебя в головах?» — продолжал допытываться хозяин. — «Мешок же». — «А в ногах?» — «Тоже мешок, сударь» — «А чем ты одеваешься?» — «Мешком же и одеваюсь я, сударь». — «Тьфу ты! что за черт! да сколько же у тебя мешков? Дай мне хотя один». — «Да у меня, сударь, у самого всего только один мешок имеется, который все нужды мои исправляет».

Так и пришлось хозяину, оставшись ни с чем, мучаться всю ночь до самой зари от голода и холода. А хозяйский работник спал во всю эту ночь самым преспокойным образом, так как плотно поужинав запасенной им на дорогу провизией, тепло и уютно устроился себе на сенном стогу, весь с головой залезши в большой и толстый мешок, который ни малейшей не пропускал сквозь себя стужи и ветра.

На следующее — после описанной ночи — утро, едва только стало рассветать, хозяин, промучившийся всю эту ночь, приказал своему работнику немедленно же готовиться в дальнейший путь и как можно скорее запрягать лошадь. Когда все было уже готово и можно было отправляться в дорогу, то хозяин вздумал почему-то разыграть из себя что-то такое, что было одному ему только понятно. Он вдруг обратился к своему работнику и начал отдавать ему следующее приказание: — «Как только мы придем к дому сестры моей, то я, войдя в комнату и сев на стул, закричу тебе неизвестные слова, а ты, услыхав это, тотчас же объясни сестре моей, что это по-немецки я приказываю тебе накрывать немедленно же на стол, что в точности сию же минуту и исполни». Выслушав сказанное хозяином, работник отвечал ему, что все это будет исполнено так, как он, хозяин, того желает.

Наконец, после неближнего пути, хозяин с работником приехали в место жительства сестры хозяина. Когда последний взошел в дом, то, как и говорил ранее, уселся в комнате на стул и закричал неизвестные и ни для кого не понятные слова, полагая, что сестра его, не знавшая по-немецки, будет крайне изумлена, услышав от брата незнакомую речь.

Но работник, хотя и обещал хозяину исполнить его желание, тем не менее, все-таки вздумал поступить иначе и проучить своего хозяина, чтобы впредь он был умнее и не разыгрывал бы из себя образованного господина, когда на самом деле этого нет, а потому работник, вместо накрывания стола, подошел к сестре хозяина и тихонько шепнул ей на ухо, чтобы она поскорее приказала затопить свою баню, и, сказав это, сам тотчас же вышел вон из комнаты. Оставшись один, хозяин полагал, что его работник пошел приготовлять посуду для накрывания стола, а потому все время терпеливо сидел и ожидал: когда же будет, наконец, накрыт стол и подано кушанье. Но сколько он ни сидел, а все никто не являлся в комнату, и прошло уже несколько часов, когда наконец в комнату вошла его сестра и согласно его приказанию на немецком языке, предложила ему идти в баню.

Видя, что дело неладно, хозяин закричал своего слугу уже по-русски, и когда тот явился, то хозяин накинулся на него и сказал с озлоблением: — «Ведь я же тебя предупредил об том, что скажу немецкие слова, которые означают, чтобы накрывали на стол, почему же ты не исполнил моего приказания?!» — «Ах, сударь, — отвечал работник, — так вот вы и сказали бы прямо по-русски, и я в точности исполнил бы ваше приказание, а то говорите по-немецки, когда сами изволите знать что я на немецком языке ни говорить, ни понять — ничего не могу».

И так, этим последним событием, работник дал урок хозяину, чтобы этот последний был вперед умнее и не говорил бы по-немецки с теми, кто этого языка не знает.

СКАЗКА
о петухе и курах

I

Господину нашему, всякой милости творителю,
И при своем благодарном доме хранителю;
И с любезною нашею сожительницею,
Всякий день нашею кормилицею:
Слезное прошение приносим.
И милостивое решение учинить просим:
Бьют челом и плачутся по вашей охоте
Обретающиеся куры при домашней роте:
На мужа своего куропатку
За непостоянную его ухватку.
А о чем наше прошение слезное:
Просим учинить милосердие полезное.
Жительство мы имеем, ваши курицы —
В артиллерийской Пушкарской улице;
А при нас вышеписанный муж наш петух белый;
К топтанью нас был смелый.
И к тому же третий год находится,
Как он снами при вашем доме водится;
К тому ж тут от курицы рождение имел.
Где ни захватил нас — топтать был смел:
Чем мы зело были от него довольны,
Всегда послушны ему и склонны.
И от него были одолжены, так как послушные его жены;
И после топтания хвостом трясли.
А вам от того часто яйца несли,
И при доме вашем во всякой верности служили,
И многих на племя деток выводили.
Известны о том ближние наши соседки,
Что нынешним летом были у нас три наседки;
И одна так на яйцах сидеть трудилась,
Что от великой прилежности умертвилась.
Из нас же одна, бедная, попечение имела:

Не оставивши яйца, — благополучно досидела.
О верности нашей самим вам известно,
Как служить вам нелестно.
А сего месяца, только не упомню, которого числа,
Внезапно к нам старая курица пришла;
Объявила нам непристойные вести,
Которые мы сошлися слушать вместе:
Что, вышеписанный муж наш, петух,
Без ведома нашего пропал вдруг.
Прежде обретался всегда с нами вместе,
А сего числа оставил нас одних на насесте;
И видимое дело, из дому нашего бежал,
А из нас, кур, никто его не видал.
И так, нас, бедных, в печали оставил,
Вечно по себе тужить заставил.
И без него некому нас стало топтать,
А к другому мужу не скоро можем пристать.
Иной так нам не может услужить,
А с ним мы обыкли совестно жить.
Без нас он мало и корму клевал:
Всех нас во едину компанию скликал.
А приметами — платьем — был белый;
И своим видом очень веселый.
Хохол не большой, однако ж в особливой примете,
Как женщина в преизрядном корнете;
Хвост, как павлин распускает;
Голос пением ясно распространяет:
Слыша то пение, всякому человеку,
Днем и ночью — любимый дон Кекереку.
Ноги имел короткие и бегал скоро
В нем же иногда находилась ссора;
Часто получал и великие прибытки:
С прочими петухами выходил на поединки,
Которых доставлял до немалой беды:
Разбивал головы их и гребни до руды.
Пресильно к баталии был смел,
И паче в ногтях острых крепость имел.

Мы в его ведомстве были регулярны:
Сам идет по улице пред нами впереди,
А мы искусно следуем все сзади.
Водил нас строем к корыту корм кушать,
А мы его повеления готовы были слушать.
А теперь некому нас, бедных, строем водити,
И довольно пищею кормити.
Того ради вам, нашему хозяину объявляем:
Что мы своего мужа сутки не видаем.
Соблаговолите об этом написать билеты,
И изъяснить вышеписанные его приметы.
А паче обыскать во всех улицах:
Не сыщется ли где при чужих курицах?
Может быть, кроме нас полюбил,
То так смеленько и поступил.
И прежде находился в таковых доводах:
С чужими курами гулять не в своих огородах.
Из нас некоторые в доме старые куры —
Присмотрели за ним не малые амуры.
И о вышеписанном пишем вам во известие.
А нам муж наш учинил бесчестие.
Рапорт прислан из Туля
Того месяца июля.
Мы куриного роду —
Пьем всегда воду,
К рапорту руку не приложили,
Но так предложили.
Понеже ходим не руками,
Но по нашей природе ногами.
На том рапорте подписано получение
И того петуха отлучение.
Получен вышеписанного числа и лета,
А о побеге петуха бумажка эта.
Взяв в курятник написать билеты,
И того петуха прописать приметы,
Которые немедленно объявить,
Дабы оного беглеца ловить.

Из куриного роду того регулярства
Послать в погоню кур целое капральство,
И с ними индейского петуха с билетом ясным,
Купно и носом его красным.
Поймав того петуха, ни в чем не помогать:
Взяв, в тяжкие железа заковать,
И вести к курам скованного всю дорогу,
А есть давать очень понемногу.
Приведши в курятник,
В железах посадить,
А о том приводе
Мне объявить.

Посылается билет с индейским петухом

Билет объявляется в Пушкарской слободе, жителям
Той слободы и посторонним служителям,
Что сего месяца нечаянно вдруг
Из дому моего бежал петух;
А приметами оный: перьями белый
Со всего виду, а корпусом веселый.
Еще ж был в особливой примете:
Хохол подобен — якобы женщина в корнете.
Ногами от прочих — гораздо коротенек,
Ростом не велик, но не маленек.
А от роду ему будет не более трех лет,
У которого еще и бороды нет;
А имя ему — Куропаткою назывался,
Когда он при доме моем обретался.
И ежели у кого сыщется на насесте,
С домашними курами вместе,
Те б люди в доме у себя не держали,
Немедленно мне об нем объявляли;
А за такое их скорое объявление
Дано будет немалое награждение,
А именно: яйцо выеденное, пустое,
А другое, лишь скорлупа толстая.

Сверх того — кто сего определения не послушает,
За обыскание петуха вместе с курами — покушает
Квасной гущи, смешанной с отрубями,
И почтен будет пред прочими людьми.

II
Об объявлении петуха

Сего месяца, как стало быть известно
Пришел обыскатель, объявил словесно:
Что белого петуха в слободе нашел,
Чего ради и объявить об нем пришел.
А сыскал-де ни у кого более иного,
Кроме человека мастерового.
Против оный петух найден,
И в дом хозяина приведен,
Который спрашиван и в допросе показал,
Зачем от двора своего отстал.

III
Вопросные пункты

Вопрос 1.
Сколько тебе, петух, от роду лет и годов;
Из каких ты бывал прежде родов;
Давно ль при доме хозяйском обретаешься
И с курами его в компании знаешься?

Ответ.
От роду мне более трех лет не признаваю,
И с того времени с курами пребываю.
Родился я в Пушкарской улице,
В доме хозяина от белой курицы.
Высижен из яйца, из него лупился,
И с того времени неотлучно при доме находился.

Вопрос 2.
А сего месяца и числа с какого виду отлучился,
И хозяина в доме не спросился;
Также и женам про то не объявил,
Так самовольно поступил,
И ночевал с чужими курами вместе
Не в своем доме, — на чужом насесте?

Ответ.
Того числа я из дому отлучился,
И в вышеописанном доме на насесте явился;
Затем, хотя того чинить было не надлежало,
Только одна ко мне курица прибежала,
Позвала к себе на время посидеть:
Хотела со мною компанию возыметь.
Того ради и с тем резоном и отлучился,
Вместе с нею кушал и повеселился.

Вопрос 3.
Против твоей отлучки не имел ли амур:
Не топтал ли чужих кур?
И ежели топтал, каких приметом,
И много ль оных было счетом?

Ответ.
Чужих кур топтал, что мне повинны,
А домашние стали быть противны.
Когда захочу топтать — то не приседают,
Но, видя меня, далеко прочь отбегают;
А я на коротких ногах не могу догнать:
Того ради принужден чужих топтать;
И оных я не считал:
Где которую поймал, тут и топтал.
Чужие верно любить меня обязались;
Старые и молодые куры часто попадались.

Вопрос 4.
О оном без позволения, признаешь ли себя вина,
Что так учинил противна?

Ответ.
Я в той винности мало признался;
Разве о своем отлучении вам не сказался;
А впредь того дела и чинить не буду:
Чужих кур топтать позабуду.

Вопрос 5.
А о том твоем побеге, без всяких фигур —
Не видал ли кто из домашних кур?

Ответ.
Никто не видал: я сам тайно ушел,
И к чужим курам в гости пришел.

Вопрос 6.
В том сущую правду сказал?

Ответ.
Истинно. Ни единого слова не солгал.
Ах, мои лапушки верные,
Супруги нелицемерные!
Почто оставили петушка,
Любезного своего дружка.
Перестаньте на меня нападать:
Киньте крупок поклевать.
Истинно устали мои ножки;
И в зобу нет ни крошки.
Как бы я чужих кур не топтал,
То б и колодок не видал.
Хотя им и мужем нарекался,
А теперь для них в беду попался.

IV
Определение по суду

Настоящим делом
Учинить штраф над петухом белым:
За отлучку его из дому от своих кур
И о возымении с чужими амур: —
Посадить в курятнике в две колодки,
А на карауле поставить из кур две молодки.
И в том курятнике три дня пребывать,
И есть ему ничего не давать.
После трех дней веником бить,
Чтобы перестал к чужим курам ходить.
И наказанье учинить при собрании кур в строй;
А каждая курица при экзекуции стой.
И объявить: ежели впредь будет так поступать,
То не такой штраф учинять;
И никаких определениев не послушают, —
Приятно в пироге скушают.

Снежный ребенок

Поехал в Астрахань из Вологды купец,
И там жену оставил.
На Волге в три года он все дела исправил.
И наконец
К жене в свой город возвратился.
Но как же удивился,
Увидя мальчика при ней почти двух лет.
— «Скажи-ка мне, мой свет»,
Спросил он у нее, — «да чей ребенок это?»
— «Наш, батюшка. Вот третье лето
В Петров пост будет, как я Петю родила»
— «Помилуй: три года без меня была!»
— «Что делать — виновата:
Снежинка как-то в рот попала мне зимой

И от того, родной мой,
Я сделалась брюхата.
Не веришь? — скажет вот Ивановна, кума,
Что девочку она так родила сама.
Смотри, как Петя мил: какой он белый, нежный,
И видно, что уж снежный.
Да поцелуй его». Купец поцеловал,
И более жены расспрашивать не стал.
Она лисой к нему ласкалась,
Всем угождать ему старалась, —
И только что с одной Ивановной, кумой,
Тайком над ним смеялась.
Лет через шесть купчина мой
Собрался в Астрахань опять, и взял с собой
Петрушку пасынка. Тогда была весна;
А воротиться с ним он обещал зимою.
Не смела тут ему противиться жена:
Скрепясь, сынка благословила,
И правду молвить — не без слез, —
В путь дальний мужа отпустила.
А тот — в Москву приемыша завез,
Да против женина желанья,
В сиротский дом отдал для воспитанья.
Пришла зима. Приехал муж один.
Мать бедная своей беды еще не знает,
И за воротами хозяина встречает.
— «А, здравствуй, батюшка! где ж Петенька, наш сын?
Ох, не озяб ли он?» — «Нет, не озяб — растаял
Он в Астрахани от жаров.
Признаться: — этого, жена, я сам не чаял.
Да сделался уж грех таков!
Немудрено: ребенок слабый, нежный, —
А там жары не то, что здесь, —
В минуту бедненький растаял весь.
И, видно, что был снежный!»

СМИРНЫЙ МУЖИК И ДУРАЧЛИВАЯ ЖЕНА

Жил один мужичок вместе со своею женою в большой бедности, и был он так смирен, как теленок, а жена его, напротив, — так зла, как змея лютая. Всегда эта злая баба ругала и бранила своего мужа, как нельзя хуже, и даже нередко случалось, что и била его, и все это за самую малую безделицу.

В одно прекрасное время злая жена, не имея у себя, из чего испечь хлеба, выпросила у своего ближнего соседа ржи, на один только хлеб, и, снарядив своего мужа, отправила его к мельнику просить, чтобы тот позволил смолоть принесенную рожь.

Когда посланный своею злою супругою смирный мужичок пришел к мельнику и стал просить его позволить смолоть рожь, то мельник, видя и зная его крайнюю нужду и ужасную бедность, сжалился над ним и позволил ему бесплатно перемолоть свою рожь. Мужичок, поблагодарив доброго мельника, принялся за размол, и так как ржи было немного — всего только на один хлеб, — то он скоро и смолол ее.

Смоловши рожь, наш мужичок собрал муку в принесенную с рожью чашку и направился себе в обратный путь к своему дому. Но, видно на его уж несчастье, подул вдруг такой сильнейший ветер, что в одно мгновение сдул всю муку из его чашки, и он принужден был возвратиться домой безо ржи и без муки, с одною только пустою посудою. Но помочь беде было нечем, и приходилось волей-неволей подчиниться злой судьбе, да кроме того, что приходилось теперь оставаться без хлеба, — еще нужно было дома ожидать величайшей неприятности от его злой дражайшей половины, и поэтому бедный мужичок шел домой скрепя сердце и ожидая всяческой ругани и брани.

И действительно, едва только успел переступить порог он, и рассказал своей жене о случившейся беде, как та, что сорвавшаяся с цепи злая собака, накинулась на своего бедного и безответного мужа, и на чем свет стоит, принялась всячески ругать и бранить его. Уж как только не ругала и не бранила его: на все-то лады! И видя, что муж ей не прекословит, она еще пуще

рассвирепела и принялась, что есть мочи, бить и колотить своего смирного, как теленок, мужа.

Колотила она его до тех пор, пока не уморилась сама. Уставши от битья, она снова принялась ругать его, а затем стала посылать его к ветру, который муку из чашки развеял, чтобы он, муж, потребовал с того ветра за причиненный убыток, и получил бы с него деньгами или мукой столько же, сколько было у него в чашке, когда он шел домой к себе.

Вытерпев столько мучений, и перенеся от злой жены своей такие тяжкие побои, бедный мужик не знал теперь, что и делать ему: возражать жене он не смел, а идти с требованием к ветру — не знал куда. Но чтобы не нажить еще большей беды и не вызвать на свою голову новых неприятностей и побоев, мужик, ничего не сказав против бессмысленного желания злой ведьмы-жены, надел шапку и вышел вон из дому.

Выйдя из дому и отойдя на далекое расстояние от избы своей, бедный мужичок залился горькими-прегорькими слезами, и пошел, сам не зная куда, продолжая во всю дорогу горько плакать, и за слезами — сам того не заметив как, зашел в дремучий и огромный лес, и, не ведая дороги, стал по тому лесу ходить без всякой цели. Вдруг навстречу ему попалась старуха, и, увидев плакавшего мужичка, была очень удивлена его приходом сюда, и, остановив беднягу, обратилась к нему со следующим вопросом: — «Скажи мне, добрый человек, куда идешь ты, куда путь держишь, и как тебя занесло сюда в эту сторонушку: ведь сюда и птица-то мало залетает, и зверь-то редко забегает?» Увидев старушку и обрадовавшись, что встретил хоть живого человека, да к тому же еще с таким участием отнесшегося к нему в его горе, он, мужичок, тотчас же и охотно ответил спросившей его старушке: — «Матушка-старушка, завела меня сюда неволя», — и тут же рассказал он про свою напасть, так нежданно-негаданно постигшую его. — «Ходил я на мельницу рожь молоть, и смолотивши, высыпал муку в чашку и пошел себе домой. Только что вышел я с мельницы, как ни с того ни с сего — подул вдруг такой сильный ветер, что всю муку мою, до последней пылинки, выдул сразу из чашки и пришлось мне без муки и безо ржи, с одними пустыми руками возвратить-

ся домой. Когда я пришел домой и рассказал о приключившейся беде злой жене моей, то злая баба, как лютый зверь накинулась на меня и всячески, как нельзя хуже изругала, а потом и избила меня и прогнала вон из дому, заставляя меня, чтобы я шел к тому ветру, который сдул всю муку мою из чашки, и потребовал бы с него за причиненный убыток наличными деньгами или мукою столько же, сколько нес я обратно с мельницы. И вот теперь я хожу и ищу везде ветра, да к несчастью моему, не знаю, где найти его».

Выслушав со вниманием печальный рассказ бедного мужичка, старушка сказала ему: — «Иди за мною. Я мать ветрова. У меня их четыре сына: первый — восточный, второй — полуденный, третий — западный и четвертый — полуночный. Так скажи же мне теперь, который из них муку у тебя раздул». «Полуденный, матушка», проговорил мужичок. Старуха повела мужика далее, в глубину леса, и, приведя его к небольшой хижинке, ввела в нее и сказала ему: — «Вот, мужичок, я здесь живу. Ты пока полезай на печь и там хорошенько укутайся. В скором времени и все детки мои домой прибудут». «А для чего же, бабушка, ты велишь мне укутываться?» — «А для того, — отвечала ему старуха, — что сын мой, полуночный ветер, очень холоден и может зазнобить тебя».

В скором времени стали собираться в хижинку дети старухи, и когда явился полуденный ветер, то старушка крикнула мужичку, чтобы тот слезал с печи, а само тотчас же начала говорить своему сыну: — «Сын мой любезный, полуденный ветерочек! На тебя есть жалоба, зачем же ты бедных людей обижаешь? Ты вот у этого мужичка всю муку развеял из чашки, которую нес он с мельницы домой к себе. Теперь изволь заплатить ему деньгами или хоть другим чем хочешь». «Хорошо, матушка, — отвечал полуденный ветер, — я согласен на твое предложение и этому мужичку заплачу».

Тотчас же полуденный ветер подозвал к себе мужичка и сказал: «Слушай, мужичок, возьми себе вот эту коробочку: в ней есть все, что только бы ты ни вздумал: денег ли, хлеба ли, кушаний ли, скота ли, питей ли каких, то скажи только: «коробочка, дай мне вот то-то и то-то» — и она, коробочка эта, тотчас же

даст все тебе, чего бы ты ни пожелал. Это я даю тебе в платеж за муку, которую развеял по полю. Иди теперь домой себе». Мужичок низко поклонился ветру и, поблагодарив его за сделанный подарок, вышел из хижины и направился в обратный путь, к себе домой.

Принеся данную ему полуденным ветром чудодейственную коробочку к себе в дом, мужичок отдал эту драгоценность своей жене и сказал ей при этом: — «Вот тебе, жена, коробочка, и в ней есть все, что только тебе понадобится. Чего бы ты ни захотела, то только попроси — и коробочка сейчас же доставит тебе все, что понадобится».

Взяв от мужа принесенную коробочку, жена тотчас же обратилась к ней и сказала: — «Коробочка, дай мне хорошей муки на хлебы», — и коробочка дала ей, сколько она просила. Затем жена мужичка стала просить у коробочки и еще кое-что — и коробочка ей в ту же минуту исполняла всякое требование, обращенное к ней.

Через несколько дней после того, как была принесена мужичком от полуденного ветра чудодейственная коробочка, как мимо избы мужичка проезжал какой-то знатный барин. Едва только увидела жена мужика проезжавшего помещика, как ни с того, ни с сего вздумалось взбалмошной бабе, чтобы муж зазвал бы того барина к ним в гости, угрожая в противном случае избить мужика до полусмерти.

Бедный мужичок, зная, что с его злой бабой шутки шутить нельзя, и все равно ничем ее не урезонишь, а только еще пуще озлобишь ее возражением, ничего не сказал ей, напротив, пошел звать того знатного дворянина к себе на пир, и, нагнав его, стал всячески упрашивать не отказать пожаловать к нему в гости на богатый пир. Этим временем злая жена стала требовать у коробочки разных кушаний и напитков, и, набрав всего этого вдоволь, накрыла на стол, уставила все добытое от коробочки, и села себе под окном, сложивши руки, ожидая с минуты на минуту знатного барина к себе в гости.

Проезжавший мимо мужиковой избы богатый помещик, будучи остановлен мужем бабы, просившим его пожаловать на пир, как того желала баба, едва только понял, в чем заключа-

лась просьба мужика, был крайне изумлен этим приглашением, и, смеясь, ответил, что сам он заехать теперь к нему не может, но из любопытства приказал своим людям, которые ехали тут же вместе с ним, отправиться к приглашавшему его мужику и посмотреть, что там за пир у него и чем он будет угощать своих гостей.

Люди помещика, не смея ослушаться приказания своего господина, отправились к бедному мужику и, приехав в его бедную хижину, были очень удивлены, когда увидели стол, уставленный всякими кушаньями и дорогими напитками, и не могли никак сообразить того, как это у бедного мужичка, изба которого имела очень непривлекательный вид, было столько разных дорогих кушаний и напитков, как у богатого господина.

Проведя весело время у гостеприимного мужичка, и вдоволь напившись и наевшись, чего им ранее не приходилось и в глаза видеть, они после пира сидели и прохлаждались, благо мужичок не гнал их от себя. И вот они, наконец, подметили, что мужикова жена все, что ей бы ни понадобилось, просила у коробочки, и та ей все немедленно доставляла.

Гости, не выходя из избы, послали одного из своих товарищей, чтобы он где бы то ни было, заказал такую же коробочку, какую видели они у мужиковой жены, и чтобы коробочка эта была сделана сейчас же, при нем, как можно скорее, и затем чтобы он принес ее сюда, к ним, да так аккуратно, чтобы ни мужик, ни баба не видели, когда он будет передавать ее им в руки.

Посланный живо пошел, отыскал такого мастера, который взялся сейчас же сделать требуемую вещь, и чрез самое непродолжительное время заказанная коробочка была сделана и отдана ему. Получив от мастера точно такую коробочку, какая была у мужиковой жены, посланный немедленно же побежал в дом хлебосольного хозяина, где дожидались своего товарища все остальные слуги знатного господина. Прибежав к мужичку, посланный незаметно передал товарищам ту самую коробочку, которую сделал сейчас мастер, а те, в свою очередь, выбрав удобный момент, когда баба куда-то зачем-то вышла, а мужичок тоже куда-то на минуту отвернулся в сторону, они

ловко подменили этой принесенной коробочкой ту настоящую, которая дана была мужику в награду от полуденного ветра. Похитив эту драгоценную чудодейственную коробочку, гости не стали далее засиживаться, и поторопились поскорее собраться и ехать к себе домой.

На другой день злая жена, ничего не подозревая о случившемся, взяла и повыкидала всю оставшуюся от вчерашнего дня провизию, надеясь, что коробочка даст ей немедленно по первому же требованию всего свежего. Но когда она подошла к своей волшебной коробочке, которая в действительности была уже далеко от их дома, и стала по-прежнему просить того и другого, что ей только было надобно, то коробочка ничего ей не дала.

Видя такое неожиданное неудовольствие, злая баба рассвирепела донельзя и, тотчас же призвав своего бедного безответного мужичка, стала его опять ругать всячески и сказала ему: «Ах ты, старый хрыч! какую ты принес коробочку? Ведь она служила нам только временно, а вот теперь и ничего не дает больше. Что ж в ней толку! Ступай сейчас же опять к полуденному ветру и потребуй с него, чтобы он немедленно же отдал бы нам ту муку, которую развеял у тебя из чашки, или же заплатил бы за нее деньгами. А если ты, старый хрыч, придешь с пустыми руками и не принесешь ни того, ни другого, то тебе достанется от меня плохо: лучше не приходи так, а не то, так прибью тебя до смерти!»

Нечего было делать бедному мужичку и приходилось подчиняться приказу своей злой жены, и он вновь направился, по известному уже пути, к хижине той старухи, ветровой матери, где в первый раз узнал он о полуденном ветре и от последнего получил чудную коробочку. Придя в лес и скоро найдя знакомую уже хижину, явился мужичок к старухе, ветровой матери и стал жаловаться ей на свою беду, и на свою злую жену. Выслушав жалобы мужичка, старуха ему сказала: — «Подожди немного, он скоро сам будет здесь, сын мой, полуденный ветер».

В скором времени явился в хижину старухин сын, полуденный ветер. Мужик рассказал и ему о своей беде и стал жаловаться на свою злую, что лютая змея, жену. Когда мужичок окончил свой печальный рассказ, ветер сказал ему: — «Жаль мне тебя, ста-

рика, что у тебя такая злая жена. Однако я тебе в этом помогу, и твоя жена не будет уже более колотить тебя никогда». Сказав это, полуденный ветер подал мужику бочку и добавил: — «Возьми с собою вот эту бочку, и когда придешь ты домой, то ежели жена твоя станет собираться тебя бить, то ты сейчас же стань за бочку и скажи: пятеро из бочки, бейте мою жену! и когда они ее порядочно-таки поколотят, то скажи: — пятеро, опять в бочку!» Выслушав все наставления ветра и взяв с собою бочку, мужик поблагодарил своего благодетеля и, распрощавшись с ним и с его старухой матерью, отправился обратно к себе домой.

Придя к своей жене, мужик принес данную ему ветром бочку и сказал ей: — «Вот тебе, жена, вместо коробочки — бочка!» — Жена очень рассердилась на своего старика и ответила: — «Что мне в твоей бочке! Ведь я тебе приказала потребовать с ветра не бочку, а муку, которую он развеял у тебя из чашки, или же деньги за нее, а ты что принес? Почему ты не принес того, что приказала я тебе?» — Говоря эти последние слова, злая жена схватила стоящий тут под рукой ухват и совсем уже было хотела начать вразумлять своего бестолкового мужа. Тут бедный мужичок вспомнил наставления ветра и в один миг успел отскочить от озлобившейся на него бабы, тотчас же спрятался за бочку и крикнул: — «Пятеро из бочки! бейте мою жену, да смотрите, чтоб хорошенько!»

Только муж крикнул эти слова, как вдруг из пустой бочки в одно мгновение выскочили пять молодцев и принялись со всей силы дубасить по чему ни попадя злую ведьму-жену. Муж только стоял и любовался, как наконец-то его змею лютую наконец-то взялись учить уму-разуму. Наконец, видя, что на этот раз надолго останется в памяти у жены его, как надо относиться к мужу, да к тому же и сама жена его, чувствуя, что дело ее плохо, стала умолять и упрашивать своего мужа о прощении и помиловании; он, мужичок, приказал молодцам прекратить экзекуцию и сказал: — «Пятеро опять в бочку!» — и тотчас же все до одного молодца моментально вскочили опять в бочку и пропали, словно провалились.

С тех пор драчливая и злая жена мужичка стала гораздо смирнее. Когда в их семье стало спокойнее, то мужичок на сво-

боде стал подумывать и о пропавшей силе его волшебной коробочки, так щедро всем награждавшей их во всякое время.

И вот мужичок стал вспоминать все подробности, и тут же припомнил, что сила коробочки пропала после того на другой день, как ушли от него те слуги господские, которых он принимал у себя и так радушно угощал их всем. А вскоре мужичок догадался и о том, что коробочка та, наверное, подменена другой и стал по поводу этого соображения советоваться со своею женою, как бы опять вернуть им к себе ту настоящую, драгоценную коробочку. И жена его сказала, что самое лучшее, это — прибегнуть к содействию бочки: — «Когда у тебя есть такая диковинная бочка, — говорила она, — что можешь ты не только с одним человеком, но и со многими тысячами людей управиться, то поди к дворянину и вызови его на поединок, требуя, чтобы он приказал тем, кто похитил у нас драгоценную коробочку, чтобы немедленно же они ее возвратили нам обратно».

Придя к знатному дворянину, бедный мужичок объяснил ему о цели своего прихода и просил сперва по-хорошему, чтобы тот распорядился о возвращении украденной у него, мужичка, слугами дворянина редкостной коробочки, дававшей ему с женою не только пропитание, но даже и то, что редко приходилось пить и есть людям и много богаче его. Но помещик не обратил никакого внимания на его просьбу, а только смеялся над ним.

Тогда наш мужичок стал вызывать этого знатного барина на поединок, но барин еще более стал насмехаться над бедняком, и только видя со стороны последнего крайнее упорство и настоятельное требование — или коробочки или поединка, — вынужден был согласиться исполнить то или другое требование его, и, продолжая смеяться, велел мужику выходить для поединка в чистое поле.

Между тем знатный барин отдал приказ своим людям, чтобы те, собравшись в достаточном количестве, отправились бы также в поле вместе с ним и как бы шуткою — хорошенько отколотили бы этого дерзкого мужика.

Когда все, по приказу барина, снарядились, то последний направился со своими людьми к ожидавшему его на поединок, среди поля, нашему мужичку. Едва только подъехал этот барин

к мужику, как все бариновы слуги, наученные своим господином ранее, стали затрагивать мужичка, и уже кое-кто из них даже дерзал уже и ударить бедного мужичка. Тогда последний, видя, что дело плохо: их много, а он пока еще один, и все они с ним лезут в драку, — крикнул приехавшему дворянину: — «Эй, барин! вели лучше по-хорошему отдать мою коробочку, и прикажи им не трогать меня, а не то — тебе и всем, прибывшим с тобою — плохо будет вам!» Но барин, конечно, только засмеялся этой угрозе, полагая, что слова мужичка не имеют никакого значения. Мужичок же, видя, что по-доброму здесь ничего нельзя поделать, а только еще изобьют и изувечат понапрасну, обратился к своей бочке, стоявшей здесь же при нем на поле: — «По пяти на каждого из бочки, да смотрите, бейте хорошенько!»

Едва только мужичок успел проговорить последние слова, как вдруг выскочило из бочки множество молодцов и кинулись все, по пяти на каждого противника, и стали их так колотить, что смотреть даже страшно. Барин, видя такое неожиданное приключение, испугался, как бы и его-то не убили, и закричал во весь голос: — «Мужичок! перестань так немилостиво бить людей моих, я велю им отдать твою коробочку!» Услыша слова барина, мужичок крикнул своим бравым молодцам: «Эй вы, молодцы! живо ступайте все опять в бочку!» И в одно мгновение молодцов как и не было: все до единого, бросив бить господских вороватых слуг, мигом вскочили по приказу мужичка опять на свое место, в бочку.

После такого приключения дворянин понял, что с мужичком шутки плохи, и приказал немедленно же, чтобы те, кто украл у жены мужичка коробочку, сейчас же возвратили бы эту диковинную вещь ее владельцу, бедному мужичку.

Получив, наконец, от укравших слуг свою драгоценную коробочку, мужичок взял ее, и с великой радостью поспешил поскорее домой, чтобы обрадовать и свою жену, и, принеся ее опять в дом, отдал опять эту коробочку своей бабе, которая вновь стала требовать все, что ей нужно было для хозяйства. И с этих пор в доме мужичка водворилась полная тишина и спокойствие, и бедняк, наконец-то, мог жить со своею женою, не только не

зная нужды, а даже во всем при полном достатке и многом излишке. И жена не била уже бедного мужа, а стала относиться к нему как нельзя лучше, а мужичок, со своей стороны, отвечал ей тем же, и у них всегда и во всем было полное согласие; и они долго жили, будучи счастливы и довольны своей судьбой.

ЗАБАВНАЯ ПОВЕСТЬ
о купцовой жене и о прикащике

В одном из городов Франции жил один знатный купец, и по своему богатству пользовался славной известностью в том городе. Купец этот был уже преклонных лет, и имел жену, которая была еще совершенно молоденькой.

Хотя молодая жена и не любила старого мужа, но, зная его богатство — своего к нему отвращения не высказывала, а наоборот — делала вид, что она его будто горячо и страстно любит.

В доме того купца проживало немало людей, служивших у него при торговых делах. И вот одного из этих молодцов молодая хозяйка действительно горячо и всем сердцем любила. Избранник сердца молодой купчихи был тоже еще очень молодой человек, и притом довольно красивой наружности, и вместе с тем, порядочно развитый парень.

В одно прекрасное время у молодого прикащика, обратившего на себя внимание своей молоденькой хозяйки, было какое-то спешное торговое дело, и он, придя в свою комнатку, занялся им, и начал что-то нужное ему писать в торговых книгах. В это время, сеясь, вошла его хозяйка, и шутя начала говорить ему: — «Что, господин прикащик, делаете, какие это письма разбираете?» Занятому в это время серьезным и спешным делом молодому прикащику было очень несвободно и не до шуток, а потому он тотчас же с сердцем ответил: — «А это, сударыня, пишу я про разные бабьи наветки и увертки». Это выражение сорвалось у него с языка вследствие раздражительности, а то, конечно, он ответил бы ей иначе. Хозяйка же, услыша от мо-

лодого красавчика такой ответ, очень удивилась: «почем же он знает про бабьи увертки?» и решила, что молодец ответил ей так, не подумав о том, что говорит. И молодая женщина вздумала на опыте убедиться: знает ли и вправду прикащик про бабьи увертки и сумеет ли он подметить в ней их.

И вот молоденькая хозяйка ушла к себе и в своей спальне села на кровать, а сама велела позвать к себе того молодого прикащика. Когда названный явился, то хозяйка начала расспрашивать его о делах и сказала, что «нужно записать домашний расход»...

Все это происходило в отсутствие купца, мужа хозяйки, и вот вдруг въезжает на двор сам хозяин. Хозяйка до того растерялась, что не знала, что и сказать. Потом, видя, что, так или иначе, нужно же куда-нибудь девать прикащика из спальни, сказала молодцу: — «Ступай поскорее и спрячься за картину, а то как раз наведешь на причину. Муж и так догадывается, что я люблю тебя; а как если увидит, что я разговариваю с тобою наедине, то будет беда нам обоим».

Испугавшись приезда хозяина, да еще более того напуганный словами хозяйки, прикащик готов был на все, только увернуться от такой напасти, а потому с радостью поспешно кинулся прятаться за картину, и, так как картина была большая, то стал за нее, и его было ничуть не видно.

Только что перепуганный прикащик успел спрятаться за картиной, как в то же самое время вошел хозяин в комнату. Жена кинулась к нему, стала ласкаться и ластиться, и наконец спрашивает его: где был он? А купец так любезно ответил ей, что вместе с другими купцами ездил на охоту и стрелял птицу. Услыша этот ответ, жена вдруг говорит ему: — «Ах, батюшки мои! Ну как тебе не стыдно на старости лет и стрелять птицу. Да и куда тебе стрелять уж: ты вот и в картину-то эту — даром, что она большая, — и то не попадешь!» — и молодая хозяйка указала мужу на ту самую картину, за которой был спрятан позванный ей перед тем молодой прикащик. Хозяин, слыша над собой подтрунивание жены и не желая, что называется — ударить лицом в грязь перед ней, пошел, живо вернулся с ружьем и стал его тут же заряжать дробью, говоря при этом своей жене: — «Ты посмотри только, дружок, каких дел наделаю я: не

только эту картину, и самую стену прошибу насквозь». И как нарочно набил в ружье более обыкновенного пороху.

Прикащик же, стоя за картиной и слыша все от слова до слова, был, что называется, — ни жив, ни мертв, — так испугался он слов коварной хозяйки и глупой старческой выходки своего хозяина, который хотел воочию доказать перед молодой свою удаль, и, ничего не подозревая, собирался выпалить как раз в упор в свою невидимую жертву, ловко подведенную под убой коварной хозяйкой. Стоит молодец за картиной и думает: «вот она, смертушка моя, пришла, нечаянна, негаданна, и теперь мне от этой напасти не спастись: того гляди, что старый дурак бацнет из своего ружья»... И действительно, в эту минуту раздался выстрел, и весь заряд дроби влепился в угол, поверх картины, в стену, потому что, когда старик хотел стрелять, то молодая женщина, подбежав, как бы играя с ним, толкнула его под руку, и стала потом целовать его, а заряд вместо картины — проскочил, чрез это, мимо.

— «Ну что, ведь говорила: не попасть тебе, старому, не то что в птицу, а и в большую картину, — так оно вот и вышло по-моему», — стала подтрунивать, как бы смеясь, молодая купчиха над своим стариком мужем. — «Еще бы, где же было попасть, когда ты помешала рукою», — оправдывался неудачный муж. — «Нет уж, видно, не ваше дело из ружья стрелять, когда вы, купцы, привыкли только товарами торговать», — заключила красавица жена по поводу охоты мужа. Все это она говорила со смехом, будучи в веселом и игривом настроении. Муж же, видя такое радостное и шутливое настроение своей молодой жены, и сам пришел не менее ее в веселое расположение духа, отвечая ласками на шутки жены, расцеловав последнюю, сказал, что ему надо опять ехать к какому-то своему хорошему знакомому, который ожидает его к себе для компании. И тотчас же, повесив на прежнее место свое охотничье ружье, живо опять собрался и тотчас же уехал из дому.

Едва только успел старый муж уехать со двора, как молодая женщина, кликнув прикащика, велела ему теперь, ничего не боясь, выходить из-за картины, и когда тот, не успев оправиться от висевшей над головою неминуемой опасности, вышел,

то молодая хозяйка, смеясь, обратилась к нему с вопросом: — «Ну что, каковы теперь тебе кажутся бабьи увертки?» Оправившийся от испуга прикащик отвечал своей мучительнице, что он был совсем уже готов к смерти. — «Ну вот, а говоришь про бабьи увертки, когда еще не знаешь о них», — добавила хозяйка, и тотчас же поднесла для успокоения молодцу водки, сказав при этом, чтобы он впредь всегда был бы осторожен и остерегался говорить зря.

Пока так молодые люди вели между собою беседу, старый купец успел уже в это время побывать у своего знакомого и обратно ехал уже к себе в дом. Когда коляска мужа въехала во двор, то молодая хозяйка, увидев в окно возвращавшегося мужа, воскликнула, как бы испугавшись, что муж застанет их вдвоем с прикащиком: — «Ах, беда нам! Что тут делать, не знаю, и как сказать теперь — не могу придумать!» — и тотчас же, обратясь к прикащику, сказала ему, чтобы тот скорее бы стал в большой шкаф, находившийся здесь же, в комнате хозяйки, и когда молодец залез в шкаф, то молодая женщина заперла его на ключ и сию же минуту кинулась в постель, притворяясь, будто бы сильно расхворалась.

Когда в комнату вошел муж и увидел лежащую в постели жену, то очень обеспокоился за ее здоровье и с нежным участием стал расспрашивать ее, что с нею? И сказал, что нужно сейчас же послать и купить для поправления здоровья необходимого лекарства. Услышав от мужа про его намерение, молодая жена стала говорить ему: — «И зачем это, государь мой, покупать нам лекарства, когда у нас и дома всякого достаточно есть; возьми вот ключи и достань из шкафа какого только нужно тебе лекарства». Муж тотчас же кинулся исполнять желание жены, и, схватив ключи, быстро подошел к шкафу, намереваясь открыть последний и достать из него нужное в данную минуту целебное средство. Но едва только муж хотел отпереть шкаф и доставать из него, что надо, как молодая жена, словно ни в чем не бывало, в мгновение ока вскочила с кровати и, быстро подбежав к старому мужу, кинулась ему со смехом на шею и принялась его ласково обнимать и целовать, заливаясь звонким смехом и говоря при этом: — «Ну, теперь, я вижу, что

ты, милый друг мой, действительно горячо и искренне любишь меня и нелицемерно жалеешь меня. А то я сомневалась в твоей верности и полагала, что ты обманываешь меня, так часто уезжая из дому и оставляя меня здесь скучать без тебя одну». Старый муж, видя такую нежность и горячую любовь со стороны своей молодой жены, — и вместе с тем обрадовавшись, что она пошутила насчет своей болезни, а на самом деле совершенно здорова, — еще более прежнего расцвел от удовольствия и пришел в неописуемый восторг и самое радужное и прекрасное расположение духа и начал от радости всячески шутить и веселиться со своей молодой женою, и, пробыв дома не особенно долгое время, стал говорить жене, что ему опять надо куда-то ехать и посетить какого-то друга, и затем, в скором же времени собрался и опять уехал со двора, оставив молодую хозяйку с запертым в шкаф молодым прикащиком.

И опять, едва только успел старый купец уехать из дому, как его молодая жена тотчас же выпустила из шкафа на свободу своего молодца и вновь заговорила с ним про бабьи увертки. Но прикащику было не до того; он так перепугался вторичного приезда своего хозяина, что не мог даже и слова выговорить. И когда молодой человек опамятовался, то отвечал на слова хозяйки, что он готов бы предпочесть смерть этому неожиданному приключению. И тут же, опасаясь новых каких-либо подвохов со стороны молодой купчихи, — торжественно отрекся от своих прежних слов, сказав, что — «теперь я приметил, что на свете не бывает никаких бабьих уверток».

Но, хотя молодой прикащик и отрекся от сказанных им спервоначалу слов, тем не менее купцова жена не оставила его в покое, и, не довольствуясь всеми своими проделками над бедным молодцом, вздумала еще одну шутку проделать над молодым прикащиком, и последний должен был переживать вновь страшные минуты висевшей над его головою опасности, и главное, ожидавшая молодца выходка его бедовой хозяйки, была самая безобразная, и, вместе с тем, благодаря этой дикой фантазии молодой бабы, наш молодец рисковал попасть в беду совершенно напрасно и сделаться без вины виноватым в глазах своего недогадливого старика хозяина.

Вот что придумала бедовая бабенка для мытарства своего избранника. — Когда старый купец, нанежничавшись с ней, вновь собрался и поехал со двора, то она тотчас же после вышеописанной беседы, велела молодому прикащику идти с нею и привела его в их домашнюю баню. Молодец, боясь хозяйки, конечно, не решался ей противоречить и во всем беспрекословно повиновался этой молодой сумасбродке. Молодая же купчиха, видя его податливость, еще более командовала им и заставляла делать почти невозможные вещи. Так, приведя нашего молодца с собой в баню, приказала ему немедленно же раздеваться и сама разделась совсем донага.

Видя, что возражать хозяйке нельзя, он, тем не менее, все-таки первоначально опасался, боясь внезапного приезда купца, но увидев, что хозяйка ничуть не стесняется его присутствием и обнажила свое белое тело, он также последовал ее примеру, и, забыв робость, поторопился тоже скорее раздеться и взойти вместе с молодой женщиной, ожидавшей его, в самую баню, где обыкновенно все моются.

Войдя в баню, молодая хозяйка, делая вид, будто не замечает своего компаньона, села себе преспокойно на скамью, и стала не спеша тщательно мыться.

Когда молодые люди — хозяйка и прикащик — расположились для мыться в сказанной бане, то хозяйка не говорила ни одного слова, и только молча все поглядывала в окно на двор, как бы ожидая, что к ним вот-вот к ним в дом кто-нибудь да придет. Прикащик же, хотя и с завистью и страстно глядел на красивое тело своей молодой госпожи, но видя серьезность и горделиво-молчаливое отношение со стороны последней, и боясь, что моджет рассердить ее, начав с нею говорить, — так же, как и она, молчал и продолжал себе мыться в компании молодой женщины.

В то время, когда наш молодец с чужой женою был наедине в бане, муж купчихи приехал из гостей домой, и, въехав на двор, направился мимо стоявшей на проезде бани, к крыльцу дома, намереваясь там вылезть из коляски, но лишь только экипаж успел поравняться с той баней, где происходило молчаливое и бесцеремонное купание чужой жены с молодым прикащиком,

который, ничего не подозревая, продолжал себе по-прежнему мыться, как вдруг вероломная купчиха, отворив банную дверь, закричала громким голосом своему старому мужу: — «Дорогой друг мой, милый муженек! поди-ка ты сюда, да посмотри, что здесь делается: ведь твой прикащик парится со мной вместе, в одной бане!»

Услышав из уст своей молоденькой жены такое откровенное признание, старый муж просто обезумел от неожиданности сообщения, и до того взбесился и воспылал в тот же момент ревностью, что готов был тут же на месте, сейчас же убить своего соперника, злодея-обольстителя, молодого прикащика. А еще более купец был возмущен тем обстоятельством, что из слов жены заключил о присутствии в бане прикащика как о злонамеренном со стороны последнего поступке, то есть, недогадливый муж, будучи вполне уверен в преданности своей жены, не допускал и мысли даже о возможности добровольного соглашения между женою и прикащиком, а предположил, что раз уж молодец очутился в бане, то он туда попал не иначе, как ворвавшись в банные двери насильно. И еще пуще разжигаемый этим собственным соображением, старый муж, что ураган, кинулся на зов жены к дверям бани, но едва лишь успел старик-купец подскочить к тем дверям, как молодая жена его, действительно бывшая в это время с молодым прикащиком наедине в бане, схватила таз и, наполнив его холодной водой, окатила сразу старика-мужа с ног до головы, в то же время сама расхохоталась на всю баню, проговорив затем сквозь смех своему опешившему мужу: — «Ах ты, старый друг мой сердечный, муженек! и как ты не мог понять такой простой шутки и на глазах у всей дворни, кинулся, как бешеный, в баню! Ну слыханное ли дело, чтобы мужняя жена, да на глазах у мужа, пошла бы с чужим молодцом мыться наедине в одной бане? И как же, милый ты мой, не мог сообразить такой простой вещи сам с собою? Успокойся: я здесь моюсь одна, и около меня не было и нет никого. А ты лучше ступай-ка теперь в дом, да сними твой мокрый кафтан и вели его сейчас же высушить». — Простосердечный и доверчивый муж, слыша шутки и смех над его несообразительностью, — рассмеялся и сам своей недогадли-

вости и, совершенно успокоенный за свою супружескую честь, и еще более убежденный в верности своей молодой жены, пошел тотчас же к себе в дом, оставив в бане прикащика мыться с его коварною супругою и смеяться над его стариковской несообразительностью.

Когда муж-старик ушел и молодые люди — прикащик с хозяйской женою — остались вдвоем, то молодая женщина обратилась к своему другу милому, и начала говорить ему следующее: — «Ну, теперь довольно показывать мне пред тобою свои увертки: кажется, ты видел их достаточно, и полагаю, что убедился в моей способности ловко обманывать и проводить моего старого мужа, от которого я всегда и во всем сумею отговориться. И теперь, кто бы ни стал говорить что-либо моему мужу про нашу с тобою любовь, — он ни за что и никому не поверит. Перед тобою же я ни в чем не солгала, и показала тебе все свои увертки, и теперь мы можем с тобою спокойно любить один другого всю жизнь».

И затем, после всего вышеописанного, между прикащиком и его молодою хозяйкою установилась прочная дружба и верная любовь, и так они жили и веселились вместе довольно долгое время. Когда же муж-старик умер, то молодая купчиха, оставшись богатой и свободной вдовой, вышла замуж за своего возлюбленного, и наш молодец из прикащика сделался хозяином и стал еще веселее поживать со своей молодой женою.

Насмотревшись же ранее на все бабьи увертки, какие проделывала его жена, будучи замужем еще за старым купцом, он теперь боялся как бы и с ним того же не случилось, а потому относился к ней с полным уважением и обращался всегда как нельзя более любезно и по-хорошему. «А то, — думал он, — ее ведь не поймаешь, как раз на глазах проведет!» И так они жили долго и счастливо при полном супружеском согласии и во всем довольные друг другом.

АНФИЙ ДА МАРЬЯ

Жил-был Анфий да Марья; детей у них не было. Раз Анфий и говорит Марье: свари-ка мне три десятка яиц, я пойду да продам! А дело было перед Пасхой и яйца очень дороги. Марья сварила яйца, он выкрасил их и понес продавать. Взял он по рублю за яйцо, денег у него стало тридцать рублей. Пришел он в одну гостиницу, подал десять рублей и говорит: я к вам ужо приду, так запью и заем*. Приходит в другую, там подает 10 руб., также и в третью.

Вот идет он и видит своего ближнего соседа, богатого мужика и стал звать его с собою в гостиницу. — Пойдем, говорит, выпьем водки. — А богатый сосед выпивать был лютый, пошел с ним. Зашли они, Анфий и потребовал на 10 руб. водки и закуски. Когда они напились и наелись, Анфий ударил по столу шапкой (а шапка у него была о четыре угла) и спрашивает: чай пили? Половые отвечают: пили. — Денежки платили? — Платили, отвечают. И пошли они в другую гостиницу. И там то же самое: напились, наелись. Анфий ударил по столу шапкой и спрашивает: Чай, водку пили? — Пили. — Денежки платили? — Платили. — Встали, пошли в третью, и там то же самое. Тут богатый мужик и сметил: это, думает, у Анфия шапка отвечает. И спрашивает его: У тебя не шапка ли отвечает? — Шапка, говорит. — Продай мне ее? — Купи. — Дорога ли? — Сто рублей. Отдал мужик деньги и вышел. И встречает своего товарища и зовет его в гостиницу. Зашли они, богатый мужик и потребовал всего на сто рублей. Они все съели и спили, мужик и стал колотить шапкой о стол. — Ели и пили? — спрашивает. — Пили. — Денежки платили? — Нет, говорят, не платили. — А, говорит, постой! Не тем углом колочу. — И спрашивает опять: пили? — Пили. — Денежки платили? — Нет, говорят, не платили. И зачал тут богатый мужик колотить всей шапкой. Нет, все говорят, не платили. — Ну, Анфий меня обдул, говорит мужик, пойду, взыщу с него! Заплатил деньги и пошел домой.

* То есть, буду пить и есть на эти деньги.

А Анфий знает, что богатый мужик придет, нарядился покойником и лег под образа. Вот приходит и спрашивает: что, Марья, Анфий помер? — Помер. — Ох, как он меня обдул, дай Бог ему царство небесное со светлым пуговицам, под ж...у огонь!

В это время Марья подошла к покойнику и взяла из угла под образами какую-то ладонку, которая Анфием была приготовлена заранее, и поднесла эту ладонку* ко рту Анфия. Анфий поцеловал поднесенное ему женою и встал. — Что, спрашивает богатый мужик, — от ладонки воскрес? — Да, от ладонки. — Продай мне эту ладонку? — Купи. — А дорога ли? — А давай сто рублей, да старинное не поминай. Богатый мужик согласился и, уплатив деньги, взял с собою ладонку и пошел с ней домой. Приходит мужик домой и говорит своей жене: жена! я ладонку купил, теперь мы век не умрем.

Вот и стал богатый мужик ездить везде, где кто умирает, и услыхал, что в одном городе у богатого купца умирает дочь, и сейчас туда. Приехал, а уж она трудится *) [Находится в предсмертной агонии], а все ревут. — Не ревите, говорит, она сейчас воскреснет. Приложил ей ладонку ко рту, она не воскресает. — Должно быть, худо приложил, — думает, надо хорошенько приложить. Приложил в другой — нет, все не воскресает, а умерла. Купец и закричал: ах ты, сиволапый! ты ее убил; я тебя сейчас посажу под арест. — Ой, не сади, пожалуйста! я тебе дам сто рублей. Подал сто рублей и скорей домой. — приехал домой и говорит: опять меня Анфий обул: пойду, взыщу с него 200 рублей.

И пошел к Анфию. А Анфий поймал двух ворон и посадил одну в шкаф, а другую понес на базар. Уходя, натаскал в избу разного хламу и наказал жене: когда мы придем с соседом богачом, чтобы все это было прибрано и закуска приготовлена.

Приходит сосед, богатый мужик, а в избе лом и душище. И спрашивает он: где Анфий? А жена говорит: на базаре. — Пойду на базар, говорит мужик, там с него и взыщу. Пошел он

* Ладонка — маленький мешочек, наполненный чем-либо и похожий на подушечку, или же иногда имеет форму простого шарика.

на базар и отыскал там Анфия. — А что, отдашь деньги? — Отдам, говорит, пойдем домой. — Не пойду, у тебя в избе такое душище. — А вот я отпущу вестника, так он скажет дома, и там все приберут. — Какого вестника? — Вынул Анфий из-за пазухи ворону и наказывает ей: поди, говорит, полетай домой и скажи моей жене, а твоей тетушке, чтобы она в избе разобрала и угощение припасла. Отпустил ворону, та и полетела.

Походили они по базару и пошли в деревню к Анфию. Приходят, а у него в доме все чисто, и угощение готово; ворона из шкафа выпущена и овес клюет. Богатый мужик и спрашивает: что, Анфий, это вестник — тот и есть? — Да, это и есть. — Продай мне его? — Купи. — А дорог ли? — Давай сто рублей, да старинное не поминай.

Купил богатый мужик ворону и унес ее к себе домой. Принес и говорит своей жене: жена! я купил ворону, которая все может сказать. Наноси ты в избу разного хламу и лому, а я уйду на базар, а оттуда пришлю сказать тебе, чтобы все в избе было прибрано, и она сейчас прилетит сюда и передаст тебе мое приказание.

И вот, муж с женою наносили в избу всякого лому и мужик пошел на базар, и придя туда, отпустил на волю ворону, наказав ей на дорогу, как делал то на его глазах Анфий, чтобы она сказала дома о его желании: — «Лети ты домой и скажи моей хозяйке, чтобы все в избе было убрано и приготовлено для меня с приятелем угощение».

После этого он походил по базару и, встретив своего знакомого, повел того к себе домой, говоря, что там для них приготовлено уже всякое угощение. Но когда мужик с приятелем пришли в избу, то, конечно, ничего там, кроме хламу и лому не увидали, и никакой вороны не прилетало».

Тут богатый сосед Анфия понял, что опять Анфий надул его, и потому более не стал уже ничего ни требовать, ни ходить к последнему, решив, что все равно пропавшего не вернуть, а только, чего доброго — пожалуй, еще чем-либо обманет его и даром возьмет с него деньги.

Таким образом у Анфия и остались все денежки его богатого соседа, с которого он, благодаря своим выдумкам и находчи-

вости, сумел так искусно выманить подряд три раза, и вместе с тем, научил этого богача впредь быть умнее и не кидаться на разные приманки, сулящие выгоду.

СКАЗКА
ОБ УТКЕ С ЗОЛОТЫМИ ЯИЧКАМИ

Жил-был старик со старухою, и у них был сын, которому шел 15-тый год. Старика этого звали Абросим, а старуху Фетинья; сына же их звать было Иванушка. Жили они всей семьею в большой бедности и нуждались подчас даже в хлебе.

Однажды старик раздобыл где-то хлеба, и, принеся его домой, стал было резать краюшку на части, чтобы уделить своей жене и сыну. В это время выскочил вдруг из-за печки кручина и выхватив из рук старика хлеб, ушел себе опять туда же, за печку, откуда и явился он.

Видя такую напасть, и зная, что его семья сидит голодная, старик стал кланяться и просить кручину, чтобы тот отдал ему назад отнятый хлеб. Но кручина ответил старику, что я краюшки твоей тебе не отдам, а подарю тебе за это уточку, которая будет каждый день нести тебе по золотому яичку.

Абросим согласился на это и решил, что сегодня как-нибудь они пробудут без ужина. Затем, обратясь к кручине, старик сказал ему, чтобы он не обманул его и сказал бы, где эта редкостная уточка. На это кручина отвечал Абросиму: — «Завтра поутру, как только встанешь, так поди в свой огород и там увидишь ту уточку, которую поймай и возьми к себе в дом».

Выслушав сказанное кручиною, Абросим успокоился и лег себе спать. Встав на другой день рано поутру, он пошел в огород и там действительно увидал, как говорил ему накануне кручина, золотую уточку, которую тотчас же поймал и, принеся в дом, отдал жене своей Фетинье. Старуха, пощупав уточку, сказала, что та с яичком, и они оба с мужем несказанно обрадовались и посадили уточку в корчагу, накрыв сверху решетом.

Через час старики заглянули в корчагу и увидели там золотое яичко. Тогда они, взяв оттуда яичко, пустили уточку гулять по полю, а яичко старик тотчас же понес в город продавать, и там продал его за сто рублей, и на эти деньги купил всякого харчу и принес его домой.

На другой день та же уточка снесла опять золотое яйцо, и старик тотчас же опять понес и продал его на базаре. И таким образом эта уточка продолжала каждый день нести по золотому яичку, а старик эти яйца ходил и продавал.

По прошествии непродолжительного времени старик так разбогател, что выстроил в городе большой дом и множество лавок, в которые понавез всякого товару и открыл большую торговлю.

Когда Абросим завел торговлю и нанял прикащиков, то старуха Фетинья познались с одним из молодцов, служивших в лавке ее мужа, и стала тайно с ним видаться, но этот прикащик не любил своей старой хозяйки, а только знался с нею из-за денег, которые выманивал у глупой старухи. В одно время, когда старика не было дома, молодец пришел к Фетинье, и увидел ту уточку, которая несла золотые яички, и, поймав эту уточку, стал ею любоваться, и случайно заметил под ее крылышками надпись, гласившую, что кто эту уточку съест, тот царем будет.

Не сказав ни слова об этой надписи, прикащик стал просить Фетинью, чтобы та из любви к нему зарезали и зажарила бы эту уточку. Но Фетинья сперва не согласилась на это, говоря, что в уточке все счастие их, да притом и мужа она боялась и не решалась на такой поступок. Прикащик же не отставал от нее и всячески упрашивал исполнить его просьбу, и в конце концов Фетинья не устояла против просьбы любовника и, зарезав уточку, поставила ее в печь жариться.

Пока муж был дома, любовнику хозяйки невозможно было явиться, и поэтому он дожидался ухода хозяина, чтобы отправиться к Фетинье и там съесть приготовленную для него уточку. Но вот старик ушел, а прикащик еще не успел прийти; Фетинья же в это время куда-то вышла из дому ненадолго. Как раз в ее отсутствие пришел домой сын их Иванушка и, будучи очень голоден и торопясь скорее что-либо поесть, сам полез в печь и,

достав оттуда зажаренную уточку, — съел ее всю дочиста. Наевшись досыта, хозяйский сын пошел тотчас же в свои лавки, где он помогал отцу торговать.

После ухода Иванушки, пришел вскоре и прикащик и стал требовать, чтобы Фетинья подала ему жареную уточку. Старуха полезла в печь и, увидев, что утки там нет, очень перепугалась и сказала об этом своему возлюбленному. Но прикащик, услыша об этой пропаже, стал упрекать Фетинью в том, что она сама, наверное, съела жаркое, и затем, очень рассердившись на старуху, ушел вон из дому.

К вечеру, когда Абросим пришел домой и увидел, что нет утки, стал спрашивать о ней Фетинью. Но та отвечала, что она ничего не знает о том, куда подевалась эта уточка, и также не видела нигде ее, как и он. Пришедший в это время домой Иванушка, когда услыхал разговор отца с матерью, то сказал Абросиму: — «Кормилец батюшка, я давеча пришел домой пообедать, а матушки дома не было, поэтому я полез в печь и увидав там жареную уточку, достал ее и съел всю дочиста. Но была ли это та самая уточка, или другая, про то не знаю».

Когда старик узнал об этом происшествии с его уточкой, то до того взбесился, что свою жену прибил чуть ли не до полусмерти, а сына тотчас же выгнал вон из дому.

И вот бедному Иванушке пришлось уходить из родительского дому неведомо куда, и он пошел себе по первой попавшейся дороге, сам не зная, куда приведет она его. И шел он так, куда глаза глядят, ровно 10 дней и 10 ночей и пришел в неизвестное государство. Когда он стал подходить к городу, то увидел у городских ворот множество народа, который стоял и рассуждал о важном деле: в том государстве умер царь, и вот они не знали, кого посадить над собою властвовать, и порешили тем, что тот будет их царем, кто первый войдет в городские ворота. И когда Иванушка вступил в город, то народ закричал: — «Вот идет наш царь!» — и Иванушку тотчас же подхватили под руки старейшие и повели его в царские чертоги и облекли его в царские ризы и, посадив на царский трон, начали ему все кланяться, как истинному царю своему, и спрашивали с него разных приказов.

Все это происшедшее так неожиданно показалось Иванушке сном. Но когда он опомнился и убедился в действительности всего происходящего, то очень обрадовался всему случившемуся и начал повелевать подданным ему народом и вести себя, как подобает царю. В скором времени он учредил многие новые чиновные должности и определил на них чиновных людей.

По прошествии некоторого времени, он призвал к себе одного чиновника, по имени Луга, и сказал ему следующее: — «Верный и добрый мой кавалер Луга! сослужи ты мне службу и съезди ты в мое отечество и, приехав туда, иди прямо к самому царю тамошнему, и скажи ты ему от моего имени, чтобы он отдал тебе виновного купца Абросима с его женою Фетиньею, и когда он тебе их отдаст, то привези их обоих сюда ко мне. А ежели царь не отдаст, то скажи ему, что я его государство все огнем сожгу, а его, царя, — в плен возьму».

Выслушав приказ своего царя, Луга тотчас же отправился в Иванушкино отечество, и, приехав туда, пошел прямо к самому царю тамошнему и стал у него просить виноватых Абросима с Фетиньей. Царь, зная, что Абросим — один из богатейших купцов в его государстве, сперва не хотел было отдавать их, но потом, рассудив, что государство Иванушки очень сильное и имеет много воинства, убоялся мести и отпустил Абросима с его женою.

Луга же, приняв виновных от царя, привез их в свое отечество и представил своему царю. Увидев своих родителей, Иванушка сказал им: — «Государь батюшка, ты выгнал меня из дома своего, а я принимаю тебя к себе за то. Живите оба с матушкою, до конца своей жизни».

Увидав сына царем, услыхав от него такие ласковые слова, Абросим и Фетинья были обрадованы, как нельзя более. И с этого дня они стали жить вместе с сыном и жили долгие годы, пока не померли тут же, во дворце. Иванушка процарствовал 30 лет в добром здоровии и благополучии, и все его подданные его искренне любили и были преданы ему до последней минуты его жизни.

СКАЗКА
о семи мудрецах и о юноше

Некоторый король имел у себя семь мудрецов, и когда у короля случались какие-нибудь важные дело, то он в таких случаях призывал к себе своих мудрецов и с ними советовался; и можно сказать, что без них — он не делывал никакого дела, считая советы мудрецов своих очень разумными и вообще находил последних весьма искусными во всех делах, подлежавших его королевскому решению. Он также препоручил им свое королевство, с тем, чтобы мудрецы его надсматривали за управлением страною и ходом дел в последней.

Видя со стороны своего государя такую уверенность в их, мудрецов, разумных советах, и, вместе с этим, пользуясь во всем полным и неограниченным расположением своего короля, мудрецы, не довольствуясь тем, что видели доброго и хорошего от своего повелителя, задумали еще более забрать царя своего в свою полную власть и с этой целью они решились на злодейское дело и, подыскав для сего удобный способ, лишили короля своего зрения, но лишили они возможности созерцать только при тех случаях, когда король выходил из палат своих на воздух, где он положительно ничего не видел и не мог различать даже ближайших окружающих его предметов, — тогда как, будучи у себя, в своих королевских палатах, — государь видел все и всех, как и ранее того. Сделали же мудрецы эту подлость ради того, чтобы лишить короля вместе со зрением способности наблюдать за ними самими, и таким образом, будучи свободны от надзора за собой королевских очей — они, мудрецы, могли жить вполне привольно, никого и ничем не стесняясь и делать все, что им вздумается и захочется для своего личного обогащения. Придумав и выполнив свой злодейский умысел, мудрецы радовались тому, что им удалось сделать своего доверчивого государя полуслепым. Но не довольствуясь еще этим отвратительно гнусным поступком по отношению к своему доброму государю, они задумали и настояли, почти зверским образом, на том, чтобы король дал свое согласие на то, чтобы можно

было им обнародовать такие указы королевским подданным, которыми от королевского имени повелевалось всем тем подданным, которым привидится сон, чтобы они немедленно же являлись к ним, мудрецам, за истолкованием виденного сна. Но прежде чем окончательно выразить свое согласие на просьбу мудрецов, король, со своей стороны, обратился к ним за объяснением, для чего им непременно понадобились подобные указы? И что означает такая странная с их стороны просьба? Хитрые, крайне лукавые мудрецы, желая одновременно польстить королю своей заботливостью о его персоне и, в то же время, поскорее достичь задуманного, — тотчас на королевский вопрос ответили в один голос, конечно, будучи заранее подготовлены к такому вопросу своего владыки и потому — обо всем договорившись и условившись, дабы не выходило разницы в ответе, сказали, что — «для того мы просим разрешения на обнародование таких указов, чтобы из тех снов, какие будут видеться подданным Вашим, можно было бы хотя отчасти уловить ту печальную причину, вследствие которой так чудно испортилось зрение Вашего Величества».

Услышав подобный ответ, король несказанно был обрадован разумному способу своих мудрецов, отыскать причину постигшего его несчастия, и, конечно, тотчас выразив им свою благодарность за их заботу о его здоровии, немедленно же изъявил согласие на просимы мудрецами указы, приказав оные обнародовать как можно скорее по всей стране, к сведению подданных королевства.

Но, хотя указы короля были в самом скором времени и обнародованы, но государю от этого пользы не было никакой, да и быть таковой не могло никоим образом, потому что вся эта затея была выдумана, кК сказано выше, исключительно ради личных корыстных целей хитрых и плутоватых мудрецов, которые и воспользовались своей выдумкой как нельзя более удачно, так как каждый из подданных короля, являвшийся к мудрецам за толкованием виденного сна, обязан был уплачивать мудрецам золотые монеты, которые, благодаря ловкой выдумке, мудрецы бессовестно вытягивали со всех и каждого к ним явившихся, разнообразя только количество беромых мо-

нет: так, кто был победнее, с того брали не менее трех золотых, а кто побогаче — с того и более; вообще брали эти бессовестные обманщики самым наглым образом с кого сколько взглянется, конечно, принимая во внимание внешний вид и одежду приходившего и, смотря по человеку — назначали и свою таксу. Вследствие такого гнусного способа обирать подданных короля, дозволенного последним, все мудрецы в самый короткий срок приобрели громадные богатства.

В один прекрасный день король, будучи у себя в палатах, вел беседу наедине со своей супругой-королевой, которая, между прочим, стала говорить мужу о болезни его глаз. — «Милостивейший государь, мой любезный супруг, я просто не могу понять, что за странная болезнь у вас в глазах, от которой вы никак не можете избавиться, между тем как у вас есть мудрецы, которые ваших же подданных исцеляют не только от болезней глаз, но и от многих других страданий; в то же время истолковывают самые чудные и загадочные сны, которые снятся тем же подданным вашим, и вообще производят массу разнородных действий для всего народа; неужели же они не могут исцелить вас, своего государя, когда то же самое делают для его народа? Мне кажется, что вам стоило бы только призвать их к себе и приказать им исцелить глаза ваши так, чтобы вы могли бы ими видеть по-прежнему все хорошо и ясно. А раз вы мудрецам то строго прикажете, то они не посмеют выйти из вашего повеления, а в противном случае пригрозите им смертною казнью».

Выслушав добрый и сердечный совет своей супруги, король согласно сему поступил со своими мудрецами: призвал к себе и, как учила его королева, приказал, чтобы мудрецы занялись бы тотчас исцелением его глаз, угрожая в противном случае немедленною же смертною казнию им всем. Услышав такое строгое повеление своего государя и опасаясь за свою жизнь, они тотчас стали проделывать все, что им было известно в подобных случаях, но все их усилия не достигали желаемого результата, и король по-прежнему на воздухе ничего не мог видеть.

Перепробовав все известные им средства и не видя никакой от того пользы для их дела, мудрецы, желая спасти свою жизнь, решили призвать со всех концов земли волхвов, которые бы

могли вместо них исцелить короля от его болезни, так как сами мудрецы, говоря правду, не знали и не понимали ни болезни, ни средств для устранения ее. Когда между ними было решено обратиться к содействию волхвов, то для разыскания последних были немедленно же снаряжены и отправлены в разные стороны нарочные гонцы, которым приказано было, как можно скорее разыскать и привести к королю тех самых волхвов.

В то самое время, когда нарочные гонцы по приказу мудрецов поскакали за волхвами во все стороны, к мудрецам пришел один мещанин, из их же города, и стал рассказывать им свой сон, прося истолкования последнему. — «Милостивые государи, — говорил мещанин, — мне приснилось, будто бы в моем огороде выросло высокое дерево, под которым копошилось множество червей; потом представилось мне, что весь мой огород вдруг затопило водою».

Выслушав рассказ пришедшего мещанина, мудрецы, недолго думая, ответили ему место всякого толкования, следующее: — «О, конечно, ты с вечера был пьян и лег спать, не протрезвившись, а потому тебе и приснилось воды много, и сон твой поэтому бесполезен и никакого значения иметь ни для кого не может». Выйдя от мудрецов, мещанин, крайне опечаленный, пошел к себе домой; его возмущало то обстоятельство, что мудрецы, взяв с него три золотые монеты, никакого толкования его сну не дали, а потому просто-напросто даром взяли с него заработанные им трудовые гроши. Размышляя о низости мудрецов и их корыстолюбии, мещанин подошел уже к своему дому, около которого увидел на улице незнакомого юношу, бросавшего камушками. Поравнявшись с юношей, мещанин вдруг услышал от незнакомца следующее: — «Друг мой, не жалей ты того золота, которое без пользы отдал мудрецам, и подойди ко мне поближе, и я растолкую тебе сон твой обстоятельно, только скажи лишь, что тебе приснилось?»

Мещанин был крайне удивлен и изумлен столь неожиданному обстоятельству и невольно спрашивал в уме своем: как и почему этот юноша мог узнать, что я видел сон, за толкованием которого пошел к мудрецам, которые, ничего не разъяснив мне, взяли с меня даром мои золотые деньги? Но как ни старался

уяснить себе столь непонятное для него, однако ничего придумать не мог, и потому решился лучше прямо подойти к юноше. Когда он приблизился к незнакомцу, то, недолго думая, рассказал юноше сон, весь целиком, как говорил его мудрецам. Выслушав рассказанное, юноша тотчас ответил мещанину: — «О! сон твой предзнаменует великое богатство, которое ты получить должен; иди в свой огород на то самое место, где ты видел множество червей, и, взяв с собою лопату, начинай рыть землю: и увидишь, что там найдешь ты».

Придя домой, мещанин тотчас схватил лопату и быстро направился в свой огород, к тому самому месту, где видел он накануне множество червей, и как велел ему юноша, приступил к немедленной работе, начав проворно рыть землю. Едва успел немного выгресть из того места земли, как был поражен тем, что увидел там: на небольшой глубине было зарыто золото, которое, чем более углублялся он, тем более попадалось оно ему, и в непродолжительное время он достал из земли великое множество золота. Отвесив два фунта оного, мещанин пошел к юноше, чтобы поделиться с последним своей находкой, которую откопал благодаря ему; но когда он вышел со двора, то навстречу ему попались мудрецы, к которым мещанин тотчас же подошел и сказал им: — «Господа, главные мудрецы! не стыдно ли вам, что вы не могли растолковать мне моего сна, а вот этот юноша, которого вы видите здесь на улице, он мне объяснил все так, что все, что он сказал мне — сбылось в действительности». И тут же он подробно рассказал обо всем происшедшем мудрецам. Мудрецы были крайне изумлены словами мещанина, и не уверяясь в его словах, сами пошли к юноше вместе с мещанином, который тут же отдал ему два фунта золота, но юноша от золота отказался, сказав при этом мещанину: избави меня Бог, чтобы я решился взять от тебя то, что дал тебе Бог! Видя юношу и слыша его столь благородные слова, они были крайне удивлены его благородством и бескорыстием, и тотчас же поняли, что юноша обладает великим умом и премудростию, данной свыше. Мудрецы обратились к юноше и стали спрашивать, как зовут его. Юноша ответил, что имя его Мирсянин. Мудрецы снова, обращаясь к юноше, начали говорить ему: — «Любезный

юноша, можешь ли ты отгадать ту загадку, о которой мы тебя спросим?» — С охотою постараюсь истолковать вам то, о чем спросите. Тогда один из мудрецов стал говорить ему: «наша загадка заключается в следующем: Государь наш, когда пребывает в своих палатах, то видит все, а когда выйдет на воздух, то глаза его ничего не видят».

«Знаю, — отвечал юноша, — что означает сия загадка: и государя вашего могу излечить от болезни так, что к нему вернется его прежнее зрение». Едва мудрецы услышали эту радостную весть, как тотчас же стали звать юношу к своему государю: «пойдем же скорее к нашему государю, ты и от него, и от нас, если излечишь болезнь, получишь великие дары».

Когда юноша был приведен во дворец и представлен королю, то мудрецы начали говорить, обращаясь к своему государю: — «Ваше Величество! вот сей юноша обещается излечить вашу чудную болезнь». Услышав это, король был чрезвычайно удивлен, что юноша мог быть таким искусным, как докладывали о нем мудрецы, и тут же сказал юноше: «неужели же ты можешь излечить глаза мои?» «Всемилостивый Государь, — отвечал юноша, — я буду всеми силами стараться излечить болезнь вашу, только прошу вас позволить мне пойти с вами в вашу спальню». Король охотно исполнил желание юноши, и когда они туда пришли, юноша сказал королю: — «Ваше Величество, теперь извольте приказать снять с вашего ложа постель». Король приказал немедленно же сделать и это. Когда постель была снята с кровати, тогда под оною юноша нашел большой орех, около которого обвилися семь червей. — «Видишь ли, Государь, — сказал он королю, — сих малых насекомых, которые причиною твоей слепоты на воздухе?» — «Вижу, — отвечал король, — но отчего они явились здесь?» — «Я все это объясню, — проговорил юноша, — изволь лишь меня выслушать: сии семь червей означают твоих семь мудрецов, которые служат тебе лицемерным образом, хотя ты жалуешь их более других достойных людей; но они, несмотря ни на что, и не довольствуясь твоею милостию, повредили твои глаза нарочно для того, чтобы ты не видел, как они твое королевство разоряют»... — «Но, скажи мне, пожалуйста, — перебил юношу король, — могу ли

я получить излечение глазам моим?» — «Очень можешь, — отвечал юноша, — но только тогда, когда этих червей не будет на сем месте»... «Как, — спросил удивленный король, — разве их нельзя снять с этого места?» — «Конечно, нельзя, — ответил юноша, — ибо, если ты велишь их снять, то зрение совсем потеряешь!» — «Да как же от них избавиться?» — спросил король. — «Прикажи всем твоим мудрецам отрубить головы, — сказал юноша, и тогда зрение вернется к тебе, и избавишься от этих насекомых, которые тотчас же пропадут сами, и вместе с тем — будешь безопасен от своих злодеев, то есть от твоих мудрецов, которые положили под твою постель этих червей для того, чтобы лишить тебя зрения на воздухе».

Выслушав юношу, король приказал немедленно же отрубить всем своим мудрецам головы, и когда приказание это было исполнено, то зрение вновь вернулось к королю и на воздухе, и черви также исчезли мгновенно.

После чего король щедро наградил своего спасителя-юношу и всех его родственников.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

Жил-был купец с женою, и была у них дочь Василиса прекрасная. Жена у купца умерла, и он женился на другой вдове, у которой были свои две дочери. Не возлюбили мачеха и ее дочки Василису прекрасную и задумали ее извести. Послали они Василису прекрасную к бабе-яге огня достать, а баба-яга была злющая, и людей, как кур ела. Пошла Василиса прекрасная и взяла с собою куколку, которую ей мать, умирая, оставила и наказала с ней советоваться во всяком деле. Пришла Василиса прекрасная к бабе-яге и все работы у нее переделала. Баба-яга спросила ее, как она сумела все работы сделать, а Василиса прекрасная ответила, что благословение матери помогало ей во всем. Прогнала баба-яга Василису прекрасную от себя, говоря, что не нужно ей благословенных, и дала ей на дорогу череп с го-

рящими глазами, чтоб он светил ей ночью. Пришла Василиса прекрасная домой, а череп с горящими глазами и спалил и мачеху, и ее дочек. Василиса прекрасная пошла в город, попросилась на житье к одной старушке, наткала полотна и послала старуху отнести его в подарок к царю. Царь велел сшить из полотна рубашки. Василиса прекрасная сшила, и так угодила царю, что он велел ее привести к себе. Пришла Василиса прекрасная: царь, увидав ее, влюбился и женился на ней.

ЖАР-ПТИЦА

В некотором царстве жил-был царь, и было у него три сына: Петр-царевич, Аникита-царевич и Иван-царевич. У царя был сад, а в саду росла яблоня с золотыми яблочками. Только стали яблоки с яблони пропадать; царь и велел своим сыновьям подстеречь вора. Два старшие сына не поймали вора, потому что проспали, а Иван-царевич подстерег жар-птицу и вырвал у нее из хвоста золотое перо. Захотелось царю достать Жар-птицу, и послал он за ней своих сыновей. Они поехали. Иван-царевич Жар-птицу добыл и повез домой. По дороге он встретил братьев: они позавидовали удаче Ивана-царевича и сбросили его, сонного, в глубокую яму, а сами с Жар-птицей поехали домой. Иван-царевич из ямы вылез и пришел в один город. А в городе этом жил в городе змей, который девушек пожирал, и теперь хотел съесть царскую дочь-красавицу. Иван-царевич змея убил, а царь в благодарность отдал ему дочь в замужество. Захотелось Ивану-царевичу домой. Царь дал ему двух воронов, и полетел на них Иван-царевич с молодой женой. Прилетел Иван-царевич в свое царство и рассказал отцу про обман старших братьев. Царь очень прогневался и велел старшим сыновьям скотину пасти, а Ивану-царевичу отдал свое царство.

СКАЗКА
о том, как топили брата дурака

Были три брата: два умных, а третий дурак. Надоел дурак своим умным братьям; они взяли его, сунули в кожаный мешок и везут на озеро топить. Только на дороге остановились у одного кабака и вошли туда. Пока умные были в кабаке, дурак мечется в мешке и кричит: «Боже мой! Боже мой! Что мне делать: меня хотят сделать царем, а я не умею ни писать, ни читать!» В то самое время какой-то купец гнал мимо стадо коров и овец. Услышал он, как кричит дурак в мешке. Подошел он к нему и говорит: «молчи, мужик, молчи, вылезай из мешка! пойду я за тебя: я умею и писать, и читать!» Развязал купец мешок. Дурак тотчас выскочил, а купец залез в мешок. Дурак завязал мешок и сам ушел вместо купца. А купец в мешке уж не кричит, а лежит тихонько: думает все о великой чести царю. Наконец вышли умные братья из кабака и поехали своею дорогою — повезли мешок на озеро и утопили. Приехали они домой, и вот видят: третий их брат жив и невредим, и пригоняет домой целое стадо скота и овец. И спрашивают его старшие братья: «откуда ты все это взял?» А он говорит: «я выгнал этот скот из озера и захватил, сколько мог; если бы вы меня забросили, где поглубже, то я выгнал бы еще и побольше этого». «Что это такое?» — подумали братья: ведь если он, дурак, мог выгнать из озера столько скота, так сколько же мы, умные, выгоним, если нас бросить в озеро? Подумали, подумали они, и говорят дураку: «брат, сунь нас в мешок, возьми на озеро и потопи нас в самом глубоком месте». Ладно. Дурак взял своих братьев, сунул каждого в особый мешок и повез на озеро… Довез он их до озера и сделал прорубь посреди самого озера. Взял он одного брата и бросил в прорубь. Тот опустился на дно, только вода забуркала на том месте. А другой брат в мешке слышит, кА вода бурлит, и спрашивает: «что он говорит?» — «Ох, он уж гонит скот», — отвечает дурак. «Брось меня поскорее тоже в воду; не захватил бы он там и моей доли!» Ну, забросил дурак и другого брата в прорубь, и тот, буркая, пошел ко дну. Затем уже дурак

поехал домой и с тех пор стал жить да поживать единственным хозяином на отцовской земле.

(Лично мною записано в Вологодской губ.)

СКАЗКА
о работнике и черте

Однажды какой-то мужик нанялся у черта в работники. В первый день службы оба, мужик-работник и черт пошли в лес за дровами. Черт сказал работнику: «возьми с собою мой топор». А топор был очень тяжел и работник его не смог бы поднять; он и не подошел к топору, а сказал: «разве мы дети, на что нам топор? Подойдем к любому дереву, да вырвем его с корнем». Хорошо. Подошли они оба к коренастому дубу, и черт говорит работнику: «ну-ка, вырывай!» А работник отвечает: «коли я примусь, то дуб раскрошится, и будет трудно нести его домой. Вырывайте вы, барин!» Черт схватился за дуб и вырвал его с корнем. Вырвав, он сказал работнику: «возьмись ты за тонкий конец, а я возьмусь за толстый, и понесем дуб домой». «Нет, барин, я возьмусь за толстый конец, а вы возьмитесь за тонкий, но только с таким уговором: кто оглянется назад, у того оба глаза вон». Ладно. Черт взялся за тонкий конец, а работник сел на толстый — пускай черт его тащит домой. Притащил черт домой дерево, встряхнулся и утер себе пот с лица. А работник его спрашивает: «никак у вас пот? У меня, как видите, лицо вовсе не мокро». Позвал черт работника погулять. Дошли они оба до одного пчельника. Увидел черт ульи и спросил: «что это такое?» А работник отвечал: «это мои отцовские табакерки». Черт снова спросил: «а можно немного понюхать из них?» — «Мой отец с одного раза вынюхивает целую табакерку», — отвечал работник. Стал черт нюхать. Пчелы заползли ему в нос. Черт стал весь мир проклинать: «Чтоб его, какой у твоего отца крепкий табак!»

Пошли они дальше, и нашли на пашне железную борону. Черт спрашивает: «что это такое?» А работник отвечает: «это

мой отцовский гребешок». Попробовал и черт этим гребешком почесать свою голову, но разодрал только кожу, и стал весь мир проклинать: «чтоб его, какой у твоего отца крепкий гребешок!»

Пошли они дальше. У черта был с собой претяжелый молоток. Работник никак не мог поднять этот молоток. Схватил его черт и швырнул в воздух, так, что он взлетел вверх на целую версту. Сделав это, черт спросил своего работника: «сможешь ли ты швырнуть так высоко?» Работник посмотрел на небо и сказал: «если бы оно (небо) было бы открыто, то я подбросил бы так высоко, что молоток вовсе не возвратился бы». Черт вскрикнул: «это не делай, работник! Это мой отцовский молоток».

Пошли они дальше. Вдруг черту захотелось проведать отца работника. Но вот на дороге они нашли заряженное ружье. Черт спросил: «что это такое?» А работник отвечал: «это моя отцовская трубка». Черт спросил: «можно покурить из нее?» — «Мой отец одним разом вытягивал всю трубку». Черт взял конец ствола в рот, а работнику пришлось огонь подложить к другому концу. Приложил работник огонь, и ружье выстрелило, а черт отплевался и сказал: «какой у твоего отца крепкий табак!»

Пошли они дальше и вдруг видят: лежит большой медведь. Чорт спросил: «это твой отец, что ли?» А работник отвечает: «нет, это мой дедушка, отец мой гораздо больше. Подойдите к нему, барин, и ударьте его по заднице; он тогда встанет». Подошел к медведю черт и ударил его по заднице. Вскочил медведь и разорвал черта. А работнику достались все чертовы деньги.

(Лично мною записано в Вологодской губ.)

О блуждении души*

Пасли однажды дна пастуха скот. Они жили в ладу и сговорились, чтобы попеременно пасти скот: один будет пасти, а другой спать. Один из них лег и скорехонько заснул. Другой

* См. сборн. матер. по этнографии, стр.135.

шел мимо его и видит: изо рта товарища выползла рыжеватая мышь, не больше сверчка, и убежала. Захотелось ему узнать, что это за мышь. Он оставил скот и побежал за ней. Мышь бегала по горам, долам, по лесам и полям, и, наконец, забежала мышь в большое болото. В болоте стоял большой, высокий пень (он быль разбить молнией и в средине его было дупло). Мышь влезла на пень и спустилась в дупло, а пастух стоит и дожидается: хочет узнать, что из всего этого выйдет. Немного спустя мышь выбегает из пня и тем же путем обратно. Прибежала она к спящему, и вползла в рот. Товарищ разбудил его теперь и спрашивает: «что ты видел во сне»?» Тот ему отвечает: я ходил по горам, долинам, по лесам, полям и болотам; наконец полез на высокую башню и видел я много денег. Но почему ты меня об этом спрашиваешь?» Товарищ ему рассказал, как из его рта выбежала мышь, куда она бегала и как она вползла обратно в его рот.

Пастухи посоветовались и пошли к пню; один из них полез в него и нашел, в самом деле, много денег. Они побежали домой за топорами, мешками и лошадьми; приехали, раскололи пень и все деньги повезли домой. Вскоре после того и болото высохло.

Оба пастуха разделили между собою деньги поровну, жили богато и дружно и живут еще ныне. Они рассказали это бабушке, и та сказала, что мышь — была душа пастуха.

СКАЗКА
о барине-покойнике и кучере Иване

Жил-был женатый барин. Только барин этот находился в связи с чертом. Был у него кучер, красивый малый; звали его Иваном. Жили они, жили, и, наконец, барин этот умер. Влюбился Иван в свою красивую барыню—вдову. Она и не прочь выйти за него замуж, только говорит ему: «хорошо! ступай в погреб, где лежит покойный барин, да проспи подле него в гробу три ночи сряду. Коли сделаешь это — пойду за тебя и сделаю

тебя барином». Хорошо. Иван тотчас заказывает меднику рубаху из блях, надевает ее, идет под вечер в погреб и ложится подле покойника—барина в гроб. Спит он, спит, — но только вдруг к полуночи барин подымается из гроба. Что же теперь делать Ивану? Он подымается тоже. «Что, Иван, ты тоже умер?» спрашивает его барин. — «Да, я тоже умер», отвечает Иван. «А ты не врешь?» — «Коли барин не верите, пощупайте мое тело». Пощупал барин рубаху из блях, нашел, что тело действительно холодно, и поверил. «Куда пойдем?» Условились идти в дом барина. Пошли они вдвоем в дом, перебывали во всех палатах, перекидали, переломали все, что ни попалось им в руки, и пошли обратно в погреб; барин и говорит Ивану: «ложись ты, Иван, первый в гроб». А Иван отнекивается; «нет, барин, при жизни я за вами следовал, хочу и мертвым за вами». Делать нечего; ложится барин сперва в гроб, а потом и Иван.

В другую ночь случилось то же; к полуночи барин подымается из гроба, — Иван тоже. Условились на этот раз идти вдвоем по полям. Обходили, перепортили все поля и вернулись опять в гроб. Опять начали они спорить, кому первым ложиться, и опять Иван настоял на том, чтобы как при жизни, так и здесь следовать за барином.

В третью ночь точно так же; подымается из гроба барин, подымается и Иван. порешили они на этот раз посетить скот в скотном дворе и лошадей в конюшне. На дороге туда барин и говорит: «кто бы подумал, что под порогом конюшни столь много денег, и как легко их достать». — Побывали они в хлеве и конюшне, передушили много скота и лошадей и пошли назад в погреб.

В погребе барин и говорит: «если б только один живой человек постучал коленами на моем гробу и сказал бы: «Боже отец, Боже сын, — спи спокойно!» то не мог бы я больше вставать. И денег тех тот человек мог бы достать себе, из-под порога. Но хорошо, что мы мертвы — никто не будет знать этого». Но вот заспорили они опять, кому первым лечь в гроб. Иван все стоял на том, что он при жизни барина следовал за ним, и хочет и мертвым услужить ему. (Боялся Иван, чтобы барин его не задушил). Спорили они, спорили, пока, наконец, не запел петух.

Как услышал барин пение петуха, он тотчас бросился в гроб, а Иван немедленно вскочил на гроб, пристукнул три раза коленами и сказал: «Боже отец, Боже сын, — спи спокойно!» Не поднялся более барин из гроба; только еще успел сказать: «если б я знал, что ты жив, я растер бы тебя в прах». Затем Иван пошел домой, женился на барыне-вдове, выкопал деньги из-под порога конюшни, и жил себе, как барин.

(Лично мною записано со слов крестьянина Прокофьева из Кадникова)

СКАЗКА
о солдате и смерти*

В одном государстве жил— был славный и сильный король, у него было очень много войска, и он сильно полюбил одного солдата, который служил ему верою и правдою и был главным его конюхом. Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься у короля на родину с родными повидаться. Сначала было король не спускал его, но потом согласился, наделил его златом-серебром и отпустил его на все четыре стороны. Вот получил солдат отставку и пошел с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему: неуж ли на простинах-то не поднесешь, а прежде ведь мы хорошо жили. Вот солдат и начал подносить своим товарищам, подносил-подносил, глядь: а денег-то осталось у него только пять пятаков. Вот идет наш солдат близко ли, далеко ли, видит, стоит в стороне кабачок, — зашел солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошел далее. Прошел эдак немного, встретилась ему старуха, и стала милостину просить, солдат и подал ей пятак. Подошел опять немного, смотрит: а та же старуха идет навстречу и просит милостину; солдат подал другой пятак, а сам и дивуется, как это старуха опять очутилась напереди, меж тем, как не видел, чтобы она прошла мимо него. Смотрит, а старуха опять напереди

* Барсов, прич. север. края, стр. 295.

и просит милостину; солдат и третий пятак ей подал. Подошел опять эдак с версту, смотрит, а старуха опять напереди и просит милостину; разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак, да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, а старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел, да и говорит: куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно! и хотел было уж бросить, — вдруг, откуда ни возьмись, явились пред ним, как из земли, два молодца и говорят ему: что вам угодно? Солдат остолбенел от удивления и ничего не мог им сказать; он думал, что это привидение, да и закричал: что вам от меня надобно? Один из них — щеголь собой, подошел поближе к служивому, да и говорит: мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай, я все сделаю! Солдат думал, что все это ему грезиться, протер глаза, решился спробовать, да и говорит: если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска, водка и трубка с табаком! Не успел солдат еще и окончить, а уж все и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалился на койку и закурил трубку. Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдат говорит: «а долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?» «Сколько угодно», — сказал лакей. — «Ну так обери все», — сказал солдат и пошел дальше. Вот шел он, после этого, близко ли, далеко ли, и пришел к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом, да барин в этом дому не жил, а жил в другом, — в хорошем-то дому черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать: «где барин живет?» — А мужики и говорят: «да что тебе в нашем барине?» — «Да ночевать бы надо попроситься». — «Ну, — говорят мужики, — только пойди, так он уж и отправит тебя к чертям на обед!» — «Ничего, — говорит солдат, — и с чертями разделаться можно, а это в сторону; а скажите, где барин-то живет?» Мужики показали барский дом и солдат пошел к нему; а как пришел к барину, стал у него ночевать проситься. Барин и говорит: «пустить-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня там не тихо!» — «Ничего», — говорит

солдат. Вот барин и повел солдата в хороший дом, а как привел, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился лакей, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось все. Барин, хоть и богат был, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку; вот как кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел обрать все, а лакей и говорит: я не могу обрать — не все на столе. Солдат посмотрел, да и говорит: ты, барин, для чего ложку взял? Я не взял, говорит барин. Солдат обыскал, барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости пошел да и запер на замок все двери. Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрестил и стал чертей дожидаться. Этак около полуночи вдруг слышит, что кто-то у дверей пищит. Пождал еще солдат немного и вдруг набралось множество нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай! Один там кричит: напирай-напирай, а другой на место ему кричит: да куда напирать, коли крестов наставлено!..

Солдат слушал, слушал, а у самого волосы так-таки дыбом и встают, даром что нетрусливого десятка был. Наконец и закричал: «да что вам тут от меня надо, босоногие?» —«Пусти, кричат ему из-за дверей черти». — «Да на что я вас пущу сюда?» — «Да так, пусти!» — Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири, да и говорит: а что, много ли вас, босоногих, войдет ко мне в мешок?» — «Все войдем», говорят ему из-за дверей черти. Солдат наделал на мешке крестов углем, приотворил немного дверей да и говорит: ну-ка я посмотрю, правду ли вы говорили, что все войдете? Черти все, до одного залезли в мешок, солдат завязал устье мешка, перекрестил, взял 20-ти фунтовую гирю да и давай по мешку бить. Бьет, бьет да и пощупает, мягко ли? Вот видит солдат, что, наконец, мягко стало, отворил окно, развязал мешок, да и вытряхнул чертей вон; — смотрит, а черти все изуродованы и никто с места не двигается. Вот солдат как крикнет: а вы что тут, босоногие, расположились-то? другой бани что ли дожидаетесь, а? Черти все кой-как разбежались, а солдат кричит им вдогонку: еще придите сюда, так я вам не то

еще задам! Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришел к барину и говорит: ну, барин, переходи теперь в тот, дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать! Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошел себе дальше. Вот шел он так счастливо и весело уж долгонько, и до дому недалеко осталось, всего каких-либо на три дни ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая это худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных, топориков, а косой подпирается! Дошла она до солдата и загородила ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак, да и закричал: что тебе надо от меня, старая? Хошь, я тебе голову раскрою? Смерть (это была она) и говорит: я послана Господом, взять у тебя душу! (дрогнуло солдатское сердце, упал он на колена да и говорит: «смилуйся, матушка смерть, дай мне сроку только на три года, — прослужил я королю-батюшке свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться». — «Нет, говорить смерть, не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку на три года!» — «Дай хоть на три месяца». — «Не дам и на три недели» — «Дай хоть на три дня?» — «Не дам тебе и на три минуты, сказала смерть, махнула косой и уморила солдата! Вот очутился солдат на том свете, да и пошел было в рай, да его туда не пустили, недостоин, значит, был! Пошел солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит: вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, аль позабыли барскую-то баню, а? Черти все и побежали от него, а сатана кричит: «вы куда, детки, побежали-то?» — «Ой, батько, говорят ему чертенята, ведь солдат-то здесь». Как услыхал сатана это, да и сам побежал в огонь.

СТАРИК И СТАРУХА*

Жил-был старик да старуха, старик был настоящий человек, а у старухи одна половина была как у человека, а другая — как у зверя. После смерти старика у ней родился сын, такой же, как она. Рос он очень скоро и сделался хорошим охотником. Однажды, возвратясь с охоты, он сказал матери: я хочу жениться, и ты найди мне невесту.

Мать согласилась, и на другой день, когда сын ушел на охоту, пошла к недалеко проживавшим старику и старухе, у которых было три дочери.

Ее приходу все удивились. Пригласили сесть, но она ответила: не сяду, пока не кончу дела. Стала сватать старшую дочь, и та согласилась. В тот же день она привела ее к сыну. Когда молодая пришла в вежу, то мужа не было дома, Он быль на охоте. Старуха указала невестке место, где она должна спать и приказала ей спать. Смотреть же не велела никуда, пока будет вариться ужин.

Невестка для виду и легла спать, но незаметно стала смотреть, что будет делать свекровь. Свекровь вымыла мясо и стала варить его в кожаном мешке, который скоро и потек. Увидав, что девушка это заметила, старуха осерчала и сказала: говорила, не смотри: не послушалась — будь же теперь камнем. Невестка окаменела. Пришел сын и спросил: где жена? Мать указала на каменную фигуру и прибавила: она была упряма, вот ей и наказание.

Сын на другой день, отправляясь на охоту, сказал: не забудь привести мне жену. Мать опять пошла к старику и привела от него вторую дочь под предлогом, будто первой скучно.

То же сказала и этой. Она опять не послушалась и окаменела. Возвратившемуся сыну опять показала па окаменевшую. Он посмотрел и сказал: завтра. должна быть у меня жена, а нет — прощайся со мной».

Мать, услышав это, ответила: они были не послушны и потому тебе в жены негодны. Приведу завтра меньшую сестру их, из нее, быть может, и будет тебе жена.

---

* Русские Лопари Н. Харузина, стр. 345.

После сына, который ушел на охоту, старуха опять пошла за третьей сестрой. Привела ее и опять то же сказала. Она, посмотрев на окаменевших, испугалась и вполне послушалась свекрови. После приготовленного ужина, старуха разбудила невестку и сказала: собака лает, поди встречай мужа. Она встретила его, поужинали и стали жить. Вскоре у них родился сын, такой же как отец. Муж при этом сказал: жена смотри, чтобы у сына постель никогда не была мокра. Раз, однако, отец увидал, что у сына постель мокра: он сейчас же стал собираться в дорогу. Сын тоже стал приготовляться уйти с ним. Мать не могла удержать ни мужа, ни сына — они ушли и сделались дикими оленями. При прощанье мать сказала сыну: черных зверей бойся, а белых не бойся. Не бойся и гангасов (веревки, которыми ловят диких оленей).

ИВАНКО-МЕДВЕДКО*

В некотором селе жил-был богатый мужик с женою. Вот раз пошла она в лес за груздями, заплуталась и забрела в медвежью берлогу. Медведь взял ее к себе, и долго ли, коротко ли — прижил с нею сына: до пояса человек, а от пояса медведь; мать назвала того сына Иванко-Медведко. Годы шли да шли, Иванко-Медведко вырос, и захотелось ему с матерью уйти на село к людям; выждали они, когда медведь пошел на пчельник, собрались и убежали. Бежали-бежали и добрались таки до места. Увидал мужик жену, обрадовался — уж он не чаял, чтобы она когда-нибудь домой воротилась; а после глянул на ее сына и спрашивает: «а это что за чудище?» Жена рассказала ему все, что и как было, как она жила в берлоге с медведем и как прижила с ним сына: до пояса человек, а от пояса медведь. «Ну, Иванко-Медведко! говорит мужик, поди на задний двор да заколи овцу; надо про вас обед сготовить». — А которую заколоть! «Ну, хоть ту, что на тебя глядеть станет». Иванко-Медведко взял нож,

* Взято мною с лубочного издания. Народная сказка.

отправился на задний двор, и только скричал овцам — как все» овцы на него и уставились. Медведко тотчас всех переколол, поснимал с них шкурки, и пошел спросить: «куда прибрать мясо и шкуры»? «Как? заревел на него мужик, я тебе велел заколоть одну овцу, а ты всех перерезал»! — Нет, батька! ты велел мне ту заколоть, которая на меня взглянет, я на задний двор — они все до единой так на меня и уставились; вольно ж им было на меня глазеть! «Экой разумник! ступай же, снеси все мясо и шкуры в амбар, а ночью покарауль дверь у амбара-то, как бы воры не украли да собаки не съели!» — Хорошо, покараулю. Как нарочно, в ту самую ночь собрались гроза, и шел сильный дождь. Иванко-Медведко выломил у амбара дверь, унес ее в баню и остался там ночевать. Время было темное, ворам сподручное; амбар открыт, караула нет — бери, что хочешь! Поутру проснулся мужик, пошел посмотреть: все ли цело? Как есть ничего не осталось: что собаки съели, а что воры покрали. Стал он искать сторожа, нашел его в бане, и принялся ругать пуще прежнего. «Ах, батька! чем же я виноват? сказал Иванко-Медведко; сам ты велел дверь караулить я дверь и караулил: вон она! ни воры не украли, ни собаки не съели!»

Что с дураком делать? думает мужик; эдак месяц-другой поживет, совсем разорит! как бы его с рук сбыть? Вот и надумался: на другой же день послал Иванка-Медведка на озеро из песку веревки вить, а в том озере много нечистых водилось: пусть де его затащат черти в омут! Иванко-Медведко отправился на озеро, сел на берегу и начал из песку веревки вить. Вдруг выскочил из воды чертенок: «что ты делаешь, Медведко?» — Что? веревки вью; хочу озеро морщить, да вас чертей корчить — затем, что в наших омутах живете, а руги не платите. «Погоди, Медведко! я побегу, скажу дедушке» — и с этим словом бултых в воду. Минут через пять снова выскочил: «дедушка сказал: коли ты меня перегонишь, так заплатит ругу, а коли не перегонишь — велел тащить тебя самого в омут». — Вишь прыткой! ну, где тебе перегнать меня? — говорит Иванко-Медведко; у меня есть внучек, только вчера народился — и тот тебя перегонит! Не хочешь ли с ним потягаться? какой такой внучек?» — Вон под колодой лежит, отвечает Медведко, да как вскрикнет на зайца:

«ай, Заюшко, не подгадь!» Заяц бросился без памяти в чистое поле и в миг скрылся из виду: чертенок было за ним, да куда? на полверсту отстал. «Теперь коли хочешь, говорит ему Медведко, побежим со мною, только, брат, с уговором: если отстанешь, — я тебя до смерти убью!» — Что ты! сказал чертенок — и бултых в омут. Немного погодя выскочил опять из воды и вынес дедушкин чугунный костыль: «дед сказал: коли вскинешь ты вот этот костыль выше, чем я вскину, — так заплатит ругу». — Ну, кидай ты наперво! Черт вскинул костыль так высоко, что чуть видно стало; со страшным гулом полетел костыль назад и ушел в землю наполовину. «Кидай теперь ты!»

Медведко наложил на костыль руку, и пошевелить не смог: «погоди, говорит, вот скоро подойдет облачко, так на него закину!» — Нет, нет! как же дедушке без костыля-то быть? сказал бесенок, схватил чертову дубинку и бросился поскорее в воду. Погодя немножко, опять выскочил: «дедушка сказал: коли сможешь ты обнести эту лошадь кругом озера хоть один раз лишний супротив меня, так заплатит ругу, а не то ступай сам в омут». — Эко диво! начинай. Чертенок взвалил на спину лошадь и потащил кругом озера; разов десять обнес и устал окаянный — пот так и льет с рыла! «Ну, теперь мой черед!» сказал Иванко-Медведко, сел на лошадь верхом и ну ездить кругом озера: до тех пор ездил, пока лошадь пала. «Что, брат! каково»? спрашивает чертенка. — Ну, говорит нечистой, ты больше моего носил, да еще как? — промежду ног, эдак мне и разу не обнести! Сколько ж руги платить? «А вот сколько: насыпь мою шляпу золотом, да прослужи у меня год в работниках — с меня и довольно!» Побежал чертенок за золотом, а Иванко-Медведко вырезал в шляпе дно и поставил ее над глубокой ямою, чертенок носил-носил золото, сыпал в шляпу, целый день работал, а только к вечеру сполна насыпал. Иванко-Медведко добыл телегу, наклал ее червонцами и свез на чертенке домой: «разживайся, батька! вот тебе батрак, а вот и золото!»

НАБИТОЙ ДУРАК

Жил старик со старухою, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать: «ты бы, сынок, пошел около людей потерся да ума набрался». — Постой мама; сейчас пойду. Пошел по дороге, видит — два мужика горох молотят, сейчас побежал к ним: то около одного потрется, то около другого. «Не дури! говорят ему мужики; ступай — откуда пришел»; а он знай себе потирается. Вот мужики озлобились и принялись его цепами подчивать: так ошарашили, что едва домой приполз. «Что ты, дитятко, плачешь?» спрашивает его старуха. Дурак рассказал ей свое горе. «Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: Бог помочь, добрые люди! носить бы вам — не переносить; возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот мы бы сварили да и скушали». На другой день идет дурак по деревне, навстречу несут покойника. Увидал и давай кричать: «Бог помочь! носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!» Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться: «вот, мама, ты научила, а меня прибили!» — Ах ты, дитятко! ты бы сказал: канун да свеча! да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта. Пошел дурак по деревне, слышит в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют, он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет. «Что это за невежа пришел! говорят пьяные гости; мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!» Выскочили и порядком ему бока помяли... Пришел он домой и плачет. Мать спрашивает, его: «об чем ты, дитятко, плачешь»? дурак рассказал ей свое горе. Ах, ты сынок, куда ты глупешенек, ты бы взял гармонию, поиграл бы да поплясал, вот бы тебя и похвалили и пирогом попотчевали. — Ну, ладно. Идет, а у мужика горит овин, он и начал играть в гармонию и плясать. Увидал его мужик и порядком помял ему бока.

(Лично мною записано в Кадникове, Вологодской губ.)

ГЛУПАЯ БАБА*

Жили-были мужик да баба. Муж был хороший и трудолюбивый, а жена ленивая и засниха. Страда наступила, муж идет на свою работу и наказывает жене, чтобы она шла жать. Пошла она в поле, выжала такое местечко, чтобы можно было лечь, легла да и проспала весь день. Вечером, как пришла домой, муж и спрашивает: много ли нажала? А она отвечает: выжала местечко. На другой день опять идут на работу: муж на свою, и жена на свою. Баба опять выжала местечко, чтобы лечь, уснула и проспала до самого вечера. Вечером приходит домой, муж опять у нее спрашивает: много ли, жена, нажала? Она опять: выжала местечко. На третий день пошел муж посмотреть, много ли баба нажала, приходит и видит — полосы не сжаты, а жена спит. Взял он ножницы, обрезал у жены волосы и ушел домой. Пробудилась баба, схватилась за голову, да как заорет во все горло: я-то бы я, да голова-то не моя! побежала долой, а сама думает: если я — я, то собака наша не залает на меня, а если не я, то залает. Прибежала к воротам и просунула голову в подворотню. Собака залаяла. Баба побежала по деревне и заорала: я-то бы я, да голова-то не моя! Едва соседи могли ее успокоить! Полно с тех пор баба спать в поле.

БЕЗЗАБОТНАЯ ЖЕНА

Жили-были муж с женой. Жена была баба ленивая и беззаботная, да к тому же еще и большая лакомка: все проела на орешках да на пряничках, так что, наконец, осталась в одной рубахе., и то в худой — изорванной.

Вот подходит большой праздник, а у бабы нечего и надеть, кроме этой рубахи. И говорит она мужу: сходи-ка, муж, в рынок, да купи мне к празднику рубаху. Муж пошел в рынок, уви-

* Иваницкий, стр. 186.

дал, что продают гуся, и купил его вместо рубахи. Приходит домой, жена и спрашивает: купил мне рубаху? — Купил, отвечал муж, да только гуська. А жена не дослышала и говорить: ну и узка, да изношу! Сняла с себя изорванную рубаху и бросила в печку. А потом и спрашивает: где ж рубаха? Дай я надену. — Да ведь я сказал, что купил гуська, а не рубаху, отвечал муж. Так она и осталась нагишом.

Вот видят они — идут к ним гости. Жена и говорит мужу: я сяду в корчагу на полати? — Садись, сказал муж. Пришли гости. Хозяин поставил гуся на стол и потчует. Жена увидала и захотелось и ей поесть гуся. Вот она тянулась да тянулась и упала с корчагой на пол. Гости испугались и все разбежались, а муж, пока жена охала да стонала, и доел гуся, оставив жене только косточки.

(Лично мною записано в Вологодской губ.)

БЕСПАМЯТНЫЙ ЗЯТЬ*

Пришел зять к теще в гости, теща и угостила его киселем. Зять съел кисель и спрашивает, это что за кушанье? — Кисель, отвечала теща. Зятю кисель очень понравился и думает он: дома непременно заставлю жену сварить, только бы не забыть, как зовется.

Вот он идет домой и твердит про себя: кисель, кисель, кисель! Случилась на дороге канава. Хотел мужик перескочить через нее, поскользнулся и упал в канаву. Встал и — забыл, что ел у тещи. Думал, думал, — никак не может вздумать.

Едет мимо барин на шестерне, и видит: мужик бродит в канаве. Остановился и спрашивает, что потерял, мужичок? — Сто рублей. — Кучер, поди, поищи, говорит барин, а когда найдешь, то все разделим пополам. — Кучер подошел к канаве и говорит: вишь как взболтал грязь-то в канаве, словно кисель!... — Нашел, нашел! закричал мужик, выскочил из канавы и со всех ног пустился домой, а сам кричит: кисель, кисель!

* Иваницкий, стр. 168.

ГЛУПЫЙ НАРОД*

Были у одной старухи два сына: младший из них, Проня, умер и старуха долго по нем плакала. Однажды, когда старшего сына не было дома, к старухе зашел беглый солдат. Старуха и спрашивает: ты откуда, служивый? А солдат отвечает: сначала накорми да напой, а потом и спрашивай. Старуха накормила и напоила его и опять спрашивает: откуда? — Я с того света выходец, бабушка. — Ой, дитятко! не видал ли ты там моего Прошу? — Как не видать, — видел; твой Проня там боронит, и весь обносился. — Экой бедный! Ты не снесешь ли ему чего? Я бы дала хоть катанки да полушубок. Вот, думает солдат, посылает Бог глупую! и говорит: отчего не снести? за твою хлеб—соль, пожалуй, снесу. — Отдала старуха полушубок и катанки и солдат ушел.

Приходит старший сын домой, старуха и сказывает ему, что был у нее с того света выходец, рассказывал, что наш Проня там боронит и весь обносился, так я послала ему с ним полушубок и катаники.

Сын побранил глупую мать пошел догонять солдата.

Приходит он в одну деревню и видит: мужики затаскивают корову на повить, из сил выбиваются. — Что вы делаете? спрашивает он мужиков. — Да вот не можем затащить корову на повить, чтобы она там сено ела! — Что дадите мне, я научу вас, как это дело лучше делать? — Сто рублей дадим, говорят мужики, только научи.

Взял он от них сто рублей, велел принести пестерь, положил в него сена, снес короб, и она стала есть.

— Поживи у нас, да поучи нас, говорят ему мужики. — Нет, некогда мне; надо идти, и пошел дальше.

Приходит в другую деревню и видит: мужики распялили на батоги хомут и загоняют в него лошадь.

— Что вы делаете? спрашивает он мужиков.

— Лошадь надобно запрячь, да не можем, говорят. — Что дадите, я научу вас, как это дело лучше сделать? — двести рублей дадим, только научи.

* Иваницкий, матер, по этногр. Волог. губ.

Получил он с них двести рублей, взял хомут в руки и надел на лошадь. — Ну, теперь запрягайте.

Мужики запрягли лошадь и говорят ему: поживи у нас? — Нет, некогда мне, идти надо.

Пришел в одно богатое село и видит: на барском дворе ходит свинья с поросятами. Снял он перед ней шапку, кланяется и говорит: свинушка пестра, моей матушке сестра, прошу пожаловать ко мне на свадьбу.

Услыхала эти слова барыня и думает: отчего не отпустить свинью на свадьбу? Подозвала его к себе и говорит: я отпущу свинью на свадьбу, только с поросятами.

Согласился он взять и с поросятами. Барыня нарядила свинью в свое лучшее платье и велела запрячь самую лучшую тройку лошадей. Взял мужик свинью с поросятами, сел на тройку и уехал. Об солдате же и думать перестал.

СКАЗКА О ПЕТРЕ И ИВАНЕ*

Жил-был царь; у царя была дочь. Велел он выстроить замок с одной дверью и ключ от этой двери носил всегда с собой.

В этом-то замке царь держал свою дочь только с прислужницей. Не хотелось царю, чтобы кто-нибудь из простых людей влюбился в царевну. Но царевна узнала об этом раньше и просила подрядчика сделать тайную дверь в сад. Он и сделал. Гуляла и веселилась царевна со своей прислужницей в саду. Однажды им захотелось яблочков; они и сорвали каждая по яблочку; играли, играли ими и наконец съели. От этих-то яблочков они забеременели, и каждая из них родила сына. Царевна назвала своего сына Петром, а прислужница — Иваном. Росли сыновья не по дням, а по часам; выросли большие и пошли охотиться. Царь дал каждому по две лошади и по одному слуге. Поехали они в первый день на охоту, увидели волчицу со двумя волчатами и хотели их застрелить. Но волчица просила: «оставьте нас

* Записана Ю. Семеновым.

живыми»! Они и не убили их, а повели живых домой. На второй день, опять поехали охотиться. Видят: идет медведица с двумя медвежатами. Они хотели их застрелить. Медведица просит: «оставьте нас живыми»! Они оставили и привели их домой. На третий день опять поехали. Видят: идет львица с двумя львятами. Они хотели их застрелить. Львица также просит: «оставьте нас живыми»! Они оставили их и привели живых домой.

Теперь они взяли каждый по волчонку, медвежонку и львенку и пошли по миру. Приехали они к одному месту, где дорога разделилась. Между дорогами стоит береза. Петр взял свой перочинный ножик, прорезал березовую кору, засунул ножик за кору и сказал: «кто из нас первый воротится, пусть посмотрит этот ножик: коли он чист, то другому хорошо, а коли заржавел, то плохо». Они расстались и поехали: Петр направо, а Иван налево.

Вот Петр ездил, ездил по правой дороге и наконец приехал к городу и увидел, что весь город черным бархатом обит. Он остановился в гостинице и спрашивает: «что это значит»? Хозяин ему отвечает: «в вашем царстве есть страшный змей; нужно его кормить одними людьми. Начали мы с пастуха, а теперь дошла очередь уж до короля; если этому змею не дать добровольно, то он нас всех пожрет! Завтра же нужно отдать ему на съедение младшую царевну».

Вот утром Петр встал рано, взял своих зверей и поехал к тому месту. Приехал и видит: везут царевну в карете на четырех вороных лошадях. Выбросили царевну и поехали назад. А змей о двенадцати головах и летит; увидел он Петра и кричит: «что тебе надо»? Петр ему отвечает: «а тебе что надо»? и начал его рубить, а звери его ему помогают. Он срубил все головы, собрал и положил их под огромный камень. Царевна поблагодарила его и повязала каждому из его зверей по золотой цепочке вокруг шеи. Петр поехал дальше охотиться по лесу. Ездил он, ездил, наконец, приехал опять к этому городу и видит, что весь город украшен. Он остановился в той же самой гостинице и спрашивает хозяина: «что это значит»? Хозяин отвечает: «нашу царевну спас от змея какой-то незнакомец, и король отдает свою дочь замуж за него; сегодня будут их венчать». Петр

поехал со своими зверями прямо во дворец. Царевна узнала его, и говорит отцу: «вот мой жених! он меня спас от змея». Но жених не хотел отказаться, божился, что он спас царевну. Тогда Петр повел его к тому месту, где убил змея и велел ему поднять камень; по тот и пошевелить его не мог. А Петр с одного раза поднял камень и показал все двенадцать голов. Тогда царь велел жениха застрелить, а царевну выдать за Петра, и они обвенчались.

Прошел день, другой. Петр поехал на охоту со своими зверями: вдруг видит он зайца и хочет его застрелить. Откуда ни возьмись пристает к нему какая-то старуха, просит его не стрелять в зайца. Она дала, ему ниточку и говорит: «возьми, обвей себе эту ниточку три раза около головы, тогда заяц за тобою побежит». Петр так и сделал — и превратился со своими зверями в камень.

Иван между тем объехал далекие земли, а ничего не нашел!.. Воротился он назад, приехал к березе и видит, ножик совсем заржавел. «Теперь Петру плохо, подумал он; пойду его отыскивать»! поехал он по правой дороге; ездил, ездил, наконец приехал к городу и спрашивает: «не видали ли вы Петра»? А те думали, что он сам Петр, повели его во дворец к царевне. Та и обрадовалась, потому что он был по лицу и по росту очень похож на Петра, и были у него такая же лошадь и такие же звери, как и у Петра. Царевна не переставала его умолять, чтобы он с ней спал. Иван сейчас подумал: «здесь что-то не так»! Пошел он с ней спать, а свою саблю положил между царевною и собой, и так они проспали всю ночь.

Иван встал утром чем свет, и поехал дальше искать Петра; заехал он в лес — видит: заяц бежит. Он прицелился. Вдруг подходит к нему старуха и говорит: «не стреляй! на тебе ниточку, возьми да, обвей себе три раза около головы, и заяц за тобой побежит». Он взял ниточку, бросил ее на землю и срубил старухе голову. Поехал дальше — видит: Петр и его звери стоят, превращены в камень. Тут он догадался, снял ниточку с его головы, и они стали опять живы.

Иван ему рассказал, как он сюда попал и что ночью с царевной спал. Тут Петр рассердился на Ивана и отрубил ему

голову. Приехал он домой; царевна бросилась перед ним на колени и умоляла простить ее, что она вчера заставила незнакомца спать с собой; но рассказала, что тот положил свою саблю между ней и собой. Теперь стало Петру очень жаль, что так дурно поступал с Иваном, по делать было нечего. С горя поехал он опять на охоту. Приехал в лес; видит: лежит мышь с отрубленной головой, а другая все приставляет ей голову; наконец голова приросла, и мышь ожила. Тут Петр вспомнил об Иване, поехал к тому месту, где он лежал, и начал ему приставлять голову; наконец она приросла, и Иван ожил. Очень тому обрадовался Петр. Приехали они оба домой и стали жить да поживать. Наконец умер царь; Петр получил все царство и сделался царем.

НЕВЕРНАЯ ЖЕНА*

Жил-был купец и овдовев, оставсе у его сын в полном возрасте. Он сказал сыну своему, що «жонись ты, сын мой, а мне уж не в годы…» У меня, гыть, все невесты сняты на патрите… Приносит сыну своему патреты невест и говорит: «ну, сын мой, выбирай, которую надоть!» Сказав сын отцю: «батюшка, в твоих патретах нет невесты мне». Ну, гыть, выбирай сам невесту, отвицяв отец. Сын говорит: «стану выбирать невесту по Божьему повеленью, какую мне Бог благословит». Заутра сын отпирает лафку и говорит: «которая первая придет в лафку возврастная девица, то и невеста моя». Как отпер купец лафку и приходит воз(в)растная девица торговать (покупать); вот и говорит (ей) купеческой сын: «пойдем за меня в замужество!» Она отвицеет ему: «господин купец! я низка перед вами». — «Каких ты родов?» — У меня мать бобылочка!» «В какой улице твоя фатера?» спрашивает купеческий сын. — «В такой-то улице», — отвицяет, под таким-то номером. «Хорошо, я буду сватацьсё к вам». Вот запирает он лафку и приходит свататься-

* Из «Живой стар.», записано А. Шустиковым.

сё, а вдова бобылочка и говорит (ему): «господин купец! у нас денег нет свадьбу сурядить». Он им денег дал множество на свадьбу и сказал вдове: «мне бесчостно ехать в килью женитсё, занимай ты у каково нибудь купца фатеру, будто вы из другой земли приехали, а денег мало будет — пиши письмо, я ищо дам» Вот он и взяв ее в замужество.

К ним в город прислали из другово города полковника, ему и были избраны две фатеры у этово купця, фатеровать. Полковник и посылает письмо с деньщиком, желает в гости купеческую жону к сибе. Приняла купеческая жона письмо это, прочитала и говорит: «не пойду в гости к нему, не желаю и видеть». Приходя деньщик и сказав полковнику, що не хочет идти в гости (купеческая жона). Полковник осерчал на ее.

Вот потом купец бал завел, посылает своево прислужника к полковнику, звать его в гости. Полковник сказав: «нейду я к вам для купеческой жоны» Сказав полковнику прислужник, що не для ее, а для купца иди, так мне хозяин сказав. Полковник пошов в гости к купцю. После тово опять полковник писав с денщиком письмо и звал в гости купеческую жону. Она подумала умом: «в первый раз звал не пошла, осерчав полковник, ну и пойду, разе?» Вот она и пришла в гости к полковнику, подносит ей полковник чашу напитков, она сказала ему: «не хочу пить». «Ты не ради себя пей, а ради меня хоть выпей!» Она выпила. Вот он потом влюбивсе в ее, а она в ево...

Этово полковника переместили опять в другой город, он и сказав купеческой жоне: «пойдем со мной!» Она удумала ехать с ним. Вот сказала хозяину, що отправляется в экой-то город (куда именно перемещали полковника), «я маленькая была ищо, меня мать овичала (завещала?) сходить Богу молитьсе». А купец ей сказав: «на што пешой идти, занимай пару коней и бери денег колько (сколько) требуетсё». «Мне, гыть, не надо пара коней, я пешой дойду». Заправилась наперед полковника в дорогу, потому що настигёт, так посадит в карету. Господь создав тучу и убило ее громом и наезжает на это тело полковник, и привозит к купцю в дом: «господин купец, гыть, убило твою жону громом». И как тогды купец тужив, плакав и жалел своия жоны!.. Снесли мертвое тело в церкву, приходит

купец к священнику: «батюшка, гыть, пусти меня в церкву на ночь, стану я псавтырь читать над мертвым телом». Священник ево пустив в церкву псавтырь читать. Вот он читает и плачет, жалиет своия жоны. Вдруг из алтаря выходит старичок и говорит купцю: «купец, жаль жоны?» «Жаль», гыть. Старичок выносит три листа бумаги да три свици. «Зажги свицю, гыть, прочитай лист; ту погаси, другую зажги и другой прочитай лист; ту погаси и третью зажги, прочитай и третий лист, — воскресишь свою жону!» Произвел все это купец и воскресив свою жону. Заутра отложили (отперли) церкву, — ожилась ево жона. Ну, и учув полковник, що ожилась купеческая жонка, только слух у ее отбило. Опеть зовет ее полковник ехать с собой, она и ладит ехать — забыла наказанье Божье. Вот она и говорит служанке своей: «я пойду на рицку с платьем мыть и пробуду довго там, ты проведай меня», а сама склалась да уехала с полковником в другой город. Пришов хозяин из лафки и спросив: «где жона моя?» Сказала (ему) служанка, що «ушла на рицку да заказала мне, що не буду довго, — проведай меня, а я вот и забыла ее». Пришли на рицку, только и знамя оставила — платье одно. Купец с горя все именье продав и пошов к царю на лицё: «Ваше цярское величество, гыть, я иду в солдаты охотой». И приняв ево в солдаты цярь. А тот полковник подав заявление цярю, що надо сменить деньщиков. Цярь назначив деньщиков новых, этово солдата-охотника, там и других хороших назначив к нему (полковнику). Вот полковник и говорит своей наложнице, що придут новые деньщики, угости ты их на первой раз. Приходят к полковнику новые деньщики, увидала наложница новых деньщиков и познала (признала) мужа своего купця, ну и самовар составила, по стакану водки подала, а сама себя изобидела: ободрала рожу. Приходит полковник, она смутитсе ему сказала на деньщиков: «пришли деньщики, ты велел их угостить, я угостила их, самовар составила, водки подала, ну вот этот (указывает на мужа, надо ево избыть, — пояснил рассказчик) меня изобидив, оцарапав рожу. Дело по делам пошло, ево назначили сквозь строй прогнать, он и говорит своему товарищу: «мне не вымогчи, решат меня, так пожалуста, я тибе скажу, постарайся для Бога, ты можешь меня воскресить, я скажу тибе: ты возьми

у меня в сундуке три свици и три листа и прочитай над моим мертвым телом, произведи все три свици, а сначала меня выкопай из ямы да в угомонное (тихое) место снеси ты тело мое». Вот ево прогнали сквозь строй и убили до смерти, закопали ево тело в землю и поставили троих часовых денных и ноцьных для тово, що он ее наложницу воскресив, щобы и сам не воскрес. И приходит к могиле тот деньщик и называет: «братья мои, часовые! доброй души был этот деньщик, пойдемте-тко в трактир, да помянем ево за упокой!» «Мы рады бы с тобой идти в трактир, — отвечают часовые, да у нас денег нет помянуть за упокой!» Пойдемте со мной, я денег дам». Увел часовых в трактир и напоил так, що оне свалились. Вот этот деньщик наняв таких людей, щтобы достать солдата из земли, да в угомонное место отнести. Вот достали и отнесли, он и начав читать эти три листа, и три свици произжох, прочитав и воскресив ево. «Благодарю, земляк, — сказал воскресшой, денег у меня много, хоть все бери».

В то время у цяря дочь померла, приходит солдат-охотник к цярю: «ваше цярское величество, гыть, я воскрешу твою дочь!» А цярь сказав ему: «кабы мог воскресить мою дочь, то будешь ты цярем, а моя дочь — цярица». «Где твоя дочь находится?» — «В зале!» Вот его допустили к мертвому телу, он зажег свицю — прочитав лист, прочитав и все листы, и прижег свици — воскресив цярскую дочь. Цярь и произвел ево в цяри, на свое цярство посадив. Вот и пошов новой цярь по силе (войско) своей, по полковникам. У которово-бы полковника и не ладно, да ладно все, приходит в тот полк, где ево жона наложницей приходитсе. У этово полковника що и ладно, да не ладно все. Сказав новой цярь полковнику: «снимай ополеты с себя!» Сказав ищо цярь тому деньщику, который ево воскресив: «снимай мундир свой и накладывай ополеты полковника, а солдатской мундир отдай ему». Призывает наложницу полковника, приказывает цярь: расстрелять ее!..

Вологодской губ.

КАК ПОНАМАРЬ ОТДАЛ СВОЮ ПОНОМАРИЦУ ЗАМУЖ*

Умер купец, осталася вдова с сыном-малолетком; вот она и стала ево приучеть к торговле. Сын хорошо уж стал заниматьсё торговать, она и завирила ему одному стоять в лафке. Вот он торгует один, приходят девки к нему на торг, он и дает им все в долг, и много уж товару изнурив без денег. А рядом была лафка дяди ево; дядя и видит этот торг у племянника, как он товар изнуряет и сказывает братове жене, що девкам он без денег товар отпущает. Приходит купчиха вдова в лафку, а у ево товаров многое множество утрачено, а денег нет; она и не завирила ему больше одному торговать.

Отправляетсё дядя за море торговать, вдова и говорит ему: «возьми, дядя, сына моево с собой!» — «Не надо мне твой сын, он распутново поведенья!» — сказав дядя. Опеть сноха говорит: «Возьми, дядя, я дам тибе сто рублев!» «Вот що, — сказав дядя, — сто рублев какие деньги, давай ста три и пущай он учитсе, навыкает торговать!» Она дала триста рублев, вот оне и отправились за море торговать. Прибыли они за море и говорит купеческой сын: «Дядя, дай мне сто рублев, пойду в город товару закупать». Дядя дает ему 100 рублев. Идет он по городу и (видит) стоит подомарь в лафке с вертушкой. «Эй, земляк! иди сюда, вернем!» — кричит ему подомарь. На это купеческой сын сказав: «О много ли?» — «О сте рублев!» — отвицеет подомарь. Вот оне и вернули: купеческий сын и провернул 100 рублев подомарю. Подомарь и говорит: «Пойдем ко мне в дом, угощу я тебя и подомарици покажу». Подомарь приходит к своему дому: заперта подомарицё за семим дверьми семим замками у ево, отлажает замки, отворяет двери и (войдя) хвастает своей подомарице: «я у этово земляка вывернув сто рублев, угостить ево надоть». Вот подомарицё составила самовар, на купеческово сына посмотря, що красавец, и он на ее посмотря (видит), що красавицё. Подомарь для тово и держит ее под замками, щобы не озарились чужие люди. Угостив подомарь купеческово

---

* «Живая старина», стр. 421, записано А. Шустиковым.

сына и сказав: «ну, ступай же теперь вон!» и сам пошов в лафку на вертушку.

Заутра опеть купеческой сын говорит дяде» «дядя, дай ищо сто рублев денег!» — «А що скоро издержав?» — спрашивает ево дядя. — «Закупил, гыть, товаров, не хватило ста рублев». Дядя дал ему 100 рублев. Вот он идет по городу, а подомарь, опеть увидяв его, крицит: «Эй, земляк, иди сюда, вернем!» — «О много ли вернем?» — «О ста рублев!» Вернули, купеческой сын опеть провернул подомарю 100 рублев. Подомарь на радостях опеть зовет ево в гости, угостить надо таково человека. Пришли, отпирает подомарь семеры двери и крицит: «подомариця дома?» — «Где же, гыть, — отвицяет та, как не дома, когда запираешь семеры двери?» «Я опеть сто рублев вывернул у этово земляка», хвастает подомарь. Ну вот, купеческово сына угощают; угостили, подомарь и сказав: «ну, ступай жо теперь вон!» А купеческой сын заутро опеть к дяде: «дядя, дай ищо сто рублев!» — «Да дано тебе два-ста, гыть дядя, що скоро издержав?» — «Да закупив товару много, а денег не хватило». «На, гыть, ищо сто рублев, а больше не проси, не дам!» Вот идет купеческой сын по городу, а подомарь опеть крицит: «иди, земляк, вернем!» Опеть вернули, купеческой сын и послидние провернув. Подомарь опеть стал звать в гости купеческово сына, также угостив и выслав вон из дому. Купеческому сыну делать больше нечево, денег нет, и дядя отказав, вот он и пошов вокруг подомарева дому, а там, за двором, стоит килья, посмотрив, а подомарицэ сидит в этой килье, он и зашов; глядит на ее: «а що же, гыть, я тебя как видав?» — «Да и я тебя как видала?» — отвицеет подомарицэ; вот они тут и признали друг дружку. «Пойдем жо, гыть, со мной», сказала она. Вот она отпирает запань в землю, опустилисё в эту запань, потом и подынулисё в те же залы, где она раньше угощала ево. Он говорит ей: «Как жо, у меня больше денег нет вертеть с подомарем?» Она ему только сказала: «ночуй у меня». — «А подомарь-то придет?» — «Не придет, гыть». Ну, он и заночевал у ее. Она заутро дает ему 100 рублей денег да перстяки (перчатки) на руки, да и говорит: «ну, пойди к подомарю на вертушку, а как подомарь вернет, ты в это время брось руки на вертушку и скри-

ци: «стой, подомарь! не ладно вернул!» Он провирнет тибе 100 рублев да и опознает твои перчатки, поведет тебя на свидетельство к сибе; он станет отпирать семеры двери, а ты бежи проворнее к этой килье и брось перчатки!..

Вот идет купеческой сын по городу, а подомарь стоит в лафке на вертушке и крицит: «ей, земляк! иди сюда, вернем!» — «О много ли?» «О сте рублев!» Подомарь вернув, а купеческой сын скричав: «стой, подомарь! не ладно!» и бросив руки свои в перстятках на вертушку; подомарь и провернул сто рублев, провернув, да и опознав перстятки: «Ты, братец, украв у меня перстятки, пойдем, гыть, на свидетельство домой». Вот оне и приходят; подомарь отпирает семеры двери, а купеческой сын приотшативсе да ищо бросив в эту килью перстятки. Отворив подомарь семеры двери, да и крицит: «подомариця дома?» — «А где жо твоя подомариця, как не дома?» — отвицяет та. — «Вот он украв у нас перстятки, я видев, на руках у ево были, пойди-ко, подомариця, посмотри на комоде, есть ли, нет ли перстятки?» Подомариця приносит ему перстятки и называет: «Ох ты, глупой подомарь! да разве столько перстяток, що твои, а у людей разе нет?» Подомарь опеть прогнав купеческово сына, а сам пошов в лафку на вертушку. Купеческой сын приходя (sic!) в эту килью к бабушке, а подомарицят тут. «Ну, пойдем жо, гыть подомарицят, в ту жо комнату, где вечор ночевали!» Вот они и отправились, он там опеть ночевал. Заутра она дает ему тресту *) [Треста — трость], «пойди жо, гыть, к подомарю на вертушку, как он вернет, — ты трестой ищо махни на вертушку, да опеть скрици: «стой, подомарь, не ладно»; он опеть провернет тебе 100 рублев». — Идет купеческой сын по городу, подомарь опеть крицит из лафки: «иди, земляк, вернем!» Подомарь вернув, а купеческой сын трестой махнув: «стой, гыть, подомарь, не ладно!» Вот подомарь опеть провернув 100 рублев, да и опознав тресту, що ево; опеть и повел на свидетельство домой. Вот он отпирает семеры двери, да и крицит: «Подомарицят дома?» — «А где жо, как не дома твоя подомарицят», — отвицяет та. — «Вот он у меня, гыть, тресту украв, я опознаю, сходи-ко в зало, стоит ли там треста, где поставлена?» Подомарицят приносит тресту, да и говорит: «ох ты,

глупой подомарь, да разве столько трестов, що у тебя одново? ты ее купив да хвастав, що осталисё ощо* две тресты»... Опеть вышли вон, подомарь пошов в лафку на вертушку, а купеческой сын в килью, а подомарицЯ уж ждет ево. Ну, опять ушли они в те жо комнаты, купеческой сын опеть ночевал с подомарицей. Заутра подомарицЯ дает ему подрясник Подомарев и наказывает: «как подомарь вернет, ты опеть скрици: стой, подомарь, не ладно! да полой подрясника ищо махни о вертушку, опеть деньги твои будут...

Вот идет купеческий сын по городу, а подомарь крицит: «эй, земляк, зайди, вернем!» Опеть оне вернули о сте рублев; лишь только вернув подомарь, а купеческой сын и скрицяв: «стой, подомарь, не ладно!» и махнул полой подрясника, — вывернув 100 рублев. Подомарь опеть опознав подрясник, що ево, и повел купеческово сына на свидетельство домой. Вот отпирает семеры двери, а купеческой сын опеть бросив в килью подрясник. Отпер подомарь двери и крицит: «ПодомарицЯ! посмотри-ко скоряя, дома ли, нет ли мой подрясник?» ПодомарицЯ принесла ему подрясник. Подомарь посмотря говорит: «Ну, я с ним больше вертить не стану, он волшебник какой-то, все деньги у меня вывертит!»

Вот опеть подомарь пошов в лафку на вертушку, а купеческой сын в килью, а подомарицЯ уж ждет ево. Вот оне ушли в те жо комнаты, подомарицЯ и говорит: «Он с тобой больше вертить не станет, волшебником обзывает; ты пойди жо к ему в лафку, да и скажи, що вот, подомарь, у нас с тобой теперь дело знакомое, ты жони меня! Он тогды поперебирает невест, да и скажет: эка, паре, да где же мне невесту взеть тибе? А ты скажи: а вот, подомарь, за двором-то у тебя килья есть, я видев тут девка хорошая есть, сватай-ко ее, не отдадут ли за меня? Он скажет опеть тибе, що нет тут девки, а ты скажи, що есть, видев я; он на то скажет: ужо, я спрошу у подомарици, есть ли, нет?»

Вот купеческой сын как было сказано, так и сделав. Подомарь приходит из лафки домой и спрашивает у подомарицы: «мне сто рублев денег дает этот земляк, с которым вертили на вертушке, кабы, гыть, меня жонив, а посылает свататьсе в ки-

* Ощо — еще.

лью этамте*, во дворе-то… Що жо, подомариця, я не видал тут девки? Я хочу спросить у тебя: есть ли, нет девка?» А подомариця и говорит ему: «а много ли у тебя подомарицю-то видели люди? так столько и ты видав девку!» Вот подомарь и пошов свататься в эту килью и спрашивает он у бабушки: «есть ли, нет у тя девка? Я у тя, гыть, не видав?» Бабушка ему отвицеет: «а много ли у тебя подомариця видали? — столько и ты видав мою невесту!» Вот подомарь и высватав у килейници невесту, пошов к священнику на уговорку — когды винцеть? Заплатив вперед за винценье, условивсе, що от винця столы производить у попа. Потом сходив за женихом и пошли в эту килью по невесту, и выводит бабушка невесту за стол, а подомарь глядит на эту невесту, да думает: «как моя пономариця, и ростом, и лицом, и оклажем». Вот из кильи и в церкву пошли, повинцелисё, потом к попу, столы производить. Ну, и що было доброво, и питья, и кушанья, и напитков разных! но подомарь не может не пить, ни исть: «совсем моя подомариця», думает. Столы произвели, молодых свели к бабушке в килью. Приходит подомарь домой, отпирает семеры двери у себя и крицит зыцьно: «подомариця дома ли?» Слышит: «а где жо, как не дома?» Вот он и став рассказывать подомарице про все: «вот що, подомариця, меня из ума выбивать стало, будто я тебя отдал взамуж; совсем ты: и ростом, и лицом, и волосами — вся ты!» Ну, слава Богу, хоть ты дома… Нынь и исть стану, и пить стану; неси напитков и закусков, — сердцё на месте нынь»… Вот он напивсе и наевсе, лег спать и заснув самым крипким сном, пьяной, а у молодых уж запас сделан, корабль куплен, из лафки товары сгрузили в корабль, а она и деньги все взяла с собой. Вот оне и отправились все на кораб(ль), в ход ево пустили, поплыли на свою сторону. Подомарь проснувсе и крицит свою подомарицю: «дома ли подомариця?» — ответа нет. Вот он тут и догадавсе, що отдав взамуж свою подомарицю; пришов в лафку свою — ничево нет, обрала подомариця все, и деньги, и товар. Подомарь не мог стерпить этово горя, зелья хлебнув — и умер.

* Этамте — там-то.

ФОМА БЕРЕННИКОВ

В некотором царстве-государстве жил-был мужик Фомка Беренников — такой сильной да дородной, что если пролетит мимо воробей, да зацепит его крылом, так он и с ног свалится! Плохо ему на белом свете, все его обижают, и вздумал он: «дай пойду, утоплюся с горя!» подходит к болоту; увидали его лягушки и прыгнули в воду. «Постой! — думает Фомка, не стану топиться; и меня, поди, боятся!» Воротился домой, стал на пашню собираться; а лошаденка у него была дрянная, на работе замученная; натерло ей хомутом шею до крови, и облепили ее слепни да мухи видимо-невидимо. Фома подошел, как ударит ладонью — одним махом сто побивахом! и говорит: «ох, да я сам богатырь! не хочу пахать, хочу воевать!» Соседи над ним смеются: «куда тебе, дураку, воевать; тебе впору свиньям корм давать!» Не тут-то было, назвался Фомка богатырем, взял тупицу и косарь, что лучину скепают, надел на себя старый кафтан да высокий яломок, сел на свою клячу и поехал в чистое поле ступою бредучею. В чистом поле врыл в землю столб и написал на нем: «еду сражаться в иные города — одним махом сто побивахом!» Только что успел отъехать с места, прискакали к столбу два могучих богатыря, прочитали надпись и говорят: «что за богатырь такой! куда он поехал? скоку молодецкого не слышно, следу богатырского не видно!» Кинулись за ним по дороге; увидал их Фомка и спрашивает: «кто вы таковы?» — Мир тебе, добрый человек! Мы сильно-могучие богатыри. — «А по скольку голов сразу рубите?» Один говорит: по пяти; другой: по десятку. Какие же вы сильно могучие богатыри? вы просто дрянь! вот я так богатырь; одним махом сто побивахом!» — Прими нас в товарищи, будь нам старший брат. — «Пожалуй, говорит Фомка, — поезжайте сзади». Пристроились к нему сильно-могучие богатыри и отправились все вместе в заповедные луга царские. Приехали; сами легли отдых взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать. Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, усмотрел их царь: «что, говорит, за невежи такие в моих лугах прохлаждаются!

доселева тут ни зверь ни прорыскивал, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!» Сейчас собрал войско великое, и дает приказ очистить свои луга заповедные. Идет сила-рать несметная; увидали могучие богатыри, доложили про то названному старшему брату, а он им в ответ: «ступайте-ка, переведайтесь, а я посмотрю — какова ваша храбрость есть?» Вот они сели на своих богатырских коней, припустили их на войско вражеское, полетели, как ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубили всех до единого. Дело-то не ладно! думает царь; опять собирает войско великое, чуть ли не вдвое больше прежнего, а впереди всего войска посылает силача-великана: голова, что пивной котел, лоб, что твоя заслонка, а сам, что гора! Сел Фомка на свою клячу, выехал навстречу и говорит великану: «ты — сильно-могучий богатырь, и я таков же! Ни честь, ни хвала будет нам, добрым молодцам, коли станем сражаться, не поздоровавшись! Наперед надо друг другу поклон отдать, а потом и в бой вступать». — Ладно, отвечает великан. Разъехались они, и стали кланяться. Пока великан наклонил свою голову, прошло полчаса времени; а другие полчаса надо, чтобы поднять ее. Фома мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч долой. Войско дрогнуло и рассыпалось в разные стороны; а Фома взобрался на богатырского коня, давай нагонять, да конем топтать. Нечего делать, покорился царь; послал звать к себе сильно-могучего богатыря Фому Беренникова и двух меньших его братьев. Угостил их, учествовал на славу, выдал за Фомку дочь свою царевну, и дал полцарства в приданое.

Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — подступает под то царство басурманский король с силами несметными, требует дани-окупу великого. Не захотел царь платить дани-окупу великого, нарядил свое войско храброе, поставил зятя начальником, и накрепко приказал, чтоб все на Фому смотрели: что он станет делать, и они б то же делали. Снялся Фомка и поехал сражаться. Едет он лесом, войско за ним. Он срубил себе березку, и солдаты срубили себе по березке. Пришли к глубокой реке — мосту нет, а обходу двести верст; Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты по-

бросали свои туда же, запрудили реку, и перешли на другую сторону. Басурманский король засел в крепком городе. Фомка остановился перед тем городом, развел костер, разделся весь догола — сидит да греется; солдаты увидали — тотчас же насбирали хворосту, нарубили поленьев и запалили костры по всему чистому полю. «Закусить бы надо!» сказал Фома Беренников, вытащил из сумки сдобную лепешку и стал уписывать. Откуда ни возьмись — прибежала собака, вырвала лепешку и давай Бог ноги! Фомка ухватил горячую головешку, и как был голый — так и пустился за нею: во всю прыть бежит, да во все горло кричит: «держите! держите!» Глядя на него, и солдаты сидели у огня голые, а тут повскакивали, похватали горячие головешки и побежали вслед за ним. Собака-то была королевская, бросилась прямо в город, да во дворец; Фомка за собакою, солдаты за Фомкою: все, что ни попадет под руку, жгут и палят без пощады. Поднялась в городе суматоха; король не знал — что делать с испугу, стал просить замирения.

МАЛЕНЬКОЙ ДИТИНУШКА ЗЕЛЕНЕНЬКОЙ

Было во славном во городе в Киеве, у князя было у Владимира, у ево заводилось пированьицё, токо цестен-поцестен пир-от радосцён (радостен), и все на пиру напивалисё, и все на пиру наедалисё, и все на пиру порасхвасталисё. Глупой-ёт похвастав доброй женой, разумной похвастав златой казной; и сидит маленькой дитинушка зелененькой, он похвастав да добрым конем. Тут и говорит князь Владимир: «ежели у тебя такой конь, то наложу на тебя службу: и съизди ты во далеце-далеци, во чистыя во полушка, в угоморьиця* зеленыя, привези ты мне таково человека, щобы он знал думу цярскую, думу государскую». Вот и пошли все по домам с пиру веселово, а дитинушка пошов домой и повисив свою буйную голову ниже могучих плець. Отец и мать ево встрицяли и такие рици ему говорили:

* Угоморьицо — заливные луга.

«што же наше цядо милое, дитя любимое, все идут с пиру веселые, а ты идешь невесел, свою голову повисив?» Он и говорит им таковы слова: как жо мне, батюшко и матушка, веселитцё, накинув на меня князь службу не легкую — тяжелую: приказав мне съиздить в далёце-далёци, во полюшка во чистыя, во луга зеленые и найти таково человека, чтобы знав думу цярскую, думу государскую».

Обседлав, обуздав своево добра коня и поехав маленькой дитинушка, зелененькой. Вот он сутки идет*, другия идет, и третий идет — конь притомивсе, и сам йисть захотев, и наехал он на рать силу великую и силу побитую, и столько сило побито, што цорному ворону в сутки не облитить, а доброму молодцу на коне не объехать. И издив он в этой силе и нашов живово цоловека, у жива цоловека он и спрашивает: «кто это силу бил и губив?» — «Это Иван русской богатырь!» — «За что он ее бил и убив?» — «А за то он бил и убив, што надоть (ему) у нашово короля женитцё, насильно взеть в замужество доць, она доброй волей нейдет за нево и отец не отдает; вот за то самое он силу и бьет». Вот и поехав дитинушка от той силы проць, и сутки ехав, и другие ехав, и наехав на рать силу великую, силу побитую; цорному ворону в сутки не облитить, а доброму молодцу на коне не объехати, — столько побито силы!..

Вот он нашев опеть жива целовека и спрашивает жива целовека: «кто эту силу бив и губил?» В ответ сказав жив целовек, што эту силу бил и губив Иван русской богатырь. — За што он ее бил и губив? — «А за то он бьет и губит, што надо у нашево короля неволей взеть прекрасную королевну в замужество, она доброй волей за нево нейдет, и отец не отдает».

Вот опеть маленькой детинушка, зелененькой йдет сутки, другия и третиё, и наезжает он на рать силу великую, силу побитую, и увидев в цистом поле стоит белополотняной шатер, у этово шатра стоит столб, а у этово столба видит золотое кольцо, к этому кольцу привязан доброй конь и разослана белая повсть** и надавано белоярыя пшеници. Маленькой дитинушка,

* Это слово понимать надо: «едет».

** Повсть — скатанный из шерсти ковер.

зелененькой слезав с добра коня и припущав к одному корму, и отбив ево конь Ивана русского богатыря коня от тово корму, и маленьково дитинушки конь зоблёт белоярую пшеницу, а Ивана русского богатыря конь ходит по зеленым лужкам и щиплет травку зеленую. Заходив дитинушка в бел шатер, во белом шатре Иван русской богатырь спит своим богатырским сном, и увидяв маленькой дитинушка зелененькой бочку белодубову со пьяным питьем, с зеленым вином, и на этой бочке опружена* цяша золоцёная, и на этой цяше надпись надписана: «эта цяша полтора ведра»; он первую цяшу нацеживал, на похмельицё выкушивал, и другую цяшу нацеживал, на здравьицё выкушивал, и третью цяшу нацеживал — на безумьицё выкушивал, и вышло питья пол-пята ведра. И стал дитинушка пьяным хмелён и расколов он бочку белодубову со пьяным питьем, с зеленым вином, и расшиб он цяшу золоцёную, и прибив он пригубив столы белодубовыя со ествами со сахарными и со напитками пьяными и росколов он икону Спасову, притушив свици воску ярово, сам спать повaливсё.

Тут пробуждавсе Иван русской богатырь, сам себе удивляетсё: што это такое за безумьицё наехало? припустив своево коня к моему корму, расколов у меня бочку белодубову с пьяным вином, расшиб цяшу золоцёную, пригубив столы белодубовы с едою сахарнею и напитками пьяными, приколов все иконы Спасовы и притушив свици воску ярово, и зазняв** он саблю вострую, и ладит ему отсикци ево буйну голову, сам да пораздумавсе: «сонново убить все одно што мертвово, всяко от моих рук не уйдет».

И проснувся тут маленькой дитинушка зелененькой и сев на постелюшку: «Ах, Иван русской богатырь! я теперь у тебя в гостях, — напой меня». Тот в ответ ему сказал: «не стоишь ты меня, што я тебя стану поить». — «Как жо не стою, по крайней мере я у тебя гость!» — «Да ты таков гость, што в цистом поле кость; ты нечево богатырь не стоишь» А он ему сказав в ответ таковы слова: «а ты в своем шатре богатырь, а в цистом поле

* Опружена — опрокинута, повернута вверх дном.

** Зазняв — поднял, замахнулся.

пес!» И видит Иван, што невидимая беда наехала на бел шатер, и брал он цяшу, и церпал воды и подносил ему напитсе. Вот они тут попили, поили, и пошли два богатыря в цистое поле друг у дружки силы пробовать.

И маленькой дитинушка зелененькой поехав ступью бредуцею, Иван русской богатырь во всю прыть лошадиную, и разъехались оне на одну версту, и съехались в одно место, и друг дружку ударили, а больно не ранили, и разъехались оне на две версты, и съехались опеть в одно место, друг дружку ударили, а больно не ранили. Третий раз оне разъехались на три версты, съехались в одно место, и маленькой дитинушка зелененькой вышиб руссково богатыря из седла вон, и ево конь приступив Ивана руссково богатыря на доспешной ожерелок. Вот и говорит маленькой дитинушка зелененькой таковы слова: «подсоби Бог заколоть Ивана руссково богатыря тупым концом (копья), а вострым и нацинать нецево, и спрашивал у ево: цево ты хоцёшь, смерти али живота?» — «Ах ты, говорит, маленькой дитинушко! у нас с тобой прежде брани не было, и впредь не будет». И слезав маленькой дитинушка, зелененькой со своево добра коня и брав за белыя руки Ивана русскова богатыря, становил на свои резвы ноги, целовал в уста сахарния, и назывались оне тут братьями, и маленькой дитинушка зелененькой большим братом, а Иван русской богатырь меньшим братом, и приезжают оне во бел шатер полотняной, и стали тут и пить, и йисть, и веселитцё.

Вот и поехав Иван русской богатырь к корою жонитсё и пригласив с собою брата маленьково дитинушку зелененьково в поезд, и встретив их король, как добрых людей, и тут оне у ево пировали целыя сутки. Вот Иван русской богатырь и жонивсе у этово короля, а меленькой детинушка и спрашивает у короля: не знает ли он таково цоловека, штобы знав думу цярскую, думу государскую! Король нашов таково цоловека из-под знамени, из-под красново, и этот цоловек знает думу цярскую.

Маленький дитинушка зелененькой брав этого целовека с собой и привозит ко князю Владимиру. «Ну, — говорит Владимир, — ты мне службу выслужив и дружбу удружив, и бери ты у меня за эту дружбу и городов, и пригородков, и разных

губерен!» Он не обзавидовав не цему, не городам, не пригородкам, не разным губерням. Была у князя Владимира прекрасная доць, королевна, вот он и говорит Владимиру: «отдай ты ее взамужество за меня, а под послед смерти сдай ты мне свое место».

Тут князь Владимир подписавсё, што отдаю за ево доць, и под послед смерти сдав свое королевство зятю…

(Записано со слов крестьянина Астафия Матушкина из дер. Горы в Ширыханове)

ДВА БРАТА И СЕСТРА

Жили при озере два брата. У них была одна только сестра, и они, уходя куда-нибудь из дома, оставляли ей всегда дров и воды, чтобы она не выходила из дому и чтобы, таким образом, кто-нибудь, увидав, не похитил ее. Раз они пошли и почему-то не оставили ей ни дров, ни воды. Девушка пошла на озеро за водой: из озера вышел человек, схватил ее и увлек к себе. Братья воротились и увидали, что сестры нет. Пошли они к озеру, нашли лишь одно ведро, а сестры сколько ни искали, найти не могли; они кричали и звали ее, наконец сказали: «верно, утащили ее». Им было жаль сестры, и они стали думать, как бы вернуть ее обратно к себе. Они нарубили березовых ветвей и сплели из них кольцами веревку; работали они так семь лет, и когда сделали веревку, то один из братьев (младший) спустился по ней в озеро; прежде, чем спускаться, он сказал брату: «ты теперь меня спусти в воду, и до тех пор не тяни веревки обратно, пока я не начну дергать ее — тогда и тяни». Спустившись через воду до дна, он привязал веревку к камню, а сам пошел искать сестру. Прошел он не очень много — увидал избу. Он подошел к ней и сказал: «избушка, повернись окошками к лесу, а ко мне дверью (пырт ергал мятца икиней, муу гар мине и сей)». Как только он это сказал, так избушка повернулась, и он увидал дверь. Отворил дверь, вошел в избушку, видит, в ней сидит старуха. Старуха и говорит: «вот ко мне мясо

пришло». Он и говорит: «это мясо неводно — худо, я иду издалека, голодный, и у меня только одно костье осталось. Лучше будь добра, скажи, не знаешь ли моей сестры, кто ее сюда взял — вот уже восьмой год». «Я не знаю, — говорит старуха, — у меня есть меньшая сестра — она живет дальше — она скорее это знает». Он и говорит: «как я могу ее найти?» «Я тебе опаса (проводника) дам, а теперь пока, коли ты голоден, садись и ешь, и что дам, съешь все». Она дала ему полсвиньи. Он сел и стал есть, но всего съесть не мог. У него было на руке кольцо, он снял его и бросил на пол — кольцо зазвенело; собака, бывшая в избе, залаяла, и старуха вышла на улицу посмотреть, нет ли кого. В это время он мясо припрятал подальше в угол, и когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашивает: «что, неужели все съел?» «Да, — говорит, — благодарю». «Ну вот, возьми опаса», — говорит старуха и дала ему клубок шерсти, «брось на землю, как выйдешь из избы: куда он покатится, туда и ты иди.». Взял его, поблагодарил, простился и пошел. Бросил клубок, как ему велела старуха; он покатился; лопарь и пошел за ним. Прошел он довольно далеко и опять увидал избушку. Подошел к ней и сказал то же, что и перед первой, и она повернулась к нему дверями. Зашел он в избу и увидал женку средних лет. Она языком своим подметала пол, а руками из печки без всякой лопаты тянула хлебы. Увидя его, женка сказала: «вот ко мне мясо идет». «От мяса, тетушка, говорит он, сыта не будешь; я чуть с голода не умер, да благодарен твоей сестре — накормила меня, вот и дошел так, а нет — на дороге бы умер. Ты лучше скажи мне, не знаешь ли моей сестры? Ее кто-то взял, вот уж восьмой год». Женка посмотрела на него и говорит: «так и быть, помогу тебе: вот, возьми этот клубок шерсти, брось его на улице, и куда он покатится, туда и ты иди. Ты придешь с ним к моей старшей сестре; вот у ней-то и можешь узнать про свою сестру». Поблагодарил ее лопарь и пошел, куда клубок повел. Дошел он до третьей избушки. Опять сказал: «избушка, повернись к лесу окнами, а ко мне дверьми». Она повернулась, он вошел в избу. Видит: сидит старая-престарая старуха. Он поздоровался и поклонился ей. Старуха на это ничего не ответила, а сказала: «вот ко мне мясо

само пришло». Бабушка, мое мясо не годно. Едва я в дальней дороге не умер, да накормила меня твоя сестра; вот благодаря ей и другой твоей сестре я и пришел сюда. Будь лучше добра ко мне; скажи, не знаешь ли, где моя сестра живет, у кого: ее взял кто-то, вот уж восьмой год». «Ну, ты голодный, — говорит старуха, — садись же сперва, ешь, и положила ему полсвиньи. Как все съешь, скажу тебе, где твоя сестра и дам тебе опаса». Сел лопарь и стал есть. Увидел опять, что всего ему не съесть. Снял с пальца кольцо, опустил его на пол; оно зазвенело, и собака залаяла. Старуха вышла посмотреть, нет ли кого, а он в это время остатки припрятал. Вернулась старуха, видит, что ничего нет и говорит: «Ну что, все съел?» «Все, говорит, благодарю». «Ложись теперь и отдохни, а завтра поедешь к сестре». Он лег и заснул. Проснулся уже утром. Старуха ему и говорит: «теперь иди направо от избы: там увидишь лошадей; которую первую увидишь, на той и поезжай к сестре». Он пошел, и недалеко от избушки увидал лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Он схватил было ее, посмотрел и подумал: «далеко ли на ней уеду: ее саму нужно тянуть, да старуха велела — поведу». Лошадь заупрямилась, и он отпустил ее. В это же время он увидал и другую, большую лошадь; она ему понравилась; схватил ее и повел к избе. Привел и вошел в избу. Старуха и спрашивает: «что, привел?» — «Привел», — говорит. Она вышла посмотреть, и когда увидала первого, большого коня, спросила: «Этого ты взял, разве первый он тебе попался?» «Нет, — говорит, — первый маленький: он мне не понравился. Куда я на нем и поеду — самому нужно будет тянуть его, да он еще и заупрямился, я и спустил его. Этого увидал и взял». «Взял, теперь дела пока не поправить. Поезжай, но не быть тебе живому». Сел он на коня и поехал. Через несколько времени увидал он избу; около избы играют три парня. Ребята закричали: «Мать, дядя едет, дядя!» Она кричит им из избы; «откуда вы взяли дядю? сюда мало кто от нас приезжает». Посмотрела, однако, в окно и увидала брата, вышла навстречу ему, поздоровалась и позвала в избу. Дала ему поскорей поесть и говорит: «ешь скорей и поезжай, иначе мой муж тебя убьет». Он поел и поехал обратно. Сталло-стал, муж сестры, вскоре после

его отъезда вернулся домой. Дети и говорят ему: «у нас здесь дядя был». — «Какой дядя?» — «Матери брат». Он сейчас у жены спросил: «давно ли он уехал?» Дети и закричали: «недавно!» — «А какой конь был и чей?» — «Конь был старухин, на котором она возит воду». — «Ну, этот ничего не стоит». Сказав это, он сейчас же побежал, догнал лопаря и убил его. После этого он пришел домой, а лошадь старухина к ней прибежала. Старуха, увидав коня, отправилась искать лопаря и нашла его; она сломала три свежих березовых прута, ударила ими по лопарю — он пошевелился, ударила другой раз — он сел, ударила третий раз — он поднялся на ноги и говорит: «как я долго спал». «Да еще дольше бы спал, и вовсе бы даже не встал, если б не я. Пойдем теперь ко мне: там дело как-нибудь поправим». Пришли к старухе: она опять послала его за лошадью и посоветовала ему взять маленькую. Он опять схватил маленького коня, но тот заупрямился, и он увидал белого большого коня, отпустил маленького и привел белого. Старуха вышла, увидала, что он привел опять не маленького коня, опять сказала ему: «не будешь ты жив и на этом коне». Он сел на коня и поехал; приехал к дому сестры; ребята опять закричали матери: «дядя едет, дядя!» — «Какой дядя, ваш отец убил его. Дядя больше не приедет». Посмотрела в окно, увидала брата. Накормила его поскорей и приказала скорее уезжать. Как только он уехал, пришел Сталло-стал; дети опять сказали ему: «у нас дядя был». — «Какой дядя был?» — «Да тот же самый, который вчера был». — «Давно ли он был и на каком коне приезжал?» — «Конь был бабкин, на котором она дрова возит». Побежал, догнал его, убил лопаря и пришел домой, а лошадь опять прибежала к старухе. Старуха отыскала лопаря, ударила его три раза березовыми прутьями; после третьего удара он встал и говорит: «долго я проспал опять». «Да спал бы и еще, если бы не я». Он поблагодарил ее, и они вместе вернулись; она опять послала его за лошадью и приказала ему взять непременно маленького коня, «а иначе тебе никакой помощи не будет от меня». Лопарь пошел и привел маленькую лошадь. Старуха вышла, посмотрела и сказала: «вот давно бы так сделал, тогда и сестра была бы уже у тебя». Она дала ему еще две собаки,

и приказала бросить им, когда поедет обратно, два хлеба; а собак он должен был оставить на полдороге. Лопарь сел на лошадь и поехал: собаки за ним побежали; на полдороге он их оставил. Приехал к дому сестры; ребята опять закричали: «дядя едет, дядя!» «Какой дядя, отец ваш убил его; разве он сам едет». Посмотрела в окно, увидала брата, привела его в избу, накормила и приказала ехать скорей обратно; в противном случае ни ему, ни ей не остаться в живых. Он уехал; тотчас же по уходе его пришел Сталло-стал. Дети опять закричали: «у нас дядя был!» Он посмотрел на них сердито и спросил: «Давно ли?» — «Недавно». — «А на каком коне он приезжал?» — «Конь у него был бабкин и очень маленький». — «Какой?» — «Очень, очень маленький». — «Ну, и я этого коня, должно быть, не знаю». Он побежал в погоню. Лопарь на маленькой лошади скачет, словно птица, но Сталло-стал начал его понемногу догонять, и закричал ему: «Подожди, вместе поедем!» Тот немного подождал, а как только Сталло-Стал приближался, гнал еще скорее. Так он делал до трех раз. Наконец, доехал и до места, где он оставил собак; одна стоит на одной стороне дороги, другая — на другой. Бросил он им хлеба, те схватили и съели. Добежал до них Сталло-Стал; собаки схватили его, разорвали на две части и стали его есть. Лопарь повернул и поехал обратно к сестре. Ребята опять закричали: «дядя едет, дядя!» Мать на них заворчала: «едет отец, — говорит, — а вы меня дразните». Посмотрела в окно, увидала брата и удивилась. Он вошел в избу и говорит: «довольно тебе мучиться! собирайся и поедем домой». Положила она все свои пожитки в ящик, — те пожитки, которые получше, а что похуже было, то оставила. Детей решили убить. Убили двух, а третий — старший — сказал им: «не убивайте меня, возьмите с собой, я пригожусь вам». Его оставили в живых и все втроем поехали. Доехали до старухи, отдали ей коня и пошли пешком домой. Шли они долго, наконец дошли до озера. Нужно было его переехать, потому что обходить было далеко. Стали искать, на чем переехать и увидели железный карбас, полный водой. Сын и сказал: «у меня прежде отец поднимал карбас немного кверху, и вода убегала». Лопарь взял карбас за корму, а племянник его за нос:

немного приподняли карбас, и воды не стало. Сели в карбас, переехали через озеро и пошли дальше. Через несколько времени пришли к реке, где карбаса не было; они не знали, как переправиться. Сын Сталло-Стал опять сказал: «у меня отец был, так он вырубит две чурки — бревна, поставит их на край реки и спустит. Они и падут другим концом на другую сторону; по ним он и переходил». Сделали так и перешли. Наконец, дошли они до веревки. Лопарь отвязал ее от камня; привязал к веревке сестру, потом ящик, потом себя, потом парня. Стали за веревку дергать, и их потянули наверх. Вытянул старший брат сперва сестру и спросил у ней: «кто там еще?» — «Ящик». Вытянул и ящик. «Кто еще?» — «Брат». Вытянул и его. «А там еще кто?» — «Сын сестры». — «Нет, его не надо, это род Сталло-Стала и может нам вред принести». Веревку перерезали, и он пошел ко дну. Братья с сестрой зажили очень хорошо, и она была рада, что избавилась от сына, так как он ее часто бил.

Сын, оставшись под землей, пошел куда глаза глядят. Шел он, шел, увидал оленей. Подошел к ним, стал звать людей, но никого не было; стал смотреть — увидел кережу. Он схватил оленя, запряг его в кережу и поехал, не правя. Олень ехал, ехал, и навстречу сыну Сталло-Стала попался человек; человек этот и спросил: «куда ты поехал?» — «Сам не знаю, куда», говорит, и рассказал ему, как нашел оленей и поехал. Человек удивился этому и стал звать его к себе в работники. Он согласился: «для меня все равно жить: где-нибудь, да надобно». Поехали они вдвоем в керже; ехали долго, наконец увидали, что едет лопарь. Остановились и стали разговаривать. Лопарь оказался младшим братом спасенной сестры; он узнал парня, а тот не узнал его. Лопарь и стал просить того человека, чтобы он уступил ему парня в работники. Тот и говорит: «я взял его не оттого, что мне нужен, а потому, что ему все равно, где жить, лишь бы у места». Вот парень и поехал с ним. Приехали домой, и парень узнал свою мать. С ним с виду обходились хорошо, но в действительности братьям хотелось его убить. Так им убить его хотелось, что решили убить его, когда будут рубить лес: «тогда сделаем так, чтобы дерево на него упало и убило его». Они так и сделали; дерево упало и убило парня: они тут его и похоронили. По-

сле этого один из братьев ушел домой, а другой в кегоры. Там ему встретились три человека в белых одеждах и спросили его: «у вас, мы слышали, есть парень, где он?» «Он сегодня убился: на него упало дерево». «Жаль его, — говорят, — а мы хотели взять его к себе в работники. Теперь же его нет — нечего и делать. Нам теперь идти больше не хочется, а не дашь ли ты нам трех быков-оленей, мы и поедем сами. Оленей потом спустим: они прибегут». Он на радостях, что избавился от парня, дал им оленей, они и сказали: «ты не будешь раскаиваться, что дал нам оленей: у вас будет вдвое больше оленей, и все будут здоровы». Они уехали; олени вскоре прибежали назад. Братья после этого зажили хорошо и богато, и были счастливы.

(Архангельской губ. Кольского уезда
из быта русских лопарей, Н. Харузина).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Из-за лесу, лесу было темново, из-за темново дремуцево, не туця ли там затупилась, не туман ли затуманивсё. Поднимаетцё там злодей Калин цярь на Киев град, за ним было сорок цярей цяревицей, сорок королей королевицей, и за каждым цярем цяревицём, и за каждым королем королевицём было силы за ними по сорока тысяцей; за самим злодием Калином цярем было силы три тьмы и три тысеци. Подошли оне под Киев град и обстали кругом Киева, и злодий Калин цярь в первой день ходив до вецера, перву ноць до бела света и выкликав сибе такова целовека, штобы знав говорить по-русски и тавмацить по-татарски. И другой день ходив до вецера, и другую ноць ходив до бела света и выкликав таково целовека, штобы знав говорить по-русски и товмацить по-татарски. И третий день ходив до вецера, третью ноць ходив до бела света и выкликав таково целовека, штобы знав говорить по-русски и товмацить по-татарски. И нашовсё такой цоловек, што знает говорить по-русски и товмацить по-татарски, и он ему наказ наказывал: «пойди жо ты во Киев град, иди прямо ко князю Владимиру во светлую свитлицу и во

столовую горницу, и где-ко оноцивает князь Владимир, и не снимай с себя шапки соболиныя, и не крести своево бела лица, и говори ты с ним таковы слова не с упадкою: «ах ты, князь Владимир! мы к тибе пришли не в гость гостить, ты отдай нам Киев град без бою, без драки и без большово кровопролития»...

Повисив князь Владимир свою буйну голову ниже могуцих плець. У ево была жона Апраксия, у ево она спрашивала: «што жо ты, мой возлюбленной муж, повисив свою буйну голову ниже своих могуцих плець?*. — «Да, — говорит, — жона моя Апраксия! как мне своя голова не повисить: просит злодий Калин цярь Киев град отдать без бою, без драки, без большово кровопролития?» Говорила тут ему жона ево Апраксия: «есть у нас в глубоком погребу сильной могуций богатырь Илья Муромец; возьми ты тарелки золоцёныя, на эти тарелки насыпли злата и серебра и драгоценново каменья; набери с собой куниц и лисиц, и драгоценных соболей, и принеси ты ему свою покорность, и говори таковы слова: Ты прими от меня сильной могуцёй богатырь, Илья Муромец, богатой подарок и выйди ты на бел свет из глубоково погреба и постой ты за церкви соборныи, за души младенцеския, за веру християнскую!» Тут выходил Илья Муромец из глубоково погреба, и крицяв он своим богатырским голосом, свистав молодецким посвистом своево доброво коня; и бежит ево добрый конь наступцивой, не потеряв он войлоцка косящатово, не потеряв он сиделышка черкасково, не потеряв он и копья довгомерново, не потеряв он и палоцки воинския, богатырския... Садився Илья Муромец на своево доброво коня, поезжав во зеленыя луга и где-ка жив там злодий Калин цярь. Ехав-поехав, и сам сибе подраздумавсе: «што жо я поехав на рать силу великую, силу не побитую, а не у ково не просив благословенья?»

* Желая быть точными, мы удерживаем буквально местный выговор, по которому мужики с Шириханове придерживаются более или менее вологодского говора, а женщины — олонецкого, с преобладающим звуком «ц»; напр., слово «что» мужчины всегда выразят «што», а женщины «цто». Но и у мужчин больше слышится «ц», нежели «ч», и, кроме того, вместо твердого знака часто употребляется мягкий «ь», вместо «а» — «я».

В цистом поле живет у ево дядюшка Самсон Колывановиць, приезжает он к этому дядюшке и дядюшка, обрадев своему племяннику, и спрашивал ево: «куда жо ты, племянницёк, поехав?» — «Есть, — говорит, — дядюшка, нашов на Киев град Калин цярь за ним сорок цярей, цяревицей, сорок королей, королевицей, за каждым цярём цяревицем, королем королевицём силы по сороку тысяцей, за самим злодеем Калином цярем силы три тьмы и три тысеци, и лажу я постоять за церкви соборние, за души младенския и за веру християнскую». Говорит ему тут Самсон Колывановиць: «ну, племянницек, ты съизди позавтракай, а меня оставлей пообедать»; и дает ему другой лук и стрелку каленую, и говорит, наказ наказывает: «если обовладеет тебя сила поганая, и возьмут тебя во полон, ты натегивай тугой лук и накладывай стрелу каленую, и стреле приговаривай: «полети жо ты, каленая стрела, на пади жо ты не на воды, не на землю, пади ты Самсону Колывановичу на бел шатер полотняной и сшиби маковку золоценую!»

Приезжает Илья Муромец во чистое полюшко в силу великую, силу непобитую; куды пройдет — тут улица, куды на добром коне поворотитцё — тут площадь, и видит тут злодий калин цярь, што с этим богатырем ничево не поделать. Приказывает (Калин цярь) своей силе копать перекопи глубокия, ставить копья вострыя; и вскочив ево доброй конь, Ильи Муромца, через одну перекопь, исколовся весь, и взели тут Илью Муромца во полон… Натягивал Илья Муромец тугой лук, накладывал стрелу каленую, и стреле приговаривал: «полети стрела каленая, на пади ты не на воду, не на землю, а пади моему дядюшке Самсону Колывановичу на бел шатер полотняной и сшиби ты с бел шатра маковку золоценую!»

И догадавсе тут ево дядюшка Самсон Колывановиць, што племянницек во полон взят, Илья Муромец. Вот он (Самсон Колыванович) оседлав, обуздав своево доброво коня и поехав в цистое поле ко злодею Калину цярю, и стал он поезживать, своево племянницка выруцивать. Куды пройдет — улиця, куды поворотитсе — площадь; столько стало валитсе нецисти поганые. Вот он приломав свое копье довгомерное, изломав свою палоцку воинскую, богатырскую, — воевать больше стало не-

цем; и схвати он тут татарина: «ах, говорит, какое мне попало побоищо*, гнетсе — не ломитсе, по суставам не сорветсе»... И прибил он тут у злодия Калина цяря всю силу, и злодия Калина цяря взяв в полон, и с живово кожу свели и выручив своево племянничка Илью Муромця.

Записано А. Шустриковым

Русская народная сказка «ДУРЕНЬ»**

А жил-был Дурень,
А жил-был Бабин;
Вздумал он Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши Дурень
Версту другу,
Нашел он Дурень
Две избы пусты,
В третей людей нет;
Заглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки что грабли, —
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят;

* Побоищо — орудие, в данном случае человек служил орудием Самсону Колывановичу.

** Древния рос. стихотв., собр. Киршею Даниловым.

Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
добрым людям».
А черти не любят,
Схватили Дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его Дурня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет;
А мать бранити,
Жена пеняти.
Сестра-то также:
«Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабин!
То же бы ты слово
Не так бы молвил:
А ты бы молвил:
Будь враг проклят
Именем Господним,
Во веки веков, аминь,
Черти б убежали,
Тебе бы Дурню
Деньги достались
Вместо кладу».

* * *

Пошел он Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Увидел Дурень
Четырех братов —

Ячмень молотят,
Он им молвил:
«Будь враг проклят
Именем Господним».
Бросились к Дурню
Четыре брата,
Стали его бити,
Стали колотити —
Едва ево Дурня
Жива отпустили.
Пришедши Дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет;
А мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«А глупой Дурень,
Неразумной Бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил —
Ты бы молвил
Четырем братам,
Крестьянским детям:
«Дай вам Боже!
По сту на день,
По тысяче на неделю»
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я Дурень
Таков не буду!

* * *

Пошел же Дурень,
Пошел же Бабин,
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел Дурень
Семь братов,
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют;
Он им молвил:
«Бог вам в помощь
Семь вас братов!
Мать хоронити,
Отца поминати, —
Дай Господь Бог вам
По сту на день,
По тысяче на неделю».
Схватили его Дурня
Семь-то братов,
Зачали его бити,
По земле таскати,
В ….. валяти, —
Едва его Дурня
Жива отпустили.
Идет-то Дурень
Домой-то, плачет,
Голосом воет,
Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«А глупой Дурень,
Неразумной Бабин!
То же бы ты слово,

Не так же бы молвил,
Ты бы молвил: прости!
Боже благослови!
Дай Боже им
Царство небесное,
В земле упокой,
Пресветлой рай всем!
Тебя бы Дурня
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
Добро ты баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я Дурень
Таков не буду.

* * *

Пошел он Дурень
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил: «прости!
Боже благослови!
Дай Боже им
Царство небесное,
В земле упокой,
Пресветлой рай всем!»
Наехали дружки,
Наехали бояра,
Стали Дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал.

Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«Ты глупой Дурень,
Неразумной Бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
Дай Господь Бог
Новобрачному Князю
Сужено понятии,
Под злат венец стати,
Закон Божий прияти,
Любовно жити,
Детей сводити!»
Потом я Дурень
Таков не буду!

* * *

Пошел он Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встречу Дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай Господь Бог
Тебе же старцу
Сужено понятии,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити!»
Бросился старец,
Схватил его Дурня,
Стал его бити,

Костылем коверкать —
И костыль изломал весь;
Не жаль старцу дурака-то,
Не жаль ему старцу костыля-то.
Идет-то Дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет;
Мать его бранити,
Жена журити,
Сестра-то также:
«Ты глупой Дурень,
Неразумный Бабин!
То ж бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
Благослови меня, отче,
Святой Игумен!
А сам бы мимо».
Добро ты баба
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я Дурень
Впредь таков не буду!

* * *

Пошел он Дурень
На Русь гуляти,
В лес ходити.
Увидел Дурень
Медведя за сосной;
Кочку роет,
Корову коверкат;
Он ему молвил:

«Благослови мя, отче,
Святой Игумен!
А от тебя дух дурен».
Схватал его медведь-ат,
Зачал драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И ….. выел;
Едва его Дурня жива оставил.
Пришедши Дурень
Домой-то плачет,
Голосом воет,
Матери расскажет;
Мать бранити,
Жена пеняти,
Сестра-то также:
«А глупой Дурень,
Неразумной Бабин!
То же бы ты слово,
Не так же бы молвил,
Ты бы заускал,
Ты бы загайкал,
ты бы заулюкал».
Добро ты баба,
Баба Бабариха!
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я Дурень
Таков не буду!

* * *

Пошел же Дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет Дурень
В чистом поле,

Встречу Дурню
Шишков Полковник;
Он заускал,
Он загайкал,
Он заулюкал, —
Наехали на Дурня
Солдаты,
Набежали драгуны,
Стали Дурня бити,
Стали колотити.
Тут ему Дурню
Голову сломили,
И под кокору
Бросили.
Тут ему Дурню
И смерть случилась.

КАК МУЖИК ХОДИЛ К СОЛНЦУ*

Жил, был мужик. Он бедно жил. Он думал, как бы к солнцу попасть. Он пошел, шел, шел, шел несколько дней, пришел в путас (глубокое место реки, где нельзя перейти вброд); через реку кит высох, будто дорога, будто мост через реку; по китовой спине ходит народ; пребольщинская дорога, словно улица. Он пошел по спине кита. Кит и спрашивает: «куда ты, хороший человек, пошел попадать?» Он отвечает: «к солнцу пошел попадать». Кит говорит: «когда придешь к солнцу, спроси, за какие грехи я высох и не могу выйти». Он шел, шел опять — видит, две жонки из проруби воду черпают у озера. Спрашивают: «хороший человек, куда ты пошел попадать?» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Они и говорят: «когда придешь к солнцу, спроси, за какие грехи мы черпаем третий год, а из проруби воды не убавляется, не прибавляется». Он пошел; шел,

* Ст. русские лопари Н. Харузина, стр. 463.

шел несколько дней; попадает в избушку; в той избушке старик со старухой живут, тоже 3-й год. Спрашивают его: «куда ты, хороший человек, пошел попадать?» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Они и говорят: «спроси у солнца, за какие грехи мы 3-й год живем, ни есть, ни пить нечего». Шел, шел, пришел на берег; пришел к реке; там старик постоянно на карбасе ездит, перевозит; старик старый, волоса седые, длинные, борода белая. Старик спрашивает: «куда ты, хороший человек, идешь попадать?» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Старик карбас (лодку) повернул кормой к берегу; мужик сел. Старик говорит: «тяжело мне порато (очень) перевозить порато тяжело; придешь к солнцу, спроси, за какие грехи я перевожу». Опять шел, шел, пришел к лесу! в лесу избушка; в той избушке девочка маленькая (7-8 лет) живет, у девочки груди большинкие, больше ее. Она и спрашивает: «куда ты, хороший человек, идешь попадать?» Он говорит: «к солнцу иду попадать». Она баню истопила, напоила, накормила его. Он ее спрашивает: «нет ли подводы какой?» А она дала палочку и говорит: «куда эта палочка идет, туда ты вслед иди». Он шел по палочке: куда палочка, туда и он. Он шел, шел, палочка и пришла к избушке и назад поехала. В той избушке девушка (большая) сидит: на левом боку платья нет — совсем голо. Она спрашивает: «куда ты, хороший человек, идешь попадать?» Он говорит: «к солнцу иду попадать». Она накормила его, а он говорит: «не дашь ли ты мне подводу?» Она дала лошадь: «куда лошадь идет, туда и ты иди», и сани дала. Он шел, шел, пришел к избушке. Он остался, а лошадь сама поехала назад. В избушке старушка живет; у старушки груди большие. Она спрашивает: «куда ты?», он говорит: «к солнцу иду попадать; нет ли подводы, не знаю, куда к солнцу идти». А она говорит: «будет первая избушка, там солнцева мать (пейв-иэн) живет». Старуха дала клубок мужику: «куда клуб идет, туда и ты иди». Клуб шел, шел, пришел к избушке. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клуб этот по дороге назад пошел. Он пришел в избу, там женщина не очень старая, ходит, красивая: волосы растрепаны, на правом боку голая, только как жар горит правый бок. Она спрашивает: «куда ты?..» Он отвечает: «к солнцу иду попадать». Она как

схватит его за руку и говорит: «пойдем, посмотрим со мной, каково солнце». Она вела его, вела, пришла в темную комнату, нигде света нет; она ушла. Он там сидел, сидел, потом светло сделалось, солнце запекло, жарко так. Потом вдруг темно опять сделалось. Как темно сделалось, идет эта жонка, за руку мужика взяла и повела опять в свою избу. Привела в избу и спрашивает: «видел ли ты солнце?» Он отвечает: «я видел». Она ему свою грудь показывает: «видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь горячая». Он пощупал — горячая, горячая. Она дала ему золота, серебра много. Потом он стал рассказывать: «кто эти женщины, которые мне давали поводы?» «Кто эта старушка, что мне дала клуб?» — «Это мне старшая дочь». — «Кто эта, которая мне лошадь дала?» — Это мне средняя дочь». — «Кто эта, которая мне палочку дала?» — «Это мне младшая дочь» — «За какие грехи, говорит, старик поставлен перевозить, ведь ему тяжело». Она говорит: «старик посажен за то, зачем он кормой на берег пристает: это грех непростительный». — «Еще, говорит, старик со старухой живут 3-й год, живут, ни есть, ни пить не могут: за какие грехи мучатся?» Она ему отвечает и говорит: «Не буде им прощения за то, что они у народа много денег украли: они век свой будут жить в этой избушке». Опять мужик спрашивает: «за какие грехи женщины из проруби воду черпают?» Она и отвечает: «за то, что они вином торговали и молоком, и водой наливали вино и молоко, им тоже прощенья не будет вовек» Потом он опять говорит: «за какие грехи кит засох через реку?» Она говорит: «за то, что кит порато (много) народа пожрал и карбасов и шняк — за то; если народ он весь найдет, который проглотил, то выйдет из того места».

Он и пошел домой, никуда уж не заходил и пришел к берегу, где старик кормой пристает. Он и говорит, когда старик его перевез: «зачем ты кормой пристаешь, приставай носом; кого свезешь, тот и останется, а ты выйдешь». Старик с тех пор стал носом приставать. А тот к той избушке пришел, где старик со старухой живут; в избушке нет никого; ни старика, ни старухи нет — они ушли и умерли, а на дверях написано в избе: «померли». Потом пришел к женщинам, что воду черпают. Женщины и спрашивают: «что нам будет?» Он и говорит: «ничего вам не

будет — подливали воду в молоко и в вино». Он опять пошел, пришел к киту. Кит спрашивает: «хороший человек, что мне будет?» Он говорит: «если всех, которых проглотил, найдешь, тогда выйдешь с этого места» Кит пошел искать, всех нашел, и вышел из этого места. Этот мужик пошел домой к матери и отцу. Отец да мать обрадовались. Он стал благословения просить жениться: «Дадите ли (т.е. позволите ли) жениться на ком-нибудь?» Они благословили. Он женился на девке на бедной. Они лавку заправили и стали торговать. И сказка вся. (Нотозеро).

(Архангельской губ., Кольского уезда,
из быта русских лопарей)

СКАЗКА О ЦАРСКОМ СЫНЕ

Жил был царь с царицей, и у них между собою было согласно. Царь до того любил свою жену, что даже всегда она находилась при нем, когда он делал и суд над народом. Сам он судил более по правде, а царица же сплошь и рядом поступала не по правде. Раз пришла к им судиться с мужем женщина и царь рассудил их правильно: мужа оправдал, а жену признал виноватою.

Царица, напротив, оправдывала жену и когда на сем настояла, то находящийся в утробе матери младенец вдруг сказал: плеха по плехи и тянет. Она рассердилась на него и про себя подумала: рано стал соваться, а когда родишься, тогда мне не будет от тебя и спокою. Устрою же я с тобой штуку.

Наконец она родила сына, и хотела его было сейчас же убить, но стало жаль, и страшно самой это было сделать. Она позвала солдат, отдала им младенца, приказала его убить и ей принести от него сердце. Солдаты также сжалились над младенцем, они поэтому отдали его на воспитание пастуху; вместо же его убили маленького ягненка и сердце от него принесли царице. Сердце это царица приказала изжарить и за столом его съела. Царь однако знал, что у ней родился сын и вот, чтобы скрыть пред царем свое злодеяние, она послала своих служанок купить ей

другого младенца. В это время родился сын у кузнеца и у него-то вот и купили его и принесли к царице. Младенца этого растили как царевича, но лишь только он немного подрос, как сталь заниматься только молотками и ими коваль железо. Царь не понимал и удивлялся, что сын его только занимается кузнеческим ремеслом. Игры его все были около этого ремесла.

Когда же сын пастуха — царевич подрос, то он во время игр всегда хотел быть большим между своими ровесниками и нередко между ними делал суд. Наконец все его ровесники и он сам сказали: выберем мы из среды своей царя, будем его слушаться, и он будет нас судить. Царевич — сын пастуха, сказал: купим все мы по свече и станем с ними на восток и у кого свеча сама собой загорится, тот и будет царем. Сказано, сделано. Свечи купили, стали лицом на восток, и стали молиться, чтобы Бог указал им Царя. Вскоре свечка царевича загорелась, и все ровесники признали его своим детским царем. Когда кто-нибудь во время игр кого-нибудь обидел, то сейчас же и делал суд. Судил же он всегда по правде и никого напрасно не обижал. Молва об этом прошла везде, и нередко к детскому царю обращались и взрослые люди, которые были почему-нибудь неправильно судимы настоящим царем и царицей. Он и эти дела всегда решал справедливо.

Раз одна бедная женщина попросила муки блюдо и с ним пошла домой. Подул сильный ветер и у ней все разнес, не оставив ни пылинки. Она с горя пошла к царю и царице жаловаться на ветер. Царь выслушал жалобу бедной старухи на ветер, посмеялся над ней и сказал: глупая ты бабка, как я могу судить ветер?

Бабка была этим недовольна очень и сказала: ну, когда ты не мог рассудить меня с ветром, я пойду к детскому царю. Он рассудит справедливее. Царь и над этими словами посмеялся и сказал: поди, посмотрю я, что ты там получишь.

Старуха сейчас же от царя пошли, и пришла к детскому царю и сказала: царь-отец, рассуди меня с ветром! Я попросила муки, понесла на блюде, ветер пал, все раздул и меня оставил голодною.

Детский царь выслушал жалобу со вниманием, пожалел старуху и сейчас же послал своего человека, в гавань за капитана-

ми, которые пришли вчера. Капитаны судов на зов его немедленно явились. По приходе их детский царь спросил их: когда вы пришли сюда?

Вчера вечером, ответили они.

Ну это хорошо, но что для вас лучше, ветер или тихо?

Конечно, ветер для нас лучше всего. Не будь его, нам бы сюда и не придти вчера.

Так вам это и хорошо, а вот бедная бабка плачет, что у ней ветер разнес с блюда последнюю христорадную горсть муки, поэтому вы, как бы виновники ветра, и заплатите ей за муку.

Капитаны ответили: мы не только не за муку заплатим, но пусть она пошлет нам мешки, и мы все ей пошлем по пуду.

Старуха обрадовалась этому, благодарила за суд царя, да благодарила и капитанов, потому что в тот же день получила столько муки, сколько никогда у ней и не бывало. Капитаны также остались довольны решением.

Дошла весть об этом и до царя. Ему стало завидно и обидно, что все почти идут судиться к детскому царю, и он всякое дело решает, не говоря, что не могу.

Дай, подумал царь, я сделаю ему штуку и поставлю его в тупик. Царь послал к нему трех быков, с приказанием, чтобы они чрез известное время сами родили телят, как самки.

Детский царь быков взял и после ухода солдат сказал: спасибо царю. Быков мы убьем, нам мяса будет надолго, а кожами, как у нас крыша на избе худая, закроем избу. Так и сделали.

Наконец пришло время, когда должно было быков с телятами отвести назад. Вот детский царь, научив своего человека, что нужно делать, послал его к Царю. Тот пошел к царю во двор, там ходил нисколько времени, и наконец увидел царя. В это время он стал снимать свои штаны и закричал: рожать хочу, рожать хочу. Царь, услышал это, сказал: ты сумасшедший должно быть, когда мужчины рожали, и разве могут рожать, отвечай.

— А ты царь сам что сделал? Сам послал быков к нашему царю, чтобы, они были обхожены, разве это можно, и бывало когда-нибудь?

Царь от такого ответа пришел в удивление и ушел скорее прочь, не говоря более ни слова.

Вскоре после этого царь с царицей пошли гулять. Увидел это и детский царь. Он пошел к весам (балансу), положил на одну скалку много собачьего кала, а на другую ничего. Кала же все прибавлял и прибавлял.

Царь, увидя это, остановился и смотрел, а про себя думал, где же у него ум. Говорят, умный.

Наконец он не вытерпел и спросил у него, что ты делаешь?

— Я вешу женский ум и смотрю как он легок и ничего не стоить.

Ответ этот привел царя в удивление, и он стал думать: это, должно быть, не сын пастуха и не мой ли еще, потому что мой, кроме кованья, ничего не знает. Подумав так, он вскоре взял его к себе и сделал своим наследником, и таким образом царице над правдой не привелось восторжествовать.

(Пазрека)

ИГРУН – СМЕЛЬЧАК СЫН*

Жиль некогда один богатый человек, и имел он одного сына. Умирая, он заповедал своей жене, чтобы она сыну его, если он попросить денег, дала ему в первый раз не более трехсот рублей. Сын после смерти его вырос и стал ходить на улицу с детьми играть. Он играл с ними в бабки и бабки у них отнял. Ребята ему и закричали; ты богач, а у бедняков отнимаешь бабки. Стыд. Он бабки бросил им и пришел к матери и сказал: дай мне сто рублей.

Мать денег дала ему, и он пошел па улицу. Здесь опять играл с ребятами и побрякивал деньгами. В это время он увидел: идет старик и несет кошку, и спросил его, не продашь ли кошки?

— Купи.

— Много ли просишь?

— У меня кошка смирная и я менее ста рублей не продам.

Не говоря ни слова, он вынул деньги из кармана, отдал их, взял кошку и пошел домой. Здесь ему она так понравилась, что он не

* См. Русские лопари Н. Харузина, стр. 466.

знал более никакого дела, как только с нею и играл. Наконец, однако, наскучило ему, и опять пошел на улицу к ребятам играть. Играя с ними, он опять отнял у них игрушки. Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бедных копеечные игрушки. Он бросил их и пошел к матери.

Дома опять выпросил у матери сто рублей и с ними пошел на улицу играть. Побрякивая деньгами, он опять увидел того же старика, у которого купил кошку, и он вел теперь собаку.

Он опять стал покупать и купил ее за сто рублей, сколько и просил хозяин. Он сказал ему, что на его собаке можно ездить и возить дрова.

Привел собаку домой и с нею и кошкой играл постоянно. Они от него не отходили никуда. На собаке он ездил, а кошку привязывал сзади. Этим он занимался долгонько и наконец это ему наскучило.

Опять пошел на улицу и играл с ребятами. Отнял у них и игрушки, те опять и закричали и он, рассердившись, бросил им. Пришел домой и опять у матери сталь просить 100 рублей. Мать деньги дала и сказала: это последние, отец более тебе не оставил. Взял он деньги и пошел на улицу. Вскоре он опять увидел того же старика, но у него ничего не было уже. Он поэтому спросил его, куда ты пошел?

— Я хожу и хочу кому-нибудь продать золотой перстень — сурмас.

— Продай мне и его. У меня еще есть деньги, хотя уже и последние.

Старик согласился продать ему за сто рублей, только прибавил: деньги отдай сейчас, а за перстнем-кольцом пойдем со мною, и у меня дома получишь. Заплатил матерен сын деньги и пошел с ним. Пошли они сперва мимо домов по дороге, и все прошли. Пошли далее уже лесом, и пришли к пахте, каменной горе. Здесь старик снял с отверстия каменья и сказал: поди туда, а я иду за тобою. Сынок как зашел туда, то старик сейчас же отверстие закрыл и сам остался на земле. Покупатель очутился в безвыходном положении, как к тюрьме. Сперва он плакал, а потом пошел, куда понесут ноги. Наконец у него под ногами стали доски, и чрез щель вдали увидел свет-огонь. По-

том туда и пришел к лестнице-листовке — пордис*. По ней он поднялся и увидел пред собою двери. Их он отворил и увидел пред собою комнату, залитую светом, потому что горело много свеч. В ней стоял стол со всякою пищею — пуромаш** и вином. Будучи голодным, он сел, наелся и напился. После этого он стал смотреть и опять увидел впереди двери. Пошел туда, отворил их и опять увидел такую же комнату со столом, кушаньями и пивом. Он был сыт и поэтому только на них посмотрел. Впереди были опять двери, он отворил и их. Здесь было везде пусто. Стола с кушаньем не было, а вместо его, в одном углу он увидел лежащего человека. Подошел к нему и увидел, что он мертвый, и на руке у него золотой перстень. Смотря на него, он подумал — мне этот-то перстень и продал, должно быть, старик. Поэтому он перстень с руки покойника снял, надел себе на палец и пошел назад. Миновав светлые комнаты, он зашел в непроницаемую тьму, и не знал совершенно куда ступить. С горя он стал перстень с пальца на палец перелагать и когда надел его на первый палец от мизинца на левую руку, тогда перед ним явились два человека и спросили: что тебе нужно?

— Я желаю отсюда выйти, так как старик, показавший мне сюда дорогу, со мною не пошел, а остался наверху. Меня одного сюда запер.

— Теперь немного усни, а после все тебе будет. — Он немного соснул, проснулся и увидел, что отверстие на землю открыто. Перстень переложил на средний палец, вышел из пахты и пошел своей дорогой домой. С радостию вошел в свой дом, но увидел, что мать сидит почти голодна, потому что не стало у ней ничего. Поел он сухой резки (лопарский пресный хлеб, не толстый) и пошел спать.

На постели он перстень со среднего пальца опять переложил ближе в мизинцу на левую руку и к нему опять явились те же два человека и спросили, что тебе нужно?

— Я долго проходил из своего дома, мать все прожила и нечего стало есть.

---

* Так в оригинале. — *Прим. изд.*

** Так в оригинале. — *Прим. изд.*

Они ответили: теперь спи до утра, а утром все тебе будет. Встал он утром и увидел, что везде у них всего довольно. Зажил он хорошо после этого и стал думать об открытии торговли. Вот опять однажды вечером перстень переложил на палец и опять явились два человека и спросили: «что тебе нужно?»

— Мне хочется быть купцом. — Ну теперь спи, а утром все будет по-твоему. Через ночь все так и сделалось. Встал и увидел, что пред домом его стоят лавки с товарами. Торговля пошла у него удачно, и так он прожил несколько годов. Наконец захотелось ему жениться, и стал у матери просить дозволенья... Мать согласилась, но спросила, где у тебя невеста?

— Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица.

— В уме ли ты, об этом не нужно и думать-то даже.

— Нет, я так хочу непременно, и ты должна идти от меня сватьей. Снесешь царю, царице и невесте богатые подарки и дело устроится как нельзя лучше.

— Мне думается, что ты напрасно это задумал, потому что царю нужно подарки нести не простые, а драгоценные, а где ты их возьмешь?

— Об этом не беспокойся. Завтра все будет.

На постели он перстень переложил на палец подле мизинца, и опять явились два человека и сказали: «что тебе нужно?»

— Я думаю жениться у царя и мне нужны поэтому подарки: два камня (керчь) драгоценных и один самоцветный.

— Спи до утра и тогда все будет, ответили они и ушли.

Встал он на другой день и увидел на столе три камня, которые горели как огонь и блестели как солнце. Пошел к матери и отдал ей.

Мать, при виде их, пришла в изумление и с ними пошла к царю уже смело. Ввели ее к царю, где она немедленно драгоценные камни подарила царю и царице, а самоцветный — их дочери и сказала: «это осмеливается поднести вам мой сын и в то же время просит покорнейше руки вашей дочери».

Царю и всем подарки понравились, но на сватовство ответил: если завтра сын твой может подарить нам золотые тарелки и несколько гусиных яиц (время было осенью), тогда дочь и мы согласны породниться. Старуха поклонилась им, пошла домой и передала это сыну.

Вечером он надел перстень на упомянутый палец и опять пришли два человека и спросили, что ему нужно?

— Мне требуются золотые тарелки и гусиные яйца для невесты. «Спи, утром они будут у тебя». Так действительно и случилось. Мать днем пошла, отнесла подарки, осмотрели, похвалили и сказали: «если твой сын к утру сделает с нашей стороны реки на его сторону чугунный мост, покрытый красным сукном, тогда можно будет сделать и свадьбу, а в противном случае дочь моя не согласна, потому что она боится ездить через реку». Старуха, услыша это, поклонилась и пошла домой. Пришла и все передала сыну, присовокупив: «вот, наделал себе хлопот». Это ничего, ответил он. К утру все дело поправится. Вечером он прибег к упомянутому ранее средству, и два человека посулили к утру все. Через ночь действительно на реке явился мост и с красным сукном. Старуха, увидя это, удивилась и опять, посланная сыном, пошла к царю. Он принял ее ласково, но сказал: «дочь жила постоянно дома и ей не хочется от матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына дом подле нашего, тогда сыграем свадьбу на славу». Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну и тот ответил: ну и это ничего. Надеюсь, устрою. Вечером он сделал то же, что и раньше, и явившиеся два человека, посулили к утру. С рассветом действительно дом их стоял подле царского и на этот раз сын с матерью пошел к царю сам.

Царь столь богатого и смышленого будущего зятя встретил с невестою ласково и вскоре были сделана свадьба. Народу на свадьбе было много, и все веселились, сколько могли. Не мало было и пьяных. Пьяными напилась даже и старуха мать жениха, и сам молодой. Царевна однако вышла за него не по любви, а изза подарков и чудных его дел. Она любила другого жениха.

И вот, когда увидела, что муж пьяный, она, лаская и целуя его, стала спрашивать: «какою ты силою и мост сделал, да и дом перенес?» Он, обласканный ею, с пьяных глаз и сказал, что у него есть перстень, и показал его. Следует его положить на левую руку на палец подле мизинца и тогда явятся два человека, которые и исполнят к другому утру через ночь всё желания. Жена, узнав это, стала сама угощать его и вот, когда он был очень пьян, она взяла у него с руки перстень, обрила ему

волосы и выбросила на улицу, несмотря на его крик. Выбросили за ним туда же и мать. Царь после этого также на него осерчал и приказал запереть в тюрьму.

Жена его между тем вечером надела перстень на указанный палец и к ней пришли два человека.

— «Чего тебе нужно царевна?» — «Я хочу, чтобы перенесена была в другое Норвежское царство к моему жениху».

«Теперь спи, а утром все будет исполнено».

Наутро, когда она проснулась, увидела себя у первого жениха и со всем своим имением. С нею были даже кошка и собака, оставленные мужем, купленные им у старика. Звери эти ходили и искали своего хозяина, но его нигде не видели, а перстень его между темь днем всегда блестел на правой руке царевны, а ночью же она полагала его в рот, а также и тогда когда спала. Кошке и собаке хотелось этот перстень отнять у ней и передать хозяину. Раз они увидели мышь и решили хвостом ее для этого воспользоваться. Кошка схватила мышь и хотела ее убить, но она сказала ей: не бей меня, что тебе нужно, я пособлю.

— Хорошо, я не убью тебя, но ты должна взять изо рта достать у хозяйки перстень.

Мышь согласилась и сказала: «ночью я тихонько зайду к хозяйке на грудь и хвост ей вложу в нос, она чихнет, ты перстень хвати и бежи с ним куда знаешь, а я уже знаю куда мне уйти».

Наступила ночь. Мышь как сказала, так и сделала. Хозяйка от хвоста чихнула, перстень полетел, кошка сейчас же схватила в рот, а собака отворила двери, и побежали они вместе искать своего хозяина. Добежали они до широкой реки, и не знала кошка как ей переплыть. Собака сказала: садись ко мне на спину, и так переплывем реку. На середке реки собака, однако, подумала: кошка хозяину принесет перстень, а я ничего. Меня он, может, и прогонит. Подумав так, собака сказала: дай мне теперь перстень, я понесу его другую половину.

Что ты выдумала, мы уроним его в воду, когда я буду передавать тебе, и тогда он никому не достанется.

Собака настояла на своем и прибавила: у меня рот большой, я открою его, ты и опусти. Нет, я не поплыву далее. Кошка послушалась, и перстень упал мимо рта и пошел на дно. С горя по-

плыли назад и недалеко подошли по берегу, как увидали избу. В ней жил старик-рыбак со старухой. Хозяева их приласкали, и они стали тут жить.

Раз хозяин осенью привез рыбу с реки, и когда ее чистили, ущупали твердое и в кишке увидели перстень. Старик со старухой находки обрадовались и, налюбовавшись им, положили на полку. Собака и кошка это видели и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева вышли вон, кошка вскочила на полку, взяла в рот перстень и сейчас же, как хозяева в избу, они па улицу и по дорожке.

Кошка, прибежав к реке, сказала собаке: возьми перстень теперь, а как запросишь опять на реке, тогда потеряем. Собака ответила: храни лучше ты. Садись на спину и поплывем через реку. Вышли на другой берег и побежали вперед искать хозяина. Нашли его в тюрьме. Стали думать, как зайти и надумались так: собака дверь немного оттянула и кошка щелью прошла и отдала ему перстень. Вечером он надел перстень на счастливый палец, и пред ним явились два человека, спросив: что тебе нужно?

— Хочу быть свободным, и чтобы жена моя мне была возвращена.

— Теперь спи, ответили люди, а утром все будет.

Проснулся утром и увидел, что он спит со своей женой и в царских покоях, Любовник же или другой муж был посажен в тюрьму, и после его судили. Смельчак же, богача сын стал жить со своею женою и матерью на завидость другим.

(Пазрека)

СКАЗКА
О БАРИНЕ И ЛАКЕЕ

Жил да быль помещик в Я... губернии, очень богатый, и был у этого помещика лакей, по прозванию Афонька.

Вот и вздумал барин попутешествовать и посмотреть людей, да и себя показать. Говорить барин лакею: «Афонька! собирайся-ка в путь, в дорогу, поедем мы с тобою путеше-

ствовать». — Афонька скоро собрался в путь-дороженьку; подали им тройку лошадей; простился барин с своей женой и поехал.

Едут они путем дорогою, мимо дремучего леса и смотрят в сторону и видят там валяется мертвый человек. Барин и говорит: «Афонька! ступай, тащи сюда этого мертвеца, да клади в повозку». — Афонька притащил мертвеца и положил сзади повозки, и поехали дальше. Не успели отъехать еще одной версты, смотрят — еще и другой валяется мертвый человек. Барин опять говорит лакею: «Афонька! тащи и этого сюда в повозку». — Положили и поехали дальше.

Едут они путем-дорогою и доехали до полянки. Стоить маленькая избушка. Барин и говорит: «Афонька! привораачивай на ночлег (так как дело было к вечеру). Подъехали к этой избушке; ворота были отворены, а на дворе никого не видать. Барин и говорить: «Афонька, выпрягай лошадей да давай им овса, и пойдем в избу: мне что-то есть очень хочется». Афонька скоро убрал лошадей, дал им корму, потом взял чемодан с закуской, и пошли они с барином в избу. Входят в сени и видят: двери в избу отворены, а из избы слышен шум и гам. Вошли они в избу и видят: за столом сидят двенадцать здоровых разбойников, которые никого ни днем, ни ночью не пропускали живым — всех убивали и грабили. Когда барин увидал этих разбойников, то немного было струсил, но когда взошел и сел на лавку, то сказал: Афонька! мне очень есть хочется, тащи-ка сюда из повозки окорок, который сзади привязан.

Афонька живо побежал, притащил мертвеца и положил его на пол, против барина. Барин взял тогда ножик, отрезал: «Афонька! этот окорок немного протух, тащи-ка сюда другой».

Афонька живо побежал и притащил другое мертвое тело. Барин опять взял нож, отрезал немного тела, понюхал и говорит: «И это протухло! ну-тка, возьми, Афонька и дай сюда изза стола, который будет всех помягче. Тогда все разбойники — как.... выскочат из— за стола, да давай Бог, ноги! кто куда: кто в двери, кто в окно и все живо разбежались, и остались в избе только барин и Афонька.

Ночевали они в этом доме, а наутро обошли все кладовые и нашли денег цельный погреб; наклали себе цельную повозку и поехали домой. Тогда барин дал Афоньке денег и отпустил на волю жить.

(Лично мною записано в Ярославской губ.
от В. В. Смирнова)

ПЬЕНИЦА

Жив да быв в одной небольшой деревеньке мужицок пьеница. Всякой праздник и всякое воскресенье — люди в церковь к обидни, а он в кабак бежит. Всю последную неделецку великого говенья пропировал, и пришел домой уже в большую субботу, да и этот день весь продрыхнул. В Христов день ковда заблаговестили к заутрени, хозяйка будить ево и говорит: сходи гыт хоть в Христов-то день в церковь. Мужик слез с говбца, оболокса и пошол в церков. Ну как он всю неделецку пропировал, то голова у ево больно болела, то он вздумал зайти перед заутреней, кобацок опохмилиться только. Он об том подумав — глядь и видит тут знакомова мужицка, тоже пьеницу. Мужицок этот подошол к нему и спрошав ево: «ты куда, приятель, пошов?» — «Да голова больно болит, так хочу перед заутреней зайти опохмелиться». — «Хорошее дело, я тоже гыт иду; пойдем вмисте». — Пошли они в кабацок и спрошали полштофа вина; знакомый наливает ему стакан и почует, гыт: «Выпей!» — Мужицок взял стакан в руки и, поднеся ево ко рту, чтобы выпить, да и сказав: «Господи благослови»

И вот он глядь: вместо стакана-то в руках у ево сосновая шишка, а сам он очутился в густом прегустом лесу, и сидит на долгой ели. Кругом и под ним внизу темнота. От страха мужицок цуть не свалился на землю, а слезая с елки, оцарапал себе рожу и руки о колючие прутья. Пошол домой и в лесу заблудился и домой пришов лишь на четвертой денек праздника и то лишь вецером. Довго после тово был нездоров и ели не умер, а царапины на роже, на руках так и остались на всю ево жизнь.

С того времецка, наш мужицок — шабаш в праздники вино пить.

(Записано лично мною в Кадниковском уезде, в Засодиме)

ХИТРОСТЬ ЛЕНИВОЙ БАБЫ

Жил-был мужик; была у пего преленивая баба. Скажет, бывало мужик бабе: «зачем не прядешь?» а баба сведет его в клеть, вынет из ларя веретено, покажет мужику и скажет.: «смотри, муженек, веретено полнехонько!» Затем положит она веретено в ларь и после снова вынет его, как будто другое, и скажет: «смотри, другое веретено полнехонько! Что ты заставляешь меня прясть? Лучше ступай в лес, да сруби мотовило, чтобы было, на что сматывать пряжу».

Раз мужик взял топор и пошел в лес срубить мотовило, а бабе велел починить шубу, покуда он в лесу. Но лишь только мужик пошел в лес, как баба побежала за ним, обежала его кругом, влезла на густую ель подле дороги, по которой должен был проходить мужик, и запела синицей: «чи, чи, чи, кто срубит мотовило, тому скоро смерть, а кто починит шубу, тому долго жить». Услышал песню эту мужик, перепугался и не срубил мотовила, а пошел домой, полез на печку, да сам починил свою шубу.

(Лично мною записано в Вологодской губ.)

О ЖЕНЕ-ДУРЕ

Жила-была жена— дура. Однажды она потчивала гостя капустой и жаловалась, что у нее капуста плоха. Гость надоумил ее: «надо прибавить к капусте свиного сала, тогда она и будет хороша». Жена-дура, как услышала это, взяла сейчас свинину,

разрезала на ломтики, понесла в огород и положила на каждый кочан по ломтику. Положила она и ждет, что вот капуста выростит на славу. Но почуяли это соседние собаки и повадились приходить в огород за салом. Разозлилась жена па собак, подстерегла их и поймала одну. Притащила она собаку в клеть и привязала ее к втулке пивной бочки. Начинает она наказывать собаку. Собака рвалась, рвалась, наконец вырвала втулку и убежала. А пиво так и течет из бочки!

Не знает дура, за что хвататься, оставляет бочку и бегом бежит за собакой. Но пока она догнала собаку и отняла втулку, пиво все и вытекло из бочки; в клети точно пруд. Что ж теперь делать: и пива нет, и клеть мокрехонька. Вдруг ей приходит на ум: ведь есть еще у меня полмеры хорошей пшеничной муки. Взяла она муку и посыпала на мокрый пол. Пришел домой женин муж, а она пред ним: «муженек, муженек! я поймала собаку в огороде, привязала ее к втулке пивной бочки и наказала было, а она шельма этакая сорвалась, вырвала втулку, и пиво вытекло; но беды нет никакой: я посыпала на пол пшеничной муки». Что же теперь делать мужу? Не знает он, смеяться ли, или браниться.

(Лично мною записано в Вологодской губ.)

ДВА БРАТА

Не в которой деревне жили два брата, они и разделились но разделу. Один жил бедно, а другой богато. У бедного не было ни дров, ни лошади и пошел он к богатому брату просить лошади и дал богатый брат ему лошадь. Забыл бедный попросить хомута и не смел подти прошать вдругоредь и привязал лошадь к головицам хвостом; поехал по дрова, нарубил воз порядочный, поехал домой, приехал под окно к себе и хотел вздернуть на наземь, но в то время подворотка помешала: лошадь вздернула и хвост себе оторвала. — И не смеет он к брату вести лошадь. Наконец пошел он к нему и сказал: я у твоей лошади хвост оторвал. Брат на него осердился: вот я пойду просить на тебя суда к Шемякину.

И пошли они оба. И выпросились они на квартиру ночевать к богатому мужику. Богатый с богатым угощались, а бедный спать лег не евши. Под полатями же лежал младенец. Бедный ворочался, ворочался и с полатям вместе упал и младенца задавил. Тогда и другой богатый захотел на него просить и пошли все вместе. И дошли они до города, а в этом городе был высокий мост, а под мостом ездили на лошадях. Бедный пошел этим мостом и хотел скочить с мосту, чтобы убиться. Когда он скочил с мосту, в то время отец с сыном выезжали из-под мосту и бедный упал прямо им в сани, сына у старика убил, а сам не убился. Тогда старик вместе с двумя богатыми тоже пошел просить на него.

И пришли к судье Шемякину все четверо, а бедный взял большой камень и завязал в платок. И стал его брат обсказывать об своей лошади. В это время бедный поднял платок с камнем и погрозил им судье, а судья подумал, что тот ему сто рублей денег сулит, и рассудил так, что покуда хвост у лошади не вырастет, и пущай бедный лошадь у себя. Потом стал обсказывать второй богатый об своем младенце, а бедный опять камнем погрозил и судья Шемякин рассудил так: ты дай ему свою жену, так он и сделает тебе другого младенца. А старика, у которого убит был сын, рассудил так: ты, дедка, встань на мос(т), а он пущай едет на лошади из-под мосту, и скачи прямо на него. Старик скочил с мосту, на бедного не попал, а сам убился, а бедный и поехал преспокойно домой.

РОТОЗЕЙ ВАНЬКА*

От чего ему такое прозванье пошло, как он клада искал и где клад нашел

О святках набралося в избу к дяде Иринею, парней и девок видимо невидимо. Пришли, стали почесываться, никто слова не вымолвит. Здорово ребята, — молвил им дядя, — по добру ли по здорову?

* Взято с лубочного издания 1805 г.

— Все по добру по здорову, дядюшка, отвечал один парень посмелее, вишь ты, мы на святках погуляли, да такая мятелица поднялась, что зги Божией не видно; так вот мы пришли к тебе в избу отогреться.

— Рад гостям,— сказал дядя Ириней, — отогревайтесь, кто на печи, кто на полатях.

— Да, вот что еще, дядя, сказал тот же парень, почесывая затылок, — ты человек умный, добру нас учишь, а мы за то тебе спасибо,— и уж куда хорошо говоришь, так в душу и просится, а вот в соседней деревне гуторят, что ты на все руки: мастер сказки рассказывать,— а еще мы от тебя ни одной не слыхали.

— Что же сказку вам что ли, молвил дядя Ириней; таким добрым ребятам ни в чем не откажу; но только чур, сказку дослушать до конца, да не перерывать, а иначе что, у меня сказка не сказка, а быль на сказку похожа, кто до конца не дослушает, тот словно ничего не слыхал. Наколи-ка лучины побольше Федька, а ты Матрена, смотри за светцем, да прибавь воды в шайку, вот недалеко от нас деревня вся дотла сгорела, от того что Маланья забыла воды под светец поставить; ей муж толковал: поставь воды под светец, ну, неравно уголь в подполицу попадет — долго ли до греха? А она ему в ответ: — эх Никитич, да что я мертвая что ли сижу? ну упадать лучина, затопчу вот и все тут. — Так она говорила, да не так вышло: раз мужа не было дома; Маланья засветила светец и села, словно порядочная, пряжу прясть, и навалила вокруг себя пакли; пряла, пряла, — да и вздремнула, да. так сладко, сладко... а тем часом лучина нагорела да и свалилась, шайки под нею с водою не было, лучина на пол, да зажгла паклю, а пакля пошла драть; проснулась Маланья, видит пол горит, так и обмерла, чем бы схватить воды, или квашни, чтобы чем попало затушить, баба выбежала на улицу и ну кричать но всей деревне:— батюшки светы! батюшки светы! добежала до конца деревни, все кричит: — батюшки светы! — Вышли миряне, спрашивают у ней, — что такое? — а Маланья знай свое, мечется из стороны в сторону, да кричит: светы! Уж тогда догадались, когда полымя хватило из окошка, тогда поднялась вся деревня, туда сюда, кто за ведерко, — нет ведерка — сватья взяла; кто за багор, — нет

багра — ребята Бог весть куда затащили; пока кто за тем, кто за другим, занялась другая изба, потом третья, так вся деревня и сгорела. Ну, что! как ты думаешь, Матрена?

— Ну, что тут думать, дядюшка, — отвечала Матрена, — вестимо дело, Божий гнев!

— Вот ни дать ни взять и Маланья тоже ответила, молвил дядяИриней, когда соседи стали корить, что от ее лучины они но миру пошли; да только знаешь, что один сосед ей на это сказал, мужик быль умный, а вот что: — правда твоя, Маланья, что Божий гнев быль, а знаешь ли за что на тебя Божий гнев быль, за то, что сама была не опаслива и нас и себя погубила: Береженого и Бог бережет! Ну, Матрена, не ленись, налей шайку пополнее, да пододвинь под самую лучину, чтобы с проком было.

— Вестимо дядя, толковала Матрена, — на грех мастера нет.

— Врешь, дура, это только старые девки говорят, что на грех мастера нет; есть мастер, это сам человек; уж нет такого другого мастера и на грех и на спасенье, как сам человек.

— Так, дядюшка, промолвила сватья Хавронья, правду ты говоришь; да ведь кого Бог помилует? вот ты знаешь, полгорода сгорало, а у Архипа дом цел остался и до сих пор стоит; а кругом все обгорело — пустырь пустырем. Ну, от чего так? уж такой, видно, положен предел, что полгороду сгореть, а Архипову дому остаться.

— А знаешь ли сватья, от чего Архипа Иванова Бог помиловал? от того, что Архип Иванов мужик умный; и Богу молится, да и сам не плошает. Вот я тебе расскажу, как дело было: в доме городничий требовал от домохозяев, чтобы на всякой кровле стоял чан с водою, а возле чана длинный шест с навязанною мочалою; вот кто сделал, а кто нет; кто поставил чан рассохший, налил воду, а вода вытекла, кто и совсем воды не налил; стоит себе чан пустой; ведь городничему не на каждую крышу взлезать, да смотреть: налит ли чан водою. У Архипа Иванова было иначе; выбрал он, правда, старый чан, да плотный, отмочил его, поставил на крыше, налил в него воды, да еще золицы горстей пять прибросил, чтобы вода не гнила; а возле положил длин-

ный, длинный шест с мочалой, да еще вымазал его дегтем и высушил на солнце, ради прочности. Бывало каждое Воскресенье Архип Иванов после обедни и лезет на крышу: все осмотрит, и если вода усохнет, дольет чан и пойдет себе в избу; а соседи бывало на него зубы точат, да скалят:

— Ну, полез Архип на крышу в чану окуней ловить. А Архип и слышал, что смеются, да мимо ушей пропускал. Да завел он в доме еще такой порядок: взял топор, багор, веревку, да полдюжины больших рогож, да ведерко, да длинную веревку, да железную лопату и все положил в особую конуру и строго запретил домашним не замать, на какую бы то потребу не было.

Летом была сильная жара; все высохло, словно трут стало; ночью собралась гроза и ударила в соседний дом, дом загорелся: пошла тревога в городе; пока приехали трубы, галки от ветра так и полетели во все стороны; полетит, полетит через улицу, да бряк на крышу, то один, то другой дом загорится в разных местах; так, что пожарные не знают куда и кинуться, а Архип, Иванов, не крича, не спеша, тотчас распорядился, взял рогожи, обмакнул их в воду и повесил на дом, с которой стороны ветер был; одного сына поставит у колодца и говорит: — Ты, Петрушка, с места не сходи, все воду качай; а другому дал в руки ведерко и говорит: а ты, Павлушка не зевай, то и дело из ведерки на рогожи плескай. Бабам дал в руки багор, да лопату и промолвил: — если головня упадет, то одна оттаскивай дальше багром, а другая или водой, а не то место землей забрасывай, — брату дал в руки топор, да велел от соседнего двора забор валить, чтоб огонь по забору не перешел; сам же полез на кровлю, смотрит, уже на крыше две, три головни ветром раздувает; слова не молвя, Архип за шесть с мочалом, помочил в чану и на головню, головня погасла, потом помочил еще, да хвать другую; а меж тем пожар от часу сильнее, галки так и летят на крышу, а Архип, и усом не ведет, то ту, то другую прижмет мокрой мочалой, и поминай как звали; так прошло час, другой, а кругом огонь так и дерет; воды в чану не стало хватать: Архип спустил с крыши веревку, кричит: Павлушка, принеси-ка мне ведерко, другое — пока чана не наполнил. — Так он до полночи промаялся, — пока не перестало гореть. Так вот за что Бог его

помиловал, за что и дом Архипов до сих пор стоит, хотя кругом пустырь пустырем! — Ну да все это присказка, а сказка еще будет впереди; да какую сказку вам рассказать; вот эту что ли:

— Не вчера, не сегодня, не близко, не далеко, жил был мужик Агафон Спиридонович; и нельзя похулить, был мужик смышленый и работящий: на слове честен; уже бывало, что скажет, — то верь, что печатному; всякий крестьянский промысел знал и порядок в доме держал; одна за ним водилась беда: ино место строптив очень был, а особливо под хмельную руку; а ино место все ему как с гуся вода, хоть амбар гори — едва с места пошевельнется; а уж зато, как осерчает — так всякое лыко в строку, и то не так, и это, и пятое, и десятое: уж под тот час куда больно доставалось женке его Василисе Перфильевне, чем ни попало, так и хватит; а Василиса Перфильевна была бабенка тщедушная, робкая; уж как видит, что на Спиридоновича лихой час нашел, как засядет в закут, да и носа оттуда не показывает, пока не заметит, что у Спиридоновича сердце отлегло, а тогда уж ему все нипочем.

Да быль у Спиридоновича с Перфильевной сын лет пяти, по имени Ванька. Тут и вся семья их была.

Строг был Агафон Спиридонович, не любил никому потачки давать, особливо, говорю, под хмельную руку. А Ванька-то шаловлив с измаленьку был; да на беду и Агафон то Спиридонович не толковат. Бывало Ванька, известно дело детское, — сидит у завалинки, да камешком в камешек постукивает; ино место Спиридонович мимо пройдет, слова не молвит, а ино место ни с того, ни с чего хвать Ваньку за виски, да уж таскает, таскает, зачем вишь Ванька в избе не сидит. А Перфильевна, баба жалостливая, как Спиридонович побьет Ваньку, за дело ли, за не дело ли, а Перфильевна, Ваньку в закут, да ну его утешать, да пряниками кормить. Так уж Ванька и привык. Мало было в этом толка; невпопад приходились, ни строгость, ни баловство. Раз и Перфильевна на Ваньку осерчала: Ванька забрался на забор, да ну оттуда камнями швырять того и смотри, что в голову кому попадет. Перфильевна взяла прут, да и ну Ваньку стегать, чтобы с забора сошел, а Спиридоновичу жалко стало, как прикрикнет на бабу: — что ты! аль тебе свое рождение не мило? эка беда, что малый балует — с того растет. Так и за-

частую бывало. От того Ванька подрастал, а ума не наживал. Вот наступил Ваньке десятый год. Раз вымолвил Спиридонович, — а что Перфильевна, вот у нас на селе школа такая завелась, где грамоте учат; я думаю, да гадаю, чтобы и Ваньку-то в ученье отдать; вишь люди то умны стали, трудновато на свете без грамоты жить. Как завопит Перфильевна: — ах ты, свет ты мой батюшка, Спиридонович! что тебе на ум пришло — детище мучить? детище молодое, неразумное, где ему грамоту понять; вот погоди, подрастет, сам научится. — А Спиридонович, чем бы на глупую бабу прикрикнуть, еще поддакнул ей; видно на него тихий час нашел: и впрямь, говорить, что детище мучить; подрастет, сам научиться может. А Ванька подрастал, а ума не наживал, хоть от отца и часто ему потасовка бывала, ино не за дело. То закричит на Ваньку: зачем овса коню не подсыпал? а коли насыпано, кричит: — кто тебе велел в дому распоряжаться? и за то и за другое потасовка, то есть, если Спиридонович осерчает; да уж если осерчает, так тузить Ваньку чем ни попало и ложкой и плошкой, а ино место и поленом. Уж бывало соседи Спиридоновичу толкуют: — что ты малого-то увечишь; ведь ты из него поленом всю память выбьешь. А Спиридонович в ответь: — ничего! — уму учу, за битого двух небитых дают.

Так смекал Спиридонович, да не так вышло. Он Ваньку так застращал, что бывало как отец спросит его о чем, Ванька выпятит глаза, рот разинет и не знает, что отвечать, потому что, в иной раз, ждет за все потасовки.

Чем больше Ванька глупел, тем больше Спиридонович серчал. Бывало выгонит Ваньку на поле с сохою, Ванька выедет на поле, да и разинет рот: как пахать с той, или другой стороны? отсюда начать — может не в угоду батьке, — побьет; и отсюда начать может не в угоду батьке, будет, — опять побьет. И стоит Ванька в раздумье целый день; к вечеру придет Спиридонович, поле не вспахано. — Да что ж ты, дурень делал? спросит, а Ванька в ответ: — да я не знал, батька, с какой стороны тебе в угоду будет. — А Спиридонович так и всплеснет руками да и вскрикнет: — за что меня Бог таким дурнем наказал! — Вот всегда-то так человек на Бога ропщет, а то ему невдомек, что сам бестолков, да и сына-то без толка тузил.

И чем более Ванька подрастал, то больше дурнем становился.

У Спиридоновича возле огорода прудишко был, и рыба в нем водилась, да мало. Спиридонович смекал, как бы в нем рыбы побольше развести, купил из большого пруда рыбы, да и пустил ее в свой прудишко. Ванька, как увидел рыбу, подумал, что отец ему уху заварит, уж заранее облизывался, потому что сластен был; но как отец начал рыбу в пруд валить, Ванька как побежит в избу, как завопит благим матом: — матка! матка! беда и только, батька рыбу топит! — а матка: как это, сокровище мое ненаглядное! — А Ванька в ответ: а как же, отец рыбы накупил живой, да теперь чем бы на уху, и топить ее в пруду, а рыба-то так и бьется сердечная. — А матка-то вместо того, чтобы малого вразумить, ну его гладить по головке, да приголубливать; а на ту пору отец шасть в избу, как услышал, что Ванька гуторит, чем бы также его вразумить, Спиридонович его за виски, потаскал, потаскал, да тем и дело покончил, а Ванька-то все таки не разобрал, зачем Спиридонович рыбу в пруду, топил.

Вот раз Спиридонович говорить Ваньке.: — эй, ты, дурень! заложи-ка чалую, да поезжай-ка на мельницу, возьми у мельника два куля муки, поезжай не мешкая; мельник сказал, что после полудни он отлучится, а у нас к завтрему муки не хватит, хоть без хлеба сиди Не мешкай, дурень, да без кнута не езди, — слышишь?

Ванька разинул рот, — оторопел, однако пошел за лошадью, а Спиридонович поехал в поле, к полудню воротился Спиридонович, посмотрел на двор, чалая стоит запряжена. — Где ж, Ванька? привез муку-то что ли? Нет ни Ваньки, ни муки. Вот и полудни прошли, вот и смеркаться стало, а Ваньки все нет. Спиридонович и ума приложить не может. Уж к ночи вышел на двор, а Ванька ходить вокруг лошади. — Что ты дурень, где же мука, привез что ли?

— Нетути, говорит Ванька, — сейчас поеду за мукой.

Как вскрикнет Спиридонович:— ах, ты дурень, дурень! да, что же ты по сю пору делал?— А Ванька в ответ: да видишь ты, батько, я кнут потерял.

— Ну так что же, спросил Спиридонович.

— Да то, батько, что ты не велел без кнута ездить, так я вот с самого утра все кнута искал, — и нигде ничего, — ни синя пороха во рту не было — вот только теперь в телеге нашел.

Спиридонович так и размахнул руками, да и пошел прочь.

Так и зачастую бывало. Что не скажут Ваньке, он или ровно ничего не поймет, или сделает навыворот.

Раз ночью Ванька лежит, на полатях, да вопить: ай! пить хочу, ай! жажда замучила — вот хоть бы капельку воды — горло промочить, да знай себе вопит, а с полатей не пошевельнется.

Спиридонович слушал, слушал, да как вскрикнуть: Ванька! принеси-ка мне ковш воды, да скорее, а не то кнутом тебя, дурня!

Ванька соскочил с полатей, как встрепанный, зачерпнул ковш воды и принес Спиридоновичу.

— Ну, пей же теперь, дурень, промолвил Спиридонович, — да полно вопить.

Ванька напился, а все невдомек ему было, как он прежде того не догадался.

А ино место, особливо, как Спиридоновича дома нет — Ванька— и так сядет в углу, да и вопит на всю избу. Вот Перфильевна к нему: — что ты, Ванька, есть что ли хочешь? — Нет! — Пить что ли хочешь? — Нет! — Спать что ли хочешь? — Нет! Да чего же ты хочешь? — Вопить хочу! А Перфильевна Ваньку по головке, да приговаривать: — ах ты сокровище мое ненаглядное! Уж не испортил ли кто тебя? Уж у тебя это не с глаза ли? А Ванька и того больше вопит, инда соседи сбегались.

Так-то жил, да поживал Ванька-Ротозей, ни родителям в угоду, ни себе во спасенье. Вот Ваньке исполнилось двадцать лет с годом. У Спиридоновича лошадь пала; а дело шло к весне. Спиридонович собрал деньжонок, да и смекал бы в базарный день в город ехать лошадь купить; и город-то быль недалеко всего верст десять. Пришел базарный день, — а Спиридонович болел. Делать нечего; говорит Ваньке: слушай ты, Ванька, не век тебе ротозеем быть; сослужи-ка службу: съезди на базар в город, да купи мне коня; да не то, чтобы мудрена, однако слышь ты, чтобы заправской был, двадцать целковых заплати, да смотри, чтобы до города пудов двадцать тащил, не был бы

ленив и на теле никакого изъяну не было. Вот тебе и деньги; смотри не потеряй. Хорошо купишь, шапку тебе новую подарю; дурно купишь — побью. А вот сосед Кириллович до города тебя доведет.

Ванька слушает, словно разумный человек, деньги получил, заткнул кнут за пояс и пошел в город с соседом Кирилловичем.

Идут они путем дорогою; вот дошли до перекрестка, а навстречу им пырь барышник с лошадью, тоже в город на базар гонит. Ну калякать о том, о сем узнал барышник, что Ванька лошадь покупает: да чего тебе в город идти, говорит, — вот на, купи лошадь — эдакой лошади редко достать. И Кириллович говорит: — славный конь, — кабы нужда была, и я бы купил.

— Да уж какой конь, — говорит барышник — что любо два; — ну покупай, что ли, малой, чтобы в город не ехать — дешево отдам, — всего восемнадцать целковых.

— Нет, говорит Ванька, нам такой конь не годится.

— Отчего же не годится? спросил барышник.

— От того, что батька велел за коня двадцать целковых заплатить.

— Что ты? Что ты? закричал Кириллович, какой же в тебе толк, Ванька? отец велел доброго коня купить, а меньше заплатишь, отец похвалит.

— Да толкуй ты себе — ведь батька-то не свой отец; немного не по нем — больно прибьет.

Между тем барышник смекнул, что Ванька за птица, да и говорить: — да что о том толковать, я не заспорю, я пожалуй и двадцать целковых возьму, а конь стоит этой цены, редкостный конь, пудов тридцать до Москвы не кормя довезет.

А Ванька в ответ: «Нет, и этого мне не придется; батька сказал, купи такого коня, чтобы до города пудов двадцать тащил, а не то, что до Москвы».

Барышник посмотрел на Ваньку, усмехнулся, пристегнул коня и поскакал в город.

А Кириллович Ваньку ругает: — экой ты неразумный! али не можешь в толк взять, что если конь до Москвы, так и до другого города довезет.

А Ванька: — да, толкуй, Кириллович, с батькой не сговоришь; как почнет бить, ты своих боков небось не подставишь.

А Кириллович ему: ах, ты, дурень! дурень! за что отцу бить, если хорошего коня купишь.— Упустил, дурень, упустил. На базаре такого коня не сыщешь.

Ванька и держит ответ: ты что ни толкуй, а я только то знаю, что батька велел мне на базаре за двадцать целковых коня купить, да коня такого, чтобы от нашей деревни до города двадцать пудов тащил. На том Ванька и речь свою ставил, а Кириллович только головою помотывал.

Вот пришли они в город. Кириллович привел Ваньку на базар, а сам пошел по своему делу. — Ванька на базаре и рот разинул, посматривает из стороны в сторону. Вот видит у кабака весельчак, малый такой разбитной, шапка набекрень, россказни рассказывает, а кругом его парни стоять да усмехаются. Ванька подошел к кружку, и больше того рот разинул, слушает; а весельчак— то со стороны на сторону повертывается.

— Что, говорит ребятам, пива выпить что ли, и вам поднести? нет, сегодня я и пить не пью, и подносить не подношу...

— А отчего бы так? — спрашивали ребята.

— А от того, что у меня на то три резона есть: первое то, что я вина в рот не беру; а второе то, что сегодня не такой, — а третье то, что я уж полштофа выпил! а подносить, пожалуй, подносите.

Ребята захохотали, а Ванька-то и того больше рот разинул: что—де такое он говорит?

А тем часом весельчак его заметил, да как вскрикнет: а ты что стоишь, ротозей? чего тебе надобно?

Ванька оторопел, да и говорит, мне батька велел на базаре коня купить...

— А денег много дал?

— Да двадцать целковых!

— Ай да батька! Как такому лихачу не дать двадцать целковых. Хочешь я тебе удружу; пойдем в кабак, у меня там такие кони стоят, что язык проглотишь...

— Нет, говорит Ванька, мне батька велел не в кабак, а на базар коня купить...

Весельчак мигнул товарищам, да и говорит: а по мне, как хочешь — не совать мне тебе коня в горло, да я не только что коней продаю, я и на другие хитрости подымаюсь. Вот видишь, ты на земле грош положи; спиной к нему повернусь, а другой грош чрез голову кину и прямо на тот грош попаду.

— Ой ли? закричал Ванька.

— Давай об заклад о гривне — отвечал весельчак.

А Ванька спрашивает у парня, что стоял возле него, «что такое заклад»?

— А то, отвечает парень, что если он не попадет грош на грош, так тебе заплатит гривну...

— А если попадет?

— Ну, так вестимо, ты заплатишь гривну.

А Ванька в ответ: нет, боюсь, как попадет не равно...

— Где попасть, — говорит парень, держи, вишь он подгулял, даром гривну возьмешь.

Между тем весельчак точит себе лясы, да прикрикивает: — эй, держишь, что ли, молодец!

А Ванька только рот разевает, да дивуется.

Вот весельчак положил грош на землю, повернулся к нему спиной; другой грош через голову кинул — а на грош не попал.

— Ах, оплошал говорит, ну, нечего делать, ротозей выиграл, — вот тебе гривна; я малый честный.

А парни-то вокруг него: — ай да молодец ротозей — гривну выиграл! То-то молодец!

Ванька взял гривну, сам не знает, как она ему досталась, а между тем радехонек, что гривну даром взял.

— Ну, говорит весельчак, осматриваясь, — дай еще счастья попытаю. Слышь ты, ребята, вот у меня мера овса в мешке, так вот слушайте, эту меру овса я в два таких же мешка положу и оба полны будут.

Ваньку раззадорила гривна. Ой-ли вот не положишь! — закричал, он..

— Давай об заклад о целковом, что положу?...

— И оба мешка полны будут?

— Оба мешка полны будут!

— И одной мерой овса?...

— Одной мерой...

Разобрало Ваньку: — эх, ты, думает, куда не шла ... взял гривну даром — хорошо, а как еще целковый возьму — еще лучше будет.

— А весельчак-то к нему: ну держишь, что ли? говори, а не то, прочь поди.

Помялся, помялся Ванька, почесал затылок и выговорил: ну держим-ста!

— Слышали ребята, — сказал весельчак, — ну смотрите ж в оба.

Весельчак взял мешок с овсом, а другой пустой; Ванька подошел поближе, чтобы посмотреть как он одну меру в два мешка насыплет. А весельчак взял мешок с овсом, да и всунул его весь как был в пустой мешок: вот говорить, одна мера овса в двух мешках и оба полны.

— Проиграл ротозей! закричали парни — плати Петрушке целковый.

Ванька туда, сюда, а парни обступили его, смеются, да кричат: — плати, плати! развязывай мошну! бился об заклад, так плати! — вишь-ты, выиграл гривну, так взял; а как проиграл, так на понятный двор.

Нечего было делать. Ванька развязал мошну и сам не свой, вынул из нее целковый, отдал Петрушке, да так и залился слезами. А тем часом парни под руки его подхватили, да и говорят: Пойдем в кабак магарычи запивать.

И увели бы они его в кабак, и остальные бы девятнадцать целковых там бы Ванька убил; да на ту пору, земляк мимо корову гнал; а земляк тот с Ванькою были погодки и звали его Емельяном; малой молодой, да такой расторопной. Увидел он Ваньку у кабака, подошел к нему, дернул его за руку, да как крикнет на парней: — что вы обижаете?

А парни в ответ: — мы не обижаем, а в кабак ведем...

Емельян свое. — Незачем ему в кабак идти. — А тебе-то что, закричал Петрушка.

— А то, отвечал Емельян, что Ванька мой земляк — и нечего ему с вами водиться.

Сказал Емельян, да и выдернул Ваньку из толпы. Парни захохотали, да в кабак побрели.

А Емельян Ваньке:— как ты к таким плутам в руки попал: ведь это знаешь, бражники такие, — что нет хуже их на свете.

Ванька рассказал ему всю свою беду, да и ну вопить, как ему теперь и коня купить, как и к отцу без целкового на глаза показаться.

Емельян был такой жалостливый: — эх, Ванька, полно вопить, хорошо, что ты мне на глаза попался, у меня от доброй покупки деньги остались; я тебя, пожалуй, целковый ссужу, как разбогатеешь, заплатишь.

У Ваньки, как гора с плеч, да какую же ты, отец родной, покупку сделал.

Да вот, говорит, батька посылал корову покупать, да дал двадцать целковых, а я славную коровенку достал за восемнадцать.

— Ну да как же ты Емельян покупал?

— Ну вестимо как, смотрел, да выбирал...

— А меня отец с измаленька учил, о какой причине хорошую скотину узнавать, какое вымя должно быть, какая голова, какие ноги и все прочее.

— А больно отец бивал?

— Ну не без того, когда в малолетках бывал, бывало за шалость и стегнет розгой, да потом, как отдал он меня в школу, выучился я грамоте и стал в разум входить, всякую шалость бросил, хозяйством занимаюсь, да по цифири счеты у отца свожу; с тех пор отец меня хоть бы пальцем.

— Ну да скажи, пожалуй, Емельян, как бы и мне так поступать, чтобы отец меня не бил?

— Старайся, Ванька, отцу угождать, будь ему в доме на пользу, что говорит, слушай, не забывай, умей все приберечь, а ино место и барыш отцу добыть... Однако пора к домам... корову-то не то, что коня-то выбрать...

— Ну, Ванька, отвечал Емельян, одним разом этому не научишь, ты хоть смотри того, чтобы на теле-то у него изъяна не было, пошел бы я с тобой, если бы не коровенка... боюсь запоздать. Видел я там на конце саврасая стояла, кажись добрый конь, — только не рассмотрел я его хорошо: посмотри поближе, может быть и годится....

Емельян погнал корову домой, а Ванька пошел опять на базар, нашел саврасую — глядь, а возле нее стоить знакомый барышник. Узнал он Ваньку. А Ванька ходит вокруг лошадей, да поговаривает: «надобно мне лошадь такую, чтобы на теле изъяна не было». — Вот хозяин саврасой говорит: да чего тебе лучше моей саврасой, славный конь, и недорого возьму, всего восемнадцать целковых.

А барышник шепчет Ваньке: посмотри-ка у нее тело-то с изъяном — ухо распорото.

Ванька посмотрел, в самом деле, у саврасой ухо было с меткой, распорото. — Нет. говорит хозяину, брат, нас не обманешь; батька не велел лошадь с изъяном покупать, а у твоей ухо распорото, — сказал, да и пошел прочь.

А барышник за Ванькой: — хочешь, говорит, я тебе удружу, я тебе такого коня продам, что уж никакого изъяна нет: за полцены из дружбы уступлю; всего двадцать целковых возьму, да еще тебе целковый прикину.

Ванька и рот разинул. Пошел за барышником к тому месту, где его кони стояли. Вывел барышник коня гнедого, да кнутом его подстегивает: — видишь ты, говорит, какой конь, индо на дыбы становится, молодой, добрый конь; смотри-ка что за чернь на зубах, шести лет ему нет, а хвост-то какой, один хвост двух целковых стоит. Уж такого коня на всем базаре не найдешь, хоть до вечера ходи.

Подумал, подумал Ванька, да и хлоп по рукам с барышником, отдал ему двадцать целковых; а тот ему целковый прикинул, да говорит: — видишь ты, как тебя уважаю, а уж и ты меня штофом вина уважь.

Так и сделали. Тем часом подошел Кириллович; Ванька сел на коня, ну его погонять, конь ни с места.

— Ах беда, говорит Кириллович, обманули тебя, конь-то добрый, ленивый. Что ты, отвечает барышник, усмехаясь, какой ленивый! он только эдак, знаешь... на память слаб, забывает, что везти надобно.

— Подай деньги назад! кричит Ванька.

— Что ты, говорит барышник, на дурака, что ли напал? Ты покупал, я продавал. Как продано, так тому и быть.

Тут барышник принялся стегать кнутом коня, сдвинул его с места, поехал Ваня шажком, а Кириллович за ним поплелся; как вышли из города, тут и пошла потеха: конь-то был с норовом: идет, идет, да остановится, хоть ты что хочешь с ним делай, пока не образумится. Уж кое-как добрались до деревни. Как увидел Спиридонович коня, так и всплеснул руками: — что ты его с живодерни что ли привел: да чего ж ты смотрел? ведь этому одру годов, я чай думаю, двадцать с лишком!

— Нет, говорить Ванька, и чернь на зубах...

— Какая тебе чернь, зубы-то выжжены, какая тебе чернь, или не видишь...

— Как зубы выжжены, толкует Ванька, зубы все тут до одного как следует.

Индо заплакал бедный Спиридонович, услыхав такие речи.

А Ванька к Перфильевне, а Перфильевна к Ваньке: — ни в чем бы то тебе, дитятко, таланту нету, говорит. Не доведется тебе никак батьке угодить. То и говорит, то и твердит, что от тебя, родимый, как от козла, ни шерсти, ни молока.

С тех пор и сидел Ванька на печи: жарко станет, на полати перелезет; холодно станет, опять на печь полезет: сидел, да думушку думал...

Вот раз приходит Ванька к Перфильевне: — Правду ты говоришь, матушка, что ни в чем мне таланту нет. Вот Емельян все мне толкует, что должен я отцу угождать, в работе помогать и барыш ему доставлять, а как тут быть? Хорошо Емельяну толковать; он и грамотный, и работу всякую знает, куда хочешь его поверни; а вот у меня бесталантнаго так все из рук валится; а как видишь что ничто не спорится, так тоска возьмет, да сон одолеет, все бы зевал да потягивался, — а меж тем все так и думаю, как бы отцу барыш достать, думал, думал матка, да и выдумал недурное...

— А что такое, дитятко, спросила Перфильевна, скажи-ка?

— Да вот что, матка, вот уж я слышал, что уж нельзя такого барыша достать, как клад сыскать.

— Ах, сокровище мое, да как же клад-то найти? Вот хорошо бы?!

— А вот матка, в городе говорят, что знахарка есть, что клады указывает, сходить посоветоваться, да с пустыми-то руками и не ходи.

— То еще не беда, дитятко, что на деньгу пошла, отвечала Перфильевна.

На другой день раным-ранешенько снарядила она Ваньку в город, и конец холста и ниток моток и полтину денег припасла она ему для знахарки, а чтобы не проголодался хлеба краюху, да соли, да толокна, да ложку с плошкой в кузов Ваньке положила.

Вернулся Ванька из городу, да и говорит: Ну, матка, добрую весточку принес, только не говори пока отцу.

— Вот вспрыснула меня водицей, да и говорить: нет, никакого в тебе таланту нету. Уж пошел ты дурнем, так тебе и век вековать; ни на что ты не годящ, мой родимый, и что тебе не толкуй, все как горох об стену; а клад найдешь, уж это у тебя на роду написано. Вот я ей: — давно уж, бабушка, охота берет, да как его отыскать? а она в ответ: уж об этом не печалься, я помогу. Слушай же, да обеими ушами, ни слова не пророни! Не беда клад найти, а беда белую ворону поймать. Заметь, где, в новолунье и в полнолунье вороны садятся, да кругом того места три раза задом обойди, так белая ворона прямо к тебе в тенета сама прилетит. А ты ее тогда за хвост ухвати и перо у ней из хвоста вытащи, а то перо дивное, куда с ним не пойдешь, везде с собой носи: как почуешь, что перо забьется, так на том месте и копай землю, а уж тут и хватай! так полтинники и рублевики и начнут под руками кататься. Только смотри, того принорови, чтобы к самому новолунью и полнолунью к воронами придти: рано придешь. А уж у тебя на роду написано, чтобы клад найти…

Раз возьми, Ванька, где насажены были овощи, увидал белого голубя, подумал, что это ворона в него обернулась, погнался за ним, от него упало перо, оно закружилось над грядами, он давай все гряды сворачивать. Да и не один раз. И пойдет Ванька в огород, и роет, и роет, словно добрая лошадь, а Соломонида навоз на гряды возить, да всякую овощ садит, а поспеет, в городе продает, да деньги в кубышку кладет, а добрые люди ходят мимо, да приговаривают: — не надобен клад, если у мужа с женою лад!

Вот и сказка, как Ванька—Ротозей жил, да поживал, от чего ему такое прозвище пошло, как он клада искал и как его нашел!

КОТ В САПОГАХ*

Неизвестно, в какой стране, далеко за синим морем, в приморском богатом городе жил знаменитый воевода. Был он любим и уважаем царем; а богатству его и сметы не было.

Все этого боярина боялись и уважали как любимца царя. На кого, бывало, он нахмурит брови, тот не думает живым уж быть.

Жил он довольно долго холостым, и, наконец, ему наскучила до смерти его одинокая роскошная жизнь. Вот и стал он думать, как избегнуть одиночества, и, наконец, решил обзавестись молодой женой. И, разумеется, богатым — не вино курить, не пиво варить, задумано — сделано; и выбрал он себе жену молодую, красавицу, и начал жить с ней припеваючи, грусть кручину забываючи.

На первый год супружества даровал Господь им сына, красавца неописанного: во лбу у него светит красное солнышко, глаза, словно яркие звездочки, а в затылке блестит золотая луна. Воевода с этой радости принялся давать пиры друзьям с раннего утра и до позднего вечера. В его белокаменных палатах ходили чарочки по столикам, и гремела громко музыка, пелись песни все военные.

Новорожденному всякий желал всяких почестей, долгую жизнь, славу громкую, а кто желал ему счастливое супружество. Наконец последний из гостей встал и, подошедши к столу, взял чару с вином и сказал: «пью во здравие хозяина и за здравие всех честных гостей, а на зубок новорожденному я должен правду сказать: зацветет он, точно маков цвет, заблестит, как солнце красное, будет силен и умен, и достигнет в жизни почестей, каких трудно вымолвить словами».

Этому старику отвесили по поклону все гости; а он, вздохнувши, продолжал: «судьба новорожденного будет завидная, славная! его ждут царские чертоги, золотой венец ему готовится; но до тех пор, пока все это сбудется, он должен будет пере-

* Взято из лубочного издания «Русская народная сказка».

нести много горя и несчастия. Не будет жить он в своей родине и помогать отцу в старости; матери родной через него придется много плакать».

Года идут своим порядком, и Иван, боярский сын, стал расти не по дням, а по часам, так что в десять лет от роду он казался двадцатилетним юношею. Лицом он был красавец, словно девушка, а собою прямой богатырь, а звать его стали уже не Ванюшкой, а Иваном Иванычем.

Стал он ходить на царский двор и играть там с другими боярскими детьми; только всем детям его игрушечки казались не по сердцу: кого, бывало, схватит за руку, — у того руки как не было, а кого, бывало, схватит за волосы, у того голова прочь от плеч.

И дошли все эти его шутки и игры до ушей царя. Пришли во дворец к государю все его верные бояре и, упавши в ноги, сказали: ваше царское величество, не велите казнить людей своих, а велите слово молвить: у вас, надежда царь, в государстве есть воевода знатный, сильный и любимец твой; у того же боярина есть сын, красавец неописанный; и повадился этот боярский сын часто жаловать на царский двор, стал заводить там игры детские с нашими детками, которые оказались им не по сердцу: кого ухватит за руку — рука прочь, кого за голову — тоже и голову долой. Просим тебя, великий Государь, повели его совсем выслать из земли своей, а не придется нам самим со своими семействами искать счастия в чужих краях.

Царь, услышав слезные речи своих бояр, рассердился на Иванушку и призывает к себе отца его и дает ему строгое приказание, чтобы он выпроводил своего сына, через три дня, из города; а не то велит казнить его без пощады злою смертию.

Затужил знаменитый боярин и, ударивши челом царю, пошел от него к своей жене и рассказал ей кручину свою, царское приказание насчет единственного детища. Потом они принялись собирать сына своего в дальнюю сторону.

Ваня, видя слезы матери и отца своего, отвечал им с улыбкою: о чем ты, матушка, кручинишься? о чем вы льете слезы горькие? Лучше бросьте свою печаль и тоску и благословите меня в дальний путь, — и ваше родительское благословение меня будет повсюду охранять.

Потом, подошедши к отцу, сказал ему: «родимый батюшка! не горюй, не плачь ты обо мне, а только дай мне коня богатырского, и прощай! я поеду странствовать».

И пошел он на конюшню выбирать себе коня. Ходил он целых два часа по всем конюшням, но не мог нигде добыть коня себе, ни один не годился для него: хоть другой и на вид добрый конь, а погладит его Ваня рукою — конь на колени опускается. Потеряв всякую надежду найти себе по сердцу коня, он пошел в самую последнюю конюшню. Входит тихо, пригорюнившись, и что же видит? — стоит вороной конь на трех цепях прикованный, смирно стоит, и не ест белоярую пшеницу, и не пьет медового пойла. А копыта у коня подбиты крупным жемчугом. Глаза яркие, как звезды, грудь широкая, грива золотистая. Увидавши его, Ванюша закричал могучим голосом: ох ты, мой добрый конь! знать, недаром я столько времени искал тебя! а теперь уж не расстануся!

Конь, услышав голос витязя, ударил копытом о сырую землю и весело потряс гривою, что наконец-то нашел себе достойного хозяина.

Когда оседлали этого вороного коня, подвели к дубовому крыльцу, тогда вышли на крыльцо сам боярин с боярыней, а за ними шел боярский сын, Иван Иванович.

Поклонившись низко отцу с матерью, Иван стал садиться на коня. Боярин с боярыней и все слуги слезно плакали.

— Ты прости, наш ненаглядный сын, когда будешь в далекой стороне, то не забудь отца с матерью и присылай к нам известия о себе. Ну, а теперь с Богом, поезжай. — Тут мать его залилась горькими слезами и, прижав к груди сына своего, тихо промолвила:

— Прощай, сын мой! Прощай, солнце мое красное! может быть, тебя мне не видать больше, — так прими же от меня подарочек и с ним наставление.

Тут она сняла с руки перстень с бриллиантовым камнем и, надевши Ване на руку, сказала:

— Это предиковинный перстень талисман. Он остался мне по случаю и имеет чудную силу: если будет нужда в золоте, то нужно переменить его с руки на руку, и богатство польется ре-

кой; а если встретишься со злым врагом, то, снявши с пальца, перекинь его с руки на руку, и появится огромное войско; а если ты захочешь почестей, то потри им рука об руку, и твое желание исполнится. Только опасайся одного, сын мой, чтобы перстня твоего не увидели очи красной девицы. Береги его, как глаз во лбу, от волшебных глаз красавицы; а не то лишишься перстня ты, а с ним вместе потеряешь и свое счастие, и погибнешь, как цветок зимой.

Получив этот перстень, Ваня надел его на руку, вскочил на коня, свистнул громким посвистом, и поехал с широкого двора.

Сказка льется, как река течет, время мчится быстро, да не как река; едет Ваня день, едет два; едет месяц и более. Проехал он полгода, и все держит путь-дорожку в одну сторону. Но едет он по такой дороге, где не пролетала птица быстрая, зверь хищный не прорыскивал.

В один день, когда уже красное солнышко закатилось за дремучий лес, Иван подъехал к темному лесу, за которым виднелась гладкая дорога, разделяющаяся на три стороны; посреди стоял высокий столб, на котором было написано: «кто поедет в правую сторону, тот погибнет злою смертию, а кто поедет налево, жив останется, а конь падет под седоком, кто же прямо поедет — тот и с конем своим пропадет на веки вечные».

Прочитавши эту надпись, витязь повесил свою буйную головушку.

Подумав немного, он сказал сам себе:

— Дай, пущу я ворона коня в чисто поле травки пощипать, а сам пойду пешком по прямой дороге, видно чему быть, того не миновать.

Расседлал он вороного коня и пустил его по лугу; потом вырезал себе дубиночки и идет лесом, подпирается; между тем солнце закатилось совсем, наступила темная ночь, месяц покрыт был тучею.

Идет витязь все дальше и дальше, никуда не сворачивая, — видит, темный лес редеть начал; наконец он совершенно вышел из этого леса и очутился на широкой поляне, по которой текла быстрая река, и по реке несется лодочка без весел и без паруса, словно кормчим управляется.

Ваня лодочкой этой стоит да любуется. Вдруг эта лодочка сама подплыла к берегу и остановилась. Немного подумав, Ваня, боярский сын, одним прыжком очутился в этой лодочке.

Вот и на небе стало светлее; месяц смотрит из-за облаков и красуется в волнах реки.

А река течет и зыблется, и сверкает на лунном блеске золотистыми струйками. По зыбким волнам реки быстро несется лодочка, а на ее дне уже спит крепко Иванушка, и сладко так во сне он улыбается. Шепчет он какие-то невнятные слова, должно полагать, какие-нибудь чудные видения беззаботного убаюкивают.

А кругом лодочки играют и плескаются в волнах реки красны девицы, красавицы собой: волоса у них зеленые. И поют эти девицы песни, и так проворно ныряют, словно рыбочки, а под их унылую песенку плывет лодочка еще поспешнее. Проснулся наконец Иван, и робко начал озираться вокруг. Ему послышался из ближайшей рощи громкий рокот соловья, песнь глубокая и веселая, только на душе у молодца мрачно, словно ноченька туманная.

Отчего же так грустен витязь наш? или витязю сон привиделся зловещий и диковинный? Нет, не сон страшит его, а тоска, кручина лютая гложет сердце богатырское: перстень его, драгоценный подарок матери, неизвестно куда исчез из руки. Вот о чем сидит да думает наш молодец, он вспомнил завет матери, чтобы беречь перстень, как глаз во лбу. Долго думал добрый молодец, да знать, думой не помочь беде.

Он отер слезу горячую и думать стал уже не о перстне своем, а о том, куда приклонить свою буйную головушку. Вот вышел он из лодки вон и побрел берегом быстрой реки.. Вот идет он версту, другую, и третью, все одной и той же дорожкою. И вдруг видит: перед ним широкая равнина, по этой равнине течет быстрая река и на бережку стоит избушечка на куриных ножках; к ней-то витязь и направил путь.

Подошел к этой избушке молодец, крикнул громким голосом: повернись, изба, к реке задом, ко мне передом!

И избушка повернулась к Ване передом; а Иван, схватившись за скобу, отворяет дверь тесовую.

Вот и входит он в избушку, смотрит — хижина немудрая, под окном стоит скамейка дубовая, с нею рядом стоит бранный стол. Баба-Яга стоит посреди избы и варит над жаровнею какое-то заморское зелье. У Бабы-Яги глаза горят, как раскаленные угли. Нос у Бабы-Яги, словно у ястреба, голова, словно пивной котел, а из-под черного кокошника торчат клочьями седые волосы, а летам этой колдуньи и счету нет. Она шепчет какие-то чудные заморские слова над зельем, и сильно клокочет это снадобье; а на шестке сидит сибирский кот и любуется хозяйкою. Этот кот был диковинный, совершенно не похожий на обычных котов.

Как только вошел молодец, Яга-Баба оглянулась и, топнув ногою об пол, закричала громким голосом: «я живу здесь два века с половиною, и не видела здесь ни единой живой души, ни один человек сюда следа не прокладывал, ни одна птица не пролетывала, и зверь хищный не прорыскивал. Не слыхать, зачем ты сюда, добрый молодец, пожаловал! или жизнь тебе наскучила?

Иван, услыхав такие грозные речи, подбоченился и бесстрашно ответил ей: «не сердись, хрычовка старая! не тебе хитрить над молодцем! лучше скажи мне в привет слово ласковое, да пониже гостю кланяйся, да за стол сперва посади меня! накорми, напой меня, а потом уже спать укладывай; когда высплюсь, тогда спрашивай: зачем молодец пожаловал?» Яга-Баба видит, что этот молодец не трусливого десятка, живо посадила его за дубовый стол и принесла всяких заморских кушаньев, всяких вин и крепкого меду, на закуску ж дорогих сластей.

Сел Иван за дубовый стол, стал закусывать и кушанья запивать винцом. Баба-Яга за столом стоит и все потчует незваного дорогого гостя. Потом, когда он наелся, она постелила ему пуховую постель и уложила спать.

Едва он успел уснуть, как начал в просонках бредить и несвязно говорить о злой красавице, которая живет в хрустальном тереме под водой, на самом дне реки; как она ласкала его, как просила перстень, и как, наконец, подарил его ей.

Все рассказал нескромный молодец. А сам еще не просыпается.

Спит он целые сутки, спит другие, и наконец третьи и более. А Баба-Яга все сидит, да ждет, вот проснется добрый молодец, а он себе и не думает; наконец, она начала будить его, и когда разбудила, то сказала: «Ах ты, боярский сын Иванушка! спишь ты крепко, богатырским сном, и забыл свою кручину, позабыл наказ родной матери — беречь перстень, словно глаз во лбу, от волшебных глаз красавицы; ты за блеск ее ясных глаз отдал перстень, променял благословение!»

— Не садится бы тебе, молодцу, в заколдованную лодочку, а коль сел, то не ложиться б в ней и не спать бы, как дома в своем тереме!»

Услыша это, боярский сын залился горькими слезами и не взвидел света Божьего. Баба-Яга, видя его горькую печаль, сжалилась над ним и сказала:

— Брось кручину, — не пригоже доброму молодцу, словно девушке, плакать! Беда велика — не спорю я, да в кручине все-таки помогу тебе!

Ты воротишь чудный перстень свой и этим перстнем спасешь красавицу, свою будущую жену, которая спала в хрустальном тереме; та девица дочь царя, унесена злым волшебником, и она теперь очарована, десять лет спит непробудным сном. Тот же злой волшебник и перстень твой украл с руки в то время, когда ты в утлой лодочке спал крепким сном. Знаю я того волшебника, мы живем с ним по соседству — я в избушке, а он на дне реки, и от всех своих приятелей он зовется сердитым водяным дедушкой.

Ты теперь, Иванушка, не теряй попусту время, — время дорого. Ступай, родной, выручать кольцо заветное, а с кольцом и красавицу. Дам я тебе в провожатые сибирского кота, он покажет тебе к нему дорогу и сослужит верную службу, коли будешь его слушаться.

Окончивши речь, Баба-Яга дала знать коту сибирскому, — тот и вскочил, как встрепанный, и нырнул под печку, достал оттуда сапоги, да престрашенные, должно быть, на заказ были сделаны. Кот обулся в них очень скоро, и стал щеголем диковинным.

Потом он взял дубинку, положил ее на плечо и встал у двери, как слуга, дожидаясь Ивана.

Витязь встал и в путь сряжается, сказав спасибо Бабе-Яге за угощение, отправляется с своим неизменным верным спутником, серым котом. Баба-Яга провожает ласковыми словами:

— Прощай, молодец! Когда кончишь дело счастливо — не забудь и моей убогой хижины, заезжай ко мне с красавицей, выпить чарку водочки, закусить заморских кушаний.

Идут путники удалые, кот сибирский, да Иван, боярский сын; прошли версту, другую, на поляне очутились, по этой поляне река течет, по волнам несется лодочка, и без весел, и без паруса, словно кормчим управляется.

Сели наши путники у берега этой реки и отдыхают. День уже клонился у вечеру. И серый кот начал говорить Ивану человеческим голосом: «слушай, боярский сын, с тобой я послан для услуги тебе, и я буду тебе служить верой и правдой, только ты меня во всем слушайся: не садись ты в эту лодочку, а не то заснешь на веки вечные, а давай-ка мы затянем песенку, и за дело смело примемся, — из песку давай веревки вить. Об работе нашей сведает сам нечистый, старый дедушка, и вышлет к нам чертенка, спросить: «что, ребята, строите?» — ты скажи ему тогда в ответ: «из песку, дескать, веревки вьем». Он опять задаст вопрос: «на что вам их?» Ты ему опять скажи: «веревками этими мы сведем берег с берегом, всю до капли реку высушим и чертей с дедушкой всех со дна выживем».

Как сказал кот, так и поступили: уселись, запели песенку и начали веревку вить.

Едва они успели хорошенько приняться за дело, глядь — выходит из реки диковинный зверек. Ростом маленький, горбатенький, с предлинным хвостом и с рожками. Подошел он к витязю, глядит и удивляется на работу небывалую. Помолчав немного, он спросил: «что вы, ребята, строите? Меня из воды послал дедушка спросить вас об этом». Иван отвечал ему: из песка веревки вьем, а когда навьем, то притащим берег к берегу, а реку высушим до капли всю, и всех бесов со старым дедушкой вон отсюда выживем».

Услыхавши это, бесенок испугался не на шутку и, поклонившись низко Ивану, покорно отвечал ему:

— Погодите, не губите нас, почтенные! дайте сбегать мне к дедушке и рассказать ему о вашем намерении; и коли хочет

он цел быть, то чтобы давал богатый выкуп: золота, серебра и жемчугу.

Услыхавши это, сибирский кот сказал ему: «не нужно нам твоего богатого выкупа, а поди, скажи дедушке, коли он хочет невредимым быть, то пусть отдаст перстень витязю, который он обманом снял с руки злыми девками русалками.

Выслушав это, посланный бесенок нырнул в реку, и след простыл. А кот начал говорить Ивану, боярскому сыну: дело начали мы хорошо, надо теперь кончить поумней: как только бесенок скажет деду, какой мы выкуп с него требуем, то дедушка порядком испугается, но все-таки не согласится он выдать перстень твой, а пришлет другого внучка к нам, только поудалее этого: и он начнет требовать, чтобы ты бежал с ним взапуски; если ты его перегонишь, тогда перстень выдадут, а если нет, то будет нам худо. А ты вот что, добрый молодец, не берись бежать с ним взапуски, а скажи только ему с улыбкою: «где тебе гоняться за мной! у меня есть меньшой братишка; и посмотреть-то на него, так срам людской, а и тот перегонит тебя, как пить дать».

— Ну, ладно, — молвил Иван, — а где же нам взять меньшого братишку?

— Это уж не твое дело, я все улажу.

Как сказал кот, так и случилось.

Вынырнул из синих волн бесенок, на вид уродливее первого, и, ударивши челом о землю, начал говорить: «Водяной сердитый дедушка выслал меня спросить: если желаешь получить кольцо, то давай сначала бегать взапуски; если ты меня перегонишь — перстень выдадим; если нет — то не прогневайся, будешь век ловить ершей на обед да на ужин дедушке».

Выслушав эти речи, Иван отвечал ему: ах ты, плохой бегун! где тебе тягаться со мной! У меня меньшой братишка есть, так и тот обгонит десять раз тебя!

— Ну ладно, давай посмотрим его удаль! — сказал бес, а Ивану то и на руку. Он мигнул коту сибирскому и сказал: поди-ка, сведи его к моему меньшему брату.

Тот махнул лапкой беменку, сам направился к лесу, где лежал под кустом заяц; подошедши к нему поближе, кот велел бегуну

готовиться, а сам, припавши к земле, что есть мочи прыгнул к кусту и ударил зайца по уху лапкой. Тот вскочил, как встрепанный, оглянулся кругом и, увидя кота с бесенком, пустился со всех ног бежать, кК стрела из лука, что ни прыжок, то целых пять аршин; ни кусты, ни кочки, ни пригорки — все нипочем ему. Дедов посланный за ним бежит из всей мочи, задыхается, и кричит ему: постой, сосед! давай поравняемся, — ты бежишь не по правилу! Зайцу нет дела до правила и равняться ему некогда, знай летит, как калена стрела, а через полчаса совершенно след простыл.

Потерявши из виду зайца, бесенок остановился, и едва дыша от усталости, поплелся назад, как несолоно хлебал; потом сказал коту сибирскому: я до сей поры слыл первым бегуном в свете, но теперь ваш мальчишка осрамил меня, и не знаю я, как теперь глаза показать дедушке. Видно, делать нечего — пойду просить его, чтобы он сдержал обещание и отдал бы кольцо ваше.

С этими словами бес нырнул в воду.

— Дело идет хорошо, — сказал кот, надо кончить поразумнее. Слушай теперь: как бесенок скажет дедушке, что мальчишка его обогнал, то не на шутку дед рассердится, но не тотчас согласится отдать кольцо, а пришлет нам другого внучка, похитрее первых. И начнет этот внучек требовать, чтобы ты поборолся с ним. Но ты не берись бороться с ним, а скажи ему с усмешкою: не тебе, дескать, плохой силач, со мной силу свою пробовать; а у меня есть старый дед, что летам его счету нет, так и тот тебя отпотчует так, что кости затрещат.

Иван, выслушав это, спросил: а где же нам взять старого дедушку?

— Это не твоя беда — я все мастерски улажу.

Через четверть часа вынырнул из воды бес, ростом сажень целая, в плечах два аршина, хвост длинный, с колокольчиком, а рога, словно у буйвола.

Вот подходит он к Ивану и, ударивши челом, человечьим молвил голосом: если хочешь получить кольцо, то прими мое условие: давай с тобой поборемся: коль поборешь, то и перстень отдам, если же нет — будешь лапти плесть на всех чертей, да сапожки шить на дедушку.

Выслушав это, Иван, боярский сын, отвечал ему с улыбкою: «где тебе, плохой силач, со мной силой своей мериться! У меня есть старый дед, уж летам его счету нет, а и тот тебя отпотчует так, что кости затрещат»...

— Ладно, ладно, — отвечал бес, — мы посмотрим его удали, подавай его сюда. — А Ивану то и на руку; он мигнул коту сибирскому: покажи-ка ему дедушку! Кот привстал, и подал бесу знак лапкою, чтобы тот следовал за ним, а сам пошел к лесу.

Пришли они в самую чащу леса, где стоял огромный столетний дуб, а под этим дубом была медвежья берлога. медведь издали еще заметил приближающихся путников и привстал на задние лапы. Кот велел силачу готовиться, а сам прыгнул на зеленый дуб. Медведь медленно подошел к бесу и, обняв его по-своему, стал повертывать во все стороны; и напрасно бес кричал, ругал его, что он дерется не как боец, и чтобы дал ему поправиться; но медведю дела нет до правила, знай ломает беса сильного. Наконец уж бесу невтерпеж стало бороться, и кричать уж перестал он совсем! а через полчаса чуть живой он под кустом лежал.

Кот спрыгнул с дуба и, подошедши к нему, поднял его с земли и повел его к реке. А он и говорит ему со слезами: я до сих пор славился силачом; но сегодня ваш старый дедушка изломал меня совсем; я теперь не знаю, как и глаза показать своему деду. Буду просить его, чтобы отдал он кольцо заветное.

И с этими словами бес нырнул на дно реки. Кот же, возвратившись к витязю, сказал ему: дело наше идет к концу, надо кончить поразумнее. Ну, да это теперь не твоя беда! Водяной дедушка теперь выйдет сам и твой перстень сюда внесет; отдаст тебе его, и начнет просить, чтобы ты не гнал его со дня реки, и не требовал красавицы! но ты молчи, а я сам буду отвечать ему.

Едва успел кот сказать это, как река заволновалась, и из середины бурунных волн показалось чудовище: борода седая до пояса, голова, словно пивной котел, а глаза горят, как уголья.

Вышедши на берег, он отдал Ване талисман и начал говорить ему с почтением: «честь и слава тебе, молодец! твою волю мы исполнили, не грубили твоей милости, так и ты нас оставь в по-

кое; поезжай в свое отечество, там отец и мать слезы горькие льют по тебе; а отец дозволения опять у царя выпросил, чтобы жить тебе вместе с ним. Когда возвратишься к отцу своему, то выберешь там себе красавицу из тысячи и заживешь ты словно сыр в масле. Позабудешь ты тогда свое горюшко, только теперь ты не трогай меня и не спрашивай красной девицы, которая спала в хрустальном тереме!»

Услыхавши эти слова, серый кот прервал его, говоря: «мой боярин приказал тебе такой ответ держать: если хочешь жить на дне реки, так отдай нам красну девицу, а не то мы не перестанем веревки вить, и тогда вам всем живым не быть».

Водяной дедушка рассердился не на шутку, и, ударившись о сырую землю, превратился в лютого тигра, и подбежал он к Ивану; а тот побледнел весь, словно лист дрожит, да серый кот-то не промах был, он тоже ударился о сырую землю и, сделавшись львом, бросился на тигра лютого. Тигр на льва стремглав бросается, расправляет когти острые; а лев трясет сердито гривою и впивается в противника. Заструилась кровь из ран их, затрещали кости крепкие, а окрестности огласились страшным и жалостным ревом. Долго бой этот продолжался с равной силой. Наконец, тигр не вытерпел и стал просить пощады, но лев, не внимая ничему, знай крушит его без устали. Тут тигр поднялся на хитрости, и ударившись опять о землю лбом, сделался маленькой мышкою и бросился со всех ног к реке. Но не плох был и косматый лев, не пожалел он и лба широкого, и, ударившись о землю лбом, стал по-прежнему котом, и одним прыжком настиг мышонка бедного, ухватил его за шиворот и давай душить…

Долго он душил его, так, что наконец он перестал пищать совсем, и начал молить кота человечьим голосом: «отпусти меня, сибирский кот! так и быть, приму условие, отпущу вам красную девицу».

Но кот продолжал тормошить его и приговаривать: «нет, не пущу тебя до тех пор, пока не скажешь слугам своим, чтобы вывели красавицу».

Тогда мышонок закричал слугам громким голосом: «что ж стоите, дурачье, скоты! аль не видите беды моей? убирайтесь все на дно реки, выводите красну девицу!»

Бесы, услышав приказание своего повелителя, живо бросились на дно реки. Ваня смотрит: по воде несется хрустальный терем, из него выходит на берег красавица, и бросается в объятья доброго молодца. Ваня берет ее за белоснежные руки и смотрит ей в ясные очи, приговаривая: как тебя ли, красная девица, я пригожее не видывал. Полюби меня, красавица! И поедем на лихом коне в мое славное отечество!

Там, в высоком светлом тереме, льет горькие слезы по мне моя матушка и, рыдаючи, говорит, что не видать мне солнца красного! Но ты, моя сиротка одинокая, там найдешь отца и мать себе! а если девичья жизнь тебе наскучила и твое сердце ищет чувства нового, так я подарю тебе колечко обручальное, а с этим и любовь свою.

Девушка улыбнулась на страстные речи молодца и сказала: «я навек твоя, спаситель мой; за тобою я готова всюду следовать; сиротою я только здесь была, но у меня есть тоже отец и мать, не простого, царского рода я, а зовут меня Несмеяною царевною. Наше царство отсюда далеко и отец мой, славный царь Дадон, правит царством уже 40 лет, и теперь он стар и дряхл. Обещаешься ли ты, когда побываешь на родине, ехать в наше царство? И при этом только условии я готова за тобой следовать хоть на край света и принять от тебя кольцо заветное, а с кольцом вместе и любовь твою».

Выслушавши речи красавицы, Ваня дал ей клятву в верности, чтобы вовеки не разлучаться с ней.

— Полно вам разговаривать, — сказал кот, — пора домой идти! И потом, обратившись к дедушке, сказал ему: «тебе, старый дед, витязь жалует прощение и возвращает опять в быструю реку! Убирайся, пока жив еще!..»

Тут наши путники отправились в путь-дороженьку. Идут, меж собой речь ведут сын боярский с красной девицей, про любовь и про замужество, а серый кот улыбается и отпускает прибауточки.

Подошли они к избушечке. Иван не хотел взойти в нее, а спешил с своей красавицей поскорей к отцу и матери; он просил с собою ехать и кота сибирского, говоря: «ты поедешь, серый добрый кот, к моему отцу и матери; заживешь ты там припеваючи и будешь кататься, словно сыр в масле!»

— Благодарю, добрый молодец, на твоем ласковом слове, но ехать к тебе я не могу. Сослужил я тебе службу верную и к Бабе-Яге ворочусь я, а ты поезжай с своей красавицей — путь счастливый вам, голубчики! Когда же будешь жить счастливо, не забудь и нас со старухою, в нашу хижину убогую просим милости на всякий раз!

Сказавши это, серый кот поклонился витязю, потом пустился вдоль леса по извилистой тропиночке; скоро скрылся за деревьями, только слышен был треск валежника.

Между тем боярский сын на своем вороном коне, вместе с красавицей, поехали к нему на родину. Ехали они месяц и два, наконец, проехали и полгода, когда забелелись стены города. Вот подъехали и к городу, им опустили подъемный мост. У палат на крыльце стоят отец с матерью и встречают доброго молодца с красавицей, и ведут их в каменные хоромы свои. Потом их сажают в брачный стол и начинают играть свадьбу. А на свадьбу ту и сам добрый царь со своею свитою пожаловал.

По прошествии месяца, Иван со своею супругою отправились к ее отцу Дадону. И так как царь Дадон был дряхл и стар, то и захотелось ему заживо успокоить свою старость. И он отдал свое царство витязю, а с царством отдал и золотую корону. И стал наш витязь законным царем, и начал править тем государством разумно: суд, расправу и закон давал всем по правилу. И жил он многие лета счастливо и благополучно.

Прижил он с своею царицею ровно двадцать сыновей себе, а при рождении каждого сына задавал пир на целый мир; а на тех пирах всегда государь бывал, песни певал и вино пивал, по усам его текло — в рот ни капли не попадало никогда.

СКАЗКА
о семи Симеонах родных братьях*

В некотором царстве, в некотором государстве жил мужик с своею женою. Они были люди зажиточные и желали иметь детей; но детей у них не было; так они и дожили до старости, и стали просить Бога, чтобы Он послал им сына для подпоры в их старости.

Бог услышал молитву их, и родилось через год у них семь сыновей, которых и назвали всех Симеонами. Они стали расти у них, и старик со старухою любовались своими деточками и, проживши несколько времени, померли, и остались одни Симеоны сиротами; начали работать они в поле, хоть им было по десяти лет, но они работали не хуже тридцатилетнего мужика.

В одно время, когда Симеоны работали на поле, случилось мимо их поля ехать царю Адору, который, увидев работающих на поле, приказал позвать всех к себе, и когда те были призваны, то царь спросил их имена и очень удивился, услышав, что всех их зовут Симеонами и что они все родные братья. Царь Адор приказал взять их в свой дворец; Симеоны тотчас были взяты и отправлены вслед за царем. Когда царь приехал в свой великолепный дворец, то собрал всех министров и других людей, которые служили в думе царской; когда все собрались, то царь Адор сказал им:

— Господа мои министры, дайте мне совет свой, что мне делать с этими мальчиками. Они не имеют ни отца, ни матери, и никаких других родственников; я хочу их сделать такими людьми, чтобы они после меня благодарили, почему и требую у вас совета: в какую науку отдать этих сирот?

Тогда царь Адор замолчал и ждал ответа своих министров.

Министры, посоветовавшись между собою, сказали царю Адору:

— Государь, как уж эти мальчишки на возрасте и могут различить худое от хорошего, то пусть они сами выберут себе, в какое они хотят быть отданы ученье.

* Записано с лубочного издания.

Царь с удовольствием принял совет своих министров и, подозвавши к себе старшего Симеона, спросил его:

— Слушай, друг мой: в какую науку ты хочешь быть отданным?

Симеон, не думавши нимало, отвечал царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю учиться ничему, а если бы вы приказали построить кузницу посреди дворца вашего величества, то сковал бы я вам столб вышиною до неба.

Царь Адор, видя, что Симеон хороший кузнец, сказал ему:

— Ты можешь оставаться при своем ремесле, — и, обращаясь к другому Симеону, спросил его:

— Ну, а ты, мой друг, в какое желаешь идти ученье?

Тогда Симеон отвечал царю Адору:

— Ваше величество, я не желаю идти в ученье, а ежели брат мой скует столб до самого неба, то я могу влезть по этому столбу на самый верх, и увидать, что делается в тридесятом царстве, и могу увидать, что делается во всех государствах, и буду сказывать вам.

Симеон замолчал, а царь сказал ему:

— Ну, я тебя не отдам учиться, потому что ты и так уже ученый человек.

Потом царь спросил третьего Симеона:

— Куда ты, друг мой, и в какое хочешь идти мастерство?

Тогда третий Симеон сказал царю:

— Ваше царское величество, не желаю я ничему учиться, а ежели мне скует большой брат топор, то я в несколько часов сделаю корабль, который будет ходить и по воде, и под водою.

Тогда царь сказал Симеону:

— Мне, друг мой, такие скорые корабельные работники надобны, и поэтому тебя учить ничему не нужно.

Потом царь спросил четвертого Симеона:

— Ну, а ты, друг мой, желаешь чему-нибудь учиться?

— Нет, ваше величество, — отвечал Симеон. — я учиться ничему не желаю, а ежели третий брат мой сделает вам корабль и будет он в море, то я могу опуститься с ним под воду, если это будет нужно.

Царь удивился такому мудрецу и сказал:

— Тебе ни к чему учиться, потому что где бы ты ни учился, и то не выучился бы такой премудрости; поэтому ты можешь остаться при своей учености.

Потом царь спросил пятого Симеона:

— Ну, дружок, братья твои не будут отданы ни в какое ремесло учиться, потому что они и так уже лучше ученого, а ты скажи мне: умеешь ли ты что-нибудь делать?

Тогда Симеон сказал царю:

— Ваше царское величество, если старший брат мой скует мне ружье, то этим ружьем я могу убить на лету птицу, ежели она летит и за сто верст.

Симеон замолчал, а царь сказал ему:

— Ты хороший стрелок, и поэтому тебе учиться ничему не надобно.

Потом царь обратился к шестому Симеону и спросил его:

— Ну, друг мой, ты желаешь ли чему-нибудь учиться?

Тогда Симеон сказал в ответ царю:

— А ежели мой брат будет стрелять птиц, то я могу их на лету подхватывать, не допустивши до земли.

— Ну, Симеон, и ты хороший малый, когда можешь ловить на лету птицу, и поэтому тебе не для чего учиться.

Потом царь спросил последнего Симеона:

— Ну, ты, друг мой, что можешь делать?

Тогда Симеон сказал царю:

— Ваше величество, я хотя не умею ничего делать, но и не желаю ничему учиться, а ежели вам будет угодно послать меня в Кашемирское царство, то я достану там для вас Елену прекрасную, которую вы давно желаете иметь своею женою; только отпустите со мной и всех моих братьев.

Царь, подумавши немного, сказал Симеону:

— Я отпущу с тобою твоих братьев, и ежели ты достанешь мне Елену прекрасную, то я награжу тебя своею казною, а ежели ты не достанешь, то лучше не являйся мне на глаза, а то я прикажу казнить тебя.

Симеон поклонился царю Адору и вышел вон; железный столб был давно уже готов, по которому второй Симеон влез до самой маковки столба, и рассказывал, что делается во всех государствах.

Последний Симеон, пришедши к своим братьям, сказал им, что пора отправляться. Братья скоро собрались в путь, запаслись съестными припасами и другими вещами, необходимыми для дорожных людей, и отправились.

Вот они идут, рассуждают кой о чем и приходят к Синему морю, через которое надобно им переехать; но переехать не на чем. Тогда третий Симеон вынул из-за пояса топор, который сделал ему старший брат, отыскал дерево, и не больше, как через два часа сделал корабль, который был оснащен и нагружен разным товаром. Братья удивились такому чуду, и вслед за третьим Симеоном отправились на корабль, на котором и поплыли.

Младший Симеон нашел на корабле кошку, которую и стал учить плясать и выделывать разные штуки; наконец, они прибыли в то государство, в котором была Елена прекрасная.

Они остановились у пристани, и младший Симеон, взявши свою кошку, вышел на берег и тотчас же отправился ко дворцу, перед окнами которого заставил плясать свою кошку. Кошка плясала и выделывала разные штуки; в это время Елена прекрасная смотрела из окна и видела пляску кошки, которой она еще никогда не видала.

Она велела своим служанкам позвать Симеона во дворец; когда Симеон пришел туда, то царица спросила:

— Послушай, друг мой, так как у нас в государстве нет такого зверька, который у тебя, то я желала бы иметь его, продай мне, пожалуйста, да скажи, как этот зверек называется.

Симеон поклонился царице и сказал, что этот зверек называется кошкою, а ежели ей угодно его иметь, то он подарит его ей.

Прекрасная Елена очень обрадовалась такому подарку и просила Симеона быть при дворце, покуда кошка не привыкнет.

Симеон, поклонившись, сказал:

— Ваше величество, так как на моем корабле нет таких людей, которым бы я мог вверить все, то я и должен быть сам на корабле, а ежели вам угодно будет, то я стану приходить к вам и учить кошку.

Прекрасная Елена, подумавши немного, согласилась, и Симеон стал ходить во дворец каждый день.

В одно время, когда он был во дворце, то сказал царице:

— Ваше величество, не угодно ли вам будет пройтись на мой корабль? Там вы увидите много редкостей, которых нет в вашем государстве; я их достал в Индии.

Царица, подумавши немного, изъявила желание быть на корабле Симеона, и на другой день, взявши с собою несколько прислужниц, отправилась на корабль Симеона.

Младший Симеон встретил царицу на пристани, и когда царица сказала ему, чтобы он показал редкие вещи, как он говорил, тогда Симеон сказал царице:

— Ваше царское величество, войдите на мой корабль и там все увидите; только осмелюсь еще сказать вам, Чтобы прислужницы ваши остались на пристани и не входили на корабль, потому что у меня такие редкости, которых им нельзя видеть.

Елена прекрасная, не подозревая замысла Симеона, приказала девицам, которые ее провожали, остаться на пристани, а сама вошла на корабль.

Симеон, увидя царицу на корабле одну, приказал тотчас поднимать паруса и обрубить канаты, все было сделано в одну минуту, и корабль на всех парусах полетел стрелою.

Царица, видя себя обманутою, тотчас превратилась в лебедя и вспорхнула на воздух; но четвертый Симеон не дремал: он тотчас же выстрелил из ружья, и лебедь, заколебавшись в воздухе, готова была упасть в море, но пятый Симеон, не допустивши ее до этого, схватил на воздухе и перенес на корабль, где она тотчас превратилась в Елену прекрасную.

Все сделалось благополучно, и братья плывут близ своего царства, как вдруг второй Симеон увидал с мачты, что за ними ужасная погоня. Он тотчас слез с мачты и объявил о несчастии; братья перепугались, и не знали, что делать, но шестой брат бросился в море, схватил кораблю за нос и с ним погрузился в воду, и таким образом увел свой корабль от преследования и благополучно довел до своего царства.

Царь Адор, услышавши, что пришел корабль, приказал позвать к себе Симеонов, и когда те явились, то царь спросил их, достали ли они Елену прекрасную.

Тогда младший Симеон отвечал царю:

— Ваше величество, мы привезли Елену прекрасную, и она теперь на корабле.

Царь Адор тотчас же приказал подать себе карету и поехал к кораблю. Когда царь пришел на корабль, то царица сказала ему:

— Царь Адор, когда ты умел перехитрить меня, то тебе владеть мною.

Адор, услыша эти слова, был несказанно рад и пригласил Елену прекрасную в свой дворец. Царица тотчас согласилась и села с царем в карете.

По приезде во дворец царь Адор сделал пир, который продолжался три дня; наконец, по прошествии нескольких дней, царь пришел е Елене прекрасной и сказал ей, что так как она была согласна отдать ему руку, то он желает, не откладывая, обвенчаться завтрашний день.

Елена прекрасная, выслушав слова царя, сказала ему в ответ:

— Царь Адор, ежели ты хочешь иметь меня своею женою, то прикажи достать из моего царства мою карету и лошадей; когда это все будет у меня, тогда я согласна буду идти под венец.

Царь, выслушав до конца речи царицы, распростился с нею и пошел в свой покой; придя туда, он тотчас же приказал позвать младшего Симеона и объявил ему свою волю.

Симеон, выслушавши повеление царя, отвечал ему:

— Ваше царское величество, повеление ваше я исполню в точности, только дайте мне сроку на десять дней и лучшего коня из вашей конюшни.

Царь тотчас же приказал Симеону идти выбирать себе коня и, дав ему денег на дорогу, назвал молодцом.

Симеон вышел из дворца, пошел в конюшни царские, выбрал себе лучшего коня, простился с братьями и отправился в дорогу.

Долго ли, мало ли прошло времени в дороге, я не знаю об этом. Наконец, Симеон приехал в царство Елены прекрасной

и остановился в доме одной старухи, переночевал у нее ночь, а на другой день, накупивши разных мелких колец, серег, перстней, булавочек и прочих вещей, отправился торговать.

Придя на царский двор, стал их продавать кучерам и лакеям, и продал весь свой товар; на другой день он опять пришел к ним с этим же товаром, и так Симеон ходил к ним четыре дня; в это время он успел коротко познакомиться, и узнать, где та конюшня, в которой находится карета и лошади Елены прекрасной.

Наконец, на пятый день вечером он пришел к ним и принес с собою вина. Тотчас же началась попойка, бутылка за бутылкою являлись на стол, и через несколько часов все лежали, кто на полу, кто на скамейке; только один Симеон сидел за столом, и, видя своих собеседников спящими, он тотчас же отправился шарить их карманы и нашел в кармане конюха ключи от конюшни. Найдя ключи, Симеон тотчас же вышел на двор и, пришедши в конюшню, отворил ее ключом, вывел лошадей, запряг в карету и поехал со двора. Как только он выехал, то тотчас же пустил лошадей во всю мочь. Лошади взвились и полетели стрелою, и таким образом Симеон приехал в свое царство благополучно, тотчас же явился во дворец и объявил царю Адору, что он исполнил в точности его повеление. Царь Адор благодарил Симеона и, наделив его и братьев своею казною, отпустил от себя, а сам на другой же день обвенчался с Еленой прекрасною и стал жить счастливо.

СКАЗКА
о трех королевичах

В некотором царстве, в некотором государстве был король, а у этого короля было три сына: первый назывался Василий королевич, другой Феодор королевич, а третий Иван королевич. И как уже все три королевича были в совершенном возрасте, а отец их был в весьма старых летах, то в один день призвал к себе своих детей и сталь им говорить: «любезные мои дети, вы

видите, что я весьма стар, то, любя меня, сделайте удовольствие. Я слышал, что есть за тридевять земель, в тридесятом царстве в Подсолнечном государстве живая и мертвая вода, притом же есть в саду яблоня, на которой растут такие яблоки, от которых можно и старому сделаться молодым. Дети, выслушав от отца своего такую просьбу, стали думать, кому из них прежде ехать. Тогда старший брат, который назывался Василий королевич, говорил своему отцу: милостивый государь, батюшка, позвольте мне прежде начать сие путешествие. Отец позволил ему сие с великою радостию. После чего приказал оседлать себе королевич лучшего коня и взял с собою довольное число денег и на другой день отправился в путь. И ехавши долгое время путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец, приметя, что дорога та кончилась, по которой он ехал, а в правой стороне увидал маленькую тропинку, то принужден был по ней ехать: ехавши долгое время, не видал ни одного человека, у которого бы мог спросить про то государство, в которое он ехал. Наконец, увидев впереди себя такие горы, пропасти и леса непроходимые, что весьма изумился и не знал что делать: ехать ли ему далее, или возвратиться назад, и как опасался более того, чтоб не потерять дороги, то и решился ехать назад к своему отцу и сказать, что нет такого государства нигде. В сих мыслях возвратился в свое государство и приехал во дворец к своему родителю; и как скоро услышал король о возвращении своего старшего сына, то, забыв свою старость, встретил его в комнатах с великого радостию, и думал, что уже верно привез он все то, зачем он ездил; но сын его подошел и сказал: милостивый государь мой, батюшка! Езда моя не принесет вам никакого удовольствия, потому что, хотя я и прилагал крайнее старание, чтобы найти то государство, в котором находится живая вода и мертвая, и моложавые яблоки, но, однако, нигде найти не мог. Король, услыша такую печальную для него весть, погрузился в отчаяние и не выходил из своих комнат, что видя другой сын, который назывался Феодором, вздумал попробовать своего счастия, и, пришедши к своему отцу, сказал: милостивый государь мой, батюшка! позвольте мне съездить в тот же путь,

куда ездил старший мой брат; может быть, я буду счастливее его и привезу вам то, чего вы столь нетерпеливо желаете. Король, видя усердность своего сына, с великой радостию позволил ему ехать, и как скоро королевич вышел из покоев своего отца, то и приказал оседлать себе лучшего коня, и, взяв с собою довольно денег, поехал вон из государства; но по случаю наехал на ту же дорогу, по которой ездил брат его; следовательно приехал к тем же опасностям; но как и он опасался, чтобы не потерять дороги, то возвратился обратно в свое государство и уверил своею отца, что подлинно нет такого государства. Король, услыша от другого сына своего такую печальную весть, отдался совсем отчаянию, и не выходил из своих покоев. Подданные, видя короля своего столь печального, весьма сожалели, а меньшой сын его, Иван королевич, принимал участие в отцовской печали. Наконец, побуждаем будучи усердностию к своему отцу, вознамерился ехать в тот же путь, куда ездили его братья; в сем намерении пошел к своему отцу и начал говорить: милостивый государь мой батюшка, позвольте мне съездить увериться, что подлинно ли нет государства такого, как уверяют вас мои братья. Король, видя любезного сына, толико принимающего участие в его печали, говорил ему: любезнейший мой сын, ты еще млад и не можешь снести такого трудного пути; но будучи убежден неотступною просьбою своего сына, наконец отпустил его, и Иван королевич как скоро получил себе от отца своего дозволение, то и приказал оседлать себе доброго коня, и взяв с собою довольное число денег, отправился в путь. Но он совсем поехал не по той дороге, по которой ехали ею братья, и таким образом ехал он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается; наконец приехал он в некоторую весьма чистую и ровную долину. Посредине той долины увидел он избушку па куриных ножках, сама повертывается; то как он подъехал к этой избушке, и сказал: избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом, после сих слов избушка остановилась, а Иван королевич слез со своего коня и привязал его, а сам взошел в эту избушку, и увидал в ней сидящую бабу-Ягу, спрашивающую у него сердитым голосом: доселева Русского духу слухом не слыхивано и видом

не видывано, а нонича Русский дух в очах проявляется. Что ты, волею или неволею? Иван королевич отвечал, что сколько неволею, а вдвое того своею охотою; потом рассказал ей, куда он ехал; и как скоро услышала баба-Яга от него, то сказала ему: жаль, что я не могу тебе сказать, однако побудь здесь до завтрашнего дня, а завтрашний день я переменю твоего коня, ибо он очень устал. Итак он препроводил весь день у нее; а на другой день, как скоро Иван королевич встал, баба-Яга повела его в свою конюшню и показала ему коня, велела его оседлать, и сказала: поезжай, королевич, прямо, там увидишь ты такую же избушку, как и моя, в ней живет сестра моя, и ты скажи ей, что я тебя к ней послала: и ежели она знает, то, верно, скажет, как тебе получить живую волу и мертвую, а в благодарность мне, королевич, как получишь и пойдешь обратно назад, отдай мне в целости моего коня. Иван королевич обещался все исполнить и, благодаря ее за наставление, поехал в путь, и ехавши долгое время, наконец приехал он, как ему сказывала баба-Яга, к той же избушке, которая так же повертывалось; а Иван королевич сказал те же слова: избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом — избушка остановилась. Иван королевич слез с своего коня и привязал его, а сам взошел в избушку, и в ней увидел такую же бабу-Ягу, которая спросила у него: что ты, королевич?, волею или неволею и зачем едешь? Иван королевич отвечал, что сколько неволею, я вдвое того своею охотою, и сказал ей, куда и зачем он едет, притом сказал, что сестра ее прислала к ней и просила чтоб дала ему наставления, как достать то, за чем он ехал. Баба-Яга, выслушав, сказала ему: жаль мне, королевич, что я тебя не могу уведомить: однако останься ты у меня до завтрашнего дня; я дам некоторое наставление, а притом и переменю твоего коня. И так королевич пробыл весь день тот у бабы-Яги, а на другой день, как скоро Иван королевич встал, то баба-Яга повела его в конюшню, показала ему коня, и приказала ему оседлать, а потом сказала: поезжай ты прямо по этой дороге, там увидишь ты такую же избушку, как и моя. В ней живет сестра наша, и ты скажи ей, что я тебя послала, и она верно тебе скажет о том, что ты ищешь, притом же приказывала ему, чтобы он, когда пойдет назад, то

чтоб привел ее коня в целости. Королевич обещался сие исполнить и, поблагодаря ее за наставление, поехал в свой путь и ехал долгое время. Наконец увидел он такую же избушку, стоящую на куриных ножках, сама повертывается. Королевич проговорил такие ж слова, как и прежде, и избушка остановилась, а королевич слез с своего коня и взошел в избушку, в которой увидал сидящую бабу-Ягу, и спрашивающую у него весьма сердитым голосом: доселева Русского духа слухом не слыхивано, и видом не видывано, а нонче Русский дух в очах проявляется, что ты королевич, волею или неволею! Тотчас ответствовал Иван королевич, что сколько неволею, но вдвое того своею охотою; потом рассказал ей за чем он едет, и что прислали сестры ее к ней, чтоб она дала ему наставления. Баба Яга, выслушав от королевича все то, переменя свой сердитый вид на ласковый, сказала ему, что она с великою охотою о всем его уведомит; только просила, чтоб он препроводил весь тот день у нее. Королевич принужден был на сие согласиться, а на другой день повела его баба-Яга в свою конюшню и сказала; вот тебе конь, поезжай на нем, своего оставь у меня; потом сказала ему, что дорога, сия проведет прямо к тому государству, в котором есть живая и мертвая вода, также и моложавые яблоки, и тебе никак более нельзя проехать, как ночью, — то и надобно, чтоб ты перескочил прямо через городскую стену, хотя она и покажется тебе очень высока; но однако конь этот перескочит; и как скоро ты будешь в городе, то поезжай прямо к садовым воротам, и в саду увидишь ты ту яблоню, на которой растут моложавые яблоки, и подле этой яблони увидишь ты два колодца, в которых живая и мертвая вода; и когда ты все это получишь, то не медли возвратиться из саду, и как поедешь опять через городскую стену, то как можно берегись, чтоб конь твой не зацепил ни за одну струну, которые приведены к той стене. Ибо как скоро ты хотя бы за одну тронешься, то во всем городе сделается колокольный звон и барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрельба, от сего и встревожится весь город, и тогда уже нельзя никак тебе будет уехать. Королевич, благодаря ее за наставления, обещался все исполнить и поехал в путь; и ехал долгое время, наконец, приехал в ночь к тому государ-

ству. И так, не останавливаясь перескочил чрез городскую стену, и поехал прямо в сад, и приехавши к садовым воротам, увидел столб, в котором ввернуто было два кольца: одно золотое, а другое серебряное; а он не знал к которому кольцу привязать своего коня; однако продел узду в оба кольца; а сам пошел в сад. Ему не трудно было сыскать ту яблоню, на которой росли моложавые яблоки, потому что она отличалась от всех своими яблоками, и как скоро нашел он ту яблоню, то нарвал довольно яблоков: увидел те колодцы, в которых была живая вода и мертвая, тогда, налив в стклянки той воды, пошел вон из сада и пришел к тому столбу, где привязан был его конь. Иван королевич, отвязав своего коня, поехал из города, и как стал перескакивать городскую стену, то никак не мог уберечься, чтоб конь его не зацепил за те струны, которые протянуты были к стене, отчего и сделался в городе колокольный звон, барабанный бой, пушечная пальба и веретенная стрельба; и как скоро услышали в городе, то все встревожились, почему и догадалась Царь-девица, что хранящиеся в саду ее драгоценности похищены; тотчас приказала оседлать своего коня; а как скоро оседлали и привели, то Царь-Девица немедля погналась за королевичем; а он в то время был уже у первой бабы-Яги, которой рассказал, каким образом он достал все то за чем ехал; и как скоро сказал, что он, ехавши назад, зацепил за те означенные струны, то баба-Яга не медливши вывела ему того коня, на котором он прежде к ней приехал и сказала: поезжай королевич, как можно скорее, потому что Царь-Девица сама за тобой в погонь едет, после чего Иван королевич поскакал к другой бабе Яге; а Царь-Девица вскоре после его приехала к первой, у которой Иван королевич переменял своего коня; спрашивала у нее: не видала ли какого проезжающего или проходящего человека? На что баба Яга отвечала, что не видала; при том спросила ее учтиво, чтоб от такого дальнего и трудного пути успокоилась, также уверяла Царь-Девицу, что верно она догонит. Царевна склонилась на ее просьбу и препроводила весь тот день; а на другой день поехала опять за королевичем в погоню; а он был уже у другой бабы Яги, у которой переменив своего коня, поехал весьма поспешно к третьей; а Царь-Девица приехала к другой бабе-Яге и спра-

шивала, что не видала ли она кого проезжающего: на что баба Яга отвечала ей, что никого не видала и просила ее также с учтивостью, чтоб от такого пути успокоилась. Царевна, склонясь на ее просьбу, отдыхала весь тот день у нее, а на другой день поехала за королевичем; но как Иван королевич не имел отдохновения, то уже был у последней бабы-Яги, у которой переменил коня и, поблагодаря ее за вспомоществование, поехал поспешно в свое государство. А как приехала после сего Царь-Девица к третьей бабе-Яге и спрашивала о нем, то она сказала, что никого не видала, и просила ее с учтивостью, чтоб успокоилась от такого пути. Царь-Девица, склонясь на ее просьбу, препроводила весь день; а на другой день поехала опять в погоню, но, однако, уже королевич был близь своего государства. И как приехал на свою границу, то Царь-Девица, остановясь, сказала: счастлив ты, королевич, что не попал в мои руки; однако будь уверен, что я к тебе в гости буду. Королевич, услыша сие, рассмеялся и думал сам в себе: когда уж не умела меня в своем государстве ловить, а теперь я и не думаю. После сего королевич поехал уже тише, без опасения, а Царь-Девица поехала обратно в свое государство. Иван королевич, как скоро приехал в город, то король, отец его, услышав о приезде своего сына, весьма обрадовался, забыл всю старость, встретил его с великою радостию; а еще больше обрадовался, как услышал, что Иван королевич привез все то, чего он столь нетерпеливо желал. Королевич вынул из кармана две стклянки, в которых была живая и мертвая вода, и сказал: прими, милостивый государь батюшка, сии драгоценные воды. Потом приказал подать блюдо, на которое положил моложавые яблоки, и подал своему отцу; король, приняв от своего сына такие драгоценности, обнял его с великим восхищением и радостию, потом говорил ему: любезнейший мой сын! теперь я должен тебе моею жизнию, и в благодарность мою отдаю тебе мое королевство. После сего король съел несколько яблоков и приметил, что он сделался помоложе. На другой день для такой радости сделал король великий банкет, который и продолжался несколько дней; после сего жил благополучно долгое время, а Иван королевич и не думал о той Царевне, как в один день у короля во дворце было вели-

кое торжество, и все были на оном трое его детей, то нечаянно король взглянул в окошко и увидел в заповедном своем лугу расписную палатку; тотчас оборотясь к своим министрам, спросил: кто бы таков столь дерзок был, чтоб осмелился раскинуть свою палатку в моем заповедном лугу, но как все сказали королю, что не знают, то он послал своего министра осведомиться, кто таков приехал. Посланный от короля поехал в заповеданные луга, и как скоро подъехал к палатке, сошел с коня и, сняв шляпу, подошел к палатке, увидел сидящую отменной красоты девицу. Министр учтивым образом сказал: милостивая государыня, здешнего государства король желает узнать, кто вы таковы и зачем приехали? Царь-Девица (ибо это она была) сказала министру, что король после узнает, кто она есть, и что она приехала затем, чтобы король выдал из сыновей своих виноватого; ежели выдаст виноватого, то отойдет она от города и оставит короля в спокойствии, а ежели не выдаст, то весь ваш град до основания разорит. Посланный министр возвратился обратно во дворец и, представши пред короля, объявил ему все сказанное Царь-Девицею и как скоро услышал король от министра, то весьма опечалился, да и веселье все пересеклось, потом король, обратясь к старшему своему сыну Василию королевичу, говорил: поезжай, сын и оправдайся, не ты ли виноватый. Королевич принужден быль ехать и немедля отправился к Царь-Девице, и как скоро подъехал к палатке, слез с своего коня и подошед к ней, учтивым образом сказал: милостивая государыня, король, мой отец, прислал меня к вам с тем, что не я ли виноватый, которого вы требуете, на что Царь-Девица сказала королевичу, что не он и ехал бы спокойно, а прислал бы виноватого. Королевич с радостию услышал, что он не виноват, и как приехал во дворец, то рассказал все сказанное Царь-Девицею. Король приказал Феодору королевичу ехать, чтоб и он ездил, то не его ли требуют. Феодор королевич принужден был ехать и немедленно отправился к Царь-Девице, которая также и ему сказала, что не он виноватый; и как скоро королевич услышал, то поехал с радостию во дворец, где и сказал королю своему отцу, что не его требуют. Тогда догадался меньшой сын Иван королевич, что приехала Царь-Девица, и что требует

его, то, подошед к своему отцу, говорил: милостивый государь мой батюшка, я признаюсь вам, что меня требует, ибо я виноватый; только скажите сделать мост от нашего дворца до той палатки, чтоб обить весь тот мост золотою парчою. Король, любя своего сына, приказал сие сделать и как мост совсем поспел, то Иван королевич приказал собрать тридцать человек ярыжных, которым приказал, чтоб, как выйдет он из дворца и вступит на мост, все запели песню, и позади его всю бы парчу рвали и делили по себе, а наперед бы не выскакивали. После чего вышел королевич из дворца и пошел по мосту, то все вдруг запели песню и зачали рвать парчу и делить по себе, а Царь-Девица смотрела, и как пришел в палатку и сказал ей: милостивая государыня, я пришел к вам, тот виноватый, которого вы требуете. Царь-Девица сказала ему: когда ты виноват, то что мне с тобою делать? Королевич ей сказал: что вам угодно; потом Царь-Девица ему сказала: когда ты был столь хитр, что похитил мои драгоценности, которые с великим рачением я хранила, то я желаю быть твоею женою, ежели не противно. Королевич, услыша сие, весьма обрадовался. После чего Царь-Девица подала ему свою руку, и они в провожании ярыжных пошли во дворец, где и встретил их сам король; Царь-Девица подошла к нему и с учтивостью сказала: милостивый государь, я приехала не затем, чтоб нарушить ваше веселье, но чтоб умножить оное. Потом рассказала королю, что с тем она намерением приехала, чтоб выйти замуж за Ивана королевича. Король, услыша сие, весьма обрадовался и приказал изготовить брачную церемонию, и как скоро все было готово, то к великой радости своих подданных женился Иван королевич на Царь-Девице. Король для такой радости сделал великое торжество, а для простого народа выставлены были с разными винами чаны, и так празднуемо было всеми сие бракосочетание целую неделю. Потом Царь-Девица говорила Ивану королевичу: любезный супруг, ты видишь, что у короля, отца твоего, есть и кроме тебя наследников двора, то поедем в мое государство, там я тебе вручу его в полное владение. Королевич после своего бракосочетания жил у короля, отца своего, шесть месяцев, а потом стал проситься, чтоб его уволили в женино государство.

Король, хотя с великим сожалением, однако его отпустил, после чего Иван королевич отправился с своею супругою в ее государство, где по прибытии сделался королем, потом учинил великое торжество для всех подданных, после чего жили благополучно.

СКАЗКА
о Иване богатыре и его прекрасной супруге Светлане*

В некотором царстве, не в нашем государстве, — жил-был боярин Добромысл. Семейство боярина не то, чтобы мало было, не то, чтоб и велико: всего только в жене, да в трех сыновьях заключалось. Подрастать стали дети боярские, научились грамоте, разным хитростям немецким и сделались такими разумными, что отец их чуть не прыгал от радости, а уж матушка-то и подавно. Дошло, наконец, время женить их. Добромысл думал, думал, да и придумал. Он призвал к себе всех сыновей своих и сказал им:

— Любезные дети! Теперь вы пришли в совершенный возраст, силы ваши окрепли, и уж вам пора подумать о невестах...

— Родимый, дорогой наш батюшка! отвечали они отцу, низко кланяясь. Мы из твоей власти не выходим; что повелишь нам, то и будем делать.

— Ну, так слушайте же, любезные дети! Возьмите каждый по каленой стреле, сделайте на них надписи и пустите их в разные стороны. Чья стрела в который город и в чей дом прилетит, то там и невеста его.

Дети, выслушав отца, взяли каждый по стреле, сделали надписи и вышли в заповедные луга. Прежде всех пустил стрелу старший брат в правую сторону, потом средний в левую и, наконец, меньшой, которого звали Иван-богатырь, пустил свою стрелу прямо. После этого пошли все они к отцу своему и рассказали ему, в которую сторону каждый пустил стрелу. Отец,

* Взято с лубочного издания 1845 года.

выслушав их, приказал им идти отыскивать свои стрелы, и дети разошлись в разные стороны.

Старший брат нашел стрелу свою в доме одного знатного вельможи, у которого была дочь-красавица. Он взял ее и повел к своему отцу. Стрела среднего брата попала также в дом одного знатного боярина, у которого тоже была дочь недурная собой, и этот также взял ее и повел к своему отцу. Добромысл принял их и избранных ими невест очень ласково и с большим торжеством отпраздновал их свадьбы.

Не находил только стрелы своей меньшой брать, Иван-Богатырь, и был от того чрезвычайно печален; однако же он не терял надежды и решился не возвращаться к отцу до тех пор, пока не найдет ее. И вот целых два дня ходил он по лесам и горам, а стрелы все нет, как нет. Прошел еще день. Иван-Богатырь очутился в болоте, стал вязнуть и не знал, что делать ему в такой опасности. Но вдруг, к величайшему удивленно своему, он увидал небольшую избушку, которая стояла уединенно.

«Тут, верно, какой-нибудь пустынник», подумал Иван-Богатырь и, чтобы удостовериться в своей догадке, он начал тихонько подходить к той избушке. Вот, наконец, он подошел к ней, вошел в нее и едва верит глазам, своим: в избушке сидела дряхлая старушонка и вертела в руках стрелу его.

— Что за чудо! прошептал про себя Иван-Богатырь и учтиво поклонился загадочной обитательнице.

— Здравствуй, бабушка! сказал он ей приветливо.

— Добро пожаловать, дорогой гость! отвечала старуха. Ты, Иванушка, конечно, искал стрелы, которую ты пустил на произвол судьбы. Так вот судьба-то тебя и привела ко мне. Что делать-то? Ей мы все должны повиноваться. Знаешь пословицу: «не давши слова — крепись, а давши его — держись»; так должен поступать каждый честный человек; надеюсь, так поступишь и ты. А чтобы не скучно показалось у меня, то постой, я кое-что сделаю.

Проговорив эти слови, старуха взяла со стены какой-то прутик, ударила им об пол, и в одно мгновение небольшая избушка превратилась в великолепную беседку. Иван-Богатырь был вне себя от удивления.

— Ну, вот тебе и приличное место, заговорила старуха. Садись-ка, Иванушка, на софу, да закуси на доброе здоровье: ты, я думаю, очень проголодался.

И, не дождавшись ответа, старуха топнула ногою. Вдруг богато одетые слуги внесли большой стол, уставленный серебряною посудой и превосходными напитками; вслед за тем начали попеременно подавать роскошные кушанья.

Старуха сказала Ивану-Богатырю:

— Ну, Иванушка, прошу покорно откушать моего хлеба-соли; да, пожалуйста, не церемонься, а будь как у себя дома.

Иван-Богатырь не заставил долго себя упрашивать и принялся усердно опоражнивать блюда; наконец, наевшись досыта, он встал из-за стола и поблагодарил старуху.

— Ну, бабушка, сказал он, я тебе очень благодарен и гостеприимства твоего, поверь, во всю жизнь не забуду. Позволь же мне взять стрелу мою и проститься с тобою.

— Нет, возразила старуха. Стрелы своей ты взять у меня не можешь: ты помнишь, пустил ее с тем намерением, что в какой дом попадет она, там и должен ты взять себе жену, а потому по всем правилам я должна быть твоей женою.

Ивана-Богатыря покоробило.

— Я тебя не понимаю, старуха, сказал он. Ты или шутишь, или смеешься надо мною. Ну, ты только рассуди хорошенько: могу ли я быть твоим мужем? Тебе лет-то сколько? Ведь с лишком сто, а мне — с небольшим двадцать.

— Все это так, отвечала старуха; однако же, если ты не женишься на мне, то никогда не выйдешь из этого болота.

Что было делать Ивану-Богатырю? Старуху обмануть трудно, однако же он пустился на хитрость.

— Ну, хорошо, старуха, сказал он ей ласково. Если судьба назначила мне быть твоим мужем — я буду, только отдай мне стрелу; я отнесу ее к отцу моему и скажу, что она попала к тебе.

— Полно хитрить-то, Иван-Богатырь! заметила старуха. Меня не проведешь, и я тебе опять повторяю: если не женишься на мне, то хоть весь век свой сиди в этой беседке: никогда не выйдешь из болота.

Иван-Богатырь весь побагровел от досады. «Вот пристала-то, окаянная, думает про себя, никак и не отвяжешься! Ишь ведь, чего захотела, старая карга... замуж! Ну, как я женюсь на ней?.. Как покажусь с ней к отцу? Засмеют — решительно все засмеют».

— Ну, бабушка, заговорил он, наконец, обращаясь старухе, ты задала мне премудрую задачу. Позволь хоть денька два, или три подумать.

— Изволь, Иванушка, отвечала старуха, я согласна. Но только, слушай, говорю вперед: по-твоему не сбудется, и ты все-таки должен будешь на мне жениться... Прощай, желаю тебе поскорей образумиться.

Старуха вышла. Иван-Богатырь посмотрел ей вслед; когда она совсем скрылась, он отворил дверь беседки и пошел искать, нет ли где тропинки, которая вывела бы его из этого места... Перед ним даже исчезла беседка, из которой он вышел, а между тем болото становилось все более и более вязким, и он в одном месте чуть было не увяз по пояс... Видит Иван-Богатырь, что дело плохо, что нужно покориться судьбе, и вот он начал рассуждать сам с собой:

— А старуха-то правду сказала: никак не могу выбраться из этого проклятого болота... Что ж остается мне делать? Не погибать же, в самом деле, тут в глуши?.. Решено, женюсь на бабушке. Пусть все смеются: устанут и перестанут.

Едва проговорил он эти слова, как в ту же минуту снова очутился в беседке, и к его услугам опять явился стол с роскошными кушаньями, фруктами и винами.

Старуха с улыбкой приветствовала Ивана-Богатыря и сказала ему:

— Покорно прошу, любезный гость, присядь, да закуси хорошенько. Чай, после прогулки по болоту проголодался? Видишь, как я забочусь о тебе и как стараюсь угождать твоим желаниям... Ну, теперь поверишь ли, что я люблю тебя?

— Верю, верю! проговорил сквозь зубы Иван-Богатырь на нежное признание старухи.

Потом он сел за стол и стал порядком очищать блюда. Старуха только умильно на него посматривала.

— Ну, так и быть, сказал, наконец, Иван-Богатырь. Судьба, видно, не индюшка и суженую, знать, конем не объедешь... Я женюсь на тебе!

Едва Иван-Богатырь проговорил эти слова, как в ту же минуту вместо старухи увидал он перед собою красавицу, да такую, что ни в. сказке сказать, ни пером описать.

Иван-Богатырь только ахнул от удивления.

— Не дивись, Иван-Богатырь, сказала она. В этом виде я должна быть постоянно; в старуху же превратил меня злой волшебник, и ею я должна была остаться до тех пор, пока не выищется жених, который бы согласился взять меня за себя, не пренебрегая ни старостью, ни моим уродством. Твое же согласие жениться на мне избавляет меня от тягостного положения, в котором я томилась и от которого приходила в отчаяние.

Иван-Богатырь едва верил глазам своим и, удостоверившись, что чувства его не обманывают, он был вне себя от восторга и наговорил красавице с три короба нежностей...

Наконец, Светлана — так звали будущую супругу Ивана-Богатыря, сказала ему:

— Поспешим же явиться к твоему родителю; только слушай, у меня есть к тебе еще одна просьба, от которой зависит наше общее счастие. Дай мне честное слово, что ты исполнишь ее; иначе я погибла.

— Что такое, Светлана? спросил Иван-Богатырь. Говори смело и будь уверена, что я исполню все, что только ты пожелаешь. Даю тебе честное слово.

— Если так, то я тебе выскажу, в чем заключается моя просьба, отвечала Светлана. Вот видишь ли: очарование мое не совсем окончилось и остается уже не много времени до того, чтобы я находилась в таком виде, в каком ты меня видишь; а потому я прошу у тебя терпения до этого срока. В противном случае, ты все дело испортишь. Пока же не пройдет время очарования, я только на ночь могу возвращать себе красоту и молодость, а днем снова должна превращаться в старуху.

Это объяснение Светланы сильно опечалило Ивана-Богатыря. Заметив его нерешимость, Светлана вдруг приза-

думалась. На лице ее выразилась глубокая грусть, а на глазах показались слезы.

— Ах, Иван-Богатырь! сказала она со вздохом. Я вижу, что ты не решаешься спасти меня от несчастия, с которым я должна умереть, всеми забытая и всеми пренебрегаемая.

При этом она взглянула на пего с таким трогательным выражением, что ему стало жаль ее.

— Ну, перестань же горевать, моя милая! сказал наконец Иван-Богатырь, успокаивая Светлану. Для твоего и моего счастия я тебе даю честное слово, что, не разрушая очарованья, я буду с нетерпением ожидать окончания срока.

Условие было заключено, и Светлана в знак благодарности поцеловала Ивана-Богатыря, а потом сказала ему:

— Теперь я опять должна превратиться в старуху, и в таком виде ты веди меня к своим родителям.

— Согласен, отвечал, ей Иван-Богатырь.

Светлана повернула находившееся у нее на пальце кольцо и в одну минуту сделалась старухою.

Иван-Богатырь взял ее под руки и вместе с нею отправился к своим родителям. Добромысл очень обрадовался, увидавши своего меньшого сына.

— А это что за старуха с тобою? спросил он сына.

— Это — будущая жена моя! отвечал Иван-Богатырь. И он подвел к отцу своему Светлану.

Братья и невестки едва удержались от смеха. Указывая на нее пальцами, невестки шептали между собою:

— Какова красотка-то? Прелесть. Жаль только, что зубов нет, да верхняя губа втянулась; впрочем, мягче целоваться будет. А лет-то? Чай, только с небольшим двести... Как есть настоящая невеста. Седа маленько, ну, зато пудры не потребуется...

И много подобных насмешек одна другой.

Добромысл, однако же, приказал им быть поскромнее, и, обратясь к стоявшему перед ним младшему сыну, сказал:

— Любезный сын мой! Я сам причиною твоего несчастия и теперь раскаиваюсь в своем приказании, которое дал вам относительно невест. Впрочем, попробуем, нельзя ли будет ис-

править ошибку. Наградим старуху подарками — может она и откажется от замужества.

— Я ни за что не переменю своего намерения, — отвечал Иван-Богатырь.

— В таком случае, продолжал отец, я нисколько не препятствую твоему желанию... Женись, я позволяю тебе.

Свадьба была сыграна, — и пир прошел великолепно. Вечером, когда Иван-Богатырь вступил в отведенные комнаты, Светлана обернула кольцо и сделалась неподражаемой красавицей, а при наступлении дня снова превратилась в старуху.

Так Иван-Богатырь прожил с своею старухою довольно долгое время, нимало не огорчаясь тем, что жена его с каждым утром теряла свою молодость.

Однажды, долго спустя после их свадьбы, Добромысл призвал всех сыновей своих и сказал им:

— Любезные дети! Так как теперь вы все трое женаты, то я желаю, чтобы каждая из жен ваших сделала мне по рубашке, и требую, чтобы все три рубашки поспели к завтрему.

При этом Добромысл дал каждому сыну по куску полотна.

Старший и средний братья Ивана-Богатыря, принесшие полотно к своим женам, сказали:

— Батюшка приказал вам сшить из этого полотна по рубашке, и требует, чтобы к завтрему они поспели.

Жены их тотчас же начали кликать мамушек, нянюшек, сенных девушек и принялись за работу, а между тем послали девку-чернавку к жене Ивана-Богатыря посмотреть, как она будет шить рубашку.

Девка-чернавка пришла в комнаты Ивана-Богатыря и видит, что Светлана изрезала полотно на мелкие куски и бросила их на окошко, проговорив:

— Буйны ветры! Разнесите лоскуточки в разные стороны и сшейте свекру рубашку.

Возвратилась девка-чернавка к госпожам своим и пересказала, что видела у старухи.

Невестки долго смеялись над женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ее муж завтра к отцу принесет!..

На другой день, только что проснулся Добромысл, как пошли к нему трое сыновей его и подали ему сорочки.

— Эта сорочка сшита обыкновенно, сказал отец, рассматривая рубашку, которую принес ему старший сын.

— И эта также, сшита не лучше, продолжал он, обращаясь к среднему сыну.

Когда же взглянул на сорочку меньшого сына, то не мог на нее надивиться. Она так понравилась ему, что он приказал слугам подавать ее только в самые торжественные дни.

Прошло несколько времени. Добромысл опять призвал к себе сыновей своих и сказал им:

— Любезные дети! Я хочу, чтобы каждая из ваших жен сделала мне по ковру, и чтобы ковры эти были готовы к завтрему. Вот вам серебро, золото и шелк; ступайте, передайте своим женам мое желание.

Дети в точности исполнили приказание родителя.

Жены старшего и среднего сыновей тотчас же начали кликать мамушек, нянюшек, сенных девушек и принялись за работу; а между тем послали девку-чернавку посмотреть, что будет делать старуха.

Девка-чернавка вошла в комнату Ивана-Богатыря, и видит, что Светлана изрезала на мелкие куски золото, серебро и шелк, выбросила, все за окошко и сказала:

— Буйные ветры! Разнесите кусочки в разные стороны и изготовьте ковер свекру.

Возвратилась девка-чернавка к госпожам своим и пересказала, что видела у старухи.

Невестки еще пуще стали смеяться над женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ее муж завтра к отцу принесет?

На другой день, как проснулся Добромысл, дети вошли к нему с своими коврами.

Отец осмотрел сначала ковры старшего и среднего сыновей и остался недоволен. Когда дошла очередь до ковра, принесенного Иваном-Богатырем, то он ахнул от изумления и приказал своим слугам — постилать его на стол, и то только в самые торжественные дни.

После того он сказал своим сыновьям:

— Теперь, любезные дети, я хочу иметь от ваших жен по хлебу и желаю, чтоб они были готовы к завтрему.

Сыновья пересказали в точности своим женам о желании их родителя.

Жены старшего и среднего сыновей тотчас же начали кликать мамушек, нянюшек, сенных девушек, и принялись ставить опару, а между тем послали девку-чернавку посмотреть, что будет делать старуха.

Девка-чернавка вошла в комнаты Ивана-Богатыря и видит, что Светлана всыпала муку в квашню, налила холодной воды, сделала раствор, вылила в холодную печь, заслонила и сказала:

— Испекись хлеб чист, рыхл и бел, как снег.

Возвратилась девка-чернавка к госпожам, своим и пересказала им, что видела у старухи.

Невестки снова стали смеяться над женою Ивана-Богатыря и говорили:

— Что-то ее муж завтра к отцу принесет?

На другой день, как проснулся Добромысл, вошли к нему сыновья его, и каждый держал по хлебу.

Отец сначала попробовал хлебы старшего и среднего сыновей, и они показались ему не вкусны; когда же дошла очередь до хлеба, принесенного меньшим сыном, то он, отведав его, остался очень доволен и приказал слугам своим подавать его на стол, когда будут гости.

Потом, поблагодарив сыновей за труды их жен, он сказал им, что две старшие из них хоть и прекрасны, но никак не могут сравниться по разуму с женою меньшего брата, Ивана-Богатыря.

А затем пригласил их всех с женами к себе, за обеденный стол.

Съехалась сыновья к отцу, привезли с собой также и жен своих. Добромысл очень обрадовался, увидав меньшую невестку, и особенно удивлялся ее ослепительному драгоценному наряду. Сели, наконец, за стол и стали кушать.

Светлана видит, что невестки смеются над нею. Она знает, что они станут подражать ей, и потому задумала подшутить над

ними. Чего не допивала, то за рукавчик лила, а косточки за другой клала.

Обе невестки, как увидали это, переглянулись между собой и начали делать то же, что Светлана.

Обед, наконец, кончился.

Добромысл пригласил гостей своих в сад.

— Ну, как тебе нравится мой сад? спросил он Светлану.

— Сад раскинут прекрасно, отвечали она. Недостает только одного, чтобы все считали его чудом.

Чего же именно недостает? спросил удивленный Добромысл.

— А вот чего, произнесла Светлана.

И при этом махнула одним рукавом — очутился обширный пруд, махнула другим, — поплыли по воде гуси и лебеди.

Добромысл едва верил глазам своим, и не мог удержаться, чтобы не поцеловать Светлану.

Невестки еще более стали завидовать ей и подумали: — Не удастся ли и нам сделать то же?

Они махнули одним рукавом — и облили всех гостей; махнули другим — и полетели кости кому в нос, кому в бровь, а свекру так попали в глаз.

Со стыдом удалились невестки и дали слово более не смеяться над Светланой.

Рад был Иван-Богатырь, что жена его затмила всех разумом.

— Недостает ей только красоты, думал он, чтобы поразить во всем.

И вот начал он ломать голову — стал придумывать, как бы не допустить ее превращения. Он вспомнил о кольце и решился унести его в то время, как она будет красавицей. Нетерпение взяло верх над рассудком.

На следующее же утро, когда Светлана покоилась еще крепким сном, Иван-Богатырь снял с пальца у сонной кольцо, ушел на берег моря и с негодованием бросил его в волны морские. Исполнив это, он поспешно возвратился домой, но только что вступил на крыльцо, как его встретила Светлана с заплаканными глазами.

— Ну, Иван-Богатырь, грустно сказала она, не хотел ты подождать малое время, и ищи меня теперь в тридесятом царстве. Много, много горя ожидает меня за твое нетерпение!

Проговорив эти слова, она быстро поднялась на воздух и скрылась.

Иван-Богатырь стоял, как окаменелый. Тяжелая, невыносимая грусть сдавила ему сердце. Он бросился к отцу и рассказал ему о случившемся с ним несчастии.

Добромысл, выслушав Ивана-Богатыря, весьма сожалел о своей невестке.

— Батюшка! сказал ему меньшой сын. Без нее мне свет не мил, и я решился во что бы то ни стало идти отыскивать мою супругу.

Отец не прекословил.

И вот Иван-Богатырь вышел за городские ворота и вступил на широкое поле.

Тяжелая мысль влекла его вперед.

Шел он, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец, пришел он к избушке, которая стояла на курьих ножках, и сама повертывалась.

Иван-Богатырь сказал:

— Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом!

И избушка остановилась.

Иван-Богатырь вошел в нее и увидал, что там сидела Ягабаба. Она заговорила сердитым голосом:

— Доселе русского духа слыхом не слыхивано и видом не видывано, а ныне русский дух и очах проявляется. Что ты, Иван-Богатырь, волею или неволею пришел ко мне?

— Сколько волею, столько и неволею, отвечал Иван-Богатырь и рассказал, чего он ищет.

— Жаль мне тебя, Иван-Богатырь: оплошал, сердечный. Потерпеть бы маленько, а то нет — дай, сделаю по своему. Но так и быть, я готова услужить такому доброму молодцу, как ты. Жена твоя теперь у волшебника и томится в его тереме на превысокой горе. Ступай к нему; вот этот клубок доведет тебя до его жилища. А чтобы духи его и сам он не могли сделать тебе ничего вредного, то вот возьми с собой меч, пред которым бессильны все его чародейства.

Поблагодарил Иван-Богатырь бабу-Ягу, взял от нее меч и клубок и пошел далее.

Шел он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Подошел, наконец, к превысокой горе. Клубок все катится, а за ним идет и Иван-Богатырь. Вдруг видит он терем волшебника. Подошел к нему и весь затрясся от ужаса. На него налетали духи волшебника и сам чародей, в виде дракона, хотел огнем опалить его. Но Иван-Богатырь поднял меч очарованный, — и все с визгом разлетелось в разные стороны. Он остался один, вошел в терем и долго ходил по комнатам, отыскивая свою Светлану; наконец, услыхал стон, приложил меч свой — и стена расступилась. Перед ним стояла его жена. Радость их при свидании была несказанная. Она поцеловала Ивана-Богатыря и благодарила его за спасение. Очарование с нее спало. И они теперь спешили в дом родительский.

Добромысл очень обрадовался возвращению Ивана-Богатыря и, указывая на Светлану, спросил его:

— А это кто же с тобою, сын?

— Это милая жена моя, отвечал Иван-Богатырь, та самая, которую ты видел старухою.

И как он чувствовал от дороги усталость, то обещал отцу после рассказать все в подробности.

Отец от удовольствия задал тогда пир на весь мир. Много было выпито вин заморских и меду сладкого. Все поздравляли Ивана-Богатыря с красавицей Светланой.

АНГЕЛ БОЖИЙ И ПРОХОЖИЙ

Идет Ангел Божий берегом небольшой речки, и видит впереди себя на реке: топит девица младенца. Подошел к ней Ангел и говорит: «Бог помочь тебе, девица!» — Потом, через несколько времени, возвратился обратно, увидал он женщину, которая мыла на речке белье: прошел мимо ее и ничего ей не сказал. Попадается ему навстречу прохожий и спрашивает его:

«почему же ты сказал: «помогай Бог» — девице, которая топила своего родного ребенка, а ей, той женщине, которая мыла белье, ничего не сказал?» — Ангел на это отвечал: «Эта девица так много претерпела от своих родителей и от соседей за свой грех; она истинно каялась пред Богом и от всей души молила Господа простить ей ее преступление: Господь услышал ее молитву и простил ее грех. Женщина же, которая моет белье в праздник — она не наработает псу на обед, а нарушает святость Господня праздника, и Бог ей этого не простит». — Вот почему грех и не следует никогда работать в праздничные дни.

(Записано мною лично в Вологодской губернии.)

СУДЬЯ БОЖЬЯ

Был у купця сын, красавец собой, он сняв с себя патрет и рассылает по всему свету, находится ли (найдется ли) супруга, мне равная красотою? Такой супруги (невесты) не нашлось во всем свите. Вот он отправляетсё сам искать; встричает чуночки (салазки) идут простыя, и спросил их: «Що жо идетё одне, не ямщика, не седока нет у вас?» Чуночки отвицяют: «мы судья Божья». «Коли вы судья Божья, гыть, рассудите жо меня: есть ли мне супруга на свите противна меня красотою?» Чуночки говорят, що ес(т)ь супруга тебе: у цяря Калики дочь, 20 лет во гноище лежит, нездоровая. «Какая жо это мне супруга», — думает купеческой сын. Вот он и поехал к ней, к цярю Калике на дом . Приезжает к цярю Калике во дворец и спрашивает: «где жо есть дочь царя Калики не здоровая?» Часовые сказали, що есть, лежит в таких-то залах 20 лет. «Пропусти жо, гыть, меня к ней посмотрить!» «Нечево тибе там делать, цяря Калики дома нет», говорит часовой. Он часовово скупил, дал денег, щобы пропустил. Часовой думает: «Що он у нездоровой сделает? — пойди, гыть!» Проходит купеческой сын в зало, она нездоровая лежит; он посмотрив на нее, да бает про себя: «какая жо это мне супруга, и взглянуть-то брезгно». Потом выняв тесак из ножей, и попересек ее пополам, «вот те, гыть, и супруга моя!» Петь ру-

блей положив тут к ней на похороны, щобы похоронили, а сам уехав домой. Каликиной дочере буде во сне привиделось: пришов молодец к ней в зало, крылышком помазав по середке, да пять рублев награды дал.

Вот приезжает цярь Калика к сибе во дворец, приходит к дочере в лежащую комнату и видит, що дочь у ево совсем здорова стала и такая-то красавица, що эких на свите нет, не видав. Вот цярь Калика снимает с нее патреты и рассылает по всему свету: есть ли суженой ей по красоте? Вот и приходитсе ей ровной по красоте этот купеческой сын, он и ладит взеть в замужество за себя, посватавсе — и брак произвели. Вот однажды пришли молодые в баню, он посмотрев у ее рубец на спине, на самой на середке; вот он и спрашивает ее: «отчево жо это у тебя случилосе?» Она сказывала ему: «я 20 лет во гноище лежала, будто в сновиденье приходит ко мне молодец красавец, меня крылышком помазав, 5 рублев награды дав, я и обризвела».

Купец тут и догадавсе, що это она, про котору Судья Божья сказав.

Записано А. Шустиковым

СКАЗКА
об Олеше голопузом

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужичок. У этого мужичка был сын Олеша. С малолетства Олеша у дьячка выучился грамоте, а потом сделался такой лентяй, что кроме печи никуда не ходил. Вот и говорит отец Олеше: «Пора тебе, Олеша, и к работе привыкать». — «А что, говорит Олеша: докормите до уса, так и буду помогать». Вот и ус у Олеши пробился. Отец и говорит опять: «Олеша, пора тебе и пахать». — «А на что пахать, говорит Олеша, пахать? — лучше на печи лежать. Докормили до уса, так докормите и до бороды, а тогда уж и пахать стану». Выросла и борода, а Олеша кроме печи, и света Божьего не знавал. Вот отец и говорит

опять: «Ну, пора тебе, Олеша, и за ум хватиться. — Люди добрые, из твоих-то товарищей уж некоторые и деток имеют, а ты и пахать не умеешь». Олеша на другой день и поехал пахать, а день-то был такой жаркой, что оводов и комаров гибель насела на него и на лошадь. Он и давай их бить, да и пробил весь день. Под вечер он стал их считать: считал, считал, да и сосчитать не мог. Приехал домой, уж темно было, да и говорит отцу: «Уж я тебе не пахарь, да и не кормилец, а наживай-ка хлеб-то сам! Я поеду света посмотреть, да себя показать: у меня сила богатырская — поеду, да потешуся, да еще дайте мне эту клячу». Отец видит, что и взаболь (в самом деле) от него не хлеб, взял да и отпустил. Олеша взял косу, да топор, да толокна мешок, да и на клячу рогожу накинул, да сел и поехал. У кого-то он слыхал, что богатыри-то ездят, так записочки за собой кидают; и он тоже вынул лоскуток бумаги, да и пишет: «Едет сильный и могучий богатырь Олеша»... да и задумался, какую дать себе фамилию: он не знал, как прозывался отец, да и он сам: смотрел, смотрел, да и увидел, что балахон у него разорван, и сквозь него видно пузо: вот он и написал: «Олеша Голопузой». «Я, Олеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы, три тысячи богатырей (за богатырей-то он принял оводов) избивал, а мелкой силы (т. е. мошек) и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого, взад ехать — не уехать, и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться». Написал да и бросил. Вот едет за ним настоящий богатырь и видит, что лежит записочка, сошел с коня, поднял и читает: «Едет сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивал, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого, взад ехать — не уехать, и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться». — «Какой это, думает он, такой богатырь? Я, кажись, всех сильных и могучих богатырей знаю, а такого не слыхал; да и это бы ничего, а он так еще похваляется, что, вишь, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого взад ехать, не уехать, и вперед ехать, не уехать,

а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться?» Хорошо, поеду. А сам вынял лоскуток бумаги и написал: «Едет в царство царя Кощея сильный и могучий богатырь Иван, сын царский. Я, Иван, сын царский, в один час и в одну минуту мог избить столько силы, сколько есть на дне моря камешков». Вот едет и скачет он за Олешей и видит, что едет такой хухляк с косой да с топором, что и за богатыря не принял, и хотел проскакать мимо, а Олеша и кричит ему: «И потише можешь ехать-то!» — Иван, сын Царской подъехал к Олеше и говорит: «Ты ли сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой?» «Известно, что я», говорит Олеша: «а много ли ты можешь убить силы в один час и в одну минуту, и куда теперь едешь?» «Я, говорит Иван, сын Царской, еду теперь в царство сильного и могучего царя Кащея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть камешков на дне моря». — «Ну, нам такие люди и надобны: поезжай рядом». — А для Ивана, сына Царского, это было сущее наказание, потому что у него конь рвался, а у Олеши кляча еле-еле двигалась.

Вот ехали они, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Вот едет другой богатырь и видит две записочки, поднял и читает: (на одной) «Едет в царство царя Кащея сильный и могучий богатырь Иван, сын царский. Я, Иван, сын царский, в один час и в одну минуту мог избить столько силы, сколько есть камешков на дне морском»; (на другой): «Едет сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивал, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого, взад ехать — не уехать, и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться». — «Как это, говорит Илья Королевич (это был он): я всех сильных и могучих богатырей, и Ивана, сына Царского знаю, а этого не слыхал; да и это бы ничего, а он так похваляется, что «вам, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого, взад ехать — не уехать, и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться». Хорошо, поеду». А сам вынул лоскуток бумаги и написал:

«Едет в царство сильного и могучего царя Кащея сильный и могучий богатырь Илья Королевич. Я, Илья Королевич, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочков в лесе». Написал, да и бросил, а сам поскакал за Олешей. Вот слышит Олеша, что скачет кто-то, и говорит Ивану, сыну царскому: «Скажи, чтобы тише ехал-то». Иван, сын царский остановился и говорит: «Тише, тише. Это сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой!» Илья Королевич подъехал к Олеше и говорит: «Здравствуй, сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой!» — «Здорово, говорит Олеша. — Много ли ты можешь в один час и в одну минуту избить силы, и куда теперь едешь?» «Я еду, говорит Илья Королевич, в царство сильного и могучего (богатыря) короля Кащея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть листочков в лесе». — «Ну, говорит Олеша, нам такие люди и надобны: поезжай рядом». Вот они едут (да записочки подкидывают) близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. — Вот едет еще богатырь Данило Белой, и видит — лежат три записочки, сошел с коня и читает: (на одной) «Едет в царство царя Кащея сильный и могучий богатырь Иван, сын царский. Я, Иван, сын царский, в один час и в одну минуту мог избить столько силы, сколько есть камешков на дне моря». (На другой) «Едет в царство сильного и могучего царя Кощея сильный и могучий богатырь Илья Королевич, могу в один час и в одну минуту избить столько силы, сколько есть листочков в лесе». (На третьей): Едет сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой. Я, Олеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивал, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого, взад ехать — не уехать, и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться. «Как, говорит Данило Белой: я всех сильных и могучих богатырей знаю, а этого не слыхал: да и это бы ничего, а он еще так похваляется, что «вам, сильным и могучим богатырям от меня, Олеши Голопузого, взад ехать — не уехать, и вперед ехать — не уехать, а лучше мне, Олеше Голопузому, в ясные очи показаться. Ну так и быть,

поеду да посмотрю, что за птица такая. Вот слышит Олеша, что кто-то скачет, и говорит Илье Королевичу: «скажи, чтобы ехал-то потише». Илья Королевич остановился и говорит: «Тише, тише! Это сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой». Данило Белой подъехал к Олеше и говорит: «Здравствуй, сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой!» — «Здорово, здорово», говорит Олеша: «а сколько ты можешь в один час и в одну минуту избить силы, и куда теперь едешь?» — «Я еду в царство сильного и могучего царя Кащея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краям моря». «Ну, говорит Олеша, нам такие люди и надобны, поезжай рядом». Вот ехали они, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — и, наконец, приехали они на луга царские, раскинули шатры белополотняные, выставили на них флаги шелковые, а Олеша раскинул рогозку, да и повалился. Те богатыри насыпали своим коням пшена белоярого, налили сыты медовые, а Олеша спустил свою клячу на Божью волю; а она тех коней и объела, да богатыри и прекословить ему не посмели. На другой день начали они клич скликать, а у царя Кощея дочь просить; а если царь Кащей им откажет, так грозили войско прибить, царство разорить, а дочь силом взять. А лишь только увидели, что выходит войско из города, и пошли к Олеше и говорят: «Скажи, сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой: сам ли ты пойдешь против войска, или нам велишь?» — «Пусть идет меньшой брат», сказал Олеша. Не прошло и часу, как приезжает меньшой брат (Иван, сын Царской), привозит на копье голову воеводы и говорит: «Ни одной души не осталось на поле сраженья, и дерзкую голову воеводы к ногам твоим я привез». — «Ну, говорит Олеша, ты достоин чести — спасибо!» На другой день они опять выехали прежний клич кликать, и лишь только увидели, что выходит из города войско, поехали в шатры к Олеше и говорят: «скажи нам, сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой: сам ли ты поедешь против войска, или которому-либо из нас прикажешь?» «Пусть, говорит Олеша, едет средний брат». — Не прошло и полуторых часов, как приехал средний брат (Илья Королевич), привез на копье голову воеводы и го-

ворит: ни одной души не осталось на поле сраженья, и дерзкую голову воеводы к твоим ногам я привез. — «Ну, спасибо, говорит Олеша: и ты достоин чести — спасибо!» На третий день царь Кащей вывел против них все войско — сколько осталось, и лишь только это увидели богатыри, пришли к Олеше и говорят: «Скажи нам, сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой: сам ли ты пойдешь против войска, или которому-либо из нас прикажешь?» — «Пусть, говорит Олеша, едет старший брат». Не успели те богатыри ничего сделать, как приехал старший брат (Данило Белой), привез голову полководца и говорит: «ни одной души не осталось на поле сраженья, и дерзкую голову воеводы к твоим ногам я привез». — «Ну, спасибо», говорит Олеша. Вот видит царь Кащей, что беда приходит, и посылает гонца к сыну Демьяну Кащеичу, что приехали под его царство четыре богатыря, и войско, сколько было в царстве, все прибили «и хотят царство мое разорить и сестру твою силом взять». Демьян-то Кащеич был 12-ти лет, а ростом 12-ти сажен, а толщиною 6-ть сажен; он ездил на волшебном коне и бился с сильным и могучим царем Далматом. — Царь Далмат и сам-то был богатырь, да и в царстве у него было до ста тысяч богатырей, и он хотел взять за себя сестру Демьяна Кащеича, прекрасную царевну Елену Кащеевну. Демьян Кащеич в неделю проскакал три тысячи верст и начал по чистому полю разъезжать и тех богатырей на битву вызывать. Богатыри и говорят между собою: «Ну, если сам Олеша Голопузой не поедет, то нам тут верная смерть». Однако ослушаться не посмели, и пришли к Олеше и говорят: «Скажи нам, сильный и могучий богатырь Олеша Голопузой: сам ли ты пойдешь против войска, или которому-либо из нас прикажешь?» — «А что, разве я своей очереди не знаю», говорит Олеша. Вот выехал Олеша против Демьяна Кащеича с косой да с топором и думает: «Однако, смерть, так смерть; пусть отсекут мне голову, и концы в воду». А богатыри один за другим и уехали: так испугались Демьяна Кащеича. Вот как стал Олеша съезжаться, да и думает: «Дай-ко я голову-то наклоню, так хоть не увижу, как отсекут ее!» Сдумано — сделано; а Демьян-то Кащеич думал, что это какая-то рыцарская хитрость, да повалился и заснул. Вот Олеша

и думает, что долго богатырь-то головы не сечет: дай-ко взгляну; взглянул, а Демьян-то Кащеич спит. Олеша сошел с лошади, да и давай по шее пилить косой; коса не берет, давай топором, и топор не берет. Что делать? Подошел он к Демьяну, а у него меч-то закинут за спину, да так и заснул. Вот Олеша (привязал) кой-как, приподнял меч, да и спустил на шею, а Глова-то и покатилась. Олеша привязал ее за волосы к хвосту клячи, а та и ни с места. Вот он вскарабкался кой-как на лошадь богатырскую ехать к богатырям: посмотрит, а там и место чисто; поворотился, да и поскакал в город, там царь Кащей встретил его с честью и славою; одели его, как красную девицу, а Демьяна похоронили тоже с честию. У царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честным пирком, и за свадебку! Вот прошло после свадьбы почти три года. В одно утро встает царь Кащей и смотрит, а на его лугах царских раскинуты шатры белополотняные, а на тех шатрах белополотняных выкинут флаг сильного царя Далмата! Царь Далмат лишь только услышал, что Демьян Кащеич убит, и пошел войной на царя Кащея. Царь Кащей не успел еще отойти от окна, как выехали из шатра три могучих богатыря, и стали они клич кликать, и царя Кащея на бой вызывать, а если царь к ним не выйдет, то они его царство разорят, а прекрасную царевну Елену Кащеевну силом возьмут. Вот царь Кащей и говорит Олеше: «Зять мой любезный, ты прибил у меня все войско, и сына моего Демьяна убил; так вся теперь надежда у меня на тебя: сам ты защищай и жену свою, и царство; а если ты врагов прибьешь, я тебе и царство сдам, однако и голова моя стара стала».

«Вот тебе, матушка, и Юрьев день», думает Олеша, «однако ж двух смертей не бывать, а одной не миновать, а я еще вот что сделаю: Недалеко от города, на дороге к лугам есть дуб, так я велю на этот дуб приделать шелковую петлю, да такую крепкую, чтобы скорее дуб свалился, чем она сорвалась, а как поеду к лугам-то, так и суну голову в петлю; хоть стыда меньше будет; а пусть там над мертвым хоть что делают». Как задумано, так и сделано. Вот и выехал Олеша, да и стал править к самому этому дубу, да вместо себя-то и заправил в петлю коня. Конь-то был такой сильный, что вырвал дуб со всеми кореньями, да

и побежал по войску, да куда прибежит — тут и улица, а повернет — там переулок, и, наконец, притоптал и придавил до одного человека. Вот царь Кащей так этому обрадовался, что в тот же день и сдал ему свое царство. А Олеша так этим удивил своих соседей, что во всю жизнь свою ни с кем не воевал (т. е., никто не смел с ним воевать). А наш сильный и могучий Царь Олеша привез к себе отца и стал жить да быть.

Я там был, мед и пиво пил: пиво-то тепло, по губам текло, а в рот не попало.

(Сообщено Г. Барсовым)

ДВА БРАТА, ИЛИ СУДЬЯ*

Жили два брата, один богатой, другой бедной, у бедново и лошадки нет, а надо ехать по дрова. Приходит он к богатому брату и говорит: «пожалуста, брат, дай мне коня по дровця съиздить!» «Ты у меня побьешь, сказав богатой, а конь у меня сторублевой». «Пощо, храни Бог, побью» Ну, гыть, дам, ступай, поезжай! Такой был крутой на словах-то. Бедняк выводит коня, а без хомута; он и не смеет попросить хомута, думает що брат неровно передумает, не даст коня. «Ну, добро, гыть, у меня хомут и свой ес(т)ь». Хомут свой не пригодивсе, мал; «ну, добро, гыть, съезжу и так!» Вывернув оглобли из дровень**, привязав коня хвостом к стужню*** , поехав за дровами. Воз наклав огромной. И случилось ему ехать мимо братова дому, он приопасивсе, що без хомута идет, пригрозив лошадь, щобы скоряя проехать, а лошадь взбесилась, да прямо во двор, а тута была подворотница высокая, возом захватило, хвост и оторвав у коня. Вот тут он (бедняк) и заревев, пошиб коня. Свел коня к брату во двор, поставив в конюшню и приходит в избу. Брат и спрашивает ево: «Що, съиздив по дрова?» — «Съиздив»,

* См. Живая старина, стр. 208.

** Дровни — сани для возки дров.

*** Стужень — передняя часть саней.

гыть. «Все ли ладно?» — «А не больно ладно — хвост у коня оторвал». Ах ты, такой сякой, закричал богатой брат, я тебя на суд поведу, к судье. Вот оне и отправились в дорогу к судье, привернули ночевать к богатому человеку — богатой к богатому уж завсегды! — хозяин составил для ево самовар, а бедной улез на печку. Вот оне завели разговор: «куды, земляк, пошов?» спрашивает хозяин. «Да вот, гыть, брат оторвав у моево коня хвост, так веду на суд». «Да не у хорошово-то ли коня?» говорит хозяин. «У хорошово», отвицеет богатой брат. «Эку беду-то! Судить за это ево станут строго», сказал хозяин.

Бедной брат на пече лежит, да слушает их разговор; выслушав, и думает: «не предамсе суду живой, с воронця зашибусь о пол». Вот он залез на воронец, и только гнеть* на пол! А раньше хозяйка постелю ус(т)лала под воронец и с малюткой спать легла; он и угадав на малютку, ушиб до смерти, а сам не ушибся, мягко было. Хозяйка заревела, що малютку зашиб, объяснила хозяину; вот и тот пошов на суд, надо бедняка засудить. Идут на суд уже втроем. Подходят к рике; виновной и думает опеть: «зашибусь с мосту о лед, а не предамсе суду живой». В то время сын отца волок на чунках из бани, и только що выволок из-под мосту, а бедняк с моста ищо гнеть, да прямо на старика! Убил ево до смерти, а сам жив оставсе. Вот и сын старика пошов на суд. Идут к судье уж три просителя на одново виновника. Бедняк дорогою взяв пребольшущой камень, сунув ево за пазуху и думает, що не дамсе живой в руки, осудить судья, так убью и судью, и себя, все одно, гыть.

Пришли к судье; вот судья и начав их судить; спрашивает первово — брата: «ну, що такое сделав у тебя брат?» Брат сказав, што оторвав у коня хвост, опозорив коня. Судья взглянув на бедняка, а тот и поколотив у себя за пазуху, да и думает: що только осуди — зашибу! Камень-то быв большой, пазуха так и оттопырилась. Судья, увидя это, подумав, што бумажник с деньгам у ево за пазухой, взятку сулит; вот он и решив: «ты, гыть, отдай ему коня-то, пусть он издит, пока не выростет

* Гнеть — от слова: гнёт, тяжесть, и как тяжесть, быстро падает, так и слово «гнеть» показывает быстроту падения.

у коня хвост, а как выростет, так и возьми назад!» Богатой брат только голову почесав. Другой опять жалуетсе: «у меня, гыть, малютку убив». Бедняк опять похлопав у себя за пазуху. Судья и говорит жалобщику: «отдай ты ему жону и пусть он держит ее, пока не родит ребенка, а как родит, так ты с ребенком-то в тупор и уведи к себе». Так и это дело решив, ни чево бедняку не было. Вот третий жалуетсе, що отця убив. Бедняк опять похлопает о пазуху. Судья сказав жалобщику: «вот, братец, ты сам виновник: волокешь отця по подмосту, под большой дорогой, мостовина валилась (бы) и отця убило бы... Ты, видно, так и ладил старика-то?» Обсудив судья жалобщика четвертным штрафом. Роспустив судья просителей и подходит к виновному: а що, гыть, посуленное-то! а сам хлопает себя о пазуху. Бедняк вынимает из-за пазухи камнищо: «вот, гыть, ваше благородие, кабы ты меня обсудив, так бы и зашиб тебя камнем!» Перекрестивсе судья: «слава Богу, гыть, хоть я тебя-то не обсудив!»

Так бедняку нечево и не было.

(Записано А. Шустиковым)

СКАЗКА О МУЖИКЕ-ВОИНЕ*

Поехал мужик репы пахать. И насело на его лошадь много комаров, оводов, бучней и мух. Он как махнет мешком, то несколько голов сразу убьет. И говорит мужик сам себе: «Что мне-ка репу пахать, как я несколько голов сразу убиваю? Так лучше я поеду домой и пойду в чистое поле к старцу-монаху лука просить». Придя к старцу спросил у дверей его кельи: «Отче святый, дома ли ты?» — «Дома», — отвечал старик. Что тебе нужно, мужичок? —

«То нужно, что я съехавши репу пахать, несколько голов сразу побил, то к тебе пришел лука просить: хочу идти в чистое поле поляковать».

— Не дам я тебе лука, отвечал старец; а послушай, я тебе сказку скажу, тогда и лука дам. —

* См. песни П. Н. Рыбникова.

«Ну, так сказывай, отче, сказку, когда хочешь сказать; только лука-то дай».

— Слушай же, — говорит отче:

«Нас было сорок братьев и все разбойники, а я из них самый меньшой брат. И не боялся их сорока человек, хоть братья-то мои вдвоем-втроем меня дюжее. Была у нас мыза край самой дороги. Разбойничать мы далеко не ходили. И купцы про это все знали, и дарили нас кто по тысяче, а кто по две и больше; а у кого подарков не случиться, тот принесет нам покорность, и мы того пропустим без всякой остановки. Долго ли, коротко ли мы жили в этой мызе, того не помню. И раз, глядим, едет старик очень старый на двух серых конях; он не то чтоб нас подарить, так не снял колпака, и не захотел даже на нашу мызу взглянуть. Тогда, как я, меньшой брат, был у них, больших братьев, на посылках,, то братья меня и послали воротить этого старика взад, за то, что он не захотел даже посмотреть на мызу и рожи даже не поворотил. — «Воротить его назад» — приказывали они мне. Я побежал в ту сторону, куда старик проехал. Догнал старика и говорю ему: «Ах ты, старый черт! воротись назад, а то беда тебе будет». Старик мне и говорит: «Дарить мне вас нечем». — «Не мое дело, сказал я, поди, братьям отвечай сам, а я спустить тебя не могу». И он со мной воротился. Приходим в нашу мызу, братья на старика закричали: «Ах ты, старый черт! ты не то чтобы подарить нас, так не хотел колпака прикривить, так складывай нам деньги». — Что, кормильцы, складывать, у меня денег нет, ведаете вы. — «Ну, старый черт, крикнут братья, складывай, не то тебя жива не спустим. Старик стоит на своем — у него-де есть в кармане один сгибенек; его, пожалуй, подарит, а больше дарить нечем. — И вдруг, показавши сгибенек, махнул в одну сторону и попал в одного брата, а от того еще девять убил, потом махнул в другую сторону — в другого брата, и за ним тоже от него девять убилось; так и в третью махнул, и тоже десятерых убил; и в четвертую сторону махнул, и тоже девять человек убил. А я положил завет уйти в монахи, лишь бы остаться живым, и свалился между мертвыми в то время, когда старик убивал третий десяток. Старик так со сгибнем пошел — сел на своих коней и поехал, куда ему надо,

оставил нас лежучись. Я в это время не смел даже пошевелиться, лежу между братьями. Наконец слышу, старик уехал; встал я и огляделся кругом. При мне была здоровая дубинка. Взяло меня горе, и я побежал за стариком с тем, чтобы убить его. Вот и догоняю его, догнал уже, и лишь только хочу его ударить, да как одумаюсь, что если не убить его, то он меня убьет, а так отойду, и иду надзором сзади. Опять побегу, и опять раздумаюсь. Наконец, положил себе в душе такое мнение: «лучше идти мне за стариком, и где остановится, там убить его; наняться в работники к кому-нибудь и выжидать удобного случая, когда б убить старика». С тем пошел я за ним, однако ему не показываюсь, потому что он меня в лицо знал. Старик этот приехал в Московское царство и воротит прямо к дому своему. Кругом дома его обнесен высокий, прочный тын, а ворота решетчатые, железные. Подъехавши к дому, старик отворил своими руками ворота, поддынул их к верху, и лошади прошли в них свободно. Я в это время остался за тыном. Прошло порядочно времени и я, подошедши к воротам, стал их дубинкою отпирать и не мог даже нисколько поднять; а старик рукой поднял. Отошел я и стал ходить около ворот и тына, перетаптываясь с места на место. Старик меня увидал, что я хожу около ворот, вышел, поднял одной рукой эти ворота, и они отворились. Он мне и говорит: «Что, молодец, топчешься допоздна? хочешь обокрасть, что ли?» — Я, говорю, не воровать пришел, а наняться в работники хочу куда-нибудь и служить, да не смею у тебя постучаться. — «А когда не воровать пришел, а в работники наймоваться, то поди: мне работника надо, и я найму тебя». И я с ним пошел в его дом».

Мужик выслушал это и говорит монаху: «Отче! у тебя сказка-то длинная! Я послушал, теперь дай лука-то мне. Я пойду в чистое поле поляковать».

Ничего, ничего, дружок, послушай еще моей сказки. Покуда сказки тебе этой не доскажу, — лука не дам. — И говорит монах:

«Старик тот провел меня в покои своего дома и приказал своим дворовым кормить-поить меня и на работу не посылать. Я, говорит, нанял его в работники (т. е. меня-то). Неделю

живу, другую живу, и третью живу. Меня кормят и поят, а делать ничего не дают. Хозяина в это время я и в глаза не видал. Комнат в доме много. И слышу, что в мастерской, рядом с той комнатой, где я жил, зень метлой пашут. Поглядел я туда, а там старенький и горбатый старичок пашет зень; взял он большой чан с кожами и переставил на другое место. В этот же день молодой работник в этой мастерской говорит мне: «Что ты, готовоежа, столько живешь у нас, ничего не делаешь, да еще над нами надсмехаешься». И одним пальцем тихонько подпихнул меня, — я пал наземь замертво, и после мне сказали, что я три часа лежал без чувств. После этого я пришел в свой опять покой, и оттуда уже сам не смел выйти никуда. Наконец пришел ко мне сам хозяин и сказал: «Работник! ступай за мной». Привел он меня в свой покой, в котором стоял большой стол, а на столе было накладено всяких кушаньев, и напитков многопремного. В комнате похаживает молодец в одном камзольчике, только мостовники под ногами подгибаются, сам и говорит: «Что, батюшка, работника этого нанял?» — Да, дитятко, этого работника. «Ну, коли это работник, то садись со мной обедать», говорит молодец и посадил меня за стол. Я сел на уголок, а сам сел на другой, а хозяин стоит и смотрит на нас. Стали мы есть. Я поел, да и не хочу больше, а молодец хозяйский все оплетает. Хозяин говорит мне: «Что же ты, работник, мало ешь? Ешь больше». Как обед наш кончился, молодец хозяйский и я начали одеваться, — и оделись. Потом вышли на двор и там обседлали тех самых двух серушков, на которых старик мимо нашей мызы ехал. Молодец на одного серушка сел, а я на другого сесть не могу. Старик-хозяин взял меня как ребенка, посадил, и ноги ремнями привязал. «Ну, говорит, теперь не выпадешь». Подошел он к воротам, одною рукою отворил их и выпустил нас за ворота. Хозяин мой так шибко поехал на серушке своем, за которым и мой бежал серушко, что я решительно ничего не видел: даже и свет в глазах потемнел. Ехали близко ли, далеко ли, приехали в чистое поле. Хозяин спустился с серушка своего, развязал мне ноги, и меня снял. Потом раскинул белый полотняный шатер и меня туда взял. Там хозяин приказал мне сойти в погреб, отворить дверь и взять там котел, налить

в него воды, и сварить каши пообедать. И я пошел в погреб, двери кое-как отворил, а котла я поднять не мог порожнего, не то чтобы в нем воды принести. Прихожу к молодому хозяину и говорю: «Воля твоя, господин хозяин! Не могу поднять котла». Хозяин и говорит: «Одиннадцать лет батюшка нанимал работников, и все они мне в дороге кашу варили, а на двенадцатый год батюшка нанял такого работника, что мне надо для него каши сварить». — Пошел сам, взял котел, почерпнул воды, сварил каши и меня накормил. Ложится спать и наказывает мне: «Смотри, работник, ты не спи и гляди вот в ту сторону, и когда увидишь, что едет молодец на сером коне, и стоя стоит, и в гусли играет, и песни поет, и пляшет, и говорит: «Хорош молодец, да не у места спит», — то ты меня не буди; второй раз проедет тот же молодец, — не буди; и в третий раз проедет — не буди. А когда объявится Татарин, будто сена коп, на вороном коне, тогда меня непременно буди, а если не можешь разбудить, то вот этим сгибнем бей меня, говорит, в пяту». — Сказал и заснул. Молодец на сером коне проехал все три раза и приговаривал: «хорош молодец, да не у места спит». Вот едет и Татарин на вороном коне. Я стал хозяина будить, и разбудил. Он и говорит: «Поздно-де разбудил». Стал седлать коня своего серушка, а мне наказывает опять: «Гляди, работник! Когда мы съедемся и будем съезжаться первый раз с саблями, второй раз с палицами, а третий раз с копьями, — и если мы падем и будем лежать, то гляди — чей конь голову повесит, тому, значит, в живым не быть. И если мой конь будет кругом ходить, то ты иди мне на помочь; а если мой конь голову повесит, то отправляйся домой и скажи моему батюшке, что меня в живых нет». Вот они съехались первый раз — ударились саблями, и друг друга не ранили; кони их проскочили, съехались во второй раз, — ударились палицами, и тоже не ранили друг друга; съехались в третий раз, ударились копьями вострыми, копья их до рук пригибалися. И в это время они соскочили с коней своих, схватилися охабкою, и упали они о землю так, что земля сколыбалыся, и поганый татарище наверх пал, да тут они оба затхнулися, а серушко голову повесил, а воронушко вокруг пошел. Я гляжу и думаю: «хозяин мой — отец этого молодца — убил

моих братьев, а неприятель этот ничего мне не сделал, то пойду и добью я хозяина». Прихожу к ним и вижу, что они оба лежат замертво; а сгибенек, которым отец хозяина убил моих братьев, лежит поодаль; я взял его, расшатал, раскачал его, и хлопнул молодца по лбу, а у него из горла кровавый кусок выскочил, и он ожил, меня поблагодарил и выскочил из-под низу Татарина, взял ножище-кинжалище и вонзил его в грудь Татарина, — и пошла с Татарина кровь ручьями: совсем доубил его. Потом у меня стал спрашивать: «За что я его ударил по лбу?» Я отвечал ему: «Отец твой убил 39 братьев; я с тем нанялся и в работники, чтобы за братьев кровь отомстить, — и потому ударил тебя в голову. Вот сущая моя правда. Прости меня!» — и он меня простил».

Мужик выслушал это и говорит монаху: «Отче! сказка твоя длинная. Дай же мне лука. Я пойду домой и стану воевать».

— Когда дослушаешь мою сказку, тогда и лук дам. — И монах продолжал:

«И говорит молодец:

«По одиннадцать лет ездил я в поле и не мог неприятеля убить, а на двенадцатый год через тебя, работник, убил его». И возвратились мы с ним в шатер. Он меня уже не посылал варить кашу, сварил сам и меня накормил. Пообедавши, легли мы спать; и он так захрапел, что меня в шатре, как на море на валах стало шатать. Хозяин мой выспался, оседлал обоих серушков, посадил опять меня, и ноги перевязал, и сел сам, и мы с ним отправились домой. Приехали, и старик нас встретил и ворота отворил, запустил нас во двор, отвязал меня от лошади и пустил, а серушков убрал в конюшни. Хозяева пошли в свои покои, а я пошел в свой покой. Опять меня по-прежнему стали кормить и поить. — Чрез несколько времени приходит ко мне сам старик хозяин и говорит: «Ну, работник, пойдем за мной». И привел меня в тот же покой, где я первый раз при отъезде обедал. В покое девица похаживает, только половиченьки подгибаются; разодетая, красивая, и коса у ней длинная. Сама и говорит отцу своему: «Родитель батюшка! Одиннадцать лет я ездила с неприятелем воевать, и теперь только, на двенадцатый год, приехавши с этим работником, на его счастье, я убила

неприятеля (в это время я так и остолбенел), так теперь я за него замуж выйду: благослови меня!» Я и думаю: «Какая это будет мне жена: руку или ногу накинет и задавит меня». Я сказал тут: — А помнишь ли, хозяинушко, как ты на мызе-то нашей убил сорок без одного моих братьев, а я живой между ними пал и завет завечал поступить в монахи, если останусь жив; так мне за это жениться нельзя. — Она и говорит отцу: «Батюшко! Когда я в поле мертвая лежала, то он за это твое убийство меня сгибнем ударил по лбу, и у меня выскочил кровавый с горла кусок, а чрез это, вместо смерти я получила жизнь, и за его откровенное признание его простила и умертвила окончательно Татарина неверного, то прости его и ты. А если ты, дружок, — говорит мне, — не хочешь по завету на мне жениться, то не женись, а ступай по своему обещанию; а что знаешь, того никому и нигде не рассказывай, ни в Москве, ни в Вологде». За тем я от них ушел в эту келью и теперь даже от них получаю по обещанию пищу, обутку и одетку, и живу в уединении».

Мужик сказал старцу-монаху: «Ну, отче! сказка теперь у тебя вся?»

— Вся, — отвечал ему монах.

Ну, так дай же мне, отче, твоего лука: я пойду в чистое поле воевать-поляковать».

Монах, отпоясав ремень от себя и, не говоря ни слова, схватил его, положил голову меж ноги, и начал так сильно драть, что мужик закричал дурным матом. Монах приговаривает: «Вот тебе лук, вот тебе война, вот тебе война и поляකованье! А лучше поди-ка, да паши репу, да хозяйство веди». Мужик, вырвавшись от монаха, побежал домой не оглядываясь, и в беспамятстве даже позабыл свою шапку.

(От кр. дер. Раниной Горы, Филимоновской волости, Анфима Савельева).

МИХАЙЛО ТРУНЩИКОВ

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно

в том, в котором мы живем, жил был царь, да царица, а у этого царя не было короны. Он и стал сбирать свое царство, и собрал всех главных начальников, и простого роду мужиков, кто ему корону мог достать с острова, где она хранилась. Вотот-ка и выискался один — Михайло Трунщиков.

— Я, гть, могу достать корону. А царь и говорит: много ли тебе надо, как корону достанешь? А Михайло Трунщиков и гть: мне денег не надо, а дай мне волю на двенадцать ден в каждом кабаке пить вино. Царь согласился. Прошло двенадцать ден, и стал собираться Михайло Трунщиков за короной. Пришел он к царю и просит благословения, а царь ему в ответ: с Богом. И спросил еще царь у Михайла Трунщикова: много ли тебе, гть, надо на дорогу? А Михайло Трунщиков у него и попрошал 12 кораблев, штобы были начинены с порохом, на 13-м мы, гть, поедем, и дай команду совдать.

Отправился Михайло Трунщиков в дорогу, и подъезжает к тому месту, на котором острову была корона. Сейчас зачал и распоряжаться: причаливайтесь! Команда причалилась к острову, вышел Михайло Трунщиков из корабля и пошел по острову, взял с собою трех совдатов. Идет он островом, а на этом острову маленьких змей по колено брели. Но у них была такая одежа, што они не боялись. Подходя к дому, а у этого дома лежала змея тридцать саден длины и двенадцать ширины. Они сильно испугались ее, но Михайло Трунщиков не струсил, перешел по ней и совдаты за им перешли все четверо, она и не слыхала; вошли в дом, а в доме в переднем углу стояла корона. Взял Михайло Трунщиков корону и воротился назад. Только из дома вышли, а змея повернулась к ним ротом, а сама говорит человеческим голосом: а! гть, вы пришли корону воровать! Сама рот распелила и хочет всех съесть. А Михайло Трунщиков и говорит: не ешь, дай мне снести корону на корабль, так втожно и ешь, а коли тепере съешь меня и корону, так тебе барышу нет, и нам убыток. А она гть: не поверю, ты, гть, не придешь. А Михайло Трунщиков: я, гть, тебе оставлю трех совдатов под заклад. И оставил трех совдатов, сам пришел на кораблю и сказал своим совдатам: отчаливайтесь скоряе! — Сейчас отчалились и поехали обратно в путь. Змея подождала Михайла, но

не могла дождаться, и съела трех совдатов, а сама закричала большим голосом и приказала маленьким змеям своим: летите, гть, на море и прожигайте корабли, увез нашу корону Михайло Трунщиков! Спорхнуло стадо змей и полетело. Видит Михайло Трунщиков, што дело не ладно и приказал своим совдатам отчалить три корабля с порохом. Сейчас совдаты перетянули снасти и остались три корабля, а они в путь поехали. Налетели змеи на три корабля и начали крышу прожигать, думали, што тут Михайло Трунщиков. Обсели кругом корабли, прожгли крышу и спыхнул порох, и разорвало корабли, и змей на мелкие части.

Услыхала старшая змея этот стук и опять закричала громким голосом: летите, говорит, остальные змеи, и жгите их на смерть. Поднялись все остальные змеи и полетели в погоню Михайлу Трунщикову. — Видит Михайло Трунщиков опять такую неудачу, и приказал отчалить четыре корабля с порохом. Сейчас отчалили четыре корабля. Налетели змеи на эти корабли и опять же начали прожигать крыши. Как только прожгли и дотронулись жигалом до пороху, порох спыхнул, разорвало корабли и всех змей.

Услыхала этот стук старшая змея; рассердившись, поднялась и полетела сама. Увидел Михайло Трунщиков старшую змею и сказал своим совдатам: отчаливайте остальные пять кораблей с порохом, а сами идьте на всех парусах. Сейчас совдаты отчалили корабли и поехали на одном корабле.

Налетела большая змея и бухнулась на пять кораблей. Видит Михайло Трунщиков, что змея упала на те корабли. Как она села, корабли угрузли в воду. Испугался Михайло Трунщиков, што подмочит порох и не спыхнет, но не успела она сесть на корабли и проткнула жигалом крышу, дотронулась жигалом до пороху, и спыхнул порох, и разорвало пять кораблей, и ее расхватило на мелкие части. Црево из ее выкинуло на берег с трем совдатам, которые были отданы под заклад: они были невреждены. И видя Михайло Трунщиков, што там, на берегу три совдата ходят, приказал подчалиться к берегу. Причалились к берегу, и подошли те три совдата, которые были в змеиной брюшине, а Михайло Трунщиков на корабль нейдет, на радостях ходит взад да вперед по берегу. Совдаты сговорились: давайте, отчалимтесь, да уедемте, пущай он останется здесь, ему

отсюдова не прийти, а мы дома скажем, что его змеи съели, а мы, мол, корону достали: нас царь и наградит. Сейчас отчалили от берегу, а Михайло Трунщиков скачь-поскачь, а никак не может взойти на корабль, сел на берег и заплакал. Поплакал, и придумалось ему: пойду я за кораблем, не могу ли дойти до дому? И пошел Михайло Трунщиков берегом, подалсе недалеко, вдруг выскочил из лесу черт, бежит, да сам кричит: а! ты у нас корону увез и всех змей перевел, — вот уж тепере не убежать, и я тебя съем! Михайло Трунщиков побежал от черта и перескочил за канавку, тут уж черту дела нет до него, он не может за канавку перейти, тут уж земля не черта, а медведя. — Только он за канавку перескочил, сейчас ему медведь навстречу, три сажени вышины, да две ширины, разел пасть и говорит: заходи ко мне в рот, от меня уж не уйдешь. Ты корону увез и всех змей перевел, да и от черта ушел, а уж от меня не уйдешь, я тебя съем! А медведь-от был милостивый. И стал прошать Михайло Трунщиков, чтоб он его спас. И говорит Михайло Трунщиков: Михайло Потапович, спаси меня, а сам поклонился медведю в ноги. Сейчас медведь уселся на лужок и стал рассказывать Михайле Трунщикову: у царя севодня пир; вот уж приехали к нему с короной. А Михайло Трунщиков и затосковал сильно: ах! гть, не привелось мне на пиру попировать! А медведь говорит ему: ежели желаешь, то мы поспеем на пир с тобой. Он опять поклонился медведю в ноги. Сделай, гть, такую милость, штобы поспеть на пир! Сейчас медведь приказал влезать на его, полез Михайло Трунщиков на его, медведь поприсел. И поскакал медведь во всю рысь. Подскакал к овинам к тому городу, в котором был царь, и приказал, штобы про него не сказывать, што его медведь привез: ежели как скажешь, так сейчас тебя из артели выхвачу и съем. Забожился Михайло Трунщиков, што не скажу. Простился с медведем и пошел в город. А царь корону принял от тех и усадил всех в передний угол. Уж пьют да попивают, а Михайла не забывают, за упокой поминают, потому што те приехали и сказали, што Михайла Трунщикова змеи съели, и никто не считал его живым. Только идет Михайло Трунщиков на глаза царю. Царь как увидел его, сейчас схватил в охапку и спрошал: где ты взялсё? А вот, гть,

они уехали, а меня медведь привез. И рассказал все царю подробно, как дело было. Рассердился царь и расстрелял совдатов, тех, которые омманули его, только трех оставил, которые были в змеином чреве. А Михайло Трунщиков только помянул про медведя, а медведь тут и есь, распехивает народ своей широкой грудьей; стража вся испугалась преогромного зверя, и у совдатов выпали ружья из рук. И пропустили медведя к царю во дворец. Подходит медведь и добирается до Михайло Трунщикова, и хочет его съесть. Но Михайло Трунщиков ему в ответ говорит: не ешь меня, медведь, не, гть, сказал про тебя, но хмель мой сказал. Давай и тебя напоим, и ты неладно заговоришь. — Сейчас прикатили сороковку бочку, напоили медведя, он одним духом ее высосал и сделался пьяной и повалился и не помнит сам себя. А стража хотела его убить. Но Михайло Трунщиков не дал. Он, гть, меня спас, так и я его спасу. И вся стража покорилась Михайле Трунщикову.

Медведь проснулся, и не помнит, как он плотно спал. Там стали рассказывать другие протчие, как это дело было; медведь поблагодарил Михайло Трунщикова, что он спас от стражи, и сам удалился во свою сторону. А Михайло Трунщиков получил от царя половину царства и женился на царевне у того же царя. И топере ешшо все-ть живут с царевной и царствуют вместе со своим тестем.

Записано Н. А. Иваницким
(См. материалы по этнографии Вологодской губ.).

ВОЛШЕБНИЦА

Жило два брата. Один помер, остался после него сын Иван. Стал этот Иван в совершенных летах, а дядя и не занимается им нисколько. Приходят сродники. «Что ты, дитятко, так живешь безо всего? Что не торгуешь?» — Да у меня нет ничего… — «Проси у дяди, что от отца осталось». — Вот он стал у дяди просить… Дядя думал, думал; дал ему 300 рублей. «На тебе триста рублей; как хочешь, так и живи!» — Он поблаго-

дарил и пошел вон из городу.

Идет неделю и две; пришел в другую губернию и видит: народ бежит, и он туда же. Видит: неверного поймали и тянут из него жилы. «Продайте мне его», говорит. — На, пожалуй! — «Что просите?» — Триста рублей. — Он отдал им все свои триста рублей. — Взял этого неверного, повел к попу; окрестили его. А он очень болен от ран-то. Этот Иван и просит: «батюшка, отслужите завтра обедню!» Отслужили обедню, причастили этого неверного; на третий день он и скончался. А похоронить его нечем. Купечество, народ узнали; набросали денег множество. Похоронили с церемоньей такой. Похоронили; осталось много-много денег... Этот Иван ушел, ни одной копеечки не взял.

Идет он путем дорогой, видит: высочайший стоит человек; он к нему ближе, тот все ниже, все ниже. Подошел он к нему, тот стал такой же... «Куда, говорит, добрый человек, идешь?» — Да вот, иду в разбойники куда-нибудь наняться. «Пойдем вместе!» Пойдем. — Пошли они; шли, шли дорогой. «Хочешь ли, говорит, меня дядей? Что ни достанем, все пополам, меня почитай; что прикажу, то и делай» — Хорошо, говорит.

Пришли они в нерусскую землю, к одному королю. У короля у этого одна дочь. «Ну, племянник, ступай на рынок, нанимайся в работники; кто наймет, приди, скажи; я с тобой пойду». Вот он пошел. Долго стоял, никто не нанимает. Едет король. «Ты русский?» — Русский; из такой-то губернии. — «Хочешь ли ко мне в зятья? Ты мне понравился... У меня зять недавно помер». — Не знаю, говорит, у меня дядя есть, я спрошусь у дядюшки. Пошел. Так и так, говорит. — «Ну так что ж! Надо идти!» — А тут и говорит: дядя, дядя! Что ты племянника на смерть отдаешь? У ней уж шесть мужьев было; она всех передавила... Он нарочно русского и берет. — «Ну что ж, говорит, воля Божья».

Вошел племянник к королю. Сейчас король к нему вышел. «Ну, что?» — «Дядя меня благословил». — «Хорошо, говорит, хорошо!» Сейчас выводит дочь. «Понравился ли тебе жених?» — Понравился, говорит. «Ну, Бог вас благослови!» Пошел племянник за дядей, пришли оба. У царя не брагу варить,

не вино курит; повенчались. Пир был такой отличный!.. Надо идти почивать... Пошли в спальню... Лег он на постель. «Ах, говорит, дядюшку-то мы не пригласили!» — Дядинька приходит. — «Ну, хорошо, говорит, что меня позвали, не забыли... вы, говорит, почивайте; я у порожка лягу». Заснули они... Ночью и летит змей... Вскочил этот дядя, саблю схватил, отрубил голову змею... А те спят крепким сном. Вот он взял, кровь смыл, голову убрал; пошел все покидал в море, в воду.

Поутру встают, посылает царь узнать. «Встали, говорят, так весело смеются!» Ну, слава Богу! — Такое пированье пошло, веселье у короля у этого. Пожили они месяца два. Этот Иван и говорит: «папенька! позвольте мне в свою губернию съехать. Я, говорит, ненадолго». — Хорошо, говорит. Пошли выбирать лошадей. Положит дядя руку на лошадь. «Вот эту бери». — Выбрали семь лошадей; четверку запрягли в карету, да дяде тройку. Поехали.

Ехали, ехали; приезжают в лес, заплутались. Видят вдали огонь. Приехали туда; стоит там дом огромный такой... Только один старичок по горнице ходит... «Кто, говорит, здесь живет?» — Охотники! — Вот они тут остановились. Пошли, легли спать. И заснули. Вдруг едут разбойники; спрашивают того старичка: «что, много приехало?» — Всего трое! — Слава Богу! карета, лошади, вся наша добыча. Напились, наелись. Пошли шестером их бить; а дядя-то у порога лежит. Взял встал, как первый ступил, он с него голову долой; другой — с другого; пятерых порубил... Остальные все испугались, ускакали... Вот этот дядя убрал, кровь смыл. А те спят крепким сном. Поутру встали, спрашивают: «где же хозяева?» — Они, говорит, охотники; приезжали, да поутру рано уехали. Напились они чаю; пошли в кладовые; посмотрели: что золота!.. Взяли мешки, всю тройку нагрузили, на которой дядя-то ехал.

Вот ехали они, ехали; доехали до того места, где попался ему дядя-то... Стали кормить лошадей... «Ну, говорит, племянник, был у нас с тобой уговор все делить пополам. Теперь нам надо расстаться; давай и жену делить пополам». Взял дядя, распилил ее пополам, из нее змеята пошли... Племянник-то так и упал без памяти... Вот дядя взял из нее все внутренности,

вычистил, перемыл, вспрыснул; она опять встала... «Ну, говорит, племянник, я тебя за то люблю, что ты меня слушал... Я, говорит, сохранял тебя во всех путях и дорогах». Тут они простились. Приехал этот Иван к дяде, все ему золото, серебро отдал. Дядя уж так перед ним приседает. В месяц дворец ему выстроил; поехал в свое государство.

(Записано лично мною в Вологодской губ.)

ГОРЫНЯ, КОРОМЫСЛО И ИВАН-БОГАТЫРЬ

Горыня и Коромысло отправились путешествовать по белу свету. Дорогой повстречались они с Иваном богатырем. Куда путь держите? спрашивает Иван-богатырь. — Пошли путешествовать по всей земле, отвечает Горыня. Иван-богатырь и пошел вместе с ними. Вот дошли они до горы. Иван-богатырь и говорит Коромыслу: развороши эту гору! Коромысло разбежалось, хлопнулось об гору и отлетело назад. Так же точно отскочил и Горыня. Иван-богатырь усмехнулся и говорит: ой вы горе-богатыри! ударил по горе кулаком, и гора развалилась. Пошли дальше. Видят: у дороги стоит ветхий домишко, а в нем сидит маленький мужичок и ест разные сласти. Иван-богатырь и говорит Горыне и Коромыслу: растворите-ка ворота! Горыня и Коромысло сколько ни бились, ни силились, никак не могут растворить ворота. Иван-богатырь подошел к воротам, дотронулся пальцем, и ворота свалились с петель. Вошли они во двор, оттуда в сени, и не могут найти дверей в избу. Ходили, ходили, наконец, нашли. Иван-богатырь и говорит Горыне и Коромыслу: идите в избу и расправьтесь с этим стариком. А старик этот был подземный царь. Вошли Горыня и Коромысло в избу. Старик ударил того и другого, и они полетели от него прочь: Коромысло под лавку, а Горыня к двери. Услыхав стук, Иван-богатырь вошел в избу. Старик испугался, вскочил из избы и спрятался. Горыня и Коромысло подсмотрели, что он спрятался во дворе под камень. Иван-богатырь отвалил камень, и увидели они бездонную яму. Вот и стали они плести веревку из елей, целый

лес исплели на сотню верст, а конец веревки все-таки до дна не достал. Тогда они приплели свою одежду, и даже сапоги. Вот Иван-богатырь и стал спускаться по этой веревке, а Горыня и Коромысло держали за конец. Долго он спускался, наконец спустился до дна и пошел подземным царством. Шел долго ли, коротко ли, и увидел хрустальный дворец., а вкруг того дворца стоит войско с огненными мечами. Иван-богатырь подошел к войску, показал им кулак, раздвинул по сторонам и вошел во дворец. В этом дворце и жил подземный царь. В этом дворце было много дверей, и все они крепко заперты. Иван-богатырь дотронулся до них пальцем, и двери растворились. Наконец, подошел к последней двери, за которой сидел подземный царь, а с ним девица-пленница. — Кто там? спрашивает подземный царь. — Я, твой слуга, отвечает Иван-богатырь, отворил дверь, схватил царя за бороду, ударил об пол и положил под половицу. Потом подошел к красавице и стал ее спрашивать: кто она и как сюда попала? Красавица рассказала ему, что муж ее находится здесь в плену и сидит закованный в цепях в соседней комнате.

Вошли они туда. Муж красавицы едва уже дышал, и не мог стоять на ногах, потому что две недели не едал ничего. Расковали его и положили на кровать. Но он недолго пожил и умер.

Иван-богатырь с красавицей пошли на белый свет. Шли долго и пришли опять к яме, в которую Иван-богатырь спускался. Как им попасть на белый свет? Вдруг видят: выпал из гнезда орленок. Иван-богатырь взял его в свои руки, покрыл своей одеждой и держит. Прилетел орел и видит, что Иван-богатырь ласкает его птенца. И спросил его: чем ты хочешь, чтобы я послужил тебе за то, что ты призрел и приласкал моего птенца? Иван-богатырь попросил вынести его на белый свет. Вот они сели на орла, и скоро очутились на белом свете. И женился Иван-богатырь на красавице, и стали они жить да поживать, да детей наживать.

(Записано в Вологодской губ.) Н. А. Иваницким.

СТУПАЙ ТУДА, НЕВЕДОМО КУДА; ПРИНЕСИ ТО, НЕВЕДОМО ЧТО

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был царь. У царя был человек; каждый день ходил этот человек на охоту и приносил по три птицы. Такой на него вышел несчастный день, что он не мог ни одной птицы застрелить. Идет и видит: плавает в речке одна уточка. Он в эту уточку метится застрелить. Уточка ему отвечает (говорит): не стреляй в меня, возьми меня замуж за себя.

Он ей отвечает: как мне тебя взять замуж, ты птица, а не человек. — Она ему говорит: не беспокойся. Если возьмешь, то будет у тебя много птицы.

Он обещается ей взять за себя замуж: в ту же минуту много налетело птицы. Он застрелил трех птиц и понес к царю. Приносит трех птиц и просит у царя позволения жениться. Царь ему позволил.

Когда свершился их брак, царь приказал ему привести жену показать; приходит он с своей молодой женой. Так ему (царю) молодая жена понравилась; он и норовит у него жену взять себе; да не знает, как; прямо ему взять не хочется, чтоб не обидеть мужа; и хочет он послать его (мужа) так, чтоб век не возвратился. Вот собрал он своих генералов, которые с ним служат, чтобы придумали, куда его послать. Один генерал выпросил позволение подумать двенадцать дней. Проходят двенадцать дней, генерал приходит к царю. Надо, говорит, его послать. Вот в ту же минуту царь призывает этого человека и посылает его туда, неведомо куда, принесть то, неведомо что.

Он идет к своей жене с угрюмой головой. Жена и спрашивает его: «что ты так угрюм?» — Да вот, говорит, меня царь посылает туда, неведомо куда, принести то, неведомо что. Жена и говорит: «не печалься, мой друг, я твоему горю помогу». Дала она ему два полотенца и чтоб он, когда зайдет на дороге ночевать, чужим не утирался, а своим. Вот он пошел; зашел ночевать по дороге к ее отцу. Ночевал. Вышел из дому, видит: выкатился из-под полу клубочек и покатился; он за ним пошел.

Клубочек прикатился в огромный лес. Прикатился к избушке и пропал. Он остался среди рощи, и некуда было ему деваться, кроме этой избушки.

Взошел он в избушку; стоят три прибора. Он хотел было водки выпить и закусить, и подумал, что это не для меня. Сем, я сяду, посижу на печке за столбиком, посмотрю, кто придет эту закуску есть; пошел, сел на печке за столбиком. Вдруг приходят три молодца; стали закусывать, сказали: невидимка, подавай на стол! Невидимка подает им разных кушаньев. Они отобедали и ушли. Этот человек тотчас вышел из-за печки. «Невидимка! накрывай для меня стол!» Невидимка тоже для него накрыл стол и подал всяких кушаний, которые те кушали. Он поел и говорит: «невидимка! пойдем со мной!» Вот невидимка пошел с ним.

Идут они домой, и встречается с ними старичок на дороге. Этот старичок и спрашивает его: что ты несешь? — Он отвечает: «я вот что несу: невидимка! накрывай стол!» Откуда явился стол, разные кушанья все. А этот старичок и говорит: у меня вот молоточек! — «Ну что же из твоего молоточка?» Он сейчас сел, постучал и откуда явилось несколько полков солдат. «Ну, говорит, давай меняться: ты возьми свой молоточек, а мне отдай невидимку». А этому человеку не хотелось меняться. Невидимка говорит ему: «меняйся, говорит, меняйся; я с тобой останусь». Вот он переменился; стал у него молоточек и невидимка. (Невидимка не пошла от него).

Немного погодя, встречается с ним на дороге другой старичок. «Что ты, говорит, несешь?» — Я несу бабочку. — «А я невидимку». Ну, что ж из твоей бабочки? — Он постучал: явилось стадо овец. А у тебя что? — «Невидимка! подавай кушать!» Откуда ни взялись всякие кушанья. — Давай меняться! — А этому человеку не хотелось меняться; затем послан, принести неведомо что. — Невидимка ему опять говорит: «меняйся, я с тобой останусь!» Ну, вот они поменялись; стало у него три вещи; пошел домой.

Сейчас царю докладывают, что человек пришел. Сейчас этого человека позвали сюда во дворец. «Ну, что ж ты принес?» — Невидимка, накрывай на стол. — Не глядя, что во дворце, не-

видимка накрыл стол, подает кушанья. — А вот, говорит, я еще принес. Ударил молоточком: откуда ни взялись полки солдат. А вот еще что! Только надо выйти из дворца. Вышли во двор: он сейчас постучал бабочкой: явилось стадо овец. — Сейчас царь опять собирает генералов, чтоб его опять послать, чтоб он никогда не мог возвратиться. Один генерал и говорит: послать его вот туда-то… В некотором царстве есть золотой дуб, ветви серебряные; чтоб из этого царства дуб вырыл и в свое перенес, поставил против царской комнаты. И присудили все генералы: послать этого человека, и если он не воротится, большая этому генералу награда; а если вернется, то его (генерала) казнить.

Царь призывает этого человека; приказывает ему: «вот в таком-то царстве, в таком-то государстве есть золотой дуб с серебряными ветвями; ты этот дуб вырой и принеси в наше царство, посади против моей комнаты». Пришел он к своей жене с угрюмым лицом. «Что ты, друг мой, пригорюнился?» — Да вот, говорит, царь посылает принести золотое дерево с серебряными листьями. — Ну, не горюй, я твоему горю помогу! Ложись спать, утро мудренее вечера. Он лег спать, а она вышла на крыльцо, махнула платочком, сейчас дуб из того царства очутился в этом царстве и был врыт против царской комнаты. Утро приходит; она своего мужа будит. «Ступай, мой друг! Дуб твой принесен; ступай, около него расчищай». Не успел царь проснуться, ему докладывают, что золотой дуб с серебряными ветвями перенесен в его царство и врыт против его комнаты. Сейчас дали этому человеку большую награду, а того генерала повесили на виселице.

О НЕСТЕРКЕ

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был Нестер, а у этово Нестера робят шестеро. Он воровать боится, а работать ленится, не знает, чем прокормиться. А изба у ево была худая, в избу лазили по бороде.

Вот однажды он вышел на большую дорогу и видит: едет Егорий преподобный ко Иисусу Христу. Он и спрошал ево: куда, гть, Егорий, едешь? А тот сказал: к Иисусу Христу, гть. — А скажи-ка ему: там есть Нестерка, у него робят шестерка, он воровать боится, а работать ленится, не знает, чем прокормиться. Приехал Егорий к Иисусу Христу и забыл про Нестерку. И поехал опять же в другой раз, а Нестер вышел на ту же дорогу. — Што, гть, опомнясь, забыл, так теперь уж не забудь, скажи, гть, Иисусу Христу, а штобы не забыл, так отдай мне стремяну с правой ноги. Когда там станешь садиться, то и вспомнишь про меня. Хорошо, тот и отдал ему стремяну. Туда приехал, да и забыл опять спрошать про Нестерку, когда же стал садиться на лошадь — и вздумал.

Ах, гть, стремяны-то нет; надо про ево спрошать. — Спрошал он про Нестера, а Иисус ему сказал в ответ: топере денег нет, вели ему по миру ходить.

Едет Егорий назад и говорит, што велел Иисус по миру ходить. — Ну так, гть, уж, брат, извини, не отдам стремяну! А стремяно-то было золотое. Егорий уехал без стремяны, а Нестер надел суседово платье и пошел продавать стремяну. Приходит в город, и попадает ему купец навстречу. — Продай, гть, стремяну? Он гть: купи. И заплатил купец ему 500 рублей, а Нестер ешшо взялсё и другую слить, и взял с купца задатку 500 рублей. — Подошло то время, а Нестер-то был не золотой мастер, лить-то он не умел стремянна, а эти деньги издержал: хлеба купил и робятам одежи. Приезжает купец к нему на дом и говорит: што, Нестер, слил стремяну? А тот ему в ответ: што это, Господи, какую стремяну? — Да как, гть, ты у меня и деньги взял? — Нет, никто тебе не поверит, што я золотой мастер. — Ну так, брат, гть, одевайся, да поедем в правленье. — Поедем. А Нестер надел поштанники худые, а сам говорит: кто тебе поверит, што я золотой мастер — приду в правленье в этаких штанах! — А купец и говорит своему кучеру: кучер, отдай брюки! — Кучер отдал ему брюки. Надел Нестер брюки, потом стал надевать сапоги — худые-прехудые, а сам и говорит: кто же тебе поверит, што в таких сапогах золотой мастер? Купец говорит кучеру: кучер, отдай ему козловые

сапоги. Кучер подал сапоги козловые. Надел Нестер сапоги и стал надевать халат. Такую надел сукманину, што трунок на трунке, чуть-чуть в одном месте дёржится, а сам опять говорит: кто же вам поверит, што я золотой мастер в такой сукманине? А купец говорит кучеру: подай, кучер, енотовый тулуп. Оделся Нестерка в енотовый тулуп, еще купец отдал бобровку-шапку. Нарядилсё Нестер и поехали. Приехали к правленью, и сейчас же купец выскочил и побежал вверх, в правленье. Тамо рассказал судьям подробно, как у них с Нестером дела. А Нестер говорит кучеру: каково вас, гть, купец дёржит? А кучер в ответ Нестеру: очень, гть, плохо. А спрошал Нестер кучера: как вас звать? А кучер ответил: гть, Иваном. — А ты, гть, назовись Константином, так мы с тобой обтяпаем купца.

Потом призывают Нестера в правленье. Приходит туда Нестер, и спрашивают его судьи: што, слил стремяну? — А какую, гть, стремяну? А судьи и говорят: а как какую? вот, говорят, купец жалуется, што ты деньги взял, а стремяну не слил. — Видишь, говорит Нестер, купец-то ведь без ума. — Купец смотрит на Нестера: да как я, гть, без ума? я, гть, в уме. А Нестер опять и говорит: поди скажешь, што сапоги-то козловые на мне твои? Купец посмотрел на него. — Да, гть, мои. Захохотал Нестер. — Ты, гть, поди, скажешь, и брюки на мне — твои? Купец говорит што: мои. — Вот, поди, скажешь, что и тулуп енотовый, и шапка-бобровка — твои? — Да, гть, мои. — Видите, братцы, он ведь без ума. — В самом деле, говорят, без ума. А Нестер опять говорит: ведь, поди — тройка коней и кучер — твои? Купец: да, гть, мои. А судьи говорят: у тулупа нельзя спрошать, а кучера можно; которова кучер послушает больше? Купец выскочил и зачал кликать: Ванька, Ванька! — А Ванька и не думает. Нестер вышел и кликнул: Костя! А кучер тут и есть. И сейчас призвали кучера в правленье и спрошали ево: ты чей, кучер? — А кучер указал на Нестера: вот, гть, етово человека. — А как же, говорят, к нам купец-то попал? А сказал кучер: ехали мы путем-дорогой, он к нам ввалился в сани и сказал: довезите меня до правленья, так я вам водки бутылку куплю. А мы ево добросовестно посадили. И вот остановились у правленья, а он нам велел подождать: погодите немного, я сейчас

в правленье схожу. Вот он ушел в правленье, а потом, не знаю зачем, Нестера и меня кликнули.

Судьи подивились такому делу и отправили купца в сумасшедший дом. А Нестеру осталась тройка коней и вся на ем одежа купеческая; а у Нестера был остаток денег от стремянна, и заплатил он кучеру сто рублей, а сам поехал домой.

О ПЕТРУШКЕ

Жил был барин да барыня; у них жил казак Петрушка. Барин-то женился далёко, не в своей губернии. Дожили до такого время, у тещи сделался праздник. И говорит барин Петрушке: поедем, Петрушка, к теще в гости. А Петрушка говорит: поедем. Сейчас Петрушка заложил пару коней, и поехали. А дело было к осени, около Спасова дни. Барин поехал только в одном сертючке и поись с собой нё взял. Вот едут они путем дорожкой, и говорит барин Петрушке: Петрушка! где нам на ночлег пристать? А Петрушка ему в ответ: што, гть, на постоялом, — еще деньги слупят, а мы в стогу ночуем. А ехали мимо покосов. Проехали деревню и пристали к стогу. Петрушка привязал коней к стогу, а сам под стог зарылся. А барин походил-походил, да и он под стог. А ночь-то была холодная этакая, барин замерз под стогом. И стал барин Петрушке говорить: Петрушка, ты не озяб? Петрушка говорит: нет, не озяб. — А чем ты этак тепло закутался? А Петрушка барину в ответ: мешком. — Еще, гть, нет ли у тебя мешка? И мне бы закутаться. А у Петрушки были мешки запасные. Выхватил из повозки мешок, и запихал барина головой в мешок, а мешок-то был длинный, на ногах завязал. И закатил барина под стог. Барин в сене согрелся, живо и заснул. А Петрушка походил, походил, да и пришло ему на ум: дай, говорит, я нарублю виц, да барина и отстегаю. Нарубил Петрушка виц, подошел к стогу, выхватил барина из-под стогу, и зачал стегать, а сам приговаривает: вас кто сюда звал, у моего стогу коней кормить, а сам барина лупит. Барин поохал, поохал, потом перестал; сил уж нет. И отвоз-

ил Петрушка барина путем, а сам бросил дальше вицы и сказал: я вот еще пойду по мужиков, так я вам дам! И, ровно как нигде не бывал, подполз к барину на коленках, а сам стонет, подполз, да и спрашивает: барин, жив ли? А барин насилу ответил: жив. — Давай, гть, Петрушка, скорее пойдем. Развязал мешок, вытащил барина за ноги, сели они в повозку и поехали. А время стало около полуночи. Барину страсть как есть захотелось. Вот подъезжают к деревне, в которой жила баринова теща. И говорит барин Петрушке: Петрушка! когда приедем, я буду по полу ходить, да скажу: тар-тарары! а теща спросит: што барин говорит? а ты и скажи: на стол станови. Приехали к теще на повить. Сейчас барин в избу, а Петрушка стал коней убирать. Убрал Петрушка коней и пришел в избу. А барин уж давно разделся, да по полу ходит. И сказал: тар-тарары! Сейчас теща и спрошала: што, Петрушка, голубчик, барин говорит? Петрушка ёй в ответ: самовар велит становить. А барину не до чаю. Сейчас Петрушку выкликал на повить. — Петрушка, гть, я стану ходить по полу и скажу: тар-тарары, а ты скажи, што на стол станови. Пришел опять барин в избу, ходит по полу и сказал: тар-тарары! А теща опять подскочила и спрошала: што, Петрушка, голубчик, барин говорит? А Петрушка ёй в ответ: ему, гть, поспать охота. Теща и говорит: а вон на печи перина раскачена, так поспи с дорожки-то. Со стыдом барин полез на печь: теща не покормила, да спать уложила. Барин лег и уснул. А Петрушка чаю напился и отобедал. Хозяева улеглись спать на повити, а Петрушка на голбец возле барина. Только хозяева из избы ушли, барин и проснулся. А Петрушка ешшо нё спал, услыхал, што барин зашевелился, и спрошал его: што, говорит, спотел? А барин гть: нет, не спотел, да есть охота. А Петрушка ему говорит: погоди-ка, поишшу краюшки хлеба. А барин рад бы и хлебцу. А у Петрушки была краюшка из дома запасная: он взял для дороги, дорогой-то мякиш выглодал, а в корки глину набил. Подал барину эту краюшку с глиной. Барин на печи ест, а у ево на зубах трескоток стоит. И говорит Петрушке: Петрушка! какой здесь хлеб-от худой! А Петрушка барину в ответ: ишь, какая у тебя теща-то неря: корочки запалились, а трушке отдал, а сам опять уснул.

Вдруг у тещи корова отелилась. А ночь-то была холодная, теленку-то холодно там, и принесли его в избу. И нужно бы отогреть, а не знают, где. А Петрушка ешшо не спал. И говорит хозяевам: валите теленка на печь за барина, он тут отогреется. А теща говорит: как да барин осердится? А Петрушка гть: нет, барин не сердитый. Вальнули теленка за барина, сами вон пошли. Петрушка взял ковш воды, плеснул за барина и стал будить: барин, барин! ты ведь, гть, отелился! Барин пробудился. Полно, гть, врать-то! — Да не вру — ты ложился — теленка не было, а хвати-ка: за тобой теленок. Барин пощупал за собой: верно, што теленок. А теленок стал отогреваться, да и замычал. А барин и гть Петрушке: это ведь не диво отелиться, да когда уходиться? — А Петрушка гть: я не знаю, когда. Барин гть: а когда со двора на двор быков переганивали, так один бык козлом взыграл, а я в то время и подумал, так быть в то время уходился? А Петрушка гть: как топерече нам делать с теленком? надо идти хозяев будить, да все селенье поднимать. А барин гть: Петрушка, возьми, на тебе 100 рублей, расплатись, а я, гть, убегу, а ты, как пойдешь, так меня кричи, я из сарая выду. Петрушка получил 100 рублей, а барин надернул калоши, да в одном сертучке беги в сарай.

Петрушка двери запер и пошел хозяев будить. — Батюшки, гть, ведь теленок-от барина съел! — Хозяева пришли, посмотрели: точно, што нет барина. И стали Петрушке молиться: Петрушка, голубчик, скинь теленка, он и нас-то всех съест. Петрушка взлез на печь, взял теленка за задние ноги и швырнул в передний угол, только теленок ногами потряс. Петрушка и говорит хозяевам: нужно топерь идти, да в селенье подавать заявленье, што теленок барина съел. А хозяева и стали его умаливать: не ходи, Петрушка, голубчик! на вот тебе сто рублей, а как домой приедешь, так скажи, что умер, и здесь похоронили.

Петрушка получил сто рублей и поехал домой. Едет мимо сараев, и зачал кричать барина. Барин насилу из сарая вышел: замерз. Сел барин в телегу и спрошал Петрушку: што, как там расплатился? А Петрушка гть: еще своих сто рублей издержал, все селенье сбежалось, да на меня драться, я на селенье сто

рублей отдал, а другую сотню хозяевам, и закопали теленка под взъезд, так не знаю топере, што и будет, я насилу вырвался.

Вот едут они путем-дорожкою, а места-то были гористые: барина чёкало да чёкало в телеге, он и помер. А Петрушка не знает, што делать, отстегнул одну лошадь, и посадил барина верхом мертвого, привязал его к лошади, а повод привязал к рукам, о лошадь опустил в рожь.

Увидел один мужик, и бежит со стягом на барина, сам и кричит большим матом: што ты, гть, подлец, по моей-то рже ездишь, да лошадь кормишь? — Побежал к барину, и хлесь ево стягом. Тут барин и головку повесил. А Петрушка с издале увидел, и замахал рукой мужику, и закричал: што ты, гть, подлец, сделал! барина-то ты убил! Оставил лошадь, а сам побежал к барину. Подошел и говорит мужику: ты бы не бил барина, а с него бы деньги получил за протраву ржи, вот тепере тебя сошлют. — Мужик испугался и зачал Петрушке в ноги кланяться. А Петрушка: нечево, гть, кланяться, не прощу! дай сто рублей, так прощу. Сейчас мужик сходил домой по деньги и отдал Петрушке. Петрушка подстегнул лошадь, посадил барина в телегу и поехал домой.

И подъезжает к дому, и вышла барыня встречать своего барина да Петрушку. Добро жаловать, каково съездили? А Петрушка в ответ: я съездил хорошо, да вот барина мертвого привез, места-то гористые, его до смерти и зачёкало. А барыня очень рада тому, што барина пережила: она Петрушку любила раньше.

Похоронили барина, а барыня за Петрушку вышла взамуж. И взыграли свадебку.

Записано Н. А. Иваницким
(См. Материалы по этнографии Вологодской губ.).

ПЕРУШКО ФИНИСТА-ЯСНА-СОКОЛА

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был старик, а у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая толь-

ко о хозяйстве радела. Сбирается отец в город, и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит: «Купи мне на платье!» И средняя то ж говорит. «А что тебе, дочь моя любимая?» — спрашивает у меньшой. — Купи мне, батюшка, перушко Финиста-ясна сокола. Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а перушка Финиста-ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и среднюю дочерей обновами порадовал; «а тебе, говорит меньшой, не нашел перушка Финиста-ясна сокола». — Так и быть! сказала она, может — в другой раз посчастливится найти. Большие сестры кроят да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает: «ну дочки, что вам купить?» Большая и средняя просят по платку купить, а меньшая говорит: «купи мне, батюшка, перушко Финиста-ясна сокола». Отец поехал в город, купил два платка, а перушка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит: «ах, дочка, ведь я опять не нашел перушка Финиста-ясна сокола!» — «Ничего, батюшка — может в иное время посчастливится». Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает: «сказывайте, дочки, что вам купить?» Большие говорят: «купи нам серьги», а меньшая опять свое: «купи мне перушко Финиста-ясна сокола». Отец искупил золотые серьги, бросился искать перушка — никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку. «Что несешь, старина?» — Перушко Финиста-ясна сокола. «Что за него просишь?» — «Давай тысячу» Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери. — «Ну, дочь моя любимая! говорит он меньшой, наконец, и тебе купил подарок; на, возьми!» Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать. После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — перушко Финиста-ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают: «с кем это, сестрица, ты разговариваешь?» — Сама с собой, отвечает красная деви-

ца. «А ну, отопрись!» Царевич ударился об пол и сделался перушком, она взяла, положила перушко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят, и сюда заглядывают — нет никого! Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перушко и говорит: «полетай, мое перушко, во чистое поле; погуляй до поры, до времени!» Перушко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле. На другую ночь прилетает Финист-ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услыхали, и сейчас к отцу побежали: «батюшка! у нашей сестрицы кто-то по ночам бывает; и теперь сидит, да с нею разговаривает». Отец встал и пошел к меньшой дочери, входит в ее горницу, а царевич уж давно обратился перушком и леджит в коробочке. «Ах вы, негодные! накинулся отец на своих больших дочерей; что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!» На другой день сестры поднялись на хитрости; вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы. Ночью прилетел Финист-ясный сокол, бился-бился, не мог попасть в горницу, только крылушки себе обрезал. «Прощай, красна девица! сказал он. Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных вздгложешь, чем найдешь меня, добра молодца!» А девица спит себе; хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может. Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: «ах, Боже мой! знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных и три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами, и пустилась в дорогу искать Финиста-ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала; приходит к избушке и стучится: «хозяин с хозяюшкой! укройте от темныя ночи». Отвечает старушка: милости просим, красная девица! куда идешь, голубушка? — Ах, бабушка! ищу Финиста-ясна соко-

ла. — «Ну, красна девица! далеко ж тебе искать будет». Наутро говорит старуха: «ступай теперь к моей средней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть, золотая нитка потянется». Потом взяла клубочек, покатила его по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком. Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец, прикатился клубочек к избушке. Она постучалась: «добрые хозяева! укройте от темной ночи красну девицу!» — Милости просим, отвечает старушка; куда идешь, красная девица? — Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. — «Далеко ж тебе искать будет!» Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко, и посылает к своей старшей сестре: «она-де знает, где найти Финиста-ясна сокола!» Простилась красна девица со старухою и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница: «добрые хозяева! укройте от темной ночи красную девицу!» Опять вышла старушка: «поди, голубушка! милости просим! откудова идешь, и куда путь держишь?» — Ищу, бабушка, Финиста-ясна сокола. — «Ох, трудно-трудно отыскать его! Он живет теперь в эдаком-то городе, на просвирниной дочери там женился» Наутро говорит старуха красной девице: «вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с Богом, и наймись к просвирне в работницы».

Сказано — сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками; и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит, да радуется: «слава Богу! говорит своей дочке, нажили себе работницу, и услужливую, и добрую: без наряду все делает!» А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прясть: прядет — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь: «ах, красная девица! не про-

дашь ли мне свою забаву?» — «Пожалуй, продам!» — А какая цена? — Позволь с твоим мужем ночь перебыть. Просвирнина дочь согласилась: «не беда, думает; ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретенце мы с матушкой озолотимся!» А Финиста-ясна сокола дома не было; целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился. Сели ужинать; красная девица подает на стол кушанья, да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту-ясну соколу сонного зелья в питье; уложила его спать и говорит работнице: «ступай к нему в горницу, да мух отгоняй!» Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет: «проснись-пробудись, Финист-ясный сокол; я красная девица к тебе пришла: три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменных изглодала, да все тебя, милого, искала!» А Финист спит, ничего не чует; так и ночь прошла. На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь: «продай, говорит, мне свою забаву!» — Пожалуй, купи. «А как цена?» — Позволь с твоим мужем еще единую ночь пребыть. — «Хорошо, я согласна». А Финист-ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать; красная девица подает кушанья, да все на него смотрит, а он словно никогда не знавал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять. И на этот раз как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал. На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка: «продай, красна девица! продай, говорит, мне свою забаву!» — Пожалуй, купи! «А как цена?» — Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть. — «Хорошо, я согласна!» Вечером прилетел Финист-ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать, и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает: «проснись-пробудись, Финист-ясный сокол! я красная девица к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары

железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя милого искала!» А Финист-ясный сокол крепко спит, ничего не чует. Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту ж минуту проснулся: «ах, говорит, что-то меня обожгло!» Финист-ясный сокол! отвечает ему девица, я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя искала! Вот кж третью ночь над тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься! Тут только узнал Финист-ясный сокол, и так обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли от просвирни. Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню. Ездила-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста-ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист-ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского: ударился о сыру землю и сделался перушком; красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу. «Ах, дочь моя любимая! я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?» — Богу ходила молиться. А случилось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене; «что ж ты, дочка милая! спрашивает он меньшую, собирайся, да поедем: нынче день такой радостный!» — Батюшка! мне надеть на себя нечего. «Надень наши уборы!» говорят старшие сестры. — Ах, сестрицы! мне ваши платья не по кости! я лучше дома останусь. Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те поры красная девица вынула свое перушко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем. Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-такой царевич с царевною пожаловал! На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перушком. Воротился и отец с дочерьми. «Ах, сестрица! вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной ца-

ревною». — Ничего, сестрицы! вы мне рассказали — все равно, что сама была. На другой день опять то же; а на третий день как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала. Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит: «нечего делать, надо признаться!» Вынула перышко, перышко ударилось об пол и обернулось царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак, да и ну толкать; надели на меня кузов: «ты, детинушка, не гузай (не мешкай)! убирайся-ко поскорей со двора».

ДИВИЙ МУЖ

Жил царь с царицею, а у них был сын Иван-царевич. Дворец царский стоял в густом зеленом саду, в котором росли золотые яблочки. И повадился в этот сад ходить вор, рвать золотые яблоки. Долго подстерегали вора этого, и, наконец, поймали; поймали и посадили в темницу. Вор этот был Дивий муж. Однажды Иван-царевич, гуляя по саду, увидал в окне темницы, в которой сидел вор, маленькую красивую птичку и хотел ее застрелить, но стрела пролетела в окно темницы. Иван-царевич подошел к окну, а Дивий муж и говорит ему: Иван царевич, выпусти меня! я тебе не только отдам стрелу, но и вперед пригожусь. Иван царевич сжалился над ним и выпустил из темницы. А Дивий муж в этот день приговорен был к смертной казни.

Когда Дивьего мужа не оказалось в темнице, и об этом донесли царю, то царь велел привести всех темничных сторожей и хотел их казнить, но один из сторожей сказал царю, что вора выпустил Иван-царевич. Царь очень рассердился на сына и собрал своих бояр и князей, чтобы судить Ивана-царевича. Бояре и князья и присудили выгнать Ивана-царевича из царства. В этот день его и выгнали.

Идет Иван-царевич дорогою и горько плачет. Сел он на камешек, чтобы отдохнуть, и вспомнил о Дивьем муже. Глядит,

а Дивий муж стоит перед ним, словно из земли вырос, и говорит ему: здравствуй, Иван-царевич! я давно тебя дожидаюсь. Прошу пожаловать ко мне, отдохнуть и хлеба-соли покушать...

Иван-царевич очень обрадовался, встал, и они отправились в дом к Дивьему мужу. За столом Иван-царевич рассказал про свое горе, как отец выгнал его из царства.

— Не печалься и не горюй! — сказал ему на это Дивий муж, — все к лучшему! Потом велел жене своей поднести Ивану-царевичу рог с питьем, да сладкого яблочка наливчатого. Когда тот выпил и закусил яблочком, Дивий муж подвел его к палице булатной во сто пудов, и сказал: попробуй, подними! этой палицей ты должен сразиться с змеем. Иван-царевич сколько ни пытался, никак не мог поднять палицы. Тогда Дивий муж велел жене своей снова налить рог питьем и поднести наливчатый яблочек, и когда он выпил и съел яблоко, то приподнял булатную палицу. Тогда Дивий муж сказал ему: иди теперь к царю, который живет недалеко отсюда, наймись к нему в конюхи, ты убьешь змея, поедающего каждый день десятки людей.

Пошел Иван-царевич к царю, нанялся в конюхи, и был лучше и исправнее всех конюхов, послушен и услужлив каждому, за что его все другие конюхи и все служащие царя полюбили, и царь часто награждал его за исправность, а вскоре поставил его первым конюхом. Не возлюбил его только один конюх, по имени Девкин сын, и искал случая погубить его.

Однажды царская дочь делала для конюхов угощение, и приказала всем идти в ее комнаты. Обнося их вином, она заметила, что одного конюха нет; не было также и Ивана-царевича, который в это время чистил коней. Вычистив коней, он сел отдохнуть и задумался, и вспомнил о Дивьем муже. А Дивий муж стоит перед ним, как из земли вырос, и говорит ему: пожалуй ко мне, Иван-царевич, хлеба-соли откушать. — Иван-царевич встал, и они пошли. Дивий муж велел подать Ивану-царевичу рог питья и наливчатое яблочко; когда Иван-царевич выпил и съел яблочко, Дивий муж подвел его опять к булатной палице во сто пудов и сказал: подними ее! Иван-царевич поднял палицу, как перышко. — Можешь теперь сразиться с змием! сказал Дивий муж; поторопись же домой, чтобы товарищи не замети-

ли твоего отсутствия; они скоро выйдут из-за стола. Завтра же, когда царь позовет свою дочь на съедение змию, ты зайди ко мне, и получишь от меня палицу и боевого коня. Иван-царевич вернулся домой.

На другой день, действительно, по жребию выпало, что царь должен был отдать свою дочь на съедение змию. Все пошли ее провожать до того места, где ее надо было оставить, а Иван-царевич пошел к Дивьему мужу. Дивий муж напоил, накормил его, отдал ему стопудовую палицу и богатырского боевого коня и сказал: когда победишь змия, то спеши приехать сюда, не показываясь царю.

Сел Иван-царевич на коня, привязал к боку палицу и поехал сражаться с змием. Скоро он увидел царевну, которая сидела на берегу моря и горько плакала, дожидаясь смерти. Иван-царевич, не показываясь ей, спрятался за ближнее дерево. Вдруг видит он: море заколыхалось и вышел из него змий. Иван-царевич выехал из засады и бросился на змия. Долго бились они, наконец Иван-царевич так ловко ударил палицей по голове змия, что он тут же издох. Хотел он тотчас же ехать, чтобы царевна не узнала его, но заметил на руке своей большую рану, из которой текла кровь, и подошел к царевне, чтобы та перевязала ему рану. Царевна перевязала ему руку своим шелковым платком, стала благодарить за свое спасенье и просила ехать вместе с нею во дворец к отцу ее. Но Иван-царевич, помня наказ Дивья мужа, не сказал ей ни слова, повернул своего коня и уехал. И лишь только он скрылся из глаз, как конюх Девкин сын выскочил из-за кустов с ножом в руках и сказал царевне: если ты не скажешь отцу, что я спас тебя от змия, то я тебя зарежу.

Царевна испугалась, дала ему верное слово назвать его освободителей от змия.

Вот приходят они во дворец к царю. Царевна подвела Девкина сына к отцу и сказала, что он ее спас от змия. Царь обрадовался, увидав свою дочь живою, и в награду за спасение своей дочери обещал Девкину сыну отдать за него дочь, а в приданое дать полцарства. Назначили и день свадьбы.

Когда узнал об этом Дивий муж, дал Ивану-царевичу волшебное колесо и гусли, велел ему одеться стариком и идти в за-

поведный луг, который находился недалеко от царства. При посредстве волшебного колеса Иван-царевич выстроил золотой дворец и стал играть на гуслях волшебные песни.

Услыхала эти песни царевна, и посылает свою няньку узнать: кто так хорошо играет.

Нянька пришла в заповедный луг и увидала золотой дворец. Вошла она во дворец — во всех комнатах благоухание, из первой комнаты прошла во вторую, потом в третью — никого нет. Наконец, в последней комнате увидела прекрасного юношу, играющего на гуслях, и так заслушалась его песен, что не могла сойти с места.

Между тем, царевна ждала, ждала, не могла дождаться няньки. Посылает она другую, и та также не возвратилась. Не вытерпела царевна, и пошла сама. Приходит во дворец, видит: няньки ее сидят, а прекрасный юноша играет на гуслях. Царевна тотчас же узнала в нем своего избавителя от змия, подошла к нему, и просила идти с ней к царю. Иван-царевич и пошел. Пришли они к царю, и она рассказала, как он ее избавил от змия, а равно и о том, как Девкин сын хотел ее зарезать. Царь так рассердился, что велел тотчас же отрубить голову Девкину сыну, а Ивана-царевича женил на своей дочери.

(Записано в Вологодской губ., в Великом Устюге)

ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ*

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы не живем, жил был царь с царицей, а у них была дочь Елена Прекрасная. Она была хороша, только в том беда, — много башмаков изнашивала. Елена Прекрасная каждую ночь уходила, потому и башмаков много изнашивала, а уходила она за тридевять земель в тридесятое царство к одному любовнику, и никто не мог ее заметить.

* Записано Н. А. Иваницким (Смотри «Материалы по этнографии Вологодской губ.).

Однажды царь сделал заявление во всем своем царстве: не выищется ли такой человек, который усмотрит, куда его дочь уходит? И вот нашелся один пастух; приходит к царю и говорит ему: ваше царское величество! я слышал ваше великое слово, будто бы ходит дочь ваша неизвестно куда, и никто усмотреть не может. Я это дело могу разузнать — куда она ходит.

Отвечает ему царь: ежели вы узнаете, то я за вас ее замуж отдам.

Наступает вечер. Угостившись, пастух лег отдохнуть на диван одной залы, но прикинулся нарочно, будто заснул. Вдруг приходит Елена прекрасная и говорит: прощай, мой друг, я уж пошла, а ты едва ли не проспишь здесь на диване. Пастух же, вставши, пошел за нею вслед. Долго они шли, и дошли до лесу с медным листьем; пастух, взявши, сорвал один листок и положил в карман. Недалеко отошли еще, и увидал пастух: в стороне леса дерутся два чертенка. Подходит он к ним и говорит: что, ребята, об чем деретесь? — делим после деда-прадеда сапоги скороходы и не можем разделить. — Так давайте, я вам разделю? — Раздели, пожалуйста! — А вот бегите в лес — который скорее листье сосчитает, того и сапоги. Черти побежали в лес считать листье, а он взял, надел сапоги, и ушел. Черти и сейчас бегают.

Вот доходят они до лесу с серебряным листьем. Пастух, взявши, сорвал листочек, опять положил в карман и опять увидел — в стороне леса два чертенка дерутся. Пошел к ним. — Ну что, ребята, об чем деретесь? — Об том, что после деда-прадеда делим шляпу-невидимку и не можем разделить. — Давайте, я разделю. Бегите в лес, считайте листье: который скорее сосчитает, того и шляпа. — Черти убежали, а он надел шляпу и пошел рядом с Еленой прекрасной.

Дошли они до лесу с золотым листьем. Взял он, сорвал листок, и опять положил в карман. И увидел в стороне лесу — дерутся два чертенка, подошел к ним и спрашивает: что вы, ребята, делаете? — делим после деда-прадеда саблю-саморубку, не можем разделить. — Давайте, я вам разделю. — Раздели, брат, пожалуйста. — Бегите в лес, считайте листье, который скорее сосчитает, того и сабля. Взявши пастух саблю, и отправился вперед.

Пришли они к ее любовнику. Этот сейчас ее принял, посадил за стол и начал угощать водкой, а пастух в шляпе невидимке сел с нею рядом. Они занялись разным разговором. Налил любовник рюмку водки, и потчует свою любовницу, она отставила рюмку. Пастух, взявши рюмку, и выпил. Любовник опять стал потчивать: ну что же, душечка, выкушайте рюмочку! Она, взявши рюмку: ах, вы потчуете гостей пустой рюмкой! — Да как же, я ее наливал! — Нет, должно быть, не налили.

Посидели так, поразговаривали, и стала Елена прекрасная сбираться домой, отблагодарила за хлеб, за соль, и за угощение и отправилась в путь. Пошел за ней и пастух.

Вышли из того царства вон; пастух пошел вперед, пришел во дворец и лег опять на тот диван, на которм спал раньше.

Является Елена прекрасная, подходит к нему. А, душа моя, что-то высмотрел? Кажется, что проспал! — Раздевшись, она тоже легла спать.

Вставши утром рано, царь призывает к себе пастуха. Является пастух. — Ну что же, брат, высмотрел, куда ходит моя дочь? — высмотрел. — В это время и дочь является перед родителем. — Ну вот, дочь моя, теперь узнали, куда ты ходишь! — Не может быть, чтобы мог кто усмотреть. — И спрашивает она пастуха: ну, скажи, брат, коли усмотрел, какими местами я шла? — Пастух вынимает из кармана медный листок и говорит: ну вот шли таким лесом, потом подал серебряный и золотой. — Ну еще когда вы были у своего любовника и потчивал он вас водкой, вы взяли простую рюмку, потому что налитую я выпил. — Ну, брат, молодец.

Царь выдал за пастуха свою дочь. Прожили они месяц-другой. Вот однажды легли они спать, и говорит Елена прекрасная своему мужу: Супруг мой любезный! расскажи, каким вы способом могли в то время усмотреть, что я ходила за тридевять земель в тридесятое царство? — Таким способом, что я сам за вами ходил.

И написавши он к старому любовнику письмо, чтобы явился он со всем своим войском, и выручил бы ее из объятий немилого мужа. Старый любовник, прочитавши письмо и очень сожалея о том, в зависти собрал многочисленное войско и подступил под город. Пастух, узнавши об этом, много не сомневался, надел

на себя сапоги скороходы, шляпу невидимку, взял саблю саморубку, устремился на неприятельские войска, и вскоре побил до единого воина, едва только мог спастись один любовник. И возвратился пастух домой цел и невредим.

Опять зажил он в лучшем виде, и проживши после того много времени благополучно. И был он один раз в веселом виде, и стала его спрашивать жена: скажите пожалуйста, супруг мой любезный, каким способом могли вы победить короля? — Он ей и рассказал: я имею сапоги скороходы, шапку невидимку, саблю саморубку, — хошь миллион воинов, и то могу побить. Тогда Елена прекрасная, взявши те драгоценные вещи, и ушла ночью.

Пастух просыпается утром рано, и не видит своей супруги; хватился своих драгоценных вещей — и их также не было. Пошел, рассказал своему тестю о побеге его дочери и своей жены. Потужили, погоревали; да делать было нечего.

И вставши пастух по одно утро, простился со своим тестем, и пошел знакомой дорогой. Идет он медным лесом, и схватили его черти на дороге. — Эй, стой, брат! теперече от нас не уйдешь! — Вот что, братцы, оставьте меня живого, потому что я ваших вещей не имею; ими владеет один король; я пошел за ними, только не знаю, как их достать. — Ступай, брат, мы тебя научим. Когда придешь ты туда, подкупи одну девку, а сам тряпнись об землю, и превратишься лошадью; увидает тебя король, велит поймать, а Елена прекрасная велит тебя изрубить. Когда тебя станут рубить, эта бы девка взяла один кусок и зарыла бы против дворца, тогда ты превратишься в яблонь. Эту яблонь Елена прекрасная прикажет срубить. Как станут рубить, так же первую щепку вели взять и бросить в пруд. Только девка в пруд бросит, как ты превратишься лебедью. Король увидает тебя, начнет имать, разденется нагой, поплывет за тобой в пруд, ты в то время вылети, тряпнись об землю, превратишься попрежнему в человека, и возьмешь эти драгоценные вещи, потому король постоянно на себе их носит, а тут оставит на берегу.

Приходит он в то царство, нашел и подкупил одну девку горничную, чтобы она за ним следила. Взявши, тряпнулся об землю, превратился прекраснейшею лошадью, и давай бегать мимо дворца. Увидавши, король приказал поймать. Поймали

лошадь и заперли в конюшню. Елена прекрасная и говорит: лошадь эта недаром! я ее приказываю изрубить! — Жалко было королю лошади, да делать нечего, изрубили лошадь. На другой день король, вставши поутру рано, увидал преизрядную яблонь и сказал о том Елене прекрасной. Та, выслушавши его речь, приказывает срубить яблонь и сожегчи, а пепел развеять на ветер. Срубили яблонь. Как первая щепка отлетела, взявши эта девка приступила ногою, никто не заметил. И бросила ее в пруд. Яблонь сожгли, пепел развеяли по ветру.

На другой день король пошел прогуливаться в сад и увидал — на пруде плавала лебедь. Подошел к ней так близко, что только бы в руки взять. Лебедь поотплыла на другое место. Король опять подошел, хочет схватить — лебедь опять отплыла. До того королю было влекательно поймать лебедь, что он разделся и поплыл за нею в пруд. Лебедь от него все далее и далее. Когда король отплыл далеко от берегу, лебедь стрепенулась и вылетела на берег, тряпнулась об землю, и сделалась по-прежнему добрым молодцом. Молодец взял, надел на себя сапоги скороходы, шляпу невидимку и саблю саморубку, короля этого убил, а сам отправился во дворец к Елене прекрасной.

Та, увидавши его, очень испугалась. — Супруга моя любезная, не пугайтесь, я пришел за вами. — Елена прекрасная собралась и отправилась со своим супругом на родину. Прибыли они к своему отцу, и пастух представил ему дочь его, а свою супругу. С того времени стал пастух жить да поживать, да детей наживать. Елена прекрасная не стала более от него уходить, стала его любить.

ИВАН ПРЕМУДРЫЙ*

В некотором царстве, в некотором государстве у царя был сын Иван царевич. И как только он стал в совершенных летах, стал он у папеньки проситься невесту искать. Поехал. Приез-

* Записано Н. А. Иваницким (Смотри «Материалы по этнографии Вологодской губ.).

жает к королю; у него три дочери, у этого короля. А уж королю так хотелось, чтоб Иван царевич взял которую-нибудь дочь; с такой радостью его встречает. Все так рады, кушать сели. Иван царевич и говорит своему дядьке: «дядька, поди узнай, где у королевен спальни!» Дядька сходил, узнал. Кончился ужин. Поехал Иван царевич с дядькой. «Как бы, говорит, подслушать, что обо мне будут говорить!» Подвел дядька Ивана царевича к их спальне.

Сошлись в эту спальню все три королевны и радуются. «Ах, как бы меня Иван царевич взял, я бы из одной рученочки напряла бы сорочку и порты». А другая говорит: «Ах, как бы меня Иван царевич взял, я бы из одной мочечки напряла бы сорочку и порты». — Третья и говорит: «нашли же вы, чем хвалиться! Как бы меня взял Иван царевич, я бы ему шесть сыновей родила, а седьмого Ивана премудрого, по локти ручки в золоте, по колен ноги в серебре, и на каждом волоске по жемчужинке». — Иван царевич и говорит: «дядька, слышишь, что они говорят?.. Теперь, говорит, я сватать буду».

Поутру приходит к королю. «Мне, говорит, большая ваша дочь очень нравится». Царь так рад; у царей не брагу варить, не вино курить, все готово; сыграли свадьбу. Попировали с неделю. Он и говорит: «что ж, душечка, ты обещала из одной рученечки напрясть сорочку и порты? Разве это можно?!..» — Мало и что в девицах говорится! — Он взял ее, в монастырь отправил; сватает другую. Король отдал. Опять попировали; он и говорит: «ну что ж, душечка, ты обещала из одной моченечки напрясть сорочку и порты? Можно ли это сделать?» — Мало ли что в девицах говорится! — Ну он и эту в монастырь отправил. Меньшую сватает, последнюю дочь берет. Поехал с этой к своим родителям.

Приехали домой, живут прекрасно, так хорошо. А те сестры ее ненавидят: «мы, говорят, по неделе только жили, а она год. Все силы употребим, да ее истребим». Так она год прожила, стала беременна. Те злятся, а во дворец не смеют взойти при царе. Государь уехал, они приезжают к ней… «Ах, милая сестрица! теперь вы в тягости, надо вам хорошую бабушку… Здесь все скверные; такая у нас есть знакомая славная, и боли не будешь

чувствовать». Поверила она сестрам. «Милые сестрицы! сделайте милость, пришлите». А у них волшебница знакомая-то. Вот эта волшебница к ней приходит, дала ей порошка выпить, та без памяти и стала, родила двух сыновьев, по локти ручки в золоте, по колени ножки в серебре; на каждом волоске по жемчужинке. Волшебница взяла этих детей к себе, а вместо них понесла к царю котенка да кутенка. «Что это ты принесла? Хоть бы простого ребенка!» — Что ж, батюшка, что родится, то и годится. — Государыня узнала, плакала, плакала. Государь долго сердился, долго его уговаривали. Наконец, простил ее; страшно он любил ее; и все в государстве ее любили…

Через несколько времени она опять забеременела. Сестры еще больше ее ненавидят, что он опять с ней живет. Как государя нет, они опять к ней приезжают; так-так с ней ласковы… «Ведь ты тогда хорошо родила?» — Хорошо, говорит, никакой боли не чувствовала. — «Ну, мы тебе опять эту бабушку доставим!» — Я уж не знаю… — «Нет, нет, непременно; менять не годится…» Опять эта волшебница приехала, дала ей порошка, она и заснула… Во сне родила двух сыновьев, по локти ручки в золоте, по колени ножки в серебре; на каждом волоске по жемчужинке; спрятала их к себе, положила лягушоночка, да мышоночка… Опомнилась она. «Ну что, говорит, кто у меня родился?..» — Лягушоночек да мышоночек!.. «Ах, бабушка, милая! не родил ли кто-нибудь в нашем царстве, вместо моих детей бы взять?» — «Как можно, как можно?» — Вымыла, принесла к царю. — Что ты еще принесла? — «Лягушоночка да мышоночка». — Старая корзина! Зачем тебя несет? — «Показать, батюшка, показать!» Так эта царица плакала, плакала… Приезжают генеральши, сенаторши… Вы бы, говорят, бабку переменили… — Да мне, говорит, сестрицы рекомендуют… «Да они вас ненавидят». Государя уговаривали, уговаривали… Государь опять простил ее; стала она выходить…

Через несколько времени она опять забеременела. «Хоть бы Господи дал простого ребенка». Опять ей эти сестры ту бабку навялили, она положила вместо детей головню, да зверка какого-то. «Бабушка! что у меня родилось?» — Головня, матушка, головня! — «Ах, Господи!» — Ну, что ж, что родится, то

и годится… Долго царь гневался, в последний раз простил… Вот она опять забеременела, родила Ивана премудрого… Ее вместе с этим Иваном премудрым засмолили, пустили по воде…

Растет Иван премудрый в бочке не по дням, а по часам; уж такой премудрый, такой умный. Потянулся, ударил в дно, дно вылетело. Вышли на остров. Ходят они по острову, ветер поднялся такой холодный… «Как, говорит, я озябла!» — Сейчас он огня достал, зажег… Вы, говорит, погрейтесь, а я пойду в лесок, птички-зверя поймать. Шел озером, шел лугом, шел дальше, видит — келейка. Взошел: нет никого; сейчас стал искать пропитания; посмотрел в печке, нет ничего… «Постой, я под печку спрячусь!» — Залез, сидит под печкой… Входит старик седой, сел на лавку, взял дубинку, ударил оземь. «Дубинка, развернись!» Сейчас откуда ни возьмись, кушанья-напитки… «Вот как бы мне эту дубинку!» — Старик наелся, напился, поставил дубинку в уголок, лег спать, захрапел, спит крепким сном. А Иван премудрый вышел, взял дубинку, бежит домой… Бежит назад тем же озером, лугом. Идет мужичок. — «Что ты несешь?» — Топор!.. Захочешь дом построить, сейчас будет… А Иван премудрый дубинку ему показал… «Давай меняться!» Поменялись. Старик идет шибко с этой дубинкой. Иван царевич и говорит: «топор» нельзя ли у старика этого отнять мою дубинку?» — Как, говорит, нельзя? Можно! Полетел топор, отнял у старика дубинку.

Приходит Иван премудрый к матери с топором и дубинкой, рассказывает матери. Мать так рада, молится Богу. Ложится Иван премудрый спать, приказывает топору и дубинке, чтобы выстроили дворец, точь в точь такой, как у папеньки. Утром просыпается во дворце; прислуга готова, и все так, как у папеньки во дворце. Они только дивятся. На другую ночь ложится Иван премудрый спать, приказывает, чтоб к утру на острове была пристань готова… Встает поутру; все готово.

На другой день плывет мимо острова корабль, и купцы дивятся: «птица тут не пролетала, теперь дворец стоит». Иван премудрый выходит на пристань. «Господа купцы, пожалуйте!» — А купцы дивятся, идут с ним к нему во дворец; он их угостил,

спрашивает: «куда вы едете и с какими товарами?» — Идем мы в Россию с такими-то товарами; да вот, говорят, приказал нам государь достать соболев, куниц и лисиц. — «Да у меня, говорит, есть». Легли спать. Иван премудрый и приказывает топору и дубинке, чтоб самые лучшие были соболи, куницы и лисицы. Утром встал Иван премудрый, чай стали пить. После чаю он и говорит: «ну, господа купцы! пойдемте в кабинет смотреть зверей». — Пошли, только дивятся эти купцы. «Покупывали, говорят, и мы много, а таких не видали. Как, говорят, ваше имя и отчество?» — Иван Иванович, говорит; я здесь с маменькой живу. — И спрашивают у него: «как же, говорят, цена?» — Я, говорит, так дарю, только довезите меня до вашего государства.

Пробыли они у него еще сутки, поехали; и он с ними. Корабль, как птица летит; бывало, две недели ехал, а теперь двои сутки… Приехали; он распростился, ушел от них… Сам оборотился мушкой, сел на правое плечо к этим купцам-то; сидит. Приходят они к государю. «Не прикажите, говорят, нас казнить, прикажите слово говорить». — Говори, говори! — На море на острове матушка с сыном живет, с Иваном Иванычем. И у них эдакой же дворец, как и у вас. Мы, говорит, трои суток там выжили: такие они благородные, ловкие… — Господа купцы! заворачивайте корабли, поедемте! — Тетки тотчас выскочили. «Ах, что вы слушаете мужика простого, деревенского… Поедемте лучше с нами за море; у нас там коты заморские!» — Хорошо, говорит, завтра! — Купцы подарили государю этих зверей, ушли домой… Иван премудрый и говорит: «топор-дубинка! чтоб был я дома!» Сейчас перенесли его домой; ложится он спать. «Топор и дубинка! чтоб завтра у меня были те коты заморские!»

На другой день опять идет корабль мимо острова. «Господа купцы! пожалуйте ко мне!» — Те боятся: не было ничего, а тут все явилось… Зазвал он их, угостил: они все дивятся на дворец, на котов заморских: шерсть так на них и стелется… Также и эти купцы трои сутки прожили, дал он им соболей, лисиц, куниц еще лучше прежних, и поехал с ними. Поплыли: тишина такая на море, а корабль как птица летит… Купцы и думают: «это, говорят, ангел, а не человек; святой, да и только». Приезжает

с ними Иван премудрый, простился с ними, оборотился мушкой, сел на голову купцу. Пошли купцы к государю, приносят соболей, лисиц, куниц еще лучше того. Дивится царь. А купцы и говорят «на острове на море стоит дворец такой же, как у вас; и коты у них есть заморские; стоит посмотреть!» — Господа купцы, заворачивайте корабли, поедемте на остров!» — Опять эти тетки говорят: «ах, что это вы всякого бородача слушаете! Поедемте лучше с нами! в саду у тетушки есть птицы райские, поют песни царские». Покорно благодарю! Тогда, говорит, ездил смотреть котов заморских, да ничего не видал!.. — Ну, те могли убежать, а птички не убегут никуда! Поедем лучше с нами... «Ну, хорошо», говорит. Пошли купцы домой. Иван премудрый и говорит: «топор и дубинка! чтоб быть мне у маменьки». Перенесли его на остров, ложится он спать. «Топор и дубинка! чтоб были у меня завтра птицы райские, пели песни царские!» — Просыпается утром, слышит: прелесть музыка. Слушали, слушали.

Потом опять плывет мимо острова третий корабль. Опять Иван царевич зазвал купцов, дал им соболей, куниц, лисиц. Прожили они у него трои сутки, поехали; и он опять с ними. Корабль, как птица летит... Приехали; он простился, пошел от них; потом обратился мухой, сел к купцу на голову. Приходят купцы к государю, подают куниц, лисиц, соболей. Царь и говорит: «вот так соболи! прелесть!» — Это ли, говорят, мы видали! На море на острове стоит дворец, точно такой, как ваш; живет в нем барыня с сыном, Иван Иванычем. У них и коты заморские, и птички райские поют песни царские... «Ах, купцы! заворачивайте корабли; я с вами поеду!» — Опять эти тетки: «ах, как вы малодушны! поедемте лучше с нами; у нас есть шесть сыновей, что ясных соколов: по локоть ручки в золоте, по колени ножки в серебре; на каждом волоске по жемчужинке; они уж не могут пропасть, их только в полдни выпускают на два часа». — Царь и задумался про своих сыновей. «Хорошо, говорит, поедем». Пошли купцы домой. А Иван премудрый как ударил жалом одну в глаз, другую в голову... «Ах, говорит, мне в голову ударило!..» Кровь побежала, завязала платком. А Иван премудрый обратился мухой, полетел домой.

«Ну, маменька, напеките мне шесть лепешек к завтрему». Вот она напекла ему шесть лепешек. Он и говорит: «топор и дубинка! чтоб быть мне там в самый полдень». Принесли его туда; эта волшебница выпустила всех шестерых. Уж они бегали, бегали... По локти ручки в золоте, по колени ножки в серебре, на каждом волоске по жемчужинке. Бросил он им одну лепешечку, потом другую, третью, все... Они схватили, стали есть. «Ах, говорят, какие вкусные, прекрасные, точно маменькины ручки пекли». Увидали братца... Спрячься, говорят, поскорее! А эта волшебница говорит: «а, Иван премудрый! и ты ко мне захотел». — Он и говорит: «топор и дубинка! порубите ее на мелкие части, побросайте все в воду!» — Изрубили ее, побросали в воду... Так все братья рады, что избавились от этой волшебницы. «Топор и дубинка! чтоб быть нам около своего дому». Тотчас все они очутились около своего дому. Вышла мать, всех их узнала. Они все упали на колени: «маменька, маменька!» — Благодарите, говорит, меньшого... А государь туда к ним и не ездил: одна тетка кривая, у другой голова распухла, как пивной котел.

Опять едут купцы корабельщики; так удивляются. Выходит Иван премудрый, зазывает их. «Пожалуйте!» — Братья людей-то не видали, удивляются... А купцы еще больше на них смотрят. Пробыли три дня, приезжают к государю. «Ах батюшка, ваше царское величество! На море на острове дворец, точно такой же, как ваш, и живут в нем шесть братьев, по локоть ручки в золоте, по колени ножки в серебре; на каждом волоске по жемчужинке; а седьмой брат — Иван премудрый. Есть там и коты заморские, и птицы райские поют песни царские». — Ах, братцы, заворачивайте корабли, поедемте! — А теток тут уж нет, лежат в постели... Поехали.

Через неделю приезжают к этому острову. Царь сам удивляется... Выходят к нему навстречу Иван премудрый с братьями, с маменькой... Царь пал на колени, с радости заплакал... И послал царь тотчас указ, чтоб и духу их (теток-то) не было. Приехал государь обратно. Вышли его встречать весь город, сенаторы; и ее под ручки повели... Иван премудрый и говорит: топор и дубинка! чтоб все здесь было: и птицы райские, и коты заморские! — Сколько было радости и народу удивленье на эти редкости и на царских детей!

НАСТАСЬЯ ПРЕКРАСНАЯ

Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в которм мы не живем, жил был царь, а у этого царя был сын да дочь: сын — Иван царевич, дочь — Марья царевна. И был у этого царя круг дворца прекраснейший сад; в этом саду беседка, а у беседки стоял на часах солдатик, очень красивый собой. И ходила в этот сад прогуливаться одна генеральская дочь. Влюбилась она в этого солдатика; постоянно придет к нему, посидит, поразговаривает и отправится домой. Царь это дело сметил, приходит к солдату и говорит: Слушай, служивый! должно быть, тебя любит эта генеральша? — Точно так, ваше царское величество, у нас с нею любовь происходит третий год.

Однажды царь прогуливался в саду, и явилась тут генеральша. Захотелось царю склонить ее к себе в любовницы, но она ни за что не соглашается. Царь рассердился на нее и говорит: Ах ты, подлая! солдату...! — Как я солдату...? — Сейчас отправилась к солдату, приходит и говорит ему: что же, служивый, вы какими словами похваляетесь, будто я вам...? Солдат очень испугался, да от робости и сказал: — Да как же не...? Конечно...! Ну так хорошо! Сейчас же отправилась домой и обсказала своему родителю. Тот приказал посадить солдата в темницу. А была в него давно влюблена Марья-царевна, но не могла найти способа с ним сблизиться. Теперь же нашла легчайший способ: сделала к солдату подземный ход и стала ходить каждый день. Солдату отлично стало жить, только что не на воле.

Вот вздумалось царю женить своего сына. Стали свататься за тридевять земель в тридесятое царство к Настасье прекрасной, и та была согласная идти за царевича, с тем только, чтобы он отгадал одну загадку. Прислала она в чемодане саблю, и нужно было отгадать: в котором конце носок, и в котором рукоятка.

Приходит Марья-царевна к солдату и обсказывает ему об этом деле. Солдат говорит ей: простая штука отгадать: опустите чемодан в молоко; в котором конце рукоятка, тот и повернется

кверху, так и отпишите, будет верно. Опустили чемодан в молоко, — верно, сбылось по-солдатову. Отписали туда обратно. И присылают опять оттуда 12-ть голубей, и нужно узнать, который и них старший; голуби были сизые.

Марья царевна приходит к солдату и говорит ему: опять пришла загадка; 12-ть голубей и нужно узнать, который из них старший. Солдат отвечает: насыплите пшеницы и пустите голубей; все голуби будут клевать, а один меньше; он будет ходить да ворковать вокруг их, так вы его и заметьте; будет верно. Заметили голубя, отправили обратно, вдруг оттуда письмо, чтобы сам Иван царевич приезжал. Иван царевич собрался в путь и отправился. — Приходит Марья царевна к солдату и говорит: у нас отправился далеко братец Иван. Отвечает ей солдат:

— Ежели меня не будет там, так ему не воротиться домой. — Ах, как же так! поезжай туда! Я тебя отсюда выпущу…

Вышел солдат из темницы. Дала ему Марья царевна денег на дорогу; солдат купил себе приличное платье, пошел по кабакам, и набрал себе 12-ть пьяниц. Пьяницы и говорят: Что прикажете делать?

— Что делать? Ничего. Только вино пить.

— Ах, брат! житье важное!

Отправились в путь дорогу. Много ли, мало ли отошли они места, только солдат увидал: дерутся на дороге два чертенка, делят после деда-прадеда шляпу-невидимку и не могут разделить. Солдат подошел к ним и говорит: полноте вам драться, давайте я вам разделю. — Раздели, брат, пожалуйста! Солдат взял ружье, зарядил порохом. — Вот я хлопну, так бегите; который этих порошинок больше насбирает, того и шляпа. — Хлопнул из ружья, черти побежали. Надел он шляпу-невидимку, пошел к пьяницам и хлопнул одного шляпой. Пьяницы начали драться. Солдат снял шляпу. — Ребята, что вы, тише! Пьяницы начали друг на дружку жаловаться.

— Он мне дал оплеуху! — Другой: он мне дал оплеуху, вот и драться стали. Солдат угостил их водкой.

Пошли дале. Опять на дороге дерутся два чертенка. Солдат подошел к ним. — Об чем, ребята, деретесь? — Делим скатерку-самоварку, два года не можем разделить. — Давайте,

я разделю. — Раздели, брат, пожалуйста. Солдат зарядил ружье, хлопнул из него. — Ну, ступайте, бегите, собирайте эти порошки, который скоряя сосбирает, того и скатерть. Черти убежали, солдат взял скатерку и ушел к своим товарищам. Раскинули скатерку. Всего стало довольно, и водки, и кушанья.

Опять пошли вперед. Идут дорогой, и опять солдат видит: дерутся два чертенка. Подходит к ним. — Об чем, ребята, деретесь? Вот, делим после деда-прадеда ковер-самолет, три года разделить не можем. Солдат зарядил ружье, хлопнул из него. — Бегите скоряе, собирайте эти порошки, который скоряй сосбирает, того и ковер. Черти убежали, а солдат взял ковер-самолет и отправился к своим товарищам. Угостивши их, раскинул ковер. Сели они, полетели, подобно из лука стреле пущенной, сразу преставились в то царство, где была Настасья прекрасная, и спустились в сад. — Еще Ивана царевича и слуху не было. Солдат и говорит своим товарищам: Слушайте, ребята, вас будут спрашивать, так вы отвечайте, каждый про себя: я большой-набольшой. Вдруг из дворца увидели, что прилетел жених на ковре по воздуху; сказали Настасье прекрасной, та пошла встречать и говорит своим придворным: однако, хитер жених! — Приходят туда и видят: все пьяны. Начали спрашивать: кто из вас большой? Все в один голос отвечают: я большой-набольшой! Так и не могла ничего добиться. Настасья прекрасная приказала принять их во дворец: потом я узнаю, кто из них старшой.

Пьяницы пришли во дворец, начали там пировать, а Настасья прекрасная приказала постлать в комнату одну перину. Пьяницы уснули кто где, а солдат лег на перину. Вдруг ночью приходит Настасья, взяла и отстригнула у солдата угол у жулетки, а сама ушла.

Солдат, проснувшись и заметив это дело, взял у всех отстриг углы у жулеток. Утром приходит Настасья прекрасная и спрашивает: кто, господа, у вас большой? Пьяницы все в один голос отвечают: я большой! я большой! Приходит она к солдату. Вот он над вами большой! Тут пьяницы ее спросили, по чему вы замечаете? — Я вечор вот угол отстригла у жулетки. Пьяницы посмотрели: также и у них нет углов. — Нет, это неправда; вот

и у нас углов нет. Настасья прекрасная видит: толку нет, приказала их прогнать в шею.

Солдат с пьяницами отправился в город и нанял квартиру. Вдруг приехал Иван царевич. Началась пушечная пальба, по всему городу стало известно, что приехал настоящий жених. Настасья прекрасная собралась и пошла встречать со всем своим прислугам. Встретили Ивана царевича, приняли во дворец и начали водить его по комнатам. Привели его в одну комнату, в которой между окон была решетка в виде копий, а на каждом копье человечья голова. Вот и говорит Настасья Ивану царевичу: Иван царевич! вы две загадки отгадали, так я согласна идти за вас замуж, только с тем, что сошьете вы мне платье под венец точно такое, какое я сошью, чтоб материя одна была, ширина одна и длина, и чтоб к завтрашнему утру чтобы было готово.

Иван царевич пошел по портным, по портнихам; только его дураком называют: почем мы знаем, какое она сошьет! — Идет он городом со своим адъютантом; попадается им навстречу старуха. — Что, бабушка, не знаешь ли какой-нибудь портнихи или портного хорошего? — Нет, родимые, не знаю; сходите, вот недавно приехали какие-то пьяницы, спросите у них, они народ дошлый, небось и знают. — Иван царевич отправился на квартиру к пьяницам, приходит туда, там песни, пляска, драка, что такое и сочиняется! И спрошал у них: послушайте, господа! кто из вас большой? Все отвечают: я большой, я большой! Царевич посмотрел и отправился обратно, вдруг солдат выбегает за ним. — Что вам угодно, Иван царевич? — Вот что, брат, земляк, не можете ли, пожалуйста, сошить платье: какое царевна шьет, такое и мне нужно. Всех обошел портных, никто не берется. — Что ж, я возьмусь и сделаю, только подпишите треть царства. Царевич переговорил со своим адъютантом. — Ну хорошо, с нашей стороны будет готово, только пожалуйста, изготовьте к завтрашнему утру. Царевич отправился к себе на квартиру, а солдат надел шляпу невидимку и пошел во дворец. Пришел туда, где платье шилось, только что его кончили. Солдат сидит, вдруг является Настасья. И приказала одной фрелине надеть. Та надела и прошла по полу. — Ну где ему,

дураку, сошить такое платье! Фрелина сняла платье, положила в сундук, а Настасья прекрасная ушла. По уходу ее солдат взял платье себе под пазуху и опять сел. — Через несколько времени хватились платья, а его нет; опять взяли по той же мерке и с той же материи давай шить скорей; сразу кончили. — Солдат отправился домой. Утром является царевич и спрашивает: что, изготовили? — У меня готово, как у вас? — У нас тоже. — Ну так пожалуйте документ. Царевич подал документ, а солдат ему платье. — Ступай, неси, только не кажи ей, пускай она наперед свое покажет.

Царевич пришел к Настасье прекрасной.

— Ну что же, изготовили? — У меня готово.

— Так покажите. — Нет, вы наперед покажите, потом и я покажу. — Царевна надела платье и прошла по полу. — Ну вот у нас какое! — Царевич вынул свое — точно такое же. — Ну, Иван царевич, хитер, только кто у тебя хитричает? Еще сделай мне башмаки, такие же, какие и я сделаю. Иван царевич отвечает: ну хорошо, приготовлю.

Распростившись с Настасьей прекрасной, отправился опять с адъютантом по сапожным мастерам, но ни один не берется. — Черт ее знает, какое она сошьет! Адъютант говорит царевичу: пойдем-ка опять к пьяницам. Приходят к пьяницам, спрашивают большого, — все в один голос: я большой, я большой! Солдат выходит опять к Ивану царевичу.

— Что вам, Иван царевич, нужно? — Да вот что: нужны башмаки, не можете ли, пожалуйста, сделать? — Отчего, могу, только треть царства отпишите; приносите утре (завтра) документ — и получите башмаки.

Царевич отправился на квартиру; солдат пошел во дворец. Приходит туда, там башмаки совсем сделали, поставили в шкап. Солдат взял их и отправился. Там после него хватились башмаков — нет. Что же такое? Не черт ли у нас уносит? давай опять кроить и шить новые: сразу изготовили.

Царевич приходит утром, приносит солдату документ на треть царства, а солдат ему вручает башмаки.

— Ступай, неси, только не кажи, наперед пускай она свои покажет.

Приходит царевич во дворец. — Изготовили ли? — У нас готово. — Ну, так покажите-ка! — Нет, вы свои наперед покажите. Царевна вынула из шкапа башмаки. — Ну, вот у нас какие! — Иван царевич вывязал из платка и подал свои башмаки. Царевна посмотрела и сказала: Ну, хитер Иван царевич, только кто у тебя хитричает? Ну, теперь, когда сделал башмаки, так сделай то, что я сделаю в сегодняшнюю ночь.

Царевич пошел и задумался очень тяжко; и говорит своему адъютанту: ну, тепериче куда пойдем? — Пойдем опять к пьяницам, они не помогут ли?

Приходят туда. Вышел к ним солдат.

— Что вам требуется, Иван царевич?

— Да вот что: Настасья прекрасная приказала сделать в сегодняшнюю ночь то, что она сделает; не можете ли как-нибудь устроить? — Отчего не могу, только пожалуйте документ на треть царства, приходите утре.

Царевич отправился на квартиру, солдат во дворец. Только подходит к дворцу и видит: тройка коней; и выводят Настасью прекрасную, завязанную платком. Фрелины с причетами садят ее в карету, и солдат с ней сел. Кучер повез неизвестно и куда, только подъехали к морю, где стояла шлюпка. Настасья прекрасная вышла, села в шлюпку, и солдат сел тоже, поехала на остров, который недалеко был от берегу; приехала на остров, села, и давай причитать. — Ах, друг мой, выйди, простися со мною в последний раз. Вдруг море заволновалось и вышел оттуда водяной царь, с нею поздоровался, также прослезился. — Ну, прощай, моя дорогая любовница, не видаться нам будет больше никогда! Царь лег к ней на колени, она начала у него искать в голове и выдернула золотой волосок. Солдат захватил за волосье, целую горсть вырвал. Царевна посидела со своим любовником, простилась, села в шлюпку и поехала. Солдат также сел с нею. Вдруг видят: плывут в море два селезня. Царевна поймала одного, а другого солдат схватил, вышли они на берег, сели в карету и поехали домой.

Встретили царевну фрелины. Входит она в залу в веселом виде, и солдат вошел с нею, опустила селезня, и приказала убрать как можно лучше. Взяли селезня, начали унизывать

разными лоскуточками; солдат тоже стал украшать своего. Те, убравши селезня, опустили на пол; солдат посмотрел: у него хуже убран селезень; взявши, своего отпустил, ихнего взял, завязал в платок и отправился домой.

Утром рано является царевич. — Ну что, брат, сделали? — Сделал. На тебе селезня и горсть золотого волоса, а мне пожалуйте документ. Царевич отдал документ и пошел во дворец. Встретила его Настасья прекрасная. — Ну, Иван царевич, сделал ты то, что я сделала? — Я не знаю, покажите наперед, что вы сделали. Царевна приказала опустить селезня. — Ну, у вас есть ли такая штука? — Царевич развязал узел и опустил своего селезня, гораздо превосходнее ихнего. — Ну хитер, Иван царевич, не знаю только, кто у тебя хитричает. Потом вынимает из кармана золотой волосок. — Ну, у вас есть ли такая штука? — Иван царевич вынул и подал целую горсть волосья. — Ну, Иван царевич, это последняя тебе моя загадка, так давай, собирайся как можно скорее, поедем в твое царство венчаться. Царевич сразу в поход изготовился и отправился. А солдат не торопится домой, знай кутит со своим товарищем, много прокутил времени после них, потом сказал: Ну, друзья, и нам пора отправляться. — Рассчитались за квартиру честно-благородно, вышли за город, сели на ковер-самолет и сразу представились в свое царство, еще Ивана царевича и в слухах нет. Тут солдат наградил всех пьяниц деньгам; те отправились по питейным домам: еще не все там были забраны пьяницы; увидались со своими друзьями. Те и спрашивают: Что, брат, где пропадал, тебя не видать было? — Не говори, брат, были в таком месте, черт знает, где и были!

Солдат в это время опять нарядился в солдатское платье и сел в темницу. Приходит Марья царевна и спрашивает: благополучно ли съездил, и про брата тоже.

Приезжает Иван царевич. Встретили его с пушечною пальбою, и, так как к свадьбе все было готово, то на другой день и обвенчались. От царя вышел милостивый манифест, чтобы всех пленных из заключенных мест освободить, а про солдата совсем забыли.

Марья царевна и говорит своему отцу: Дражайший родитель! Что же вы не всех пленных освободили, а есть один сол-

датик, заключен в темнице, — что же ему милости нет? — Ох, дражайшая дочь! Ладно, что напомянула, а то я совсем про него забыл.

Сейчас приказ вышел: освободить солдата. А Марья царевна заранее сказала ему: когда выйдешь на волю, чтоб являлся бы на свадьбу. Принят он был в наилучшем виде, наипаче от Марьи-царевны. Отошло венчанье, съехались гости, и пошел пир на весь мир. Как распировались, солдат приходит к царю и подает ему три документа. Царь, прочитавши про себя, обратился ко всем посетителям своего дому и начал читать вслух. Прочитавши все документы, проводил свадьбу. После свадьбы призывает к себе сына.

— Ну, сын мой любезный, вы отправляйтесь в то царство к своей супруге, здесь тебе не принадлежит ничего, потому что сам подписал три трети царства.

Царевич отправился с Настасьей прекрасной в ее царство, а старый царь отдал Марью-царевну замуж за солдата. Солдат стал жить да поживать, да царством управлять.

(Записано Н. А. Иваницким.)

КОЛДУН

В некотором царстве, в некотором государстве жил был мужик; у него было три сына женатых. Жил он долго и на деревне слыл за колдуна. Стал умирать и приказывает невесткам, чтоб караулили его три ночи поочередно, а самого чтоб его поставили в холодной избе, и чтоб невестки пряли ему волну на кафтан; а креста не велел надевать ни себе, ни невесткам.

Вот в ту ночь села старшая невестка с серой волной и стала прясть. Приходит полночь. Свекор и говорит из гроба: «невестка, ты тут?» Она испугалась, говорит: тут. — «Сидишь?» — Сижу. — «Прядешь?» — Пряду. — «Серну?» — Серну. — «На кафтан?» — На кафтан. Он и двинулся к ней. Во второй раз он опять говорит: «невестка, ты тут?» — Тут. — «Сидишь?» — Сижу. — «Прядешь?» — Пряду. — «Серну?» — Серну. — «На

кафтан?» — На кафтан. Она зажалась в угол; а он подвинулся еще на сажень. — В третий раз двинулся, она молитвы не сотворила, он ее и задушил; а сам лег в гроб. Бабу снесли, а сыновья по родительскому приказу, послали на вторую ночь вторую бабу. С ней то же было; и другую задушил.

Третья поумней была; сказала, что сняла крест, а сама оставила его на себе. И села, прядет, а сама молитву творит. Приходит полночь. Свекор и говорит из гроба: «невестка, ты тут?» — Тут. — «Сидишь?» — Сижу. — «Прядешь?» — Пряду. — «Серну?» — Серну. — «На кафтан?» — На кафтан. И другой раз также; в третий раз, как он хотел на нее броситься, она на него крест; он упал и умер. Посмотрела она в гроб; там все деньги лежат. Свекор хотел их с собой взять или чтоб тому достались, кто его перехитрит. Вот эта невестка и стала богата.

(Записано мною лично со слов
крестьянина Яренского уезда)

КОЛДУН И ЕГО УЧЕНИК

Жил старик со старухою; у них был сын молодых лет и состояние их оченно бедное. И не знают, куда отдать сына учиться какому-нибудь ремеслу, лишь бы с хлеба сбыть. И пошел отец со своим сыном в город, пришли в город, но не могут ничего приискать. Сидит отец против одной харчевни, сам про себя думает: хоть бы нечистый дух взял моего сына в учение! Только успел это подумать, и выходит из этой харчевни старик. — Отдай, братец, мне своего сына в ученье? — Что ж ты возьмешь за ученье? — Сто рублей возьму.

— К чему же ты научишь моего сына? — Ко всякому ремеслу могу обучить. — А где твоя фатера? — Моя фатера там, за заставой дом большой. — Надолго ли ты возьмешь моего сына? — На три года, я ранее взять не могу его.

Отец отдал своего сына, и неизвестно кому. Проходит год, другой, так и третий, время приходит, надо идти за сыном. Приходит в этот дом. — Где, говорит, мой сын? — Теперь тебе

еще не время получить сына, завтрашний день можешь увидеть его. Приходит на другой день. — Ну вот, говорит, если узнаешь, что твой сын, то твой и будет, а если не узнаешь, то навеки расстанешься с ним. Я, говорит, завтрашний день выпущу двенадцать голубей; из двенадцати голубей узнавай своего сына. Сказал это, и скрылся неизвестно куда. Вышел старик отец на луг, а на лугу гуляет голубок. Этот голубок как увидел старика, хлеснулся о сырую землю, и сделался прекрасным добрым молодцом. — Ты, говорит, батюшка, за мной? — Да, любезный сын, за тобой. — Смотри же, говорит, любезный батюшка, мой хозяин оборотит нас двенадцати голубям, и замечай: я правое крылышко выставлю, и говори, что это мой сын. А потом он нас оборотит двенадцати лебедям, из лебедя в лебедь, и в одно перо. Ты, смотри, гляди, я лишь один вдоль-то артили и пролечу. И говори, что это мой сын. Он тебе скажет: ступай куда хошь с ним. Потом он нас оборотит двенадцати молодцам, из молодца в молодец, из лица в лицо, и платье одинаковое. Смотри, замечай: я будто что нечаянно уроню белый шелковый платочек и стану поднимать, и говори, что это мой сын. Он и скажет: ступай куда хошь с ним.

Так оно все и случилось. И взял отец своего сына домой. Приходят домой.

— Ну, старуха, не знаю, чему моего сына обучили. — Ах, любезный батюшка и матушка, не тужите обо мне! вот что я тебе скажу, любезный батюшка. Я хлопнусь о сырую землю и сделаюсь карею лошадью, ты меня продай, а узды с меня не продавай и проси за меня сто рублей.

Приходят в город. Сын стук о сырую землю, и сделался прекрасной карей лошадью. Старик приводит его на конную. — Сколько стоит твоя лошадь? — Сто рублей. — Получи деньги. — Я, говорит, коня продаю, а узды не продаю. — На что нам твоя такая дрянная узда? — Старик получил деньги и отдал коня. Только успел немного миль (sic!) отойти, а сын его и догоняет. — Ну вот, говорит, и я, любезный батюшка. Завтра я оборочусь опять сивой лошадью, проси за меня опять сто рублей. — Оборотился сивой лошадью, и повел его отец на конную, все равно, как и раньше, сто рублей взял. — Вот что,

говорит, любезный батюшка, оборочусь я в последний раз вороным жеребцом, и тогда ты за меня проси триста рублей, а узды никак не продавай; если ты меня с уздой продашь, то тебе меня веки веков не видать. Оборотился вороным жеребцом, и старик опять эту же самую плохую надел узду. Попадаются ему встречу купцы. Однако, сторговаться не могли, и привел он коня на конную. И ниоткуда возьмись, является старик. — Что, дедка, продаешь коня? — Продаю. — Сколько стоит? — Триста рублей. — На, возьми деньги. — Я, говорит, коня-то продаю, а узды не продаю. — А разве, говорит, без узды лошадь продается? — Выхватил у него повод и сел на коня. И давай его конь носить по болотам и лесам. А старик этот и был тот самый колдун учитель. И едва он мог приворотить к своей сестре колдунье. Привязал старик коня к березе, и пришедши в избу к своей сестре. — До того я ездил, что пристал, дай мне спокою. Она его накормила, напоила и спать уложила. — Ах, говорит, что он делает! привязал коня и не напоил его! Она подошла, отвязала этого коня и привела на реку поить. Только конь никак не пьет, дальше в воду заходит, да мордой фыркает. Она понемногу и стала повод отпущать, и говорит сама себе: вот хорошие кони нашей худой воды не пьют, а вода такая черная. Вдруг конь вырвал повод у старухи из рук, и вдоль реки и поплыл.

Узнал колдун, что конь уплыл — за ним в погоню. Оборотился он щукой, а конь ершом и — под камень. Как щука ни воровата, не могла ерша схватить. А этот ершик и уплыл в турецкое государство и стал под плот. Через несколько времени и идет горнишная девица за водою. Этот ершик оборотился золотым кольцом и — прямо в ведро. Девушка: ах, какое прелестное колечко, взяла его и надела на руку. Носит несколько времени, а царская дочь и говорит: где ты, горничная, нашла сие кольцо? — Я нашла, говорит, сие кольцо, когда ходила утром за водою, стала черпать воду, и нашла его в ведре. — Ах любезная, продай сие кольцо! — Нет, ваше царское величество, кольца сего я не продам, а если вам угодно, извольте, я вашей милости так подарю его. И отдала эта девица кольцо царской дочери. Живут так несколько времени, он днем кольцом, а ночью с царской дочерью молодцом.

И вот узнал как-то старик колдун, что ученик его находится в турецком государстве золотым кольцом у царской дочери на руке. Приходит лично к этому царю турецкому. — Отдайте, говорит, мне сие кольцо? — А царь отвечает: я и знать не знаю, какое такое кольцо! — А у вашей дочери на руке, говорит колдун. Призывает царь свою дочь. — Что это, говорит, любезная моя дочь, какое ты имеешь чужое кольцо? отдай его сему старику. — Не отдам я сего кольца, скорее соглашусь лишиться жизни, чем с кольцом сим расстаться. Тогда колдун говорит: если вы мне не отдадите это кольцо, то я все твое царство сожгу, чтоб завтра мне было отдано! — Вот наступила ночь. Хлопнулось кольцо об пол и оборотилось добрым молодцом. И говорит царской дочери: когда завтра придет старик, отдай ты ему, окаянному, меня, сними его с руки и брось на пол около самых ног. Тогда я рассыплюсь пшеницей, и старайся приступить несколько зерен. А старик оборотится голубем и станет клевать эту пшеницу; когда всю приклюет, полетит и скажет: веки веков никогда не прилечу! Тогда ты отступи зерно-то, и я опять буду у тебя кольцом на руке.

Так все и случилось. И живут они опять по-прежнему: он днем с кольцом, а ночью с ней добрым молодцом. Вот и говорит царская дочь своим родителям: любезные родители! я не могла найти себе более достойного жениха, как этот кавалер! Он днем кольцом, а ночью со мной добрым молодцом. Позвольте нам с ним принять законный брак! А что, спрашивает царь, может он защитить мое царство? — Могу, говорит, ваше царское величество. — Каким же родом можешь ты сохранить мое царство? — Он хлеснулся об пол, и еще прекраснее сделался. И как бы невидимой силой сделал показание, будто держит все царство на одной руке и хранит оберегательство своей державы. Тогда царь сочетал их законным браком, и стали царствовать и благодарить Бога.

КОЛДУНЬЯ

Жили-были две сестры; одна бедная, другая богатая. Вот умирает богатая и говорит: «вот, говорит, сестра! я оставляю тебе дом; как я умру, будешь ли сидеть надо мной?» — Буду, говорит. — «Ну, говорит, смотри, что я ни буду делать, ты все сиди». — Вот умерла эта богатая сестра, а она была колдунья. Ей (бедной) надо сидеть ночью. Вот села она на первую ночь. Вдруг в 12 часов встает она (колдунья) из гроба. «Сестра! ты сидишь?» — Сижу, говорит. — «Ну, сиди!» — Потом опять говорит: «сестра, ты сидишь?» — Сижу, говорит. — «Ну, сиди!» Потом в третий раз говорит: «сестра, ты сидишь?» — Сижу, говорит. Петух и запел; она (колдунья) и пала ничком. — Приходит бедная сестра к батюшке: «вот, говорит, какие дела делаются». — Ничего, говорит; вот я тебя благословлю и дам тебе петуха; ночью и сядь на печку.

Вот села она на вторую ночь. В 12 часов встает эта колдунья из гроба. «Сестра! ты сидишь?» — Сижу, говорит. Вот подходит она (колдунья) к печке. «Сестра! ты сидишь?» — Сижу, говорит. Как она (колдунья) за жердочку ухватилась, чтоб на печку взлезть, петух увидал ее и запел, она и упала. — Приходит бедная сестра к батюшке. «Нет, говорит, батюшка, страшно очень; я лучше от именья откажусь». — Ничего, говорит: ты поди, сядь в хлев на жердь, где куры сидят. — Вот она пошла на третью ночь, села. В 12 часов встает эта колдунья, идет туда, в хлев. «Сестра! ты сидишь?» — Сижу, говорит. «Ну сиди!» А сама хотела ее схватить, да и поймала петуха; он и запел. Она упала. (Когда петух запел, тогда никто (нечистый) не смеет). Сестра эта бедная и завладела всем именьем.

(Лично мною записано со слов
крестьянина М. Перавина)

ИВАН КУПЕЦКОЙ СЫН

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жили-были два брата и имели они по двенадцати лавок и по трехэтажному каменному дому. У младшего брата был мальчик годов пяти или шести. Младший брат помер, а его молодая хозяйка вздумала ездить по тиатрам, познакомилась с разными офицерами и пустилась в распутное поведение. Такое время пришло, что весь товар измотала и лавки продала, осталась с одним домом; и дом продала, и купила себе маленькую килейку. Дошло до того, что ей своего сына нечем стало кормить. И приходит она к своему брату. — Любезный братец! возьми моего сына, а твоего племянника — мне его нечем стало кормить. Он и взял его. Живет мальчик у своего дяди, а мать его стала тайно ходить в лавку, и у своего сына выпросит то кусок сукна или ситцу, то материи дорогой; и все продаст и израсходует в питейных заведениях. Дядя это заметил, и прогнал своего племянника. Жил он у матери в доме, а ей кормить его нечем. Опять приводит его к своему брату. — Любезный братец! возьми моего сына, а твоего племянника — мне никак кормить его нечем. Он по сожалению взял, и поставил обряжать лошадей и коров, а мать не стала его проведывать, потому что у сына взять ей нечего.

И вздумал этот дядя ехать на ярмарку, и нагрузил двенадцать кораблей. И нужно плыть все озером, а в этом озере никак нет пропуску: кто голову отдаст, тот может проехать. И племянника Иванушку с собой взял. — Ну, господа корабельщики, прикащики, поезжайте прямо озером, что Бог даст! — До половины озера доехали, тут корабли и встали — ни взад, ни вперед.

И говорит купец: ну, корабельщики и прикащики, кидайте жребей, кому из вас кидаться в озеро... — А нам, говорят, какая надобность за твое богатство бросаться? надо — бросайся сам. — Ах, господа прикащики и корабельщики! мне не жалко ни богатства, ни имущества, только жалко мне своей жены молодой. Любезный племянник, Иванушка, я, говорит, тебя

кину. — А кидай, дядя, мне одна смерть! Взял его дядя и кинул. Корабли пошли, а сей мальчик очутился в водяном царстве в прекраснейшем дворце. И видит: лежит старик на кровати, и покрыто его лицо белым полотном. Подходит к нему и говорит: здравствуй, дедушка любезный! — Здравствуй, сынок дорогой! Во всем я тебе доверие сделаю, по всем ты у меня садам ходи и по виноградным погребам, только ты у меня не ходи в три комнаты, которые я запрещаю тебе. Вот тебе от всех комнат ключи, а я полечу на Белую Русь.

Старик улетел, а Иван остался один. Пошел гулять по садам и по виноградным погребам, и напился в одном погребе разных вин. И говорит? что такая за тайность, пойду, посмотрю первую комнату. Подходит к медной двери и отпирает медным ключом. Отпер дверь, видит: сидит девица. — Ах Иван, купецкой сын! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на коленях. Сел он к ней на колени, а она напустила на него сон, и улетела неизвестно куда.

Через несколько времени возвращается старик, и Иван ему в ноги. — Что ты, говорит, любезный сын мой, Иван, кланяешься? — Я виноват перед тобой: из-за первой двери отпустил у тебя первую девицу. — Ну, говорит, прощаю на первый раз вину твою. — И вот опять улетел старик. — А что, говорит молодец, смерть, так смерть, пойду посмотрю, — за второй дверью. Подходит к серебряной двери и отпирает серебряным ключом. И видит: еще лучше первой сидит девица. — Ах Иван, купецкой сын! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на коленях. Сел он к ней на колени, а она напустила на него сон, и улетела неизвестно куда.

Вернулся старик, а Иван ему в ноги. — Что, сын мой любезный, кланяешься? — Как же мне не кланяться, как я виноват перед тобой! отпустил у тебя другую девицу из серебряной двери...— Ну уж, говорит, едва ли я тебя теперь оставлю живого... — Пожалуйста, прости, дедушка! виноват перед тобой! — Ну, смотри же, и вторую вину прощаю, только в третью комнату никак не ходи.

И улетел опять старик. Пойду, говорит Иван, погуляю еще по разным садам. Взошел в одну беседку и видит: висит патрет

необыкновенной красоты. Пойду, говорит, взгляну в ту комнату, — смерть, так смерть! Подходит к золотой двери, и отпер ее. Видит: сидит девица необыкновенной красоты. — Ах Иван, купецкой сын! приголубь меня, приласкай меня, посиди у меня на коленях. Я — Марья-царевна. Сел он к ней на колени, а она напустила на него сон, и улетела сама неизвестно куда.

Прилетает старик, и опять Иван кланяется ему в ноги. — Много бед ты наделал, я теперь тебя убью, говорит старик. — Сделай милость, прости, любезный дедушка! — Ну, если хочешь живым быть, так ступай на берег озера, они все три там купаются. Две оделись, лететь хотят, а Марья-царевна из воды выходит. Ты ее никак не трогай, а возьми у нее золотокрылое платье.

Старик как велел, он так и сделал. Взял золотокрылое платье и приносит прямо к старику, и Марья-царевна за ним идет. — Ну, говорит, любезный сын, все я вины тебе прощаю. Вот и подруга тебе твоя милая, гуляй ты с ней везде по всем садам и виноградным погребам. А старик сам опять улетел. Вот Марья-царевна и говорит: ты купецкой сын, а я царская дочь. Просись у старика, не обвенчает ли он нас с тобой…

Прилетел старик, а Иван к нему в ноги. — Что, сын мой любезный? чего, Иванушка, кланяешься? — Как же мне не кланяться, дедушка — мне охота жениться. — А ты бы мне давно сказал, я бы тебе любую невесту из любого государства принес, какая тебе нужна. — Ах, дедушка» мне никакой кроме не нужно, как Марьи-царевны. — Ах, Ваня, Ваня! она не будет твоя, улетит от тебя, крепко хитра, обманет тебя. — А Иван все кланяется в ноги. — Сделай милость, обвенчай нас! — Старик не мог отступиться, соединил их законным браком. И стали они жить.

Марья-царевна ему и говорит: ты хоть и мой муж, а все-таки купецкой сын, а я царская дочь. Просись у старика на свой город, к своему дяде на белый свет.

И стал Иван прошать у старика отпустить его. — Ах, Ваня, Ваня! она не будет твоя, улетит от тебя, крепко хитра, обманет тебя. — Сделай милость, отпусти! — Старик не мог отговориться. — Ну смотри же, говорит, что я тебе скажу, так ты сделай

по-моему. И взял старик Марью-царевну, кожам обвертел, ремням увил, и посадил на ковер самолет и дал орла-птицу. И сказал Ивану: не давай ты ей до тех пор свету, пока не станет орел крыльями махать. И полетели. И летят они час или полтора, и как она ни молится, и что ни говорит, он все не дает свету. — Ну любезный друг, последнее мое стает дыхание, дай мне хоть малый свет!.. Он возжалелся над ёй и дал ёй самый малый просвет. Как дал ей просвет, ковер самолет на остров упал на океанской, и птицы-орла не стало, и Марья-царевна улетела. И остался он один.

Ходит он по этому острову и глядит, в которую сторону она полетела. И нашел тут лодочку. Переплыл море и закричал: батюшка, дедушка! помоги мне! Прилетел к нему старик. — Я ведь говорил тебе, что она не будет твоя, улетит от тебя. Она теперь крепко далеко за тридевять земель, в тридесятом царстве, в двенадцатом государстве у своего отца и у бабушки. — Сделай милость, дедушка, помоги мне в моей беде! — Ну, садись же, говорит, на меня. — Сел на него Иван, и перенес его старик все моря и все океаны, и поднес его под самое под его государство.

А Марья-царевна вздумала в успрятки играть и выбирает себе жениха. Кого она найдет, тому голову долой, а кого не найдет, то будет его невестой. И говорит старик: вот тебе белый шелковый платочек; на этом платочке завязаны три узелочка. Выйдешь ты в чистое поле гулять, развяжи сперва этот, потом другой и третий узелок. Ну, ступай, теперь больше не видать меня. Идет он во дворец, и идут с ним два молодца деревенские. Он и спрашивает их: куда вы, добрые молодцы, идете? — С царевной в успрятки играть. А ты куда? — И я тоже. И пришли все трое к ёй во дворец. Марья-царевна выходит и спрашивает: что вам нужно, добрые молодцы? — С вами, ваше царское величество, в успрятки поиграть. — Если я не отгадаю, то ваша буду супруга, а если отгадаю, то вам голову долой. Согласны ли? — Согласны. — Ну, успрятывайтесь.

Вышли они на крыльцо и спрашивают друг дружку: ты куда пойдешь? Один говорит: я в сено зароюсь, а другой: я к корове под ясли лягу. — А ты куда, добрый молодец? — А я в чистое

поле разгуляюсь. Вышел он в чистое поле, развязал первый узелок, и летит орел-птица. — Садись на меня, Иван, купецкой сын. Сел на него, и этот орел-птица вылетел на самый над дом, потом спустился и говорит? я не слуга тебе. Идет он во дворец, и те два молодца идут. Она и спрашивает: где же вы были? — Извольте отгадывать. Сейчас посмотрела в волшебное зеркало и говорит: один лежал в сене зарывшись, другой у коровы под яслями, а ты, молодой, взлетал на птице над моим дворцом. — Тем двум и голова долой, а Иван и говорит? ну, что же делать? Смерть так смерть. И вышел тут старик отец Марьи-царевны. Дай, говорит, ему еще один раз успрятаться. — Ну, ступай.

Вышел он в чистое поле, развязал другой узелок, и бежит лев зверь. — Садись на меня. И ушел с ним под дом. — И это отгадала Марья-царевна. Вышел он в поле, развязал третий узелок, и бежит щука. И ушла с ним на дно морское, и села под камень. Выплыла, и говорит: ну, мы теперь тебе не слуги. И это отгадала Марья-царевна. — Ну, дочь моя любезная, говорит отец, дай ему четвертый раз успрятаться. Вышел он на двор и спустился на бадье в колодезь. И приходит горничная девушка за водою, и увидала его. — Ах, Иван, купецкой сын, я тебе помогу! Вытащила его из колодца, стукнула в лоб, он и сделался маленькой рыбкой. Бросила рыбку на пол, и стал он опять добрым молодцем. — Ступай теперь. Приходит он во дворец. — Ну, отгадывай, говорит. Сколько Марья-царевна ни смотрела в зеркало, и бабушка в волшебной книге — не могли отгадать. Выходит старик отец и говорит: вот твоя нареченная невеста. — Не супруга ли? спросил Иван купецкой сын. Тут Марья-царевна его узнала. И стали они жить, да поживать, да добро наживать.

ПРОКЛЯТАЯ ЦАРЕВНА

Дело было в святки. Как в прежнее время, так и нонече, молодцы и девушки собираются на посиденки. От одного селения верст с полдесятка шли молодцы в ночное время на посиденку.

На половине дороги попалась им баня, выстроенная для мытья льну. Один и говорит: кто осмелится в баню зайти и взять с каменки камень, тому рубль серебра! И выискался один из этой артели. Вошел в баню, взял с каменки камень, вышел. — Вот, говорит, ребята, вы чего боитёсь, и бросил этот камень в сторону, и неизвестно куда он улетел. А товарищ ему подал рубль. — Ну, говорит, господа, пойдемте в заведение, я вас, говорит, попотчую на этот рубль. И издержали они рубль.

Время прошло, кончились посиденки, приходит этот человек домой. Только успел он разболокчись, поести и лечь спать, как ему на ухо и шепчет кто-то: принеси мой камень! где его взял, тут и положь! — Он сперва думал, что это шутка, но дело дошло до того, что ни днем, ни ночью Гн стало давать покоя. Делать нечего, надо идти искать камень. Долго искал он, однако, нашел, и как только хотел положить этот камень на каменку, схватывает его за руку неизвестно кто. — Ты, говорит, добрый молодец, должен быть моим мужем, а я твоей женою! — Как, говорит, так! Я тебя не знаю. — А если ты меня не согласишься взять в замужество, вовеки не выйдешь из сей бани. — И сделали условие, в какое время сыграть свадьбу. И пошел он из бани. Сказывает своим родителям: так и так, моя судьба в бане, а если бы не дать обещания, то должен лишиться жизни. Родителям прискорбно, да делать нечего, надо ехать за невестой в баню, а родственники ничего не предъявляют. Взяли с собой священника с крестом вперед всех, и входят в эту баню. Сидит разряженная девица одна себе, и покрыто ее лицо. Священник взял ее за руку и повел из бани вон. И все не открывается, пока не подошли к аналою. Тут она скинула с себя покрывало и — прекрасная красавица! Священник стал ее спрашивать: какая ты есть? — Я прокляненная царская дочь: отец и мать меня прокляли; если они скажут, что я не ихняя дочь, я должна жисть кончить, а когда скажут: наша дочь, я буду жива и здорова, и находиться в ихнем царстве со своим супругом. — Живо сделали донесение. Истинно, наша дочь, говорят. И прибыли отец и мать на свадьбу. И этот добрый молодец из бедного сословия сделался наследником всего царства, и стал со своей супругой жить, да богатеть.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

В некотором большом селе жили были старик да старуха, детей у них не было. Вот раз старуха капустку рубила, и отрубила себе пальчик, отрубила, и бросила его за печку. Через несколько времени вдруг и услыхала: за печкой кто-то заговорил. Заглянула старуха, и увидела тамо мальчика с пальчика.

Вышел мальчик из-за печки и спрошал: где, гть*, батюшка? Старуха отвечает: пашет. Дай, гть, я снесу ему позавтракать, да пособлю пахать. Старуха наклала в корзину блинов и подала мальчику. Понес он отцу блины. Идет бороздой, а его не видно, только сверх корзину его видать. Вдруг доехала лошадь до мальчика, остановилась и стала у него из корзины блины есть. Подошел старик, заглянул под корзину, а тамо мальчик.

Подал мальчик отцу блины, а сам улез в ухо лошади и стал пахать, а отцу наказал: если кто будет меня покупать, ты продавай, а я к вам возвращусь назад.

Вот немного поноровя** едет барин мимо. Увидал барин, что одна лошадь пашет, и позвал мужик к себе. — Как же, говорит, у тебя лошадь-то одна пашет? — У меня, гть, ведь не одна пашет, а тут есть мальчик. — А где же он? — Да вот, гть, в ухе сидит, он и правит. — Продай мне, гть, этого мальчика? — Купи.

Старик и продал мальчика за триста рублей. Барин посадил мальчика в карман и поехал дальше. Едет путем дорожкой, а мальчик прогрыз в кармане у барина дырку и выскочил.

Была ночь. Деваться мальчику некуда, он и лег под кустик спать. Вдруг идут два вора к попу быков воровать и разговаривают. Услыхал мальчик, и стал прошаться к ворам: поймите , гть,*** робята, и меня с собой! — Они сперва не видели, где и есть, а потом и рассмотрели — мальчик. — Куда, говорят, тебя, эдакую дрянь, там еще наварзаешь****,такнамнерассчитатьсястобой!—Поймите,робята,

* говорит.

** погодя

*** понять — взять с собою.

**** варзать — шалить, портить.

я пригожусь. Вот его и поняли, пришли к попу, мальчик в щелку пролез и отпер им. Отпер, а они никоторый нейдут — боятся, чтобы поп не услышал, стоят у ворот да перепираются*. И надумали послать за быком мальчика. Мальчик пошел с большой веревкой. Оба быка стояли в одном хлеве, один черный, а другой бурый. Мальчик им и кричит: которого быка вести-то? черного или бурого? — А те и говорят: не кричи, не кричи! веди которого-нибудь! — Он накинул на бурого быка веревку, да к ним конец и проволок, они и вытащили быка со двора, отвели за поле, да и давай колоть. Закололи, да и стали делить между собой говядину. Разделили говядину, а мальчику отдали шкуру. Мальчик завертелся в шкуру, да тут и уснул. Вдруг бежит голодный волк, схватил шкуру да лишо** съел. Утром волк побежал за овцам, а мальчик у него в брюхе и кричит: эй, пастух, пастух! волк-от у тебя овцу хватает! Пастух услыхал и прогнал волка. Так и на другой день: волку где бы разжиться говядинкой, мальчик закричит, лишо услыхают. Волк видит, что дело неладно, и стал мальчика упрашивать: вылезь из меня! — Нет, гть, не вылезу, а свези меня к отцу на поветь, так вылезу. Рассказал мальчик, где отец живет, и поехали к отцу. Бежит волк прямо на сарай, а мальчик и закричал: батюшка да матушка! бегите, да волка серого бейте, на поветь прибежал!

Выскочили старики, убили волка. Мальчик из волка и вышел. — Кожи выделали, до сошили мальчику из нее тулуп, а мясо бросили. И топере живут по-прежнему — мальчик в тулупе, а старик да старуха радуются.

(Записано в Грязовце)

ДУРЕНЬ – БАБИН СЫН

У одной бабы был сын дурачок, и нанялся он в работники к одному мужику. Раз он с хозяином поехал в город горох продавать, и на проселке встретили они так много ворот, что ду-

* стоят в нерешительности — не зная, идти или нет

** лишь.

рачок рассердился и выругался вслух, чтоб вас было во сто раз больше! Хозяин, услыхавши такое пожелание, схватил кнут и пребольно отстегал дурачка по спине. Дурачок заплакал, и ушел к своей матери жаловаться. Мать ему и говорит: а ты бы сказал лучше: чтоб вам всем сквозь землю провалиться! Дурачок побежал к воротам в свою деревню и видит: въезжает через ворота свадьба; он остановился посередь дороги и как гаркнет: чтоб вам всем сквозь землю провалиться! Поезжане соскочили с лошадей, и опять отстегали дурачка кнутами. И опять пошел дурачок к матери жаловаться, а мать ему и говорит: «а ты бы захватил с собою скрипку, да поиграл бы, да попел, видя такое веселье!» Дурак принял к сердцу наставление своей матери и, выходя из дому, захватил собою скрипку. И видит он, что с краю деревни загорелся овин. Подбежал он к этому овину, и начал подле него играть на скрипке, припевая и приплясывая. Тут его опять больно избили, и пошел он снова жаловаться матери. — «А ты бы, говорит ему мать, лучше взял лопату, да и покидал бы снежку в огонь, чтоб тот потух!» Дурень в следующий раз пошел по деревне с лопатой. Видя, что подле одного дома, на улице, свинью опаливают, и вспомнил уроки своей матери, дурачок начал загребать лопатою снег и кидать на костер, так что мигом потушил его. Но выбежавшие хозяева за это так больно его набили, что после этого случая он без матери никуда уже один и не ходил.

ПРО ТРЕХ СЫНОВЕЙ

В некотором селе, далеко за синим морем, жили-были три брата: два умных, а третий дурак, а у них был отец. Захотел большой брат поискать счастья, выпрошал у отца сто рублей и пошел путем дорожкой. И попадается ему навстречу старичок, и спрашивает у его: куда, молодец, пошел? — А пошел искать счастья. — Старик и говорит ему: пойдем, у меня есть счастье. Есть у меня козел. Только скажи ему: топни всем ногам, сейчас и будет груда денег. Молодец отдал старику сто рублей,

взял козла и повел его. Дошел он до кильи, и пришлось ему тут ночевать. Постучал он, и вышла старуха. — Кто там? — А я, бабушка, пусти переночевать. Старуха говорит ему: беги, мы радешеньки. Вот он привязал козла к столбу, а сам лег на полати, и наказывает старухе: ты, старуха, не говори козлу: топни всем ногам.

Когда молодец уснул, старуха и говорит старику: скажем козлу, чтоб топнул ногам? — Ну, говори, сказал старик. И сказала старуха, козел топнул, и стала груда денег. Старик и старуха испугались, и начали деньги обирать. Вот старик сходил к соседу, купил козла и привязал его к столбу, а того козла спрятал.

Поутру встал молодец, взял козла и пошел домой. Пришел домой и говорит отцу: сбирай, батюшка, всех гостей и соседей. Отец собрал, посадил всех за стол, а молодец поставил козла на постилу и говорит: козел, топни всем ногам! а козел и не топает. Он по другой раз говорит, и по третий, все козел стоит. Вот он его и давай пинать, а отец глядел, глядел, да и как зачал сына за волосье пазгать и потом прогнал его в пастухи.

Через несколько времени второй сын говорит отцу: батюшка! дай и мне сто рублей денег, и я пойду искать счастья.

Вот он пошел и встречается ему старик. — Куда, молодец, пошел? — А вот пошел искать счастья. — Купи у меня скатерку развернушку? Только скажешь: скатерка, дай попить и поесть, все она и даст. Купил он скатерку и пошел домой. Подошел к той самой килейке и выпросился ночевать. Поужинал, лег спать и сказал хозяину: не говори, скатерка, дай попить и поесть, а сам уснул. Старуха ночью и говорит: старик! давай скажем! — Ну, давай, говори! Вот старуха и сказала: скатерка! дай попить и поесть! сейчас на столе и очутились всякие пироги и вина. Вот они поели, завернули скатерку и убрали, а на место этыя положили свою.

Вот поутру молодец встал, взял скатерку и пошел домой. Приходит, и велит отцу собрать всех родных и соседей. Собрали, посадили за стол, молодец и говорит: скатерка, дай попить и поесть! А она и не шевелится. Вот он другой раз, и третий, а она все молчит. Отец и этого сына отправил в пастухи.

Того же часу и говорит младший сын дурак: давай и мне сто рублей, и я пойду искать счастья. — Куда ты, дурак, пойдешь?

А тот и заплакал. Отец подал ему сто рублей. Дурак обрадовался, взял деньги и пошел.

Дорогой настиг старичка, и разговорились они. Старик и говорит: у меня есть плетка, ты только ей скажи: плетка, щелкни! Взял дурак плетку и пошел.

Дошел до кильи, где жили старик со старухой и выпросился ночевать. И наказывает старику, чтоб тот не говорил: плетка, щелкни! Сам уснул, а старуха и говорит: старик, давай скажем! — Полно, дура, молчи! — Нет, скажем! — Ну, говори! — Вот старуха и сказала: плетка, щелкни! Плетка и давай их со стариком щелкать! Старик на улицу, и она на улицу. Разбудил молодца, и просит остановить плетку. А молодец и говорит: ладно, только отдаси козла? — Старик забожился, что отдам. — А скатерку отдаси? — И скатерку отдам, только уйми. Молодец сказал: плетка, в сумку! она сейчас и отстала.

Приходит дурак домой и велит отцу собрать гостей и соседей. Отец собрал и посадил всех за стол. Дурак поставил козла на постилу и сказал: топни всем ногам! Козел топнул, и очутилась груда денег. Положил скатерку и сказал: скатерка, дай попить и поесть! и сей час явились на столе разные пироги и вино.

Отец и говорит ему: ну, Ванька, я в тебе этого не думал! Гости, довольны ли? — Так уж довольны! — Так вот еще хочу показать одну штуку! Все говорят: покажи! Он и сказал: ну-ка, плетка, щелкни! Вот она и давай всех щелкать. Все выскочили на улицу, и она на улицу и не дает им спокою. Он сказал: отстань! она сейчас и отстала.

ИВАНУШКО ДУРАЧОК

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил-был старик со старухою; у них было три сына: двое — умные, третий — Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурачок ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха Аржаных клецок и говорит дураку: «Ну-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полной горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечной; только вышел Иванушко за околицу, увидал свою тень с боку, и думает: «Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает; верно клецок захотел!» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотри, а тень все с боку идет: «Эка ненасытная утроба!» — сказал дурачок с сердцем, и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разныя стороны. Вот приходит он с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем? — Вам обед принес. — Где же обед? Давай живее. — Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо-какой человек, да и все поел! — Какой-такой человек? — Вот он! И теперь рядом стоит!». Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать. Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле: «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое? — Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать; глаза выдирать; во как умаялся! — Постой еще не так умаешься!» — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком таки досталось дураку на орехи.

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушко: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целой воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка

была такая, знать, неудалая, везет — не везет! «А что, — думает себе Иванушко, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре; так стол-от и сам добежит!» Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают. «Знать сестрицам поесть покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюдо с ествами наземь и начал подчивать: «Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье». А сам все вперед да вперед подвигается. Едет Иванушко перелеском; по дороге все пни обгорелые. «Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что же ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил на повал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко дурак!» — бросил их, и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушко-дурак! Вот вам Иванушко-дурак! Еще вздумали дразнить негодныя!» Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики! — Спасибо, дурак, да где же у тебя закупки-то? — А стол-от бежит, да знать отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул. — Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге». Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших, и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди! Дурака не дразни!» — говорит Иванушко. Нет, пиво не слушает, взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка — зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу,

а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушко и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею! — Постой, дурак! — сказал барин, — я умею и судить, и рядить; вылезай из куля!» Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед, и слушают, а в воде так и буркает. «Знать бурка ловит!» — проговорили братья и побрели домой. На встречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сиво — такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушко-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушка колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

(Записано в Кадникове М. Перавиным)

ПРО ВОЛДЯНКУ БИЛЯНОЧКУ

Жил-был старик да старуха, а детей у них не было. Пошли старик да старуха в лес по грибы и нашли там волдянку билянку, принесли домой, положили в горшочек и закрыли волошком. Через час вдруг в горшочке под волохом заговорило: «Дедушка да бабушка, откройте!» Открыли, а там — девушка — Аннушка.

Вототка живет Аннушка и растет не по годам, а по часам, в сутки, в двои уже большая выросла. Пошли девки в лес по грибы и стали упрашивать, чтобы отпустили с ними и Аннушку. А дедушка да бабушка говорят: «Куды! Как да заблудитесь! — Нет, не заблудимсё, отпустите». И отпустили Аннушку. Шли они да и заблудились эти девицы и пришли к еги-бабиной избушке. Еги-баба и закричала: «Фу, фу, фу! Русский дух: слыхом не слыхано, видом не видано, сам на дом пришел, съем вас теперь!» А девки и говорят: «Ой ты баушенькя! Ты бы накор-

мила да напоила, втожно-бы и ела!» Еги-баба затопила печь, заварила завару и давай девок кормить. Иныя девки едят да в пазушку кладут, а Анна все ела спроста дочиста. Отъели, еги-баба и говорит: «Подайте мою завару!» Все подали завару, а Аннушке нечего отдать. Еги-баба отпустила девок домой, а Анну оставила у себя. Пришли девицы домой и сказали, что еги-баба не отпускает Аннушку. Затужили старик да старуха, да делать нечего, не воротишь.

А еги-баба подала Аннушке копыто да и говорит: «Ищи в голове да приговаривай». Та и стала искать в голове да приговаривать: «Спи глазок, спи другой, спи ушко, спи другое, спи ручка, спи другая, спи ножка, спи другая!» Еги-баба и уснула, а девица вышла на крыльцо да и плачет.

Вдруг бежит стадо коней: «О чем, красная девица, плачешь? — Да вот еги-баба домой не отпускает. — Садись на меня да держишь за уши, так я тебя домой довезу».

Девица только села, а еги-баба и завозилась. Видит, что дело не ладно, села в ступу и погналась за Аннушкой. Только бы схватить, а лошадь и сунулась к старику на повить. А старик был тут и с ружьем; сбирался идти в лес искать Аннушку. Увидал он сперва коня с девицей, потом еги-бабу в ступе с помелом и выстрелил в нее из ружья. Тут еги-баба и ноги протянула.

Закопали ее на задворье и палку на могиле поставили, а коня повели в анбар к овсу к цельному сусеку. Аннушка и старики и топере живут по-прежнему, всего наживают да Анну наряжают, да взамуж обещают.

КОТОК ЗОЛОТОЙ ЛОБОК

Не в которой большой деревне жил старик со старухой близ лесу в худой избенке. Раз старуха и посылает старика в лес: ступай, говорит, старик, наруби дров, я хоть печку истоплю да каши наварю. Взял старик топор и пошел на лес дрова рубить. Подходит к пню, только ударил по нем топором, как выскочил коток золотой лобок и крикнул: «Меня, кота, будишь, мне

спать не даешь! Что тебе, старик, надо?» Старик не знал, что сказать, думал, думал, наконец и придумал: «Избенку надо бы, избенка у нас плоха стала...» «Ступай домой, — говорит коток, — будет у вас новая изба...»

Приходит старик домой и видит: стоит большая новая изба. Вышла к нему навстречу старуха и говорит: «Дом-то у нас богатый, да дровец нет, поди, наруби дров». Пошел опять старик в лес, стукнул топором в пень, выскочил коток и говорит: «Меня, кота, будишь, мне спать не даешь! Чего тебе, старик, надо?» «Старуха дровец просит», — сказал старик. «Хорошо, иди домой, будут у вас дровца». Приходит старик домой и видит: около его дома целые костры дров навалены. А старуха вышла из дому и говорит: «Всего-то у нас много, только хлебы нет, поесть нечего».

Взял опять старик топор и пошел в лес. Стукнул топором о пень... и т. д. «Чего тебе надо?» «Муки старуха просит, есть, говорит, нечего». «Хорошо, ступай домой, будет у вас мука». Приходит старик домой и видит: хлеба полные амбары навалены. Вышла старуха и говорит старику: «Всего-то у нас много, только сидеть не на чем». Взял старик... и т. д. «Чего тебе надо?» «Мебели просит старуха, сидеть, говорит, не на чем». «Ступай, с богом, домой, будет у вас мебель». Приходит старик домой и видит: мебелью весь дом установлен. Старуха опять и говорит: «Всего-то у нас много, только одёжи нет, надеть нечего».

(Кот дает старику и старухе одежду. Тогда старуха заявляет желание сделаться царицей, а чтобы старик был царем. И это исполняется. Наконец старуха посылает мужа к коту, чтобы тот сделал ее Богородицей. На это кот ничего не ответил и ушел в пень. Старик вернулся домой и вместо дворца нашел прежнюю ветхую избенку и жену свою в прежнем виде).

(Записано мною лично в Кадникове)

ИВАНОВ ЦВЕТ

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил в одном городе богатый трактирщик, у которого было много служащих, или как их зовут — половых. Однажды половые разговорились между собою о том, как моно сделаться богатым и знатным. Один и говорит: я знаю средство сделаться богатым. — Что же ты не испытаешь его, коли знаешь? — спрашивают другие. — Боюсь, опасно. — По крайней мере расскажи нам, в чем это дело заключается. — Нужно, говорит, достать Иванов цвет, т. е. цветок папоротника, который расцветает только в ночь на Иванов день. Кто этот цветок добудет, от того никакой клад не укроется и он может все сделать, что захочет. — Ладно, попробуем! — сказал один из половых по имени Сидорка.

И вот, когда настал канун Иванова дня, поздно вечером, Сидорка отправился в лес к знакомому кусту папоротника. В полночь он увидел, что на папоротнике расцвел цветок. Сидорка сорвал его и побежал домой. И вдруг он видит большой огненный шар катится ему прямо под ноги. Сидорка понял, что это дьявольское наваждение и закричал: чур, меня! Шар тотчас же пропал. Пошел он дальше. Долго шел, наконец, увидал вдали огонек. Пошел на огонек и подошел к избушке. Заглянул в нее и видит на печи лежит старый-престарый старик. И говорит ему старик: тебе одному не справится с Ивановым цветком, я тебе помогу в этом. Слез старик с печки, взял ножик и разрезал у Сидорки на ладони кожу, всунул под нее цветок и в ту же минуту заростил рану. Потом взял со стены сумочку, подал ему и сказал: город, в котором ты живешь, окружен врагами и тебе, чтобы освободить его, стоит только сказать: ранец, ранец, задай врагам танец! Когда же захочешь, чтобы все прекратилось, то скажи: ребята в сумку!

Только что это вымолвил старик, как Сидорка очутился у города. Город действительно был окружен неприятелем. Увидавши врагов, Сидорка закричал: ранец, ранец, задай врагам танец! И вылезло из ранца войска видимо-невидимо, напало оно

на врагов и прогнало их от города. После этого Сидорка был встречен царем с большим почетом, произведен в фельдмаршалы и находился при царе до самой его смерти.

(Записано в Вельске)

СТЕПАН БОГАТЫЙ

В некотором царстве-государстве жил был Степан Богатый; не имел ни двора, ни кола, ни куринаго пера. Только и знал, что шатался в лес за грибами. Наварит, поест и опять пойдет в лес. Вот его лисичка признала и говорит: «что ты, Степан Богатый, не женишься?» — Да на ком мне, Лиса Васильевна, жениться? За меня никто не пойдет. — «Да женись; я тебе царскую дочь высватаю». — За меня и крестьянская не пойдет. А хочешь, так посватай! — Через долгое время нашла Лиса Васильевна копеечку и побежала к царю. «Ваше величество, пожалуйте мерки!» На что тебе? — Степану Богатому медь мерять. Царь дал мерку. Мерка была с щербинкой. Лиса Васильевна положила в щербинку копеечку, приносит царю мерку обратно. Царь посмотрел, увидел в щербинке копеечку: «и в правду он медь мерял».

Пошло много времени; нашла Лиса Васильевна серебреный; прибегает к царю! «Ваше величество! Пожалуйте мерки!» На что тебе? «Степану Богатому серебро мерять». Царь дал. В мерке была щербинка; она опять в щербинку положила пятачок; отнесла царю. «И в правду он серебро мерял». — Через долгое время нашла Лиса Васильевна золотой, прибегает к царю. «Ваше величество, пожалуйте мерки!» На что тебе? «Степану Богатому золото мерять!» Взяла мерку, положила в щербинку золотой.

Приходит к царю, приносит мерку, благодарит. Царь берет мерку в руки, стукнул, вылетает золотой... «Сколь ваш Степан Богатый богат?» Скоро с вами поровняется: Приказал Степан Богатый доложить: не отдадите ли вы свою дочку за него? Царь согласился. Лиса Васильевна назначила в какой день свадьба. Там собираются, а она Степану Богатому сказала, чтоб он по-

следнюю лошаденку утопил в болоте, выпачкался бы и пришел на свадьбу. А сама пошла к царю.

Приходит день свадьбы. Лиса Васильевна все места избегала. «Ах, как он долго не едет! Как он долго не едет!» И сама побежала ему на встречу. Он идет весь в грязи, шут шутом. Сама бежит к царю и говорит: «ваше величество! Несчастье случилось». — Какое? — «Степана Богатого все десять карет, все лошади потонули в болоте, а Степана Богатого как-то Бог спас. Дайте ему во что одеться!» Вот его умыли, одели и привели, посадили. Ему царь дал самое лучшее платье. Он все и глядит сам на себя. Царь и отвечает (говорит): «ах, что это, Лисанька, он сам на себя глядит!» «Он, говорит, такого дряннаго платья никогда не нашивал!» «Ну, говорит, у меня нет лучше». Так и повенчали их в этот день. Ну, вот они гуляют. Царь и говорит: «ну, говорит, зятюшка, нынче у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Степан Богатый молчит. Вот царь опять говорит: «ну, любезный зятюшка, нынче у меня и завтра у меня; когда же у тебя?» Степан Богатый все молчит.

Вот Степан Богатый и говорит своей Лисе Васильевне: как мне быть? — Ну, говорит, как скажет он тебе еще раз, ты его и попроси: «милости просим, батюшка, ко мне!» Вот через несколько времени царь опять говорит Степану Богатому: «ну, любезный зятюшка! Ныне у меня и завтра у меня, когда же у тебя?» Он ему отвечает: «милости просим, батюшка, ко мне!» Собрались они, Лисица и говорит Степану Богатому: «куда я, говорит, пойду, туда и ты поезжай!» Вот они и едут за ней.

Вот Лисица подходит. Пасут стадо коров. Она и спрашивает: пастушки, чьи вы? — Пастухи отвечают: «барина Цыгарина». Лисица им говорит: не говорите, что вы барина Цыгарина, а скажите, что Степана Богатого. А то едет царь Гром и царица Молонья; царь Гром громом побьет; царица Молонья молоньей пожжет!» вот подъезжает царь, спрашивает: чьи вы, пастухи? — «Степана Богатаго».

Подходит лисица: пасут стадо овец. Она и спрашивает: «пастушки, чьи вы?» — Барина Цыгарина! Не говорите, что вы барина Цыгарина; а то едут царь Гром и царица Молонья; царь Гром громом побьет; царица Молонья молоньей пожжет. Ска-

жите, что вы Степана Богатаго». Вот подъезжает царь, спрашивает: пастухи, чьи вы? «Степана Богатаго».

Подходит лисица: стерегут стадо лошадей. «Пастухи, чьи вы?» Барина Цыгарина. «Не говорите, что вы барина Цыгарина; скажите, что вы Степана Богатаго. А то едет царь Гром и царица Молонья; царь Гром громом побьет, царица Молонья молоньей пожжет!» — Вот подъезжает царь, спрашивает: пастухи, чьи вы? — «Степана Богатаго».

Вот приходит она (лисичка) в дом к барину Цыгарину. А у барина Цыгарина все было парадно: жена была имянинница. Эта барыня Цыгарыня сидит у себя в комнате. Вот она (лисичка) вбежала к ней в комнату. «Ах, говорит, — барыня Цыгарыня! Что же, говорит. — Едет царь Гром и царица Молонья». — Куда же, говорит, нам деться? «Да подите, говорит, я вас в дупло спрячу; покамест царь проедет». Они спрятались в дупло. Она (лисичка) и людям сказала, чтобы они не говорили, что они барина Цыгарина.

Приезжает царь, спрашивает: чьи вы, люди? «Степана Богатаго». Взошли в комнаты; лисица распорядилась: накрыто на стол и поданы всякия закуски, закусили. Лисица предложила царю прогуляться по Степана Богатаго зеленому саду. Сад был так пространством велик на 120 десятин. Вот они ходили, ходили и пришли к этому дуплу. Барин Цыгарин и боярыня Цыгарыня сидят в дупле; им и душно стало; они и кричат. Царь и спрашивает: «что, говорит, здесь за люди кричат?» А лисица и говорит: это, говорит, у нас тут черти живут. Прикажите, ваше величество, огня принести и это дупло сжечь. — Принесли огня, сгорело это дупло. И остался Степан Богатый при всем этом богатстве.

ЗМЕЯ

В одной деревне был женатый мужики с ним жила его мать старуха. Сын и невестка не взлюбили старуху и часто ее ругали и бранили. Однажды в самый Христов день пришли они от

обедни и сели за стол разговляться. Сын за что-то осердился на мать и сказал: лучше бы я змею видел за столом, чем тебя!

Через несколько времени жена его пошла в погреб за молоком и видит — на кадушке сидит огромная змея. Как только змея увидела бабу, тотчас же вспрыгнула на нее и обвилась вокруг ея шеи. Никакими усилиями не могли оторвать змеи от шеи бабы. Так змея и жила на ней, питаясь молоком из ея грудей. Если баба придет в баню мыться, змея сползет с нея и сядет на потолок у дверей, а как только баба пойдет, она тотчас же опять вспрыгнет ей на шею. Так баба и у мерла со змеею.

(Записано мною лично в Вологодском уезде, деревня Оларево)

ИВАН ГЛИНЯНЫЙ

В некотором селе жил старик со старухою. Однажды старик сказал старухе: старуха, принеса-ка мне глины, я слеплю мальчика, так он будет нам заместо сына. Старуха принесла глины, размочила ее и они стали лепить, слепили и положили в печку сохнуть, а старуха села у печки прясть. Прядет она, вздремнула и уронила клубок с веретенцем в голбец. Встала и хотела было идти за ним, как вдруг слышит из печки: мама, отвори! Старуха отворила печку и оттуда вышел Иван, по прозванью глиняный и сказал: я схожу, мама, за клубком, и пошел. Старуха села и дожидает. Выходит из голбца Иван глиняный и говорит: мама, мама, какую я тебе сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце и тебя съем с прялицем!

Съел свою мать и пошел на улицу. Видит — отец дрова рубит, подошел и говорит: тятя, тятя, какую я тебе сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, мать с прялицем и тебя съем с топором. Съел отца и пошел по улице. На встречу ему идут девки с ведрами. — Девки, девки, какую я вам сказку скажу: был я в голбце, съел я клубок да веретенце, мать с прялицем, отца с топором и вас съем с ведрами! Съел девок и пошел дальше. Попадаются ему бабы с граблями. (Следует та же сказка; затем он съедает мужиков с косами, мужика с дровами

в лесу и, наконец, натыкается на медведя). Как тут быть? Слыхал он, что медведь очень силен. Начал он было сказку свою, но медведь не испугался и заворчал. Иван глиняный струсил и спрятался за толстое дерево. Но медведь поймал его и стал мять; мял, мял да и раздавил. И выкатились из него: клубок да веретенце, старуха с пряслицем, старик с топором, девки с ведрами, бабы с граблями, мужики с косами и мужик с дровами. Увидевши медведя, и все начали бить его чем попало. Медведь испугался и убежал, а они возвратились всяк к своему месту, покатился и клубок с веретенцем за своей старухой.

СТРАШНЫЙ РЕБЕНОК

В некотором царстве-государстве жили-были мужик да баба. Жили они богато, только детей у них не было, а детей иметь им очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну и рассказала про свое горе и просила помочь ей чем-нибудь. Колдун и дал ей два корешка и сказал: съешь эти корешки в полночь с мягким хлебом и станешь беременна. Баба съела корешки и вскоре действительно забеременела.

Как-то мужику понадобилось ехать в город и баба осталась в доме одна. Наступил вечер. Бабе стало страшно одной, она и пошла к соседям, чтобы позвать кого-нибудь ночевать к себе, но никого не могла найти. Делать было нечего, вернулась домой и легла на печь. В полночь у ней родился ребенок. Она спеленала его и положила к себе на колени. И видит: ребенок смотрит на нее так, словно съесть хочет. Испугалась она, положила ребенка в зыбку, а сама стала молиться Богу. Вдруг слышит, кто-то постучался у окна. Баба обрадовалась и спрашивает: кто там? — Странник. Баба побежала отпирать. Странник вошел в избу и улез на печь. За ним улезла и баба и спряталась за него. И видит она: выскочил ребенок из зыбки и тоже лезет на печь и говорит: я тебя съем! Но старик перекрестил его и ударил по голове. Ребенка не стало, а на полу очутились два корешка. Старик взял корешки, сжег их на огне и пошел вон из избы.

КОЛДУН

Неизвестно в какой стране, далеко за синим морем, в одном захолустном селе сторож при церкви был колдун. Церковь и сторожка, в которой он жил с женою и двумя детьми, мальчиком и девочкой, стояли на отставу от селения. Жена прожила с ним много лет, а не знала, что муж ея был колдун и чернокнижник. И вот, когда он почувствовал приближение смерти, то сказал жене: я чувствую, что скоро помру и тогда ты не оставайся при мне дома ночевать, а иди в деревню. — Действительно, вскоре он умер. Но жена не послушалась и осталась дома с покойником.

В полночь мальчик проснулся и говорит матери: мама! Тятя глаза открыл! — Полно, дитятко, спи! отвечала мать. Но мальчик опять говорит: мама! Тятя встает! — Полно, дитятко, перекрестись да спи! — Наконец, мальчик закричал: ой, мама! Тятя идет к нам.

Мать открыла глаза и видит: покойник действительно встал и, скрестивши руки на груди, с оскаленными зубами, идет к ним. Не зная, что делать, женщина обратилась с молитвою о помощи к Алексею, человеку Божию, во имя которого была построена ихняя церковь. И вдруг явился старец в светлом одеянии с жезлом в руках и сказал: не бойся, раба божия! Покойник же при появлении старца тотчас упал на пол. И до самого утра старец стоял между покойником и постелью женщины и ея детей. Утром колдуна похоронили и в могилу ему вбили три осиновых кола.

(Записано в Кадниковском уезде)

ТРИ ПОКУПКИ

Не в котором царстве, не в котором государстве жил был царь, а у царя были три сына. Раз и говорит своим сыновьям государь: даю я вам по сту рублей, подите и купите все по штуке, кому что нужно. И отправились братья в путь-дорожку и дошли до столба.

И написано на столбе и показывают на все три стороны, в которыя стороны все были дороги. И пошли братья по разным дорогам: старший прямо, средний вправо, а младший влево.

И приходит старший брат в город, подходит к рынку и видит: сидит мужчина, а у него стоят три коляски. И спрашивает старший брат: сколько стоят три коляски? Мужчина отвечает: эти две тридцать рублей, эта одна сто рублей. — Почему же эта дороже? Потому, что эта коляска может в час объехать весь белый свет. Пожал старший брат деньги и отправился домой со своей покупкой.

Средний брат входит в город и видит: сидит векошница*, а у нея лежат три зеркала. И спрашивает: сколько стоят эти зеркала? — Эти два сорок рублей, а это зеркало одно сто рублей. — Что за особенность в этом зеркале? — А в него посмотришь и увидишь, что где делается на белом свете. Подал деньги за зеркало и отправился домой.

Третий брат тоже входит в город и видит: лежат на лавочке яблоки. И спрашивает он: много ли стоят эти яблоки? Отвечает торговец: эти яблоки по двадцать рублей, а это одно сто рублей. — Почему же это дороже? Потому, что кто бы не был у вас в семье или где на белом свете нездоров какой-либо болью, можешь вылечить одной частью от этого яблока. Подал деньги торговцу за яблоко и отправился домой.

И встретились все три брата и приходят домой и кажут своему отцу покупки и рассказали у кого для чего существует.

Через несколько времени вышли афишки по всем направлениям, не токма по городам, что не в котором царстве, не в котором государстве жил был царь, у него была больная дочь, которая несколько годов лежит в постеле, и государь объясняет, что, кто может вылечить мою дочь, за того отдаю ее замуж.

Вот и стали собираться наши три брата. Посмотрел средний брат в зеркало и увидел, в каком государстве больная, сели в коляску и отправились в это государство! И въехали в город и сейчас донесли государю, что приехали лекаря из иных

* Векошница — мелочная торговка, продающая свой товар с века, крышки от короба.

земель. Государь велел допустить их до своей больной дочери. Младший брат вырезал из своего яблока часть и подал больной. Она съела эту выточку* и сейчас почувствовала легче, через трое сутки выздоровела и отгадайте: за котораго следует ее отдать? За меньшова, потому что у меньшака** яблоко убыло, у тех не убыло.

ТРИ КОПЕЕЧКИ

В некотором царстве, в некотором государстве, в одном небольшом городе жил-был купец именитый (богатый); в одно время приходит к нему неведомый человек и наймывается в работники. Проработал год и просит у купца расчету; тот ему дает заслуженное жалованье, а работник берет за свою работу только одну копеечку, идет с ней к реке и бросает в воду. «Если, говорит, я служил верой и правдой, то моя копейка не утонет!» Копеечка утонула. Он опять пошел к тому же купцу работать; проработал год, купец дает ему денег, сколько надо, а работник опять берет одну копеечку, идет с ней к реке на старое место и бросает в воду. Копеечка утонула. Пошел в третий раз к купцу работать; проработал год, купец дает ему денег еще больше прежняго за усердную его службу, а работник берет опять одну копеечку, идет с нею к реке, и бросает ее в воду: глядь — все три копеечки поверх воды! Он взял их и пошел вдоль по дороге в свое место. Вдруг ему попадается купец — к обедне едет; он дает тому копеечку и просит свечу образам поставить. Купец взошел в церковь, дает из кармана своего денег на свечи, и как-то обронил ту копеечку на пол. Вдруг от той копеечки огонь возгорел; люди в церкви изумились, спрашивают: кто копеечку обронил? Купец говорит: «я обронил, а мне ее дал на свечу какой-то работник». Люди взяли по свече и зажгли от той копеечки. А работник тем временем продолжал свой путь вперед. На дороге попадается ему другой купец — на ярмар-

* Вырезку.
** Меньшак — младший.

ку едет; работник вынимает из кармана копеечку, отдает купцу и говорит: «купи мне на эту копеечку на ярмарке товару». Купец взял, накупил себе товару, думает: чего бы еще искупить? И вспомнил про копеечку. Вспомнил и не знает, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчик, продает кота и просит за него ни больше, ни меньше, как одну копеечку; купец не нашел другаго товару и купил кота. Поплыл он на кораблях в иное государство торг торговать; а на то государство напал великий гнус. Стали корабли в пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про то царь, спрашивает купца: «дорог ли этот зверь?» Купец говорит: «не мой этот зверь; мне велел его купить один молодец» — и нарочно молвил, что стоит трех кораблей. Царь отдал три корабля купцу, а котика себе взял. Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашел его и говорит: «купил ли ты мне на копеечку товару?» Купец отвечает: «нельзя потаить — купил три корабля!» Работник взял три корабля и поплыл по морю. Долго ли, коротко ли — приплыл к острову: на том острове стоит дуб; он влез на него ночевать и слышит: внизу под дубом хвастается Ерахта своим товарищам, что вот завтра среди бела дня украдет он у царя дочь. Товарищи ему говорят: «если ты не утащишь, то мы тебя всего железными прутьями изхлещем!» После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идет к царю; пришел в палаты, вынул из кармана последнюю копеечку и зажег ее. Ерахта прибежал к царю и никак не сможет украсть его дочери; воротился ни с чем к братьям, а они давай его хлестать железными прутьями; хлестали-хлестали и бросили в неведомо место! А работник женился на царевне и стал себе жить подивать, добра наживать.

РАБОТНИК

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил мужик с женою и дожили они до глубочайшей бедности: больше стало жить нечем. И говорит мужик бабе: ну, баба, я пойду поряжусь к богатому мужику

в работники. Пошел и порядился, взял задатку 15 рублей и скоро прожил эти деньги, пошел порядился к другому и у другого взял 15 рублей, и эти прожил, пошел к третьему и у третьего порядился, взял 15 рублей и эти прожил.

И пришлось мужику сходить к обедне. Пришли и те мужики богатые в церковь. Жили они между собою дружно и завели разговор; один другому начал сказывать: вот что, братцы, я этта* порядил работника какого, да вон он стоит! — Да как же, и я его порядил! Третий: и у меня порядился! Поговорили мужики промеж себя, работнику ничего не сказали, а он слышал ихние разговоры, приходит домой и говорит своей жене: ну, баба, я теперь пойду и поряжусь работать к чорту.

Пошел в лес и попадается ему чорт на встречу, спрашивает: куда мужик пошел? Отвечает ему мужик: в лес дрова рубить. — Так вот что: порядись ко мне в работники. Мужик отвечает ему: с удовольствием, очень рад. — Так приходи завтра в такое-то место, об цене нечего разговаривать, я ценой не обижу.

Пришел мужик к чорту работать. Чорт напоил его водой. — Ну, ступай, ложись спать, у меня ни один работник до троих суток не работает. — Вот прожил мужик трои сутки; на четвертыя встал его хозяин по утру рано, разбудил работника: ну-ка, работник, пойдем в лес, нужно срубить три осины, толщиною вершков в 16-ть, длиною шести сотен и сделать через реку лавы.

Вот взяли по топору и пошли в лес; у чорта топор был весом фунтов в 30-ть. Пришли в лес и начали рубить осину; чорт как начал хвастать — сразу половину пересек, а мужик не может и корки сбить. Срубили они осину, очистили прутья, нужно тащить ее. Чорт и говорит своему работнику: ну, брат, давай, потащим осину на реуку; взял под комель, а мужик не дает ему, говорит: отойди, чахотный, прочь, где тебе унести, ступай берись под вершину. — Делать нечего, чорт пошел к вершине, поднял вершину и давай подбираться. Мужик кричит: молодец хозяин, давай еще маленько! — Чорт поднадал**, осину всю и поднял. Мужик влепил топор в осину, сам сел на комель. —

* Недавно.

** Подвинул на себя.

Ну, хозяин, пошел! — Чорт попер осину до того, что пристал*. Ну, мужик, давай, отдохнем! — Ну, какой тебе отдых, давай, тащи, урод! Делать нечего, не хочется чорту поддаться мужику, пошли опять вперед. Притащили осину на реку. Чорт и говорит работнику: ну, мужик, давай, кидай! — Нет, хозяин, стой, дай перебраться, у нас с тобой не на одном плече. И свернулся мужик с комля. — Ну, хозяин, кидай! Чорт бросил осину и сам свалился. — Что же ты, хозяин? — Я пристал, ступай ты обедай, а я отдохну здесь.

Мужик приходит обедать и спрашивает его чертовка: что, брат, где оставил хозяина? — Он, чахотный, притащил бревно, свалился, на реке лежит, поди только не околеет.

Работник пообедал и лег спать на повети в сани. Чорт пришел домой и жалуется своей хозяйке: ну, баба, вот так работник! Я то ли не едрён, он меня втрое едрёнее, надо его ужо ночью убить, а то жить нам будет плохо.

Мужик выслушал чортовы разговоры, дожил до вечера, поужинал, пошел спать. В сани положил ступу и окутал тулупом, а сам лег на сено. Вот чорт встал ночью, взял сорок пудов палицу и пошел бить мужика. Подошел к саням и брякнул по ступе так сильно, что ступа прискочила, ударилась в верх стропила. Чорт с радостью пошел к себе в избу и говорит своей жене: ну, баба, так треснул мужика; нани он вверх вылетел. А мужик, вставши утром рано, пошел преспокойно в избу. Чорт увидал мужика, очень испугался и говорит ему: что, мужик, не знаешь, что так шибко треснуло вечор во дворе? А мужик отвечает: тебе надавало с хорошей-то постройкой, — должно быть лопнула стропила.

И говорит чорт жене: ну, жена,, давай уедем из дому вон, пускай здесь живет работник один. Забрали они все деньги — он в один мешок, а чертовка в другой. А мужик к чорту в мешок и залез. Потащил чорт мешок; мужик разрезал мешок и видит, что тащит ихним полем и стал говорить: стой, брат, хозяин, тебе от меня не уйти! — В испуге чорт не понял того, что мужик сидит в мешке и бросил мешок. — Давай, баба, кидай и ты! И чертовка бросила свой мешок и побежали неизвестно куда.

* Устал.

Мужик, взявши мешки с деньгами, притащил домой и первое его было дело — заплатил долг богатым мужикам, потом завелся хозяйством и стал жить в лучшем виде, а чорт к мужику не показался ногой.

ПРО ЧОРТА И ПАСТУХА

В одной деревне чорт все воровал скотину. Вот и порядился такой пастух, что уж не даст чорту украсть что-нибудь, порядился на три дня по сту рублей на день. — Выгоняет он в первый раз скотину, чорт и выходит из озерка. — Пастух! Давай, говорит, мне самолучшую корову! — А пастух говорит: нет еще, погоди, не дам! — А ты что делаешь? спрашивает чорт пастуха. Пастух говорит: вью веревки. — На что веревки? — А море морщить, да вас чертей в одно место корчить. Чорт сейчас и бросился в озерко, там пересказал своему дедушке: ох, говорит, какой теперь стал пастух, не дает мне и скотино-то! Он веревки вьет, хочет море морщить, да нас чертей в одно место корчить. — Дедушка подумал да и говорит: видно удалый пастух! Иди-ка с ним врядки побегай.

Вышел чорт из озерка и говорит пастуху: давай на рядки бегать! — А пастух отвечает: охота мне врядки бегать! У меня есть младён двух дён, и тот тебя обгонит. А где же он? — А вот пойдем, так укажу. — А пастух знал заячье лежище на одном кусте и привел чорта к лежищу. — Вот лезь под куст, он выскочит так и бегай с ним врядки! — Чорт сунулся в куст, выгнал зайца и зачал бегать. — Только заяц бегает как попало, туды да сюды, а чорт кричит: врядки, врядки!

Опять чорт пошел к своему дедушку и стал рассказывать: ой, дедушка, говорит, у него есть младён двух дён, и тот меня обогнал, а сам он со мной еще и не бегал. Нам бы такого порядить в работники, так чтобы он нам и наделал! — Так иди, поряжай, не порядится ли?

Вышел чорт на берег, а пастух тут и стоит. — Пастух, порядись к нам в работники, говорит чорт. — Порядите. — И по-

рядился к чорту за 200 рублей на год. Оставалось емпу еще два дня в пастухах прожить, и уговорились они с чортом заранее, что чорт вы дет на берег встретить.

На четвертый день приходит пастух, чорт его и встретил и повел лесом. Привел на место и пошли они на другой день дерево рубить. Пришли к толстущей осине. Стал чорт рубить осину и живо срубил. И спрашивает чорт: всю ли вдруг нести или мелким потащим? — Всю вдруг унесем, говорит пастух. Навалил он на чорта комель, а сам держится сзади за пруточки. Тащит да тащит чорт, так что в поту весь. Оглянется на работника и спрашивает: что, не устал? — Нет, не устал. — А я так сильно устал. — Иди под комель, а я стану под вершину. — А я не знаю здесь дороги, так давай повернемся, ты иди под вершиной вперед. Навалил на чорта всю осину, а сам сел на комель.

Не дотащили осину, бросили и пошли оба домой. Пришли и говорит чорт своему дедушке: ой, дедушка, это нам не работник, он меня замает: я в поту тащу, а он все идет в леготе; надо его рассчитать, а нет, так зарезать.

Пастух это слышал, положил на свою кровать корыто и закрыл его, а сам лег под кровать. Чорт ножик наточил, бежит и начал корыто резать, а пастух под кроватью хрипит, будто он зарезан.

Ушел чорт в избу, а работник и идет к нему. Старый чорт и говорит: нам тебя не надо, рассчитаем тебя. Рассчитали его, отдали деньги за весь год, пастух и пошел. Пошел, только не знает, как из лесу выйти, заблудился совсем. Трои сутки блудился, увидал дуплю, влез на нее, чтобы посмотреть, не видно ли где жила и провалился в дуплю. — Просидел он тут трое суток, не евши, и думает, что уже смерть.

Вдруг слышит: народ круг дупли заговорил. Какой-то мужик подошел да и колонул по дупле обухом. А пастух и забучал, будто что улей. Мужик и давай рубить дупло, подрубил дуплю, а пастух как закричит: ох ты! Мой дом рубить! Я тебе дам, постойка! Мужик испугался и — унеси Господи! А коней тройку тут и оставил. Пастух вылез, сел на коней и поехал домой.

(Записано в Вологодской губернии)

ДИВО-ДИВНОЕ, ЧУДО-ЧУДНОЕ

Жил-был богатый купец с купчихою; торговал дорогими и знатными товарами и кажной год ездил с ними по чужим государствам. В некое время снарядил он корабль, стал собираться в дорогу и спрашивает жену: «скажи, радость моя, что тебе из иных земель в гостинец привезти?» Отвечает купчиха: «я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне «диво-дивное, чудо-чудное». — Хорошо; коли найду — куплю». Поплыл купец за тридевять земель в тридесятое царство, пристал к великому богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил; идет по городу и думает: где бы найти диво-дивное, чудо-чудное? Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его: «что так призадумался, раскручинился, добрый молодец? — Как мне не кручиниться! отвечает купец; ищу я купить своей жене диво-дивное, чудо-чудное, да не ведаю — где». «Эх, ты давно бы мне сказал! Пойдем со мной; у меня есть диво-дивное, чудо-чудное — так и быть, продам». Пошли вместе; старичок привел купца в свой дом и говорит: «видишь ли — вон на дворе у меня гусь ходит?» — Вижу. «Так смотри же, что с ним будет… Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лег на сковороду, старичок поставил ее в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол. «Ну, купец, доброй молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай». Вот они за стол сели, да вдвоем целаго гуся и съели. Старичок взял оглоданныя кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил: «гусь! Встань, встрепенись и поди на двор». Гусь встал, встрепенулся и пошел на двор, словно в печи и не бывал! «Подлинно, хозяин, у тебя диво-дивное, чудо-чудное!»— сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогия деньги. Взял с собой гуся на корабль и поплыл в свою землю. Приехал домой, поздоровался с женой, отдает ей гуся и сказывает, что с той птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь ее — она опять оживет! На другой день купец пошел в лавки,

а к купчихе полюбовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куды как рада! Вздумала угостить его жареным гусем, всунулась в окно и закричала: «гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушает, не идет на сковороду, купчиха осердилась и ударила его сковородником — и в ту же минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим к купецкой жене, и так плотно прильнул, что никак оторваться нельзя! «Ах, миленький дружок! закричала купчиха, оторви меня от сковородника; видно, этот проклятый гусь заворожен!» Полюбовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул... Гусь выбежал на двор, на улицу, и потащил их к лавкам. Увидали прикащики, бросились разнимать; только кто до них дотронется — как и прилипнет! Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит: дело-то не ладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся говорит во всем; не то на век так — сольнувшись — останешься!» Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда — рознял их, полюбовнику шею накостылял, а жену домой отвел да изрядно поучил, приговаривая: вот тебе диво-дивное; вот тебе чудо-чудное.

(С лубочного издания 1785 года)

ПРО СОЛДАТА

Вышел солдат со службы, идет и думает: служил я царю 25 лет, а не выслужил и двадцати пяти реп и никакой на рукаве нашивки нет! — Видит — идет ему на встречу старик. Поровнялся с ним старик и спрашивает: о чем, служивый, думаешь? — Думаю о том, что служил царю 25 лет, а не выслужил и двадцати пяти реп и никакой на рукаве нашивке нет! — Так чего же тебе надо? — Хоть бы научиться в карты всех обыгрывать, да никто бы меня не обидел. — Хорошо, я дам тебе карты и сумочку: тебя никто не обыграет и не обидит.

Взял солдат от старика карты и сумочку и пошел. Приходит он в деревню и просится ночевать. Ему и говорят: здесь

у нас тесно, а вон в том новом дому ночевать нельзя. — Отчего нельзя? — Да так. — Пустите меня в тот дом? — Иди. — Купил солдат свечку да и полуштоф водки, вошел в дом и уселся. Сидит, карты перебирает; рюмочку выпьет и карточку положит. В самую полночь вдруг двери отворились и бесенок за бесенком полезли в комнату; набралось их пропасть и стали плясать. Солдат смотрит и дивится. Но вот один бесенок подскочил к солдату и ударил его хвостом по щеке. Встал солдат и спрашивает: ты что это в шутку или вправду? — Какия шутки! отвечает бесенок. — Тогда солдат крикнул: в сумку! И все черти полезли в сумку, ни одного не осталось.

На утро солдат видит: хозяева дома несут гроб. Вошли в комнату, хозяин и говорит: во имя Отца и Сына и Св. Духа? — Аминь! ответил солдат. — Да ты разве жив? спрашивают его. — Как видишь.

Солдат так полюбился хозяевам, что они оставили его у себя пожить и женили на своей дочери. И зажил солдат богато и с женой согласно. Через год родилась у него дочь. Надо ребенка крестить, а матери крестной нет, — никто к солдату нейдет. Вышел он на большую дорогу и думает: какая женщина встретится первая, та и пусть будет крестною матерью. Только что успел он это подумать, видит, идет старая старуха и худая-прехудая, кости да кожа. Солдат и говорит ей: бабушка! У меня дочь родилась, а крестить никто не идет. — Так что же, я окрещу, идите в церковь, я сейчас приду.

Принес солдат младенца в церковь и кума пришла, сняла с плеча косу и положила у порога, а когда окрестили ребенка, взяла опять косу и пошла. Солдат и говорит ей: кума! Зайди поздравить крестницу! — Хорошо, вы идите и приготовляйтесь, а я сейчас приду.

Пришел солдат домой, приготовил все, скоро пришла и кума. Опять сняла с плеча косу, положила у порога и села за стол. Когда отпировали, она встала и говорит: кум, проводи меня! Солдат оделся и пошел провожать куму. Вышли они в сени, она и говорит: кум! Хочешь ли научиться ворожить? — Как бы не хотеть! — А ты знаешь ли, кто я ? Я — смерть. Если тебя позовут к больному и ты увидишь, что я стою у него в головах, не

берись лечить, а когда буду стоять в ногах, то берись; спрысни больного раз холодной водой, он и выздоровеет. Прощай!

В этот год в той деревне сделалось столько больных разными болезнями, что наш солдат, прослывший за знахаря, едва успевал переходить из одной избы в другую и всех вылечивал. Случилось, что заболел царь, а слух о солдате, что он хорошо лечит, разнесся уже по всему государству. Вот его и призывают к царю. Входит солдат к царю, поглядел и видит: его кума стоит в головах. — Плохо дело! говорит солдат. Однако велел принести скамейку и положил на нее царя. Когда это сделали, солдат и давай вертеть скамейку с царем, кума же его стала бегать кругом, стараясь быть в головах у царя и до того добегала, что устала и остановилась. Тогда солдат повернул к ней царя ногами, вспрыснул его водой и царь сделался здоров.

Пошла смерть от царя, а солдат за ней, схватил ее и говорит: не уйдешь! — Ох, кум, кум! Я тебе сказала, что когда стою в головах, то не берись лечить, а ты по-своему делаешь. ну, я тебе за это припомню! — Ты это, кума, в шутку или в правду говоришь? — Какия тут шутки! — Так в сумку! крикнул солдат и смерть залезла в сумку. пришел солдат домой и бросил сумку на чердак.

Через год времени приходит к солдату Микола милостивый и говорит: служивый, отпусти смерть! Народу старого на земле много, он просит смерти, а смерти нет. — Пусть пролежит еще два года, тогда и отпущу, сказал солдат.

Прошло два года. Солдат выпустил смерть из сумки и говорит: каково, кума, в сумке? — Ну, кум, будешь ты просить смерти, я не приду к тебе. — Обо мне, кума, не беспокойся, я и сам на тот свет приду!

Вот солдат живет да поживает; в карточки играет да водочку попивает; жена и дочь у него уж умерли, а он все жив. Однажды, играя в одном доме в карты, он услышал, что скоро придет антихрист и станет людей мучить. Солдат испугался и отправился на тот свет. Шел, шел, шел, наконец, приходит к лестнице, которая тянулась до неба и сел отдохнуть; потом, собравшись с ислами, полез по лестнице. Лез, лез, лез и прилез как есть к самому раю. — А у дверей рая стоят апостолы

Петр и Павел. Солдат и говорит им: святые апостолы Петр и Павел, пустите меня в рай! — А ты кто такой? спрашивают его. — Я солдат. — Нет, тебя не пустим, ты сам отказался от рая: иди туда, вон тебе рай! — И указали ему на ад. Солдат пошел к аду, у ада стоят два бесенка. Солдат и говорит: святые апостолы Петр и Павел в рай меня не пускают; пустите ли вы меня в ад? — Иди, говорят ему бесенки и пропустили его в ад.

Приходит солдат в ад; отвели ему там особую комнату. Он настругал спичек, наколотил их в стену, развесил свою амуницию и лег отдыхать. Отдохнувши, насбирал толстых палок и понаделал из них ружей, наловил чертей, составил их в роту и начал их обучать военному искусству. Если который из чертей заленится, то его и палкой и подзатыльником надает и всех чертей в аду изуродовал.

Узнал сатана, что солдат, который должен быть в раю, живет у него в аду, и захотел его душою завладеть. Приходит к солдату и говорит: давай играть в карты! — Давай, говорит солдат. — Только с таким условием: если я тебя обыграю, то ты будешь мой, а если ты меня, то я тебе отдам грешную душу. Солдат согласился и они уселись играть. Играют, играют и все солдат выигрывает. — Нет, говорит сатана, больше играть с тобой не буду, ты, пожалуй, у меня все души выиграешь.

Узнали и бесы, что это тот самый солдат, у которого они сидели в сумке, и решились его выгнать из ада. Наговорили на него сатане, что он мучит чертей и никому спокою не дает своим солдатским ученьем, и сатана дал приказание по аду, чтобы выгнали тотчас же солдата. Окружили черти комнату солдата и объявили ему приказ сатаны. Делать было нечего. Взял солдат свою амуницию и две выигранныя им у сатаны души (это были души его жены и дочери) и пошел. Только вышел он из своей комнаты, видит, все черти выстроились в ряд, заиграла музыка и запалили из ружей. — Э, чертовское отродье! Обрадовались, что я пошел, и всех их выругал.

Приходит он опять к раю и говорит: святые апостолы Петр и Павел, пустите меня в рай! — Да ведь ты отказался от рая, — говорят ему, — ступай в ад. — Да я там был! — Так еще сходи. — Да пропустите вот хоть эти две грешны души. — Ну,

пусть оне идут, сказали апостолы и отворили ворота. Солдат поставил впереди душу жены, сам встал за нею, а позади себя поставил душу дочери. Так все трое и вошли в рай. И до сих пор живут они да поживают в раю, ни нужды, ни горя не знают.

КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Не известно, в какой стране, далеко за синим морем, жил старик со старухой, а у них был сын по имени Кузьма, по прозванью Скоробогатый! Когда старик и старуха померли, не захотелось Кузьме сидеть дома, а захотелось по земле походить, света Белаго посмотреть. Вот собрался он в путь-дорогу, взял краюшку хлеба, косарь, да ножик, сел на лошадь задом наперед и поехал странствовать. Едет он день, едет два, а все версты не может отъехать. Наскучило ему и устал он сидеть, слез с лошади и лег на землю отдохнуть. Видит, на лошадь его село несколько мух и пауков. Рассердился на них Кузьма, хватил ножом по лошади и убил восемь пауков и несколько мух, только ножик его переломился на две части: одна часть прилипла к языку лошади, другая попала ей в рот, да там и пропала.

Отдохнув, Кузьма поехал дальше. Видит, среди дороги стоит столб, а на нем написано: «всякий проезжающий, какой бы ни был богатырь, должен подписать здесь свое имя и прописать свою храбрость». Кузьма пожелал подписаться на столбе и вот как он написал: «слушайте и читайте, что я вам расскажу: здесь проезжал богатырь Кузьма по прозванию Скоробогатый, который одним взмахом по восьми пауков побивает, а маленькой сошки, мух и счету нет». Написал и поехал дальше.

Через несколько времени подъезжают к этому столбу два богатыря: Еруслан Лазаревич и Алеша Попович. Прочитавши надпись, они подивились, что существует на свете такой богатырь и захотели его догнать. Догнали его скоро, и видят: лошадь у него не богатырская, а простая кляча, сам он не вооруженный ничем и сидит не по-русски, но когда вспомнили его храбрость, то, подъехав к нему, поклонились ему до земли и просили при-

нять их в число меньших братьев. Кузьма с нежностью отвечал им на это, что согласен считать их меньшими братьями и поехали они вместе.

Едут и видят на пути город. Не доезжая до него, остановились и отпустили лошадей своих в зеленый луг. Царь этого города, узнавши о приезде богатырей, выслал против их войско в 50 человек. Еруслан Лазаревич подошел к старшему названному своему брату и спрашивает: кому идти против них? Кузьма сказал: о такое пустое войско мне рук не стоит марать, иди ты и приколи их. Еруслан Лазаревич выехал и побил все войско. Царь выслал вдвое больше, но и это войско побил Алеша Попович. Царь, видя, что с богатырями трудно справиться, вздумал помириться и послал князей своих и бояр к Кузьме, как к старшему богатырю, с подарками и с просьбою пожаловать к нему во дворец.

Пришли к Кузьме князья и бояре и сказали: сильный и храбрый богатырь Кузьма Скоробогатый! Не вели нас казнить, а позволь слово выговорить. — Говорите, отвечал Кузьма. Тогда они сказали: царь наш, узнав, что вы богатыри сильные, храбрые и воинственные, просит у вас прощения и приглашает к себе во дворец. Тогда Кузьма вместе с братьями поехал к царю во дворец. Царь встретил их с низкими поклонами и повел в свои хоромы, а потом сделал для них большой пир. Кузьма с братьями так были довольны приемом и угощением царя, что согласились остаться жить у него при дворце.

У царя этого была дочь красавица из красавиц, первая во всем свете. Пан китайский посватал ее за своего сына, а царь не хотел отдать и отказал. Пан китайский, рассердившись за это на царя, объявил ему войну. Царь послал сказать Пану китайскому, что он нисколько не боится его, потому что у него при дворе есть такие богатыри, что одним взмахом восьми побивают. Пан китайский послал войско в триста тысяч человек, а царь против него выслал одного Кузьму Скоробогатого, который выехал на своей худой лошаденке и ничем не вооруженный, только один косарь был воткнут за поясом. Увидав такое огромное войско, Кузьма сначала было струсил, но потом оправился. Войско Пана китайского расположилось на широком зеленом лугу. Подъехав

к войску, Кузьма сошел с лошади, привязал ее к березе, а сам сел на камень и стал натачивать свой косарь. Пан китайский выслал против Кузьмы одного китайца, который был похрабрее всех, и велел ему делать то же, что станет делать Кузьма. Выехал китаец, сел на другой камень против Кузьмы и также стал натачивать свой нож. Потом Кузьма подошел к китайцу и поклонился ему до земли. Тоже сделал и китаец. Кузьма в это время ударил его косарем по шее и китаец упал мертвый. Когда увидели это китайцы, то бросились на него. Кузьма вскочил на лошадь, но позабыл ее отвязать от березы и давай хлестать что было силы. Где взялась и сила у лошади: поднялась на дабы, вырвала березу с корнем и понеслась на китайцев. Китайцы под нею падали как снопы, давили друг друга, а береза их хлестала и била. И так было побито все войско.

Пан китайский, узнав о разбитии своего войска, поскорее заключил с царем мир и заплатил ему большую дань. Кузьму царь встретил с почетом и в благодарность за победу женил на своей дочери. Когда же царь умер, Кузьма сделался наследником его царства и стал жить да поживать и меньших своих братьев не забывать.

КУМ РАЗБОЙНИК

Не в котором царстве, не в котором государстве, не именно в том, в котором мы живем, жил в одной деревне бедный крестьянин. У него родился сын и пошел он по своим соседям звать кого-нибудь в кумовья. Вышел на дорогу и встретился с разбойником; пригласил его к себе в кумовья и тот согласился. Когда окрестили младенца, кум подарил ему много денег, так что отец из бедняка стал богатым человеком и открыл на эти деньги лавку и постоялый двор. Когда мальчик вырос и начал выбегать на улицу, ребятишки и стали дразнить его, что отец крестный у него разбойник и даже отца попрекли, что он разжился на разбойничьи деньги. Мужику не полюбилось это, он вошел в суд и объявил, что кум его — разбойник. Судьи приеха-

ли в дом крестьянина с солдатами и велели крестьянину пригласить кума к себе в гости. Разбойник и его товарищи, предвидя опасность, напоили солдат пьяными и заперли их в сеновал. Когда же судьи захотели схватить кума за столом, он выстрелил три раза из пистолета в потолок. Комната наполнилась дымом и он в это время выбежал на двор и затем скрылся со своими товарищами в лесу. Долго их искали, но не могли найти, между тем они подожгли постоялый двор и лавку и мужик стал таким же бедняком, как и раньше.

Через год после этого разбойник приходит к мужику и спрашивает: как тот поживает и каково живет его крестник? И попросил, чтобы привели и показали ему мальчика. Когда мальчик пришел, разбойник сказал, что принес ему в подарок красный колпак и стал примерять колпак на голову своего крестника. — Как раз впору! сказал он, и разрубил мальчику топором голову.

КАЛЕКИН СЫН

Жил один богатый купец по имени Марко. Он был знаком и гостился со всеми знатными вельможами и даже с самим царем. Когда у него родилась дочь, он созвал к себе гостей и во время пира сказал им: я со всеми знаком и ко мне ходят в гости все, не бывал только Иисус Христос. Гости на это сказали ему: постели бархатные ковры при входах в комнаты, так он и придет. — Марко тотчас же приказал постлать бархатные ковры при входе в каждую комнату. Вскоре по этим коврам пришел бедно одетый странник (это был Иисус Христос) и попросился переночевать. Увидев его, Марко сказал: как ты смеешь входить сюда, когда у меня гости? И велел ему идти на задний двор.

Ночью к страннику явился ангел и сказал, что у калеки убогого родился сын. Странник на это ответил, что этот сын женится на дочери купца Марко. — Разговор этот подслушала служанка и передала Марку. — Не будет этого никогда! сказал Марко, — неприлично знатной купеческой дочери выходить за

калекина сына! И приказал взять у калеки родившагося ребенка и бросить в снег. Но ребенок не умер от холода: снег вокруг его растаял и выросли цветы.

Случилось, что мимо этого места, где лежал ребенок, проезжали купцы; услыхав плач, они подняли ребенка, взяли его и привезли в город. А так как они были знакомы с Марком, то остановились у него и рассказали о своей находке. Марко упросил их продать ему ребенка и, когда купцы уехали, велел слугам своим, засмолив бочку, положить в нее ребенка и бросить в море. Бочка долго плавала в море и, наконец, ее прибило волнами к одному очень бедному монастырю. Из монастыря в это время пришел за водой монах. Увидев бочку и услыхав в ней плач ребенка, он созвал прочих монахов. Вытащили на берег бочку, разбили, вынули ребенка и взяли его в монастырь.

С этого времени монастырь стал богатеть. Когда мальчик вырос, его поставили петь на клиросе. Голос у него был так приятен, что не только из ближайших окрестностей, но и из дальних мест приезжали послушать его пения и помолиться в монастыре. В числе богомольцев приехал однажды в этот монастырь и купец Марко. Увидев мальчика, он узнал его и стал просить настоятеля монастыря продать ему этого мальчика. Настоятель долго не соглашался, но, наконец, продал его за большие деньги. Купив мальчика, Марко послал его с письмом к своей жене с приказанием убить посланного. Дорогою мальчика встретил странник и, расспросив его обо всем подробно, взял от него письмо, положил сначала на одну руку, потом на другую и возвратил. — Придя в дом Марка, мальчик подал письмо жене Марка, которая, прочитав его, велела немедленно обвенчать посланного на своей дочери. Когда Марко приехал и спросил жену: убили ли того молодого человека, с которым было послано письмо, жена, изумленная, сказала, что в письме было написано, напротив, как можно скорее обвенчать его на нашей дочери, а не убить. Марко попросил письмо и в нем действительно оказалось, что было написано так, как говорила жена. Делать было нечего. Но Марко, желая во что бы то ни стало погубить калекина сына, приказал своим рабочим на фабрике вскипятить большой котел воды и наказал при этом, что когда

ночью придет человек, бросить его в этот котел, несмотря ни на что, даже если бы он стал называть себя хозяином. Затем он позвал своего зятя и сказал ему, чтобы он сходил ночью на фабрику посмотреть за рабочими, не ленятся ли они. Но дочь Маркова уговорила своего мужа не ходить до утра, и он, послушавшись ее, не пошел. Марко, желая посмотреть, как бросят в котел ненавистного зятя, сам отправился на фабрику. Рабочие, увидев его, схватили и, несмотря на то, что он кричал, называя себя хозяином, бросили его в котел с кипящей водой, где он и умер. А калекин сын сделался наследником своего тестя и обладателем всего его богатства.

БАБА И ВОЛК

Поехала баба в лес за дровами, а навстречу ей волк. И хочет волк съесть лошадь. — Не тронь лошади! Говорит, я за это тебе потоубауку скажу. Любопытно стало волку узнать потоубауку и он не тронул лошади. Баба благополучно привезла домой дрова. На другой день опять поехала за дровами. Волк опять вышел и хотел съесть лошадь. Баба обещала сказать волку теплушку, только бы он не тронул лошади. Волк опять оставил. На третий день снова тоже. Баба обещала сказать волку крепушку. Таким образом, баба навозила дров, натопила жарко свою избушку и лежит на печи. Пришел волк и требует лошади или же объяснения потаубауки. Потом баба в лес не поедет, вот что значит потоубаука, сказала баба, лежа на печи. Очень осердился волк и убежал в лес, но вспомнил, что баба обещала объяснить ему теплушку, воротился и требует лошади или же объяснения теплушки. — Тепло бабе на печать лежать — вот что значит теплушка, ответила баба, продолжая лежать на печи. Осердился волк боле прежняго и убежал в лес, но голод скоро заставил вернуться за лошадью. Снова постучался он у ворот и требует у бабы лошади или же объяснения крепушки. Крепко у бабы ворота заперты — вот что значит крепушка, отвечала баба.

Воротился волк в свой лес голодным и с досады заплакал. Так баба запаслась дровами на целую зиму, а волку жаловаться на бабу было нельзя; она ему все три свлова объяснила.

Немые дочки

Жил старик со старухой, а у них были три дочки и все три немыя, да и умом то их Бог обидел. Вот старуха захворала и умерла. Остался один старик и думает: что я буду делать с немыми? Разве жениться мне? По крайней мере когда умру, так у моих дочерей будет мать, авось она их как-нибудь пристроит.

Женился старик на молодой и хитрой бабе, но недолго пожил и умер. Осталась мачиха с немыми падчерицами и стала думать, как бы их с хлеба долой сбыть. Подумала и порешила отдать их замуж. Стала она женихов приискивать, да дочек наряжать. Приискала жениха и говорит дочкам: сегодня придет жених, так вы при нем ничего не говорите, а то он как узнает, что вы немыя, ни которую из вас не возьмет: сидите и молчите.

Пришел жених. Мать посадила его за стол, а рядом с ним ту дочку, которая была всех некрасивее; другая села на лаку, а третья на полати. Стала баба угощать жениха; подала на стол щей, а говядину в блюде оставила на шестке и сама села с ним за стол. В его время вскочила на шесток кошка и стала есть говядину. Увидела это с палатей третья дочка и закричала: мачиха, мачиха! Коха-то мяхо ест! Вторая, которая сидела на лавке, и говорит ей: мохи ты, мохи! А третья перекрестилась да и сказала: слава тебе Бохи, что я-то промохала! Жених как услыхал это, вышел из-за стола и бегом домой, а к девкам больше ни один жених и не посватался.

Ванька-дурак

Жил старик со старухой, у них был сын — Ванька-дурак. Пошел дурак в лес и попалась ему на встречу маленькая со-

бачка. И захотелось дураку ее поймать, и давай за нею бегать. Собачка от него в лес и он за нею: собачка и залезла под корень одного дерева, и дурак полез за нею и увидел там котел с деньгами, запомнил это место и пошел домой. Приходит и говорит своему отцу: вот что, батюшка, пойдем-ка в лес: я там нашел котел с деньгами. Старик послушал дурака, взял запряг лошадь и поехали. Приехали в лес — верно нашли котел, навалили на телегу и поехали домой. Старик и заказывает своему сыну: Ванька, никому не сказывай, что нашли деньги. — Дураку где утерпеть, чтобы не сказывать! Пошел на улицу гулять и увидал его поп. — Ванюха, поди-ка сюда! — Дурак подошел к попу, поп и стал спрашивать: Ванька, скажи, куда давеча ездили с отцом? — Куда? В лес за деньгам. — Полно врать, дурак! — Ну право не вру. — Поп этому все-таки не поверил. — Дурак пришел домой и говорит ему отец: Ванька, поди уж сказал кому-нибудь про деньги! — Сказал попу. — Давай его бранить отец. — Ну, не брани, батька, поп не скажет, я пойду оторву ему голову. И пошел дурак к попу. Поп в то время возил навоз, рабочих у него не было. Пришел дурак и оторвал попу голову; туловище успрятал под солому: был воз привезен, а голову принес домой и бросил на вышку. И сказывает своему отцу: ну, батька, топерече поп не скажет, я ему оторвал голову. — Ой, Ванька, дурак, дурак! Куда ж девал голову-то? — Принес домой и бросил на вышку…

Взявши, старик зарезал козла и положил на то место козлячью голову, а попову голову обрал. Вот через несколько часов хватились попа, а его и след простыл. Это всем на удивленье: куды девался поп?

И пошел Ванюха мимо попову дому и увидала его попадья; начала спрашивать: — Ванька, не видал ли моего попа? — Как не видал! Давеча оторвал ему голову. — Ой, Ванька, перестань тебе врать! — Не вру! Поди, посмотри: на назму лежит в соломе.

Пошли развалили солому и нашли туто попа без головы и начали спрашивать у дурака: куды девал голову! — Куда девал? Снес домой и бросил на вышку.

И пошли к Ваньке в дом искать попову голову, долго искали, не нашли, а нашли козлячью и кажут Ваньке: эта Ванька? —

Нет, не эта. — Так мы не можем другой найти, ступай, ищи сам. — Ванька влез на вышку и давай ходить, взял козлячью голову и бросил на поветь: на вот, обирайте! — Те посмотрели, покачали головой. — Нет, Ванька, не эта, этот не нашего приходу.

(Записано мною лично в Кадниковском уезде)

ИВАНУШКА ДУРАЧОК

Жили были старик со старухой; у них был один сын Иванушка-дурачок. Старик помер, а старуха раз и послала Иванушку в лес за грибам. Поди, Ваня, сходи за грибам, наберешь грибов, — наварим да поминки сделаем. — Ну, ладно, я пойду, мама. Взял пестерку большую и пошел в лес, набрал не грибов, а поганок-дехтерников, да мухоморов полную пестерку и пошел домой. Идет он дорогой, а мужик сеет горох. Ваня и сказал ему: дядя! Вырос бы у тя горох не более моих грибов! Мужик на это осердился и давай дурака теребить.

Пришел он домой и плачет. Мать спрашивает его: об чем ты, Ваня, плачешь? Он и разсказал. Мать ему говорит: дурак! Ты не так сказал! Ты бы сказал: дядюшка! Носить тебе — не выносить, возить тебе — не вывозить, вот бы он тебя похвалил. — Ну ладно, мама, — пошел опять, а ему на встречу несут покойника. Поровнялся с ним да и говорит: дядюшки, носить бы вам — не выносить, возить бы вам — не вывозить! — И опять дурака оттеребили.

Пошел домой, плачет. Мать спрашивает: об чем ты, Ваня, плачешь? Он и разсказал. Дурак! Ты не ладно сказал! Ты бы пел: святый Боже, вот бы тебя и похвалили. — Ну ладно, я пойду, мама, спою. Идет, а ему на встречу свадебный поезд. Он и запел: святый Боже! Дружка выскочил и давай теребить дурака. Опять пошел домой дурак и плачет. Мать и спрашивает его: о чем, Ваня, плачешь? — Мама, я иду, едет свадьба, я и запел святый Боже, а они ну меня теребить! — Ой ты, дурак! Ты бы взял гармонию, играл бы да плясал бы, вот тебя

и похвалили. — Ну, ладно. Идет, а у мужика горит овин, он и начал играть в гармонью и плясать. Увидал его мужик и давай теребить.

(Потом он заливает свинью, которую начали палить. Мать говорит: ты бы сказал: этим-то кусочком о Христове дне не стыдно разговеться. Дурак пошел и натолкнулся на человека, отправлявшего естественную надобность, сказал, что велела мать, и был опять побит. Мать говорит: ты бы плюнул да отошел. Дурак встречает попа с крестом и плюет. Мать говорит: ты бы сказал: батюшка, благослови меня! Наконец, он попадает на медведя, просит у него благословения и медведь его разрывает).

КОЩЕЙ БЕЗСМЕРТНОЙ*

Жил царь и царица, у них родился сын Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца: «царь-великой государь! Поди, сам качай своего сына». Царь начал качать: «спи, сынок! Спи, возлюбленной! Выростишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и проспал трое суток, пробудился — пуще прежняго расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут; зовут отца: «царь-великой государь! Поди, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «спи, сынок! Спи, возлюбленной! Выростишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: «поди, великой государь! Качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «спи, сынок! Спи, возлюбленной! Выростишь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток. Пробудился и говорит: «давай, батюшка, свое благословение; я поеду жениться». — Что ты, дитятко! Куда поедешь?

* Взято с лубочного издания.

Ты всего девятисуточной! «Дашь благословение — поеду, и не дашь — поеду!» — Ну, поезжай! Господь с тобой! Иван-царевич срядился и пошел коня доставать; отошел немало от дому и встретил стараго человека. «Куда, молодец, пошел? Волей, али неволей?» — Я с тобой и говорить не хочу! отвечал царевич, отошел немного и одумался: «что же я старику ничего не сказал. Стары люди на ум наводят». Тотчас настиг старика: «постой, дедушка? Про что ты меня спрашивал»? — Спрашивал: куда идешь, молодец? Волей, али неволей? «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке. Сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». — Хорошо, молодец, учливо говоришь! Только пешему тебе не дойти — Ненаглядная Красотка далеко живет. «Сколь далеко?» — «В золотом царстве, поконец свету Белаго, где солнышко восходит». «Как же быть-то мне? Нет мне молодцу по плечу коня неезжалого, ни плеточки шелковой-недержалой». — Как нет! У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперед выдвинется, забредет в воду по самую шею и как станет пить — на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, ту и бери! «Спасибо на добром слове, дедушка!» Как старик научил, так царевич и сделал; выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком: «Иван-царевич! Припади к земле; я тя (тебя) трижды пихну». Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал: «ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесет!» Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом — только и видел царь своего сына! Едет далеким-далеко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор, что город, изба, что терем. Приехал на двор — прямо к крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, доброй молодец! говорит ему старуха; куды тя Господь понес?» — Ах ты, старая сука! Неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, втепор и вестей спрашивай. Она его напоила-накормила,

на постелю повалила и стала вестей выспрашивать. «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». — Хорош молодец! учливо говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может — она знает; поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее! Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал раненько, умылся беленько, вывел коня, оседлал, в стремено ногу клал — только его и видела бабушка! Едет он далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор что город, изба что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебреному кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха: «фу-фу! Доселева было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а поне русская коска сама на двор приехала. Откуль, Иван-царевич, взялся?» — Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала. Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила; села в головы и спрашивает: «куды тя Бог понес?» — Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. «Хорош молодец! учливо говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дороге живет моя большая сестра, может — она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — птица воздушная, третьи ответчики — рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете — все ей покоряется. Поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее!» Иван-царевич ночь переночевал, встал раненько, умылся беленько, сел на коня — и был таков! Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается; стоит двор что город, изба что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, Богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «ах ты, такой-сякой! Железнаго кольца недостоин, а к золотому коня привя-

зал». — Хорошо, бабушка! Не бранись: коня можно отвязать, за иное кольцо привязать. «Что, доброй молодец, задала тебе страху! А ты не страшись, да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?» — Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила-напоила, втепор вестей поспрошала; видишь — человек с дороги, весь день не ел! В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан, и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам ей разсказывает: «был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка! Скажи: где живет Ненаглядная Красота и как до нея дойти?» — Я и сама, царевич, не ведаю; вот уж девятой десяток доживаю, а про красоту еще не слыхивала. Ну, да усни с Богом; заутро сберу моих ответчиков — может, из них кто знает. На другой день встала старуха раненько, умылась беленько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко, и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: «рыбы и гад водяной! Идите сюда». Тотчас мине море всколыхалося, собирается рыба и большая и малая, собирается всякой гад, к берегу идет — воду укрывает. Спрашивает старуха: где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внучка, девяти братьев сестра? Отвечают все рыбы и гады в один голос: «видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по земле: «собирайся зверь лесной!» Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает: «видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «собирайся, птица воздушная!» Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» — Больше некого спрашивать! говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу; только вошли туда, налетела Могол-птица, пала на землю — в окнах свету не стало. «Ах ты, птица-Могол! Где была, где летала, отчего запоздала?» — Ненаглядную Красоту к обедне сряжала. «Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича». — Рада бы — сослужила, много пропитанья надоть!

«Сколь много?» — Три сороковки говядины да щ(ч)ан воды. Иван-царевич налил щан воды, накупил быков, набил и наклал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копье длинное, железное. Воротился и стал со старухой прощаться: «прощай, говорит, бабушка! Корми моего добраго коня сыто — я тебе за все заплачу». Сел на Могол-птицу — в ту же минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама безперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копье говядины. Вот летела-летела не мало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: «ой, птица Могол! Пади на сырую землю, мало пропитанья стало». — Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучия — нам с тобой поконец века не выбраться. Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Могол-Птица летит, оборачивается. Что делать? думает царевич, вырезал из своих ног икры, дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковыя, цветы лазоревыя, и пала на земь. Иван-царевич встал, идет по лугу — разминается, на обе ноги прихрамывает. «Что ты, царевич! Али хромаешь?» — Хромаю, Могол-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил. Могол-птица выхаркнула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли — и пошел царевич и крепко и бодро.

Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: «спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу». Лег царевич и тотчас уснул; день спит и ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадет в руки — тем и бьет, нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьет его чем ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; стоят они рядом да Богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней. Вышел на рундук,

глянул на сине море — идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмехаться: «ах ты, деревенская зобенка! По тебе ли такая красавица? Не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!» Раз говорят, и в другой говорят, а в третий сказали — ему бедно стало: рукой махнул — улица, другой махнул — чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке. Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту? — Видел, Во век не забуду. «Ну, ложись спать; завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбужу». Лег царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадет под руки — тем и бьет его; нет, не смогла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула — покраснела. Стоят они рядышком да Богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней. Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: «ах ты, деревенская зобенка! По тебе ли такая красавица? Не стоишь ты ея мизиннаго пальчика!» От тех речей ему бедно показалося; махнул рукой — стала улица, махнул другой — чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел. «Видел ли Ненаглядную Красоту?»— спрашивает бабушка-задворенка. «Видал, во век не забуду». — Ну, спи; заутро я тебя опять разбужу. Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его; чем ни попадя бьет его не жалеючи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилы добудилась его! Иван-царевич вскочил быстрехонько, умылся белехонько, снарядился в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, ненаглядной Красоте наособицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по левую. Стоят они да Богу молятся; на исходе обедни он первой под крест, она вторая за ним. Вышел царевич на рун-

дук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться: «ах ты, деревенская зобенка! По тебе ли такая красавица? Ты не стоишь ея мизиннаго пальчика»! стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — улица, махнул другой — гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная Красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браныя, угощала его — подчивала, своим женихом называла. Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали-ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич ея сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич: «Ненаглядная Красота! Похрани моего тела Белаго, я спать лягу». — А долго ль спать будешь? «Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время прийдет — сам проснусь». — Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет. — «Скучно-нескучно, а делать нечего!» Лег спать, и проспал как раз девять суток. В то время приехал Кощей Безсмертной и увез Ненаглядную Красоту в свое государство.

Пробудился Иван-царевич, смотрит — нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошел ни путем, ни дорогою. Долго ли, коротко ли — приходит в государство Кощея Безсмертнаго и просится на постой к одной старухе. «Что, Иван-царевич, печален ходишь?» — Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем. «Худо твое дело, Иван-царевич! Тебе Кощея не потребить (истребить)». — Я хоть посмотрю на мою невесту! «Ну, ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уйдет». Лег Иван-царевич, а сон и на ум нейдет; поутру Кощей со двора, а царевич во двор — стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать. Научает ее Иван-царевич: «спроси у Кощея Безсмертнаго, где его смерть?» — Хорошо, спрошу. Только успел он со двора уйти, а Кощей во двор: «а! говорит, русской косткой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич

был». — Что ты, Кощей Безсмертной! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели! Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает: «скажи мне, Кощей Безсмертной: где твоя смерть?» — На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана. Рано утром уезжает Кощей на войну. Иван-царевич пришел к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кощей во двор: «а! говорит, русской косткой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — Что ты, Кощей Безсмертной! Сам по Руси летал, русскаго духу нахватался — от тебя русским духом пахнет. А мне где видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели! Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порог — лежит веник позолоченной. «Это что?» — Ах, Кощей Безсмертной! Сам видишь, как я тебя почитаю: коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога. «Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вон в дубовом тыну заделана». На другой день Кощей уехал, а Иван-царевич пришел, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кощей Безсмертной; «а! говорит, русской косткой пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был». — Что ты, Кощей Безсмертной! Кажется, я тебе не раз говаривала: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали. Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул посадила. Кощей взглянул в окно, стоит тын позолоченной, словно жар горит! «Это что?» — Сам видишь, Кощей Безсмертной! Как я тебя почитаю: коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога. Полюбилась эта речь Кощею Безсмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: «ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, так утка в кокоре, та кокора в море плавает». Как только уехал Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и разсказала, где искать смерть Кощееву. Иван-царевич пошел ни путем-ни дорогою, пришел к окиан-морю широкому, и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился: «ну,

ястреб! Я тебя застрелю да сырком съем». Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь. Бежит медведь; «ах Мишка косолапый! Я тебя убью да сырком съем». — Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь. Глядь — на берегу щука трепещется: «а, щука зубастая, попалася! Я тебя сырком съем». — Не ешь меня, Иван-царевич! Лучше в море брось; в нужное время я тебе пригожусь. Стоит царевич и думает: когда же наступит нужное время, а теперь голодать пришлось! Вдруг сине море всколыхалося, взволновалося, стало берег заливать; Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит; взбежал на самое высокое место и взлез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать; море стихло, улеглось, на берегу очутилась большая кокора. Прибежал медведь, поднял кокору, да как хватит оземь — кокора развалилася, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся — летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо, да прямо в море; тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу. Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Безсмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Безсмертной сидит у окна да ругается: «а, Иван-царевич! Хочешь отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть». — ты сам у меня ее отнял! отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: « а это что?» — У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел, покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки на руку — Кощея Безсмернаго из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки на руку перекладывать; перекладывал-перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер. Иван-царевич запрёг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки серебра и золота и поехал вместе со своею невестою к родному батюшке. Долго ли, коротко ли — приезжает он к то самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, увидав своего коня: «слава Богу, говорит, воронко жив!» — и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас срядил царе-

вич легкаго гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет: «батюшка! Встречай сына; еду с невестою Ненаглядною Красотою». Отец получил письмо, прочитал и веры неймет: «как тому быть! Вить Иван-царевич уехал отсель девятисуточной». Вслед за гонцом и сам царевич приехал; царь увидал, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльцо встречать и приказал в барабаны бить, музыку играть. «Батюшка! Благослови жениться». У царей не пиво варить, ни вино курить — всего много; в тот же день веселым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с ненаглядной Красотою, и выставили по всем улицам большие щаны с разными напитками; всякой приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

Емельян-дурачок

В некоторой деревне жил мужик, и у него было три сына: два были умные, а третий — дурак, котораго звали Емельяном, и как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость и празвав к себе всех сыновей, говорил им:

— Любезныя дети, я чувствую, что мне не долго жить, то и оставляю вам дом и скот, которые вы разделите на равныя части; также оставляю вам денег на каждаго по сту рублев.

После того вскоре отец их умер, и дети похоронили его честно, жили благополучно; потом вздумали Емельяновы братья ехать в город и торговать на те триста рублей, которые им отказаны были их отцом, то и говорили они дураку Емельяну:

— Послушай, дурак! Мы поедем в город, возьмем с собою и твои сто рублей и когда приторгуем барыш, то купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, а ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены (ибо они были женаты), а твои невестки, то ты сделай.

Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям своим, что он делать будет все, что только его невестки заставят. После того братья его

поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом, спустя несколько времени, в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою, но дурак лежа на печи, сказал:

— Да, а вы что?

Невестки закричали на него:

— Как, дурак, мы-то что, ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти.

Но он говорит:

— Я ленюсь.

Невестки опять на него закричали:

— Как, ты ленишься, ведь ты же захочешь есть; а когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя. — притом сказали: — Добро ж, мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя они и купили тебе красный кафтан и все, чтоб они ничего не давали.

Что слыша, дурак, желая получить красный кафтан и шапку, принужден был идти, слез с печи и начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся и взял с собой ведры и топор, пошел на реку, ибо и деревня их была подле самой реки. И как пришел на реку, то и начал прорубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую, потом почерпнул в ведры воды и поставил их на лед, а сам стоял подле проруби и смотрел на воду; в то время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука. Емеля, сколько ни был глуп, однако пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить и подошел к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, вытащил из воды и положив ее за пазуху, хотел идти домой, но щука говорила ему:

— Что ты, дурак, на что ты меня поймал?

— Как на что? — говорил он. — Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить.

— нет, дурак, не носи ты меня домой, а пусти ты меня опять в воду, я тебя за то сделаю богатым человеком.

Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ея не отпускает, говорила:

— Слушай, дурак, пусти же ты меня в воду: я тебе сделаю то, чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится.

Дурак, слыша сие, весьма обрадовался; ибо как он был чрезвычайно ленив, то и думал сам себе: «Когда щука сделает то, чего я ни пожелаю, то все будет готово, и я уже работать ничего не буду». Потом говорил он щуке.

— Я тебя отпущу, только ты сделай то, что ты обещаешь.

На что отвечала щука:

— Ты прежде пусти меня в воду, я обещание свое исполню.

Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом уж он ее пустит; щука, видя, что он ея не хочет пустить в воду, говорила:

— Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как делать то, чего ты пожелаешь, то надобно, чтоб ты теперь сказал, что ты хочешь.

Дурак говорил ей:

— Я хочу, чтоб мои ведры с водой сами пошли на гору (ибо деревня та была на горе), но чтоб вода из них не расплескалась.

Щука тотчас ему говорила:

— Помни же, Емельян, те слова, которыя я стану тебе сказывать.

И вот в чем те слова состояли: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ступайте ведры сами в гору».

Дурак после нея говорит: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ступайте, ведры, сами на гору!» И в тот час ведры и с коромыслом пошли сами на гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке:

— Все ли так будет?

На что щука отвечала:

— все то будет, чего только пожелаешь, но не забудь только те слова, которые я тебе сказывала.

После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя чудо, удивлялись и говорили, между собою:

— Что это дурак делает? Ведры с водой идут сами, а он идет за ними.

Но Емеля, не говоря ничего с ними, пошел домой, и ведры сами вошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь. Потом спустя несколько времени, говорили ему опять невестки:

— Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел да дров нарубил.

Но дурак говорил:

— Да, а вы-то что?

— Как мы? — вскричали на него невестки. — Ведь теперь зима, а ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно.

— Я ленюсь, — говорит дурак.

— Как ленишься? — говорили ему невестки: — ведь ты же озябнешь. — Притом они говорили: — Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки и сапог.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; а как был он чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезать с печки, то он и говорит тихонько, на печи лежа, сии слова:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, топор, поди и наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь!

Топор, откуда ни взялся, выскочил на двор и начал рубить, а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивлялись Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дурак велит нарубить дров, то топор и нарубит; и жил он с невестками несколько времени. Потом говорили ему невестки:

— Емеля, теперича у нас нет дров, то съезди в лес и наруби.

Дурак им говорил:

— Я ленюсь.

— Как ленишься? — говорили ему невестки. — Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не поедешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим тебе давать ни кафтана краснаго, ни шапки красной, ни сапог красных.

Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и встал с печи, начал обуваться и одеваться, и как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под сарая сани, взял с собою топор и сел в сани, и говорил своим невесткам:

— Отворите ворота.

Невестки, видя, что он едет в санях да без лошади, ибо дурак лошадь не запрягал, говорили ему:

— Что ты, Емеля, сел в сани, а лошади для чего не запряг?

Но он говорил, что лошади ему не надобно, а только чтоб отворили ворота. Невестки ему отворили, а дурак, сидя в санях, говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, сани, ступайте в лес!

После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко, что хотя бы пара запряжена лошадей, то нельзя бы шибче ехать.

И как надобно дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как он не знал того, что надобно кричать для того, чтоб не передавить народ, то он ехал по городу, а не кричал, чтоб посторонились, и передавил народу множество; и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли; и Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановил свои сани.

Дурак вылез из саней и говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами в сани кладитесь и вяжитесь!

Лишь только дурак сказал сии речи, то топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, то велел еще топору рубить одну дубинку, и как топор вырубил, то он сел на воз и говорил:

— Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, поезжайте, сани, домой!

Сани тотчас и поехали весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, то и дожидались его люди, чтоб поймать. И как въехал он в город, то они его и поймали и стали тащить его с воза долой; притом начали бить. Дурак, видя, что его тащут и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью, ну-ка, дубинка, отломай им руки и ноги». В тот час выскочила дубинка и начала всех бить, и как народ бросился бежать, дурак поехал из города в свою деревню, и дубинка, когда всех

перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь; и после того, как он уехал из города, то и стали об нем везде говорить, не столько о том, что он передавил множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях и без лошади. И мало-помалу сии речи дошли до дворца, а потом и до самого короля; и как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть, и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтобы его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и сказал ему:

— Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезть к королю.

Староста тотчас показал ему тот двор, где жил Емеля, и офицер взошел в избу, спрашивал, где дурак, а он, лежа на печи, отвечал:

— На что тебе?

— Как на что? Одевайся скорее я повезу тебя к королю.

Но Емеля говорил:

— А что мне там делать?

Так он и не поехал во дворец.

Выбрал король одного умнаго человека, котораго и послал с тем, чтоб как возможно привезть дурака, хотя обманом. Посланный от короля поехал, и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему:

— Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его взять; а то призови мне тех, с кем он живет.

Староста тотчас побежал и привел его невесток, и посланный от короля спрашивает их, что дурак любит, а невестки ему отвечали:

— Милостивый государь! Наш дурак любит, что ежели станешь его просить неотступно о чем, и он откажет раз-другой, а в третий уже не откажет и сделает; а не любит он того, когда с ним грубо поступают.

Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе; после того, накупя изюму, черно-

сливу и винных ягод, пошел к дураку и как пришел в избу, то подошел к печи и говорил:

— Что ты, Емеля, лежишь на печке?

И дал ему изюму, черносливу и винных ягод и говорил:

— Поедем, Емеля, со мною, я тебя отвезу к королю.

Но дурак говорил:

— Мне и тут тепло. — Ибо ничего, кроме тепла, не любил.

А посланный начал его просить:

— Пожалуйста, Емеля, поедем, там тебе будет хорошо.

— Да, — говорил дурак, — я ленюсь.

Но посланный стал его еще просить:

— Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги.

Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели пойдет, говорит:

— Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду.

Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток:

— Не обманывает ли меня дурак?

Но оне уверяли, что он уже не обманет.

Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорит:

— Ах, как мне не хочется к королю ехать, но так уже и быть!

Потом говорил:

— Нут-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, поезжай-ка, печь, прямо в город.

Тотчас изба затрещала, и печь пошла вон из избы, и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что догнать нельзя. И он догнал еще на дороге того посланнаго, который за ним ездил, а с ним приехал и во дворец. И как король увидел, что приехал дурак, то вышел со всеми своими министрами его смотреть, и, видя, что Емеля приехал на печи, весьма король удивлялся, но дурак лежал и ничего не говорил. Потом спрашивал его король, для чего он столько передавил народу, как ездил за дровами в лес? Но Емеля говорил:

— Я чем виноват, для чего они не посторонились?

И в это время подошла к окошку королевская дочь и посмотрела на дурака; а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя ее весьма прекрасною, дурак тихонько говорил:

— Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью, влюбилась эдакая красавица в меня!

И лишь только сии слова выговорил, то королевна, смотря на него, и влюбилась; а дурак после того сказал:

— Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью, ступай-ка, печь, домой!

В тот час печь и поехала из дворца; и въехав за город, поехала на прежнее место. И Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое. Ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить своего отца, чтоб выдал ее за дурака в замужество. Король за то весьма разсердился на нее и на дурака и не знал, как его взять; в то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который и прежде ездил за Емелей и не умел его взять, то за вину, что он его не взял, король по их совету приказал представить того офицера, и как офицер пред ним предстал, тогда король говорил ему:

— Слушай, друг мой, я тебя прежде послал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю я тебя в другой раз, и чтоб ты привез его непременно. Ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан.

Офицер выслушал короля, поехал немедленно за дураком, и как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему:

— Вот деньги, искупи все то, что надобно завтра к обеду, и позови Емелю; и как будет он у тебя обедать, то пой его до тех пор, когда ляжет здесь спать.

Староста, зная, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и, искупив все то, позвал и дурака. И как Емеля сказал, что будет, то и дожидался его офицер с великою радостию; а на другой день пришел дурак, то и начал его староста поить и напоил его так, что Емеля лег спать; офицер, видя, что он спит, в тот час связал и приказал подать кибитку; и как подали, то положили дурака.

Потом сел офицер в кибитку и привез его в город. И как подъехал он к городу, то повел его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера, и как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку, и чтоб набиты были железные обручи, что тотчас же и было сделано, и принесена была оная бочка к королю; и король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить. И как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе же велел пустить ту бочку в море; и по его приказанию немедленно ее пустили. Король возвратился в свой город, а бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов, и дурак во все то время спал, а как проснулся, и видя, что темно, то спрашивает сам у себя: «Где я?» Ибо он думал, что он один, но принцесса ему говорила:

— Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена.

— А ты кто? — спросил дурак.

— Я Королевская дочь, — отвечала она, и разсказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку. Потом просила его, чтобы он освободил себя и ее из бочки. Но дурак говорил:

— Мне и тут тепло.

— Сделай милость, — говорила принцесса, — сжалься на мои слезы и избавь меня из сей бочки.

— Как не так! — говорил Емеля. — Я ленюсь.

Принцесса опять его начала просить:

— Сделай милость, Емеля, избавь меня от сей бочки и не дай мне умереть.

Дурак, будучи тронут ея просьбою и слезами, сказал ей:

— Хорошо, я для тебя это сделаю.

После того потихоньку говорил:

— По щучьем веленью, а по моему прошенью, выкинь-ка ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству, а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама и расшибися!

Лишь только успел дурак выговорить сии слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на сухое место, а бочка сама и разсыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество

разных дерев со всякими плодами, и принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове, а после того говорила:

— Что ж, Емеля, где мы будем жить, ибо нет здесь ни шалаша, ничего?

Но дурак говорил:

— Вот ты уж и многаго требуешь.

— Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик, — говорила принцесса, — чтобы можно нам было во время дождя укрыться.

Ибо принцесса знала, что он все может сделать, ежели только захочет.

Но дурак сказал:

— Я ленюсь.

Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ея просьбою, принужден был для нея сделать и, отошед от нея, говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, будь среди сего острова такой дворец, чтоб вдвое был лучше королевскаго, и чтоб от моего дворца был хрустальный мост, а во дворце чтоб были разнаго звания люди!

И лишь успел выговорить сии слова, то в ту же минуту и появились преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях было весьма богатое убранство, и было премножество людей, как лакеев, так и всяких разночинцев, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все были как люди, а он был один только не хорош и глуп, захотел, чтоб сделаться получше, и для того говорил:

— По щучьему веленью, а по моему прошенью, кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобнаго и чтоб был я чрезмерно умен!

И лишь успел выговорить, то в ту же минуту сделался так прекрасен, а при том и умен, что все удивлялись. После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак. И как приехал

во дворец, то министры представили его пред короля, и посланный от Емели говорил:

— Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к себе кушать.

Король спрашивал:

— Кто таков твой господин?

Но посланный отвечал:

— Я не могу вас сказать, милостивый государь (ибо дурак ему не велел сказывать про себя, кто он таков), о моем господине ничего: а когда вы сами будете кушать, в то время он вам и скажет о себе.

Король, любопытствуя знать, кто прислал его звать кушать, сказал посланному, что он будет непременно, и посланный возвратился назад. А когда пришел тот час, то король поехал со всеми министрами к дураку по тому мосту, и как приехал король во дворец, то вышел Емеля на встречу королю и принимал его за белыя руки, целовал в сахарныя уста, вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браныя, явства сахарныя, за питья медовыя, и за столом король и министры пили, ели и веселились. А как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю.

— Милостивый государь! Узнаете ли вы меня, кто я таков?

И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом и лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было его узнать, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил:

— Помните ли вы, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец, и вы его, засмоля в бочку и с дочерью, пустили в море? Итак узнайте теперь меня, что я тот самый Емеля.

Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать. а дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя свою дочь, весьма обрадовался и говорил дураку:

— Я пред тобою весьма виноват и за то отдаю тебе свою дочь в замужество.

Дурак, слыша сие, с покорностию благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день и праздно-

вали ее с великим великолепием; а на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселие то отошло, то король отдавал ему свое королевство, он он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

ИВАШКА – МЕДВЕЖЬЕ УШКО

В некотором царстве, в некотором государстве жил крестьянин, у него родился сын, у котораго было медвежье ухо, почему и назван он был Ивашкою-медвежьим ушком.

Но как Ивашка-медвежье ушко начал приходить в совершенный возраст, то стал ходить на улицу рогатицу с ребятами играть; и кого ухватит за руку, то оторвет руку прочь, кого за голову, то оторвет голову.

Крестьяне, не стерпя таковых обид, начали говорить Ивашкину отцу, чтоб он унимал своего сына или не пускал со двора на улицу играть с ребятами.

Отец долгое время бился с Ивашкою, но видя, что сын его не унимается, решился его сослать со двора и сказал ему:

— Поди от меня, куда хочешь, а я тебя держать в доме своем не стану; я опасаюсь, чтобы мне не нажить от тебя какой себе беды.

Итак Ивашка-медвежье ушко, простясь со своим отцом и матерью, пошел путем-дорогою. Шел он долгое время, потом подошел к лесу и увидел человека, копающего дубовые пенья. Он подошел к нему и спросил:

— Добрый человек, как тебя зовут?

— Дубынею, — отвечал сей, и они с ним побратались и пошли далее.

Подходя же к каменной горе, увидели человека, копающего каменную гору, которому сказали:

— Бог на помощь тебе, добрый молодец! Как тебя зовут? — спросили они.

— Имя мое Горыня, — отвечал сей.

Они также назвали его своим братом и предложили ему, чтобы он, оставя рыть гору, согласился идти с ними вместе; он согласился на их предложение, и пошли все трое вместе путем-дорогою и шли несколько времени.

Идучи по берегу реки, увидели человека, сидящего и имеющего превеликие усы, которыми он ловил рыбу для своей пищи. Они все трое сказали ему:

— Бог на помочь тебе, брат, ловить рыбу!

— Спасибо, братцы, — отвечал он.

— Как тебя зовут? — спросили они.

— Усыня, — отвечал он.

И сего назвали своим братом, и взяли Усыню с собою. И таким образом они все четверо шли долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; напоследок подошли к лесу, увидели избушку на куриных ножках, которая туда и сюда повертывается.

Они, подошед к ней, сказали:

— Избушка! Стань к лесу задом, а к нам передом.

Избушка им повиновалась, и взошед в оную, они стали советоваться, как им жить да быть; потом пошли все в лес, набили дичи и настряпали для себя кушанья.

На другой день оставили Дубыню для стряпни, а сами пошли в лес для промысла.

Дубыня, приготовя кушанья, сел под окошко дожидался своих братьев. В то самое время приехала баба-яга на железной ступе, пестом погоняет, а языком след заметает и, взошед в избушку, говорила:

— Доселева русскаго духу слыхом не слыхивала и видом не видывала, ныне и слышу и вижу.

Оборотясь же к Дубыне, спросила:

— Зачем ты сюда, Дубыня, пришел?

Потом зачала его бить и била до полусмерти; потом приготовленную пищу всю поела, а сама уехала.

Как пришли товарищи Дубыни с охоты своей, то требовали от него кушанья, и он им, не объявляя, что его прибила баба-яга, сказал, что занемог, а потому и ничего не состряпал.

Таким же образом поступила баба-яга с Горынею и Усынею. Напоследок досталось сидеть дома Ивашке-медвежьему ушку; он остался, а товарищи пошли на добычу.

Ивашка всего наварил и нажарил; нашедши у бабы-яги кринку меду, сделал у печи столб, сверху воткнул клин, а мед пустил по столбу; а сам сел на печи и спрятался за оный столб, приготовляя три прута железные.

Несколько времени спустя приехала баба-яга и закричала:

— Доселе русскаго духа слыхом не слыхивала и видом не видывала, а ныне и слышу и вижу; зачем ты, Ивашко-медвежье ушко, сюда пришел да еще надругался над моим добром?

И начала по столбу лизать языком мед, а как стала доставать языком по трещине, то Ивашка вынул из столба клин, и прищемя ей язык, вскочил с печи до тех пор сек ее теми железными прутьями, пока начала она просить, чтоб он ее отпустил, и обещалась с ним жить мирно и к нему более не ездить.

Ивашка согласился исполнить ея просьбу, освободил язык и, положа ягу-бабу под угол, сам сел под окошка, дожидаясь своих товарищей, которые вскоре пришли и думали, что и с ним так же поступила баба-яга. Но, увидя, что у него кушанье все приготовлено, весьма сему удивлялись.

После обеда он разсказал им, как он поступил с ягою-бабою, и смеялся им, как они сладить не могли с нею.

Напоследок, желая показать избитую ягу-бабу, повел их под угол, но уже ея не было; посему они, вознамерившись за нею идти следом, пришли к камню, который подняв, усмотрели глубокую яму и вздумали туда спуститься.

Но как никто из его товарищей не осмелился сего учинить, то согласился Ивашка-медвежье ушко; зачали вить веревки, сделали люльку и опустили его в яму.

Между тем Ивашка приказал им дожидаться себя целую неделю; и если в сие время не получат от него никакого известия, то бы более не ждали.

— Когда же я буду жив и потрясу за веревку, — говорил он, — то вы тащите люльку, если будет легко, а когда тяжело, то отрубите, дабы вместо меня не вытащить яги-бабы.

Простясь с ними, он опустился в ту глубокую подземную пропасть.

Он ходит там долгое время, наконец, пришел к одной избушке, в которую взошед, увидел трех прекрасных девиц, сидящих за пяльцами и вышивающих золотом, а оныя были дочери яги-бабы; и как оне увидели Ивашку-медвежье ушко, то спросили:

— Добрый молодец, зачем ты сюда зашел? Здесь живет наша мать яга-баба, и как скоро она сюда придет, то уже тебе не быть живому, она тебя умертвит; но если ты нас освободишь из сего жилища, то мы тебе дадим наставление, как спасти свою жизнь.

Он обещался их вывести из сей пропасти; и они разсказали ему, что как скоро мать приедет, то бросится на него и станет с ним драться, но она потом устанет и побежит в погреб, в котором у нея стоят два кувшина с водою: в синем кувшине сильная вода, а в белом — безсильная.

Лишь только дочери яги-бабы окончили свой разговор, то услышали, что мать их едет на железной ступе, пестом погоняет, а языком следы заметает, и сказали о сем Ивашке.

Приехав же, баба-Яга закричала:

— Доселе русскаго духа слыхом не слыхала и видом не видала, а ныне и слышу и вижу; зачем ты, Ивашка-медвежье ушко, пришел сюда? Ты и здесь уже вздумал меня безпокоить.

Бросилась она вдруг на него и начала драться; долгое время дрались оба и напоследок упали на землю.

Баба-яга полежав несколько, вскочила и побежала в погреб, куда за нею следом бросился Ивашка; и она, не разсмотря, ухватила белый кувшин, а Ивашка — синий и стали пить; после сего вышли из погреба и начали опять драться; Ивашка ее одолел и, схватя за волосы, бил бабу-ягу ея же пестом.

Она стала просить Ивашку, чтобы он помиловал ее, обещаясь с ним жить мирно, и что сей же час выйдет из сего места. Ивашка-медвежье ушко на сие согласился и перестал бить ягу-бабу.

Как скоро она уехала, он пошел к ея дочерям, поблагодарил их за наставление и сказал им, чтобы оне приготовились к выходу из сего места.

Как только оне собрались, он, подошед к веревке, потряс оною; тотчас его товарищи опустили люльку; он посадил большую сестру и с нею приказал, чтобы их всех вытаскивали.

Товарищи Ивашкины, вытащив девицу, удивлялись; но, известясь от нея обо всем, и прочих сестер ея перетаскали.

Напоследок опустили люльку за Ивашкою, и как он в то время наклал в люльку много платья и денег, к нему же сел и сам, то товарищи его, почувствовав тяжесть, думали, что селя яга-баба, отрубили веревку и там Ивашку оставили. Между тем, согласились на тех девицах жениться, что исполнить не замедлили.

Между тем, Ивашка-медвежье ушко долго ходил по сей пропасти и искал выхода; наконец, к счастию, нашел в темном месте железную дверь, которую отломав, шел долгое время в оной темноте; потом вдали увидел свет и, шедши прямо на оный, вышел из пропасти. По сем вознамерился искать своих товарищей, которых вскоре нашел, и они уже все трое поженились. Увидя их, стал говорить, для чего они его оставили в пропасти!

Но товарищи, испугавшись, говорили Ивашке, что Усыня отрубил веревку, котораго Ивашка убил, а жену его взял за себя, и стали все вместе жить поживать, да добра наживать.

БОВА КОРОЛЕВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был князь по имени Гвидон. Мудро управлял он своим обширным владением, был храбр и в добавок еще обладал несметным богатством. Соседи князья все уважали его и наперерыв один перед другим спешили предложить ему дружественный союз.

Однажды вздумалось ему отправиться в один из соседних городов, в котором правил народом Кирбит Верзеулович.

Князь Кирбит был очень рад дорогому гостю, встретил Гвидона у городских ворот и тотчас же пригласил к себе в терем — откушать хлеба-соли. — Нечего и говорить, что стол был

приготовлен необыкновенно роскошно. — Но, что всего более поразило Гвидона, так это красота дочери князя Кирбита Мелетрисы Кирбитовны. Увидав ее, он влюбился в нее, как говорится, по уши и вознамерился во что бы то ни стало взять ее за себя в замужество. Долго думать он не любил, а потому, когда вернулся в свои владения, то ни мало не медля написал к Кирбиту Верзеуловичу письмо, в котором изъявлял ему свое желание — соединиться браком с его дочерью. — Письмо это должен был доставить один из приближенных его вельмож.

Князь Кирбит прочел письмо Гвидона и с радостию согласился исполнить его желание, но Милитриса Кирбитовна никак не хотела вступить с ним в брак и только по настоянию отца решилась отдать ему руку. Посол возвратился к Гвидону с благоприятным ответом, а вслед за ним прибыл и великолепный поезд невесты, сопровождаемый отцом и первейшими его вельможами.

Сочетавшись браком, князь Гвидон жил с Милитрисою Кирбитовною три года с половиною и у них, к общей их радости, родился сын, котораго назвали Бовою Королевичем.

Милитриса Кирбитовна была постоянно окружена всевозможною роскошью... Чего бы ей кажется не доставало? — Всего у нее вдоволь: и нарядов дорогих и сластей заморских. Словом сказать, не успеет она, бывало, глазом мигнуть, а уж перед нею все является по ея желанию; грешно было сказать и то, чтобы муж не любил ее; напротив, он сам не знал как бы приласкаться к ней; но на все это Милитриса Кирбитовна смотрела с пренебрежением, не разделяла никаких удовольствий двора своего. Не могли придумать, чтобы могло быть причиною ея безпрестанной грусти.

Раз, проснувшись ранее обыкновеннаго, она позвала к себе преданнаго ей слугу Личарда и голосом несколько взволнованным сказала ему:

— Личард! Вот тебе письмо, отвези его к храброму и сильному князю Додону! Но смотри, чтобы оно было непременно передано ему в руки: если же да ты не исполнишь верно моего поручения, то поплатишься за это своею жизнию.

Личард привык уже безпрекословно повиноваться воле своей повелительницы, а потому, не мешкая ни минуты, спешил исполнить в точности ея приказание.

Письмо, которое передала ему Милитриса Кирбитовна, было следующаго содержания:

«Любезный князь Додон!

Родителю моему угодно было, совершенно против моего желания, отдать меня замуж за князя Гвидона. — Находясь в таком неприятном положении, я решаюсь, наконец, просить тебя: освободи меня силою своего оружия от моего мужа, котораго я ненавижу».

Додон, прочитав письмо, немедленно приказал трубить в рог и сзывать свою дружину на брань. — Живо собралось сорокатысячное войско и ожидало приказания от своего князя. Додон повел его к столичному граду Гвидонову и расположился с ним на лугах княжеских.

Как скоро Милитриса Кирбитовна увидала из окна своего терема белеющиеся на лугах шатры и войско Додоново, в ту же минуту нарядилась в самое лучшее платье и веселая вошла к своему мужу Гвидону.

— Знаешь ли, о чем я хочу просить тебя! — сказала она ему с притворно-ласковою улыбкою.

— О чем? Говори! Будь уверена, что я все исполню для тебя, — произнес Гвидон, обрадованный, что жена его весела и ласкова.

— Вот видишь ли, — отвечала она, еще более ласкаясь к своему мужу, — мне захотелось мяса дикаго вепря и я желала бы, чтобы ты сам заколол его и принес ко мне. Ах, как бы ты этим утешил меня и свое детище, которое я теперь в себе чувствую.

Ласки жены до того разнежили Гвидона, что, в угождение ей, он поехал за город; а Милитриса Кирбитовна приказала запереть городския ворота, поднять подъемные мосты и отнюдь никого не впускать внутрь города; сама же начала внимательно всматриваться в окно своего терема… Вдруг видит: муж ея, преследуемый погонею, обратил быстро коня и скачет назад в город; вот он подъехал к подъемному мосту, на минуту остановился, как бы раздумывая, что делать, вот пустился вплавь. — Обезсиленный конь его тонет: с ним вместе гибнет и муж ея.

Обрадованная, что коварный замысел ея удался, Милитриса Кирбитовна приказала снова отворить городския ворота и опустить подъемные мосты; в это же время уведомила она князя Додона, что он безпрепятственно может вступить в город, сама вышла на встречу ему, взяла его за руку и повела в свои терема.

Там посадила его за столы дубовые, за скатерти бранныя, предложила ему яства роскошныя, да напитки заморския. — И начали они пить, есть и сладкия речи вести.

Бова Королевич был еще ребенком и ничего не понимал, но, увидев, что мать его сидит с незнакомым ему человеком, испугался и с отвращением выбежал из терема. Приставленный к нему дядька Симбальда насилу мог отыскать его. — И сколько потом ни старался Симбальда внушить Бове Королевичу, что он не должен выходить из повиновения своей родительницы и что всякое неуважение его к князю Додону может быть для него пагубно, все было напрасно: Бова Королевич, предчувствуя что-то недоброе, не хотел и не оказывал ни малейшей ласки к своему отчиму. Додон замечал это в ребенке и, угрызаемый совестью, решился к одному злу присоединить и другое, то есть задумал извести совершенно невиннаго младенца.

— И вот, раз призывает он к себе Милитрису Кирбитовну и говорит ей, что видел во сне, будто бы Бова Королевич выехал на статном коне и поразил его, Додона, копьем прямо в сердце.

Разсказав Милитрисе Кирбитовне сон свой, он прибавил:

— Я боюсь, чтоб не случилось со мною на самом деле, если возрастет и возмужает Бова и вздумает отомстить мне за смерть своего отца, а чтоб устранить такую опасность, угрожающую мне в будущем, я прошу тебя предать Бову смерти.

Выслушав последния слова, милитриса Кирбитовна крепко призадумалась: жаль ей было погубить свое детище, и вот она, став перед Додоном на колени, предложила ему, что будет гораздо лучше — посадить Бову в темницу и там заставить его умереть голодною смертию. По крайней мере так, предложила она, я не буду видеть его мучений и смерть своего сына перенесу гораздо спокойнее. Додон согласился с нею и Бову заперли в темницу.

Прошло несколько дней. Милитриса Кирбитовна пошла прогуливаться по широкому двору, окружавшему терем княжеский. На этом дворе возвышалась башня, а в ней томился Бова Королевич.

Увидав из темничнаго окна мать свою, он стал ей жаловаться, что умирает с голоду.

Стон ребенка тронул материнское сердце Милитрисы Кирбитовны: она быстро возвратилась в терем и приказала своей девке отнести тайно к Бове несколько кусков хлеба.

Девка-Чернявка подала Бове хлеб и горько прослезилась при виде несчастнаго.

Бова Королевич благодарил ее за участие и, утолив голод принесенным ему хлебом, просил Чернявку, чтоб она не запирала за собой двери темницы.

Та, сочувствуя его ужасному положению, сжалилась над ним и оставила двери отпертыми.

Бова Королевич не почел за нужное оставаться более в темнице, вышел наружу. Но, опасаясь быть узнанным, он спешил удалиться от места своего заключения, выступил за город и продолжал пусть свой до тех пор, пока обезсиленный не упал на землю. В это время мимо него проходила шайка подозрительных людей, промышлявших грабежом. Такой прекрасный мальчик, как Бова Королевич, показался им выгодною добычею, они взяли его, отвезли к корабельной пристани, которая находилась по близости и предложили его на продажу корабельщикам.

Пленяясь красотою мальчика, корабельщики охотно купили его.

— Чей ты сын? — спросил его тогда один из корабельщиков.

— Отец мой музыкант, а мать прачка, — отвечал простодушно Бова. — и сам стал прохаживаться по кораблю и с любопытством осматривал все предметы; потом, подкрепив силы свои сытною пищею, Бова лег спать.

Корабельщики начали спорить между собою, кому владеть этим мальчиком.

Бова прислушался к их спору, встал и отвечал им:

— Вы спорите кому владеть мною? Не спорьте, я буду принадлежать и прислуживать всем вам.

Умный и скромный ответ очень понравился новым хозяевам Бовы и за это они еще более полюбили его.

После долгаго плавания, корабль пристал к одному знаменитому городу, которым управлял князь Зензевей Андронович.

Как только донесли князю Зензевею о прибытии чужеземнаго корабля, он тотчас же послал вельмож своих узнать от корабельщиков, с каким товаром они прибыли.

Пришли вельможи на корабль и, взглянув на Бову, до того очаровались красотой его, что совершенно позабыли о возложенном на них поручении, и когда возвратились к князю, ни о чем больше не разсказывали ему, как только про прекраснаго мальчика. Зензевей едва верил разсказам их и, чтобы удостовериться в истине, пошел на корабль сам. — но лишь только корабельщики, по его требованию, подвели к нему Бову, он также, как и вельможи, изумился красотой мальчика и, не входя ни в какия подробности, настоял на том, чтобы корабельщики продали его за триста литр золота.

— Какого ты роду? — спросил Зензевей Бову, когда он привез его к себе во дворец.

— Отец мой музыкант, а мать прачка, — отвечал ему скромно Бова Королевич.

— А когда ты простаго роду, — сказал Зензевей, — то будь моим старшим конюшим.

Бова поклонился Зензевею, поблагодарил его за милостивое к нему расположение и пошел на конюшню.

В это время дочь Зензевея Андроновича, прекрасная Дружевна, увидела Бову из окна своей комнаты и пленилась красотой его и, узнав, что ему уже назначена должность конюшаго, стала его упрашивать, чтобы мальчика этого оставили при ней. Зензевей охотно согласился на ея просьбу, будучи доволен тем, что Бова нравился его дочери точно также, как и ему.

Началось для Бовы житье самое приятное. Все любили и ласкали его, как потому, что видели расположение к нему князя и его дочери, так и за то, что он старался всем угодить своею кротостию и услужливостию.

Так прошло несколько лет. Бова из прекраснаго мальчика сделался красивейшим в мире юношею.

В это время к столице Зензевеевой подступил с огромным войском князь Маркобрун и трбовал, чтобы Зензевей отдал за него дочь свою, прекрасную Дружевну, в противном же случае грозил весь город истребить, самого князя в полон взять, а дочь его силою принудить выйти за него замуж.

Сильно призадумался Зензевей, струсил на порядках, но делать нечего; собрал он кое-какое войско и вышел на встречу к неприятелю. Началась битва жестокая; с обеих сторон дрались отчаянно; однакоже, как храбро не сопротивлялся Зензевей, но должен был уступить превосходству сил. Маркобрун, одержав победу, уже готовился вступить в город, чтобы привести в исполнение свои угрозы.

Раздосадовал Бова, как узнал, что Зензевей проиграл сражение, что войско его бежит в безпорядке. В первый раз тут он почувствовал в себе силу богатырскую и крепкия руки его как бы сами просились поразведаться с Маркобруном. Минуты были дороги. Он пошел к княжне и сказал ей:

— Княжна, позволь мне идти сражаться за твоего батюшку; прикажи мне только дать коня и меч.

— Как это возможно, Бова, — возразила Дружевна, — ты еще очень молод, чтобы сражаться с таким сильным неприятелем. Враги тебя раздавят как муху... Нет, нет, я не пущу тебя на явную смерть...

Но Бова не посмотрел на запрещение княжны, побежал в конюшню, выбрал коня, взял метлу и выехал за городския ворота. Маркобруновы воины, увидав, что против них выехал витязь в таком возрасте и в добавок еще с метлою в руке, начали смеяться над ним, а Бова, слыша их насмешки, пришел в такую ярость и так начал размахивать метлою, что побил до двух сот тысяч неприятелей... Остальные вместе с Маркобруном едва спаслись бегством.

Дружевна, как узнала о подвигах своего любимца, не могла нарадоваться на него, а Зензевей не находил даже слов, чтобы достаточно выразить ему свою благодарность.

Через несколько времени к столице Зензевея подступил новый неприятель — князь Лукопер, у которого голова была с пивной котел, а между глаз целая пядень укладывалась.

Снова начались требования в замужество княжны Дружевны и повторились угрозы разорить город и взять ее силою. Зензевей и в этот раз проиграл битву. Пришлось опять Бове снаряжаться в поход; взял он коня богатырскаго да меч-кладенец, выехал против врагов и как начал размахивать мечом своим в разныя стороны, так куда и несметное войско девалось: всех перебил до единаго, даже и сам Лукопер с большой головой своей не избег смерти.

Подвиг, совершенный теперь Бовою Королевичем, был гораздо важнее перваго, а потому, когда он подъехал к городским воротам, жители вышли к нему на встречу и громкими криками приветствовали победителя. На крыльце же дворца княжескаго встретили его сам Зензевей Андронович с своею дочерью и со всеми вельможами. Тут Бова соскочил с коня своего и, низко раскланявшись, поздравил князя с победою. Зензевей поблагодарил Бову за храбрость, пожаловал ему чин и приказал немедленно записать его в бояре; потом он взял Бову за руку и вместе с ним и с прекрасною Дружевною пошли впереди всех во дворец. Тотчас же загремела веселая музыка, засветились безчисленными огнями огромныя залы княжеския и полилось рекою в золотых кубках вино драгоценное. Все поздравляли Бову.

Дружевна еще более полюбила его и раз, беседуя с ним, высказала ему, что никак не верит, чтобы он мог быть сын простолюдина.

— Да, княжна, — отвечал ей на это Бова, — твое предчувствие справедливо: я сын славнаго Гвидона, а мать моя Милитриса Кирбитовна, дочь знаменитаго князя Кирбита Верзеуловича.

Обрадованная княжна была вне себя от восторга. Теперь ей не стыдно было оказать своему любимцу ласку и ея сердце могло биться свободней при той страсти, которую она уже питала к нему.

Казалось, все благоприятствовало Бове: его ожидали и почести и слава, а вдобавок и еще любовь княжны Дружевны, которой так домогались многие из храбрых и сильных князей. — Но взамен всего этого коварная зависть готовила ему удар и удар решительный.

— Он должен непременно погибнуть!

Так разсуждал один из придворных князя Зензевея, — и с этою целью изготовил подложное письмо, передал его Бове и от имени князя велел ему тотчас же отвезти пакет к князю Султану Султановичу, отцу убитаго Лукопера.

Не подозревая нисколько злодейскаго умысла, Бова поспешно сел на коня и отправился по назначению. Путь был не близок: солнце сильно палила землю; пот крупными каплями катился с лица утомленнаго путника. Ему захотелось пить; но куда ни озирался он, нигде не было ни одного ручья, из котораго мог бы утолить свою жажду. — Бова поехал далее. Вдруг видит в стороне дуб, под которым стоит старик и пьет из кружки воду. Он живо подскакал к нему и спросил:

— Кто ты такой, старичок?

— Я странник, — отвечал тот.

— Дело похвальное, — заметил Бова, — однако я вижу, что ты пьешь воду, а меня Вильно мучит жажда: сделай одолжение, позволь и мне напиться.

— Изволь, я налью тебе в кружку воды, — сказал странник. — После чего он отвернулся, наполнил кружку водою и незаметно всыпал в воду усыпительнаго порошку. Бова, чувствуя жажду, с жадностью выпил всю воду. Не прошло и двух минут, как его одолела сильная дремота, он упал с коня и заснул крепчайшим сном. Но каково же было его негодование, когда, проснувшись, он увидел, что возле него не было ни меча-кладенца, ни коня богатырскаго. Почтенный старик, тоже скрывшийся из глаз, лишил его и того и другого.

— Ах, проклятый бродяга, — говорил в досаде Бова, — какую сыграл со мною пакостную штуку.

Потужил, погоревал Бова о своих верных товарищах, но делать было нечего пошел пешком. Чрез несколько дней, пред глазами его открылся обширный город. Он направил шаги свои прямо к нему и перваго встретившагося ему прохожаго спросил:

— Скажи, любезный, как называется этот городок и кому он принадлежит?

— Он принадлежит славному и знаменитому князю Султану Султановичу, — отвечал прохожий.

— А! его-то мне и нужно, — сказал про себя Бова и пошел прямо во дворец к Султану.

Султан распечатал письмо и вдруг суровое лицо его побагровело. Он взглянул на Бову с яростным видом и вскричал:

— А! это ты, злодей, убил моего сына Лукопера и побил все мое храброе воинство. Хорошо, что ты сам пришел ко мне на смерть. Теперь ты жив не останешься. Эй, стража! — продолжал он, захлопав в ладоши.

Стража немедленно явилась.

— Возьмите вот этого злодея и отведите прямо на виселицу, — приказал Султан.

Стража появилась и повели Бову на виселицу.

Грустно стало Бове. Он никак не ожидал, чтобы Зензевей вместо благодарности отослал его на явную смерть. Но, рассуждал Бова, неужели в самом деле я должен погибнуть как преступник? И за что же? За то, что верно служил Зензевею, что несколько раз спасал его от врагов… Нет, этого не будет! Я не позволю лишить себя жизни, не предприняв ничего к своей защите.

В одно мгновение бросился он на близ стоявшаго воина, вырвал у него саблю и начал работать ею направо и налево. Головы летели, как мячики, трупы ложились, как снопы, у ног богатыря; многие были побиты, а другие от страха разбежались.

Увидя себя на свободе, Бова выбежал за город. Но Султан, уведомленный о поражении своей стражи, приказал трубить в рог и со стотысячным войском погнался за Бовою. Его схватили, и Султан стал говорить ему.

— Ты хотел убежать от казни, но я все-таки велю тебя повесить.

Бову повели обратно в город и отдали под крепкую стражу; необыкновенная красота юноши на этот раз спасла его.

У Султана Султановича была дочь, прекрасная Мельчигрия Султановна. Увидя Бову, она влюбилась в него и ей стало жаль такого красавца. Она пошла к отцу своему и стала просить его об оказании милости витязю.

— Государь мой батюшка! — говорила она, сына своего не воскресить тебе, а войска побитаго не воротить; так не вели же казнить этого богатыря. Пусть он останется между нами, при-

выкнет к нашим обычаям и возьмет меня за себя в замужество; такой храбрый и сильный богатырь, как он, может быть очень полезен для нашего отечества.

Выслушав слова своей дочери, Султан разсудил, что в самом деле полезно было бы иметь его зятем, а потому приказал тотчас освободить Бову. Мельчигрия призвала его к себе и сказала:

— Из сожаления к тебе, я выпросила тебе свободу у моего родителя; но за это, в знак благодарности, ты должен взять меня за себя замуж.

Живо тут представилась воображению Бовы княжна Дружевна и он впервые почувствовал, что его сердце ни к кому не могло питать столько страсти, как к ней. Не желая однако же огорчить Мельчигрию, он уклончиво отвечал ей.

— Прекрасная княжна Мельчигрия! Я еще очень молод и мне рано думать о женитьбе, а потому взять тебя замуж я не могу.

Оскорбленная дерзким ответом, Мельчигрия объявила отцу своему, что решительно отказалась от вероломнаго богатыря и теперь он может поступать с ним как ему угодно.

Разгневанный Султан приказал посадить Бову в темницу. Прошло три дня, назначена была казнь заключенному. Воины подошли уже к башне и стали отодвигать тяжелые засовы, которыми были заперты железныя двери.

Услышав этот стук, который был для него предвестником близкой казни, Бова стал осматриваться кругом и что же? Вдруг видит он в углу темницы меч-кладенец, точь-в-точь как тот, который был похищен у него странником. Он схватил его и приготовился к обороне.

Между тем двери темницы отворились и вошли воины, чтобы взять Бову и вести его на казнь. Но он не допустил до себя дотронуться; взмахнул раза два мечом и из посланных стражей не осталось ни одного, все были убиты; некому было известить Султана о случившемся.

Уложив стражу на месте, Бова бросился бежать за город. Он уж успел достигнуть морскаго берега к корабельной пристани, у которой стоял корабль, готовый к отплытию. Корабельщики приняли его и подняли все паруса. Корабль поплыл с такой быстротою, что и сам сокол на всем лету не перегнал бы его.

Через несколько дней плавания показался вдали берег, на котором раскинут был обширный город. На встречу попалась им рыболовная лодка. Бова подал знак, чтоб она приблизилась, и спросил сидевшаго в ней старика:

— Кому принадлежит этот город?

— Князю Маркобруну, — отвечал рыбак.

— Маркобруну! — воскликнул Королевич, — не тому ли, что сватался за дочь Зензевея Андроновича?

— Тому самому, и завтрашний день будет его свадьба с прекрасною княжною Дружевною.

Такое неожиданное известие поразило Бову. Он начал упрашивать старика, чтоб тот довез его до города. Рыбак согласился, и проворно подплыл с ним к берегу.

Высадившись из лодки, Бова немедленно стал пробираться по городу. Его тревожила мысль, как могло случиться, что княжна Дружевна согласилась выйти замуж за Маркобруна.

В таких-то тяжелых размышлениях он продолжал пусть свой все далее и далее и вдруг набрел на того самаго странника, который увел у него коня и унес меч. Узнав в нем похитителя, Бова схватил его за ворот и начал сильно трясти.

Сказывай, бездельник, куда девал ты коня моего и меч? — заговорил он.

Почувствовав на себе богатырскую силу, странник отвечал умоляющим голосом:

— Не трогай меня, добрый витязь, а прежде выслушай. Меч-кладенец ты уже получил.

— Как он очутился в темнице?

— Об этом долго разсказывать, довольно того, что он у тебя; коня своего ты тоже получишь, он находится в конюшнях Маркобруна и тебе только стоит подойти к ним и вскрикнуть: гей ты верный конь, стань передо мной, как лист перед травой, и он в то же мгновение явится к тебе. В награду за похищение мое я дам тебе три зелья, которыя имеют чудное действие: одно из этих зелий делает человека стариком, другое снова обращает его в молодого, а третье зелье усыпляющее: нужно только дать понюхать и оно наведет сон ровно на девять дней.

Бова взял от старика зелья и пошел от него в сторону.

Дорогою задумалось ему испытать силу одного зелья; развел он его в воде, вспрыснул на себя и сделался таким стариком, что, повидимому, малейший ветерок мог бы сдунуть его с ног, даже и самый меч его кладенец и тот обратился в клюку. В таком виде направил он шаги свои прямо ко двору Маркобруна. В это время по двору княжескому прогуливалась прекрасная княжна Дружевна. Бова подошел к ней и сказал:

— Прекрасная Дружевна Зензевеевна, помоги бедному старику, ради Бовы Королевича.

Услыша имя Бовы, Дружевна вдруг вспыхнула.

— А ты разве знаешь его, старик? — спросила она.

— Как же! — отвечал он, — мы с ним вместе сидели в одной темнице и вместе убежали из нея.

Дружевна увела мнимаго старика во внутренние свои покои и стала разспрашивать его подробнее о Бове.

Старик высказал ей все: как томили Бову в темнице и как хотели повесить его на виселице за то, что он отверг любовь дочери Султана Султановича прекрасной Мельчигрии. — И все это, — добавил старик, — он перенес и переносит ради любви к тебе, княжна Дружевна.

Дружевна начала плакать только.

— Ах, старик, если бы я знала, где он находится, то пошла бы к нему, хоть за тридевять земель, в тридесятое царство... С ним только одним я могу быть счастлива.

— Если так, княжна, — продолжал старик, — то узнай, что Бова здесь, в городе Маркобруна. — Сам он, опасаясь быть узнанным, не посмел сюда прийти, а прислал меня поразведать: помнишь ли ты об нем.

— Как! он здесь? — вскричала обрадованная княжна: так пойдем же к нему, старик; сегодня я могу убежать, завтра должна буду принадлежать другому, ненавидимому мною человеку...

— Позволь, княжна, предложить тебе одно средство, которое предохранит тебя от опасности, в случае если Маркобруну вздумается послать за тобою погоню; возьми эту баночку: втней хранится зелие, имеющее снотворное действие; всыпь зелие хоть например, на руку и дай понюхать Маркобруну. Он заснет на девять дней, а в это время ты можешь быть с своим

Бовою далеко. Прощай же. Завтра я зайду за тобой.

На другой день старик подошел ко дворцу. К нему вышла на встречу Дружевна и, объявив, что Маркобрун спит, настаивала, чтобы он поскорее вел ее к Бове.

— Постой, княжна, — сказал ей тогда старик, — я только возьму коня своего и мы отправимся. Княжна осталась одна. А старик подошел к княжеским конюшням, кликнул богатырскаго коня своего, и тот в один миг подлетел к нему. Проворно вскочив на коня, старик подъехал к княжне, помог ей сесть с ним рядом и быстро они помчались из города. Отъехав недалеко, старик слез с лошади, вспрыснул себя водой с другим зелием и принял настоящий вид свой Бовы Королевича. Радость и удивление Дружевны были до того велики, что едва верила глазам своим. Однако же нужно было спешить. И они снова пустились в путь на богатырском коне своем.

Поздно проснулся Маркобрун; невеста его была уже обвенчана и находилась далеко. Напрасно также он приходил в гнев и посылал несметное войско свое в погоню. С Бовою был меч-кладенец и он по-прежнему разбил всех до единаго.

Поразив этого врага, он задумал разсчитаться с другим — с своим отчимом — князем Додоном, о котором живо теперь помнил, как о виновнике всех его бедствий. С этою целию он направил путь свой прямо к столице матери. Додон, узнав о приближении Бовы Королевича, испугался, собрал огромное войско и выступил сам против него. Опять заходил меч-кладенец Бовы-Королевича, снова все поле усеяно было трупами и сам Додон не миновал смерти. После этого он уже беспрепятственно вошел в город отца своего Гвидона. Милитриса Кирбитовна стала пред ним на колени и просила прощения. Бова Королевич приподнял ее и обещал предать все забвению. В этот же день он вступил на престол и вместе с княжною Дружевною до глубокой старости управлял своим владением. Мир и довольство были всюду.

ЛИСИЦА И ДУРАК

В некотором государстве жил мужик, и у него было три сына: два-то умные, а третий дурак. И как было тогда летнее время, то и было у старика несколько стогов сена, и как он был очень скуп, то боялся того, чтоб не покрали у него сена; вздумал послать сыновей стеречь оное, то и говорил большому сыну:

— Любезный мой сын, ты знаешь, что у нас теперь в поле много в стогах сена, но ежели кто-нибудь все это сено в поле украдет, то что тогда будет! И для того прошу тебя, чтоб ты пошел в поле и покараулил бы сено, чтоб его ночью никто не украл.

Сын его отговаривался, и хотя ему очень не хотелось идти, но принужден был слушать своего отца и пошел в поле. И как пришел к стогам, то во всю ночь караулил, чтоб никто не украл сена. Потом на другой день пошел домой, и как пришел, то сказал своему отцу, что все цело; и как день тот прошел, то на другую ночь посылал старик другого, средняго своего сына, и говорит ему:

— Поди, сынок, в поле и покарауль сено; ведь ты знаешь, что там все наши пожитки.

Сыну хотя весьма не хотелось, но принужден был идти и, дождавшись вечера, пошел к стогам и сидел всю ночь; но как у всякаго мужика в то время свои были покосы, то никто и не думал, чтоб воровать его сено. Итак поутру на другой день пришел сын его домой и пересказал отцу, что он в поле был и что сено все цело. Отец его похвалил. Потом, как пришла третья ночь, то старик стал посылать опять большого сына; но сын ему говорил:

— Что же, батюшка, мы и работаем все, а дурак ничего не делает; пускай хоть он караулит в поле сено. Дурак говорил, сидя на печи:

— Да и ведомо; когда я ничего не делаю, так хотя пойду за братьев-то караулить в поле сено.

Старик закричал на него:

— Где тебе, дураку, караулить, иной и тебя украдет.

А дурак говорил:

— Нет, батюшка, я еще лучше умнаго укараулю.

Старик, сколько ни спорил, однако принужден был послать дурака, потому что он сам просился. И дурак пошел в поле, а пришедши, сел подле стогов и смотрел, не приедет ли кто. И надобно думать, что неподалеку от тех стогов был лес, ибо увидел дурак, что из лесу бежала лисица и прямо к его стогам. Дурак, притаясь, молчал, а лисица, ухватя клочок сена, побежала обратно в лес. И как она ушла, то дурак сам себе говорил: «Я правду батюшке говорил, что я лучше еще умнаго укараулю; видишь ли, братья-то мои ничего не видали, а я уже и увидел; но я дома-то не скажу до тех пор, пока поймаю». Потом дурак просидел всю ночь и не видал после лисицы никого. А поутру пошел домой, и как пришел, то отец его спрашивал: «Что, дурак, все ли сено цело, и был ли кто?». Дурак ответил: «Нет, батюшка, не было никого, и сено все цело». Старик, не веря ему, пошел сам и осмотрел все стоги, и видя, что сено цело, дурака похвалил. А как на четвертую ночь надобно было идти к сену опять большому брату, но как дураку хотелось поймать лисицу, то он и говорит отцу своему: «Батюшка, пускай братья мои отдыхают, а я пойду караулить сено, ибо я ничего не работаю». После того пошел он в поле и сел у стогов, увидал опять лисицу, которая ухватила клочок и побежала в лес; а после никого уже во всю ночь не видал. И поутру пошел домой и сказал отцу, что все цело.

Как день прошел, а ночь настала, то дурак сделал силки и пошел к стогам и поставил те силки в том месте, куда лисица прибегала; потом, как уже смерклось, то дурак увидел опять, что бежит лисица; а он притаился и как она прибежала к стогам, то и попала в те силки, которые дурак поставил. И дурак увидел, что лисица попала в силки, то пошел он, вынул ее и привязал подле себя. Лисица стала проситься пустить ее. Дурак говорил: «Нет, я тебя завтра отведу домой и отдам тебя батюшке; что он захочет, то с тобой и сделает». Лисица говорила дураку: «Что тебе будет прибыли, что ты отведешь к себе домой; ежели продадите меня, то немного денег возьмете». Но дурак был неупросим; лисица, видя, что никак упросить его не может, говорила ему: «Послушай, дурак, отпусти ты меня, я тебя за то

сделаю королем и женю на царской дочери». Дурак, слыша сие, говорил: «Нет, лисица, ты меня обманешь». Но лисица уверяла его, что она в своем обещании твердо будет стоять. Дурак, поверяя ея словам, отпустил, а она говорила дураку, что на другой день к вечеру прибежит. Дурак после того просидел всю ночь, а поутру пошел домой, но он ничего не сказывал. И как день прошел, то дурак к вечеру пошел опять к стогам, а пришедши, сел и дожидался лисицы, которая и прибежала к нему вскоре; поговоря с ним, сказала, что это верно, она свое обещание не переменит. Потом говорила ему, чтоб он не называл себя Иванушкой-дурачком, а называл бы Иванушкой-королевичем. После того побежала опять в лес, а дурак остался у стогов и, просидя всю ночь, поутру пошел домой. А лисица как у него была, то на другой день бежала по лесу без памяти, а на встречу ей попался медведь, который спрашивал: «Куда ты, лисица, так бежишь?» Лисица говорила ему: «Вот как я для вас стараюсь и ищу вас, потому что князь здешняго владения делает нынешний день великий пир и на оном пиру хочет вас, медведей, посмотреть». Медведь побежал по лесу и тотчас собрал множество медведей и привел к лисице, а она повела их к тому князю. И как пришли в город, народ, увидя их, весьма испугался, а медведи шли за лисицею весьма смирно и, наконец, пришли ко дворцу. Лисица их остановила, а сама пошла в покой и, взошед к князю, говорила: «Милостивый государь! Красота вашей дочери принудила ехать Ивана-королевича из дальних государств, и он, приехав в ваш город, посылает вам зверей в подарок и просит, чтоб отдали дочь свою за него в замужество». Князь говорил, что он с великою радостию отдает свою дочь за Ивана-королевича; притом сказал, что он с великою нетерпеливостию желает его видеть. После того князь приказал медведей загнать в зверинец, а лисица побежала к дураку. И как прибежала к тем стогам, то спросила его: «Тут ли ты, дурак?» Он отвечал ей, что тут. Тогда лисица говорила: «Слушай, дурак: дело твое идет на лад, только что-то будет мне от тебя?» Дурак говорил: «Все, что потребуешь». Потом лисица, поговоря с ним, пообедала в лес, а на другой день опять бежала по лесу, и на встречу ей попался волк и спрашивал: «Куда ты, лисица,

бежишь?» На это лисица отвечала: «Я вас, волков, ищу, но не могу найти; видите, как я об вас стараюсь. Князь здешняго владения делает нынешний день великий пир, и при таковом весели хочет вас, волков, видеть». Волк, слыша это, побежал по лесу и в минуту привел к ней пребольшое стадо волков; а лисица повела их к тому князю, и как привела их в город, народ, увидя, весьма испугался, но волки шли за лисицей смирно и никого не трогали. Когда лисица привела их перед окошками дворца, то велела им тут дожидаться, а сама пошла в покои и, взощед к князю, говорила: «Милостивый государь! Иван-королевич прислал вам еще зверей в подарок». Князь взглянул в окошко и увидел премножество волков, то, обратясь говорил лисице, что он чрезмерно доволен Иваном-королевичем, только сожалеет о том, что сам к нему не придет. Лисица отвечала: «Милостивый государь, вы принимайте прежде от него подарки, а потом увидите и самого Ивана-Королевича». Князь приказал всех волков загнать в зверинец. После того лисица была у князя во дворце, а на вечер побежала к дураку; и как прибежала к стогам, то спрашивала: «Тут ли ты, дурак?» На сие дурак ответствовал, что тут. Тогда лисица сказала ему: «Дурак, князь отдает дочь за тебя с охотою». Дурак стал ее благодарить за ея старание. Потом лисица побежала опять в лес, а дурак, просидя у стогов всю ночь, пошел домой. Лисица же на другой день бежала без памяти по лесу, и навстречу ей попалась такая же лисица, как и она, и спрашивала: «Куда ты так, сестрица, шибко бежишь?» На сие отвечала дуракова сваха: «Видите, как я для вас стараюсь: князь здешняго владения делает нынешний день великий пир, и при таком весели желает нетерпеливо видеть вас, лисиц; а как я больше бываю в городе, нежели здесь в лесу, то мне и препоручена сия комиссия, и для того поди и собирай всех лисиц, которыя находятся в этом лесу». Лесная лисица тотчас побежала по лесу и чрез минуту привела премножество лисиц перед дуракову сваху; а она повела их в город и, приведши их ко дворцу, велела им себя дожидаться, а сама пошла во дворец. И как вошла в те покои, где был князь, то говорила: «Милостивый государь! Иван-королевич прислал вам еще подарок; извольте встать и посмотреть». Как увидел князь пре-

множество лисиц, то говорит: «Любезная лисица, я уже слишком доволен Иваном-королевичем; только сожалею о том, что он сам не приедет во дворец». Тогда лисица отвечала: «Милостивый государь! Я скажу вам правду, для чего он не приедет к вам; ибо когда за него многие короли сватали своих дочерей, то он всем отказывал; но как происшедшая о красоте вашей дочери слава дошла, наконец, в то государство, где был Иван-королевич, то он вздумал удостовериться, точно ли ваша дочь такая красавица, как о ней говорят и притом хотел сделать так, чтобы вы о нем не знали: и для того, взяв с собою одного только слугу и довольное число денег, поехал из своего государства и продолжал свой путь благополучно; а как уже был близ вашего владения, то в один весьма жаркий день вздумал отдохнуть, и увидел неподалеку от той дороги, по которой они ехали, лес. Иван-королевич поехал к тому лесу и, приехав, слез со своего коня и лег под деревом от жары отдохнуть. Во время же его сна напали на них разбойники, слугу его убили, потому что он не спал, а Ивана-королевича всего ограбили. И как он проснулся, то увидел, что слуга его убит; а он, будучи ограблен, не знал что делать; потом решился идти в ваше государство, а пришедши в ваш город, живет теперь в весьма бедном состоянии, и в таком виде стыдится перед вами явиться». Потом говорила лисица: «Вот вам вся история Ивана-королевича, для чего он к вам не едет». Князь, выслушав от лисицы все, весьма сожалел, что в его владении разбойники ограбили Ивана-королевича, а потом говорил: «Ну, любезная лисица, покажи ты теперь нам, где живет он, а я пошлю с тобой мою придворную карету, также платья и людей, и ты непременно привези его с собою». Лисица на все согласилась с охотою. И как карета и все было готово, то лисица побежала вперед, а придворная карета ехала за нею, и как неподалеку был город от той деревни, где жил дурак, то и приехали скоро к тем стогам, где он караулил сено. Лисица прибежала к нему, и карета остановилась. Потом говорила она дураку: «Милостивый государь Иван-королевич! Князь здешняго владения прислал к вам сию карету, которую вы видите, и просит вас к себе». После того начали ему волосы чесать, а потом и одевать; а как совсем его одели, то лисица села с ним

вместе в придворную карету и поехала в город. Лисица, сидя с ним в карете, научала его, как подойти к князю, княгине и к нареченной своей невесте и как ему говорить. Потом приехали во дворец, и князь вышел сам к нему на встречу. Дурак тотчас подошел к князю и говорил: «Милостивый государь! Я стыжусь перед вами явиться в таком состоянии». Но князь прервал его речь и говорил: «Не напоминайте о своем несчастии; я уже от лисицы все слышал». Потом повел его князь в покои, и стали разговаривать. После того, князь велел позвать дочь свою, которая вскоре и вошла в те покои, где был князь с дураком. Но мы уже будем впредь называть его Иваном-королевичем. Иван-королевич встал со стула и поклонился весьма учтиво дочери князя, потом говорил князь своей дочери: «Любезная дочь, я призвал тебя за тем, чтобы объявить тебе счастие: Иван-королевич делает нам великую честь и хочет взять тебя в замужество; согласна ли ты?» А как он был собой недурен, то дочь его без всякаго отвращения согласилась. Князь на другой же день праздновал их свадьбу с великим торжеством, а после того отвел им в своем дворце покои, где они и жили благополучно, провожая дни свои в великом весели. И как уже прошло тому несколько месяцев, как Иван-королевич жил со своею супругою у князя, то в один день говорила ему лисица: «А что же, ты не думаешь ехать в свое государство?» Он отвечал ей: «Любезная лисица, где мое государство? Ты знаешь сама, что у меня не только целаго государства, но даже двора нет, и куда я поеду?» Но лисица говорила: «Так как я обещала сделать тебя королем, то я хочу свое обещание исполнить в завтрашний день. Скажи князю и княгине, что ты намерен ехать в свое государство, а притом проси и их, чтобы поехали с тобой и посмотрели твое государство». Иван-королевич на другой день, войдя к князю и княгине в покой, говорил: «Милостивый государь! Я у вас живу несколько уже месяцев в городе, а теперь имею намерение ехать в свое государство, то прошу вас, пожалуйста, поехать со мною вместе и посмотреть мое государство». Князь и княгиня с охотою на сие согласились и велели приготовлять все нужное к сему путешествию. Потом, как все приготовили, и сказали князю, княгине и Ивану-

королевичу. При отъезде своем, князь сделал у себя великий пир, на котором множество было министров, и он, выбрав из них одного, препоручил ему правление своего владения; а после того отправились благополучно. Лисица же побежала вперед и велела всем за собою ехать. И так ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Потом, как лисица бежала впереди, то и увидала, что пасут пастухи стадо рогатого скота. Увидев сие лисица подбежала к ним и спрашивала: «Какого вы государства?» Пастухи ответствовали, что они Расимскаго государства. Потом лисица спрашивала, кто у них король, на что пастухи отвечали, что король у них Риген. Тогда лисица говорила им: «Слушайте вы, пастухи: ежели вы скажете еще кому-нибудь, что король у вас Риген, то за мною едет Иван-королевич, сильный богатырь, который вас всех до смерти убьет». Пастухи, слыша от нея такия речи, весьма испугались и просили ее, чтоб она сказала, как им сказываться. Лисица же говорила: «Когда вы увидите едущих мимо вас премножество карет, и ежели станут вас спрашивать, коего вы государства, то вы скажите, что вы Расимскаго государства, славнаго богатыря Ивана-королевича; да помните же, а ежели вы скажите, что король у вас Риген, то тут же всех и изрубят». Потом побежала от них в свой путь. Вскоре после нея увидели пастухи едущих премножество карет, и как скоро подъехали к пастухам, то князь, увидя столько рогатаго скота и желая знать, коего они государства, приказал остановиться карете и велел кликнуть пастухов, а как пастухи подошли к карете, то князь спросил их: «Котораго вы государства?» Пастухи ответствовали: «Милостивый государь! Мы Расимскаго государства, славнаго богатыря Ивана-королевича». А он, слыша, что его называют, говорил: «Так, это точно мое государство». Потом поехали далее за лисицей, и князь удивился таким прекрасным лугам. А лисица увидела еще пастухов, которые пасли безчисленное множество лошадей; лисица подбежала к ним и спрашивала: «Котораго вы государства?» Пастухи отвечали, что Расимскаго государства, славнаго короля Ригена. Тогда лисица говорила: «Слушайте, пастухи: позади меня едет сильный, могучий богатырь Иван-королевич, и ежели вас спросит, коего

вы государства, то вы скажите, что Расимскаго, славнаго короля ванна-королевича, а своего короля отнюдь не упоминайте, а коль скоро помянете, то он вас всех велит перерубить». Пастухи, убоявшись ея речей, обещались так сказать, как она им велела. Лисица побежала от них, а вскоре после нея приехал Иван-королевич с князем и со всеми министрами. Князь, увидя столько лошадей, захотел знать, котораго государства и, призвав пастухов, спрашивал их: «Какого вы государства!» Но как они были научены лисицею, как им говорить, то отвечали: «Милостивый государь! Мы государства Расимскаго, славнаго богатыря Ивана-королевича». Князь, обратясь, говорил: «Ну, любезный зять, надобно признаться, что мое владение ничто против твоего государства». Потом поехали за лисицею в путь, а лисица, увидя город, побежала прямо во дворец; и как вбежала в те покои, где был король Риген, ибо это точно его владение, и как увидел Риген лисицу, то спрашивал ее, зачем она пришла? А лисица, притворяясь, будто испугалась, говорила королю: «Ах, милостивый государь! Спрячьтесь вы в потайное место, чтоб вас не могли найти, ибо едет в ваше государство сильный, могучий богатырь Иван-королевич и хочет вас изрубить». Король, испугавшись, не знал, что делать, потом говорил: «Любезная лисица, я лучше его встречу со всеми моими министрами». Но лисица говорила: «Ах! Лучше и не кажитесь и поскорее спрячьтесь, ибо он уж недалеко от вашего города, а министрам прикажите, чтоб его встретили как возможно лучше и называли бы его своим королем, также и по всему городу публикуйте, чтоб называли его королем, а о вас, чтоб и не поминали; и хоть он приедет, но как все будет в угоду его сделано, и вас он не найдет, то и выедет из вашего города благополучно». Король Риген приказал публиковать всему народу, чтоб называли Ивана-богатыря королем, а его не поминали; министрам же своим приказал, чтоб как возможно лучше встретить Ивана-королевича. Потом говорил король: «А я, любезная лисица, спрячусь вот в этот дуб». Ибо перед окнами его дворца поставлен был дуб, но верхушка была с него срублена и в нем было пусто, и потому называлось оно дуплом. Лисица ему сказала, что очень хорошо. И король спрятался в то дупло. А лисица

послала Ивану-королевичу навстречу многих министров. И как скоро въехал он в город, то встретили его все министры, потом препроводили его во дворец; и как взошел Иван-королевич в покои с князем, то князь удивился убранству покоев. Потом весь день препроводили в весели. И как на другой день сделали великий пир, то лисица отвела Ивана-королевича в особливыя комнаты и говорила ему: «Слушай: прежде прикажи это дупло прострелить, которое стоит пред окнами дворца, а потом уж веселись». Иван-королевич, по научению лисицы, вышел к министрам и говорил: «Мне кажется, что это дупло стоит не у места; однако, я хочу видеть, пролетит ли сквозь него из ружья выпаленная пуля». Министры, хотя знали, что там находился их король, но застращены были от лисицы, что он имел великую силу, то и не смели ему ничего говорить, и по приказанию его прострелили то дупло несколько раз, а в нем убили и расимскаго короля Ригена. После того день тот веселились; как ночь наступила, то лисица велела то дупло срубить и тайно похоронить короля. По смерти его Иван-королевич сделался настоящим королем и для того сделал великий пир и многих министров награждал деньгами, а кого чинами. Потом веселились несколько месяцев, и после того веселья князь поехал в свое владение, а Иван-королевич остался в своем Расимском государстве, жил благополучно с супругою своею, проводили дни свои в весели; а лисица жила уж остальное время в покое за свои услуги.

ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был князь Картаус. Много было роскоши при дворе его, много находилось также сильных и могучих богатырей, но славнее их всех был храбрый и могучий витязь Лазарь Лазаревич. В молодости своей удивлял он всех своею молодецкою удалью, а в ратном деле не находил себе ни соперников ни поборников. Жил он влюбви и согласии с супругою своею Епистимиею. Все-

го у них было вдоволь: и почестей и богатства разнаго; не доставало одного только наследника-сына, котрому они могли бы передать все свои сокровища. Сильно горевал об этом Лазарь Лазаревич, но счастье и тут не отказалось послужить ему. Епистимия, наконец, родила сына, котораго назвали Ерусланом. Само собою разумеется, что отец и мать были необыкновенно обрадованы этим событием и, вполне довольные судьбою, задали такой пир, которому подобнаго и старики не запомнят.

Уродился Еруслан Лазаревич и пригож и красив собою, точь в точь как был юношею отец его Лазарь Лазаревич; необыкновенна была также сила его. Так, будучи пятнадцати лет, пойдет он, бывало, на княжеский луг заповедный, встретить там детей боярских, да станет с ними разныя штуки шутить: кого ухватит за ногу — у того нога прочь, а кого ухватит за голову — так тот без головы стоит. Плачет сын боярский, бежит к отцу своему жалуется на Еруслана.

Не понутру пришлась боярам потеха эта, пошли они к Картаусу и, представ пред его светлыя очи, проговорили:

— Батюшка наш, князь Картаус! Не вели казнить, а позволь нам слово вымолвить, — сильно обижает нас сынок Лазаря Лазаревича: он как ухватит кого из детей наших за руку — у того руки нет, а кого ухватит за ногу — у того нога прочь; а коли схватит кого за голову, тот домой без головы бежит.

Князь Картаус, выслушав жалобу бояр, тотчас же послал за Лазарем Лазаревичем. Явился Лазарь Лазаревич, и Картаус стал говорить ему:

— Послушай, Лазарь Лазаревич, вот бояре пришли ко мне жаловаться на твоего сына Еруслана и просят, чтобы я выслал его из города за то, что он нехорошие строит шутки над их детьми боярскими, почти всех их изуродовал: кого без ноги, а то так некоторых и без головы пустил по свету. Не любы эти шутки боярам моим, да и мне не больно нравятся. А чтобы Еруслан твой не забавлялся так, вывези его куда знаешь из столицы моей, чтоб его тут и духу не было.

Лазарь Лазаревич, услыша такия слова, низко поклонился князю и пошел на свой широкий двор. Как раз на встречу ему Еруслан Лазаревич.

— Что так пригорюнился, любезный батюшка? — спрашивает он отца своего. — Иль услыхал от князя что недоброе?

— Ах, ты, любимое мое дитятко, — говорит Лазарь Лазаревич, — как же мне не кручиниться: князь Картаус приказал мне вывезти тебя из города, чтобы ты не шутил больше с детьми боярскими.

Усмехнулся Еруслан, услыша такия слова от отца своего, да и отвечает ему:

— Государь ты мой батюшка, Лазарь Лазаревич! Да об этом не только кручиниться, даже и думать-то нечего! Отпусти меня по белому свету постранствовать; недаром же природа дала мне силу богатырскую, недаром же кипит в груди моей удаль молодецкая.

Грустно было разставаться с ним отцу и матери, но делать нечего: они покорились необходимости и, скрепя сердце, стали снаряжать сына своего Еруслана в путь-дороженьку.

Выехал Еруслан Лазаревич на другой день рано из города, взял с собою только клячу коростовую да захватил еще седельце черкасское, уздечку тесмяную, войлочек косящатый да плетку ременную. Ехал он месяц, другой и третий и вдруг видит: дорога сделалась так узка, что коню нельзя было пройти по ней.

— Как тут быть? — разсуждал он. — Неужели придется назад воротиться?

В недоумении находился Еруслан Лазаревич и задумался так крепко, что не слыхал, как подскакал к нему стар-человек на сивом коне.

— Здравствуйте, государь мой, Еруслан Лазаревич, — сказал он, — какими судьбами занесло тебя в такую дикую глушь?

Встрепенулся тут Еруслан Лазаревич и обрадованный, что встретил живое существо, спросил стар-человека:

— Скажи мне, старинушка, кто ты такой и почему ты знаешь меня?

— Я — Ивашка, искусный стрелок и могучий богатырь, — отвечал ему стар-человек, — я знаю тебя потому, что старый слуга отца твоего, стерегу табуны коней на западных лугах его и вот уже тридцать пять лет как исправляю эту должность. Так как же мне не знать тебя!

Выслушав стар-человека, Еруслан Лазаревич разсказал и ему также, что не по охоте странствует, а поневоле, и жалел только об одном: что нет коня у него богатырскаго.

— Не тужи, Еруслан Лазаревич, — сказал ему тогда стар-человек, — я могу помочь твоему горю: в табуне у меня есть такой конь, какого еще свет не привидывал; не знаю только — под силу ли придется тебе, а если усидишь на нем, то, пожалуй, бери его.

Еруслан Лазаревич благодарил стар-человека за предложение и стал убедительно просить его о коне богатырском. Привел Иванушка коня. Сел на него Еруслан Лазаревич и души в себе не слыхал от радости; а ретивый конь играет под ним, как бы чуя на себе седока могучаго.

Разстался тут Еруслан Лазаревич с стар-человеком и поехал далее в путь-дороженьку.

Ехал он месяц, другой и третий, и наехал, наконец, на рать-силу великую, всю побитую.

Обширное поле устлано было человеческими и конскими трупами; шлемы, копья и мечи валялись между побитыми воинами.

Ужаснулся Еруслан Лазаревич при виде такого множества обезображенных трупов и воскликнул:

— Есть ли кто живой?

Мертвое молчание было ответом на его зов. Он опять повторил тот же вопрос.

Тогда один воин встал с ратнаго поля и сказал:

— Государь Еруслан Лазаревич! Кого ты спрашиваешь и что тебе надобно!

— Я хочу знать, — отвечал Еруслан Лазаревич, — кто побил эту рать силу великую?

— Иван, русский богатырь, — сказал воин.

Еруслан Лазаревич пришпорил тут коня своего и пустился следом за Иваном, русским богатырем.

Ехал он месяц, другой, третий и наехал на поле, на бел шатер; у шатра у того стоял добрый конь, ел пшеницу белоярую.

Еруслан слез с коня своего и поставил его рядом с чужим конем, а сам вошел в бел шатер и видит: спит крепким сном добрый молодец.

Жаль ему стало будить его; прилег он на другом конце шатра, да и сам заснул крепчайшим сном.

Вскоре проснулся Иван-богатырь, смотрит: в шатре у него спит незваный и непрошенный витязь. Разсердился тут он не на шутку на невежество посетителя, пришел в гневе и от того, что чужой конь ел пшеницу его белоярую.

Проснулся наконец и Еруслан Лазаревич; подошел к нему Иван-богатырь да и говорит:

— Не честь тебе, доброму молодцу, не спросясь входить в чужой шатер; не честь тебе также кормить коня своего чужой пшеницей белоярой! Знай, не прощу тебе за невежество; а наперед скажи, кто ты такой и откуда, то есть из какого царства едешь.

— Я из царства Картаусова, отца зовут Лазарь Лазаревич, а мать мою Епистимиею, самого же меня называют Еруслан Лазаревичем. Напрасно, Иван-богатырь, ты обращаешься ко мне с угрозою; ссориться с тобою я не намерен, а от брани не прочь, — выйдем хоть сейчас на ратное поле.

И вот оба богатыря разъехались друг против друга, обернув копья тупым концом, и нанесли удар один другому в ретивое сердце с такой силой, что у обоих искры из глаз посыпались. К великому удивлению Ивана-богатыря, Еруслан Лазаревич даже не покачнулся на седле от нанесенного ему удара, между тем как он сам не мог удержаться — и упал, а конь Еруслана Лазаревича притиснул его копытом к сырой земле.

— Ну, Иван-богатырь, — сказал Еруслан, — чего ты теперь желаешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Еруслан Лазаревич! — заговорил вдруг смиренным голосом Иван-богатырь, — не предавай смерти. И если уж ты превзошел меня могуществом, то будь моим старшим братом.

Еруслан Лазаревич вспомнил тут пословицу: «Лежачаго не бьют», слез с добраго коня своего, поднял Ивана-богатыря, дружески обнял его и назвал своим милым братом. Потом отправились они к белому шатру, поставили коней своих к одному корму, а сами вошли в шатер, начали пить, есть и прохлаждаться.

Попировав на порядках у Ивана-богатыря, Еруслан, наконец, простился с своим названным братом и оба они разъехались в разныя стороны.

Взгрустнулось что-то дорогою Еруслану Лазаревичу по своей родине, и вот он поворотил коня своего и поскакал прямо к отцу и матери, чтобы проведать о них — живы ли они, здоровы ли.

Сидит Лазарь Лазаревич у окна своего терема. Великая грусть выражается на лице его; поник он головой и крепкую думу думает. Но вдруг слышит кто-то скачет по широкому двору его; смотрит — и едва верит глазам своим: скачет дорогой сын его Еруслан Лазаревич... От радости старик чуть не прыгает, кличет жену свою Епистимию, и оба спешат навстречу нежданному гостю. Входит Еруслан Лазаревич в светлицу и обнимает своих родителей.

— Здравствуй, — говорит, — государь мой батюшка, Лазарь Лазаревич! Как тебя, государя моего, Бог милует? Да что ты как будто прикручинился?

— Ах, ты, мое дитятко дорогое! — воскликнул Лазарь Лазаревич, — как красное солнышко обогрел ты меня на старости лет. А кручинюсь я потому, что подошел под царство наше князь Данила Белый, и войска с ним несметное количество. Он похваляется все наше царство покорить, а князя нашего Картауса, меня и богатырей наших в полон взять и в свою землю отвести.

— Не кручинься же так, государь мой батюшка, Лазарь Лазаревич, — говорит Еруслан отцу своему, — дай мне крепкий щит да копье булатное, так я один угоню и князя Данилу Белаго и все его войско несметное.

Лазарь Лазаревич стал тут уговаривать Еруслана, чтобы не пускался на такое опасное дело, но как увидел, что он и не думает отказаться от своего намерения, передал ему меч свой и копье булатное и отпустил его против врага сильнаго.

Подобно как орел устремляется на свою добычу, так и Еруслан Лазаревич стремглав налетел, поражая силу великую князя Данилы Белаго: он не столько копьем бил, сколько конем топтал, и в короткое время всю перебил силу вражью, а самого

князя Данилу Белаго в полон взял. Но Данила Белый начал упрашивать Еруслана, чтобы он возвратил ему свободу, и дал ему клятву никогда больше не ходить войною на царство Картауса.

Взмиловался над пленником Еруслан, поверил его клятве и отпустил Данилу Белаго, а сам поехал в свой город, где в самых городских воротах встретил его сам владетельный князь Картаус со всеми своими богатырями. Князь похвалил Еруслана за совершенный им подвиг и в благодарность предлагал ему около себя место, но Еруслан Лазаревич высказал Картаусу, что привык уже гулять по чистому полю и что опять желает странствовать по белому свету. Отец и мать стали уговаривать его остаться с ними, но не тут-то было! Еруслан Лазаревич настоял на своем и снова стал готовиться в путь-дороженьку. И вот едет он путем дорогою месяц и другой и третий, и наехал в чистом поле на бел шатер; а сидели в нем три девицы, три предивныя красавицы. Отличались оне все необыкновенной скромностью и были рукодельницы.

Еруслан Лазаревич слез с коня своего богатырскаго, вошел в полотняный бел шатер. Красота девиц поразила его, разыгралась в нем кровь молодецкая. Подошел тогда он к старшей красавице, взял ее за руку белую, лилейную, смотрит ей в очи, что блестят, как будто две звездочки, да и промолвил своим голосом ласковым:

— Милая и прекрасная Придора Григоровна! Есть ли на свете кто тебя краше, а меня храбрее?

— Государь мой Еруслан Лазаревич! — отвечала ему Придора Григоровна с приятной удыбкой, — что я за пригожая? Вот в городе Дебри, у князя Вахрамея есть дочь Анастасия Вахрамеевна, так та истинно что чудо, какого еще свет не видывал; да еще есть под Индейским царством, у князя Далмата, богатырь по прозванью Ивашка Белая епанча, Сорочинская шапка. Он стережет Индейское царство тридцать три года и так могуч и силен, что мимо его никакой еще человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал и птица не пролетывала. Вот так богатырь! А ты что еще за храбр? О твоей храбрости и слышно не было!

Вышел Еруслан Лазаревич из бел-полотнянаго шатра, сел на коня своего богатырскаго и помчался в путь-дороженьку. Скачет он месяц, другой и третий и видит в чистом поле Ивашку, по прозванию Белая епанча, Сорочинская шапка.

-Что спишь стоя? — закричал на него Еруслан и ударил его по шапке плетью.

— А ты кто таков, — заговорил Ивашка, — что, ни спросясь меня, хочешь проехать в Индейское царство? Мимо меня здесь еще никакой богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала. Ну, да что долго толковать о пустяках! Поедем-ка в чистое поле да попробуем нашу крепость могучую.

Сразились богатыри. Еруслан вышиб Ивашку из седла, и богатырский конь его наступил ему на горло и притиснул к земле.

— Ну, что, Ивашка, хочешь: живота или смерти?

— Взмилуйся, Еруслан Лазаревич! — стонет Ивашка, — не предавай смерти, а позволь пожить.

Но Еруслан Лазаревич не взмиловался над ним, ударил его в грудь копьем своим — и Ивашки как будто бы и не существовало.

Очистив себе дорогу, Еруслан Лазаревич поехал прямо в Индейское царство, к князю Далмату. Удивился Далмат молодому витязю и спрашивал:

— Как же пропустил тебя верный страж мой Ивашка, по прозванью Белая епанча, Сорочинская шапка?

— Извини, князь Далмат, — отвечал ему Еруслан, — я убил твоего Ивашку за грубость.

Перепугался тут Далмат и с великою честию принял Еруслана. Сметил Еруслан Лазаревич, что Далмат боится его; оседлал коня своего богатырскаго, да и выехал из города. Далмат очень рад был, что проводил гостя, и приказал тотчас же крепко-накрепко затворить городския ворота, чтобы молодой витязь назад не воротился.

Между тем Еруслан поскакал к городу Дебри, к Вахрамееву княжеству, чтобы видеть хваленую дочку его, прекрасную Анастасию Вахрамеевну.

Едет он месяц, другой и третий да и раздумался дорогою.

— Ну что если ты княжна Анастасия мне понравится? Как возьму ее за себя в замужество, не спросясь наперед ни батюшки своего ни матушки? Не лучше ли мне прежде побывать у моих родителей?

Подумав так, он повернул коня своего и чрез несколько времени приехал в свое отечество.

Но, к великому удивлению, видит, что царство Картауса все разорено и выжжено, а города и следов не осталось; уцелела только в нем одна хижина, в которой жил старичок, да и тот кривой.

Вошел в хижину Еруслан и стал разспрашивать старичка о случившемся.

Старичок разсказал ему, что к городу подступил князь Данила Белый с несметным воинством, что он же и все царство разорил, а самаго Картауса, Лазаря Лазаревича и всех прочих богатырей в полон отвел в свою землю.

Прослезился Еруслан Лазаревич, выслушав старика, и нисколько не медля, поскакал в царство Данилы Белаго.

Было еще очень рано, как он приехал в столицу князя Данилы, поэтому на него никто не обратил внимания.

Где тут сидит князь Картаус? — спрашивает он у проходящих.

Ему указали.

Еруслан подъехал к башне, перебил всех стражей, сорвал замки у дверей и вошле в темницу.

— Здравствуйте, — сказал он, — государь Картаус и любезный родитель мой, Лазарь Лазаревич!

Князь Картаус и Лазарь Лазаревич отвечали ему:

— Мы голос твой слышим, а лица не ведаем, а потому и не знаем, кто ты такой.

— Я — Еруслан Лазаревич! — отвечал он.

Князь Картаус и Лазарь Лазаревич бросились обнимать его, а сами горько зарыдали.

Тут разсказали они ему, как томятся в темнице, и как князь Данила Белый лишил их всех зрения. «Только тот разве может возвратить нам глаза, — продолжали они, — кто съездит за тихия воды, за теплыя моря, в Щетин град, к чародею по прозва-

нию Огненный щит, Пламенное копье, и кто убьет его самаго и выпьет из него желчь и этой желчье помажет очи наши».

Выслушав князя Картауса и отца своего, Еруслан Лазаревич пришел в негодование, и в душе его закипело страшное мщение. Он готов был сию же минуту растерзать Данилу Белаго, но ему хотелось прежде возвратить пленникам зрение, и он, простившись с ними, поскакал за спасительною желчью чародея.

Едет Еруслан Лазаревич путем-дорогою месяц, другой и третий, наехал на рать силу великую, всю побитую. Смотрит: что за чудо? Лежит живая богатырская голова, из стороны в сторону перекачивается. Удивляется Еруслан на величину ея и спрашивает:

— Скажи, кто ты такой, из какого царства и как зовут тебя?

— Я голова богатыря из Задонскаго царства, отца моего зовут Прохор, а меня Росланей. Рать, которую ты видишь здесь, побита мною, а принадлежала она чародею, по прозванию Огненный щит, Пламенное копье. Ну, а ты, Еруслан Лазаревич, куда путь держишь?

— Я еду, — отвечал он, — в Щетин град, к чародею Огненный щит, Пламенное копье. Мне нужна смерть его для облегчения участи князя Картауса и отца моего Лазаря Лазаревича, над которыми князь Данила Белый совершил неслыханное злодеяние: засадил их в темницу и выколол им глаза. И теперь только одна желчь чародея может возвратить им зрение.

— А когда так, Еруслан Лазаревич, — заговорила богатырская голова, — то вот тебе совет мой: как приедешь в Щетин город, и увидит тебя князь Огненный щит, Пламенное копье, тогда не допустив до себя, жечь и палить станет огнем, и если ты этот огонь выдержишь, то он станет спрашивать о причине твоего приезда. Ты отвечай ему, что желаешь поступить к нему на службу. Он велит тебе ехать с собою, и несколько дней ты послужи ему верой и правдой, а сам выбирай удобный случай поразить его. Знай, что его только может погубить один мой меч, на котором теперь покоится голова моя. Меч этот я, так и быть, отдам тебе; но за услугу и ты заплати мне услугой: как достанешь желчь чародея, заезжай опять сюда и помажь голову желчью, и я приму снова такой же вид, как был прежде.

Взял Еруслан меч из-под богатырь-головы, поблагодарил за совет и поскакал к городу Щетину. Увидал его тут князь Огненный щит, Пламенное копье, выехал в поле и начал жечь и палить. Еруслан слез с коня и замахал шлемом. Чародей перестал жечь и спрашивает его:

— Кто ты такой и откуда едешь?

Еруслан разсказал ему и стал проситься к нему на службу. Чародею очень понравилась его почтительность, и он с охотою согласился на просьбу его. Служит у него Еруслан Лазаревич день, два и три, служит он верою и правдою. Наконец, замечает, что чародей один в своих палатах, быстро вбегает к нему и разит его надвое мечом богатырь-головы. Тот так и замер на месте, не пикнув. Еруслан проворно достает желчь из трупа убитаго и, как вихрь, скачет из города.

Подъехав к богатырь-голове, Еруслан вынул из сумки желчь, помазал ею отрубленную голову, приложил ее к туловищу — и она тотчас же срослась. Рсланей встал, как будто бы с ним и ничего не было. Побеседовали несколько времени богатыри и разстались. Росланей отправился в Задонское царство, а Еруслан в Далматское. Был вечер как он въехал в город, перебил стражу и сам пошел в темницу. Здесь вынул он из сумки своей желчь чародея, обмазал ею глаза князя Картауса потом отца своего и, к великой радости их, они все стали видеть и со слезами на глазах бросились обнимать Еруслана за возвращение им зрения.

Потом Еруслан Лазаревич бросился немедленно в терем князя Данилы Белаго, перебил всех, кто только преграждал дорогу ему, и схватив князя Данилу, повлек его в темницу, выколол глаза ему и крепко-накрепко приковал к стене. Пленников же всех освободил, а княжение Данилы Белаго передал Картаусу.

Все начали веселиться, пиры пошли за пирами. Один только Еруслан Лазаревич не разделял вполне удовольствий. Он скакал уже к владениям князя Вахрамея, у котораго была дочь, прекрасная Анастасия. Близ города, в котором жил Вахрамей, было глубокое озеро, а в том озере жил великий змей о трех головах. Каждый день он выходит на берег и пожирает множество людей. Как ни старался князь Вахрамей сокрушить злого

змея и сколько раз ни кликал он клича, — все напрасно: змей губил несчастных жителей, и князь Вахрамей очень сокрушался об участи своих подданных.

Узнал об этом кличе Еруслан и, как только приехал в город князя Вахрамея, взял он с собой доспехи рыцарские и отправился на озеро. Змей бросился, чтобы проглотить всадника, но Еруслан, не допустив его до себя, одним ударом меча отсек ему две головы и только что хотел рубить третью, как змей стал просить пощады. Еруслан Лазаревич однако же не сжалился над ним, еще раз взмахнул мечом — и чудовище лежало на земле без дыхания.

Быстрее молнии разнеслась об этом весть по всему городу. Обрадованный князь Вахрамей со всеми вельможами своими вышел на встречу к Еруслану Лазаревичу, благодарил его за спасение жителей и, узнав, что он княжескаго рода, пригласил его к себе в терем. Здесь встретила его дочь князя Вахрамея, прекрасная Анастасия. Еруслан, как взглянул на нее, так и обомлел от удивления: красоты она была неописанной! Князь Вахрамей, по случаю радостнаго события, задал пир на весь мир и предлагал Еруслану сокровища на выбор; но он от всего отказывался, просил только одного, чтобы он выдал за него в замужество дочь свою Анастасию. Князь Вахрамей очень рад был иметь у себя зятем богатыря и тотчас же благословил их на брачный союз, а потом, вскоре после свадьбы, передал Еруслану Лазаревичу свое княжество.

СТРАШНЫЙ ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ

В тридесятом царстве, на самом краю земли и неба, жил царь, и у него был сын, котораго он очень любил, потому что кроме его у царя детей не было. Все, что бы только ни пожелал царевич, было всегда исполняемо по его желанию. Царь любил забавлять сына, исполняя его желания; но при всей любви к нему царь был и строг; он очень не любил ослушников и казнил их смертию, при своей строгости за ослушание не щадил даже и любимаго сына и наказывал его по всей строгости.

В одно время царевич, прогуливаясь в саду своего отца, подошел к башне, крепко сложенной из гранитнаго камня, с одним окном, заколоченным железными полосами в виде решетки. Подошедши к окну, царевич увидел через решетку седого старика, ростом не более как с аршин, с седою бородою, которою был он кругом обмотан, а еще конец волочился по земле. Он, увидавши царевича, протянул к нему руку и жалобно стал просить его, чтобы тот дал ему напиться. Царевичу жаль стало старика, и он побежал к колодцу, почерпнул из него ковш воды и подал его старику, а сам отошел от окошка. Старик выпил воду одним духом и закричал:

— Прощай, Иван царевич, спасибо тебе, что дал ты мне напиться. Никогда я не забуду твоей добродетели и когда-нибудь заслужу тебе.

Сказав эти слова, он высоко поднялся на воздух и исчез за облаками. Иван царевич долго стоял с поднятою вверх головою и с разинутым ртом от удивления; наконец, видя, что старик пропал из виду, он пошел домой, не зная о своем горе, которое уже ожидало его в доме.

Царь, увидав из окна своего, как вылетел старик из крепкой темницы, в которую он был им посажен, тотчас приказал узнать, кто смел растворить темницу и выпустить старика.

Между тем как слуги царские отыскивали ослушника воли царской, Иван царевич вошел во дворец. Царь спросил его, не он ли отворил дверь краснаго дома, в котором заключен был старик. Иван царевич отвечал отцу своему, что он не отворял дверей, а только дал старику воды, и тот улетел. Царь, выслушав признание, ужасно вознегодовал на царевича и сказал ему:

— За то, что ты освободил старика от заключения, тебя стоило казнить смертию, но за твое чистое признание я выгоняю тебя из моего царства, — иди, куда хочешь, и не показывайся более мне на глаза.

Иван царевич, зная, что воля царская есть закон, не стал ничего говорить строгому отцу своему и покинул родную землю. Долго шел он дорогою, не зная сам — куда и, наконец, к вечеру одного дня пришел он в великолепную столицу кашемир-

скаго государя; не думавши нимало, пошел во дворец к царю и стал проситься к нему в службу, обещаясь служить ему верою и правдою. Царь принял его в свои конюхи. Иван царевич стал жить у царя на конюшне, исправляя свою должность.

В одно время к царству, в котором жил Иван-царевич, подступило много войска царя кампийскаго, который требовал у кашемирскаго государя дочь его себе в замужество. Царь не отдавал и решился вести войну. В первый день сражения Иван царевич, не будучи в войске, пошел в поле, долго гулял он и, устав, сел под дерево. Вдруг откуда ни возьмись старичок, в аршин ростом и с саженною бородою, подошел к царевичу и стал низко кланяться; но видя, что Иван царевич ничего не говорит с ним, он начал сам:

— Здравствуй, Иван царевич, — сказал ему, — ты освободил меня из заключения, в котором, может быть, я находился бы и теперь; ты освободил меня, и за это я тебя не забуду; пойдем ко мне, я угощу тебя да и скажу тебе радостную весточку.

Иван царевич поблагодарил старика и пошел вслед за ним к его дому. Кончился час их ходьбы, и они подошли к полуразвалившейся хижине. Старик отворил дверь, вошел в хижину и втащил туда за собою царевича. Вошедши в избу, маленький старик посадил царевича за стол и велел своей младшей дочери (их у него было три) подать четверть ведра вина. Когда вино было подано, старик взял его и велел выпить царевичу одним духом. Царевич отнекивался, говоря, что он никак не может столько выпить, но старик опять стал принуждать его, и царевич, схватив кувшин с вином, осушил его разом.

— Молодец же ты, Иван царевич, — сказал старик, когда царевич выпил вино, — ну, вот теперь, — продолжал старик, — перебрось через голову этот камень в пятьсот пудов.

— Не поднять мне такого тяжелаго камня, — сказал Иван царевич.

Но старик велел делать, что велят, и царевич, подошедши к камню, почувствовал в себе большую силу и, не думая ни мало, схватил камень за его край и как легкую палку перебросил через свою голову. Старик, увидевши, что царевич перебросил камень через голову, потрепал его по плечу и велел своей

средней дочери подать полуведерный кувшин царевичу. Дочь исполнила приказание отца и подала кувшин царевичу. Иван царевич, не дожидаясь просьбы, выпил кувшин вина одним духом и вдруг почувствовал в себе ужасную силу. Ему еще хотелось перебросить этот камень через свою голову, и он подошел к нему, но старик удержал его руку и сказал ему:

— Нет, Иван царевич, не берись ты за пятисотпудовый камень, а вот возьмись за этот, что тянет тысячу пудов и ежели ты перебросишь его через свою голову, то ты будешь богатырь из богатырей.

Царевич тотчас подошел к тысячепудовому камню и, схватив его за край, перекинул как легкое перо через свою голову. Старик подошел к царевичу, похвалил его богатырство и велел старшей дочери подать царевичу ведерный кувшин. Вино через минуту было подано царевичу, и он осушил ведерный кувшин одним духом. Когда Иван царевич поставил на землю пустой кувшин, то старик сказал ему:

— Иван царевич, подними ты этот камень, он весит полторы тысячи пудов.

Царевич, выслушав слова старика и почувствовав в себе неимоверную силу, схватил ужасный камень одною рукою и перебросил его через свою голову как перышко. Старик, увидев, что Иван царевич перебросил и этот камень, сказал ему:

— Иван царевич, будет теперь для тебя этой силы, ступай ты домой, и когда будет у тебя какая нужда, то приходи ко мне, и я тотчас тебе помогу.

Иван царевич поблагодарил старика за его милость и, распростившись с ним, пошел домой скорыми шагами. Пришедши ко двору царскому, он встретил своего конюшнаго старосту, который, увидев царевича, подошел к нему и начал бранить.

— Как ты смел, — кричал он царевичу, — отлучиться от дела! — и не дав ему произнести оправданий, ударил по щеке.

Не вытерпев обиды, Иван царевич, сжавши кулак, ударил им по голове своего старосту; удар пришелся крепок, и голова отделилась от туловища и отлетела за версту. Конюхи, стоявшие неподалеку от царевича и видя, что он убил их старосту, схватили его и представили царю.

— Как ты мог сделать такое преступление? — спросил гневно царь и сильно топнул ногою.

Иван царевич, поклонившись, отвечал царю:

— Я убил старосту, не думая этого делать; он вперед ударил меня, и я отплатил ему тем же, хотя намеревался ударить тихонько.

Царь разспросил у очевидцев этого дела, точно ли Иван царевич говорит то, что было. Очевидцы подтвердили слова царевича, и царь, будучи от природы добр и милостив, простил царевича, дав ему наставление и приказание слушаться начальников и старших. По прошествии нескольких дней, после смерти старосты неприятель, подступивший под стены города кашемирскаго государя, был им разбит на голову и со стыдом возвратился в свою страну.

Лишь только окончилась эта война, как вдруг в один день к кашемирскаму государю явился старик с медной головою, с железными руками и подал царю письмо, запечатанное тремя черными печатями. Царь разорвал конверт и, вынув из него письмо, начал читать. В письме было сказано, что водяной царь просит его дочь в замужество своему сыну, и если царь по истечении одного дня после получения письма не вышлет своей дочери на морской берег, то на берег явится трехглавый змей и пожрет весь его народ, а самого его с его дочерью увлечет в подводное царство.

Царь, прочитав письмо, сказал посланному, что он готов исполнить предложение его государя и велел посланному старику отправляться к своему царю, а сам, собрав всех своих приближенных людей, стал их спрашивать, не могут ли они подумать чего-нибудь такого, чем бы можно было отделаться от наступающей бури. Долго думали советники царские и ничего не придумали лучше, как кликнуть клич, чтоб отыскался такой человек, который мог бы избавить царевну от несчастия. Клич был сделан, и отыскался один какой-то человек, который решился спасти царевну от змея, льстясь получить ея руку, по обещанию царя. Явившись к царю, он попросил у него сто человек вооруженных воинов и, предводительствуя ими, пошел к морскому берегу, где в избушке сидела царевна, дожидаясь

своего горькаго конца. Пришедши с воинами и не видя змея, долго храбрился мнимый спаситель царевны, но лишь только змей высунул из воды свою голову, как храбрец закричал своим воинам:

— В лес! — и сам первый бросился в его густоту.

Между тем, Иван царевич, узнав о несчастии царевны, решился спасти ее и, пришедши к морю, вынул свой острый меч и бросился к змею. Долго ли продолжалось сражение, наконец, царевич взмахом своего меча прикончил водяного богатыря и, не вошедши в избушку, где сидела царевна, отправился домой.

Мнимый спаситель царевны, увидя погибшаго змея, вышел из лесу и, пришедши к царевне, сказал ей, чтобы она сказала отцу своему, что он спас ее от смерти, а не Иван царевич. Боясь угроз злого хвастуна, по прибытии своем во дворец, она сказала царю, что ее спас от смерти этот человек, а не Иван царевич. Царь обласкал его, наделил своею казною и уже хотел приготовляться к свадебному пиру, но царевна сказала ему:

— Государь мой батюшка, отложи немного мою свадьбу, потому что я не совсем здорова от такого ужаснаго страха, какой навел на меня этот ужасный змей.

Царь не смел противоречить своей дочери и готов был ждать целый год. Свадьба была отложена на месяц.

Только в один день к царю пришел во дворец старичок, голова у него была медная, руки железныя и свинцовая борода. Он поклонился царю и подал ему пакет, запечатанный шестью печатями. Царь принял пакет и, сорвав печати, вынул из него письмо, в котором было написано, чтобы он выслал царевну на морской берег, а ежели не вышлет, то выйдет из моря шестиглавый змей и пожрет весь народ кашемирскаго царства, с ним вместе и самого его.

Царь, прочитав письмо, не знал на что ему решиться и, не придумав ни одной важной мысли, велел посланному отправиться в обратный путь и сказать своему царю, что кашемирский государь на все согласен и вышлет ему царевну через три дня. Посланный удалился, а царь, собрав своих главных думных вельмож, объявил им о своем несчастии, прося их совета о помощи. Подумавши несколько времени, они сказали царю:

— Надо просить прежняго избавителя царевны, чтобы он вторично спас свою невесту.

Поблагодарив их за совет, царь приказал позвать в свой дворец нареченнаго своего зятя. Тот не замедлил явиться и, поклонившись царю, спросил его, зачем он нужен. Царь объявил ему о дерзком требовании и просил его избавить царевну от несчастия, обещая ему после ея избавления непременно праздновать свадьбу, а в приданое полцарства своего.

Мнимый спаситель царевны, хотя и не был рад предложению царя, потому что он уж в этот раз не надеялся чужими руками загрести жар, но делать было нечего, и он согласился. Взявши с собой несколько воинов, в назначенный день он с ними отправился к морю. Пришедши туда, он вошел в старую избушку, где уже сидела царевна, и сказал ей, чтоб она, если явится прежний избавитель и таким же манером уйдет, не показавшись, то чтобы она, возвратясь во дворец свой, сказала царю, что спас ее от смерти он и его воины, а иначе он грозился бросить ее в море на съедение страшному змею. Царевна, испугавшись угроз такого обманщика, обещала его умолчать пред царем об истине.

Получив обещание царевны, мнимый защитник ея вышел от нея и велел своим воинам приблизиться к лесу, чтобы, в случае появления змея, можно было дать тягу. Воины тотчас стали приближаться к лесу и лишь только приблизились к нему, как вдруг ужасное море начало бушевать и пениться, а вслед за тем через минуту вылез из моря ужасный шестиглавый змей и, вышедши на берег, стал приближаться к жилищу царевны. Трусливый хвастун убежал в глубину леса, а за ним и воины, покинув царевну на произвол судьбы.

Змей был уже близко около ея жилища, готовый схватить самую царевну; но Иван царевич не дремал: он знал в какие часы царевна будет на морском берегу и, опоясавшись мечом, пошел к жилищу в то время, когда змей подошел к избушке царевны и отворил уже дверь избушки. Иван царевич налетел на него, и между тем змеем и царевичем завязалось страшное сражение. Много раз змей покушался налететь на царевича и проглотить его, но царевич каждый раз срубал ему по голове, и змей, заливаясь своею кровию, с каждой минутою ослабевал. Соскучась

долгою дракою, царевич, улучив минуту, бросился на змея со всею яростию и разрубил его пополам. Покончивши битву, он схватил туловище змея и его головы. Распростясь с царевною, вышел он из избы и, положив туловище змея под камень, в котором было более тысячи пудов, отправился домой.

Видя все это происшествие, мнимый защитник царевны, скликав свое войско и взявши царевну, повторил ей прежния слова и отправился к царю. Царь несказанно радовался спасению своей дочери и назначил через неделю свадьбу.

На третий день после победы Ивана царевича явился во дворец к царю старичок с медною головою, железными руками и серебряною бородою. Он поклонился царю и подал пакет, запечатанный девятью печатями. Царь с трепетом сорвал печати и, вынув из пакета письмо, прочел в нем следующее:

«Царь кашемирскаго народа! Приказываю тебе: пришли завтрашний день на морской берег дочь свою, а если ты этого не сделаешь, то послан будет в тот день змей с девятью головами, и он пожрет весь твой народ и самого тебя. Прощай, будь здоров и долголетен». Внизу было подписано: «Водяного государства Боскал-Дау».

Прочитав письмо, царь сказал посланному, чтобы он воротился к своему государю и объявил ему, что он согласен на его предложение. Отпустив посланнаго, сам созвал своих приближенных и подал им письмо. Прочитав его, думные люди царские, подумавши немного, присоветовали царю послать на морской берег свою дочь и нареченнаго зятя, чтоб он мог защищать царевну от ужаснаго змея. Царь, выслушав предложение своих министров, объявил нареченному зятю свою волю.

С стесненным сердцем и ужасным страхом отправился нареченный зять царя с солдатами на морской берег и, пришедши туда, по-прежнему скрылся с ротою воинов в чаще леса, откуда модно было видеть, что делается на море. Прошло несколько минут, как он спрятался в кусты со своими воинами, вдруг ужасно заклубилось море и, запенившись, бросалось с яростию на берег, готовое поглотить весь берег и самый город. Потом из моря выплыл девятиглавый змей и подполз к дверям избушки, в которой сидела царевна. Вдруг откуда ни взялся Иван ца-

ревич, наскочил на страшное чудовище и ударом своего меча отрубил ему все головы. Обезглавленный труп змея залился своею кровию, а Иван царевич взял его головы и самое туловище, отнес от избушки на несколько шагов и навалил на него тысячепудовый камень. Сделавши все это, он пошел обратно в свой путь; а хвастунишка, увидя это, взял царевну из избушки и отправился с нею к царю.

Царь не знал что делать от радости и на другой день готов был праздновать свадьбу своей дочери, но царевна подошла к своему отцу и сказала ему:

— Государь мой батюшка! Не этот человек спасал меня от смерти, а другой.

Тут царевна все разсказала своему отцу о Иване царевиче и хвастуне. Царь не знал что ему делать — верить ли словам дочери или нет; но царевна повторила ему, что спас ее от смерти Иван царевич, и просила своего отца, чтобы он позволил ему к нему явиться. Царь согласился на просьбу своей дочери и велел позвать Ивана царевича. Когда Иван царевич явился к царю, то царь просил его разсказать ему, как спас он царевну от смерти. Иван царевич в коротких словах разсказал царю, как он побил трех змеев.

Царь, выслушав все, обнял Ивана царевича, посадил с собою рядом и просил разсказать ему, чей он сын и где живут его родители. Не стал скрывать своего звания Иван царевич: разсказал царю, кто он и кто его родители.

— Хочешь ли ты быть моим зятем?

Иван царевич не знал что делать от радости и открылся царю, что он давно уже пылал сильною любовью к царевне. После того дня прошло еще два, и царь затеял свадебный пир. Великолепныя кареты были приготовлены для жениха и невесты, и тысячи народа пошли за ними в храм. После обряда начался пир. Весь народ веселился и кричал ура! Все веселились, кроме мнимаго победителя над змеями. Он один не веселился. Царь при всем народе ужасно срамил хвастуна и велел ему выехать в этот день из города и более в него не являться. Кончился пир и веселье. Царевич вместе с царевною отправились к своему отцу. Царь принял сына и дочь с распростертыми объятиями

и велел задать великий пир. Отправив пир у своего отца, царевич простился с ним и отправился в обратный путь в царство своего тестя, где стал жить счастливо с царицею, а по смерти своего тестя наследовал его престол и мирно и мудро правил государством до дня своей смерти.

СКАЗКА О НЕКОЕМ БАШМАЧНИКЕ И СЛУГЕ ЕГО ПРИТЫЧКИНЕ

В некоем царстве, в некоем государстве жил был славный и именитой князь Мистафор Скурлатович, у котораго был слуга по имени Горя, сын Кручинин. Мистафор Скурлатович отдал его к искусному мастеру учиться башмачной науке с тем договором, чтобы он в сей науке был первой противу всех мастеров и лучше и искуснее. И так Горя учился несколько лет и выучился так хорошо, что шил башмаки не в образец лучше своего мастера. Тогда Мистафор Скурлатович взял его в дом свой и заставил на себя шить башмаки, и он сшил дюжин двадцать башмаков, однако барину его Мистафору Скурлатовичу ни одна пара не показалась, за что бил он его немилосердно и от тех побоев башмачник Горя Кручинин чуть с ума не рехнулся от печали захворал гораздо плотно, и был болен недель с десяток; а как стал обмогаться и начал мало по малу бродить, тогда Мистафор Скурлатович опять заставил Горю Кручинина башмаки на себя шить; но когда он несколько пар сшил и принес к нему примеривать, то не показалась ему ни одна пара. Тогда Скурлатович бросил теми башмаками ему в голову и разбил ему всю рожу до крови; а Горя Кручинин, имея у себя алтын денег, пошел в кабак, выговоря сии слова: хоть бы чорт меня от такого барина избавил. Вдруг предстал к нему незнакомой человек и сказал: о чем ты добрый молодец горюешь? На то ему башмачник Горя ответствовал: как мне доброму молодцу не кручиниться! Барин мой как злой пес лих, ты видишь, как он меня сегодня пощипал; а недель за десять пуще этого еще меня бил.

Незнакомой спросил его: за что он тебя так бил? На то Горя ему говорил: учился я башмачной науке и выучился лучше своего мастера и начал шить башмаки на своего барина; однако сколько ни шил, не мог попасть на его обычай, и вместо того, чтобы сказать спасибо, все бьет меня немилосердно, как ты и сам видишь, что у меня рожа вся избита. На то незнакомый стал ему говорить: я знаю твоего господина довольно, надобно тебя от него избавить, и ежели ты хочешь, то я сделаю тебя счастливым человеком и женю тебя на Мистафоровой дочери вместо того князя, за котораго уже она сосватана. Что ты вздурился что ли? — сказал ему Горя, — что такой самбур городишь: вить это нестаточное дело! Поверь мне, сказал ему незнакомый, что я это все могу сделать. Но башмачник усумнился, солвил: сколько брат ты ни болтай, а я этому не поверю. Ну! Так я тебя уверю, что все это могу сделать; и потом велел ему зажмуриться и повернуться против солнца и ступить два шага назад. Когда все это Горя исполнил, то велел он ему посмотреть на себя. Горя весьма удивился, видя себя в драгоценном наряде и сказал: никак ты черт в человеческом образе? Конечно, я чорт, потому что ты меня звал, я по твоему зову тебе явился и хочу тебе услужить и женить тебя на Мистафоровой дочери. Да как это можно, говорит ему Горя? Вить меня там все знают; да и собака может узнать. А сей ему сказал: нет, не правда, никто тебя не узнает, и ты будешь в образе того князя Дардавана, за котораго Мистафорова дочь Догада сговорена и обручена. Хорошо и весьма бы хорошо, если б сделалось, как ты мне говоришь, сказал ему Горя. Уж будет так, когда я тебе говорю. И еще приказал ему отступить три шага зажмурившись и после открыть глаза. Тогда увидел Горя пред собою палаты белокаменныя огромныя и весьма тому удивляясь, от чего сие так скоро явилось, со изумлением вскричал: ты и в правду чорт, а не человек, что вторишь такия великия мудрости. Я тебе говорю правду, а не обманываю, ответствовал ему незнакомый, и теперь дарую тебе эти каменныя палаты, а сам буду тебе верным слугою; называй ты меня Притычкиным. После чего слуга сей повел новаго своего господина Горю башмачника на широкий двор, и увидел там башмачник Горя великое множество слуг, лоша-

дей, карет и всего в великом убранстве, и те слуги ему поклонялись, яко князю, и музыканты заиграли на разных инструментах; а как музыка играть перестала, тогда башмачник Горя пошел в палаты белокаменныя и увидел накрытый стол с разными кушаньями, и сел он за тот стол, напился и наелся порядочно, и жил он в том доме несколько времени, как какой знатный вельможа. В то время князь Дардаван, обручившись с своею невестою Догадою уехал в иной город за своими нуждами, а верный слуга Притычкин почел сие время за доброй случай женить башмачника Горю на Догаде, и для того пришед к своему господину башмачнику, сказал ему: теперь надобно сделать чтобы Митрофан признал тебя за князя Дардавана, и сказав сие, вышел пред палаты белокаменныя и построил против самых палат лагерь великий и велел играть всем музыкантам вдруг. Когда музыка заиграла, услышал Митрофан Скурлатович разные приятные голоса и помыслил в себе, что конечно князь Дардаван приехал, и послал тотчас о том проведать. Известившись и в самом деле от тамошних людей, что мнимый князь Дардаван сам приехал, послал к нему много знаменитых людей звать к себе на пир вселюбезнаго зятя своего князя Дардавана. Послы Мистафоровы, пришед к башмачнику Горю, кланялись ему униженно и просили его именем своего князя Мистафора Скурлатовича, чтоб пожаловал к нему на пир погостить. Башмачник Горя им отвечал: подите вы и донесите Мистафору Скурлатовичу, что я за вами же скоро к нему буду; посланные все, поклоняясь низко башмачнику Горю, предстали пред князя своего Мистафора и разсказали, что от мнимаго царевича Дардавана слышали и что видели у него. По отшествии Мистафоровых посланцев слуга Притычкин пришел к башмачнику Горю и говорит ему: ну, теперь тебе надобно ехать к Мистафору; да слушай же, что я тебе буду наказывать: когда ты приедешь на двор к Мистафору и слезешь с своего добраго коня, то ты коня своего не привязывай и никому держать не приказывай, а только кашляни сильнее и топни ногою о пол, сколь есть мочи; а вошедши в покои, садись на стул, которой под первым номером; в вечеру же когда тебя станут унимать ночевать, останься, и как тебе постелют постель, то ты на нее не

ложись, потому что князь Дардаван всегда сыпал на своей постеле, которая тяжестию была во сто пуд; я тебе ту постель пришлю, а если и призамешкаюсь, то ты ударь меня за то по роже при Мистафоре и при его дочере; когда же приляжешь в постель и подадут тебе множество свеч, то ты им скажи, чтоб они те свечи взяли, а вели мне принесть камень, которой князь Дардаван всегда ночью на стол кладывал, и я тебе тот камень достану; и ежели ночью положишь тот камень на стол, то от него свет лучше, нежели от тысячи свеч будет. Башмачник Горя, выслушавши такия речи от слуги своего Притычкина, обещался все то исполнить, и вышел Горя на широкий двор, а слуга его Притычкин подвел ему оседланнаго коня. Башмачник горя сел на того коня, а Притычкин на другаго, и поехали к Мистафору Скурлатовичу, и приехавши к нему на широкий двор, Мистафор Скурлатович вышел встречать своего вселюбезнаго зятя, мнимаго князя Дардавана, а башмачник Горя слез тогда с своего добраго коня, и ни к чему его не привязывает и никому его взять не приказывает, а только кашлянул громко и топнул ногою о пол что есть поры — мочи; конь стал на одном месте, как вкопаной. Потом вошел Горя в покои, Богу помолился, на все четыре стороны поклонился, с хозяином поцеловался и сел в передний угол на стул под первым номером. Мистафор пошел к своей дочери Догаде и сказал ей, чтоб она вышла и помиловалась бы с своим обрученным женихом, с князем Дардаваном, а как Догада была хитра и мудрена, то и отвечала на отцу своему: Милостивый государь мой батюшка Мистафор Скурлатович! Вить это не князь Дардаван, а это башмачник наш Горя Кручинин. Никак ты вздурилась сказал ей Мистафор! Вить я и прежде князя Дардавана в лицо видел и знаю, так и это тот же самой, а не башмачник Горя. Хорошо, Государь! Сказала Догада, я к нему пойду и поклонюсь, однако примечайте вы и помните, что это не князь Дардаван, а башмачник Горя в его образе, и приметьте вот по чему: когда мы сядем за стол кушать, то велите подать хлеба белаго и чернаго, и ежели этот гость примется резать черной хлеб, то он не князь Дардаван, а башмачник Горя Кручинин, ибо князь Дардаван всегда резал прежде белой хлеб. Хорошо! Я это посмотрю, сказал ей Мистафор.

Тогда Мистафор Скурлатович просит башмачника Горю за стол кушать, и когда они сели, и подали хлеба белаго и чернаго, башмачник Горя принялся за хлеб и начал резать прежде черной хлеб, а не белой, что Мистафор и Догада приметили. И Мистафор начал его спрашивать: Почтеннейший и любезнейший мой дорогой зять, князь Дардаван, для чего сего числа изволит милость ваша резать прежде черной хлеб, а не белой. Услышав сие, слуга Притычкин предстал невидимо и шепнул на ухо башмачнику Горю следующия слова: скажи ты Мистафору на сей вопрос, что батюшка твой, садясь за стол, всегда кормил прежде бедных людей, подавая каждому кусок хлеба, и вместо соли сыпал золотую казну, и когда ты сии речи выговоришь, то вели мне подать золотой казны мешок. Мнимой царевич Дардаван те же самыя слова Мистофору пересказавши и нарезавши чернаго хлеба, закричал слуге своему Притычкину, чтоб он принес ему золотой казны мешок. Проворной Притычкин тотчас принес казны золотой мешок, взятой им, или, так сказать, уворованной из Мистафоровой кладовой, а Горя приказал ему собрать сборище нищих. Слуга побежал и привел тотчас с собой великое множество бедных, а башмачник Горя начал раздавать им хлеб, посыпая на всякой ломоть золотой казны, и разделавши весь хлеб и золотую казну, стал сам обедать. После обеда Мистафор говорил своей дочери: вот ты говорила, что это не князь Дардаван, теперь саамам скажешь, что это он; нет, батюшка, отвечала Догада, это не князь Дардаван, а башмачник наш Горя Кручинин! Ты право ума рехнулась, сказал ей на то Мистафор; я чаю, что уже башмачника Горю Кручинина давно чорт взял. А вот я докажу, что это точно не он, сказала Догада; ежели вы уймете его у себя ночевать, то прикажите послать ему свою постель, и ежели он на ту постель ляжет, так это не князь Дардаван, а башмачник Горя. Когда пришел вечер и уже было поздно, Мистафор велел для башмачника послать добрую свою постель, и как постель постлали, то Мистафор сказал мнимому царевичу, чтоб он удалился для покоя в наступающую ночь. Горя, вошед в спальню и увидя, что это не та постель, про которую ему сказывал слуга его Притычкин, тотчас, как будто с великим сердцем, кликнул Притычкина и уда-

рил его в рожу, весьма плотно, говоря: резвее ты бездельник того не знаешь, что я здесь буду ночевать, для чего ты не приготовил мне своей постели, вить ты ведаешь, что я всегда сплю на своей стопудовой постели, ступай скорее и принеси сюда постель. Притычкин побежал опрометью и принес стопудовую постель, которую украл он у князя Дардавана. Башмачник Горя разделся и лег на постель, а огада велела нарочно зажечь множество свечей и отнесть в его спальню; однако Горя не промах, прогнал их всех и со свечьми, сказав им: у меня и без ваших свечей свету довольно, и велел Притычкину подать камень, которой ему того же времени и принесен; ибо он и камень тот светозарной украл вместе с постелью у князя Дардавана. Горя положил тот камень на стол и лег спать и от того камня такой сделался великий свет, что и Боже упаси, пуще зарева возсиял. Среди же самой глухой ночи Догада послала к башмачнику горе в спальню одну свою служанку и велела ей украсть тот светозарной камень со стола. Лишь только вошла служанка в спальню и хотела взять тот камень, то вдруг слуга Притычкин, который тогда лежал возле дверей, вскочив, сказал ей: не стыдно ли тебе девица красная воровать у будущаго твоего господина? За то должна ты теперь оставить мне заклад, он снял с той служанки юбку, телогрею, да третий платок, и так ее от себя отпустил. Служанка, пришед к своей госпоже Догаде, разсказала все происшествие; однако Догада не унялась, и чрез час времени, думая, что башмачник Горя и его слуга Притычкин спят, послала другую девку украсть камень; когда и та вошла в спальню, то Притычкин и с нею равно же поступил, сняв с нее юбку, телогрею и платок с головы и отпустил. После того еще чрез час времени Догада, думая что уже конечно они заснули, вздумала сама пойти и украсть камень; но лишь только что вошла в спальню к башмачнику Горе и принялась за камень, то Притычкин тотчас вскочив, схватил ее и сказал: как не стыдно вашей честной милости творить такия пакости, вить это не довлеет честнейшаго отца дочери, чтоб вступать в такое дело, и за то прекраснейшая княжна прошу оставить заклад; по сказанному, как по писанному, Притычкин, сняв с нее юбку, телогрею и с головы платок, отпустил от себя Догаду со стыдом и сожалением.

На другой день по утру Притычкин разсказал ему, что ночью происходило и советовал Горе башмачнику, когда пойдет он к Мистофору, и Мистофор начнет ему загадывать загадку, то бы он ему отвечал: я не отгадываю загадок, а сам загадываю, и тогда загадал Мистафору следующую загадку: «гулял я в ваших зеленых лугах, и поймав три козы, снял с них по три кожи». Когда Мистафор о том усумнится и станет говорить, что нельзя статься, чтобы на козе было три кожи, тогда кликни меня и вели подать те кожи. Башмачник Горя, выслушав слуги своего Притычкина новое наставление, пошел к Мистафору, а Мистафор начал загадывать ему загадки; Горя на то ему сказал: я не отгадываю загадок, а сам загадываю, и говорил ему: «гулял я в ваших зеленых лугах, и поймав три козы, снял с них девять кож». Мистафор весьма усумнился и сказал: этому нельзя статься, чтоб на каждой козе было по три кожи. Конечно это так и точно это правда, сказал башмачник горя, и позвав Притычкина велел ему принесть те кожи, которыя он снял с трех коз: слуга вскоре потом принес к нему оныя. Мистафор, увидев платье дочери своей, очень огорчился и распалился на нее сердцем своим и спрашивал мнимаго царевича, как попалось к нему Догадино платье? Башмачник разсказал ему, как все происходило, и Мистафор, разгневавшись на свою дочь, после ей сказал: вот ты мне говорила, что это не князь Дардаван, а башмачник Горя Кручинин, и так не хочу я теперь больше терпеть, чтоб мешкать твоим замужеством; ты сей же день готовься к венцу. И таким образом в тот же самой день Горя женился на Догаде. По нескольком времени после свадьбы, слуга Притычкин, пришед к башмачнику Горе, сказал ему: ну! Теперь я довольно сделал тебя счастливым, то сделай же и ты для меня то, о чем я тебя попрошу. В саду вашем есть пруд, и в том пруду жил прежде я, и мыла в том пруду девка платье и уронила с себя кольцо и меня из пруда того выжила; вели ты из того пруда воду вычерпать и тот пруд вычистить, и чтобы там кто не нашел, вели к себе приносить, и когда найдется, то вели опять в пруд впустить чистую воду и состроить шлюпку и поезжай на той шлюпке кататься по тому пруду, вместе с твоею женою и со мною; а я тогда брошусь в воду, хотя жена твоя и закричит: ах! Слуга

Притычкин утонул: но тогда скажи ты ей: чорт его возьми. Башмачник Горя, выслушав от слуги Притычкина такия речи, велел в саду пруд высушить и чистить, и велел также, что кто в том пруде найдет, приносить к себе, и как тот пруд стали чистить, то мальчик нашел там кольцо, которое и принес к башмачнику Горе, а башмачник Горя велел в пруд воду впустить и состроить шлюпку, и как все то готово сделано было, сел он с своею женою и с слугою Притычкиным в шлюпку и катался по тому пруду; слуга же Притычкин вдруг бросился в воду, а Догада закричала: ах! Слуга Притычкин утонул; тогда башмачник Горя сказал: чорт его возьми, мне он больше не надобен. Князь же Дардаван, настоящий обрученный жених Догадин, послан был на сражение, где был убит, а башмачник Горя Кручинин стал называться его именем, и жил с Догадою множество лет в великой радости и благополучии, забыв свою прежнюю несчастную судьбу.

Загадки

Без лица в личине

Поймал я коровку
В темных лесах;
Повел я коровку
Мимо Лобкова,
Мимо Бровкова,
Мимо Глазкова,
Мимо Носкова,
Мимо Щечкова,
Мимо Ушкова,
Мимо Роткова,
Мимо Губкова,
Мимо Ускова,
Мимо Бородкова,
Мимо Шейкова,
Мимо Грудкова,
Мимо Ручкова,
Мимо Плечкова,
Мимо Пояскова,
Привел я коровку
На Ноготково.
Тут я коровку
И стал принимать.

1.

Барин ездил мимо кузницы, и все видит, что кузнец кует день и ночь; он и спрашивает: что ты кузнец все куешь, куда деньги девать будешь? — А я, барин, перву долю — долг плачу, втору долю — в долг даю, третью долю — в воду рою, а четверту долю — сам воспитываюсь.

Отгадка

Первая доля — отца и мать кормлю;

Вторая доля — сына рощу;

Третья доля — дочь кручу (замуж отдаю);

Четвертая доля — себя содержу.

2.
Мужик пошел в лес,
В лес идет
Домой гладит:
Из лесу идет —
Домой глядит.
(Топор).

3.
Кланяется, кланяется:
Придет домой — растянется.
(Топор)

4.
Сухой Мартын
Далеко плюет.
(Ружье)

5.
Скоро ест,
Мелко жует,
Сама не глотает,

Другой сыт бывает.
(Пила)

6.
На улице горбушка
В избе ломоток.
(Бревно)

7.
Черный кочет
Рявкнуть хочет.
(Ружье)

8.
Сама самоделка
Сама сделалася
Без топора
Без клина
Без ножичка
(Щель в бревне)

9.
Вкруг поля хожу,
В одну жердь колочу.
(Набивка обручей)

10.
Что в избе самодиется?
(Щель в бревне)

11.
Два конца,
Два кольца,
А в середине гвоздик.
(Ножницы)

12.
Дудка — дуга,
На дудке дыра;
Дуда затрещит,
Собака бежит.
(Ружье)

13.
Цепь за цепь,
Конец за печь
(Щель в бревне)

14.
Сидит баба на юру,
Ноги свесила в реку.
(Мельница)

15.
Заплачу заплатку
Без иглы, без ниток.
(Замазка щели)

16.
Синенька, маленька,
По городу скачет,
Всех людей красит.
(Иголка)

17.
Летит орел,
Во рту огонь,
По конец хвоста
Человечья смерть.
(Ружье)

18.
На окошке пятак,
Никому его не взять:
Ни попам,
Ни дьякам,
Ни гороховикам.
(Сучок)

19.
Идет свинья из болота,
Вся испорота.
(Бредни)

20.
Лежит брус
Во всю Русь,
В том брусе
Двенадцать гнезд
В каждом гнезде
По двенадцати яиц;
В каждом яйце
По двенадцати цыплят.
(Матица)

21.
Летит ворон,
Нос окован:
Где ткнет,
Руда канет.
(Ружье)

22.
В лесу вырос,
На стене вывис,
На руках плачет,
Кто слушает — скачет.
(Гудок)

23.
Выше леса,
А тоньше колоса.
(Ветер)

24.
Сорок братан,
На одном сголовке спят.
(Накат на матице)

25.
Безсмертная черная овечка
Вся в огне горит.
(Ночь)

26.
В поле, полище
Несут голенище
В этом голенище:
Деготь, леготь
И смерть недалече.
(Ружье)

27.
Стоит сад,
В саду 12 гряд,
На грядах по 4 бороздки,
На бороздке по семи кочней.
(Год)

28.
Сорок братцев
На одной подушке лежатю
(Накат на матице)

29.
На горе, горище
Лежит голенище:
В том голенище
Деготь, леготь,
И смерть не далеко
(Ружье на плече)

30.
Стучит, гремит, вертится,
Ходит весь век,
А не человек
(Часы)

31.
Дарья да Марья
Часто видятся
А не обоймутся.
(Пол и потолок)

32.
Летит птица тонка,
Перья красны
Да желты,
На конце ея
Человечья смерть.
(Ружье, выстрел)

33.
Скатерть бела,
Весь свет одела.
(Снег)

34.
Без крыл летит.
(Ветер)

35.
Без ног бежит.
(Туча)

36.
Без огня горит.
(Солнце)

37.
Без ран болит.
(Сердце)

38.
Летела сова
Из красна села,
Села сова
На четыре столба.
(Выстрел)

39.
Много соседей
Рядом век живут
А никогда не видятся.
(Окна)

40.
Вечером на земь слетает,
Ночь на земле пребывает,
Утром опять улетает.
(Роса)

41.
В печурке
Три чурки
Три гуся,
Три утки,

Три яблочка.
(Ружейный заряд)

42.
Блюдо оловянно,
Края деревяны.
(Оконныя рамы)

43.
Ударю я булатом
По белым каменным палатам,
Выйдет княжня,
И сядет на пуховую перину.
(Огниво, кремень, трут, искра)

44.
Летела тетеря,
Вечером не теперя,
Упала в лебеду —
И теперь не найду.
(Пуля)

45.
Вокруг избушки
Все поползушки.
(Ставни)

46.
Ни в огне не горит,
Ни в воде не тонет.
(Лед)

47.
Ноги каменны,
Голова деревянная,
А сам в шабуре.
И ходит в воде.
(Недотка, мережа)

48.
Есть дерево:
Крик унимает,
Свет наставляет,
Больных исцеляет.
(Береза: она дает деготь, лучину и бересту)

49.
Висит, болтается,
К ночи в дырочку спущается.
(Болт)

50.
Двор дыроват
Люди говорят,
А выйти не велят.
(Морда)

51.
Под ярусом, ярусом,
Висит зипун
С гарусом.
(Рябина)

52.
Двое ходят,
Двое бродят.
Двое сойдутся,
Приобоймутся,
Поцалуются.
(Двери)

53.
Ехал не конем,
Погонял не кнутом,
Жег не палку,
Угодил не в галку
Сварил
Не оттеребил.
(На лучину рыбачить)

54.
Сидит девица
В темной темнице,
Коса на улице.
(Морковь)

55.
Пришли воры
(Рыбаки)
Хозяев украли
(Рыбу)
А дом в окошки ушел.
(Вода в ячейки невода)

56.
Ходит без ног,
Держит без рук;
Кто идет
Тот за ворот берет.
(Дверь)

57.
Пошел по тух-тухту,
Взял с собой тав-тавту;
Нашел я на храп тахту.
(Пошел за лошадью, взял с собой собаку, а нашел на медведицу).

58.
Сам алый сахарный,
Кафтан зеленый, бархатный.
(Арбуз)

59.
Узелок Кузьма
Развязать нельзя
Имячко хорошо:
Алексеем зовут.

60.

Семьдесят одежек,
А все без застежек.
(Качан)

61.

Шел я
По тюх-тюхтю
Нашел я
Валюх-тюхтю
Кабы это
Не валюх-тюхтя
Так бы съела
Меня тюх-тюхтя.
(Мужик, топор и медведь)

62.
Под дубком
(Под кустиком, кустом),
Свилась клубком,
Да и с хвостиком.
(Репа)

63.
Тычу, потычу
Ночью не вижу,
Дай-ка невестка
Днем попытаю.
(Замок и ключ)

64.
В лесу выросло,
Из лесу вынесли,
На руках плачет,
А на полу скачут.
(Балалайка)

65.
Свет-цветочек
В сыру землю зашел,
Синю шапку нашел.
(Лен)

66.
Лежит Химка на полу,
У ней дырка на боку.
Подошел Тимошка
Попробовал немножко.
(Замок и ключ)

67.
В лесу-то тяп-тяп,
Дома-то ляп-ляп,
На колена возьмешь — заплачет.
(Балалайка)

68.
На кургане-варгане
Стоит курочка
С серьгами.
(Овес)

69.
Дуб дыроват
В дубу ядра говорят.
(Жилая изба)

70.
На поле Ногайском
На рубеже Татарском
Стоят столбы точеные
Головки золоченые.
(Рожь)

71.
По сторону белец,
По другую белец;
По середки чернец.
(Печь, чело и очелыш).

72.
Баба-яга, вилами нога:
Весь мир кормит,
Сама голодна.
(Соха)

73.
На море на коробанском,
Много скота тараканского
Один пастух королецкий.
(Звезды и месяц)

74.
Два белеца
Ведут чернеца.
(Печь, чело и очелыш)

75.
Поле маленько,
Распахано гладенько
Не сохой, не бороной —
Чертовой бородой.
(Под и помело)

76.
Худая рогожа
Все поле покрыла.
(Борона)

77.
Широко поле каракайское,
На нем много
Скота тараканскаго,
Один пастух,
Ровно ягодка.
(Звезды и месяц)

78.
Сидит баба на печке
В белой епанечке.
(Печная труба)

79.

День и ночь торчит
Одно утро спит.
(Заслон)

80.
Раскину я рогожку,
Насыплю горошку,
Поставлю квасу кадушку,
Положу хлеба краюшку.
(Звезды, месяц и дождик)

81.
Потату потаты,
Такату такаты —
А яички ворохом несутся.
(Цеп, молотьба и зерно)

82.
Бабушка Софья
День и ночь сохнет:
Утро придет
Она вон уйдет.
(Заслон)

83.
Щука ныряет,
Весь лес валяет
Горы ставит.
(Коса)

84.
Сидит баба на пече
В белой епанче.
(Печная труба)

85.
Поле водочное
Огород кожаный,
Овцы аржанския,
Пастух ухарский.
(Небо, земля, лес, леший)

86.
Мать грузна,
Дочь красна,
Сын легче перушка.
(Печь, огонь и дым)

87.
Сколько до неба высоко.
По земле широко,
До мертвых далеко?
(Если б высоко —
То там бы гремело,
А здесь бы не слыхать было;
Если бы широко —
То солнышко в семичасовой день
Не обошло бы кругом;
А умер отец и дед —
Так их и нет).

88.
Белая балянка
По полю ходила,
Домой пришла,
Под сарай легла.
(Коса)

89.
Рот до ушей,
Хоть завязочки пришей.
(Мялка)

90.
Мать толста,
Дочь красна,
Сын синь,
Под небеса ушел.
(Печь, огонь и дым).

91.
Красная девушка
По небу ходит.
(Солнце)

92.
Кумово мотовило
Под небеса уходило.
(Дым)

93.
Поле не меряно,
Овцы не считаны,
Пастух рогатый.
(Звезды и месяц)

94.
Седой старик
Кусковьем набит...
(Овин)

95.
Стоит ларчик
Средь избы
В ларчике есть плат
В плате золото.
(Изба, печь, чело, жар)

96.
Погляжу в окошко,
Стоит репы лукошко.
Выгляну в окошко —
Полно репы лукошко.
(Небо и звезды)

97.
Батюшка — татер,
Матушка — ладья,
Сынки — хватки,
Дочушки — полизушки.
(Овин, ладонь, цеп, метла).

98.
Старая Варвара
Да сухой Матвей
Привязался к ней
И теперь у ней.
(Печь и голбец)

99.
Вся дорожка
Осыпана горошком.
(Звезды на небе)

100.
Ниже верху,
Выше печи
Преет плечи.
(Полати)

101.
Разсыпался костер,
Никому не собрать:
Ни попам,
Ни дьякам,
Ни серебреникам.
(Щепанье лучины).

102.

Криво, лукаво,
Куда побежало?
Зелено, кудряво,
Тебя стерегу.
(Городьба и озимь)

103.
Стоит Ермошка
На одной ножке,
Крошит крошонки
Ни себе, ни жене,
Ни добрым людям.
(Светец)

104.
Весь мир подпоясан,
Один староста распоясан.
(Снопы и овин)

105.
Шли козлы по мосту,
Увидели зорю.
Попрятались в воду.
(Звезды)

106.
Режут меня,
Вяжут меня,
Бьют нещадно,
Колесуют — пройду
Огонь и воду,
И конец мой —
Нож и зубы.
(Хлеб)

107.
Стоит Тимошка
На одной ножке,
Крошенину крошит.
(Светец)

108.
По утру с сажень,
В полдень
С пядень
А к вечеру

Через поле хватает.
(Тень)

109.
Большой брат
Меньшаго не догонит.
(Колеса)

110.
Красненький котик
По шестику ходит.
(Горящая лучина)

111.
Побегушки бегут,
Поползушки ползут.
(Сани едут)

112.
Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.
Пора придет,
Сама уйдет.
(Тень)

113.
Утром смеется,
А вечером слезы текут.
(Свеча)

114.
Стоит город,
В городу 12 башен,
Из каждой башни
По 4 окошка,
Из каждого окошка
По семи выстрелов.
(Год)

115.
Родился не крестился,
А Христа на себе носил.
(Осел)

116.
Яко дуб,
Яко плен,
Яко платье на нем,
Яко писанная,
Яко разрисованная.
(Икона)

117.
Лежит колода
Поперек дороги,
В колоде 12 гнезд,
В гнезде по 4 яичка,
В яичке по семи зародышков,
Что выйдет?
(Год)

118.
Стоит Никола
В полуподгорье,
Копьем оперся,
Камкой уплелся.
(Накрытый стол)

119.
Выросло дерево
От земли до неба,
На этом дереве

12 сучков,
На каждом сучке
По 4 кошеля,
В каждом кошеле
По семи яиц,
А седьмое красное.
(Год)

120.
Встану рано,
Пойду к барану,
К широкой бороде,
К пустой (толстой) голове.
(Рукомойка и полотенце)

121.
Стоит столп,
На столпе 12 гнезд,
В гнезде по 4 чирка,
В чирке по 7 яиц.
(Год)

122.
По горам, горам,
Ходит шуба
Да кафтан.
(Овца)

123.
Висится, болтается,
Всяк за него хватается.
(Полотенце)

124.
Стучит,
Гремит,
Вертится,
Страху Божьяго
Не боится;
Считает наш век,
А не человек.
(Стенные часы)

125.
Белы хоромы,
Красны подпоры.
(Гусь)

126.
365 галок,
52 сокола,
12 орлов,
Сосенка золотая,
Маковка сухая.
(Год)

127.
Что всегда ходит?
А с места не сходит?
(Стенные часы)

128.
На полу гудок,
По лавке гудок
Погудивши гудок
Сел в уголок.
(Голик)

129.
Маленький Трофимчик
Скочил через овинчик.
(Голик)

130.
Черная корова
Весь мир поборола.
(Ночь)

131.
Не велик мужичок
Ножки жиденьки;
Подпоясан коротенько,
А по избе пойдет —
Так пыль столбом.
(Голик)

132.
Днем курица ребрится,
К ночи в угол садится.
(Голик)

133.
Царица клюковица
По полю скакала,
Красно золото зобала.
Пришел царь Космач
И говорит: Бог помочь,
Царица клюковица,
Красно золото зобать!
Она говорит:
Молчи, ты царь Космач:
И тебе то же будет.
(Кочерга и помело)

134.
Сестра к брату
В гости идет,
А он от сестры
Прячется (или пятится).
(День и ночь)

135.
Лапочек пучок,
Утром в огоньке,
Ночью в уголке.
(Помело)

136.
Был я на копанце;
Был я на хлопанце;
Был я на пожаре,
Был я на базаре;
Молод был
Людей кормил,
Стар стал
Пеленаться стал,
Умер — мои кости негодящия
Бросили в ямку
И собаки гложут.
(Горшок)

137.
Поднять можно
А через избу
Перекинуть нельзя.
(Пух)

138.
Был я копан,
Был я топтан,
Был я на пожаре,
Был я на кружале,
Сто голов кормил
Сделался стар —
Пеленаться стал;
Выбросили за окно
И собакам не надобно.
(Горшок)

139.
Живет без тела,
Говорит без языка,
Плачет без души,
Смеется без радости;
Никто его не видит,
А всяк слышит.
(Отголосок)

140.
Родился — вился;
Жил — мучился;
Пал — убился;
Нет ему ни отпеванья,
Ни погребенья.
(Горшок)

141.
Два рога,
А не бык,
Шесть ног
Без копыт.
(Рак)

142.
Без рук,
Без ног,
А ворота отворяет.
(Ветер)

143.
Млад я был
Много душ кормил,
Стар я стал
Пеленаться стал.
Умер без погребенья,
Без поминовенья.
(Горшок)

144.
Отцова сундука
Не подымешь,
Матушкина столечника
Не скатаешь,
Братнина коня
Не обуздаешь.
(Земля, снег, ветер)

145.
Жил-был
Много душ кормил,
Умер — ни погребенья,
Ни поминовенья.
(Горшок)

146.
Дом шумит,
Хозяева молчат;
Пришли люди,
Хозяев забрали,
Дом в окошки ушел.
(Рыба, невод)

147.
Был ребенок —
Не знал пеленок;
Стар стал —
Пеленаться стал.
(Горшок)

148.
Есть крылья —
Не летает;

Ног нет,
А не догонишь.
(Рыба)

149.
Умер Дороня;
Никто его не хороня;
Вынесли на улицу —
Ни собаки не едят,
Ни вороны не клюют.
(Горшок)

150.
Тур ходит
По горам,
Турица-то
По долам,
Тур свистнет,
Турица-то
Мигнет.
(Гроза)

151.
Летит птица
Крутоносенькая,
Несет тафту
Крутожелтенькую.
Еще та тафта
Ко Христу угодна.
(Пчела)

152.
Раскатился черкас
Никому его не склеить:
Ни попу,
Ни дьяку,
Ни серебренику.
(Горшок)

153.
Взят от земли яко же Адам;
Ввержен в пещь огненную, яко три отрока;
Взят от пещи и возложен на колесницу, яко Илия;
Везен бысть на торжище яко же Иосиф;
Ставлен на лобное место
И биен по главе яко же Иисус;
Возопи велием гласом
И на глас его приде некая жена,
Яко же Мария Магдалина
И, купивши его за медницу, принесе домой,
Но расплакася по своей матери, умре
И доныне его кости лежат не погребены.
(Горшок)

154.
В темной темнице
Красны девицы,
Без нитки,
Без спицы (иглы)
Вяжут вязеницы.
(Пчелы в улье)

155.
Гроб плывет,
Мертвец ревет,

Ладан пышет,
Свечи горят.
(Туча, гром, молния)

156.
Сидит баба на полке,
Считает балаболки;
Полка хлоп,
Бабе в лоб.
(Горшок)

157.
Пала мати с печи,
Говорила сыну речи:
Сходи, сын, в лес
Выруби мне жилу,
Чтоб я два века жила.
(Молостов)

158.
Черный кот
Феклу трет;
Фекла дурит:
Поприбавить велит.
(Сковорода и сковородник)

159.
До неба достанет,
А от земли не видать.
(Дождь)

160.
Точим скатерти браныя,
Ставим яства сахарныя,
Людям на потребу,
Богу в угоду.
(Пчелы)

161.
В лесу тяп, тяп, тяп;
Дома ляп, ляп, ляп,
Около: тпруценька.
В середке: тпру!
(Решето)

162.
Сидит девица
В темной темнице,
Вяжет узор,
Ни петлей,
Ни узлом.
(Пчела)

163.
Чудо чудом:
Сошлось кругом,
Дыр много,
А выскочить некуда.
(Решето)

164.
Без души родился,
Народу пригодился;
Дам пить — пьет,
Попрошу — отдает.
(Бочонок)

165.
Грядка — воронец,
Татарский жеребец,
По берегу рыщет,
Гужища ищет,
Задавиться хочет.
(Ушат)

166.
Мостится мост
Без досок,
Без топора,
Без клина.
(Лед)

167.
Ни зверь,
Ни птица,
А нос
Как спица.
(Комар)

168.
Двое купаются,
Третий валяется;
Двое вышло,
Третье повисло.
(Ведра и коромысло)

169.
Без рук,
Без ног
На бабу скок.
(Коромысло)

170.
Полно корыто
Голубок нарыто;
Голубки клевали,
Носки замарали,
Людей напитали.
(Чашка и ложки)

171.
Церковка,
Соловейковка,
Никто ее не гладит.
Сама гладка.
(Бутылка)

172.
В брюхе — баня,
В носу решето;
На голове — пупок,
Всего одна рука,
И та — на спине.
(Чайник)

173.
Ходит Хам по базару,
Хвастается дубиною:
«Ах! У меня дубина
Золотая, маковка увитая».
(Безмен)

174.
Ни плеть плетена,
Ни везь везена,
Ни узлы знать
И не развязать.
(Цепь)

175.
Тараска спит,
А таратайка гуторит.
(Опара)

176.
С вечера заеркалось,
К полуночи задергалось,
К утру конец устал
И ходить перестал.

(Тесто месят)

177.
Сама сёма во кругу,
Шевельнуться не могу:
На руках кандалы,
Ноги распростерты.
(Квашня с опарой)

178.
Вымету я вымету
Чистое поле,
Загоню я загоню
Белаго скота.
(Хлеба в печи)

179.
Летит — воет,
А сядет — землю роет.
(Жук)

180.
Комовато,
Ноздревато,
И губато,
И горбато,
И тяскло,
И кисло,
И пресно,
И вкусно,
И красно,
И кругло (и грузно),
И легко,
И мягко,
И твердо,
И ломко,
И черно,
И бело,
И всем людям
Мило.
(Каравай)

181.
Пришли мужички
Без топоров,
Срубили избу
Без углов.
(Муравьи)

182.
Разсыпался стакашек
По медненьком,
По серебреньком,
По всем городам,
Никто его не соберет.
(Крошки хлеба)

183.
Сечка сечет,
Деревянка везет,
Мартын поворачивает.
(Еда)

184.
Деревяшка везет,
Сечка сечет,
Сам Роман
Поворачивает.
(Еда)

185.
Черна, мала крошка;
Соберут немножко,
В воде поварят —

Ребята съедят.
(Каша)

186.
Возьму пыльно,
Сделаю жидко;
Брошу в пламень —
Будет как камень.
(Пирог)

187.
На плешь
Капнешь,
Ставишь —
Попаришь;
Вынешь —
Поправишь.
(Блины)

188.
Не брусница,
Не клюква,
Не репа,
Не брюква,
Не семенем садилась,
А так уродилась —
В великий сочельник,
В Петров понедельник.
Хлебу замена,
Грибам перемена.
(Волнуха)

189.

Заря зарница,
Ключи потеряла,
Месяц пошел —
Не нашел,
Солнце взошло, —
Ключи нашло.
(Роса)

190.
Разница между каретой и деревней?
(Карету заложат да поедут, а деревню поедут да и заложат).

191.
Не сеяно,
Не молочено,
В воду обмачено,
Камнем пригнетено,
К зиме приблюдено.
(Волнуха)

192.
Под ледком, ледком
Стоит чашечка с медком.
(Яйца)

193.
Стоит море
На пяти столбах;
Царь-то говорит:
«Потеха моя!»
А царица говорит:
«Погибель моя!»
(Стакан с вином)

194.
Черненько,
Горяченько,

А все любят.
(Чай)

195.
Заганyть ли те загадку,
Перекинуть через грядку,
Через тын,
Через плетень,
Через барский двор?
(Гребень и мочка)

196.
Четыре сестренки,
Четыре родных
Одной опоясочкой
Опоясались.
(Мотовило)

197.
Грудью то трет,
Ногою упрет,
А рукой швыряет —
Стук, да стук.
(Тканье)

198.
Бежит свинка
Железная спинка,
Льняной хвостик.
(Игла с ниткой)

199.
Вокруг носу вьется,
А в руки не дается.
(Запах)

200.
Я не сам по себе,
А сильнее всего
И страшнее всего,
И все любят меня,
И все губят меня.
(Огонь)

201.
Зверок
С вершок,
А хвост —
Семь верст.
(Игла с ниткой)

202.
Тычу, потычу,
Ночью не вижу,
Давай-ка, невестка,
Днем попытаемся.
(Нитку вдевают)

203.
Пятеро держат,
Да пятеро пихают;
Двое примечают
Ладно ли пихают.
(Нитку вдевают)

204.
Два конца,
Два кольца,
В серединке гвоздь,
Повертывай небось!
(Ножницы)

205.
Собой не однака,
А нужна одинако
Младенцу и мертвецу
И доброму молодцу.
(Рубашка)

206.
Идет Егор
С высоких гор,
Ковром покрыт,
Скобой прибит.
(Подснежная вода)

207.
У одного потолще,
У другаго потоньше
Всегда при себе.
(Рубашка)

208.
Суну — встанет,
Вытащу — повянет.
(Рукав)

209.
Днем, как обруч,
Ночью как уж;
Кто отгадает —
Будет мой муж.
(Пояс)

210.
Парень молодой,
Праздник годовой —
Ходит, вздыхает,
Глубоко пихает. (Сапоги)

211.
Гола Матрена
Для всех страшна,
А лубком покрыта
Для всех ходка.
(Замерзлая река)

212.
Еду, еду —
Следу нету. (Вода)

213.
Праздник годовой,
Молодчик молодой
Надевает бело,
Сует черно;
Праздник пройдет —
Назад возьмет.
(Сапоги)

214.
Распущу хохлушку,
Всуну голышка.
(Рукавицы)

215.
Режу, режу —
Крови нету.
(Хлеб)

216.
Шарю я пошарю,
Дошарю до правды,
На правде дыра,
На дыре хохол,
Всунул да пошел.
(Рукавицы)

217.
Разойму мохнушку
Воткну голыша.
(Рукавицы)

218.
Шумит, хохочет,
На девку хочет.
(Сарафан)

219.
Шумит, хлопочет,
На девушку хочет.
(Сарафан)

220.
Красный бес
На девку влез.
(Сарафан)

221.
Что под подолом.
(Подшивка)

222.
У молоденькой молодки
Под хвостом светло.
(Кичка)

223.
На бабе вспотела
На девушку захотела.
(Кичка)

224.
Мал малышка,
Золота кубышка,
Ни зверь, ни птица,
Ни вода, ни масло.
(Серьга)

225.
Под лесом, лесом,
Колья с весом.
(Серьга)

226.
То — сто вито сто,
Перевито сто;
Кто сто отганет
Тому сто рублей,
Кто не отганет;
Тому сто плетей.
(Бусы)

227.
Стоит девка на горе
Да дивуется дыре:
— свет моя дыра,
дыра золотая,
куда тебя дети?
— На живое мясо вздети.
(Кольцо)

228.
Чем больше ешь,
Тем больше остается.
(Раки и орехи)

229.
Шли две девицы,
Купили по дырице,
Вздели на сырое мясо.
(Кольцо)

230.
В лес идет —
Из лесу глядит;
Из лесу идет —
В лес глядит.
(Котомка)

231.

Стоит Варвара
Не ниже амбара,
Клонится —
Не переломится.
(Очеп)

232.
Лежа на боку,
С берега в реку
Пупом старуха
Воду цедит.
(Бочка)

233.
Шуба то нова
Да на подоле дыра.
(Бочка)

234.
Сидит старуха
О семи кожухах;
Кто ее потронет —
Сам заплачет.
(Луковица и лук)

235.
Поле поливанское,
Много скота ивановскаго,
Один пастырь
И два яхонта.
(Небо, звезды, Бог, луна с солнцем)

236.
Шароватый,
Кудреватый,
На макушке
Плешь,
На здоровье
Съешь.
(Качан капусты)

237.
По льду, льду
Заиграю в пикульду;
Стоит на льду
Цела церковь людей.
(Огурец)

238.
Как шли казаки
Из Азова;
На встречу казакам
Стары бабы;
Казаки то им
Загадку загадали;
Загадали, наши други,
Загадали!
«А что таково
В саду зелено,
Собой красно,
С конца востро,
В землю вросло?
Отгадайте, наши други,
Отгадайте?»

Стары бабы
Им загадки
Не отгадали,
Не отгадали, наши други,
Не отгадали!
Как шли казаки
Из Азова,
На встречу казакам
Красны девки;
Казаки то им
Загадку загадали:
«А что таково
В саду зелено,
Собой красно,
С конца востро,
В землю вросло?
Отгадайте, наши други,
Отгадайте!»
Красны девки
Им загадку
Отгадали:
(— Это свекла)

239.
Не шатай меня, мужик,
Не валяй меня, мужик,
Лучше стань на меня,
Ты напачкайся,
Наворачкайся
Сколько можешь,
Сколько хочешь,
Сколько душенька свяжет.
(Черемуха)

240.
Маленький,
Удаленький
В землю ушел,
Красну шапочку нашел.
(Маков цвет)

241.
Цветет, без цвету
(Папоротник).
Стоит без ответу
(Конь).
Без коренья
(Камень).
Выше лесу
(Светел месяц).
Чаще рощи
(Часты звезды).
Без умолку
(Река).
Без перемены
(Воля Божья).

242.
Кто мост мостит,
Без ножа,
Без топора,
Без клиньев,
Без подклинков?
(Лед)

243.
Маленькая крошка
Сквозь землю прошла,
Красну шапочку нашла.
(Маков цвет)

244.
Стоит сто столбов,
У ста столбов сто Кольцов,

У ста колец — сто коней,
У ста коней — по сту узд,
У ста узд — по сту кистей,
У ста кистей — сто вестей.
(Хмель)

245.
Два братца
В воду глядятся,
Век не сойдутся.
(Река и берега)

246.
Стоит дуб
Стародуб
На том дубе
Стародубе
Сидит птица,
Веретеница;
Никто ее не поймает:
Ни царь,
Ни царица,
Ни красна девица.
(Небеса и солнце)

247.
Весной растет,
Летом вьется,
Осенью цветет,
Зимой в дело идет.
(Хмель)

248.
Без огня горит,
Без крыл летит,
Без ног бежит.
(Солнце, тучи, реки)

249.
Один говорит:
«Побежим, побежим»,
Другой говорит:
«Постоим, постоим»;
Третий говорит:
«Пошатаемся, пошатаемся».
(Вода, берег, трава)

250.
Ноги — на морозе,
Кишки — на дереве,
Голова — на свадьбе.
(Хмель)

251.
Четыре ходаста,
Два бодаста,
Один хлебестун.
(Корова)

252.
Четыре девицы
В одну кринку плюют.
(Вымя)

253.
Стоит добро;
В то добро
Зашло добро;
Я взял добро,
Да добром добро
Из добра выгнал вон.
(Корова во ржи)

254.
Четыре четырки,

Две растопырки,
Один вертун,
Да два яхонта (яхруса).
(Кошка)

255.
Под полом полом
Ходит барыня с колом
Ищет барыню с хвостом.
(Кошка)

256.
Бежит Наташка
В семидесяти рубашках,
Ветер дунет и тело голо.
(Курица)

257.
Стоит Перьян город;
В Перьяне — белый град;
В Белом граде — воску брать.
(Курица и яйцо)

258.
Плот плывет,
Поп поет;
Ладан пышет,
Свечи горят.
(Телега и лошадь)

259.
Кленовыя ноги
Ходим по дороге;
Больши ноги носили,
Людей кормили.
(Полозья)

260.
Что с ушами и языком,
А ничего не слышит и не понимает.
(Колокол и звон)

261.
Белый лебедь
На яйцах сидит.
(Поля, покрытыя снегом)

262.
За уши повесили,
За язык подергали.
(Колокол и звон)

263.
На поле полище
Стоит теремище,
В том теремище
Сусло и масло,
Скорбось и бодрось, и весель
И смерть не далеко.
(Кабак)

264.
Суну, посуну,
Делаю посуду;
Высуну — поколочу,
И всю вызолочу.
(Ковка)

265.
За язык подергают,
За уши повесят —
Станет говорить.
(Колокол и звон)

266.
Летел перхол,
Кафтан без пол,
Лег — шейку протянул,
В щелку заглянул.
(Вьюга)

267.
Взойду я на горь-горь-горь,
Ударю я в бом-бом-бом,
Утешу царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в кельи,
Младенца в зыбке,
Красну девицу
В высоком терему.
(Колокол и звон)

268.
Стучит, гремит
По улице весь век,
А не человек.
(Мельница)

269.
А што, бате бате
Старище Елизарище
Куплется и похваляется:
Есть у меня калина — дубина
С двух концов свинцом налита.
(Мельничный вал)

270.
Криво да мимо
Куда побежало?
Зелено — лукаво,
Тебя стеречи!
(Околица и поле)

271.
По рублю ступает,
Рубль подымает.
На полтину глядит,
Сто рублей говорит.
(Знахарь)

272.
Летит птица павица,
Села на лавицу,
Распустила перья —
Всякаго зелья.
(Разнощик)

273.
Баба яга —
Поротая нога.
(Соха)

274.
Поле обойдет
И в житницу уйдет.
(Серп)

275.
Травы поем —
Зубы притуплю;
Песку хвачу,ь —
Опять навострю.
(Коса)

276.
Над головой крутится,
В руках вертится,

Стучит и гремит,
Ничего не говорит. (Цеп)

277.
Посередь толсто,
С конца востро.
(Носило)

278.
Заброшу за грядку,
Год пушицу,
Годовик сниму.
(Сеют)

279.
Щука вертуха
Хвостом вернула:
Все леса пали,
Стали горами.
(Косят)

280.
По какой дороге
Полгода ездят,
Да полгода ходят?
(По реке)

281.
Щука — белуга
Хвостом мигнула,
Леса-то пали,
Горы встали.
(Косят)

282.
Туты на туты,
На тутовой горе
Все туты избиты,
Головы обриты,
Ножи в головах.
(Бабка снопов и серпы)

283.
Шел мимо двора поповскаго,
Видал дело таковское:
Головы разбиты,
А брюха распороты.
(Молотят)

284.
Малы малышки
Катали катышки,
Сквозь землю прошли,
По тышне всползли,
Синю матку нашли,
Синя, синя, да и вишневая!
(Горох)

285.
Стоит дом,
Без окон, дверей,
А полон людей.
(Стручок)

286.
Криво — лукаво
К лесу бежало;
Зелено — кудряво
Спрашивало:
«Криво — лукаво!
Куда побежало?
— Зелено — кудряво,
Тебя стеречи».
(Изгородь в поле)

287.
Лежит брус
Во всю Русь;
Если бы руки да ноги —
То бы встал,
Да и до неба достал;
А если бы рот да глаза,
То все разсказал.
(Дорога)

288.
Выходила я на горушку,
Убивала телушку,
Кожу на земь бросала,
Мясом печку топила,
Салом лакомилась.
(Сосновая мезга)

289.
Не бей меня,
Не ломи меня;
Лезь на меня;
Есть у меня.
(Кедр)

290.
Стоит туго,
Висит слабко,
Кругом гладко;
В середке — сласть,
На эту сласть
У всех есть снасть.
(Орех)

291.
Сам иду и оне идут;
Сам стою и оне стоят,
Стану кормить — не едят.
(Лыжи)

292.
Летела тетеря
Вечером — не теперя,
Упала в лебеду,
И теперь не найду.
(Пуля)

293.
Кругом пуза воет,
А вдоль дорога идет.
(Улей и пчелы)

294.
Что это за тварь:
Всех людей питает
И в церкви освещает.
(Пчела)

295.
Косо — непрямо! Чего ты стоишь?
— Зелено-кудряво! Тебя стерегу!
Ах ты стрижено! Что тебе нужно?
(Изгородь в поле)

296.
Ася
Разлеглася;
Кабы встала —
Небо достала;
Кабы руки — вора связала;
Кабы ноги — коня догнала;

Кабы глаза — увидала,
Кабы язык — разсказала.
(Дорога)

297.
Пан Панович
Упал в колодец,
Воды не смутил
И сам не потонул.
(Лист)

298.
Пойду я в Ухту,
Найду я валухту;
Кабы не кубыхта —
Так не быть бы живому.
(Лес, зверь и ружье)

299.
Стоит изба безугольна,
Живут в ней люди безуемны.
(Улей и пчелы)

300.
Не море, не земля:
Корабли не плавают
И ходить нельзя.
(Болото)

301.
Живет не девка,
Не баба, не солдатка,
Не вдова и не мужняя жена;
Мужа у ней нет,
Греха не имеет,
А детей много.
(Пчела)

302.
Стоит град пуст,
А около града растет куст,
Из града идет старец,
Несет в руках ставец,
В ставце — взварец,
А во взварце-то сладость.
(Подрезка меда)

303.
Корова комола,
Лоб широк,
Глаза узеньки;
В стаде не пасется,
И в руки не дается.
(Медведь)

304.
Бурую корову
Дома не любят
И на базаре не берут.
(Мышь)

305.
Выходила княжня,
Из града подполея,
Спрашивала княжня
Царя Кукурея:
— Скажи мне царь Кукурей (Кутарей),
Где ваш царь Кесарей?
Отвечает ей царь Кукурей:
Се ваш царь кесарей
На каменных горах опочивает,
Силы свои собирает;
По утру будет ваш град воевати.

— О горе нам горевати!

Куда нам милых деточек подевати?

Разве живых в землю закопати?

(Мышь, петух и кот)

306.

У нас на лыжах
В подпольи лежит.
(Мышь)

307.

Бела как снег,
Зелена как лук,
Черна как жук,
Поет как бес (бык),
Повертка в лес.
(Сорока)

308.

Молодой конек,
За море ходок;
Спинка
Соболинка,
А брюшко беленькое.
(Ласточка)

309.

По земле ползет,
А к себе не подпускает.
(Змея)

310.

У красной девушки кушали господа; покушавши Богу помолились: «Благодарим тебя красная девица, за хлеб, за соль, просим к нам в гости!» Девица отвечает: «Я по земле не хожу, на небо не гляжу, гнезда не завожу, а детей вывожу».

(Рыба)

311.

Лежит брус
Во всю Русь,
А станет —
До неба достанет.
(Дорога)

312.

Под мостом, мостом
Сидит барыня с хвостом
Есть хочется,
А вылезть не хочется.
(Мышь)

313.

Летит птица горбата,
Наперед покляпа,
Поет громогласно,
Всему миру ужасно,
Кто ее убьет,
Кровь свою прольет.
(Комар)

314.

Маленький зверок,
Никто его не уймет:
Ни царь, ни царица,
Ни красная девица.
(Младенец)

315.
Маленький,
Удаленький,
Лосиный скок,
Звериный взгляд;
Пять братьев ловили
Да не изловили;
Два брата словили
Д и убили.
(Блошка)

316.
Поймал я коровку
В темных лесах:
Повел я коровку
Мимо Лобкова,
Мимо Бровкова,
Мимо Глазкова,
Мимо Носкова,
Мимо Щечкова,
Мимо Ушкова,
Мимо Роткова,
Мимо Губкова,
Мимо Бородкова,
Мимо Шейкова,
Мимо Грудкова,
Мимо Ручкова,
Мимо Плечкова;
Привел я коровку
На Ноготково,
Тут я коровку
И стал принимать.
(Вошь)

317.
Стоят вилы;
На вилах — бочка,
На бочке — махало,
На махале — качало,
На качале — зевало,
На зевале — сморкало,
На сморкале — мигало,
На мигале — роща,
В роще — свинка —
Золоты щетинки.
(Человек)

318.
Под полом
Под полистым
Лежит камень дыристый,
Не сохнет,
Не блекнет,
Не выветреет.
(Язык)

319.
Кабы встал,
Я бы до неба достал;
Кабы руки
Да ноги,
Я бы вора связал;
Кабы рот
Да глаза
Я бы все разсказал.
(Дорога)

320.
Ни печено,
Ни варено,
На блюде не бывано,
Ножом не рушено.
(Грудное молоко)

321.
Летом греет,
Зимой холодит.
(Солнце)

322.
За Бабиной избушкой
Висит хлеба краюшка,
Собаки лают,
А достать не могут.
(Месяц)

323.
Заря заряница,
Красная девица
Брата запирала,
По полю гуляла,
Ключи потеряла,
Месяц видел,
А солнце скрало.
(Роса)

324.
Тур ходит по горам,
Турица-то по долам,
Тур свистнет,
Турица-то мигнет.
(Гроза)

325.
Лежит брус через всю Русь;
Двенадцать гнездышек в нем;
В каждом гнезде по четыре
яичка. (Год)

326.
Что всегда ходит,
А с места не сходит.
(Солнце)

327.
В книге — шесть листов
Простых, седьмой золотой.
(Неделя)

328.
Пришел милый
Да и повалил силой.
(Сон)

329.
Без рук, без ног, без языка,
Никто его не видит,
Ничего не говорит,
Но каждаго страшит.
(Нечистый)

330.
В одном кармане
Вошь на аркане,
В другом блоха на цепи.
(Нищета)

331.
Люблю, полюблю,
Середь поля повалю,
Хоть грех, хоть два,
А смерть хочется.
(Сон)

332.
Ни дров, ни свечей,
Чем истопить печей,
В правом сочельник,

В левом чистый понедельник.
(Нищета)

333.
Ты еси велик,
Ты еси Филипп,
Ты еси Петр,
Ты еси Господь.
(Три поста и оспожинки)

334.
Певчики поют,
Ревчики ревут,
Сухо дерево несут;
В том дереву
Не пищит,
Не визжит,
Не шевельнется.
(Похороны)

335.
Из Живаго и Мертваго вынут,
Голову ему сымут,
Сердце вынут,
Дадут пить
Станет говорить.
(Гусиное перо)

336.
Семя плоско,
Поле гладко,
Кто умеет —
Тот и сеет.
Семя не выходит,
А плод приносит.
(Бумага и письмо)

337.
Без рук, без ног,
А везде бывало.
(Письмо)

338.
Сидит сова на корыте,
Не можно ее накормити
Ни попам, ни дьякам,
Ни пиром, ни миром,
Ни добрыми людьми,
Ни старостами?
(Смерть)

339.
Родился — не крестился,
Умер — не воскрес,
А Бог носил?
(Осел)

340.
Кто красен
После смерти?
(Рак)

341.
Стоит Трошка
На одной ножке,
Крошит крошенинку
Ни себе, ни людям.
(Светец)

342.
Умылся не так,
Нарядился не так,
Поехал не так,
Заехал в ухаб,

И не выехал никак.
(Покойник)

343.
Девица в темнице,
А коса на улице.
(Морковь)

344.
Сутул, горбат
Все поле перешел,
Все загоны перечел.
(Серп)

345.
Лежит дерево безпрутое,
На его летит птица безкрылая,
Приходит девица безротая
И съедает птицу безкрылую.
(Земля, снег и солнце)

346.
В лесе оно,
Не видать его,
А с лесом равно.
(Сердцевина в дереве)

ПОСЛОВИЦЫ

Дай Бог в добрый час сказать,
А в худой помолчать.

Встал не так, обулся не так,
Оболокся не так, вышел не так;
Сел не так и поехал не так;
Заехал в сугроб и не выехал никак.

«Кажется нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь русскаго народа, со всеми ея проявлениями, — говорит И. Снегирев, — как в пословицах, в кои облекаются его дух, ум и характер. Летучее слово — продолжает тот же автор, — проникнутое и одухотворенное живущей мыслию, получает самобытность и вековечность. Все минется, — говорит в заключение автор, — одна правда останется».

А

Артель атаманом крепка.
Аптека улечит на полвека.
Адамовы лета с начала света.
Аминем беса не отбудешь.
Александр храбр, а от худова умер.
Аминь, да не ходи один.
Азия Африки честняе, Август Марта тепляе.
Аршин дубовой, а нить вязова.
Аминь тому делу.
Алтыном воюют, без алтына горюют.
Адам Евы послушал, да яблоко скушал.
Ад сотворен, и Адам водружен.
Ай, ай, месяц Май; тепл да холоден.

Аптекам предаться, деньгами не жаться.

Аще за друга ругаешь, другу душу свою полагаешь.

Аще бы не Бог, кто бы нам помог.

Ангел в правде помогает, а бес с лжею подстрекает.

Б

Баба бредит, чорт ли ей верит.

Баба скачет задом и передом, а дело идет свои чередом.

Бабушка походит, всему делу пособит.

Барыш с накладом на одних санях ездят.

Бездонной кадки водой не наполнишь.

Безпечальному сон сладок.

Баба ворожила, да головой наложила.

Бог — что захочет, человек — что сможет.

Были веселы, да головушки повесили.

Будет путь — да долго ждать; а к осени беречь — волк бы не съел.

Беда вымучит, беда и выучит. Что вымучит, то и выучит. Что мучит, то и учит.

Был бы друг, найдем и досуг.

Без масла каша не вкусна.

Быть было беде, да случились деньги при бедре.

Без добраго дела и воды моей не пей.

Бери весь деготь, батюшка придет, — вина навезет.

Баба на Новгород три года сердилась, а великой про то не знал —не ведал.

Богоданна матушка — что ладожко бурливое.

Бывало людей выручаю, а теперь сам погибаю.

Беда идет, беду везет, а третья погоняет.

Береза не угроза: где стоит, там и шумит.

Быть бычку на веревочке.

Брови нависли — злоба на мысли.

Бабья вранья и на свинье не объедешь.

Без плачу у бабы дело не спорится.

Баба что мешок: что положишь, то и несет.

Бабьи слезы, чем больше унимаешь, тем хуже.

Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки (т. е. некому оберегать).

Был у меня муж Иван, не приведи Бог и вам.

В

Воля спаси и неволя спаси.

Вор ворует, а богат не живет.

Всего, что по воде плывет, не переловишь.

Вор слезлив, а плут богомолен.

Время переходчиво, да злы не объедчиво.

Все купишь: только отца с матерью не купишь.

Врешь, да не в одно слово.

Воровская копейка не в прок.

Ври дурак, что хочешь, с врак пошлин не берут.

Все пройдет, как огнем прожжет.

Встанешь поранее, шагнешь подалее.

Всякая козявка, да хочет быть букашкой.

В долг давать — под гору метать, а в долг брать — с земли поднимать.

Всякой всячины напячено.

Всякую ложь к себе приложь.

Все други, все приятели до чернаго лишь дня.

Всяк заговеется, да не всяк разговеется.

В Воскресенье орешь, а в Понедельник кобылы ищешь.

В Москве даром ничего не дают.

В людях хорошо, а дома еще лучше.

В господина жить — и прожить.

В чужую душу не влезешь.

В селе не без бабы.

Всякой кулик на своем месте велик.

В Москве рубят, в Питер стружки летят.

Всякой дурак красному рад.

Встал не так, обулся не так, оболокся не так, и поехал не так; заехал в сугроб и не выехать никак.

Всякой за себя, а Бог за всех.

В одной берлоге два медведя не живут.

В одно перо и птица не родится.

В одном кармане сочельник, в другом Иван постник.

В час доброе слово сказать, а худое помолчать.

Вынесет наш, а не вынесет Божий.

Врал до обеда, да и к ужину оставил.

В старину бывало собака с волком живала.

Все на свете корытом покрыто.

Все минется, одна правда останется.

Веру к делу применяй, а дело к вере.

В ком есть страх, в том есть и Бог.

В ком есть стыд, в том и совесть.

Выношенная шуба не греет.

Во всякой избушке свои поскрыпушки.

Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь.

Век изжить — не рукой махнуть.

Взялся за гуж — не говори, что не дюж!

Воеводою быть — без меду не жить.

Воду пей, остатки не лей: остатки сладки — пойдут на добавки.

Верующему умереть — одежду продать.

В болоте тихо, да жить там лихо.

В девках — приторно, замужем — натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде.

Вдову взять — спокойнее спать.

Во хмелю, что хошь намелю, а проснусь отопрусь.

Высоко поднял, да низко опустил.

Г

Где грозно, там и розно.

Где день, где ночь, лишь бы сутки прочь.

Где народ увидит, там и Бог услышит.

Голова без ума — шалюга.

Грех не по лесу ходит, а по людям.

Говори учтиво — выслушают правду.

Где грозно, там и хлебно.

Где куснет, там и зачешется.

Голова — всему начало.

Грех пополам.

Грех с орех, ядро с ведро.

Горе от Бога, а неправда от дьявола.

Глаза золотом запорошат — ничего не увидишь.

Горох в поле, да девка в доме — завидное дело: кто не пройдет — тот щипнет.

Глядит в бок, а говорит в сторону.

Д

Дай в долг, а порукой-то волк.

Девять раз отмерь, а однажды отрежь.

Два дурака дерутся, а третий смотрит.

Дай в окно, а Бог даст в подворотню.

Дела, дела — как сажа бела.

До неба высоко, до царя далеко.

Дика собака — на ветер лает.

Дай Бог в добрый час сказать, а в худой промолчать.

День с иглою, а ночь с удою.

Деньга за живот, так и старуха живет.

Дай Бог с молодости глодать кости, а под старость жевать мягкое.

Дела не делай, а от дела не бегай.

Для друга — нет круга.

Драчливый петух жирен не бывает.

Дураку — дурацкая честь.

Дай Бог роток — даст и кусок.

Деньги — дело нажитое.

Дурак родится — Богу печаль.

Для грешника нет праздника.

Дуракам Бог опекун.

Дурака крести, а он кричит: в воду пусти!

Доброму вору все в пору.

Дешево покупает, да домой не носит.
Девушки по участи, ягоды по станице.
Деревья скоро садятся, да не скоро с них плоды едят.
Добро тому врать, кто за морем бывал.
Дальше в лес — больше дров.
Дальние проводы — лишния слезы.
День долог, а век короток.
Дают — бери, а бьют — беги.
Добраго не бегай, а худого не делай.

Е

Ерема, Ерема! Сиди дома: хоть не бай, да детей качай.
Есть привычка, есть и отвычка.
Если бы знал, где упадешь, подостлал бы соломки.
Если бы не Бог, кто бы нам помог.
Есть в мошне, будет и в квашне.
Есть молоко, да достать далеко.
Если посеять в дождь — то урожай.
Если бы на топоре не плена, не та бы топору цена.
Если бы не плешь — то не было бы голо.
Егорий с кузовом, а Никола с возом.
Если бы твоими устами да мед пить.
Егорий — с водой, а Никола — с травой.
Если не поп — не суйся в ризы.
Един Бог без греха.
Егорий с ношей, а Никола с возом.
Ерш бы в ухе, да лещ в пироге.
Еловым веником не парятся.
Есть пиво — пьем, а нет его — ждем.
Есть пирожок, есть и дружок.
Есть что слушать, да нечего кушать.
Ежели б на горох не мороз, давно б через тын перерос.
Есть рубль, есть и ум.

Ж

Животное с земли подбирает, а худой человек карманы обчищает.

Жизнь пережить, не поле перейти.

Живот животы дает, а смерть все отберет.

Жизнь дана на добрыя дела.

Жизнь на нитке, а думает о прибытке.

Женился, как на льду обломился.

Живет, не тужит, а никому не служит.

Живот без хлеба не проживет.

Живи не скупися, да с друзьями веселися.

Живи смирнее, так всем будешь милее.

Живи просто, проживешь лет до ста.

Живи тихо, да избывай лихо.

Жил в неге, а ездил в телеге.

Жил бы хорошенько, да денег маленько.

З

Захочет кобылка овса, так вывезет на гору.

Золотой молоток и железные двери отворяет.

Заработанный ломоть лучше краденнаго каравая.

Злому человеку не прибавит Бог веку.

Зацепил — потащил, а сорвалось — не ко двору пришлось.

За ножку, да об сошку.

Заложил пару сапожнаго товару.

Замужество — что жребий: кто что вытащит.

Злаго любить — себя избить.

Злато не говорит, да много творит.

Зелен виноград не сладок, а млад человек не крепок.

Злая жена сведет мужа с ума.

Земля любит навоз; лошадь — овес, а воевода принос.

Знает и крестьянин, что поп не боярин.

Знает кошка, чье мясо съела.

И

И крылья есть, да некуда лететь.
И смирен пень, да что в нем?
Идет воевать, а не хочет сабли вынимать.
И бездомник не без домовища.
И в Иерусалиме собаки есть.
Иной любит попа, иной — попадью, а иной — попову дочку.
И не в лад, да ладно.
Из большаго не выпадет.
Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь.
Излишнее обхожденье рождает уничтоженье.
Иду мимо, а не зайду где не мило.
Избалуется овца не хуже козы.
И зубы есть, да нечего есть.
Из грязи да посажен в князи.
Из песни слова не выкинешь.
Или сена клок, или вилы в бок.

К

Красна не жир, а пирушка не пир.
Кто без дела божится — на того нельзя положиться.
Кто хвалится — тот с горы свалится.
Каков уродился — таков и пригодился.
Кумовство да сватовство — ближнее родство.
Кумиться — кумитесь, да не подеритесь.
Кто много спит, тот и денег не копит.
Как не путай, а Божья воля распутает.
Кто от рук отмотался, тот и прав остался.
Которая рука крест кладет, та и нож точит.
Кто не богат, тот и алтыну рад.
Кто на Бога уповает, тот никогда не унывает.
Кто на море бывал, тот и страх видал.

Кто на молодой хочет жениться, тому с холостыми не надобно водиться.

Кто не желает власти, на того не приходят и напасти.

Л

Людской задор — что вострый топор: не думает — рубит.

Ленивому всегда праздник.

Ловит волк роковую овцу.

Лишь бы пилось да елось, а дело на ум не шло.

Любовь не пожар, а загорится — не потушишь.

Любовь кольцо, а кольца нет конца.

Любви, огня да кашля — от людей не спрячешь.

Любишь ездить — люби и саночки возить.

Лет семи — достатки сам смотри.

Лучше сто раз смолчи, а один не оболги.

Лихо помнится, а добро не забудется.

Лицом хорош, а душою не пригож.

Личиком беленька, да ума маленько.

Лихо избудешь — всю кручину забудешь.

М

Мысли, но не вымышляй: знай разницу!

Муж по дрова, а жена со двора.

Муж пьет, а жена горшки бьет.

Муж клином, баба блином, а доймет.

Матушкин сынок — а батюшкин горбок (т. е. негодный)

Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила — домой принесла.

Молодость не грех, а и старость не смех.

Мужик деревенский, что петух индейский.

Муж в бедах, а жена в гостях.

Муж да жена — одна сатана.

Муж жену бьет, а жена свое поет.
Мужик богатый, что бык рогатый.
Мысль за горами, а смерть за плечами.
Метил в ворону, а попал в корову.
Молчанье лучше пустаго болтанья.

Н

Не чихни ненароком: люди скажут — с пороком.
Не всяк успех себе ладит, кто другим гадит.
Не оставляй на завтра дела, а оставляй хлеба.
На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай, да свой приспевай.
На чужой роток не накинешь платок.
Не то хорошо — что хорошо, а кому что нравится.
Не любо — не слушай, а врать не мешай.
Не слушал начала, так жди конца.
На беднаго Макара все шишки летят.
На то и щука в море, чтоб карась не дремал.
Нашему козырю все в масть.
Не умел шить золотом, так бей молотом.
На людях и смерть красна.
Не радуйся нашедши, не тужи потерявши.

О

Один в поле не воин.
Одного полюбишь — про других забудешь.
От людей утаишь — от Бога не скроешь.
Отца с матерью кормить — старый долг платить.
Обмануть не хитро, обмануться — того легче.
Одной рукой собирай, другой раздавай.
От солнца свет, от ума просвещенье.
Охота пуще неволи.

Одна слеза катилась, другая воротилась.
От добра — добра не ищут.
От напасти не пропасти.
Обжегся на молочке — будешь дуть и на водицу.
Отрезанный ломоть не приставишь.
Охал дядя, на чужие деньги глядя.
От худого семени не жди добраго племени.
Овчина выделки не стоит.
Один рот — и тот дерет.
Один говорит — красно, двое говорят — пестро.

П

Пошел кум пеше — куме легче.
По бедным свищет соловей, а по богатым служит архиерей.
Пусть бы долюшка сиротская, лишь бы волюшка господская.
Проврался, что прокрался.
Пой песни — хоть тресни, а есть не проси.
Полюбится сатана — лучше ясна сокола.
Птица поет — сама себя продает.
Про всяк час ума не напасешься.
По Сеньке шапка, по барину кафтан.
Пропал Авдей от злых людей.
Повторенье — мать ученья.
Птичка-невеличка — да звонок голосок.
Про одни дрожди не говорят трожди.
Пьяному — море по колено.
Поет хорошо — где-то сядет?

Р

Руби дерево по себе.
Рубль копейку бережет.

Редко да метко.
Рука руку моет.
Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.
Рыбак рыбака видит издалека.
Разсказал — что размазал.
Рано пташечка запела, кабы кошечка не съела.
Рад бы в рай, да грехи не пускают.
Родила мама, да жаль, что не взяла яма.
Рад Филат, что дело пошло на лад.
Русский час — с днем тридцать.
Рыжий да красный — человек опасный.
Решетом воды не наносишь.
Работать не заставят и есть не поставят.
Рад Афанас, что гости по нас.
Рад бы душой, да хлеб чужой.

С

Суженаго и конем не объедешь.
Свой своему — по неволе брат.
Семеро одного не ждут.
Сердечушко каже: тук-тук — верь!
Смех сдержишь — обидушку упредишь.
Скорая смертушка — меньшая заботушка.
Сорок у нас девок на деревне, да одна хороша — Машутка.
Светит да не греет.
Смелому Бог помогает.
Сперва скончались, потом повенчались.
Счет дружбы не теряет.
Смелость города берет.
Скоро — да не споро.
Соловья баснями не кормят.
Старая погудка на новый лад.
Старость не радость.
Семи смертям не бывать, а одной не миновать.
Сила солому ломит.

Т

Тяп да ляп — и вышел корабль.

То не грешно, что в моду вошло.

То не беда, что во ржи лебеда, а то две беды — когда ни ржи, ни лебеды.

Товар лицом продается.

Того не берут, чего в руки не дают.

Терпи казак — атаманом будешь.

Там свет — где нас нет.

Твоими бы устами да мед пить.

Только и свету, что в окне, а выйди в поле — того боле.

Тише едешь — дальше будешь.

То и полезно, что в доме полезло.

Тишь да гладь — Божья благодать.

Тише пыли, не твои бобыли.

Только у молодца и золотца, что пуговка оловца.

Торговали — веселились, сосчитали — прослезились.

Ү

У семи нянек — дитя без глаза.

У кого что болит, тот про то и говорит.

Участью не гордись — всякому поклонись.

У нашего соседа все девки хороши да одна Машутка лучше всех.

Утро вечера мудренее, а жена мужа хитрее.

Украсть — в беду попасть.

У кольца нет конца.

Умен, как поп Семен: книгу продал, карты купил.

У всякой пташки свои замашки.

Умей у людей погостить и к себе запросить: до ворот проводить и опять воротить.

Ученье свет, а не ученье — тьма.

У каждаго мудреца довольно простоты.
Унижение паче гордости.
У нашего Гришки нет отрыжки.
Умею, да не смею.

Ф

Флор Флорихе не думает лиха.
Филипп ко всему привык.
Флор не туда забрел, а Лавор ходит меж двор.
Флориха дошла до лиха.
Филат и каше рад.
Фарисейские корабли, что сельские воробьи гинут.
Фик-фок на один бок.
Форму много — толку мало.
Федот да не тот.
Фу-ты, ну-ты — лапти обуты, а стоптал и бос стал.
Фортуна бона, а другая дома.
Флор Флорихе набитой брат.
Философ смерти не боится.
Флор с добром, а Флориха с навозом.
Фортуна велика, да ума мало.

Х

Хороша Маша, да не наша.
Холостаго сватом не посылают.
Хоть на голове-то густо, да в голове пусто.
Ходи кругом — деньги верные!
Хоть час — да наш.
Хоть костлива да счастлива.
Худое дерево в сук растет.
Хоть на заде, да в том же стаде.
Худое дело, коли жена не велела.

Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет.
Хороша молодежь, а к поре никого не найдешь.
Хохол не соврет, да и правды не скажет.
Хлеб да вода — крестьянская еда.
Хлеб за брюхом не ходит.
Хлеб соль ешь, а правду режь.

Ц

Цыгану без обману дня не прожить.
Цыган, что голоднее, то веселее.
Царство разделится, скоро разорится.
Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается.
Царством владеть, а на Бога надежду иметь.
Царь повелевает, а Бог на истинный путь направляет.
Цену забыл, да дорого.
Цена яйцу две деньги, а бежать сто рублев.
Целил, да не попал, лишь заряд потерял.
Цыган ищет того, чтоб обмануть кого.
Целы ль сани, а лошади пропали.
Цыган только обманет, а злой до сердца достанет.
Царь жалует, а псарь не жалует.
Царево сердце в руце Божией.
Царев гнев — посол смертный.

Ч

Что посеешь — то пожнешь.
Чем богат — тем и рад.
Чистая душа, что чистая вода: в ней насквозь видно.
Чин чина почитай.
Чей черед, тот и берет.
Чему быть — тому не миновать.
Человеку под стать и масть не подберешь.

Что с возу упало, то пиши — пропало.
Чужая душа — темный лес.
Что потопаешь, то и полопаешь.
Что гусь без воды, то мужик без жены.
Чернаго кобеля — не домоешь до бела.
Чужая сторона прибавит ума.
Чем ругаться — лучше подраться.
Что с бою взято, то свято.
Чорт чесал, и чесалку потерял.

Ш

Шутя мед пьют, а вправду кандалы трут.
Шутить — не мутить.
Широко растопырил, да вверх не поднял.
Шелудиваго брить — не лучше ль опалить?
Шурин по зяте не наследник.
Шла кума пеша — куму легче.
Шутил Мартын, да спрятался под тын.
Шей да пори: не будет глухой поры.
Шуба нова, да в подоле дыра.
Шелудивый поросенок и в Петровки зябнет.
Шутку шутить — людей насмешить.
Шутить — шути, да смотри не глупи.
Шубу носят не для красоты, а для теплоты.
Шутка до добра не доведет.
Шутку сшутил — мужа с женою смутил.

Щ

Щи — хоть брюхо полощи.
Щеголял с молоду, а под старость умирает с голоду.
Щедровитый оспы не боится.
Щеголок — милой животок.

Щука умерла, а зубы остались.
Щеголь с погосту — и гроб за плечами.

Ять

Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.
Еду, еду — не свищу, а наеду не спущу.
Есть — так губа титькой, а работать — так нос окован.
Едет Аниньин внук с Великих Лук.
Еду к обеду, а к ужину домой приеду.
Едет не скоро, да споро.
Едет ни путем, ни дорогою.
Ешь не кроши, и больше не проси.
Ехал бы далече, да болят плечи.
Ехал бы прямо, да жена упряма.
Ехал в Казань, а заехал в Рязань.
Ешь сморчки, да берегись, чтоб не вытолкали в толчки.
Ешь хлеб, коли пирога нет.
Ехал — не доехал; опять поеду — авось доеду.
Ешь кутью, поминай Кузьму.
Ешь мед, да берегись жала.
Ешь пироги, а хлеб вперед береги.
Ешь щи с мясом, а когда нет, так хлеб с квасом.
Ешь меня собака, да неведомая.
Ел бы сметану, да нет в коровах талану.
Ел бы пирог, да в печи сжег.
Ездил ни почто, привез ничего.
Ехал бы воевать, да ленив вставать.

Э

Это не ученье, а просто мученье.
Это твое, это мое, а все Божье.
Этой бы голове да железную шею — не было б износу.

Эх-ма! Пропадай Фома!
Этот нос — через реку мост.
Этим салом, да по твоим мысалам.
Это не бьют, а ума дают.
Эта шутка не в лисьей шубке.
Этот кус не для твоих уст.
Это беда — не беда: только б больше не было.
Эка ворона! Залетела в чужия хорома.
Эти кошки облизали ложки.
Этому не бывать, чтоб безрукому воевать.
Эта каша — мать наша.
Эти щи из Питера пеши шли.

Ю

Юла юлит — спать не велит.
Юность к старости — дело не к радости.
Юноши резвятся — старики веселятся.
Юность скачет, старость плачет.
Юность крепнет, старость меркнет.

Я

Языком болтай, а рукам воли не давай!
Язык без костей: что хочет — то и лопочет.
Язык не лопатка — знает что сладко.
Язык доведет до кабака.
Язык не один, и в будни и в праздник.
Язык кормит и поит, и спину порет.
Язык — враг мой.
Я за кусок, а ты за носок.
Язык болтает — голова не знает.
Я за пирог — а гость на порог.
Ярославль городок, Москвы уголок.

Я тебе рад, да боюсь, что ты вороват.
Я тебя выручил, а ты меня выучил.
Я к тебе всей душой, а ты ко мне всей спиной.
Я с тобой — как рыба с водой: по гроб не расстанусь.

Фита

Фалелей не нашел в избе дверей.
Федул — всех одул, а Фетис — на суку повис.
Фома не без ума, а Ерема не без промыслу.
Фома большая корма.
Федул губы надул, глаза вытаращил.
Фома не купит ума, и свой не продаст.
Федюшке дали денежку, а он и алтына просит.

ПРИБАУТКИ, ПЕРЕГУДКИ, ПРИПЕВЫ, ПРИСКАЗКИ, СКОРОГОВОРКИ, СЧЕТ И ЗАДАЧИ

Шапку долой, а що: глянь: все бо бояре.

Эй, Господи Боже, да э-э!
Эй, пособи, да э-э!
Эй, нам опружить, да о-о!
Эй, нам поутюжить, да о-о!
Эй, мой куманек,
Эй, миленький дружочек!
Эй, ты кума — ста!
Эй, вечер ты брали — ста,
Эй, не побрела — ста.
Оу, оу! О, ох, ох!
(Архангельск. губ.)

Свадьба сыча

Все гости сошлись — собрались.
Одну совушку насилу дождались.
Пришла же сова — Елизарова кума,
Села же сова на печной на столб.
Сычушка по полу похаживает,
Стакан наливает да сове подает.
— Уж ты выпей-ка, Сова Елизаровна!
— Не потчуй, Сыч Афанасьевич!
А что же ты, Сычушка, не женишься?
— Рад бы я жениться — невесты нет.
Взял бы я ворону — да тетушка,
Взял бы я галку — да божатушка,
Взял бы я сороку — щекотлива сука б…дь.
— Возьми-ко ты, Сычушка, меня за себя?
— А умеешь ли ты, Совушка, ткать да прясть?

— Я не тку, не пряду, да не нага хожу.
А умеешь ли ты, Сычушка, пашеньку пахать,
Пашеньку пахать, в поле хлеб засевать?
В городе не пашут, да калачики едят,
А в деревне-то орут, да все мякинушку жрут.
(Замошской вол. Кадниковского у.)

* * *

— Сколько тебе лет?
— Сколько вчера было — того нет.
Под столом ходила —
Хвост носила,
Стол переросла —
Коров доить пошла.
Косу отпустила —
В работницах служила.
Пора настала —
С молодцом гуляла,
Пора прошла —
Замуж пошла;
Замужем двадцать лет жила —
Тяжко горюшко несла.
Овдовела — осиротела.
Вот тебе и весь сказ!
А когда родилась —
Память извелась.

* * *

— Брат, здорово! — Брату челом! — Ты, брат, отколе? — Я из Ростова. — А что, говорят, в Ростове-то архиерей женится? — Вчерась я пошел, сегодня пришел, случилось мне мимо ростовскаго архиерейского дома идти: стоят кареты смазаны, свиньи

запряжены, хвосты подвяханы. Засвистали, поехали, не знаю куда. _ А что, говорят, в Ростове бабы-то пшеницу на печке посеяли? — Вчерась я пошел, сегодня пришел, случилось мне мимо ростовских печей идти — жнут бабы пшеницу. — А что, говорят, в Ростове-то озеро сгорело? — Случилось мне мимо Ростовскаго озера идти, щука да караси по лугам, язи по елям, а плавает ершишка — голышка, глазоньки покраснели, перышки подгорели.

* * *

Отчего казак гладок?
От того казак гладок:
Поел казак, да и на бок,
Заботушки никакой
У головушки не ропчет
И у сердечушки не топчет.

* * *

— Брат, здорово! — Брату поклон. — Ты, брат, отколе? — Я, брат, с базара. — Что на базаре? — Возы-то по возам, а деньги-то по мошнам. — А ты, брат, чего купил? — Решето гороху. — Это, брат, добро. — А добро, да небольно. — А что? — Стал высыпать, да просыпал. — Это, брат, худо. — А худо, да небольно. — А что? — Стал огребать, да четверик нагреб. — Это, брат, добро. — А добро, да небольно. — А что? — А посеял, да редок. — Это, брат, худо. — А худо, да небольно. — А что? — А редок, да стручист. — Это, брат, добро. — А добро, да небольно. — А что? — А пришла попова тарлыга, да все и съела.

* * *

Наша водка вину тетка!
Раздерет глотку —
И пьет водку.

* * *

— Здорово, брат Пантюха! — Здорово, брат Сидорка! — Все ли у вас дома-то поздорово? — А все бы, брат, поздорово, да одно, брат, нездорово. — А что же? — Да ведь старшаго брата повесили. — За что его повесили? — да за шею. — Да в чем его повесили-то? — В старом будничном кафтане. — Да за какую виницу-то? — Походил в церковницу, украл книгу стихарницу, махарницу, книгу хлопотурницу. И это-то все бы еще ничего, да леший сносил на колоколицу и спихнул там кыркуна. — Вы Ивана-то Семеновича просили бы. — Мы и то его просили, и ягод и брусницы носили, да не берет.

* * *

Бери себе что помещается в утробушке, остаток отдавай — тягость сбавляй; тягость сбавляешь — грехи отпущаешь.

* * *

Все ли благополучно? — Все слава-Богу, только любимый ворон ваш объелся падали. — Да где же он ее нашел? — Да жеребец вороной пал? — Как так? — А как усадьба горела, так на нем воду возили, да загнали. — Отчего же пожар сделался? — Да как хоронили матушку вашу со Светочками, так невзначай и подожгли.

* * *

Летит пуля, жужжит: я в бок — она за мной, я упал в кусты — она меня хвать в лоб, я цап рукой — ан это жук.

* * *

Пеки блины. — Рада бы пекла — да нет муки. — Так и так пеки.

* * *

Продал на рубль, пропил полтину, пробуянил другую — только и барыша, что болит голова.

* * *

За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать — против нас не сыскать.

* * *

За хлебом-солью всякая шутка хороша.

* * *

Верба красна — бьет напрасно, верба бела — бьет за дело.

* * *

Над другом шути — пока краска в лицо не вступит.

* * *

Дождик, дождик перестань!
Мы поедем на Иордан
Богу молиться.
Христу поклониться.
(Кричат ребятишки в дождь)

* * *

Сорока-белобока на порог скакала,
Гостей поджидала,
Кашу варила,
Деток кормила.

* * *

Паточка с инберем,
Вареная с инберем;
Варил дядя Симеон,
Тетушка Арина
Кушала — хвалила;
Дядя Елизар —
Пальчики облизал.

* * *

Шельма на шельме сидит, шельмой погоняет.

* * *

Наносил мужик сенца,
Поставил среди польца, —
Не сказать ли с конца;
(докучная сказка).

* * *

Шурин по зяте — не наследник.

* * *

Солнышко, солнышко, выглянь в окошечко! Твои детки плачут, серу (смолу лиственницы) колупают, нам не дают, черному медведю по ложке, нам ни крошки. (Детская прибаутка в Восточной Сибири).

* * *

Не для чего инаго прочаго, как для единой единственности и совершеннаго компанства.

* * *

Не для чего, чего инаго, как прочаго другаго.

* * *

Сам на кобыле, жена на корове, ребята на телятах, слуги на собаках, кошки на лукошках.

* * *

Позвал поп кота середи поста: поди кот, возьми пирога в рот; а кот привел с собой и кошурку, да и сел с нею в печурку.

* * *

Не для чего инаго прочаго другаго, а для единаго единства и дружнаго компанства.

* * *

Не для компанства, а для приятства.

* * *

Алеша три гроша, шейка копейка, алтын голова, по три денежки нога: вот ему вся цена.

* * *

Сегодня праздник, жена мужа дразнит, на печь лезет, кукиш кажет: на тебе, муженек, сладенький пирожок, с лучком, с мачком, с перичком!

* * *

Чудак покойник: умер во вторник, в середу хоронить — а он в окошко глядит (а он поехал боронить).

* * *

Около меня свищет — я туда — свищет, я сюда — свищет; беда, думаю — влез на березу — сижу, свищет; ан это у меня в носу.

* * *

Был себе человек Яшка (Сашка), на нем серая сермяжка, на затылке пряжка, на шее тряпка, на голове шапка — хороша ли моя сказка? (Докучная сказка).

* * *

Васька-васенок, худой поросенок, ножки трясутся, кишки волокуться — почем кишки? По три денежки.

* * *

Кот Естафий, ты постригся? — Постригся. — И посхимился? — И посхимился. — Пройти мимо тебя можно? — Можно. Мышка побежала, а кот ее цап. — Оскоромишься, кот Евстафий! — Кому скоромно, а нам на здоровье.

* * *

Пошел я на лыко гору драть; увидал на утках озеро плавает. Я срубил три палки: одну еловую, другую березовую, третью рябиновую; бросил еловую — не добросил, бросил березовую, перебросил, бросил рябиновую — угодил; озеро вспорхнуло, полетело, а утки остались.

* * *

Ах вы Сашки, канашки мои, разменяйте бумажки мои.

* * *

Мужик серый, кафтан рослый, на босу ногу топоры, лапти за поясом, под носом румянец, а во всю щеку — что в носу.

* * *

Чудак покойник: умер во вторник; стали гроб тесать, а он вскочил, да и ну плясать.

* * *

Едки трои не получишь, на тошнее заживотит, и на ворчале забрюшнит. (Сутки трои не поешь, на животе затошнит и на брюхе заворчит).

* * *

Жил-был журавль с журавлихой, поставили они стожок сенца — не сказать ли опять с конца (докучливая сказка).

* * *

Небылица в лицах найдена в старых светлицах оберчена в черных тряпицах.

* * *

Жила-была старица одна в сельце, поставила старица зарод сенца; шло буде не ладно — опять с конца (докучливая сказка).

* * *

Был себе царь Додон, застроил он костяной дом; набрал со всего царства костей, стали мочить — перемочили; стали сушить — кости пересохли, опять намочили, а когда намокнут, тогда доскажу.

* * *

Шел мужик, а ему на встречу три мужика: солнце, ветер и мороз. Мужик поклонился ветру. Солнце сказало: я тебя сожгу; а ветер: я тебя не допущу. Мороз молвил: я тебя заморожу; а ветер: я тебя отдую. (Рязань).

* * *

Нет ли вошки, нет ли блошки — один червячек, да и тот золотой: бить или на волю пускать? (Игра??)

* * *

Сорока-ворона кашку варила, на порог скакала, гостей призывала: этому дала (по пальцам), тому дала, а этому не досталось (шиш на головку).

* * *

Гуси в гусли, утки в дудки, вороны в коробы, тараканы в барабаны, коза в сером сарафане, корова в рогоже, всех дороже.

Скороговорки

По ремешку, по бревешку боком проведу кобылку.

Семь-те стрел каленых страшилище.

Ал лал, бел алмаз, зелен изумруд.

Сенька везенька, вези бабу на санках: санки скок, Сеньку в лоб.

Около кола три хвоя вьются.

Выдерни лычко из-под кодычка. Лычко из под кодычка.

Около ямы три хвои вялы; на хвой стану, хвой достану.

На семеры сани по семеры в сани.

Из-под кислаго молока, из-под простокваши.

В один, Клим, клин колоти.

На улице с лаптем, с девтериком — нам не до лаптей, не до девятериков.

Сыворотка из-под простокваши.

У сыра дуба, у суха сука, белошерста сука.

Шит колпак, вязен колпак, да не по-колпаковски.

Круг прорублю, мать проведу, сестру выведу.

Стоит шапочка на окошечке, не подъявлена, не выявлена: пришел хват подъявить; подъявил и выявил.

Белогубы огурцы, молодцы белопупы.

Полчетверти четверика гороху без червоточинки.

Как-то нам будет перед антихристом-то стоять.

Худ идет в гору, худ идет под гору; худ худу бает: ты худ, я худ; сядь худ на худ; погоняй худ худом, железным прутом.

У нас на дворе подворье погода размокропогодилась.

Нашего пономаря не перепономаривать стать.

Из-под Костромщины шли четыре мужчины; говорили они про торги да про покупку, про крупу да про подкрупки.

Шли четыре попа, три Прокопья попа, три Прокопьевича, говорили про попа, про Прокопья попа, про Прокопьевича.

Съел молодец тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом.

Стоит поп на копне, колпак на попе, копна под попом, поп под колпаком.

Два дровосека, два дровокола, два дроворуба говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

Здорово отец, братец, сестрица, приятель, друг — скажи челобитье поклон: прости отец, мать, дедка, батюшка, братец, сестрица, птича, курича.

Иван болван — молоко взболтал, да не выболтал.

Хохлатыя хохотушки хохотом хохотали ха, ха, ха, ха!

Брат Аркадий зарезал буру корову на горах Араратских.

Не диковина полубрату сказать про Поликарпа.

Петр Петров, по прозванью Петров, поймал птицу пигалицу; понес по рынку, просил полтинку, подали пятак, он и продал так.

Бык тупогуб, тупогубенький бычек, у быка бела губа тупа.

Шли сорок мышей, несли сорок грошей; две мыши поплоше несли по два гроша.

Бежит кошка по небу, догоню да поиму.

Бык тупогуб, у быка губа тупа.

По двору, подворью, в добром здоровье.

Бежит лиса по шесточку, лизни лиса песочку.

Рыла, рыла свинья, вырыла полрыла.

Свинья тупорыла весь двор перерыла, вырыла полурыла, до норы не дорыла.

Рыла свинья тупорыла, белорыла, весь двор перерыла, вырыла полрыла.

Утка моя, селезнюха моя, не летай за реку, не клюй песку, не тупи носку.

От топота копыт конска.

Летят три пичужки, через три пусты избушки.

От топота копыт пыль по полю летит.

Курочка честра-пестра, уточка с носка плеска.

Кубра на кубру щи варила, пришедши букара, да выхлебала.

Ползет глиста по шесточку, глони глиста песочку.

Припевы

Эх раз по два раз! Расподмахивать горазд; кабы чарочка винца, два стаканчика пивца, на закуску пирожка, для потешки девушка.

Шейка копейка, алтын голова, сто рублей борода.

Шурьян-камрад сам прокурат — трах-тара-ра-ра-ра.

Ай овсень, ай овсень! Таусень, таусень!

Виноград, красно — зелена моя.
Ой дидо, ой ладо! Ой калина моя, ой малина моя.

Ай, люли, люли! Ай люшеньки люли! Сею, вею, вею, сею.

Ой дидо калина моя, ой ладо малина моя!

Шары, бары, растобары, белы снеги выпадали, серы зайцы выбегали, охотнички выезжали и красну девку испугали; ты девица стой, красавица пой!

Ой дидо ладо (затем следует повторение последняго в стихе слова).

Ах Дон, ты наш Дон, сын Иванович Дон!

Ой жги, говори, договаривай!

Черви, жлуди, вины, бубны.

Шилды — булды пачики — чикалды, шикалды — валды, бух — булды.

Ой, жги, ври, говори!

Ой, жги, говори (затем следует повторение последняго стиха).

Присказки

Растет не по дням, по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет.

Облачается небесами, подпоясывается зарями, застилается звездами.

Сивка бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой.

Тише воды, ниже травы. Слышно как трава растет.

Огнем дышет, полымем пышет. Полымя из ноздрей, пар (дым) из ушей.

С молодецкаго посвисту пыль столбом.

Во лбу светел месяц, в затылке часты звезды.

Хвостом след устилает, долы и горы промеж ног пускает.

Конь бежит, земля дрожит, из ушей полымя пышет, из ноздрей дым столбом (или полымя из ноздрей, дым из ноздрей).

Конь копытом бьет, удила грызет.

Под темными лесами, под ходячими облаками, под частыми звездами, под красным солнышком.

Попрыски (след) молодецкие, ископыт (комья из-под копыт) багатырская.

Из милости траву-мураву досягает.

Утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, вода всколыхалась.

По локоть в красном золоте, по колени ноги в чистом серебре.

Небылица в лицах.

Не за былью и сказка гоняется.

Чур мою сказку не перебивать; а кто ее перебьет, тот трех дней не проживет (тому змея в горло заползет).

Из сказки (из песни) слово не выкидывается.

Избушка, избушка на курьих ножках: повернись к лесу задом, ко мне передом!

Стань передо мной как лист перед травой!

Я сам там был, мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало.

Стань, белая береза, у меня назади, а красна девица напереди!

Вот тебе сказка, а мне бубликов вязка.

Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни, волчий хвост.

Жил-был царь овес, он все сказки унес.

Сказка от начала начинается. До конца читается, в середке не перебивается.

Ни словами (ни в сказке) сказать, ни пером написать.

Не сизый орел, не ясный сокол подымается... Не лебедь белая (серая) выплывала... Не белы снеги в чистом поле забелились... Не черны леса дремучие чернеются... Что не пыль в поле подымается... Не туман сизый с раздолу подымается...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

В некотором царстве, в некотором государстве.

В тридесятом царстве, за тридевять земель, в тридесятом государстве.

Полетела птица синица за тридевять земель, за сине море-окиян, в тридесято царство, в тридевято государство.

На море, на окияне, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь.

Свистнул, гаркнул, молодецким посвистом, богатырским покриком.

Берега кисельные, реки сытовыя (молочныя).

На море, на окияне, на острове на Буяне, стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другаго мокай да ешь.

На поле — поляне, на высоком кургане.

Под светлым месяцем, под белыми облаками, под частыми звездами и пр.

Шапка-невидимка. Сапоги-самоходы. Скатерть-хлебосолка. Сума — дай пить и есть. Коврик — самолет и пр.

В чистом поле, в широком раздолье, за темными лесами, за зелеными лугами, за быстрыми реками, за крутыми берегами.

Гусли самогуды: сами заводятся, сами играют, сами пляшут, сами песни поют.

Вправо поедешь (по раздорожью) — коня потеряешь, влево поедешь — самому живу не быть.

Баба-яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирает, помелом след заметает.

Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли.

Чудо-юдо, мосальская губа.

Доселе русскаго духа слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух воочью является.

Мертвой и живой воды добыть.

Мальчик-с-пальчик. Девочка-снегурочка. Девчурка-снегурка.

За белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти бранныя, за явства сахарныя, за питья медовыя.

Семи пядей во лбу. Промежь глаз калена стрела укладывается.

Мертвой водой окропить — плоть и мясо сростаются; живой водой окропить — мертвый оживает.

Меч кладенец. Калена стрела. Тугой лук. Копье булатное мерзамецкое.

Свинка — золотая щетинка. Конек горбунок. Сивка бурка, вещий каурка. Змей-горыныч.

Счет и задачи

1.

У нас скота много было: был один баран. Не хватило у нас соли, послал жену на базар: «Поди продай барана, купи соли, а барана назад привези, барана заколи, да в стадо отгони, кума в гости позови, купи полштоф вина». Кум ел да похваливал.

(Шерсть продали, а барана выложили).

2.

Восемь шли,
Грош нашли,
По многу ли досталось?

3.

Шли семь стариков,
Несли семь подогов;
На всяком подоге
По семи сучков;
На всяком сучке
По семи кошелев;
Во всяком кошеле
По семи пирогов;
Во всяком пироге
По семи воробьев;
Во всяком воробье
По семи пупков.
Сколько всего?

4.

У меня был тесть бородатый; купил тысячу веников, заплатил по три денежки сто.

5.

У полусемых мышей
Много ли ног да ушей?

6.
У семерых братьев по одной сестрице. Много ли всех?
(Одна)

7.
Шли столбцом:
Сын с отцом,
Да дед с внуком.
Сколько их?
(Три)

8.
Ты, да я, да мы с тобой. Много ли их стало?
(Двое)

9.
Один дед, два отца и два сына в трои сапоги обувались все?
(Три)

10.
Сидят три кошки; против каждой кошки — две кошки. Много ль всех?
(Три)

11.
Шел муж с женой, да брат с сестрой, да шурин с зятем. Много ль всех?
(Трое)

12.
Шли межою
Муж с женою,
Брат с сестрою ,
Шурин с зятем.
Много ли хватит?
(Три)

13.

Жал молодец с девицей, им — на встречу барин на тройке. «Молодец! тебе не довлеет с девицей жать поздно вечером». — А что же нам не жать? Мы, говорит, родные! «Да как вы родные?» — Да моя то, говорит, мать ея матери — родная свекровь.

(Отец и дочь)

14.

Ездил мужик на юг, купил веников на рубль; каждое сто по три деньги шло, а последнее сто за копейку купил. Много ль он веников привез?

15.

Летела стая тетеревов, села на рощу деревов, по двое на дерево сядут — одно дерево лишнее, по одному сядут — один тетерев лишний.

16.

Шло семь стариков; каждый старик нес по семи костылей, на каждом костыле — по семи рогалей, на каждом рогале — по семи кошелей, в каждом кошеле — по семи пирогов, в каждом пироге по семи воробьев. Сколько было воробьев?

17.

Триста веников,
Пятьсот голиков,
По три денежки сто.
Много ли рублев?

18.

Шли не мало: брат с сестрой, муж с женой, да шурин с зятем. Много ли их стало?

(Три)

19.

Волк съест козу, коза съест сено (капусту), а перевезти через реку можно только по одному. Как их перевезти?

(Два раза козу перевезть)

20.

Купить по сто рублей сто скотин, платить и по десяти и по пяти рублей и по пятидесяти копеек. По сколько скотин придется на каждую цену?

21.

Сидело семь галиц; я стрелил, трех убил. Много ли осталось?*

(Четыре)

22.

Старик с мальчиком шел; мальчика спросили: «какая тебе родня старик?» Он отвечал: «Его матушка моей матери свекровь». Какая это родня?

(Дядя)

23.

Мальчик милостыню подавал; спрашивают его. «По ком?» Да она, говорит, мне не мать и не мачиха, а отцу законна жена.

(Сын мачихи и первая жена)

24.

Шли муж с женой, брат с сестрой, да кум с кумой; нашли полтора хлеба — разделили по полухлебу?

(Три)

25.

Шли гурьбой:

* Видимо, А. Е. Бурцев ошибся и перепутал загадку сообразительность с загадкой на умение считать. Если так, то осталось именно три галки, а четыре улетели. По крайней мере, этот вариант ответа тоже бытует.

Теща с зятем
Да муж с женой;
Мать с дочерью,
Да мать с дочерью,
Да бабушка со внучкой,
Да дочь с отцем.
Много ли всех?
(Четверо)

26.

Вез один мужик волка, козу и капусту и надо было ему переехать через реку в небольшой лодке, а каждую вещь перевезти по одиночке. Если перевезть волка и козу, то волк съест козу, если капусту и козу, то коза капусту съест. Как же он перевез?

(Два раза козу перевез)

27.

Летело стадо птиц на рощу, сели по две на дерево — одно дерево осталось; сели по одной — одного не достало. Много ли птиц и дерев?

28.

Стояло сорок столбов,
У каждаго столба по сорок Кольцов,
У каждаго кольца по сорок жеребцов.
Много ли было жеребцов?

29.

Купила баба куров на пять рублев; каждый кур — три копейки, а последний — две?

30.

Один молодец подошел к лавке пряничной и говорит продавцу: «Дай мне на десять копеек пряников четырех сортов: двухкоппечных, копеечных, полукопеечных и четверть копеечных, так чтобы и пряников было десять ровно». По сколько пряников каждаго сорта дать нужно?

31.

Пили, гуляли в трактире двадцать человек, прогуляли двадцать рублей. Мужик на четыре рубля нагулял, а баба — на полтину, а девка — на двадцать пять копеек. Почем на человека?

32.

На двадцать рублей купи двадцать людей: бабу по рублю, девку — по полтине, мужика по пяти рублей.

33.

Летело стадо гусей; попадается ему на встречу гусь и говорит: «Здравствуйте сто гусей!» Они ему отвечают: «Нас не сто гусей, а как было бы еще столько, да полстолько, да четверть столько, да ты бы, гусь, с нами, то и было бы нас сто гусей». Сколько их летело?

(Тридцать шесть)

34.

Денег: пять денег, грош, копейка, денежка стара. Много ли стало?

35.

Муж с женой, отец с сыном, да мать с дитей. Сколько всех?

(Три)

36.

Шли: теща с зятем, муж с женой, бабка с внучкой, мать с дочкой, да дочь с отцем.

37.

Шли две матери с дочерью, да бабушка со внучкой; нашли полтора пирога. По много ль досталось?

(По половинке)

38.

Жали у поля два жнеца, приехали два купца. «Коли муж с женой, то Боже поможе, коли брат с сестрой то нас разсме-

ши». — Ни муж с женой, ни брат с сестрой, а ея матушка, моей матушке свекровь была.

(Сын)

39.

Его мать моей матери одним одна дочь.

(Дочь)

40.

Что такое: ни мать, ни мачиха, а моему отцу родная жена.

41.

Сын отца моего, а мне не брат.

42.

«Здравствуйте мои братцы, жены моей дети! Скажите своей матери: «Твой муж пришел!» Притом знайте вы, что ваш отец и мне отец, я ваш брат, а жена моя вам мать».

(Дети, прижитыя солдаткой со свекром)

43.

Батька с сыном, да батька с сыном, да дедушка со внуком. Много ли стало?

(Три)

44.

Шуринов племянник, как зятю родня?

(Сын)

45.

Здравствуйте братцы, моей жены детки! Скажите своему отцу, что его жены муж пришел.

(Дети, прижитыя солдаткой со свекром)

46.

Мать с дочерью, да мать с дочерью, бабушка со внучкой. Много ли их всех?

(Три)

47.

Шел я по дорожке и увидел, сидит дитя и говорит: «Есть у меня отец и мать, а я сам не сын».

(Дочь)

48.

Что милее ста рублей?

(Двести)

49.

Сидит тихо, говорит лихо: «Тихо погляди в окно — нейдет ли кто?» — Идет кортя, ведет вортю. Бери чилим, полезай в Адам, в Адаме есть ли душа?

(Сноха, свекровь, свекор, жбан, погреб, пиво)

Народные присловья

Мы люди не грамотные,
Едим пряники не писаные.

Некоторые из помещенных здесь народных присловий, а именно в числе около 50, были собраны и записаны мною лично. Причем, помещены здесь были только те из записанных мною присловий, которыя до сих пор нигде еще не были напечатаны.

Все предшествовавшие бытописатели представляли вниманию читателя то, что каждый находил по своему более целесообразным, я же, не делая никаких исключений в данном случае, поместил здесь все то, что слышал про старину от старых людей и что записал как более или менее любопытное.

Народные присловья

АРЗАМАСЦЫ
Лукоеды — Гусятники.

АРХАНГЕЛЬЦЫ

Морожееды. «Иванович, Иванович! Слезь с крыши, я к тебе приехала!»

Жена какого-то архангельского поселянина, соскучась по муже, решилась искать его в Петербурге. Зная, что ея муж промышляет кровлею крышек, она не спрашивала его в дворах и домах, а высматривала все по крышам. Вдруг ей показалось, что на одной крыше стоит ея муж. Да, это он, точно он, как живой стоит, думает она. «Иванович, Иванович! Слезь с крыши, я к тебе приехала!» Проходящие будто едва могли уверить, что на крыше стоит не муж, а статуя.

БАЛАХОНЦЫ

Балахна стоит рот распахня.

БОЛХОВИТЯНЕ

Рака с звоном встречали. «Вот воевода к нам ползет, щетинку в зубах несет».

БОРИСОГЛЕБЦЫ

Кислогнездые. — Большая часть жителей Борисоглебска состояла прежде из скорняков и коейщиков. Дома и дворы их, наполненные сими фабричными заведениями, издавали самый неприятный запах. Прохожие, проходя Борисоглебск, с досады говаривали: «Кислогнездые!» — Ныне этот попрек совершенно уничтожился, и осталось одно предание.

БОРОВИЧИ

Луковники. «Луку, луку зеленаго!»

Поселяне Боровскаго уезда искони занимались огородною промышленностию, и осенью, проезжая по селениям с своими товарами, кричали во услышание всех: «Луку, луку зеленаго!»

БРЯНЦЫ

Куралесы. — Брянская коза.

В старину брянские поселяне считались странными людьми наших стариков. Бывало, поедут ли на торг, а приедут или к кружалу или на гумно. В этом виноваты были их лошадки, а поселянин как выезжал из двора, так уж спокойно засыпал. Проезжие, видя их безпечность, прозвали их куралесами.

БЕЖЕЧАНЕ

Колокольню рожком подколотили.

В старину еще, жители города Бежецка очень любили нюхать табак, и держали его в роге. Соберутся к церкви в праздничный день за час, чтобы к началу поспеть, расположиться на паперти, и давай один другого табаком подчивать; разумеется сперва рогом постучат в стену или о паперть. Вот отсюда и пошло присловье.

БЕЛОЗЕРЦЫ

Белозерские снятки.

Известные Белозерские снятки, продаваемые по русским городам, доставили белозерцам это прозвание.

БУЕВЦЫ

Буй да Кадуй чорт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел. Буй городок — отбей кошелек. — Домосады. — Лесники.

Есть народное предание, что когда-то татары хотели разорить город Буй; но, не зная к нему дороги, шатались из леса в лес. Буевцы, смеясь татарским баскакам в Москве, говорили им: «Буй да Кадуй чорт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел».

ВАЛДАЙЦЫ

Колокольники. — «Молодец! купи баранок, а поцелуй в придачу».

ВИЛЬНЯНЕ

Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал. В Вильне семь дорог для жида и три для поляка.

ВИТЕБЦЫ

Волынка и гудок сбереги наш домок; соха и борона разорили наши дома.

ВАРНАВИНЦЫ

Медовики.

ВЕТЛУЖАНЕ

Санники. Санник, тележник, а выехать не на ком.

ВИЧУГОВЦЫ

Салфеточники.

ВЛАДИМИРЦЫ

Постовские каменщики.

Клюковники. — «По клюкву, по клюкву, по красную клюкву».

Многие из владимирских поселян хаживали зимою по городам и селам с клюквою и причитывали разныя присказки о своей клюкве. Горожане подметили их слова и обрекли в поперек.

— Собирались кулики на болоте сидючи, они суздальцы да владимирцы, и волынка и гудок.

Это присловие составилось из народной песни, в селении Гуслицы, про Владимирцов.

— Деревянныя печи, золотыя ворота, железныя церкви.

Есть народное предание, что владимирцы приехали когда-то в Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвальбы владимирския, да с досады и говорили: «Ох вы, плотники! У вас и всего де: деревянные печи, золотыя ворота, железныя церкви». Деревянная печь действительно находилась в старом архиерейском доме, близь Успенскаго собора; золотыя владимирския ворота получили свое название от золотой главы; же-

лезная церковь, стоявшая там близ Рождественскаго монастыря уничтожена была в конце XVIII века.

Кто из владимирских жителей не знает старинной прибаутки о самих себе: наши молодцы не дерутся, ни борются, а кто больше съест, тот и молодец.

ВОЛЫНЦЫ

Будемо ляхив и жидов ризати! — или мамо! Закрый мини очи, нехай не дывлюся на того нещаднаго ляха.

ВАРШАВЦЫ (или варшавяне)

Поляк глупой все купит, а москаль сдерет, даром возьмет; француз выдумает, немец сделает, поляк купит.

Московский час — подожди.

ВЕЛЬЦЫ

Судить рядить не умею, а на воеводство сядет.

ВОЛОЖАНЕ

(или вологодцы)

— Теленка с подковкой съели.

— На словах, как на масле, а на деле, как на Вологде.

— Толокном Волгу замесили.

— Наши не велики да цапки: семеро одного не боятся.

— Сорок на сорок идет, а если сорок один, — то и катомочки отдадим.

Чудь белоглазая.

Старинная сказка о вологодцах — как они толокно месили в Волге, — досель сохраняется в народных преданиях. Говорят, что когда-то они собрались в дорогу и взяли с собой вместо хлеба толокна. Подходят к Волге; время было обеденное. Вот и расположились на берегу обедать. Кашевар вынул мешок с толокном и стал разводить Дежень в Волге. Мешал, мешал ложкой, и стал подчивать земляков. Взяли ложки дружно вологодцы, принагнулись и полезли в Волгу за Деженем. Попробуют: вода,

водой. Где Дежень? Никто не знает, не ведает. Пристали к кашевару. Бедный, сколько не уверял, а должен был опуститься в Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и выплывет ни с чем. Земляки не пускают его на берег. Догадался кашевар, что делать, а догадавшись сказал: «Водяной съел».

— На Водяном не будешь отыскивать, — сказали вологодцы и воротились обедать в свою деревню. Ведь не голодным же было идти в путь.

ВЫТЕГОРЦЫ

-Камзольники.

ВЯЗМИЧИ

— Прянишники.

— «Мы люди не грамотные, едим пряники не писаные».

— Коврижки с анисом.

— Глупая Вязьма, безтолковый Дорогобуж.

ВЯТИЧАНЕ

— Вятская баталия.

— Хлыновские бояре.

— Свистоплясцы.

— Слепороды.

— Вятка, всему богатству — матка.

Вятская баталия, говорят, происходила между вятичанами и морским чудовищем. Неизвестно, кто эту баталию перенес на лубочныя картинки.

Слепородами вятичан прозвали после несчастной их битвы с устюжанами. Это было в 1480 году, когда к ним они пришли, как соседи, на помощь против татар. Вятичане открыли сраженье против устюжан ночью под предводительством Михаила Разсохина, а устюжанами управлял новогородский выходец Анфал. С разсветом дня увидали они, что били своих соседей, а не татар.

ГАЛИЧАНЕ

— Що царь галуньки.

— Корову в баню тащили.

— Город Галивон, озеро Мирон, а люди Кривичи.

— Овчинники.

— Толокно веслом в реке мешали, и толокна не достали.

— Галичан наши деды называли кривичами по их хитрости и оборотливости в торговых делах. Сказка о толокне почти одинаковая с вологодскою.

ГЛУХОВЦЫ

— Попутный табачек.

Греки дают русским прозвище, обратившееся в поговорку: русый, рыжий народ; они имеют также присказку, будто русский в Константинополе, не нашедши квасу, сказал: «Что за город это, что и квасу в нем нет!»

ГРЯЗОВЦЫ

— Сорок кабаков, одна церковь в грязи потонула.

ГУСЛИЦЫ
(село Владимирской губ.)

— Собрались кулики на болоте сидюча, они Суздальцы, володимирцы и волынка и гудок.

ДАНИЛОВЦЫ
Барана в зыбке закачали.

Один из даниловцев когда-то украл ягненка: к нему пришли в дом с обыском. Не зная куда девать покражу, вор спеленал ягненка и положил его в колыбель, желая тем ввести в заблуждение сыщиков и избавиться от неминуемого наказания.

Пришедшие с обыском застали вора за качанием колыбели, в которой лежал вместо младенца спеленатый ягненок. Когда обратились к вору с допросом, то вор, не долго думая, ответил следующей клятвой: «Вот вам правая рука, даю чрез милое дитя, да и ему бы на ноже поторчать!»

Благодаря такой находчивости вор избавился от уличения в краже и не найденный ягненок остался в его полную собственность.

— Любимые ловцы.

— Даниловцы, невыдавцы.

— Кошкодавы: кошку не купили, а на базаре задавили.

ДЕДНОВЦЫ

— Макары.

Есть в народе предание, что Дедновцы Рязанской губернии отправили своего старосту с выборными людьми от всего мира встретить Петра Великаго с хлебом — солью. Государь сказал: «Хорошо!» Потом спросил у других об их именах.

Дедновцы будто вообразили, что имя старосты их нравится царю, все до единаго назвались Макарами. Государь на это сказал смеясь: «Будьте же все вы Макарами!» С тех пор и зовут их Макарами.

ДМИТРОВЦЫ

— Лягушешники.

Болота, окружающия Дмитров, всегда бывают наполнены лягушками. Прохожие и проезжие, проезжая чрез этот город, бывали оглушены кваканием лягушек, и в негодовании прозвали и самих жителей — лягушками.

ДОНЦЫ

— Ивановичи.

ЕГОРЬЕВЦЫ

— Головотяпы.

ЕЛЬЧАНЕ

— Сычужники.

— Радуга ушат воды выпила.

— У нас в Ельце, на Сосне реце, курица втенка (утенка) вывела.

Одна ельчанка когда-то летом поставила на дворе ушат воды, чтобы солнышко нагрело воду, а сама занялась хозяйством.

В это время пришла корова и выпила воду. Приходит сын с базара. Мать высылает его посмотреть воду. Сын выходит на двор и видит: воды нет, а радуга распространилась над ушатом.

Вот он и кричит своей матери: «Матушка, матушка! Радуга ушат воды выпила».

ЕФРЕМОВЦЫ

— В кашеле — кашу варили.

Ефремовцы зимою ходят с образами в Москву, и всю съестную провизию кладут в личные, плетеные кашели. Когда-то у них вышел весь запас каши, а без каши, известное дело, мужику жить нельзя. В чем же варить? Где горшок взять? — думали мужики собравшись в кружок. Вот и придумала одна умная голова: «Будем же, ребята, варить кашу в кашеле». Сдуманное дело тут же затеялось. Нальют воды в кашель, засыпят круп, посмотрят: крупы целы, воды нет. Снова нальют воды, а вода опять пропадет. Выбились ефремовцы из сил. Вот и придумала одна умная голова: «А що, ребята, неволить себя, будем варить кашу без воды?» Сдуманное дело тут же затеялось. Разложили огонь, повесили над ним кашель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-русски, вспомнили про кашу, да и все пошли к огню. Приходят — нет ни каши, ни кашеля — все сгорело.

ЕГОРЬЕВЦЫ

— Сам нож точит, а говорит: «Не боюсь!»

— Рудометы, коновалы.

ЕНИСЕЙЦЫ

— Гробовозы.

Во время одного из пожаров, бывших в Енисейске, некто из городских богачей, желая скрыть от любопытных взоров свои сокровища, положил их в гроб, который и сплавил на плоту по Енисею.

ЗАДНЕПРОВЦЫ
(или Запорожцы)

— Задрипанцы.

Так киевляне в старину величали запорожцев за их неопрятность.

ЗАБАЙКАЛЬЦЫ

Омулятники — так как омуль (род сельдя, ловится в озере Байкал) составлял в Забайкалье лет 20 тому назад, главную народную пищу; теперь же он — «в сапожках ходит», — и продается на базарах по 10-15 к. за штуку.

ИВАНОВЦЫ

— Богат да хвастлив, как ивановский мужик.

ИРКУТЯНЕ

Иркутян называют «бакланами»; должно быть они уж очень ловко умеют найти и захватить добычу.

КАДНИКОВЦЫ

— Водохлебники. Баские. Форсуны. Толоконники.

— Теленка с подковкой съели.

КАЗАНЦЫ

— Казань прогребли и орду прошли.

КАДЦЕВЦЫ

— Кадошники.

КАЛУЖАНЕ

— Калужанин поужинает, а туляк так ляжет.

— Щагольники: Щагол щаглует на осиновом дубе, да воскогуркнет: «ткау! ткау!»

Наша Калуга Москвы более не более, а калачами да квасом удалей.

— Козла в соложеном тесте утопили.

КАЛЯЗИНЦЫ

— Свинью за бобра купили.

— У нашего Макара по три деньги Натальи, а грош дай, любую выбирай.

КАПОРЦЫ

— Крошевники.

— Капорское крошево и кисло и дешево.

КАРГОПОЛЬЦЫ

— Чудь белоглазая, сыроеды.

КАШИНЦЫ

— Собаку за волка убили да деньги заплатили. Водохлебы.

Когда-то кашинцы собрались поохотиться. Сборы были долги: да зато собрались всем городом. Вот и спрашивают друг у друга: что бить? Что ловить? Мир придумал, пригадал бить волков. Далеко ходить было некуда; лес рос под ногами. Стали по облавам и ждут зверя. Бежит зверь немудрый. Кашинцы вскрикнули разом, подняли дубины, да и давай мачалить зверя. Лежит зверь убитый, а какой? Тут только мир спознал, что убита воеводина собака. С воеводом даром не сладишь; собрали со всех дворов окуп, да и помирились с ним.

КАШИРЦЫ

— Шапку долой! — А що? — Все бо бояре.

Каширские поселяне, проезжая с барщины по Каширской дороге, посвюду встречали избы с трубами, вороты с растворами, сани с козырями, точь в точь, как на барском дворе. Староста Артема отдал приказ мужикам: «Когда въедут в таку деревню, то снимать всем шапки». Староста был мужик смышленый и догадливый; он прежде слыхал, что в таких деревнях живут только господа, а потому-то велел мужикам снимать шапки. Лишь только въедут в деревню, мужики уж друг другу кричат: «Шапку долой! А що? Глянь, все бо бояре». После открылось дело, что в таких деревнях жили не бояре, а однодворцы.

Про каширских однодворцев в народе известна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились пред чертом. Чорт, собравши виноватых со всех деревень, положил их в решето да

и понес на базаре продавать. Известное дело, что он не ходит, не ездит, а только летает. Поднялась буря. Чорт давай разгонять бурю. В это время решето повернулось, а однодворцы посыпались на каширския поля. С тех пор, говорят, они живут там целыми селениями.

КИЖАНЕ

— Золотую грамоту просили.

КИМРЯКИ

Петуха на канате кормили, чтоб на чужую землю чрез межу не перешел.

— Склеенный сапог.

— Свои сапоги на лапоть променяли, лапти мол, нашего товара прочнее.

КИНЕШЕМЦЫ

— Суконщики.

— Кинешма да Решма кутить да мутить, а Вологда — убытки платить.

КЛИНОВЦЫ

— Лапотники.

КОСТРОМИЧИ

— Лучше бы три раза погорела, чем раз овдовела.

— Костромичи в кучу, ярославцы прочь, они на руку не чисты; лапти растеряли, по дворам искали, было шесть, стало семь.

— Где лишняя навоза колышка, там лишняя хлеба коврижка.

КОЛЯЗИНЦЫ

— Толоконники.

Они свинью за бобра купили, собаку за волка убили.

КИНЕШЕМЦЫ
От Решмы до Кинешмы глазами докинешь ли?

КОРЕГИ (около Буи)
Корегский барин сам орет и пашет.

КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬЦЫ
Каменец-венец, кругом вода, а в середине беда.

КОЛОГРИВЦЫ
— Дегтярники.

КОЛОМЕНЦЫ
— Чернонебые.

КРАПИВЕНЦЫ
— Сено с колокольным звоном встречали, а воеводы не видали.

Как-то раз прослышали крапивенцы, что с Соловы поднялся к ним воевода. Нарядились миряне в праздничные кафтаны, и сели по лавкам. А чтоб знать, когда встречать воеводу, то послали десятскаго на колкольню с наказом: «Как будет» де «подъезжать воевода, звони».

Заклубилась пыль по дороге, десятский зазвонил, затрезвонил. Вышли миряне с хлебом-солью, глядеть, едет мужик с сеном. Ему-то миряне и били челом.

КРЕМЛЯНЕ
— Живет в Кромах, в разных домах.

ЛИВЕНЦЫ
— Соломатой мост обломили.

В какое-то незапамятное время приехал в Ливны на воеводство воеводич. Ливенцы наварили соломаты по горшку со двора и понесли в подарок воеводичу. Поехал обоз с соломатой по мосту, а мост ни крытый, ни шитый, из тычинок собранный, хворостом покрытый, под соломатой-то и подломился.

ЛИХВИНЦЫ

— Лихвинския горы, да Новосильские воры — злее всех.

ЛУЧАНЦЫ

— В Луцке все не по людски, на вколо вода, в средине беда.

Это старинное присловье произошло от униатов и жидов, наполнявших город в начале XVII столетия. Точно такое же присловье говорили и о Каменце. «Каменец — венец, кругом вода, в средине беда».

ЛЮБИМЦЫ

Козу пряником кормили.

Водохлебы.

Не учи козу, сама стянет с воза, а пречиста рука все причистит.

Двенадцатый час, а матушка из миру не бывала.

Сын из Питера приехал с часами, половым там был, а матери ничего не высылал, так что та по миру начала ходить, подаянием жить.

В старину любимские поселяне не живали дома, а переселялись в поднощики по кржалам и харчевням, где они, как страстные любители чаю, получили прозвание водохлебов и бухвалов.

В незапамятную старину двое любимских поселян собрались покататься на маслянице. Заложили лошадь в сани. У обоих были одни сапоги; вот они надели их, кто с права сидел на правую ногу, а кто с лева — на левую. Тех двух ног, что внутри саней и не видать, что оне в лаптях, а все же питерщиной нужно побахвалить.

Выехал экипаж: дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь три дня некормленая. Едут да остановятся, будто конь их до того заелся и горячится, что лезет из хомута вон; а конь из-за голода ни с места и без хомута. Принялись мужики за кнутья, под гору бьют в четыре кнута, а с горы — в десять, конь стоит все тут же.

ЛАДОЖАНЕ

Щуку с яиц согнали.

ЛУГОВЦЫ

Разнощики.

ЛИФЛЯНДЦЫ

Железные рыцари.

МАЛОРОССЫ

(или мароссияне)

Мозенинцы.

Хохлы.

Чубы.

Хохол глупее вороны, а хитрее чорта.

Москаль продал с хохла пояс на ярмарке за три деньги, а хохол в придачу пошел ни за калач, ни за денежку.

Цап (козел) ведет сто баранов на базаре, а татарин сто хохлов в Крым. — Что это за люди? — Мы бо не люди, а малороссы.

Казак коли не пье, та воши бье, а все-таки не гуляе.

Чубы. Это прозвание происходит от обычая у малороссиян оставлять на маковке головы чуб или клок волос; между тем как у запорожцев отпускался один лишь длинный клок волос на голове — от макушки — и назывался оселедец; этот клок завертывался за правое ухо.

Сказывают, будто бы, когда императрица Елизавета Петровна, увидав малороссиян, пришедших в Питер с волами, спросила их: «Что вы за люди?» — Они гордо отвечали: «Мы бо не люди (т. н. не рабы), а малороссияне».

МОЖАЙЦЫ

Можайский ветер.

Такое название вероятно дано можайцам из-стари по той причине, что они легко переходили от одного властителя к другому, например: от москвичей к Шемяке, потом к полякам против князя Василия Васильевича Темнаго.

МОСАЛИ

Гуторы гуторили, гуторили да и загуторили воеводу.

Матушка Заугра, не потопи нашего города Масальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то мосальцы отправили своего старосту Гаврюшку проведать в Москву, почем там православные принимают людей на заработки?

Староста выехал в санях прямо по реке Угре, дело было во время ростепели. Река Угра поднималась из берегов. Староста долго не думал, сел в сани, махнул кнутом по лошади, и взъехал прямо на льдину, а масальцы провожали его всем миром. Вдруг вода поднялась из берегов, икры пошли за икрами, старосту затерло во льдинах. Изахались мосали, припали к берегу и стали голосить: «Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку!»

МЕЦНЯНЕ

Амчинина быте во двор.

Бабы кружевницы — мужья лежебоки.

Когда-то мецняне, обиженные летом проезжими, вздумали зимой отыскивать виноватых. Летом было не до того им: то сенокос, то жатва. Зимой другое дело: с печи да на палати, с палатей да на печь. Собрались миром и стали толковать: где же искать проезжих? Известное дело, на постоялых дворах. Долго не думали, собрались всем миром на одних санях, да отправились в дорогу. Куда ни приедут, везде находят виноватых. Расправа коротка: в кнуты да в дубины. С тех пор мценские дворники не могут равнодушно слушать, когда им говорят: «Амчинина быте во двор!»

МОСКВИЧИ

Рака со звоном встречали.

Московский час — подожди.

С москалем дружи, а камень за пазухой держи.

Москаль не велик человек, а опасен.

Правда московская.

Москаля верти (обманывай).

Вид москаля, полы срижи, да втекай (беги).

От чорта открестишься, а от москаля дубиной не отобьешься.

В Москве толсто звонят, да тонко едят.

Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенскаго едят.

Вин как на-москалися, що из-под живаго пьяты режит.

Видно велик город, что семь воевод.

В Москве недороду хлеба не бывает.

Живет в Москве, не в милой тоске.

Два брата с Арбата, а оба горбаты.

С Москвы с посада с овощнаго ряда.

Многия московския присловия принадлежат временам историческим. Так, присловье: «Правда московская» — вышло от псковичей, когда москвичи взяли Псков, когда они на Москве били челом в своей покорности. «Видно велик город, что семь воевод» — указывает прямо на «Семибоярщину». Другия же выдумаы малороссиянами. Так присловье: «Московский час — подожди» — произошло от медленности в делах. Поговорка москвичей: сей час! — надоела малороссиянам.

У малороссиян ведутся между черню поговорки о привязчивости и хитрости москалей, что «От черта отхреститься, а от москаля и не отобьешся; что москаль не велик человек, да ба (т. е. опасен)».

МИНЦЫ

Дай Бог тебе в Вильну ходить, горы копать.

МУКОБРЯНЫ

Так называли их вероятно потому, что они мукою брали.

МУРОМЦЫ

Кадошники.

Вертячия бабы.

Святогоны.

Последнее присловие осталось за Муромцами с того времени, когда они выгоняли из своего города епископа Василия в XIII веке.

НЕРЕХОТЦЫ

Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на ум поставит.

Не бойся по Арменской дороге воров, а бойся в Нерехте каменных домов.

Нерехотские бегуны.

Нерехотские поселяне получили прозвание бегунов от того, что они зимою ходят с безменом по селам покупать пряжу.

НИЖЕГОРОДЦЫ

Дома каменные, люди железные.

Татинец да Слатинец — ворам кормилец.

Нижегородцы не уродцы.

Нужно заметить, что селения Татинец и Слатинец, находящиеся от Нижняго Новгорода в 60 верстах, были в старь опасными местами для путешественников, так как в этих двух селениях часто имели пребывание волжские разбойники, о которых и сейчас можно слышать от старожилов.

Бородка-Нижегородка — ус Макарьевский.

НОВГОРОДЦЫ

Шильники, долбежники.

Долбежниками называли новгородцев потому, что победители бросали мятежных граждан в Волхов, отбивая их железными долбнями от берегов.

Долбежники.

Гущееды, плотники.

Упрям — как новгородец.

Ты ведь не новгородский дворянин.

Сига в Волхов столкнули.

Долбежниками москвичи называли новгородцев по их дубинкам, с которыми они в старину ходили на бой. — Гущеедами прозвали новгородцев за постное кушанье во время поста, приготовляемого из обожженного ячменя, сваренного в простой воде.

В старину хлебосольные москвичи, выговаривая спесивому гостю, что он не приезжал к обеду, говорили: ты ведь не новгородский дворянин.

НОВОТОРЫ

Город Коростень, владение Ольгино, народ Кривичи.

Новоторы — воры.

В Новоторжске есть близ города городище, а жители, желая оставить за собою старшинство, говорят: «Мы люди старые, прежде были посадские города Коростеня, владение Ольгино, народ Кривичи».

«Новоторы — воры» — так с незапамятных времен новоторов величают осташи, а новоторы отвечают им тогда на этот попрек: «И осташи хороши!»

ОЛОНЧАНЕ

Олонцы — добры молодцы.

Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и староста.

У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом.

Один молодец ел хлеба мягка, ножа был востра, а как шапка свалилась на пол, покатилась, до реки пихал ногой, а войдя в реку, почуял, что-то лопнуло. «Не брюхо и лопнуло?» — подумал; глядит: брюхо цело, а ремень лопнул, голову нагнул и шапку надел.

Любезный Олонец — белые берега.

Кайваны в Олонце не бывали.

Все эти старинныя присловия остались только в народных преданиях москвичей. Ныне только за олончанами осталось одно присловье — добры молодцы.

ОНЕЖАНЕ

На рогах онучи сушили.

Прохорята.

Прохоровы дети.

Прохор письмо прислал и любодырному велел деньги сбирать.

Во всей Онеге нет телеги.

Летом воеводу возили на санях по городу.

ОРЛОВЦЫ

Проломленныя головы.

Орел да Кромы — первые воры, да и Карачи на поддачу.

ОДОЕВЦЫ

Молодеч, молодеч! Продай за грош постных яич.

Раз одоевцы привезли товар в Москву, пришло время обеда; вот вощики послали одного из своих купить провизию к обеду. Молодец впервые Москву видит. Подходит парень к лотку с огурцами и спрашивает: «Что это за товар?» Москвич смекнул, что это за птица и отвечает: «Постныя яйца». Одоевец призарясь на огурцы и слыша, что яйца эти постныя, а дело было в Петровки, начал торговаться: «Молодеч, молодеч! Продай за грош постныя яича».

ОСТАШИ

Волчьи объедки.

Ершееды.

Опозорили, опозорили, а чем же? Уж и не говори.

ПЕНЗЯНЕ.

Сура речка у нас важная, течет потихоньку, донышко у нея серебряное, круты бережки позолоченные.

ПЕТРОЗАВОДЦЫ

Качу лавочку, качу мытный двор, качу свой торжок.

Боску съели.

Боска, боска, на тебе коску.

ПСКОВИЧИ

Капустники.

Небо кольями подпирали.

Хоцу скацу, хоцу не скацу.

Когда-то во Пскове было долго ненастное время, тучи ходили низко, так низко, что православные думали — небо валится на землю. Собрались на мирскую сходку подумать — как бы отбыть беду. Три дня псковичи думали, а на четвертый прила-

дили дело: «Разобрать городьбы, да кольями подпереть небо». Разобрали городьбы и стали с кольями по всем концам города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идет посадский по всему городу, сам бороду покручивает, на народ поглядывает, посередь площади становится, а сам говорит: «Здорово-те православные! Отбыла беда, идите по домам».

Будто в старину, когда просватывали невесту, мать делала из пояса круг посередь полу, а невеста становилась на лавку. Отец с матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвечать: «Хоцу вскоцу, не хоцу не вкоцу». Если она соглашалась, то становилась в круг, а если нет, то начинала плакать.

ПЕТЕРБУРЖЦЫ

Питер бока вытер.

В Петербурге денег много, только даром не дают.

Питер кому мать, кому мачиха.

ПОДОЛЬЦЫ

Пан дере с жида, с пана юриста, и с юриста по триста.

Он хуже Лютера и Кальвина.

ПЕНЕЖАНЕ

Покупала по цетыре денецки, продавала по два грошика; барыша куца куцей, а денег ни копеецки.

Одна пенежанская крестьянка приехала когда-то из деревни в город Пенегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда муж спрашивал у ней, что она делала в городе? Жена ему отвечала вышеприведенными словами.

ПОШЕХОНЦЫ

Слепороды.

В трех соснах заблудились.

За семь верст комара искали, а комар у пошехонца на носу сидел.

На сосну лазили Москву смотреть.

Бывало, когда пошехонец начнет хвалить свою родину, то говорит: «У нас боста не бьютче, не борютче, а тот добрый

молодец, кто 33 пирога с пирогом съест». Из такого порядка счисления выводили, что они не знали счету далее 33-х.

О старинных проказах пошехонцев у нас на Руси была издана особенная книга: «Анекдоты древних пошехонцев». Соч. Василия Березайскаго. СПБ, 1798. Второе издание было напечатано в 1821 году, с прибавлением словаря. Но это собрание пошехонских анекдотов состоит больше. Частию из произвольных вымыслов, а часть даже переведена с польскаго.

РЖЕВЦЫ

Батьку на кобеля променяли.

РОМАНОВЦЫ

Схорони концы.

Барана в зыбке закачали.

Когда-то в старину один из романовских поселян украл ягненка. Встасковался хозяин по ягненку! Нельзя жить без него — всем он говорил. Наложу руки на себя — кричала его жена. Сжалились православные над бедняками, ударили в набат. Сошлись миряне на сходку. Вот мир и придумал: идти с повальным обыском по домам, а как виноватаго найдут — так без пощады в реке утопить. Приходят к вору с обыском. Романовец, прослыша про мирской приговор, спеленал ягненка, и положил в колыбель. Входят миряне. Романовец качает барана, будто своего дитя. «А где, родимой, ты спрятал-то барана?» — говорили ему старики. — «Вот вам правая рука! Даю чрез милое дитя и чтобы ему с матерью на поторчать», — отвечал романовец старикам.

РОСТОВЦЫ

Вислоухие.

Лапшееды, огородники.

Озеро соломой зажигали.

У нас-ти в Ростове, чесноку-ти, луку-ти много, а навоз-ти все конский.

Вислоухими — старики прозвали Ростовцев за зимнюю шапку с длинными ушами, лапшеедами — за любимое их кушанье — лапшу.

Когда-то в Москве понадобилось много рыбы. Послали батраков с наказом по городам: свозить рыбу в Москву. Такия прибыльныя вести дошли до Ростова. В то время на дворе стояли крещенския морозы. Озера все замерзли. Думают ростовцы: где же взять рыбы? Не стать из снегу валять. Думали день — не придумали; на другой собрались и порешили: снять с крыши солому, да соломой и растопить озеро. Сняли солому с крыш и привезли на озеро. Ну, ребята, говорит староста, зажигай на счастливую! Запылала солома, что твой Иванов день. Озера не растопили, только деревню спалили.

РЯЗАНЦЫ

Кособрюхие.

Мешком солнышко ловили.

Блинами острог конопатили.

Макары.

Мужик для поговорки шел до Москвы.

Когда на походе Петра I под Полтаву жители известнаго села Деднова Рязанской губернии отправили от себя старосту с отборными крестьянами, встретить государя хлебом-солью.

Приняв усердное приношение крестьян, государь спросил старосту об его имени, последний отвечал, что его зовут Макаром. Государь промолвил — хорошо, и спросил о том же других дедновцев, те, думая, что имя старосты понравилось царю — все назвались Макарами. Петр I промолвил: «Будьте же вы все Макарами».

Когда-то рязанцы воевали с москвичами. Сошлись стена со стеной, а драться никому не хочется. Вот москвичи и догадались: пустить солнышко на Рязанцев: «Ослепнут де они. Тогда и без бою одолеем их». Засветило солнышко с утра, а москвичи и стали махать шапками на рязанскую сторону. Ровно в полдень солнце поворотило свой лик на Рязанцев. Догадались и рязанцы: высыпали из мешков толокно, и стали ловить солнышко. Поднимут мешки вверх, наведут на солнышко, да и тотчас завяжут. Поглядят в верх, а солнышко все на небе стоит, как вкопанное. Не сдобровать нам, говорили рязанцы. Попросим миру у москвичей; пускай солнце возьмут назад. Сдумали и сделали.

Когда-то прогневался воевода на Рязанцев и грозил им большой бедой. Проходит год, проходит два, а воевода все не выдумает большой беды. Наступила масленица. Запировали рязанцы. Бьет воевода в набат; сбираются православные на базар. Идет воевода, не кланяется, а подошед к людям молвил: «Вы де не забыли, что острог не замшен? Конопатить скорее!» — До того ли рязанцам было; у всех одно на уме — блины.

Вот и придумали мужики: всех блинов непоедим, пост на носу. Законопатим острог блинами. Сдумали и сделали. Идет воевода смотреть острог. Смотрит: везде крепко. Давно бы такто, говорил воевода рязанцам, слушались меня.

СИБИРЯКИ

Сибирь — золотое дно.

Тепло, жарко да масляно — сибиряк любит.

Чевотники.

СМОЛЬЯНЕ

— Якой губернии? — Смоленской. Якого уезда! Города? — Дарогобужа. — Якой волости? — Демьяновской посады. — Якова барина? — Про то не ведам.

Кружники.

Хоть бейся о Малаховския ворота.

Крепки как Малаховския ворота.

СЕРПУХОВЦЫ

Дядя едет от Серпухова, бороду гладит, а денег нет.

СОЛИГАЛИЧАНЕ

Бревенщики.

Известняки.

СПАСЦЫ

Откуда ты молодец?

Спасский купец. — Чем торгуешь? — Красным товаром: свещами и чистым дегтем.

СТАРОРУССЫ

Лошадь съели да в Новгород писали, чтоб еще прислали.

СУДИСЛАВЦЫ

Грибовики.

Сыроежники.

СОЛЬВЫЧЕГОДЦЫ

Язык на сговоре.

СУЗДАЛЬЦЫ

Мазанщики.

В Суздале да Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться.

СТАРИЧАНЕ

— Возьми сорок алтын? — Сороци, не сороци, а меньше рубля не отдам.

— Петуха встречали с хлебом-солью.

Прослышали старичане, что в их город Старицу идет грозен посол. Надо умилостивить грознаго посла — говорили старики на мирской сходке. «Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь от вас». Придумали старики: напечь пирогов с яйцами и идти за город с поклоном на встречу послу. По сказанному, как по писанному, все было сделано. Прибежали ребята с поля, поведали всем: «Пришел грозен посол, стоит у города; шуба на выворот, сам низенек, а поперек его о пяти охват, словечка не молвит, а шипит только». То не грозен посол подходит к Старице, а залетел индеский петух. Вышли старичане встречать грозна посла. Встречали по старому, все без шапок, а старики говорили петуху: «Вот тебе пирог и яйцы, не погуби наш город Старицы».

ТВЕРИТЯНЕ

Ряпучиники.

— Забегай, забегай! — А что? — Не видишь, что куница бежит? — Это собака с Клементьева двора. — Ну, так пускай бежит.

Новоприведенная девонька.

Цвякалы, цуканы.

ТАМБОВЦЫ

Молоканы.

Хрептуки степные.

ТИХВИНЦЫ

Свято то место, где тихвинца нет.

Козу на колокольню тащили.

ТОРОПЧАНЕ

Рак не рыба, а грек не человек.

Таботеры.

Топчанина обманет цыган, цыгана — жид, жида — грек, а грека — чорт.

Цыгану лошадь на лапти променял.

Говорят старики, что такое новгородское присловье о торопчанах разошлось из Новгорода по всем городам, когда цыган выменял лошадей на лапти во всем Торопце.

ТРОЙЧАНЕ

Поляк с пушками, а мы с клюшками.

ТУЛЯКИ

Живет в Туле, да ест дули.

Бей челом на Туле, ищи на Москве.

Стальная душа.

Блоху на цепь приковали.

Бачика присядь, присядь — чижи летят.

Хорош заяц, да тумак, хорош малый, да Туляк.

Очень, очень давно было, когда тульские оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всем расспросам, никто уже не помнит; тогда, говорят, старожилы, они любили сидеть под мостом и встречали проезжих гостей. В этито времена они заслужили себе присловье: «Хорош малой, да туляк».

В старину тульские оружейники бывали большие охотники до чижей и соловьев. С начала весны они отправлялись по местам ловить певчих птиц. Когда-то отец с сыном долго бродил по лесам без всякой удачи. Отец влез на дерево посмотреть, а сын разставлял тенета и сыпал для приманки семячко. Вдруг полетели чижи. Отец этого не видал. Сын кричит ему: «Бачика! Присядь, присядь — чижи летят». Отец все посматривает вдаль. С досады и отчаяния потерять чижей, сын берет дубинку и сталкивает отца с дерева.

УСОЛЬЦЫ

Огуречники.

УГЛИЧАНЕ

— Небось, небось батька! Ведь это не наше.

Было время, — говорят старики, — котораго давно никто не помнит, — ненастное и голодное; в это-то время собрались углицкие мужики, отец с сыном, поворовать с горя. Ночь была темная, а отец на беду еще был и подслеповат. Как вышли из двора, то и дорога пропала. Пропели третьи петухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. Поди, батько, так говорил сын отцу, ты посмелей меня. Как на беду, отец, куда не придет, везде мерещится ему свой дом. Сын указал отцу чужой дом. Лезет старик на сыниных плечах и за что не дотронется, все как будто свое берет, а сын ему кричит: «Не бось, не бось, батько! Ведь это не наше!»

УСТЮЖАНЕ

Мазы.

Черносеребренники.

Красноязыки.

ФИНЛЯНДЦЫ

Упрям как финн.

В Швеции говорят об упорстве финляндцев: «Упрямы, как чухны», «залили за шкуру сала», «Выборгский треск».

ХОЛМОГОРЦЫ

Заугольники.

Царя из-за угла встречали.

Когда-то Петр Великий проезжал в Архангельск, то холмогорские староверы из страха, боясь приблизиться к государю, смотрели на него из-за угла. С тех пор будто соседи стали их называть — заугольниками.

ЧУХЛОМЦЫ

Рукосуи.

Чухломский рукосуй!

Рукавицы за поясом, а других ищет.

ШЕНКУРЦЫ

Не по одежке протягивает ножки: у него расход, как в Кириллове монастыре, а приход как в репной пустыне.

Вышеприведенное присловие объясняется следующим: сколь богат был Кириллов монастырь (в Новгородской губ.) именовавшийся в древности Городом, столь бедна была Репная пустынь (Вологодской губ.), упраздненная при состоянии штатов.

ШУЯНЕ

Беса в солдаты отдавали.

В Питере бывал, на полу сыпал и тут не упал.

Кабы мне крепкаго мыльца.

ЮРЬЕВЦЫ

Китаешники. Балалаешники.

ЯРОСЛАВЦЫ

Красавцы — белотелы, песенники.

Ярославль городок — Москвы уголок.

Пуд мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли.

Народныя поверья, приметы, предсказания, предразсудки и обычаи

Русския народныя поверья, приметы, предсказания, предразсудки и обычаи вмещают в себе подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род русским народом. Наши письменные памятники намекают о них, когда наука заставляла указать народу на какия-либо вредныя следствия.

Здесь мы представляем те из наиболее интересных преданий, которыя содержат в себе различныя сказания о тайнах, доселе признаваемаго народом нашим, мнимаго чернокнижия.

А также помещаем здесь и те многие случаи из обыденной жизни народа, котореы, на основании многократных опытов, признаны мудростию народной за знаменательные, и потому в понятиях простолюдина сложившиеся в форму чего-то роковаго, неизбежнаго, и на основании таковаго понятия все подобные случаи, в глазах народной массы, являются уже не как простая случайность или обыкновенное стечение обстоятельств, а чем-то в роде фатума, заранее предрешающаго то или иное положение человеческой судьбы, а иногда и самой жизни человека, и вследствие такого решающаго значения, все подобные случаи начинают играть в обыденной жизни народа одну из важных ролей, которая всегда и везде, в мало культурных населениях, сводится к всему фатальному и таинственному, чего не в состоянии объяснить себе простой человек.

Вместе с тем, здесь же мы помещаем и все то, что так или иначе имеет связь с фатальным или таинственным; так как, подобно случаям, в силу каких-либо обстоятельств, становящимся в глазах народа приметою, — все сказания, поверья и обычаи, имеют основанием своим один и тот же корень, то есть — все таинственное и фатальное, — и раз где-либо привившись и войдя в строй народной жизни, — потом уже все эти приметы, поверья, сказания и т. п. как устно, так и письменно переходят из рода в род и делаются вечной и необходимой принадлежностию простаго русскаго человека.

О народных поверьях, приметах и проч.

Все суеверныя народныя поверья, приметы, чудесные секреты, не имея основанием своим никаких уважительных причин, проистекают от младенческаго легковерия, от односторонняго на все предметы воззрения.

С распространением истиннаго просвещения, основанного на твердых понятиях религии и чистой нравственности, умы людей укрепляются, делаются самостоятельными, и не покоряя себя легковерию, разсматривают предметы со всех сторон. Почему все страннее кажется, когда и теперь еще встречаем людей, имеющих доверие к старинным поверьям и приметам.

Заблуждения сии так многоразличны, что даже невозможно собрать всех бредней, которым верят, особенно в провинциях. Достаточным считаем показать здесь только те немногия, которыя в большом доверии были у многих в старину, а также некоторыя иностранныя для сравнения, что и сии не прочнее наших имеют основание. Так, например:

Древние имели большое доверие к некоторым дням; от них идут предания: что накануне Иванова дня, искать должно кладов.

Накануне Новаго Года узнают судьбу свою. Для сего льют олово, воск; льют свежее яйцо в стакан воды, полют снег, слушают прохожих, кидают башмаки, стелют мост под изголовьем и проч.

А

Аграфенин день. — (Аграфена купальница).

Июня 23 дня церковь празднует память святыя мученицы Агриппины, которая в простонародии прозвана Купальницею по следующей причине:

Древние славяне признавали идола Купало богом плодов и праздновали ему 23 и 24 июня. Разложив огонь, они плясали перед ним, производили разныя игры и перескакивали через него, часто припевая имя Купалово, за это ожидали они в тот

год изобилия плодов и великаго урожая. Следы этого языческаго обряда остались во многих деревнях и между нынешними христианами, а потому Святая Агриппина всеми простолюдинами и называется Купальницею, по произвотству этого прозвания от имени идола Купало.

К числу мест, почитавшихся у древних язычников за святыя, принадлежит и находящаяся по Рижской дороге, в десяти верстах от Санктпетербурга, липа, ветки которой, переплетясь с отраслями ближайших дерев, составляют как бы природную беседку, замечательную еще тем, что император Петр Великий неоднократно отдыхал под ея тенью. На этом месте, накануне Иванова дня, то есть на Аграфенин день, сходятся Ижорки и разложив большие огни, препровождают всю ночь, распевая песни, в которых повторяется имя Купало; потом сожигают Белаго петуха, начинают плясать, скакать и вся эта сцена, совершаемая в ночном мраке, при зареве пылающих огней, заключает в себе что-то фантастическое и необыкновенное в нашем христианском быту.

Антихрист — то есть противник Христа.

Раскольники утверждают, что Антихрист воцарился уже мысленно, в то самое время, как началось в Москве исправление церковных книг, что Москва есть Вавилон и престол Антихристова царства, и что настало уже время пришествия Христова; по этому некоторые, зажигая свечу, молятся ночью всегда до пения петухов, в ожидании Страшнаго суда и потом уже ложатся спать.

Аршина на кровать не класть — покойник будет.

Аметист имеет симпатическую силу удерживать и исцелять человека, имеющаго его при себе, от пьянства и запоя.

Ассо — азиатский камень, имеющий силу съедать без всякой боли дикое мясо и наросты. Он собою легок, мягок и покрыт мучною пылью.

Б

Брак. — В русском простонародии брак сопровождается следующими обрядами:

Накануне венчания призывается в дом жениха шести или семилетний мальчик; он укладывает в нарочно-купленный для того ларчик разныя вещи, которыя в этот же вечер жених должен отвезти в подарок к невесте, а именно: башмаки, опахало, серьги, пряжки, белила, румяны, перчатки и т. п. В бытность жениха у невесты, он садится на мохнатой шубе, в знак благополучной, будущей жизни в супружестве. На другой день перед поездом в церковь тот же мальчик, или другой, с невестиной стороны, должен обуть невесту в новыя башмаки, и продает ея косу за гривну или за рубль, то есть, что дадут. Невеста, в знак ея покорности, обязана разуть жениха, причем он кладет в правый сапог деньги, а в левый плеть: когда невеста примется сперва за левую ногу, то жених, вынув плеть, ударяет невесту, а когда за правую, то отдает ей деньги. Новобрачных никогда не кладут спать в жилом покое, но в пустом и нетопленном, как бы холодно ни было; и некоторые нарочно для этого строят покой, но земли на потолок не кладут. Под постелью раскладывают ржаные снопы или солому. Если на невесту в церкви, чтобы не испортить головнаго убора, не надевают венца, а держит его какой-нибудь мужчина, то верят, что этот брак будет не действителен и что жена непременно будет иметь любовников, потому что она венца не надевала, или потому, что венчалось их три вместо двух.

На другой день свадьбы, если невеста, находясь в девичестве, не сохранила своего целомудрия, матери ея подносят стакан с дырою, из котораго, когда она возьмет его в руку, потечет напиток, потому что дружка, поднося ей, ототкнет скважину, до того времени зажатую его пальцем.

У Донских казаков жених приезжает за своею невестою верхом на лошади, обвешанной колокольчиками, чтобы невеста могла слышать приезд его. Эти колокольчики хранятся потом или у родителей новобрачных, или у них самих для памяти;

невеста не приносит за собою никакого приданаго, но жених должен одеть ее с головы до ног. У Яицких казаков к сговоренной невесте, до самой свадьбы, собираются каждый вечер ея подруги, поют песни, пляшут и играют с молодцами. В это время, продолжающееся иногда до двадцати недель, жених может обходиться с невестою почти также, как муж с женою. В девишнике он должен принести ей в подарок венчальное платье и весь женский убор, невеста же дарит ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. После венчания невеста едет из церкви на телеге, позади сидят мать и сваха, у которой на всех пальцах должны быть надеты кольца; та и другая прикрывают невесту с обеих сторон, чтобы зрители не могли видеть ея лица. Перед телегою едет жених с отцом и дружкою; позади телеги едут провожатые на лошадях верхом; один из них держит, как знамя, на длинном шесте, полосатую плахту, какую черкеския жены обыкновенно надевают вместо юбки; эта плахта тем замечательнее, что здешния женщины не носят ея. Собравшиеся к новобрачным гости проводят день бракосочетания в питье, в плясках, песнях и притом по большей части на улице. У этих казаков был прежде такой обычай, что если кто не хотел долее жить с своею женою, то выводил ее на площадь и продавал.

Вот какия обыкновения при сочетании браком у жителей Восточной Сибири, и преимущественно у камчадалов. Когда кто намеревается жениться, то, высмотрев себе невесту обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселяется туда жить, и объявя невестину отцу или матери о своем желании, несколько времени работает у них, стараясь выказать удальство свое и проворство, и услуживая всем пуще наемнаго работника, а наиболее своему будущему тестю, теще и невесте, потом требует позволения хватать невесту. Если поступки его понравятся родителям и сродникам невесты, а также и ей самой, то он получает соизволение на свою просьбу; в противном случае или вовсе пропадают его услуги, или отпускают его с некоторым награждением. Иногда случается, что такия женихи, ничего никому не сказав, приходят жить в чужой острожек и работают там, хотя всякий, по их услугам может догадаться, с каким намерением они это делают, однако их о том не спрашивают и не

говорят им ни слова, пока они или сами или через других, не объявят родителям невесты о своем желании.

Получив позволение хватать невесту, жених ищет такого случая, чтобы где-нибудь напасть на нее в малолюдстве, потому что она находится тогда под охранением всего женскаго пола того острожка, и эти охранительницы ея редко от ней все отлучаются. Сверх того, во время хватанья она бывает опутана рыболовными сетями и обвязана ремнями, так что не может поворотиться, и если жениху удастся улучить свою невесту в малолюдстве, то он со всех ног бросается к ней и дерет на ней платья и сети, чтобы коснуться ея грудей, потому что в этом заключается весь обряд бракосочетания. Между тем, как сама невеста, так и сопровождающия ея девки и бабы производят ужасный крик, и хотя она не желала бы, да и не может противиться, но проводницы ея поступают с женихом без всякой пощады и милосердия, бьют его, таскают за волосы, царапают у него лицо и употребляют все уловки, чтобы не дать ему схватить невесту. Если жениху посчастливиться и он достигнет своей цели, то сам отбегает прочь от невесты, а она провозглашает его победу умильным или жалобным голосом. В этом состоит весь брачный обряд; однако эта церемония тянется иногда целый год или больше, и после каждаго хватанья жених принужден бывает поправлять свои силы и залечивать раны. Бывали примеры, что некоторые, после семилетняго хватанья, вместо невесты получали увечье, будучи сброшены бабами с балаганов. Кто схватит невесту, тот в следующую ночь приходит к ней безпрепятственно; на другой день он увозит ее в свой острожек, и для празднования брака возвращается к невестиным сродникам, по прошествии некотораго времени.

Женитьба детей у калмыков зависит единственно от воли родителей, но прежде сватовства они приходят к своему гелюню или главному духовному лицу, и объявляют ему имя жениха или невесты, год и число, когда они родились. Гелунь справляется в своем сударе и объявляет соизволение бурханов. Если, по его мнению, предвещание о свадьбе будет худое, то брак ни под каким видом совершится не может; тогда отцы дарят гелюня

столько, что он этими подарками может и бурханское соизволение переменить в хорошее предзнаменование.

Получив от гелюня доброе предзнаменование, родители договариваются о Колыме или выкупе при свидетелях с обеих сторон. Невеста обыкновенно должна принесть в приданое жениху новую кибитку, несколько всякого скота и ясырь, т. е. прислужников и прислужниц.

Брак совершает гелунь во время новолуния: он сперва приводит новобрачных к бурханской присяге, во взаимной верности, потом выводит их из кибитки, приказывает им смотреть на солнце и читает свои молитвы, при которых жених с невестою кладут земные поклоны. По совершении молитв гелюнь накладывает на них руки, и этим все оканчивается.

После этой церемонии невесту сажают в кибитку за занавес, а жених садится спереди, между тем родня жениха и невесты берет сырую овчину и тянет ее сколько силы есть; если женихова родня втянет в кибитку невестину родню, то невестина родня принуждена бывает исправлять свадебную попойку, и обратно. При начатии пирушки невесту вводят в ея кибитку, где она веселится с женским полом, при звуках музыкальных инструментов, состоящих из волынок и гудков. Молодой воспрещается видеться с свекром и с старшею мужниною роднею, даже отца своего может она посетить не прежде, как по прошествии года; тогда она получает от него назначенную ей долю, как то: верблюдов, разный скот и пр.

Калмыкам, по их вере, воспрещено иметь много жен, но этот закон не так строго соблюдается, чтоб у кого-либо из их знатных людей или начальников не было по две или три жены; впрочем, такие примеры редки. Хотя им не позволено разводиться с женою, однако разводныя такого рода у них довольно не редки, особенно у знатных. Если калмык имеет причину быть недоволен своею женою, или она сама пожелает развестись с ним, то ему предоставляется право раздеть ее до нага и прогнать плетью; если же он хочет разстаться с нею честным образом, то сзывает ея родственников к себе на пир, дает жене оседланную лошадь и столько скота, сколько хочет или может дать, и с этими дарами отпускает ее от себя.

Древние Россияне при брачных сочетаниях поступали следующим образом: перед поездом в церковь, жених садился с невестою рядом или на соболи или на какой-нибудь другой мех; сваха чесала им головы, обмакивая гребень в меду или в инее, которое держал нарочный в ковше. Потом осыпали их осыпалом, то есть деньгами или хмелем, тут же зажигали брачныя свечи, которыя бывали слишком по пуду, смотря по состоянию новобрачных, а для зажигания употребляли особую Богоявленскую свечку. В церковь возили с собою вино в стклянице, и когда священник давал пить жениху и невесте, то при последнем разе жених разбивал стклянницу с оставшимся вином об пол и топтал бутылку ногою. Брачныя свечи скатывали потом вместе, ставили в кадку с пшеницею и оставляли на целый год в сеннике, у изголовья постели. Сенник приготовляли следующим образом: ставили по всем четырем стенам иконы, в головах постели, над дверьми вешали по воздвизательному кресту, по всем четырем углам втыкали по стреле, на них по соболю или по кунице и по калачу, а на лавках по углам ставили по оловянному меду. Постелю стлали на двадцать одном ржаном снопе, и когда подавали на стол последнее кушанье, то есть жаркое, то дружко, обернув блюдо с жарким, калачем и солонкою, относил к постеле в сенник, куда потом отводили и молодых.

В дверях у сенника отец посаженный сдавал с рук на руки новобрачную ея мужу, и говорил увещательную речь о содержании супруги на узаконенных порядках. Когда подходили они к постеле, жена тысяцкаго, надев на себя две шубы — одну как должно, а другую навыворот, опять осыпала молодых осыпалом, т. е. деньгами, хмелем и зернистым хлебом, и кормила их уже в постеле. По утру приходили те же лица, которыя и накануне участвовали в свадебном обряде, снимали одеяло с молодой и свидетельствовали ея невинность; потом водили молодых в мыльню, по выходе из которой кормили их кашею, после чего молодая наделяла пришедших гостей разными дарами и овощами. Когда молодой, на другой день после брака, бывал в мыльне, тогда теща присылала ему все платье, то есть такое, в каком из мыльни или бани можно дойти до покоев.

Во время венчания в церкви подстилали молодым под ноги камку или другую какую-либо материю, а сверх ея расстилали соболи или куницы, или другую мягкую рухлядь. Впрочем, во время брачнаго торжества, когда молодой брал за руку свою молодую, то должен был вести ее до назначеннаго места, не опуская ее руки, а иначе, как говорили, между ними было бы вечное несогласие. У малороссиян женихов отец посылает двух сватов к невестину отцу и дает им хлеб. — Если отец невесты изъявить свое согласие, то сваты оставляют у него хлеб в залог, а на обман от него берут другой, и потом назначают день свадьбы. На все время свадьбы избирается из девушек одна светилка, которая, сидя в продолжении стола в большом углу, держит увитую калинными ветвями с ягодами казацкую саблю; на этой сабле налеплена восковая зажженная свеча — тройчатка. После венчания, вышед из церкви, новобрачные расходятся по своим домам, а пообедав, жених благословляется от отца и матери хлебом и солью и едет к невесте в дом. Посредине невестина дора ставится квашня, накрытая скатертью, а на квашне лежит хлеб и стоит стклянка. Мать невесты выходит навстречу в вывороченной шубе, сидя на вилах или кочерге, и держа в руках горшок с водою и овсом, она дарит его зятю, а он выливает из него воду на гриву своей лошади, и отдает пустой горшок старшему дружке; тот бросает его в сторону — и если горшок разобьется, то молодая родит сына, а если уцелеет, то дочь. Потом брат или сродник продает невесту, говоря, что она в пятнадцатилетнее пребывание у них съела пять бочек бураков, то есть свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабанов или боровов, десять овец, сто гусей, двести кур, семьдесят пять уток, двадцать кулей хлеба; выпила пять бочек пива, две бочки меду, пять бочек горелки, то есть хлебнаго вина, за что получает две или три копейки. По выезде из дома невесты, жених стегает ее несколько раз плетью, приговаривая — покидай нравы отца и матери и привыкай к моим.

При въезде в дом жениха, в воротах зажигается пук соломы, через который все должны переехать. После ужина, невеста разувает жениха, который бьет ее голенищем, и она получает лежащия у него в сапоге деньги. Если невеста сохранила свое

девство, то все гости идут в дом ея отца, и с радости бьют у него окна, ломают печи, лавки, столы, стулья и все, что ни попадется по руку, — за что отец не только не досадует, но еще дарит их. Потом, взяв невестин красный передник, по ихнему запаску, привязывают его на высокий шест и выставляют у ворот на целый день в знак целомудрия невесты. Отпраздновавши у всех, приходят опять в дом жениха, где свекор, взявши палку, тычет ею в глаза невестку и спрашивает у ней: не слепа ли она? Потом подчивает горелкою — Это еще не все: дружка, жених и все гости идут опять в дом невесты и приносят с собою курицу, окладенную ветвистою калиною и пирогами без начинки, называемыми стульни. Дружка разрезывает курицу и дает отцу голову и два пирога, теще столько же пирогов и гузку; а потом всем гостям по куску пирога и курицы. В этих обрядах и пирушках проходит целая неделя, и гости веселятся: идет у них разливанное море, не умолкают песни и музыка. Описав свадебные обряды некоторых наиболее замечательных, обитающих в России племен, нельзя не заметить, что нигде невесту, входящую в дом жениха, не поносят так, как в городе Торопце. — Там жених и все его домашние нарочно призывают для этого девушек, которыя при входе невесты от венца в дом ея будущаго мужа, стоят на пороге и поют:

«Нам чильбы Василисчика во трех шубах, ажно она беременна, ты несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянечку. Оглянись-ко ты назад, полюбовники стоят, да по грамотке держат».

Баран каменный. — Камчадалы, когда желают найти неизвестнаго вора, похитившаго вещи, принадлежащия другому, жгут становыя жилы этого барана, при многочисленном собрании посторонних людей и в присутствии Шаманов, потому что по их мнению, как сводит огнем жилы, так точно после того судороги схватывают и корчат похитителя.

Береза. — Некоторые из древних Чудских народов обитали в таких местах, где было очень мало лесу, а березовых дерев и вовсе не находилось. Наконец увидели они не только на степях своих, но и внутри самых жилищ возрастающия березовыя

деревья. Это не свойственное странам их растение, покрытое белою корою, привело суеверных в несказанный ужас. Они прибегли к гаданию, и волхвы их рассказали им, что это предвещает завоевание их земель белым Царем, потому что это растение переселилось к ним из его владений. Легкомысленный народ, поверив этому предсказанию, оставил свои города и жилища и перебрался в другия места.

Благовещение. — Суеверные утверждают, что когда птица проспит благовещенскую заутреню или в этот день завьет гнездо, то в наказание отнимаются у ней на несколько времени крылья, и она не может летать, но ходит по земле.

Борода. — Раскольники почитают этот пучок волос важнее всех прочих своих членов и дороже самой головы. По их мнению, они с бородою составляют образ и подобие Божие. Глупцы не размышляют о том, что Бог есть Дух, что плоть наша ни малейшаго подобия Его составить не может и что если представляют Его в образе человеческом, то это для того только, чтобы Высочайшее Существо было как бы осязательнее для наших земных чувств. Основываясь на таком ложном и превратном понятии, раскольники готовы скорее лишиться голов, нежели бороды. В это заблуждение ввели они многих легковерных и в истории Петра Великаго, приказавшаго брить бороды, мы видим много забавных, любопытных и даже кровавых сцен, к которым лишение бороды подавало повод.

Большое иней, бугры снега, глубоко-промерзлая земля, — к хлебородию.

Белыя пятна на ногтях пальцев — к обновке.

Брови свербят. — У кого засвербят брови, — тот будет смотреть на потных лошадей, то есть, на приехавшаго к нему издалека гостя, и ему кланяться; или кланяться будет за сделанное ему какое-нибудь боагополучие.

Браниться в Егорьев день не советуют по тому поверью, что того убьет громом.

Блохи кусают — перед дождем; вши заходят — тоже; мухи становятся особенно назойливы — тоже.

Бородавки кто будет намазывать по несколько раз в день пивными дрожжами, и не вытирая даст засохнуть — у того в короткое время бородавок не будет.

Булавку давать не должно, чтобы не раздружиться, а уж если нельзя обойтись, то сперва уколоть того в руку, кому давать приходится.

Бросают горсть земли в могилу, чтобы не бояться покойника.

Большак (банник) — живет исключительно в бане. Ходить вечером или ночью в баню не только страшно, но и опасно, так как банник — дух не добрый и может принести человеку смертельный вред.

Большуха начинает считать деньги. Посчитавши лезет на голубец, открывает трубу и кричит там, клича скотину по очереди и каждую по имени. Потом берет косу и делает вид, что косит, потом серп и жнет, потом молотило и молотит (все это в избе, конечно); до прихода народа она еще сходит за вересом (т. е. можжевельником — для паренья кринок) и, наконец, начинает пахтать сметану. Возьмет соли, завернет ее в тряпку, обмакнет в друзги и бросит в печь. Эта «четверговая» соль употребляется от зубной боли.

В

Водяной дедушка. — Он живет в воде, особенно мутной и возле мельниц, уносит купающихся без креста, а больше все-

го маленьких ребятишек, в бездонную пучину, где воздвигнуты у него великолепные хрустальные чертоги, окруженные стадами золотых и серебряных рыбок.

Волосы. — Остригая волосы, также и ногти, суеверные люди берегут их в особом месте, и кладут с собою в гроб, веря, что на том свете в каждом их волоске потребуют отчета.

Воробей водяной. — Эта птичка водится в Сибири и в других, прилегающих к ней, местах. Она ныряет в самыя глубокия реки, собирает на дне их мелких водяных червячков и выходит оттуда сухая. Многие уверяют, что если кровью или жиром этой птички, котораго очень немного набрать можно, намазать человеческие члены, то они навсегда будут предохранены от мороза. Суеверы почитают воробьев проклятою птицею, веря сами и уверяя других, что они в то время, когда распинали Христа, опять приносили ко кресту те гвозди, которые ласточки, кравши у римлян, уносили. В наказание за это воробьи имеют на ногах оковы, которых люди видеть не могут, и потому птички эти никогда не переступают, а все перепрыгивают.

Воск. — Из дому своего не должно выносить воску, потому что, как уверяют, пчеловодство от этого будет не прибыльно. Так как в простонародьи утверждают, что разбойники заговаривают ружья, и никакия пуля в таком случае вредить им не можем; то, когда пулю облеиливают воском и стреляют ею, тогда никакой заговор на нее не действует, и разбойник непременно будет убить.

Встреча. — Когда покойник, женщина, девица, свинья или лысая лошадь попадаются первые на встречу, в этот день успеха ожидать не должно; если кто встретится с чем-нибудь полным, т. е. с полными ведрами воды или другим чем — это означает успех в предпринятом намерении.

Ворон в кучу собираются — к ненастью.

Вороны каркают, стаей летают — к ненастью; зимой — к морозу.

Ворон когда прилетит и сядет на кровле дома и будет кричать — то знаменует, что непременно в том доме умереть комунибудь скоро должно.

Волк никакого зла не сделает овцам и прочей скотине, если пастух носит при себе имя святого Василия, написанное на бумажке и привязанное на верху его посоха.

В дорогу отъезжай — во Вторник, либо в Субботу.

Воспреемники как друг к другу, так и к родителям младенца становятся в родственные отношения, называют друг друга кум, кума, божат, божатка, крестник, крестница. К крещению божатка приготовляет крестнику рубашку, божат — крестик, или дает денег на крестик. Родильница иногда получает от воспреемника ситцевый платок. В Никольском уезде в день крестин пекут особые пирожки с овсяной мукой, намазанные сверху маслом; они зовутся кстинчики. Беременной женщине нельзя воспринимать младенца: или он умрет, или она не доносит, а если и доносит, то ея ребенок не будет жить.

Вступать с гордым в спор — все равно, что в огонь подкладывать дров.

В старину опоясывали детей ниткой, спряденной невинною девочкой — для излечения от глистов.

Волденка (волнушка) раньше рыжика стала рости — не жди грибов. Если пошел крупный прямой дождь — грибы пойдут рости. (Грибовый дождь).

Вытрясать скатерть за окно до Вознесения — Христа ушибешь; плевать за окно — в него попадешь.

Вода воды ждет, т. е. если роса велика, то будет дождь.

В огонь плевать — пузыри на языке вскочут; также если дунуть на свечку (а надо загасить ее пальцами).

Вихти (стельки) из сапог нельзя вытрясать на таком месте, где ходят: кто перешагнет — у того будет насмока; отлимить от себя насмоку можно обманом; придешь к кому и спросишь: «чего с озера возишь?» а иной с-глупа и скажет — «осоку» — «так вот на мою насмоку высморкаешься», и кинь в него сопли или можно потихоньку намазать сопли на скобу (дверную) суседу; кто возьмется за скобу — к тому перейдет вся насмока.

Волосы и ногти хранить — было в обычае у некоторых суеверов, которые думали, что на том свете придется за каждый волосок отдавать отчет. При расчесывании оставить прядь волос не заплетенною — значит дорога из дому.

Воск из дому выносить самому не должно, так как это убыль пчеловодству.

Голубь в окно влетит — быть пожару, или кому-нибудь умереть; иногда быть вестям.

Вода, которой обмывали покойника, считается верным средством от запоя, но опасным. Даже кормят пищей, приготовленной на этой воде. По этому случаю разсказывается следующая легенда. Одна женщина, чтобы отучить своего мужа от запоя, напоила его водой с покойника. Вскоре он попросил есть. Она накормила его пищей, приготовленной на той же воде. Всю поданную пищу мужик съел с необыкновенной жадностию, а насытится не мог и стал просить еще и еще... Съевши все, что было в доме, он принялся грызть свою жену и с таким остервенением, что соседи не успели сбежаться на ея крики, и она была уже загрызена.

В Кадниковском уезде (Нодима) разсказывают, что на Новый год черт выгоняет коров пастись к устью какой-нибудь речки, и если обойти это место с иконой, то чорт хотя и выско-

чит и коровы разбегутся, но двух-трех все-таки можно успеть захватить. Коровы эти какия нибудь «хватанныя» или «проклятыя».

В Тройчине Кадниковского уезда есть поверье, что кто желает быть невидимым, тот во время христовской заутрени должен придти в баню и найти там «банника», который в это время обыкновенно спит, снять с него шапку и бежать с нею, как можно скорее, в церковь. Если успеешь добежать до церкви, прежде чем банник проснется, то будешь обладать шапкой-невидимкой, иначе банник догонит и убьет.

Водяной — всегда злобный дух, и его очень опасаются. Без креста никто не решится купаться днем, а ночью и с крестом на шее опуститься в воду в глубоком месте представляет большой риск.

В среде народа вращается масса рукописных молитв, отрывков из евангелия с толкованиями акафистов и разных сочинений мистического характера. В числе этих рукописных памятников особенным почетом пользуется «Сон Пресвятой Богородицы», который можно найти чуть не в каждом доме. Он списывается обыкновенно в тетрадку величиною в осьмушку, так как этот формат удобнее всего для ношения в кармане или за пазухой. Отправляется ли крестьянин в дальнее путешествие, или идет из деревни по делам в город, он обыкновенно прихватывает тетрадку с собою, если же в суд, то сон пресвятой Богородицы берется обязательно, «чтобы судьи были милосливы». Сон Богородицы кладут в изголовье больным. Думают, что тот, кто спишет «сон Богородицы» девять раз и раздаст девятерым, тот будет «свят».

Всякия страшныя и гибельныя явления природы, как выпадение града, ливни, бури, грозы и наводнения, считаются — или наказанием, посылаемым от Бога, или делом дьявола. Во время грозы, например, принимаются разныя предосторожности, но обыкновенно суеверныя. Есть во время грозы что-либо считается грехом; всякия занятия оставляются. Под крышу втыкают освященныя в Троицын день березки для предотвращения удара

молнии; снимают иконы и ставят их на окно лицом на улицу; закрывают чем нибудь самовар, чтобы молния его «не увидала»; зажигают перед образами крещенския или христовския свечи; выставляют на крыльцо железную клюку, потому что молния ея боится. При пожаре, происшедшем от молнии, не позволяют кричать, пожар заливают пресным молоком, дробинами из квасника или кидают в огонь сырое яйцо.

Во время пожара, просшедшаго от других причин, затапливают печь в доме соседнем с горящим, веря, что огонь против огня утишит пожар. Также баба, у которой в это время месячныя очищения, обегает три раза вокруг горящего дома, чтобы дьявол не перенес огня на соседние дома. Во время пожара не позволяют ни курить, ни петь, ни свистать. Свистать вообще считается грехом, в особенности в избе, это подражание чертям. «Засвистал, как чорт».

В Тройчине, Кадниковскаго уезда, в ночь на Новый год все члены семьи берут по ложке воды и выносят в холодное место, а поутру смотрят: у кого вода застыла с углублением, тот умрет, у кого ровно или с бугурком — будет жить.

В день Симеона Столпника хоронят мух. Делают из репы гроб, кладут в него муху и закапывают в землю на улице у передняго угла, приговаривая: «муха к мухе идите мух хоронить».

В крещенский сочельник стелют христовскую скатерку, садятся за стол, ничего не говоря, и наблюдают, чтобы на скатерку не упало крошек. Когда отужинают, снимают скатерку и смотрят под стол; там иногда находят три зерна: ржаное, ячменное и пшеничное. Это признак того, что год будет хлебородный. Если нет, то наоборот. Вообще, зерна под столом находят только в благочестивых семьях.

В великий четверг, когда большуха проснется, то будит ребят и велит им кусать пальцы рук и ног сквозь ворот своей рубахи, как это не трудно — для того, чтобы не болели пальцы. Потом

берет ведро, идет на колодезь и, принеся воду, опускает в нее серебрушку (монету). Этою водой все умываются. Девушки берут воду и бегут на хмельник «до вороны» (т. е. пока она еще не закаркала) и умываются тут, приговаривая: «как хмель любят добрыя люди, так бы и меня любили».

Вся семья в этот день (т. е. в великий четверг) окуривается, т.е. шагает через горящий на сковороде можжевельник для того, чтобы очиститься от грехов и чтобы весь год не знать болезней.

В Вологодском уезде в великий четверг ходят в лес кричать для того, чтобы не было хищных зверей. Кричат: «волки, медведи из слуха вон; зайцы, лисы к нам в огород!» При этом стучат в сковороды, звонят в коровьи колокольчики и т. п. Также гребутся пальцами в золе в печурке для того, чтобы находить утиныя гнезда (для яиц).

Г

Георгиев день, 23 Апреля. — В этот день непременно должно выгонять скотину в поле. Говорят, что кто в этот день заводит шум, то уверяют, что того непременно убьет громом.

Гром. — Простолюдины говорят, что когда гром гремит, то это Илия Пророк по небу ездит на огненной колеснице и пускает стрелы в прогневавшего Бога дьявола, который тогда старается укрыться, и, обращаясь в разные виды, особливо в младенцев, просит у людей прибежища, но ему нигде нет пощады. Громовая стрела, убив дьявола, уходит в землю, выходит оттуда уже по прошествии трех лет. Она состоит из кремня. В случае колотья ее окачивают водою, которою обливают больнаго. Простолюдины уверяют, что ежели кто часто или всегда ест гнилой хлеб, то будто тот грому бояться не будет. Услышав в первый раз гром, зимою умываются с серебра, чтобы получить белизну и красоту тела, а также и здоровье.

Гусь красный. — калмыки думают, что в этой птице живет злой дух, и потому, когда нечаянно увидят краснаго гуся, то клянут его и отвращают от него лицо свое, как от нечистой птицы.

Глаза свербят, или зуд под глазами — значит, что в тот день плакать.

Галки и вороны, сидящия с криком перед домом, особенно к утру — к худу.

Гул в трубе — душа покойника пришла.

Гроза — милость Божья в прямом и переносном смысле.

Голубь и ласточка — любимая Богом птица.

Губы зудят — к поцелуям.

Глупый всегда громко хохочет, а человек благоразумный — едва тихо улыбается.

Д

Двойни. — У русских простолюдинов рождающиеся двойни предзнаменуют счастие дому, а у калмыков почитается это за величайшее несчастие, и верят, что одному из родившихся непременно должно будет умереть. То же самое предсказывают и о родившемся в дурную погоду; но его иногда примиряют с бесами.

Деньги медныя. — Деньги медныя, виденныя во сне, означают слезы.

Дид или дидо. — Бог Славянский, о котором часто упоминается в старинных песнях. Он почитался богом, отвращающим любовь, так как брат его Лель — возбуждающим эту страсть.

Догода. — Славянский зефир. Его почитали богом, производителем тихаго и приятнаго ветра и ясной погоды.

Дождь. — если кто отправляется в дорогу и в то время пойдет дождь, то это означает благополучный путь; и вообще дождь, при всяком предприятии, почитают за счастливое предзнаменование.

Доки. — Так называются в деревнях люди, которые могут отговорить, то есть, отвратить всякое чародейство и порчу, но сами никакого чародейства производить не в силах.

Домовой. — Суеверные люди говорят и даже твердо убеждены в том, что во всяком доме водится чорт, под именем domоваго: он ходит в дом по ночам, в образе человеческом, а когда полюбит какую скотину, то всячески ее откармливает, а когда не полюбит, то скотина похудеет и переведется, что и называется, что она не ко двору пришла. Говорят, что он любимым лошадям заплетает на гриве косы и подкладывает сено, также и мужикам, которых полюбит, завивает бороды. Но беда лошадям, не имеющим счастия пользоваться благоволением его; у них он расплетает и почти выдергивает всю гриву, и как будто бы подбивает их под ясли, отчего лошадь поднимает в конюшне великий стук, иногда же находят ее всю в поту или в мыле.

Когда домовой покажется ночью спящим людям, то смельчаки спрашивают его: к добру или к худу? И он отвечает то или другое, что и сбывается будто бы на самом деле.

Ежели домовой кого не полюбит в доме, то делает ему всякаго рода безпокойства, бросает в него, что ни встретилось бы ему под руки, однакож не попадает, хлопает дверьми, наваливается на спящих, так, что они ни одним членом подвинуться не в состоянии, хотя и сохраняют память; и ежели придавленный им ощупает его мохнатым, то это значит к добру. Перед бедою он воет, даже щиплет до сини, но боли на том месте не бывает; когда же хозяину умереть, то домовой во всю ночь воет.

Вотяки называют домоваго Албаст и Кобольт; последнее название дают ему также и немцы. Он живет в пустых домах,

в деревнях, и шалит не только там, но даже и в банях; по этому суеверные деревенские жители сожигают свои ветхия избы и другия строения.

Дорога. — Выезжать на дорогу в Понедельник не должно, потому что, как уверяют она благополучна быть не может, также не предвещает добра, когда перебежит через дорогу заяц или другое животное. Если разстаются с кем нибудь и желают опять скорее с ним увидеться, то должно, при последнем с ним прощании, на возвратном пути домой, оглянуться назад.

Детей отнимать (от груди) в такой день, когда нет св. мученика.

Дождю на «радонницу» (вторник, на Фоминой) не обрадуется.

Чтобы дети мужескаго пола не были трусливы — надобно тотчас по рождению их, дать им в руку шпагу.

Дворовая птица ощипывается — к ненастью.

День Благовещения — суеверы уверены, что в этот день птица гнезда не вьет, а если завьет, то у нея отнимутся крылья и она будет в силах только ходить; а между тем, если в этот день вор что либо украдет, то ему будут на весь год — удачи.

Для облегчения родов, бабка разстегивает ворот рубахи — своей и родильницы, расплетает у нея косу, вынимает серьги из ушей, при родовых муках велит зажечь венчальныя свечи, окачивает водой обручальныя кольца и этой водой поит родильницу; муж же идет к попу и просит отворить царския двери в церкви.

Думают, что если бросить на улицу тряпку, которой перевязался больной, то тот, кто ступит на нее, непременно заразится.

Для облегчения смертной агонии стараются говорить тихо и не шуметь, а больного закрывают чем нибудь белым. — Пока больной не умер, никто не смеет «реветь» (т. е. голосить). Матери плакать об детях грех, потому что «который младенец помер, то это Богу свечка ушла». Ребенок до семилетняго возраста пойдет непременно в рай, а младенец двух или трех лет может даже «поступить в ангелы». — Если умер больной, то и рук не надо, а если маленький, то там с ним водятся. — «Родители не должны плакать по детям, от этого они (дети) уходят глубже, а если не плачут, то возносятся». Но по родителям следует плакать.

Є

Если женщина беременна мальчиком, это признается из того, когда она чувствует, что плод у нее лежит больше в правой стороне; она с удовольствием кушает дичь и даже суровую пищу, и сидя протягивает правую ногу. Но когда девочкой, — то плод у нее лежит в левой стороне живота; она с удовольствием слушает музыку и смотрит на танцы и сидя протягивает левую ногу. (Старинныя женския простонародныя замечания).

Если с утра дождь — то полдня дождь, с полдня дождь — весь день дождь. Если солнце закатывается безоблачно — день будет на завтра ясный. Если в туче дождевой крутая радуга — к ведру, пологая к сильному продолжительному дождю. Пузыри на лужах после дождя — к пущему дождю; или бабочки выскакивают — тоже к сильному дождю. Куры, вороны, галки ощипываются — к дождю. Куры и воробьи купаются в пыли — перед дождем. Кошка свертывается клубком — перед ненастьем. Камни отначивают перед дождем.

Если поперек дороги перебежит заяц — ждет полная неудача, даже лучше воротиться; тоже дурной признак — встретить попа, девку или кошку, а собаку или нищаго — хороший; если у нищаго полная корзина — еще лучше.

Если кто будет съедать каждый день по яйцу или по два, сваренныя в смятку и приправленныя горчицею и будет продолжать это месяца два, тот никогда не будет иметь ни геммороя, ни гемороидальных припадков.

Если во время метения пола обмести ноги парня, — то его не будут любить девки, или ему не найти невесты: невеста будет объезжать.

Если не мытыми руками брать хлеб — будут изжоги.

Если обтирать руки об скатерть, то на пальцах будут заусеницы, или сойдет с ладони кожа.

Если народится много жеребят — травы будут худы и зимою сено будет дорого.

Если во время святок погода стоит пасмурная, снежная, то и во время сенокоса — будет дождливая, сырая и хлеба худы и — наоборот.

Если летом парит в воздухе, как в бане (особенно после дождя) — перед грозой. Ворона ходит разинув рот и усиленно каркает — тоже. Зарница хлеб зорит т. е. — он выспевает.

Если весна холодная — осень будет теплая, потому и поговорка: «сеешь в шубе, жнешь в рубахе». Весна дождливая и протяжная — осень такая же и — наоборот.

Если ночь на Рождество звездная, такая же на Новый год и на Крещение — то летом будет много ягод и грибов.

Если кто сидя к нему (к месяцу) спиною играет в карты — то непременно проиграет.

Если кто перешагнет через дитя, играющаго или ползающаго на полу — то дитя худо рости будет.

Если голубь влетит в растворенное окно в комнату, верят, что это предвещает: или конец жизни кому нибудь в доме, или пожар.

Если хворый ложится на бок лицом к стене — умрет.

Если к дому, где лежит больной. Бабы проторят дорогу — то ему умереть.

Если при соборовании, свечи упадут камлем к порогу — то больной умрет.

Если крошки изо рта валятся — к смерти.

Если сонный отпыхивает — то умрет.

Если ожидают к умирающему священника с дарами, то кладут на столе нож, для острастки смерти.

Если Белаго голубя бросить на пожар — погастнет.

Если пчелы во время суровой погоды в ульях находятся в сильном движении и сильно жужжат, — предвещает хорошую погоду.

Если месяц очень чист и крутые имеет рога, то будет хорошая погода, а если имеет великие и темноватые рога — то надобно ждать дождя.

Если снег идет мелко и редко, то должно ожидать большой и долговременной стужи; когда же идет густой снег и хлопьями, тогда будет теплая погода.

Если в день именин неудачно испекутся пироги — то именинник умрет в том же году.

Если скатерть накрыта левой стороной к верху — есть не наесться.

Если после метения пола остались от веника листья, это признак того, что будут гости.

Если девушка не чисто вымела пол, — у нея будет «корявый» муж.

Если солнце с красною зарею заходит, то следующий день будет ясный.

Если солнце восходит с светлою зарею, то день, также будет ясный.

Если солнце восходит в тумане, — то бывает дождь.

Если каша в печи выплывает из горшка — то случится что-нибудь неприятное.

Ежели кто, выходя из дому и затворяя за собою дверь, сам, или кто другой, прищемит или прихлопнет оными полу или подол платья, то сие значит, что быть назади, то есть, опять возвратиться в тот дом.

Ежели кто, плюя, попадает к себе ненарочно на платье, то оное значит, что иметь ему неотменно в скором времени обнову, или терпеть напраслину.

Ежели кто за столом, положивши первый кусок в рот или пив первую рюмку, — поперхнется, — то сие значит, что кто-нибудь спешит к нему обедать.

Если кто, неся к печке дрова, выронит полено — быть гостям.

Если горящая головешка вываливается из печки — быть гостям.

Если ворон сядет на крышу дома — то будет покойник.

Ежели кто одевшись застегнет пуговицы не по порядку, то верят, что в тот же день быть ему пьяну или битому.

Ежели нечаянно просыплется на столе соль, то в тот день непременно в этом доме будет ссора.

Если кто за столом принужден будет подать другому соль, тот должен в эту же секунду засмеяться или улыбнуться, или бросить в солонку кусочек хлеба и сказать: «хлеб с солью не бранятся», а иначе последует ссора.

Если гуси и лебеди отлетают рано — быть скорой и прочной зиме.

Если в день 40 мучеников — морозное утро, то весной будет еще 40 утренников.

Если в Благовещенье день ясный, — то все лето будет красное.

Если найти камень с дырой и повесить в курятнике, то куры будут целы.

Если первый гром с полудня (с юга) — то грозное лето будет.

Если повесить убитую и засушенную сороку там, где много водится мышей, от сего в короткое время мыши все выведутся.

Если положить несколько пучков сушеных цветов чернобыльника и тысячелетника в такия места, где много водится тараканов и пруссаков, то в короткое время не будет их.

Если кто каждую субботу будет сожигать в печи веник, которым в продолжении целой недели мели пол там, где много

водится клопов, утверждают, что в короткое время не будет там ни одного клопа.

Если кто из охотников до употребления редьки или редиски, будет резать ее с низу, а не с верху, ножиком, начиная с ростка, то хотя и много ее употребить, отрыжки редечной не будет.

Если мыши проедят где-нибудь белье, — тому должно опасаться неприятностей.

Если ребенок не по летам умен или очень резв, то думают, что он недолговечен. Широкое темя у ребенка означает, что он живуч, а острое — признак недолговечности. Больших размеров голова вообще служит признаком большого ума, хотя и замечают, что не всегда большеголовые — умные. «Лоб широк, да в голове-то мох».

Если в деревне появилась горячка, то обыкновенно из того дома, где есть больные, не позволяют выходить никому и других туда не пускают, так что остающиеся здоровыми люди чуть что должны умирать голодною смертию. Если же в доме слегли все, то положение этих несчастных становится по истине ужасным. Причиною горячки, как и вообще всех острых заразительных болезней, признается: наказание Божие или «злое поветерье».

Есть примета, что если умерший смотрит, то скоро будет в доме еще покойник. Если умерли двое в один год, то не миновать и третьяго. Думают, что покойник все слышит, пока ему не бросят на глаза земли. — Ели на покойнике был металлический шейный крест, его снимают и надевают кипарисный, потому что Спаситель был распят на кипарисном кресте.

Ж

Жена, заставившая гневливого мужа своего носить при себе кусочек оленьего рога, будет иметь удовольствие видеть его постоянно в добром с собою согласии.

З

Золотая баба. — Богиня некоторых славян. Храм ея стоял при реке Обиго. В руках держала она младенца, называвшагося ея внукою; возле истукана лежало множество музыкальных орудий, от которых в храме повсеместно происходит шум. Она почиталась пророчицею и давала ответы. Никто не смел пройти мимо богини, не принеся ей какой-нибудь жертвы, а ежели ничего не имел, то вырывал у себя волос, подносил его к Золотой Бабе, кланяясь в землю, и этим думал ее умилостивить.

Зубы. — Когда у детей падают зубы, то велят ребенку стать к запечке задом и бросить зуб за печку, с следующею приговоркою: мышка, мышка, на тебе зуб репной, а ты дай мне костяной, веря, что от того зубы растут скорее и без всякой боли.

Закладывая избу, кладут под угол деньги для богатства, шерсть — для тепла, ладон — для святости.

Заговенье. — Суеверныя женщины в заговенье не шьют и верят, что от этого непременно сделаются заусеницы или ногтоеда неизлечимая.

Забыть гробовую крышку в том доме, откуда вынесли покойника, значит — быть в том доме другому покойнику в скором времени.

Звук церковнаго колокола в вечернее время бывает яснее или слышнее перед хорошей погодой. Если в летнее время вечером крикнуть в поле и происходит эхо — то следующий день будет хороший.

И

Изурочить. — Кто кому вдруг подивится, или скажет: слава Богу, здоровенек! И тот похудеет или занеможет, про того говорят, что он изурочил, что у него слово худо, а если кто поглядит только, и от того человек или скотина захворает, про того говорят, что он сглазил, что глаз у него не хорош, дурен, изурочлил.

Икать. — Если кто икает легко, то верят, что его в это время кто-нибудь поминает, а если тяжело, то его бранят.

Икнулось — по добру ли вспомянулось?

Икать тяжело — быть обругану, легко — помянул кто-нибудь.

Икона упадет — к покойнику.

К

Каша. — Когда варившаяся в печи каша выйдет на поверхность горшка и эта выпуклость будет иметь наклонение в зад печи, то это предзнаменует счастие и изобилие, а когда будет обращено к устью печи, то предвещает хозяину разорение дома и бедность.

Клад. — Когда в ночное время или днем покажется теплющаяся свечка или какое-нибудь животное, одним словом, что

бы ни было, то должно по этому животному или по этой вещи тихонько ударить, сказав: аминь, аминь, разсыпься, и тогда представившееся явление оборотится котлом или кубышкой с деньгами. Это называется кладом. Котлы обыкновенно находят по явлению какого-нибудь животнаго на поле, в лесу или в саду и такая экспедиция бывает опасна и сопряжена со многими страшными представлениями, ибо в то время, как вынимают котел, выбегают из лесу черти и кричат: режь, бей, губи! При таком случае берут всегда в помощь колдуна.

Клады зарывают в землю такие же суеверы и не объявляют об них даже при самой своей смерти. Они думают, что и на том свете могут пользоваться тем именем, которое при жизни утаили от других.

Кликуши. — По народному суеверию кликушами бывают испорченныя женщины, которыя, приходя как бы в неистовство, говорят всякий вздор, по временам кричат голосами разных животных и выкликают имя того, кто их испортил.

Колюка трава. — Когда дымом этой травы окурить ружье, то никакой колдун заговорить не может.

Кукушка. — Эта птица почитается суеверными людьми за предсказательницу. Сколько раз она прокричит, столько лет и остается жить тому человеку, которому она кукует!

Кусок хлеба. — Ежели кто, обедая или ужиная, отломит кусок хлеба, недоесть его и, забывшись, отломит другой, то это означает, что кто-нибудь из родных его терпит голод.

Когда отправляются куда-нибудь в путь, нехорошо, если печь открыта, если печь в это время топится, то ставят в устье лучинку, как бы закрывая ее.

Кто в дождь выедет — предвестье благополучной дороги, как и во всяком предприятии.

Кто божится напрасно, в шутку или без нужды, или во лжи, а также, кто имеет привычку сквернословиться — того, рано или поздно, постигнут несчастия.

Кто огорчает отца своего и мать свою, — тог непременно постигнут несчастия.

Когда встретивший тебя на дороге спросит: — куда ты идешь? — Надобно воротиться домой, иначе случится какая-нибудь неудача.

Кто призирает нищаго, тот никогда не будет богат.

Когда журавли высоко, тихо, без крика и правильно летят, то наверное можно ожидать ясной и сухой погоды.

Кто часто и много смеется, тот не без глупости, и не может ничего смолчать.

Кто очень мало смеется, тот остроумен и трудолюбив.

Кто плюнет на платье нечаянно — к обнове.

Курица на одной ноге — к стуже.

Когда каша варится в печи и выйдет на поверхность горшка и сия выпуклость иметь будет наклонение в зад печи, сие знаменует: счастие и изобилие, а когда в устье печи, то предвещает — разорение дома и бедность хозяину.

Кошка моется лапою, — то предвещает хозяину в тот день гостя.

Когда кошка спит подвернувши рыло под брюхо, то предвещает: летом — непогоду, а зимою — мороз.

Кровь кому во сне пригрезится, то значит, что имеет свидание с кровным, то есть — родственником, который приедет издалека.

Кусок хлеба, ежели кто обедая или ужиная, отломив, будет есть и, не доев его, забывшись, оставит и, отломит другой, то сие знаменует, что кто-нибудь из родных его терпит голод.

Когда собака завоет, то уверяют, что быть тому дому худо, а ежели на кого собака потянется, то предвещает ему обнову.

Когда от гор и лесов после тумана выходят пары, — то будет ненастье.

Красные облака, при восхождении и закате солнца бывающие, предвещают дождь.

Когда умершему шьют саван, то должно шить его редко, что называется «на живую нитку» и иглою не к себе, но от себя, ибо верят, что в противном случае, весь тот дом — вымрет.

Когда услышишь в первый раз кукование кукушки, то будешь богат весь год, если в то время была в кармане хоть какая-нибудь монета; если слышишь кукушку вправо от себя — жить благополучно и богато, а влево — то несчастливо, а если в сечь (в лицо) — то много лет здравствовать, а если в зад (позади себя) — то скоро умрешь. Когда кукушка кукует, загадывают: сколько раз она крикнет, столько лет проживешь.

Когда вынимают пироги из печи и пирог перевернется — к прибылому.

Когда человек выходит из избы и его колонут по спине рукой, хотя бы и нечаянно — счастья ему не будет.

Коли береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое; если ольха наперед — мокрое лето будет.

Коли грибовно, — так и хлебовно.

Кто носит в кошеле орех двойчатку — богат будет.

Кто при первой ласточке умоется молоком — бел будет.

Коли дети не живут — бери перваго встречнаго в кумовья.

Кто обрезывает ногти во вторник и четверг — тот получает заусеницы на пальцах.

Когда в левом ухе звонит, тогда наши друзья вспоминают нас, а если в правом, то — неприятели.

Кто нечаянно завидит свет в своем доме — жди счастья.

Кирпич выпал из печки — к худу.

Каша из горшка вылезает из печи — к худу, в печи — к добру.

Кукушка кукует на сухом дереве — к морозу.

Коли собака ночью воет, то перевернуть под головами подушку и сказать: «на свою голову», и она замолчит.

Когда собака крох не ест после больного, то он скоро умрет.

Конь воина обнюхивает — убитым быть.

Кто вербу посадит — сам на себя заступ готовит (умрет, когда из вербы можно будет вытесать лопату).

Кто умрет на пасху — яичко в руку.

Ком могильной земли к сердцу — скорбь отляжет.

Кто обмирал и был на том свете, тому под большим страхом запрещено говорить три слова, неизвестно какия.

Кто плесневелый хлеб ест — хорошо плавать будет и не станет бояться грозы.

Как осина задрожит — так и скот в поле сыт.

Крик филина по близости селения — к большой беде, к пожару.

Крик вороны на кровле предвещает в от день — снег или дождь.

Кто вставая утром надевает сапог или башмак на левую ногу, у того никогда не будут болеть зубы.

Курица петухом поет — не к добру; тогда суеверные хозяева свертывают ей голову и бросают чрез порог, приговаривая: «на свою голову, не пой курица петухом». Отсюда даже возникла пословица: «Ней пой курица петухом, не бранись баба с мужиком».

Кому вынется — тому сбудется, хорошему не минуется.

Кто ворожит, на того головою наложить.

Конь ко двору пришелся, — суседко колтун сколтунил.

Куры дерутся — к гостям.

Кошка моется, — гостей зазывает.

Кто при первом соловке скинет рубаху — того блохи не будут кусать.

Куры кричат на насести — к домашней ссоре.

Кто идучи домой споткнется — у того дома ссора.

Когда один хлеб вынут раньше прочих и разрежут, — то все хлебы испортятся.

Когда хлеб печется, не мети избы — спорынью выметешь.

Кузнечик кует: когда он заберется в покои и будет трещать, то это значит по народному поверью — выживает хозяев из дому.

Кто разорит гнездо ласточки — у того веснушки будут.

Когда ты бабушка ворожить стала, то тогда хлеба не стало.

Кто бел горюч камень-Алатырь изгложет, — тот мой заговор переможет.

Кудью да Кудефью волости — не изойдешь.

Коли дедушка не перезыват с собою в новую избу, то станет прокудить.

Коли домовой душит, то спрашивай: «к добру, аль к худу?» — замест ответа станет легко, или тяжело.

Каравай хлеба начинай резать с головы (с края, который несколько повыдался).

Кто сядет есть, не закрыв книгу — заест память.

Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся.

Кто родится в новолуние — живуч, долговечен.

Кум дарит крест, кума — ризки (или на крестик на ризки).

Когда собака перебежит дорогу, то беды нет, но и большаго успеха в лесу не будет.

Когда тело зароют, провожавшие покойника садятся на могилу, едят и пьют водку. Затем, уходя, берут собой земли с могилы, чтобы не боятся покойника. Вернувшись, открывают за-

слонку и смотрят в печь, а землю кладут в рукомойник и водою с этой земли умываются.

В Кадникове, чтобы не бояться покойника, когда гроб опущен в могилу, на него кидают платок.

Кому случается проходить мимо кладбища, где лежат его родные, тот останавливается и кланяется трижды. После каждой церковной службы считают долгом «привернуть» к покойнику на могилу и поклониться ему.

Кикимора — дух, имеющий вид девушки в белой рубахе или и в другой какой одежде; она живет в гумнах до святок, а после святок куда-то уходит. Видеть ее случается очень редко.

Крещенье в Кадниковском уезде зовется «водокрещение». В этот день крестят рукой или ножем по воздуху окна и двери в избе, а также ставят кресты мелом, краской или углем. Это делается во избежание того, чтобы не вошли кикиморы и нечистые духи, так как те и другие во время освящения воды кидаются всюду.

Л

Лошадь. — Когда лошадь в дороге распряжется, то думают, что в доме кто-нибудь сделался нездоров, а по большой части предполагают, что жена изменила мужу.

Лучина. — По народному суеверному верованию, ежели кто имеет привычку бить домашних своих лучиною, то весь его дом будет нездоров и все изсохнут, как лучина.

Леший. — Суеверные люди уверяют, что лешие бывают мужскаго и женскаго пола и представляются то в малом виде, то в огромной величине. Ходя между травою, становятся наравне с нею, а бегая по лесам, принимают рост выше столетних деревьев; кричат ужасным голосом, хлопают в ладоши и откликаются, когда аукают; обходят кругом ходящих по лесу людей, — чрез что затмевают их память, принуждают блуждать до ночи, а потом уносят в свои жилища.

Лешие вешаются в лесах по деревьям, у поселян, работающих в лесу, выпрашивают кусок пирога или хлеба, и взявши отходят и кричат: шел да нашел; крик этот сопровождается громким хохотом. Лешие уносят также маленьких детей в свои подземные жилища и там содержат их. Через несколько лет эти похищенные дети освобождаются посредством пения за них молебнов, если только они, бывши у леших в гостях, ничего не ели.

Лешие все косматые и большие охотники до женскаго пола. Уносимые ими дети бывают по возвращении дики и насилу привыкают говорить и с людьми обращаться. Лешие сами выносят их на то место, откуда взяли.

Ежели леший в лесу обойдет человека, и тот потеряет дорогу, то должен все, находящееся на нем платье выворотить и надеть наизнанку. Тогда пройдет сила обойдения, и человек, нашедши дорогу, по которой надобно выдти ему из лесу, может избавиться от лешаго.

Эти страшилища, наводящие ужас на людей своим неистовым хохотом, раздающимся во мраке дрмучих лесов, почитались у славян лесными богами.

Вотяки называют лешаго Алида и уверяют, что он имеет обыкновенное свое пребывание в лесах. У него одна только нога, да и та наизворот, один большой глаз и пребольшая титька, которую втискивает он людям в рот и тем их задушает.

Лягушка. — Яицкие казаки верят действительно, что ежели во время багрения на Урале рыбы попадается кому лягушка на багор, то тот во всю зиму ни одной рыбы изловить не может, хотя будет переменять багры и места.

Локоть когда свербит или чешется у кого, то значит — что спать ему на новом месте.

Лучина. — Ежели кто имеет привычку бить своих домашних лучиною, то весь его дом будет нездоров и изсохнут все так, как лучина.

Ложка, забытая на столе — к гостю.

Лоб свербит — челом бить: с правой стороны — мужчина, с левой — женщина.

Лист осыпаясь осенью с дерева лежит лицом к верху — к недороду на другой год, а изнанкой — к урожаю.

Лед весенний тонет — на тяжелый (безхлебный) год.

Лошади фыркают в дороге — к радостной встрече.

Левый глаз свербит — к слезам, правый, на любаго глядеть.

Ладонь чешется — по мнению суеверов: в тот день деньги считать, если правая — получать, левая — отдавать.

Ладонка. — В предохранение от колдовства и «сглаза» подвязывают на том же шнурке вместе с крестом также и сумочку с ладаном. А тот, кто «родился в сорочке», носит ее до смерти.

Лучина. — Есть у некоторых из простаго народа примета, что кто бьет домашних или детей лучиною — тому будет грех, потому что от этого может высушить всех семейных в доме.

М

Масляница. — Вместо приготовления себя воздерживанием к великому посту, простолюдины почти всю эту неделю имеют без снимания наполненный стол особым на этой неделе приготовляемым кушаньем, разнаго рода блинами, оладьями, преженцами и прочим, которое все вообще называется масляницею, и от утра до вечера, оставляя прочия упражнения, пьют и едят. Ходят ко всем для прощанья; а к кумовьям и к кумам носят пряники, и также большие косяки мыла, катаются на горках в различном и смешном одеянии, также в харях и масках. В последний вечер сырной недели не должно ни огня разводить, ни свеч зажигать.

Мертвец. — Пригрезившийся во сне мертвец значит, что будет снег.

Муравейник. — Должно найти пару лягушек, положить их в бурак, наделав в нем дырок, бросить в муравейник и бежать не оглядываясь, потому что произойдет великий крик от демонов, которые будут просить, чтобы бегущий оглянулся; но когда он оглянется, тогда сделается их добычею. Пришед через три дня, должно вынуть бурак и в нем окажутся одне косточки, между которыми найдутся вилочка и крючек. Эти вещи имеют особенную силу в чародействе. Кто хочет, чтобы какая-нибудь женщина его полюбила, тот должен потянуть неприметно крючечком за ея платье; если же хотят, чтобы женщина разлюбила, то стоит только отпихнуть ее вилочкой, и она в ту же минуту забудет того человека, который был любим ею.

Мухомор. — Камчадалы почитают этот гриб богом пьянства и обладателем злых зелий. Употребляющие мухомор бредят как в горячке; им представляются разныя видения веселыя или страшныя, смотря по различию темперамента. Одни пляшут, другие плачут, или находятся в великом ужасе, им скважины кажутся большими дверьми, а ложка воды — морем. Некоторым мухомор приказывает удавиться для того, что люди будут им дивиться, а другим утопиться или заколоться. Употребляющие этот гриб умеренно чувствуют веселье, ловкость, и отважность так как турки, которые наедаются опиума.

Мыши. — Торговые крестьяне и даже некоторые купцы верят, что ежели из купленнаго товара мышь в скором времени что-нибудь попортит, то товар скоро и с барышем сойдет с рук.

Младенцам не давать целоваться долго — немы будут.

Много комаров — готовь коробов (корзин на ягоды).

Много мошек — готовь лукошек (по грибы).

Младенец, родившийся в первое число, бывает долговечен.

Марион — темнокрасный, прозрачный и блестящи камень, привозится из Индии. Утверждают, что он, носимый на шее, имеет силу — прогонять падучую болезнь и меланхолию.

Мураши в доме — к счастию, кони ржут к добру.

Мыши изгрызут одежду — к смерти.

Мухи зимою в избе — к покойнику.

Мерку с покойника кладут с ним в могилу.

Много лет (жить) кукушка бабе накуковала, — да обманула.

Много раков — к хорошему улову рыбы.

Мышь укусит кого в дому, — тому неприятность или несчастие.

Мышь, если попортит какой-нибудь товар, — к скорой продаже или прибыли.

Мать старается кормить ребенка грудью как можно долее по примете, что пока кормит одного, новаго не понесет. «На сырое молоко живо пристанет». Иногда не отнимают ребенка от груди до трех лет.

N

Ногти. — Суеверы и по большей части так называемые старообрядцы и раскольники, остригая ногти, кладут их в особый мешочек; приказывают по смерти своей класть их с собою в гроб, веря несомненно, что на том свете спросят у них отчет во всяком остриженном или отрезанном куске их ногтя, а для того аввакумовцы заделывают ногти в перстни.

Бухарки красят у себя ногти на руках измятою гвоздикою в желтый цвет.

Не играй ножем — ссора будет.

Надобно всегда на случай иметь дома у себя осколок того дерева, которое разбито молниею. Маленький кусочек этого дерева, положенный на больной зуб — мгновенно исцеляет сего от боли.

На ночь избу попахать, чтобы ангелам было чисто прохаживаться.

Не клади пряслицы на стол, — 40 грехов наживешь.

Нос чешется — в рюмку глядеть; нос чешется — к старосте.

Нос чешется — к покойнику.

Нитку первоученку — пряха должна сжечь и съесть.

Не покидать ниток на веретене к воскресному и праздничному дню — чтобы не рвались.

Наседку сажать — нужно класть под нея яйца из шапки, или из шубы, вообще из меховой вещи, — чтобы было приплода больше.

Наседка сажает под себя цыплят — к ненастью.

Накануне Новаго года узнают судьбу следующим образом: ложась спать, крестят подушку и говорят: «что во сне увидится, то и содиется». Это вызывает вещие сны.

Не усмиренный конь бывает свиреп, — избалованный сын становится дерзким.

Найденную иглу, булавку или другое острое орудие, не должно поднимать, если оно лежит острием к нашедшему его.

Ножик туп — хозяин глуп, скатерка черна — хозяюшка глупа.

Не пей нападкой — подтолкнет чорт лопаткой (нападкой — ставши на колени, или легши на животе).

На себе платье зашивать, пуговку пришивать — пришьешь память.

Не плюй на право — там ангел хранитель, плюй на лево — там Диавол.

На правду чихается, на сон позевается.

Ногти цветут — к обнове, гостинцу, к перемене жизни.

На молодом месяце — рыба клюет.

На очеп (колыбельный) ничего не вешай — ребенок спать не будет.

Надетая в пятницу рубашка приманивает блох.

На сошествие Св. Духа развивают березки, бросают венки в воду: если тонет — к несчастию, плавает — к добру.

На Вознесение завивают березку: если она не завянет до дня Пятидесятницы, то тот, на кого она завита — проживет этот год; девка — выйдет замуж.

На Удоре, в Яренском уезде, младенца для крещения никогда не носят в церковь, а по старинному обычаю, всегда крестят дома. В кумовья, тоже по обычаю, берется первый попавшийся на улице. Если родился мальчик, при крещении бывает один крестный отец, а девочка, — то — одна крестная мать.

На могилу самоубийцы сыплют несколько пшеничных зерен и наблюдают издали: если птица не клюет, то не надо и поминать покойника, исключая Дмитриевой субботы да Всех Святых, когда покупают крендели и пряники и раздают людям, а богатые раздают яйца. (Одно яйцо стоит 40 поклонов). Если же видят, что птица клюет зерна, то кидают их и потом на могилу в продолжении года и даже двух, «сколько не напостынет». Рассказывают, что один самоубийца являлся во сне и просил не поминать его, потому что он от этого опускается глубже, говорил, что их шестеро носят сатану на голове, а подошвы их сосут.

На перекрестках черти собираются и играют в бабки или бьются на кулачках, любят тоже собираться на колокольнях, а в жаркую пору дня забираются под густыя нависшия вестви больших елей, где темно и прохладно; в городах собираются на чердаках и часто поднимают беготню и драку, и если войдут с огнем, то они обращаются в кошек и разбегаются. Чтобы разогнать чертей, надо их «изматюкать» (обругать по матерному); черти вообще не любят и боятся такого рода ругательств.

Навечерие Богоявления зовется в Кадниковском уезде «сочевником». В этот день варят в особом горшке кутью, состоящую из гороха с пшеницею с примесью сока из конопляннаго семени или меду. Молодыя девки берут кутью и, ходя по деревне, кидают кутью с ложки в лицо встречному. В сочельник все старые и пожилые не едят до вечерней зари, а когда звезды взойдут, напьются освященной воды и закусывают сочнем из ржаной муки.

На святках наряжаются всячески, кому как вздумается и надевают маски из бумаги или из бересты. Местами один из наряженных запасается большой корзинкой и стоит на улице, а ребятишки (тоже в личинах) в то время воруют в той избе, куда они зашли, хлеб или пироги и передают стоящему на улице. Кроме того, ребята нахватывают всевозможных вещей с повети: сани, пошевни, сохи, бороны, утаскивают куда-нибудь

под гору и сваливают в кучу. Так как считается, что на святках всем «вольно», т. е. можно делать, что угодно, то и взыскивать за такия шалости и ругаться хозяину нельзя, а лучше караулить свое добро, чтобы его не растащили и не изломали. Большие парни лазят на крыши и затыкают трубы соломой, перевертывают возы вверх полозьями и т. п.

О

Оборотни. — Ведьмы оборачиваются в разных животных и оборачивают в них на время других людей по злобе на них и в наказание.

Отламывать лишний кусок хлеба, когда есть недоеденный, означает по приметам старожилов, что кто-нибудь из родных того человека — голоден.

Обнова. — Ежели кто нечаянно плюнет себе на платье, то верят без сомнения, что иметь ему на себе в скором времени обнову, то есть: новое платье, шляпу, шапку, сапоги или проч.

О душах самоубийц думают, что оне идут к диаволу. «Душу диаволу отдал». Есть поговорка о самоубийце: «чорту баран».

Овинник обитает в овинах; это дух добрый. Когда засушивают овин в первый раз, то просят овинника, чтобы он все сохранил в целости от невзгод и напастей, а когда кончат работу, то кланяются и говорят: «спасибо тебе, батюшка овинник, послужил верой и правдой».

П

Плевать. — Ежели кто плюнет нечаянно на свое платье, то это значит, что иметь в скором времени обнову или терпеть напраслину.

Приметы. — Простолюдины утверждают, что если кто родится злым человеком, то на того природа кладет особый знак: он бывает или кос, или рыж, или картав; напротив того, кто хорош лицом, тот злым быть не может.

Пуговицы. — Если кто одевшись, застегнет пуговицы не по порядку, то верят, что в тот день быть ему пьяным или битым.

Пятница. — То есть, пятый день недельный, Пяток. Ежели кто в сей день и в Понедельник что-нибудь предпринимает, то успеха будто бы из того ожидать не должно; в этот день прясть и шить почитают бабы за грех, и ожидают в наказание или ногтоеды злой или заусеницы неизлечимой.

Переносье чешется — о покойнике слышать.

Прощаться или здороваться через порог — поссориться.

По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут.

Правая ладонь чешется — к прибыли, левая — к убытку.

Плевать на воду, все равно — что матери в глаза.

Подаренный нож или другое острое орудие — пресекает дружбу, почему многие, при подобных подарках, имеют обыкновение платить небольшую монет тому, кто будет дарить.

После утрени в первый день Пасхи ходят христосоваться с усопшими: зарывают яйцо в могилу.

Порожнюю зыбку не позволяют качать, чтобы ребенок спал хорошо, покойно; если же качать порожнюю, это вредно для ребенка и у матери от этого скоро родится другой ребенок; также не дают качать двоим разом. На качулю не весят пеленок, иначе дитя будет спать неспокойно. Если ребенок смеется во сне, это значит, что его «тешат ангелы».

Покойника обмывают непременно вдовы, в Кадникове мужчину обмывают мужчины же. Солому, на которой обмывали покойника, уносят за хлебные магазины или сжигают. Образ, стоявший перед покойником, опускается на воду. Местами щепки и стружки от гроба сжигают, местами же кладут в гроб, а что останется, зарывают в землю или бросают в реку. Если стружки от гроба принести в дом, то будет новый покойник. Если гроб сделают велик не в меру, или если, кладя покойника в гроб, заметят, что он еще не совсем окостенел, это есть признаки близости другого покойника.

При последнем прощании с покойником, один из родственников обходит три раза гроб с топором в руках, держа лезвие вперед; при последнем разе ударяет обухом по гробу и тогда уже гроб подымают и несут в церковь.

Покойника обмывают и одевают, как должно, но вместо верхняго платья надевают холщевую рубаху, разрезанную спереди и подпоясанную, а на голову шапку. В гроб кладут листья от веника, и в головы вместо подушки куделю. Гроб делают на улице под окном и все орудия кладут в гроб. Когда гроб внесут в избу и покойника опускают в гроб, то орудия вынимают. Щепки от гроба сгребают и сжигают, а все обмывавшие и одевавшие покойника греют у этого огня руки для того, чтобы руки потом не боялись холода. Когда покойника везут в церковь, то хозяин дома должен, наклонившись к земле, взглянуть из под саней на ноги лошади для того, чтобы лошадь потом не спотыкалась, или же в хомут втыкают иглу без ушей. Во время похорон на могиле раздают милостыню нищим, при чем бабы голосят. Есть поверье, что ангел покойника живет в доме 40 дней, и потому в это время никто не садится под божницу. Тут же на гвозде висит полотенце, до котораго никто не смеет дотрогиваться. В 40-й день одна или две бабы провожают ангела с хлебом, солью, пивом и голосят.

Производителем грозы считается повсеместно пророк Илия. Гром — это шум от его колесницы. Илия начинает преследовать

чертей и те прячутся, куда попало. Если человек не оградился крестом, Диавол залезет и в него, и тогда человек легко может быть убит молнией. В Васьяновской волости Кадниковского уезда, Ильинская неделя зовется грозною. В Тройчине того же уезда Ильин день празднуют по очереди — один год в одной деревне, на следующий год в другой и т. д.; в той деревне, где приходится праздновать, варят пиво, а в самый день праздника приносят образ Илии и служат молебны, почему это празднество и носит название «мольбы». Местами варится не пиво, а сусло.

После христовской заутрени (и обедни) бегут домой со всех ног (хотя бы несколько верст), потому что кто первый прибежит домой, «у того работа пойдет в году всех круче».

Р

Русалки — дьяволы женскаго рода, живущи в горах, реках и болотах. Оне имеют весьма долгие волосы; простаки уверяют, что часто их видят бегающими по горам и сидящими на берегах реки, где оне чешут длинные свои волосы, и когда только увидят оне человека, то тотчас бросаются в воду. Древние славяне почитали их богинями вод и лесов, поклонялись им и приносили жертвы. по мнению их, оне имеют весьма долгие зеленые волосы.

Руки дрожат — вор.

Ребенку до году из новаго холста рубахи не шить.

Ребенку не показывать зеркала, — чтобы не был пуглив.

Ранняя кукушка (прежде листа на дереве) — ворам неудача.

Руки, ноги, голову ломят, пальцы горят, мозоли болят — к ненастью.

Разбирать встречи да приметы — с печи не слезать.

Родится Пахом с большим костылем (Предсказание юродиваго о рождении Петра Перваго).

Родинка на таком месте, что самому видно — к худу, а не видно — к добру.

Рождественский сочельник местами зовется кутейником. Невесты гадают на кутье, возьмут ложку кутьи и плеснут на двери; кто после этого первый отворит двери и начнет что-нибудь говорить, то замечают предмет его разговора: соответственно этому будет и жених у гадавшей невесты. Местами за два дня до Рождества девицы сообща пекут пироги и каждая участница приносит с собою соль и рыбу. Пироги едят сами и угощают парней.

С

Собака воет. — Когда в котором доме собака завоет, то уверяют, что быть там несчастию; а ежели на кого собака потянется, то предвещает ему обнову.

Семик. — Этот день и следующие за ним еще три, древние славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при этом роскошь и веселие. Девки и бабы, собираясь хороводами, плясали и, свивая из ветвей венки, целовались сквозь оные с мужчинами, а потом бросали в воду, загадавши: ежели венок поплывет, то быть тот год замужем, а когда потонет, то остаться еще дома, а притом вмешивались тут и всякия любовныя действия в честь и жертву идолу Туру.

Сочевник. — Сии дни преданием церковным установлены для пощения, что и название значит, и набожные люди в эти дни воздерживаются от пищи, до звезды, то есть, до захождения солнечнаго; но наши простаки переменяют то в иное, и вставая рано, смотрят на звезды, которыя восхождением солнечным помрачиться еще не успели, и тут принимаются за

пищу, не поставляя себе преступлением сего предания и говоря, что они ели при звезде.

Стол. — Когда сядут за стол тринадцать человек, то должно одному непременно выдти вон, или четырнадцатого добавить, а тринадцати обедать никак нельзя, по уверению суеверов, которые желают выводить из того великия беды. Также ежели кто просыплет за столом столь, то предвещают из того неограниченную домашнюю ссору.

Стены трещат. — Ежели в каком доме, хотя бы то и в новом было, — трещат стены, то значит, что из сего дома живущим в скором времени перебираться должно.

Соли за столом подавать другому не должно, ибо верят без сомнения, что то бывает причиною ссоры, и когда необходимо случится то сделать, то, принимая, велят разсмеяться, отчего будто вся сила предвещания ссоры — разрушиться.

Суеверные люди во Франции и в Англии пятницу считают пагубным днем. Там никто из них не начнет дела в пятницу, так точно, как у нас в понедельник.

Строевой лес руби в новолуние, вырубленный на ущерб — сгнивает.

Сухой Март, а Май мокрый — делают хлеб добрее.

Сын от последних родов, слегка кусая больное место, избавляет от лажу в костях.

Скотину выгоняй в поле в первый раз (на Юрия) веткой от вербнаго воскресенья.

Самою заразительною болезнью считается «худая болезнь» — сифилис. Действительно, если в семье заболел один человек, то от него неизбежно заражаются все, так как и едят,

и пьют, и спят вместе, и парятся в одной печке. Пораженный сифилисом крестьянин живет дома и работает, пока не свалится, и не обращается за помощью к врачу или фельдшеру, и тем более не ложится в больницу, зная, что лечение сифилиса продолжительное. Домашнее же лечение этой болезни ограничивается обыкновенно питьем настоя «дорогой травы», т. е. сассапарели.

Столб пыли, вихрь, подымающийся на дороге, производится дьяволом, который начинает вертеться и подымает пыль. Если в такой столб, бегущий по дороге или по полю, бросить нож, то нож окажется в крови. Опыт этот, однако, очень опасен, так как раненый дьявол непременно отмстит. Если наклониться и взглянуть на такой столб между ног, то можно увидеть дьявола. В иных местах думают, что в каждом вихре заключены мужчина и женщина, которые «запрокляты». Если крикнуть «вызы, вызы!» вихрь становится злее, но если закричать: «натолку чесноку да в с...ку забью», то вихрь совершенно взбеленится и может наделать бед, например, кинуться на дом и сорвать крышу, сломить дерево или оборвать с него все листья, повалить всю рожь в поле и т. п.

Среда 4-й недели великаго поста зовется «средокресье», потому что исполняется половина поста. Вечером этого дня молодые парни стараются обмануть какого-нибудь подростка, говоря ему: «сядь под кузов, услышишь, как говенье переломится». Если тот поверит и сядет, то его обливают водой и потом смеются: «слышал, как говенье переломилось?»

Старыя помела выбрасывают в окно для того, чтобы хищныя птицы не хватали куриц. Если в избе развелось много тараканов, то баба берет помело и клюку между ног и в одной рубахе объезжает три раза свой дом, приговаривая: «гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством».

Т

Табак. — Раскольники траву сию почитают проклятою и ставят в тяжкий и непростительный грех ея употребление. Когда случится кому в их избе курить табак, то они после его курят трое суток безпрестанно ладаном; а где упало несколько крошек онаго, то те же трои сутки скоблят и моют оное место, дабы не токмо его, но и дух или запах оной вывесть совершенно.

Тараканы. — Эту гадину почитают предчувствующею, и когда в котором доме быть пожару, то уверяют, что все тараканы дня за два из того дома станицами выходят.

Так как в течение светлой недели двери в рай бывают отворены, также, как и царския двери в церкви, то кто умрет на этой неделе, пойдет прямо в рай. Во время христовской заутрени, когда в первый раз запоют «Христос воскресе!» все, что пожелаешь, — исполнится. Этим пользуются нередко и с дурными целями. Так, на возглас священника «Христос воскресе!» любитель играть в карты отвечает: три туза да козырная! И от этого ему весь год должно везти в игре. Про удачных охотников говорят: «верно он в христовскую заутреню просвиру разстрелил», что охотники и делают.

У

Уши горят. — У кого горят уши, того где-нибудь в то время переговаривают, то есть пересмеивают; когда же в ушах звенит, то, загадав что-нибудь, спрашивают: в котором уже звенит? И когда отгадывают, в котором ухе звенит, то непременно загаданное сбудется.

У кого вошка, у того и денежка. Что вошь, — то грош, что гнида — то гривна.

У счастливого волос, у несчастного — ноготь, т. е. у кого быстро растут волосы — человек счастливый, у кого ногти — несчастный.

У младенцев до году ногтей и волос не стригут.

«Уроди Бог повальный хлеб!» (приговаривают, когда валяют «попа», для урожаю, по ниве).

Уши свербят — по новорожденному у знакомых людей.

Уши разгорелись — кто-нибудь ругает.

Уши горят у кого-нибудь — про того судят.

Уголья скачут из печи — перед гостями, и угасает перед гостем.

У кого нет ресниц, тот считается чертом, или во всяком случае, весьма подозрительным человеком, так как «у нехорошаго нет ресниц». Подозрительными считаются и люди прихрамывающие, потому что дьявол, как известно, прихрамывает.

Узнать достоверно, был ли человек колдун, можно перед его смертью. В смертный час колдун или колдунья начинает бегать по избе, бросаться на что попало, кричать, петь, смеяться и т. п. Всякая колдунья должна перед смертью всех «своих» чертей передать другой колдунье или колдуну и наоборот. «Так черти от одного к другому и переходят». Если желают убить колдуна, то обыкновенными средствами этого сделать нельзя, а лишь вооружившись тележною осью. Для того же, чтобы колдун не мог вредить после своей смерти, ему надо подрезать жилы под коленками. Колдун нередко уносит спорынью (приполон) с хлеба. Для этого он обходит поле с серпом и сжинает по несколько колосьев в разных местах.

У покойника отрубают украдкой палец и с этим пальцем ходят воровать. Если обойти с пальцем дом, где есть мертвец, то все в доме уснут так крепко, что можно войти и делать что угодно, никто ничего не услышит.

Ф

Филин. — Птица сия почитается предвестницею пагубы, и когда, прилетев на кровлю чьего-либо дома, станет кричать, то кому-нибудь из того дома умереть вскоре, или чувствовать беду. Суеверы носят при себе ея когти, дабы привести себя в безопасность от чародейства.

Филин-птица в народе считается пагубною, потому что предвещает несчастие.

Филин когда прилетит и сядет на дом и начнет кричать — к несчастию; суеверные люди носят при себе его когти, чтобы охранить себя от несчастий.

Ч

Черныя книги. — Так называются мнимыя волшебныя книги, которыя содержат в себе дьявольския навождения; оне написаны волшебными знаками, а большею частию нолями или кружками; находятся всегда у волшебников, по которым призывают они дьяволов; когда же попадут они нечаянно не колдуну, то как скоро откроет он их, то приступит множество чертей, и начнут просить работы. Когда не может он им дать работы, если и даст, то легкую, которую они тотчас сделают, то утащат его в ад; а чернокнижники, зная по их науке, каких черти работ окончить не в состоянии, такия им и дают, например: приказывают вить канаты из песку, воды или из солнечных лучей, и таскать оными китов из моря, или другия какия тяжести, то черти более к ним и не пристают, понеже и за то наказаны бывают, что делать не умели.

Чистый Понедельник. — Так называется Понедельник на первой неделе великаго поста. Во многих городах по утру собираются кучами ребята и, держа в руках ухваты, кочерги, помелы и сковородни, обернутыя тряпицами, кричат, подходя к каждому дому: мы масляницу прокатали, святые вечера проиграли, мы рожествен пост про-

пряли. Свет наша Масляница дорогая, где ночес ночевала, под кустом на дорожке, ехали скоморошки, вырезали по пруточку, сделали по гудочку, и вы гудочки не гудите, и вы Масляницу не будите.

Чихать. — Когда придет кому какая-нибудь в голову мысль, а случится, что в то время нечаянным образом другой чихнет, то это значит, что задуманное действительно сбудется.

Через порог не здороваться — не беседовать.

Чихнешь в понедельник натощак — к подарку; во вторник — к приезжим; в среду — к вестям; в четверг — к похвале; в пятницу — к свиданию; в субботу — к исполнению желания; в воскресенье — к гостям.

Что-то позевывается, знать наши спать ложатся или ужинать садятся.

Чтобы иметь счастливый успех во всех своих предприятиях и избавиться бедствий, говорят, что нужно только списать и всегда носить при себе «сон Пресвятой Богородицы». Сей талисман находят у многих набожных старушек.

Чтобы приворожить жениха, надо прокормить его с заслонки, также и петуха, и при этом говорят: — «как бы эта заслонка держалась своего устья, так бы и петух держался своего дому».

Чтобы дитя раньше ходило — провести его по полу во время утрени Св. Пасхи.

Ш

Шапка-невидимка добывается следующим образом: надо найти цветок «адамову головку», который разцветает около Иванова дня, и положить его в церкви под престол, чтобы он пролежал там сорок дней. Затем, когда его вынут, он получает

такую чудодейственную силу, что, если держать его в руке, то будешь видеть дьявола, чертей, леших, словом — всю «отпадшую» силу. Тогда можно сорвать с лешаго шапку, надеть на себя и станешь так же невидим, как и леший. В этой шапке можно делать что угодно, никто не увидит и не узнает. Перед смертью надо бросить шапку в реку, чтобы черти взяли ее обратно.

Ять

Есть в потемках — дети воры будут.

Э

Эхо. — Когда кто кричит в лесу или на берегу реки, то эхо обыкновенно повторяет слова его. Суеверные утверждают, что это отзывается леший, имея намерение заманить в жилище свое того человека, который кричит или играет на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Ю

Юбка. — У замужней женщины при надевании юбка завернется, то это по суеверию баб считается, что в тот год та женщина родит.

Я

Яга-баба. — Под сим именем почитали славяне адскую Богиню, изображая ее страшилищем, сидящим в железной ступе, и имеющую в руках железный пест; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питает ею двух своих внучек, коих ей присвояли, и услаждается при том и сама пролитием крови.

Яйца. — Когда занимает кто яиц у кого для наседки, то через воду, то есть реку или канал переносить их не должно, уверяют, что плода от них ожидать уже будет невозможно; а когда кладут яйца под наседку, то полагают прежде в шапку, и из ней уже под курицу, веря, что от того все цыплята будут мохноногие и с хохлами. Делают еще и другое, но здесь сказать о том не прилично.

Ярко восходящее солнце и потом скоро темнеющее — предвещает дождь.

Яйца, под наседку назначенныя, не должно переносить через реку или канал, потому что от этого не будет цыплят, а нужно непременно в шапке переносить с места на место, чтобы куры были с мохнатыми ногами и с хохлами.

Ячмень на глазе. — Чирышек если сядет на глазу, то, чтобы он уничтожился, стоит только не в примету тому, кто его имеет, слегка плюнуть в больной глаз или поднести к больному глазу кукиш, говоря: «ячмень, ячмень! Вот тебе кукиш, что хочешь, то и купишь; купи себе топорок, секи себя поперек», — и уверяют, что от этого болезнь скоро проходит.

Народные хозяйственные приметы

Ай, ай, месяц Май,
Тепл, да холоден.

Уроди Боже всякаго жита по закрому, на весь крещеный мир.

Январь

5-е
Яркия звезды под Крещение породят белых ярок.

6-е
На Крещение день теплый — будет хлеб темный.

Если на воду идут (на Иордан) в тумане — хлеба будет много.
На Крещение мятель — на Святой мятель.
Метет снег (в этот день) хлопьями — к урожаю.
Звездная ночь — урожай на горох и ягоды.

8-е
Коли на Омельяна (Емельяна) подует от Киева — лето грозно.

10-е
На Григория Нисскаго иней на стогах — к мокрому году.

12-е
Солнце входит в знак Водолея.

18-е
На Афонасия ломоноса — береги нос (морозы).
Помело метлой на Маслину — придет государыня мятельная.
В полдень солнце — весна ранняя.

22-е
Тимофеевские морозы — ползимы.

24-е
На Аксинью полузимницу дорогу переметет — корм подметет.
Ведро — весна красная.
Какова Аксинья, такова и весна.

Февраль

Февраль бокогрей воду подпустит, а Март подберет.

2-е
На Трифона звездно — весна поздняя.
Сретенские морозы и оттепели.
Какова погода на Сретенье, такова и весна.
На Сретенье снежок — весной дожжек.

Капель — урожай на пшеницу.

От 3-го до 11-го — семь крутых утренников: три до Власия, четыре после Власия.

11-е
Св. Власия — сшиби рог с зимы.
Власьевские морозы.

15-е
Онисима Овчарника окликают звезды для плодородия овец.

28-е
Василия капельника.

Март

И Март на нос садится (мороз).
Ни в Марте воды, ни в Апреле — травы.
Коли в Марте снежок за долинами — урожай на огородину и ярицу.
Сухой Март обещает великое плодородие, а когда дождлив, то редко хороший урожай бывает.
Частые туманы в Марте предвещают дождливый год.

1-е
пролетье, Авдотья Плющиха, подмочи порог.
Пришли Евдокеи — мужику затеи.
Евдокия весну сряжает.
Красный день на Евдокии — урожай на огурцы и грузди.
Новичек на Евдокию с дождем — быть лету мокрому.
На Евдокею снег — урожай; теплый ветер — лето мокрое; северно — холодное лето.
С Евдокеи погоже — все лето пригоже.

С Евдокеи ветры и вихри.

Отколь ветер в Евдокеи, оттоль и во все лето.

2-е

На Федота нанос — все сено снесет (долго травы не будет).

4-е

Герасима гречевника.

Коли грачи прямо на гнездо летят — дружная весна.

9-е

Сорок мучеников — сорок утренников (впереди будет).

17-е

Алексея — с гор вода.

Каковы на Алексея теплые ручьи — такова и пойма.

25-е

Если до восхождения солнечнаго погода будет ясная во весь день, тогда можно надеяться плодороднаго года и изобильнаго сенокоса.

Весна на Благовещение — много морозов впереди.

На Благовещение дождь — родится рожь, мороз — урожай на грузди, гроза — к теплому лету и орехам, мокро — к грибам.

Зимний путь кончается или за неделю — до Благовещения или спустя неделю — после Благовещения.

Апрель

В Апреле земля преет.

Апрель с водою — Май с травою.

Апрель сипит да дует — тепло бабам сулит, а мужик глядит, что-то будет.

Мокрый Апрель предвещает хорошую пашню и изобилие в сенокосе.

Сухой Апрель предвещает для пашни и сенокоса не доброе.

1-е.
Марья зажги снега, заиграй овражки.
Коли розлив — травы много.

5-е.
Пришел Федул — тепляк раздул.

9-е.
Солнце входит в знак Тельца.

12-е.
Василья Парийскаго — весна землю парит.

15-е.
На св. Пуда — доставай пчел из под спуда.

16-е.
Ирина — сей капусту на разсадниках.

18-е.
На Козьму — сей морковку и свеклу.

23-е.
Егорий с росой, Никола с травой, Егорий с теплом, Никола с кормом.

Егорий с ношей, Никола с возом.

Юрий запасает коров, Никола коней.

Коли на Ярия березовый лист в полушку, к Успению клади хлеб в кадушку.

Юрий (Георгий) весну начинает, а Илия лето кончает.

На Юрья дождь — скоту легкий голод, а гречи не род.

На Юрья роса не надо овса; снег (крупа) — урожай на гречу.

Мороз — будет просо, овес и гречи хороши.

Ясно утро — ранний свет, ясный вечер — поздний сев.

30-е.

Теплый вечер и звездная ночь — к урожаю и ведрому (сухому) лету.

Май

Месяц Май — коню сена дай, а сам на печь полезай.

Коли в Мае дождь — будет и рожь.

Май холодный — год хлебородный.

Май холодный предвещает много сена.

Сухой и теплый Май — предвещает плодородие.

Если накануне Тройцына дня вечером прольется дождь, тогда можно надеяться на плодородие земли.

Если после Тройцына дня начнется прекрасная погода чрез три недели сряду, тогда можно ожидать изобилие древесных плодов.

1-е.

Коли на Еремея погоже — уборка хлеба пригоже.

2-е.

Борис — соловьиный день.

На Бориса — сам боронися.

Борис и Глеб — сеют хлеб.

5-е.

Ирины разсадницы.

6-е.

Иова горошника, россенника, большая роса — к урожаю огурцов.

8-е.

Ивана пшенишника.

9-е.

Николай вешний — праздник конюхов.

Лягушка квачет — овес скачет.

Сади картофель.

11-е.

на Мокия мокро или туманно — все лето мокро.

Всход солнца багряный — все лето грозное.

12-е.

Солнце входит в знак Близнецов.

13-е.

Лукерьи комарницы.

14-е.

Прошли Сидоры — прошли сиверы.

15-е.

На Пахомия бокогрея поздний овес и пшеницы.

Пришел Пахом — понесло теплом.

18-е.

Семь дев сеют лен.

Пришел Федот — берется земля за свой род.

Коли на Федота на дубу макушка с опушкой — будешь мерить овес кадушкой.

19-е.

На Ивана долгаго — сажай огурцы.

21-е.

На Олену — сей лен, ярицу, гречу, ячмень, сей огурцы.

Леонтия огуречника.

26-е.

С Иванова дня пошли медвяные косы.

29-е.

Феодосии колесницы.

Июнь

Конец полетья — начало лета.

Если в этом месяце ночи будут теплыя, тогда наверное можно ожидать изобилия плодов.

1-е.

Красно утро на Устина — красный налив ржи.

Дождливый и пасмурный день — урожай на лен и коноплю.

3-е.

На Луку полуденный ветер — к урожаю яровых; северозападный — к сырому лету; восточный — к поветриям.

На Троицкой неделе дождь — много грибов.

8-е.

Гроза на Федора летняго — плохая уборка сена.

12-е.

Солнце входит в знак Рака.

Петра солнцеворота, капустника.

Солнце на зиму, — лето на жары.

13-е.

Акулины гречишницы (гречиху сеют за неделю до Акулины, либо чрез неделю — после).

23-е.

Акулины купальницы.

24-е.

Ивана купала — 1-й покос.

До Иванова дня просите детки дождя у Бога, а после Ивана я сам упрошу.

Сильная роса на Ивана — к огурцам.

27-е.
На Сампсона сеногноя дождь — 7 недель дождь.

29-е.
С Петрова дня красное лето — зеленый покос.
Зарница хлеб зорит, коли дождь на Петров день — сенокос мокрый.
На Св. Петра день дождь — урожай не дурной, два дождя — хороший, три — богатый.

Июль

Сенозарник, страдник.
В этом месяце жары с умеренными дождями и ночными испарениями обыкновенно умножают плодородие хлеба и все скоро созревает.
В июле месяце следовало бы всем и каждому воздерживаются от употребления горячих напитков и забав, разгорячающих кровь.

1-е.
Начало покоса.
Кузьма и Демьяны пришли — на покос пошли.

8-е.
Коли на Казанскую черница (черника ягода) поспела — поспела и рожь.
Зажин ржи.

12-е.
Солнце входит в знак льва.
Св. Прокла — от росы поле промокло (великия росы).

19-е.
Коли на Марину мокро — страда (полевая работа) ненастная.

20-е.
Илья жниво зачинает, лето кончает.
Начинаются утренники.

На Ильин день до обеда — лето, после обеда — осень.

До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина дня пуд навозу (значит, хорошо сено скосить до Ильина дня, поспешить надо, а то гнить будет).

22-е.
На Марью — сильныя росы — льны будут серы и косы.

25-е.
Коли утренник холодный, и зима холодна.

29-е.
Пронеси Господи Калиника мароком (туманом), а не морозом.

Август

В этом месяце солнечное сияние обыкновенно споспешествует созрению всех произрастаний.
Овсы да льны в Августе смотри.

1-е.
Во что Маккавеи, в то и розговенье.
С перваго Спаса хорошая роса.

3-е
На Исакия вихри — к крутой зиме.

6-е.

Со втораго Спаса начало засева озими.

Пришел второй Спас, бери рукавицы про запас. (Значит могут и руки озябнуть).

Осенины.

10-е.

Коли на Лаврентия вода тиха, — осень будет тиха, и зима без вьюги.

15-е

Солнце входит в знак Девы.

Оспожинки, обжинки.

На Успенье огурцы солить, на Сергия капусту солить.

16-е.

Третий спас хлебный.

Молодое бабье лето (с 15-29).

Сей озими до Фрола.

18-е.

Фрола и Лавра — лошадиный праздник.

Начало утренников.

21-е.

Если будет день ясный, то надобно ожидать, что еще четыре недели будет хорошая погода.

23-е.

На Св. Лупа осень морозом лупит.

Первые заморозки (лупенские).

Коли брусника поспела и — овес дошел.

Сентябрь

Сентябрь зарешник. (Зарень)

Если в этом месяце много будет на дубах желудей, то много будет и снегу пред Рождеством.

Частые и большие туманы бывающие в сем месяце, особенно без ветру, причиняют различныя болезни людям, слабаго здоровья.

Много желудей — к теплой зиме и плодородному лету.

1-е

В Семен день — севалка с плеч.

Осенины, первая встреча осени.

Бабье лето по Спасов день (8 число).

Бабий праздник и бабьи работы.

Не постно оно, осень сухая.

Много тенетника — осень ясная, зима холодная.

8-е.

Малая пречастая Пассиков и Луков день.

Осенины. Вторая встреча осени.

11-е.

Всякому лету — аминь.

13-е.

Солнце входит в знак весов.

14-е.

Воздвиженье — кафтан с плеч сдвигает, тулуп надвигает.

Начало капустных вечеров, или капустников.

15-е.

Никиты гусепролета, репореза.

Стрижка овец.

18-е.

Коли журавли полетят, то будет на Покров мороз, а нет, то позже.

24-е.

Феклы заревницы — замолотки.

27-е.

Савватия — пчельника.

Октябрь

Этот месяц почти одинаковое имеет свойство с Сентябрем.

Октябрь — грязник, ни колеса ни полоза не любит.

Поздний листопад — на тяжелый год.

Коли лист дуба и березы упал чисто — легкий год, нечисто — к строгой зиме.

Лист ложится наземь вверх изнанкой (мохнатой стороной) — к урожаю.

Добрая отава — к озими.

Первый снег за сорок дней до зимы.

Ива рано инеем покрылась — к долгой весне.

1-е.

Покров — первое позимье.

Ветер с востока — зима холодная.

Не покрыт Покров снегом — не покроет и Рождество.

С Сергия зима начинается.

С Матрены (1 ноября) через четыре седьмицы становится.

9-е.

Иаков брат Господень, крупицу пошлет.

13-е.

Солнце входит в знак Скорпиона.

14-е.
На Грязниху порошиху — грязь 4 седьмицы до зимы.
Прасковьи Льняницы.

29-е.
Авраамия печерника, Настасьи стригольницы.

Ноябрь

Если выпадет снег на мерзлую землю, тогда наверное можно ожидать в будущем году хорошаго урожая хлеба.

Снегу надует — хлеб придует, вода разольется — сена наберется.

Мокрый снег на озимь, — тот же назем.

Без воды зима не станет.

Первый прочный снег в ночи и на мокрую землю.

Коли лед на реке становится грудами — будут хлеба груды.

1-е.
Козьма, Демьян с мостом — Никола — с гвоздем.
Козьма, Демьян — закует, Михайла раскует.

8-е.
Михайла с полумостом.
Коли на Михайла закует — на Николу раскует.

9-е.
С Матрены зима встает на ноги.

11-е.
Федор Студит, землю студит.

12-е.
Солнце входит в знак Стрельца.
Коли дождь — то оттепели до Введенья.

15-е.
Гурий на пегой кобыле (грязь и снег).
16-е.
На Матвея земля прее.

21-е.
Введенье ломает леденье.
Введенския оттепели.
Введенские морозы зиму не ставят.

26-е.
Юрий с мостом, а Никола с гвоздем.

Декабрь

Большой иней, бугры снега, глубоко промерзлая земля — к урожаю.

Коли снег привалит вплоть к заборам — плохое лето; коли есть промежуток — урожайное.

4-е.
Трещит Варюха — береги нос да ухо! (Мороз)
Варвара мостит, Савва вострит (или салит), а Никола гвоздит.
Коли в Николин день след заметает — дороге не стоять.

9-е.
Опока на деревьях — к урожаю.

12-е.
Спиридона Солнцеворота.
Солнце на лето — зима на мороз.

13-е.
Солнце входит в знак Козерога.

16-е и 17-е.

Иней — теплыя святки.

Коли на Агея сильный мороз, то он простоит до Крещения.

24-е.

Какова опока на деревьях, таков будет цвет на хлеб.

25-е.

Если от дня Рождества Христова до Богоявления будет прекрасная погода, то на будущее лето ожидайте всего в изобилии.

Ясный день — к урожаю.

Небо звездисто — к большому приплоду скота, к ягодам и гороху.

Тропинки черны — к урожаю гречи.

Народные приметы по солнцу и облакам.

Солнце с красною зарею заходит, а с светлою восходит — к ведру и ясному дню.

Красная вечерняя заря — к ветру.

В тучу, темное облако садится — к дождю.

В тумане — тоже.

Солнце при закате сияет — к большому ветру.

Тупые и редкие лучи солнца при закате или восходе — к дождю.

Светлое облако пред восходом солнца — хороший день.

Темноватое — пасмурный или дождливый.

Меняющее цвета облако — к дождю.

Красные облака — к дождю.

При полудневном ветре — к порывистому ветру и непогоде. Если же при этом лучи солнца темнеют — то ожидай грозы.

Кучею облака при восходящем солнце — к переменной погоде.

Из темнаго облака солнце появляется с большим жаром — к грозе.

Солнце парит и тишина в воздухе — к большой грозе и дождю.

Краснаго цвета солнце на восходе — к большому ветру.

Солнце в тумане — к дождю.

Различнаго цвета лучи восходящего солнца — к пасмурной или дождливой погоде.

Тоже предвещает желтый, белый или зеленый восход солнца.

Круг около солнца, не разделяющийся при исчезновении — к доброй и сухой погоде.

Если круг разорвется, то со стороны разрыва кольца будет ветер.

Если круг темноватый зимою — предвещает стужу, летом — дождь и ветер.

Круг зеленоватый или красноватый пред восходом или заходом солнца — дождь или ветер на несколько дней.

Ярко восходящее солнце, и потом скоро темнеющее, предвещает дождь.

Если солнце из темнаго облака восходит с большим блеском, то должно того дня ожидать грома.

Светлое сияние, во время дождей бывающее, означает перемену пасмурной погоды на хорошую.

Если солнце заходит в туче, из которой пред захождением солнца, или после захождения блистала молния, то на другой день бывает гроза с дождем.

Если после пасмурных или дождливых дней солнце без всяких облаков заходит, и при том повеет легкий восточный ветерок, тогда наверное можно ожидать продолжительной ясной погоды.

Если при захождении солнца покажется радуга слабаго цвета, тогда надо ожидать продолжительнаго дождя.

Когда солнце при захождении бывает красное, и этот цвет сообщает облакам, то последует бурная погода с дождем и это тем вернее бывает, чем чаще облака изменяются в цвете.

Приметы по луне

Если ветер в три дня обглядится, то весь месяц будет ведряный.

Когда месяц родится вниз рогами (с юга), то зимою будет теплый, а летом жаркий месяц; когда рогами вверх, то зимою холодный, а летом ветряный.

Рога к ветру, но нижний крутой, верхний отлогий, то первая половина месяца зимой холодная, летом ветреная; если же верхний рог круче, а нижний отложе, то та же примета на вторую половину месяца.

Рога луны остры и ярки — к ведру. Круты — к морозу. Отлоги рога — к ненастью.

Тусклый месяц — к мокроте. Ясный — к суху. В синеве — к дождю, в Красне — к ветру, с ушами — к морозу.

Ясная, кругловатая луна — зимой к стуже. Летом — к ведру.

Кольцо вокруг луны — к ветру.

По звездам

Когда млечный путь светит, то будет хорошая погода. Когда же кажется, что звезды в нем словно бегут, то будет ветер.

Черные круги около звезд — к дождю. Белые и красные — к ведру. Темные, зеленые и бледные круги — к дождю.

Сильно блестят звезды летом — к жаре. Зимой — к морозу. Темнеют — к переменной погоде, ветру и грозе.

Мало звезд видно — к пасмурной погоде и дождю, а откуда лучи звезд будут длиннее, — оттуда будет ветер.

Приметы по воздушным явлениям и другим физическим признакам

Гром зимой — к сильным ветрам.

Пушистые инеи — к ведру.

Вечерняя роса — к ведру.

Туман падает (не поднимается) — к ведру, поднимается — к ненастью.

Большие дождевые пузыри — к ненастью и пущему дождю.

Ранняя роса летом, а осенью иней — к ведру.

Дым столбом — к морозу или к ведру.

Когда дым без ветру бьет к земле, летом — к дождю, зимой к снегу.

Когда от гор и лесов после тумана выходят пары, то будет ненастье.

Если на равнинах и низких местах по захождении солнца густо разстилается туман, то ожидайте хорошей и ясной погоды.

Густой туман, ввечеру бывающий, предвещает на заре другого дня дождь.

Если при захождении солнца покажется радуга слабаго цвета, тогда надобно ожидать продолжительнаго дождя.

Если после дождя земля скоро сохнет, и сырость с камней скоро исчезает, то наверное можно ожидать продолжительнаго дождя.

Когда вовсе нет утренней росы, или когда столь много бывает, что как будто бы шел сильный дождь, то должно ожидать скораго дождя.

Шум волн с запада предвещает пасмурную и дождливую погоду.

Когда в тихую погоду вдруг сделается вихрь, который древесныя листья, солому и другия легкия тела поднимает на воздух, то последует дождь и бурная погода.

Если во время грозы молния часто блистает, а гром гремит очень редко, то должно ожидать повсеместнаго дождя.

Когда покажутся две или три радуги ярких цветов, то бывает продолжительный дождь.

Когда при восточном ветре густо стоят и большими отделениями поднимаются к верху, тогда должно ожидать тихой хорошей погоды.

Гром с скорым дождем не опасен, но чем чернее туча, тем больше дождя бывает.

Если больше грому, а меньше молнии, то со сторон большой бури ожидать должно.

Красная молния самая опасная, потому что она зажигает и убивает.

Если снег мелко и редко идет, то большой и долговременной стужи ожидать не должно. Когда же идет густой снег и хлопками, тогда будет теплая погода.

Когда нет морозов в последней половине Февраля и в первой половине Марта, то в Апреле и в первой половине Мая бывает стужа.

Приметы по чувствам животных

Скот ложится под кровлю — к ненастью, а на дворе — к ведру.

Свинья чешется — к теплу. Визжит — к ненастью; солому таскает — к буре.

Лошадь храпит — к ненастью, фыркает — к дождю, трясет головой и закидывает к верху — к ненастью.

Собака валяется — к ненастью.

Траву ест — к дождю.

Кошка лижется — к ненастью.

Кошка моется, лижет лапу — к ведру.

Кошка морду хоронит — к морозу, либо к ненастью; в печурку садится — к морозу, непогоде; скребет пол — к ветру и мятели; стену дерет — к непогоде; крепко спит — к теплу; лежит брюхом или рыльцем к верху — к теплу.

Когда журавли высоко, тихо, без крика и правильно летят, то наверное можно ожидать ясной и сухой погоды.

Когда комары при захождении солнца собираются на воздухе в виде кружащагося столба, тогда ожидайте хорошей погоды.

Когда пчелы далеко отлетают от своих ульев и даже по захождении солнца возвращаются — предвещает хорошую погоду.

Когда дождевые черви по захождении солнца во множестве выползают из земли, то верно будет худая погода и дождь.

Когда куры вечером раньше обыкновеннаго собираются в курятник, то верно на другой день последует дождь.

Когда свиньи безпрестанно визжат и таскают в хлев разный сор, должно ожидать дождя.

Когда овцы вечером не охотно и принужденно с пастбища идут домой, то должно ожидать дождя.

Когда вороны и лесныя птицы купаются в реках и озерах, то последует бурная погода и дождь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ... 5
Оглавление сказок ... 10
Русские народные сказки ... 15
Сказка о том: как старик богатый взбесился, на молодой Дарье женился, как Дарья им мудрила, себе обнов накупила, бороду ему ощипала, старые кости потрепала и как его похоронила, молодого мужа нажила ... 17
Сказка о том: как прикащики хозяевам угождают, рубли за сапог опускают, а гривны в ящике оставляют, сатану утешают; на хозяйские деньги лавки открывают и сами уж прикащиков нанимают ... 19
Сказка о Булате-Молодце ... 21
Сказка о золотом, серебряном и медном государствах ... 29
Сказка о сильном, храбром и непобедимом богатыре Иване-Царевиче и о прекрасной супруге его Царь-девице ... 33
Сказка об Иване-Царевиче и Жар-птице и Сером волке ... 43
Сказка об Иване-богатыре крестьянском сыне ... 59
Сказка о хозяине и работнике ... 75
Сказка о петухе и курах ... 80
Снежный ребенок ... 87
Смирный мужик и дурачливая жена ... 89
Забавная повесть о купцовой жене и о прикащике ... 98
Анфий да Марья ... 106
Сказка об утке с золотыми яичками ... 109
Сказка о семи мудрецах и о юноше ... 113
Василиса Прекрасная ... 119
Жар-птица ... 120
Сказка о том, как топили брата дурака ... 121
Сказка о работнике и черте ... 122
О блуждении души ... 123
Сказка о барине-покойнике и кучере Иване ... 124
Сказка о солдате и смерти ... 126
Старик и старуха ... 130
Иванко-Медведко ... 131
Набитой дурак ... 134
Глупая баба ... 135
Беззаботная жена ... 135
Беспамятный зять ... 136

Глупый народ 137
Сказка о Петре и Иване 138
Неверная жена 141
Как понамарь отдал свою пономарицу замуж 145
Фома Беренников 150
Маленькой дитинушка зелёненькой 152
Два брата и сестра 156
Илья Муромец 162
Русская народная сказка «Дурень» 165
Как мужик ходил к Солнцу 173
Сказка о царском сыне 176
Игрун-смельчак сын 179
Сказка о барине и лакее 185
Пьеница 187
Хитрость ленивой бабы 188
О жене-дуре 188
Два брата 189
Ротозей Ванька 190
Кот в сапогах 206
Сказка о семи Симеонах родных братьях 220
Сказка о трех королевичах 226
Сказка о Иване богатыре и его прекрасной супруге Светлане 235
Ангел Божий и прохожий 246
Судья Божья 247
Сказка об Олеше голопузом 248
Два брата, или судья 255
Сказка о мужике-воине 257
Михайло Трунщиков 263
Волшебница 267
Горыня, коромысло и Иван-богатырь 270
Ступай туда, неведомо куда, принеси то, неведомо что 272
О Нестерке 274
О Петрушке 277
Перушка Финиста-Ясна-Сокола 280
Дивий муж 286
Елена Прекрасная 289
Иван Премудрый 293
Настасья Прекрасная 300
Колдун 307
Колдун и его ученик 308
Колдунья 312
Иван купецкой сын 313
Проклятая царевна 317
Мальчик с пальчик 319

Дурень – бабин сын ... 320
Про трех сыновей ... 321
Иванушко дурачок ... 324
Про волдянку биляночку ... 326
Коток золотой лобок ... 327
Иванов цвет ... 329
Степан Богатый ... 330
Змея ... 332
Иван глиняный ... 333
Страшный ребенок ... 334
Колдун ... 335
Три покупки ... 335
Три копеечки ... 337
Работник ... 338
Про чорта и пастуха ... 341
Диво-дивное, чудо-чудное ... 343
Про солдата ... 344
Кузьма Скоробогатый ... 348
Кум разбойник ... 350
Калекин сын ... 351
Баба и волк ... 353
Немые дочки ... 354
Ванька-дурак ... 354
Иванушка дурачок ... 356
Кощей безсмертной ... 357
Емельян-дурачок ... 366
Ивашка – медвежье ушко ... 377
Бова Королевич ... 381
Лисица и дурак ... 395
Еруслан Лазаревич ... 403
Страшный Змей Горыныч ... 414
Сказка о некоем башмачнике и слуге его Притычкине ... 423
Загадки ... 431
Пословицы ... 466
Прибаутки, перегудки, припевы, присказки, скороговорки, счет и задачи ... 485
Свадьба сыча ... 485
Скороговорки ... 497
Припевы ... 500
Присказки ... 501
Счет и задачи ... 505
Народные присловья ... 512
Народныя поверья, приметы, предсказания, предразсудки и обычаи ... 540
О народных поверьях, приметах и проч. ... 541

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Корректор Е. Е. Панкратова
Дизайн и верстка С. Никонов
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 20.05.2015 г. Формат 84 х 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура Academy. Объем 32,8 усл. печ. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.

Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.

Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верою разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.

Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знанье. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов, 160 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.

Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.